Тонкая работа
Сара Уотерс
Захватывающая история любви и обмана.
Cosmopolitan

Тонкая работа
Сара Уотерс

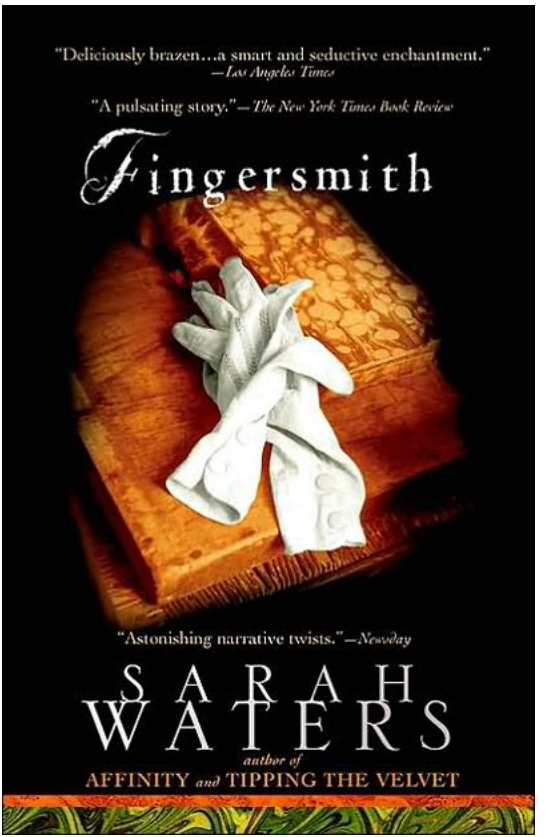
Аннотация
Сара Уотерс. Тонкая работа
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
  Глава четвертая
  Глава пятая
  Глава шестая
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  Глава седьмая
  Глава восьмая
  Глава девятая
  Глава десятая
  Глава одиннадцатая
  Глава двенадцатая
  Глава тринадцатая
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  Глава четырнадцатая
  Глава пятнадцатая
  Глава шестнадцатая
  Глава семнадцатая

Аннотация

Лондонский бедный квартал, вторая половина XIX века. Сью Триндер, сирота, выросшая среди воров и мошенников, не знает, что судьба странными узами соединила ее жизнь с юной наследницей богатого имения, живущего замкнуто и уединенно. И едва порог дома переступает неотразимый Джентльмен, начинаются приключения, захватывающие дух своей непредсказуемостью.

Сара Уотерс

Тонкая работа



Автор выражает признательность:

Ленни Гудингсу, Джули Гроу, Джудит Марри, Маркусу Хоффману, Бриджет Иббз, Кэролайн Хэллидей, Лоре Гоуит, Кейт Тейлор, Джоанне Калогерас, Джудит Беннетт, Синтии Херрап, Хирьяни Химоне и Веронике Раго.

Спасибо Дереку Джонсу и Линде Шонеси из «All Уатт», а также Мэри Маунт и Питеру Штраусу из «Пикадора».

Особая благодарность Рите Исаакс и Эндрю Моушену.

И отдельное спасибо Джону Кемпу за песни, которые он вспомнил; Дэвиду Хиллу за то, что он все читал и читал эту книгу, и Стивену Фостеру за то, что оставил книгу в покое.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Звали меня тогда Сьюзен Триндер, или просто Сью. Я точно знаю, в каком году родилась, но долгое время понятия не имела, в какой день, и потому привыкла считать днем своего рождения Рождество. Я сирота. Моя мать умерла. Я никогда не видела ее и совсем не помню. И если говорить о родственных чувствах, то матерью мне скорее была миссис Саксби, а вместо отца — мистер Иббз, державший слесарную мастерскую на Лэнт-стрит, в Боро,[1] недалеко от Темзы.

Помню день, когда я впервые всерьез задумалась о том, что за мир меня окружает и какое место в нем отводится мне.

Была у нас девочка по имени Флора, она давала миссис Саксби пенни за то, чтобы я попрошайничала вместе с ней на представлении. Меня вообще часто брали с собой попрошайничать — в детстве у меня были очень светлые волосы, Флора и сама была белокурой, и я вполне могла сойти за ее сестрицу. Театр, куда она меня пове-

---

[1] Примечания: 1

Квартал на южном берегу Темзы. (Здесь и далее прим. перев.).

ла в тот вечер, о котором идет речь, назывался «Цирк Святого Георгия».[2] Шла пьеса «Оливер Твист». Вспоминаю о ней как о кошмарном сне. Как сейчас вижу уступы галерки, обрывающиеся в пустоту. Пьяную тетку — она вдруг вцепилась сзади в тесемки моего платья. Помню мерцание огней, сцену, залитую зловещим тусклым светом, и завывания актеров, и визг публики. Был там один герой в рыжем парике и с рыжими усами, так я решила, что он — переодетая обезьяна, до того он выделывался. Еще там была мерзкая рычащая псина с красными глазами, но хуже их всех, вместе взятых, был хозяин псины — Билл Сайкс, сутенер. Когда он стукнул бедняжку Нэнси дубинкой, все в нашем ряду повскакивали с мест. На сцену швырнули ботинок. Какая-то женщина рядом со мной не выдержала и заорала:

— Ах ты, зверюга! Гад ползучий! Да ты и мизинца ее не стоишь, подлец!

Не знаю отчего: оттого ли, что все разом поднялись, рискуя обрушить галерку, или оттого, что тетки подняли визг, а Нэнси, мертвенно-бледная,

---

[2] Примечания: 2

Известный в Лондоне театр с долгой историей; до середины XIX века назывался цирком. Примечателен тем, что в представлениях участвовали дети, а в кульминационные моменты на сцену выпускали дрессированных животных.

упала к ногам Билла Сайкса и больше не шевелилась, только я вдруг почему-то жутко испугалась. Мне показалось, что всех нас теперь убьют. Я зарыдала, и Флора никак не могла меня успокоить. А когда вопившая рядом женщина вдруг повернулась ко мне и растянула рот в улыбке, я зашлась пуще прежнего. Тут и Флора заревела — ей ведь было лет двенадцать-тринадцать, не больше. Она отвела меня домой, и миссис Саксби влепила ей пощечину.

— Ну и к чему ты потащила ее на такое непотребство? — возмутилась она. — Усадила бы по-тихому на лестнице. Не для того я отпускаю с вами моих деточек, чтобы потом их приводили ко мне в таком виде, — глянь, аж вся посинела от крика, бедная. Тоже мне, игрушку нашла!

Она усадила меня к себе на колени, и я снова расплакалась.

— Ну хватит, хватит, птичка моя, — сказала она.

Флора стояла перед ней молча и все наматывала на палец длинную прядь волос, прикрывала пунцовую щеку. Миссис Саксби была страшна в гневе. Она смотрела на Флору, топала по ковру ногой в домашней туфле, покачиваясь в кресле-качалке — это было допотопное скрипучее

деревянное кресло, в которое никто не смел садиться, кроме нее, — и гладила меня по спине своей большой грубой рукой. Меня же всю трясло от рыданий. И вдруг...

— Знаю я твои штучки, — тихо произнесла она. Она и впрямь про всех все знала. — Что там у тебя? Пара утиралок, так? Пара утиралок и дамский кошелек?

Флора закусила прядь волос.

— Кошелек, — призналась она после короткой заминки. — И склянка духов.

— Покажи! — Миссис Саксби требовательно протянула ладонь.

Флора насупилась, но послушно сунула руку в прореху у пояса юбки и порылась там. Можете представить мое удивление, когда прореха оказалась вовсе не прорехой — в этом месте к платью был пришит потайной шелковый кармашек. Она вынула из него черный матерчатый кошелек и склянку с пробкой на серебряной цепочке. В кошельке оказалось три пенса и еще половинка мускатного ореха. Видать, все это Флора стащила у той подвыпившей тетки, что хватала меня за платье.

Когда откупорили склянку, запахло розами. Миссис Саксби понюхала.

— Не густо, — сказала она. — Разве это улов?

— Я бы еще нашарила, — Флора покосилась на меня, — если бы она не верещала.

Миссис Саксби качнулась вперед и влепила ей новую пощечину.

— Если бы я знала, что у тебя на уме, ты бы вообще осталась ни с чем. Так вот, послушай внимательно: хочешь жулить — бери любого другого ребенка. Только не Сью. Поняла меня?

Флора набычилась, но кивнула: мол, поняла. Тогда миссис Саксби продолжала:

— Хорошо. А теперь бери и спрячь как следует, не то нажалуюсь твоей матери, что ты гуляла с джентльменами.

Потом она уложила меня в свою постель — потерла ладонями простыню, чтобы согреть ее, подула на мои пальцы, чтобы согреть меня. Из всех своих воспитанников только со мной она так возилась, больше ни с кем.

— Ну как, Сью, теперь не боишься?

Но я боялась и честно в этом призналась. Сказала, что боюсь дядьки из спектакля, что он меня отыщет и стукнет своей дубинкой. Она ответила, что знает этого дядьку: он только притворяется.

— Это был Билл Сайкс, да? Он же из Клеркен-

велла,[3] — добавила она. — Он в Боро и носа не кажет. Боится нашенских парней — еще накостыляют.

Я сказала на это:

— Но, миссис Саксби! Вы даже не представляете, что он сделал с бедняжкой Нэнси! Как стукнет дубинкой — и убил!

— Убил? — удивилась она. — Кого? Нэнси? Да я час назад ее видела. У нее только синяк под глазом. Она волосы зачесала на лицо, кудряшками прикрыла, со стороны можно подумать, он ее и пальцем не тронул.

— А вдруг он опять ее побьет? — спросила я.

Она ответила на это, что Нэнси в конце концов одумалась и навсегда ушла от Билла Сайкса, что она встретила симпатичного молодого человека из Уоппинга и тот устроил ее в лавочку торговать табаком и леденцами на палочке.

Она отвела ото лба мои длинные волосы и расправила их по подушке. Как я уже говорила, волосы у меня были тогда очень светлые (правда, когда я подросла, они потемнели до каштанового), и миссис Саксби мыла их с уксусом и расчесывала до блеска. Теперь же она пригладила их и, взяв

---

[3] Примечания: 3

Лондонский квартал к северу от центральной части города.

одну прядь, поднесла к губам. И сказала:

— Если только Флора опять попытается сманить тебя на воровство — сразу говори мне, обещаешь?

Я пообещала.

— Вот и умница, — сказала она.

И ушла. Она унесла с собой свечу, но в двери оставила щелку, а занавеска на окне была из тюля, и в комнату проникал свет уличных фонарей. Так что было не очень темно, да и не сказать чтобы тихо. Этажом выше находилось несколько комнат, где время от времени собирались какие-то парни и девчонки: они смеялись и громко топали, бросали монеты, а то и вовсе плясали. В комнате рядом, за стенкой, жила сестра мистера Иббза. Она не вставала. Ей часто снились кошмары, и тогда она просыпалась и начинала пронзительно визжать. А по всему дому, уложенные в колыбельки валетом, как шпроты, лежали младенцы миссис Саксби. По ночам они в любую минуту могли поднять крик от малейшего шума. Тогда миссис Саксби обходила их с бутылкой джина и вливала каждому в ротик по капле, слышно было, как серебряная ложечка позвякивает о стекло.

Но в эту ночь комнаты наверху, похоже, были

пусты, да и сестра мистера Иббза не вскрикивала, и, вероятно, оттого, что в доме было так тихо, младенцы спали спокойно. Привыкшая засыпать под шум и гвалт, теперь я никак не могла заснуть. Все представляла злющего Билла Сайкса и мертвую Нэнси, лежащую у его ног. Откуда-то из соседнего дома донеслась грубая мужицкая брань. Потом церковные часы отмерили час — и таким странным казался их перезвон, заглушаемый порывами ветра. Я вспомнила о Флоре: интересно, болит у нее щека или уже прошла? Потом подумала: а где находится этот Клеркенвелл, близко или далеко отсюда, и как скоро может добраться до нас дядька с дубинкой?

У меня всегда было богатое воображение, даже тогда. Когда на Лэнт-стрит послышались шаги, смолкшие прямо под моим окном, а вслед за этим заскулила собака, заскребла когтями, а потом дверное кольцо в мастерской стало тихонько поворачиваться, я подскочила как ужаленная, хотела закричать и непременно бы закричала, если бы собака не залаяла. Лай был знакомый, не как у того красноглазого чудища из театра: это подал голос наш пес Джек. Он был отличный сторож. Потом я услышала свист. Билл Сайкс не мог так нежно свистеть. Это свистел мистер Иббз.

Он выходил за горячим мясным пудингом, чтобы поужинать с миссис Саксби.

— Все в порядке? — услышала я его голос. — Понюхай, какая подливка...

Что он сказал еще, я не расслышала и вновь улеглась. Должно быть, мне было тогда лет пять-шесть. Но я все это почему-то очень хорошо запомнила. Как лежала в постели, прислушиваясь к звукам из кухни: вот позвякивают вилки и ложки, вот брякает об стол тарелка, вот миссис Саксби вздыхает, снова и снова раскачивая скрипящее кресло да постукивая об пол ногой. И кажется, именно тогда я вдруг поняла — прежде мне это и в голову не приходило, — как устроен мир: что есть в нем злые Биллы Сайксы и добрые мистеры Иббзы, а также девушки Нэнси, которые могут оказаться с кем-то из них рядом. Как хорошо, подумалось мне, что я с теми, к кому в конце концов прибилась Нэнси. То есть на правильной стороне — там, где леденцы на палочке.

И только годы спустя, посмотрев «Оливера Твиста» еще раз, я поняла, что, конечно же, Нэнси погибла. Но к тому времени Флора уже стала заправской карманницей, цирк в Сарри был для нее тесен, она работала теперь в театрах и мюзик-холлах Вест-Энда и была в своем деле весьма

проворна. Правда, меня она с собой больше не брала. Побаивалась миссис Саксби, как, впрочем, и все остальные.

В конце концов она, бедняжка, попалась на попытке украсть дамский браслет, и ее отправили на каторгу как воровку.

Все мы в той или иной степени были воры. Только не такие воры, которые крадут, а такие, которые помогают обстряпывать всякие темные делишки. Если в первый раз я тупо таращилась, когда Флора извлекала из прорези в юбке кошелек и духи, то в последующие разы я этому уже не удивлялась, так как не припомню дня, чтобы кто-нибудь не заглядывал в мастерскую мистера Иббза со свертком или кульком — за пазухой, под шляпой, в рукаве или в чулке.

— Ну как, мистер Иббз? — бывало, спрашивал посетитель прямо с порога.

— Да так, сынок, — отвечал на это мистер Иббз (он слегка гнусавил). — Ну что, какие вести?

— Да нет вестей.

— Есть для меня что-нибудь?

Посетитель подмигивал:

— Есть, мистер Иббз, с пылу с жару, вас должно заинтересовать.

Разговор всегда начинался так или примерно

так. Мистер Иббз кивал, потом опускал жалюзи на двери мастерской и поворачивал ключ в замке — он был предусмотрительным и никогда не рассматривал краденое перед окном. За его прилавком была занавесь из зеленого сукна, а за нею — коридорчик, ведущий прямо в кухню. Если вор был из знакомых, мистер Иббз подводил его к столу.

— Ну давай, сынок, выкладывай, — говорил он. — Я ведь не для всякого на такое иду. Но ты старый знакомый, можно сказать, член семьи...

Ободряемый подобными словами, пришелец выкладывал свое добро на обеденный стол рядом с чашками и чайными ложками.

Случалось, что все это происходило в присутствии миссис Саксби, которая кормила младенца протертой кашицей. При виде ее вор снимал шляпу.

— Как дела, миссис Саксби?

— Ничего, дорогой.

— Как дела, Сью? А ты подросла!

Все эти люди для меня были словно волшебники — куда там, даже больше чем волшебники! Потому что из-под полы куртки или из рукава у них вдруг выпархивали изящные бумажники, шелковые носовые платки, часы или украшения,

а иногда на свет божий появлялись серебряные блюда, медные подсвечники, нижние юбки — порой даже целый ворох одежды.

— Добротные вещички, — говорили они, выкладывая добычу на стол для всеобщего обозрения.

Мистер Иббз потирал руки, всем видом своим выражая нетерпение. Но потом, рассмотрев вещи повнимательней, делал вдруг печальное лицо. А оно у него было очень приятное, такое честное-пречестное, щеки гладко выбритые, усики аккуратные. И когда такое лицо омрачалось, больно было видеть, просто сердце разрывалось.

— Ветошь, — заключал он и качал головой, щупая бумагу. — Очень трудно будет сбыть.

Или:

— Опять подсвечники. Как раз на прошлой неделе мне приносили дюжину превосходных подсвечников, после одной кражи в Уайтхолле. Ничего не смог с ними сделать. Никто не хотел брать.

И так стоял, понурясь, словно знает цену, но не решается назвать, чтобы не обидеть гостя. После некоторых колебаний все-таки называл — и вор вспыхивал от негодования.

— Но, мистер Иббз! — восклицал он. — Да к вам от Лондонского моста и то дороже было добрать-

ся. Давайте по-честному.

Но мистер Иббз в это время уже стоял у кассы и отсчитывал шиллинги, выкладывая их на стол: один, два, три... И бывало, замирал с четвертым в руке. Вор замечал блеск серебра: у мистера Иббза все монеты были всегда надраены, как раз на такой случай — и это было все равно что показать гончей зайца.

— А пять никак нельзя, мистер Иббз?

Мистер Иббз поднимал на него свои честные глаза и пожимал плечами:

— Я бы с радостью, сынок. С превеликой радостью. Если б ты и впрямь принес что-нибудь из ряда вон, я бы в долгу не остался. Но это, — и он указывал на россыпи шелка, ассигнаций или блестящей меди, — это все одна мишура. Этак я сам себя обворую. Или ты хочешь, чтобы я вырвал кусок хлеба у малюток миссис Саксби?

С этими словами он вручал вору его шиллинги, тот прятал их в карман, застегивал жилет и кашлял — или утирал нос.

И тогда мистер Иббз, похоже, менял гнев на милость. Он вновь подходил к кассе:

— Ты не голоден, сынок? Небось сегодня ничего еще не ел? — спрашивал он по-отечески.

Вор, как правило, отвечал:

— С самого утра ни крошки.

Тогда мистер Иббз вручал ему шестипенсовик и строго-настрого наказывал потратить его на завтрак, а не ставить на лошадь, и вор отвечал что-нибудь вроде:

— Золотой вы человек, мистер Иббз, просто золотой.

Имея дело с такими людьми, мистер Иббз выручал по десять-двенадцать шиллингов чистой прибыли, и все из-за того, что казался честным и справедливым. Потому что, разумеется, все, что он говорил о тряпках или о подсвечниках, была чистая чепуха: на такие вещи у него глаз наметан, можете быть спокойны. Когда дверь за спиной вора закрывалась, мистер Иббз подмигивал мне. Потирал руки и вообще заметно оживлялся.

— А теперь, Сью, — говорил он, — не могла бы ты почистить все это, чтоб блестело? И еще можно тебя попросить — если, конечно, у тебя есть свободная минутка и если миссис Саксби не потребуется твоя помощь, — не могла бы ты взять эти утиралки и поработать над вышивкой? Только тихонечко, очень осторожно, маленькими ножничками или булавочкой: это ведь батист, видишь? Если сильно дернуть, будет дырка...

Думаю, так я и выучила весь алфавит: не за-

писывая буквы, а спарывая их. Как выглядит мое собственное имя, я узнала, когда мне в руки попался платок с вышивкой «Сьюзен». Но что касается чтения, то у нас в обиходе этого не было. Миссис Саксби смогла бы прочесть что-нибудь в случае крайней необходимости, мистер Иббз умел читать и даже писать, но остальные обитатели нашего дома... Для нас это было все равно что... ну, скажем, говорить на иврите или делать сальто-мортале: может, это и нужно кому, например евреям или циркачам — они этим живут, а нам-то зачем?

Так мне тогда казалось. Хотя цифры я тоже выучила. Выучила, считая монеты. Хорошие монеты мы, разумеется, оставляли себе. Фальшивые слишком блестят, и их требуется натереть ваксой и жиром, прежде чем пускать дальше. Этому я тоже научилась. Шелк и лен нужно было умело постирать и погладить, чтобы вещи выглядели как новые. Драгоценности я оттирала до блеска обычным уксусом. На серебряной посуде мы ели, но лишь один-единственный раз, потому что на ней были вензеля и клейма, и после такого ужина мистер Иббз всегда собирал кубки и чаши и переплавлял их в слитки. То же он проделывал и с золотыми и оловянными вещами. Он не риско-

вал, в этом и было главное его достоинство. Вещи, попадавшие в нашу кухню в одном обличье, покидали ее преображенными до неузнаваемости. И хотя поступали они с парадного хода, со стороны Лэнт-стрит, — уходили от нас совсем другим путем: с черного хода. Улицы там никакой не было. Был лишь узкий крытый проход и тесный темный дворик. Когда попадаешь туда, кажется, что ты в западне. Однако выход был, надо только знать, где искать. Оттуда можно было выбраться в тесный проулок, а затем — на извилистую мрачную улочку на задворках, за которой виднелись арки железной дороги. Под одной из этих арок — сейчас уж не помню под какой — начиналась еще одна темная улочка, по ней, если вам нужно незаметно смыться, можно в два счета пробраться к реке. Несколько наших знакомых держали там лодки. На этих кривых улочках вообще жили сплошь свои люди — скажем, племянники мистера Иббза, которых я называла кузенами. С ними мы и сплавляли дальше по всему Лондону покражу, попадавшую к нам в кухню. Мы вообще могли сплавить что угодно, причем вы и глазом бы не успели моргнуть, честно. Могли даже лед перепродать в августовскую теплынь — он бы и подтаять не успел. Даже солнечный

свет в погожий день с легкостью бы перепродали — у мистера Иббза и на него нашлись бы покупатели.

Короче говоря, почти все, попадая в наш дом, выносилось с черного хода, причем молниеносно. И только одно застряло надолго, не примешавшись к общему потоку уплывающих с черного хода вещей, — то, чему мистер Иббз и миссис Саксби, похоже, не хотели давать цену.

Я говорю, разумеется, о себе.

И за это надо бы поблагодарить мою мать. С ней связана трагическая история. Она явилась на Лэнт-стрит под вечер, было это в 1844 году. Пришла она «тяжелая тобой, милая девочка», как говаривала миссис Саксби, — поначалу я это понимала так, будто моя мать принесла меня к ним то ли завернутую в тряпицу, то ли в потайном кармане под широкими юбками, то ли зашитую в подкладке пальто. Потому что я знала: она была воровка. «И какая воровка! — закатывала, бывало, глаза миссис Саксби. — Отчаянная! И притом красавица!»

«Правда, миссис Саксби? Блондинка?»

«Светлее тебя, худенькая, совсем как ты, лицо такое тонкое и бледное, как бумажка. Мы отвели ее наверх. Никто, кроме меня и мистера Иббза, не

знал, что она здесь: так она сама хотела. Сказала, что за ней охотятся полицейские, аж четыре отряда, и если найдут, то повесят. За что? За воровство. Но я думаю, дело обстояло гораздо хуже. Она была тверда как кремень, потому что когда рожала тебя, то ни разу даже не пикнула, ни слезинки не выдавила. Только глянула на тебя, поцеловала в маковку, а потом дала мне шесть фунтов за то, чтобы я подержала тебя здесь, — все монетки золотые, и ни одна не фальшивая. Сказала, что ей нужно доделать одно дело — и тогда, мол, она разбогатеет. Собиралась вернуться за тобой, как только заметет следы...»

Так преподносила мою историю миссис Саксби, и каждый раз в конце рассказа голос ее становился глухим и в нем появлялись дрожащие нотки, а на глаза наворачивались слезы. Потому что она ждала мою мать, а та все не приходила. Зато вскоре кто-то принес плохую весть. Дело, сулившее матери обогащение, обернулось против нее. Какой-то мужчина, пытавшийся спасти свои ценности, был заколот. Ножом моей матери. Ее дружок донес на нее. И полиция ее поймала. Месяц мать просидела в тюрьме. А потом ее повесили.

Повесили как убийцу, на крыше городской

тюрьмы. Миссис Саксби смотрела на казнь из окна той комнаты, где я появилась на свет.

Отсюда очень красивый вид — говорят, самый красивый во всем южном Лондоне. Люди даже платили нам, только чтобы поглядеть из этого оконца в день казни. Все другие девчонки визжали, когда дверца люка с треском падала, я же — никогда. Ни разу даже не вздрогнула и не зажмурилась.

— Это Сьюзен Триндер, — шептали, бывало, кивая на меня. — У нее мать повесили за убийство. Видите, какая храбрая!

Мне нравилось, когда так говорили. Кому бы не понравилось? Но дело в том — и теперь мне не стыдно в этом признаться, — что храброй я не была. Потому что храбрый человек в подобном случае должен побороть в себе скорбь. А как я могла скорбеть о ком-то, кого совсем не знала? Конечно, жаль, что моя мать кончила дни на виселице, но раз уж ей пришлось быть повешенной, то я была рада по крайней мере, что за такое стоящее дело, как убийство скряги, дрожащего над серебром, а не за что-то мерзкое, вроде задушенного младенца. А еще я думала: жаль, конечно, что она оставила меня сиротой, но ведь у многих девочек, с которыми я зналась,

были матери пьяницы или полоумные: дочери с ними не ладили и говорили о них с ненавистью. По мне, лучше уж мертвая мать, чем такая!

По мне, лучше уж миссис Саксби! Гораздо лучше. Ей заплатили за то, чтобы я пожила у нее месяц, а она продержала меня аж семнадцать лет! Если это не любовь, то тогда уж и не знаю... Она ведь могла сплавить меня в приют. Могла оставить орать в колыбельке до посинения. Но ничего этого она не сделала, а, напротив, так мною дорожила, что не пускала на воровство — чтобы полицейские не сцапали. И спать укладывала в свою собственную постель. И мыла мне волосы уксусом. Обращалась со мной, словно я сокровище какое, ну, там, бриллианты.

А я вовсе не была ни бриллиантом, ни даже жемчужиной. Волосы мои в конце концов стали обычные, как у всех. Лицо тоже — ничего особенного. Я умела открыть нехитрый замок, выточить к нему ключ. Могла, бросив монетку, определить по звуку, настоящая она или нет. Но это каждый сумеет, если научить. Рядом со мной были и другие дети — они появлялись, какое-то время жили в нашем доме, потом за кем-то из них приходили родные мамаши, кому-то подыскивали новых родителей, а некоторые просто умирали. Разу-

меется, за мной никто не пришел, я не умерла, вместо этого все росла и наконец выросла и могла сама ходить между колыбельками с бутылкой джина и серебряной ложечкой. Мистер Иббз, я заметила, стал посматривать на меня как-то по-новому, с интересом (будто оценил наконец, что я за товар такой, и диву давался, как это я так надолго у них задержалась и кому бы теперь меня повыгоднее продать). Но когда кто-нибудь вдруг заводил разговор о дурной крови, что, мол, кровь людская не водица, миссис Саксби хмурилась.

— Иди ко мне, моя девочка, — говорила она тогда. — Дай-ка на тебя поглядеть.

И принималась гладить меня по головке, разворачивала к себе мое лицо и смотрела долгим задумчивым взглядом.

— Вылитая покойница, ну как живая, — принималась она вспоминать. — Вот такими же глазами смотрела она на меня в ту ночь. Думала, вернется за тобой — и будет тебе богатство. Но кто же знал, кто же знал?.. Так она и не вернулась, горемычная... Но богатство твое все еще ждет тебя... Твое богатство, Сью, ну и наше заодно...

Так говорила она, и не раз. Когда была не в духе и тяжко вздыхала, когда вставала от колыбельки, со стоном потирая поясницу, она находила

взглядом меня, и морщины забот исчезали с ее лица, как будто мое присутствие служило ей утешением.

«Зато у нас есть Сью, — словно бы говорил ее взгляд. — Пусть нам сейчас нелегко. Но вот — Сью. Она-то нас и выручит».

Что ж, пусть себе думает что хочет, хотя у меня на этот счет были другие соображения. Я краем уха слышала, что у нее когда-то давным-давно был свой ребеночек — девочка, она родилась мертвой. И мне казалось, что именно это личико, личико умершей девочки, она видит, когда глядит на меня этим своим отрешенным взглядом. При мысли об этом мне порой становилось не по себе, потому что, согласитесь, довольно неприятно, что в тебе любят на самом деле не тебя, а кого-то совсем чужого, незнакомого...

Тогда мне казалось, я знаю о том, что такое любовь. И вообще про все на свете знаю. Если бы меня спросили, как я думаю жить дальше, я бы ответила, что хочу выхаживать детишек. Что, вероятно, выйду замуж — за вора или перекупщика. Когда мне было лет пятнадцать, один мальчишка подарил мне украденную пряжку и сказал, что мечтает меня поцеловать. Другой, чуть позже, повадился стоять перед дверью и насвистывать

«Дочь лудильщика»,[4] чем сильно меня смущал. Миссис Саксби быстро отвадила обоих. Она берегла меня пуще глаза, и в этом смысле тоже.

— И для кого, интересно, вы ее держите? — кричали мальчишки. — Для принца Эдди, что ли?

Думаю, люди, заглядывавшие на Лэнт-стрит, считали меня туповатой. В смысле не ушлой. Может, так оно и было, если мерить мерками, принятыми в Боро. Но мне самой казалось, что я достаточно пронырливая. Ведь невозможно вырасти в доме, где творятся такие дела, и не получить ни малейшего представления о том, что чего стоит — или может стоить со временем.

Вы меня понимаете?

Вы все ждете, когда же наконец начнется моя история. Да и я ждала — тогда. Но история моя уже началась — а я, как и вы, этого даже и не заметила.

Вот когда, кажется, она началась на самом деле.

Зимняя ночь. Несколько недель после Рождества, когда я отметила свой очередной день рождения. Мне семнадцать. Ночь выдалась тем-

---

[4] Примечания: 4

Ирландская баллада «Sullivan's John» о несчастной судьбе паренька, который полюбил дочь лудильщика.

ная, промозглая, с густым туманом и противной моросью — не то дождь, не то снег. Как раз для воров и перекупщиков: темными зимними ночами дела обделывать лучше всего, потому что простые люди сидят по домам, столичные щеголи отчаливают в загородные имения, а большие дома в Лондоне стоят запертые на замок, пустые, только и ждут грабителей. В такие ночи к нам всегда притекало много добра, а выручка мистера Иббза была больше обычного. Холод делал воров сговорчивее.

Нам же на Лэнт-стрит холод был не страшен, потому что помимо кухонного очага была у нас еще и жаровня мистера Иббза, он исправно поддерживал в ней огонь: в любой момент она могла понадобиться — что-нибудь перековать или вовсе расплавить. В ту ночь возле нее возились трое или четверо парнишек — они вытапливали золото из соверенов. Чуть поодаль восседала на своем кресле миссис Саксби, покачивая колыбель с парой малюток, и еще там были парень и девушка, жившие в нашем доме, — Джон Врум и Неженка Уоррен.

Джон был чернявый и худосочный парнишка лет четырнадцати. Он постоянно что-нибудь жевал. Думаю, это из-за глистов. В тот вечер он

грыз арахис, разбрасывая по полу шелуху.

Миссис Саксби сделала ему замечание.

— Веди себя как полагается, — сказала она. — Мусоришь тут, а Сью убирать за тобой.

На что Джон ответил:

— Бедняга Сью, прямо сердце кровью обливается.

На самом деле ему плевать было на меня. Это он из ревности. Он, как и я, был сирота, мать его умерла, и к нам он попал еще младенцем. Но был таким страшненьким, что никто не захотел взять его к себе. Миссис Саксби нянчила его лет до четырех-пяти, а потом отдала в приход — но уже тогда он был сущий сорванец и все норовил сбежать из работного дома. В конце концов она упросила одного капитана взять его на корабль, он сплавал аж до Китая и вернулся в Боро при деньгах, чем и похвалялся. Денег хватило лишь на месяц. Теперь он жил на Лэнт-стрит и выполнял поручения мистера Иббза, а кроме того, обделывал кой-какие свои делишки, а Неженка ему помогала.

Это была рослая рыжая девица двадцати трех лет, довольно простоватая на вид. Руки у нее были гладкие, белые, а как она шила — любо-дорого глядеть! Джон задал ей работу — нашивать

собачьи шкурки на ворованных собак, чтобы они казались попородистей.

Он был в деле с собачьим вором. Тот держал пару сук; когда у них начиналась течка, выводил на улицу, и породистые псы, забыв о своем хозяине, увязывались за ним. Потом делец возвращал собак хозяевам за десятифунтовую мзду. С охотничьими — это получается лучше всего, ну и с дамскими болонками тоже можно сговориться. Хотя попадаются такие хозяева, которые ни за что не заплатят — даже если отрежете собаке хвост и пошлете им его по почте, все равно не получите ни гроша, такие жестокосердые, — ну и вот, тех собак, которые остались невостребованными, этот Джонов приятель душил и продавал ему за бесценок. Что Джон делал с мясом, не знаю, — наверно, продавал как крольчатину или съедал сам, — но шкуры, как я уже сказала, он оставлял себе, и Неженка нашивала мех на обычных дворняжек — их он потом продавал как породистых на Уайтчепелском рынке.[5]

Из меховых обрезков она шила ему шубу. В тот вечер она как раз этим и занималась. Верх почти закончила: ворот и плечи были готовы и

---

[5] Примечания: 5

Уайтчепел — один из беднейших районов лондонского Ист-Энда.

даже рукава, и шубейка уже получалась из сорока псин. Все это ее рукоделие издавало жуткий запах — она сидела у огня,— и наш домашний пес (не сторожевой, Джек, а другой, каштановый, которого назвали Чарли Хвост, как того вора в стишке[6]) весь извелся.

Время от времени Неженка показывала нам свою работу, чтобы мы оценили, как ладно у нее получается.

— Джон, правда, повезло Неженке, что ты не каланча? — заметила я, когда она в очередной раз продемонстрировала нам шубейку.

— Это тебе повезло, что ты еще не труп, — ответил Джон. Он был коротышкой и стеснялся этого. — Как это мы недоглядели? Надо нашить кусок твоей кожи на рукава, а еще лучше на манжеты, чтобы нос вытирать. Там тебе самое место, рядом с бульдогом или боксером.

Он достал нож, который всегда носил при себе, и провел пальцем по лезвию.

— Я вот все думаю, — проговорил он, — может,

---

[6] Примечания: 6

Имеется в виду дразнилка из «Стихов Матушки Гусыни», но нельзя сказать, что речь там идет о воре, просто, наверное, Сью в детстве всех по привычке считала ворами. Стишок этот в переводе звучит так:

Чарли Хвост сел на мост.

Съел пирожок, потерял кошелек.

прокрасться к тебе ночью да и срезать кусок твоей шкуры, пока ты спишь? Как, Неженка, пришьешь такой кусочек?

Неженка, закрывшись ладошкой, пронзительно заверещала. На руке у нее было кольцо, правда великоватое, и, чтобы оно не спадало, она намотала на палец нитку — нитка вся почернела от грязи.

— Ну и шуточки у тебя! — сказала она.

Джон ухмыльнулся и стал постукивать кончиком ножа о сломанный зуб. Миссис Саксби сказала:

— Хватит, или получишь по башке. Я не позволю тебе пугать нашу Сью.

Я вскинулась: да если бы я пугалась всякой малявки вроде Джона Врума, я бы давно перерезала себе горло. Джон ответил, что с удовольствием поможет мне в этом. Тогда миссис Саксби качнулась вперед вместе с креслом и влепила ему затрещину — точно так же она ударила когда-то бедняжку Флору, а случалось, бивала и других — и все из-за меня.

Джон на миг застыл — мы подумали, даст ей сдачи, но нет, он повернулся ко мне — верно, в отместку хотел стукнуть меня. А тут как раз Неженка вскочила со стула, так что он ударил ее.

— Ума не приложу, — оторопел он, — почему это все против меня.

Неженка расплакалась.

— Не обращай на них внимания, Джон, — сказала она, закрываясь рукавом, — они ругаются, но я-то всегда с тобой...

— Ты-то со мной, это верно. Как дерьмо с лопатой. — Он оттолкнул ее руку, и она снова села в углу — горбиться над собачьей шубейкой и поливать швы слезами.

— Ну-ну, Неженка, перестань, — сказала миссис Саксби. — Работу испортишь.

Неженка еще с минуту поплакала. Один из мальчишек, что возились у жаровни, обжегся горячей монеткой и выругался. Джон закинул в пасть очередной орех и выплюнул скорлупу на пол.

После этого все сидели тихо, и так продолжалось примерно с четверть часа. Чарли Хвост лежал у огня и подергивался, наверно, гонялся во сне за пролетками. Хвост у него был сломан — однажды угодил в колесо кеба, прямо между спиц. Я достала карты и стала раскладывать пасьянс. Неженка шила. Миссис Саксби дремала. Джон сидел и с виду бездельничал, но время от времени поглядывал на мои карты и давал советы, куда

какую положить.

— Вальта пик на сучку червей, — подсказывал он. Или: — Ты что делаешь? Ты что, совсем тупая?

— А ты не лезь! — огрызнулась я, продолжая раскладывать карты по-своему.

Колода была старая, карты замусоленные. Прежний владелец мухлевал с этой колодой, за что и был убит в драке. Я сделала раскладку в последний раз и чуть подвинула стул, чтобы Джону было не видно, как они легли.

В конце концов один из младенцев вдруг проснулся и запищал, а Чарли Хвост вскочил и залаял. От внезапного порыва ветра пламя в очаге взметнулось ввысь, а дождь ливанул по углям, и они зашипели.

Миссис Саксби открыла глаза.

— Что это? — спросила она.

— Что «что это»? — переспросил Джон.

И тут мы все это услышали: невнятный глухой стук где-то на заднем дворе. Потом отчетливо послышались шаги. У кухонной двери шаги стихли, с минуту была тишина, а потом в дверь постучали: сильно, требовательно, уверенно.

Бух-бух-бух. Вот так примерно. Как в театре, когда является призрак мертвеца. Вор так не

стал бы колотить, вор стучится легонько, чуть слышно. Мы всегда могли по стуку определить, по какому делу к нам пожаловали. Но тут было что-то непонятное — думай что угодно. И даже самое нехорошее.

Мы переглянулись, и миссис Саксби вынула дитя из колыбели и прижала к груди, чтобы не слышно было плача. А Джон схватил Чарли Хвоста за пасть и крепко сжал. Ребята у жаровни сидели тихо, как мышки.

Мистер Иббз шепотом сказал:

— Мы кого-нибудь ждем? Мальчики, спрячьте это добро. Ничего, что обожжете пальцы. Если это «синие»,[7]мы пропали.

Они принялись собирать соверены и золотишко, какое удалось вытопить, и складывать все в носовые платки, а платки засовывали под шляпы и в карманы брюк. Один из мальчишек, Фил, самый старший из племянников мистера Иббза, быстро подошел к двери и встал за дверью, у косяка. Руку он держал за пазухой. Он два срока отсидел в тюрьме и божился, что третьего раза не будет.

Стук повторился.

---

[7] Примечания: 7
«Синими мундирами» называли полицейских.

Мистер Иббз сказал:

— Все чисто? А теперь спокойно, мальчики, спокойно. Сью, дорогая, как ты смотришь на то, что я попрошу тебя открыть дверь?

Я глянула на миссис Саксби и, когда та кивнула, подошла к двери и отодвинула засов. Дверь резко распахнулась мне навстречу, словно снаружи на нее навалились всем телом, — Фил так и подумал, потому что я заметила, как он, еще сильней вжавшись в стену, достает из-за пазухи нож. Но всему виной был ветер — ворвавшись в кухню, он задул половину свечей, взъерошил пламя в жаровне, разметал по полу карты. А в дверях стоял человек, весь в черном, мокрый с головы до пят, у ног его — кожаная дорожная сумка. В темноте трудно было его разглядеть — черная тень от полей шляпы падала на глаза, так что видны были лишь бледные впалые щеки да усы. И если бы он не заговорил, я бы ни за что его не узнала.

А сказал он следующее:

— Сью! Никак это Сью? Боже мой! Я сорок миль преодолел, только чтобы увидеть тебя. Может, не будешь держать меня на пороге? Промерз до костей.

И лишь после этих слов я его и узнала, хотя не видела больше года. Ни один из мужчин, по-

являвшихся на Лэнт-стрит, не говорил так, как он. Его звали Ричард Риверс, или Дик Риверс, а иногда Ричард Уэллс. Однако мы зовем его по-своему, и это домашнее имя я сейчас и произнесла, когда миссис Саксби, видя, что я стою и хлопаю глазами, вопросила:

— Кто же это, наконец?

— Это Джентльмен, — ответила я.

Конечно, произнесла я не совсем так, как сейчас говорю: не как богатые произносят, четко выговаривая все звуки, а так, как будто слово это было рыбкой, а мы ее разрезали: Дженмен.

— Это Джентльмен, — сказала я, и Фил тут же убрал нож, сплюнул и пошел назад к жаровне.

Миссис Саксби встрепенулась, при этом младенец отвернул красное личико от ее груди и снова открыл рот.

— Джентльмен! — вскричала она.

Младенец заверещал, а Чарли Хвост, которого Джон отпустил, с лаем метнулся к Джентльмену и стал наскакивать на него, пачкая лапами пальто.

— Ну ты нас и напугал! Неженка, зажги свечки-то. И поставь воду греть для чая.

— А мы решили, что вы — «синий», — сказала я, когда Джентльмен вошел в кухню.

— Я и правда чуть не посинел, — отвечал он.

Он поставил на пол свою сумку, передернул плечами, снял шляпу и перчатки, потом снял промокшее пальто — от ткани сразу повалил пар. Потом потер руки и пригладил волосы. Он носил длинные волосы и длинные усы, и теперь, побывав под дождем, они развились и казались еще длиннее, темнее и глаже. На пальцах его блестели кольца, а в кармане жилета — часы с драгоценным камнем, на длинной цепочке. Я могла и не приглядываясь сказать, что часы и кольца не из чистого золота, а камень — стекляшка, но, хоть и подделка, все равно это была очень тонкая работа.

После того как Неженка зажгла свечи, в комнате стало светлее, Джентльмен огляделся по сторонам, потирая ладони и одобрительно кивая.

— Добрый вечер, мистер Иббз, как поживаете? — произнес он весело. — Как дела, мальчики?

Мистер Иббз ответил:

— Спасибо, хорошо, золотой мой.

Мальчики ничего не ответили.

Только Фил сказал, обращаясь в пустоту:

— Он ведь вошел с заднего хода?

И другой парнишка ответил ему смешком. Эти

мальчишки всегда думают, что мужчины вроде Джентльмена — педики.

Джон тоже засмеялся, громче остальных.

Джентльмен посмотрел на него:

— Привет, блоха. Что, потерял свою мартышку?

Лицо у Джона было такое смуглое, что все принимали его за итальянца. Теперь же, после слов Джентльмена, он скорчил рожу.

— Поцелуй меня в зад, — сказал он.

— Разрешаешь? — улыбнулся в ответ Джентльмен.

Потом подмигнул Неженке:

— Привет, красавица!

И она потупилась.

Наклонился к Чарли Хвосту и потянул его за уши.

— Привет, Хвостяра. Где полиция? А? Где полиция? Ну-ка проводи их! — Чарли так и взвился.— Хороший мальчик. — Джентльмен погладил пса. — Хороший мальчик. Молодец.

Потом подошел к креслу миссис Саксби. Сказал:

— Приветствую вас, миссис С.

Младенец, проглотивший порцию джина, затих. Миссис Саксби подала гостю руку. Джентль-

мен взял ее руку и поцеловал — сначала суставы, потом самые кончики пальцев.

Миссис Саксби попросила Джона встать со стула:

— Пусть Джентльмен сядет.

Джон насупился, но встал и пересел на место Неженки. Джентльмен сел и вытянул ноги к огню. Он был высокий, и ноги у него были длинные. Рядом с ним Джон казался просто малявкой.

Миссис Саксби не сводила с него глаз, а он, зевая, все потирал руки. Поймав ее взгляд, улыбнулся.

— Ну вот и славно, — сказал он. — Как идут дела?

— Да помаленьку, — отвечала она.

Младенец лежал тихо, а она поглаживала его, как когда-то меня.

Джентльмен кивнул.

— А этот малютка, он приемыш или свой?

— Приемыш, разумеется, — отвечала она.

— Это он или она?

— Он, слава те господи! Еще один бедный сиротка, которого мне приходится собственноручно выхаживать.

Джентльмен наклонился к ней ближе.

— Хорошо ему! — сказал он и подмигнул.

— Ох! — воскликнула миссис Саксби и зарделась, как роза. — Не шутите так!

Да, педик не педик, а вогнать женщину в краску он умел.

...Мы называли его Джентльменом, потому что он был действительно из благородных — с его слов, когда-то ходил в настоящую школу для благородных, и у него были отец, и мать, и сестра, чье сердце он, можно сказать, разбил. У него когда-то водились деньги, но он все проиграл, и папаша его заявил, что больше он от семьи не получит ни цента, поэтому ему пришлось добывать деньги старым проверенным способом — воровством и мошенничеством. И этот образ жизни так к нему пристал, что мы думали, должно быть, у них в роду — ну, когда-нибудь давным-давно — была дурная кровь, вот ее-то он и унаследовал.

Он умел рисовать и даже одно время подделывал картины, когда жил в Париже. Потом это дело накрылось, и он, кажется, целый год переводил французские книги с французского на английский — или английские на французский, не имеет значения, и при этом каждый раз слегка их переделывал и придумывал для них разные названия, так что из одной и той же истории получалось у него до двух десятков новых. Но

вообще-то по большей части он занимался чистым мошенничеством, был шулером в больших игорных домах, потому что все-таки был вхож в высшее общество и производил впечатление честного человека. Дамы — те просто были без ума от него. Три раза он чуть не женился на богатой наследнице, но каждый раз отец чуял неладное, и дело проваливалось. Многих людей он разорил, продавая им акции несуществующих банков. Он был красавчик, и миссис Саксби его просто обожала. Он появлялся на Лэнт-стрит примерно раз в год, приносил мистеру Иббзу товар, забирал фальшивые монеты, выслушивал советы и предостережения.

Я подумала, что и на этот раз он принес краденое, так же, кажется, решила и миссис Саксби, потому что, погревшись у огня и выпив принесенную Неженкой чашку чая с ромом, она уложила спящего младенца в колыбель, разгладила на коленях юбку и сказала:

— Ну что же, Джентльмен, я очень вам рада. Мы не видели вас месяц или даже два. Есть у вас что-нибудь, на что мистеру Иббзу стоит посмотреть?

Джентльмен покачал головой:

— Боюсь, для мистера Иббза у меня ничего нет.

— Как же так — ничего нет? Вы слышали, ми-

стер Иббз?

— Очень жаль, — отозвался мистер Иббз, сидевший у жаровни.

— Тогда, может, для меня? — осторожно спросила миссис Саксби.

Но Джентльмен опять покачал головой.

— Не для вас, миссис С., — сказал он. — Не для вас, и не для этого Гарибальди (он имел в виду Джона), и не для Неженки, и не для Фила и мальчиков, и даже не для Чарли Хвоста.

Говоря так, он обводил взглядом всех поочередно, остановился на мне и замолчал. Я успела собрать разбросанные карты и теперь раскладывала их по мастям. Почувствовав, что на меня смотрят — и не только он, еще и Джон с Неженкой, и раскрасневшаяся миссис Саксби, — я отложила карты. Он быстро схватил их и принялся тасовать. Таким людям всегда нужно чем-нибудь занять руки.

— Итак, Сью, — сказал он, по-прежнему не сводя с меня глаз. Глаза у него были голубые, ясные.

— Что «итак»? — переспросила я.

— Итак, что ты на это скажешь? Я ведь за тобой пришел.

— За ней! — фыркнул Джон.

Джентльмен кивнул.

— У меня есть кое-что для тебя. Предложение.

— Предложение! — ахнул Фил. Он подслушивал. — Глянь-ка, Сью, он хочет на тебе жениться!

Неженка взвизгнула, мальчишки захихикали. Джентльмен скривился, отвел наконец от меня взгляд и обратился к миссис Саксби:

— Попросите наших друзей у жаровни удалиться, хорошо? А Джон с Неженкой пусть останутся: мне понадобится их помощь.

Миссис Саксби помедлила, глянула на мистера Иббза, и тот сказал:

— Ладно, ребятки, эти кругляши хорошо пропотели, королевы почти не видать. Еще немного — и нас обвинят в измене. — Он взял ведро и одну за другой стал бросать горячие монеты в воду. — Слышите, как желтые ребятки шикают! — заметил он. — Золото все знает. Так что же золото знает?

— Ладно, дядя Хамфри, — сказал Фил.

Он надел пальто и поднял воротник. Остальные сделали то же самое.

— Пока! — И они кивнули по очереди мне, Джону, Неженке и миссис Саксби. С Джентльменом они прощаться не стали.

Он проводил их взглядом.

— Берегите спины, парни! — крикнул он, когда

за ними закрывали дверь.

Слышно было, как Фил сплюнул в сердцах.

Мистер Иббз повернул ключ в замке. Потом пошел и налил себе чашку чаю, плеснув в него рома, как сделала только что Неженка, когда подавала чай Джентльмену. Запах рома, витавший над чашкой, смешивался с запахом горящих углей, топленого золота, собачьих шкур и непросохшего пальто. Капли дождя тихонько стучали по каминной решетке. Джон жевал арахис, сплевывая шелуху в кулак. Мистер Иббз переставил лампы. Высветилась поверхность стола, наши руки и лица, остальная часть кухни погрузилась во тьму.

С минуту все молчали. Джентльмен все тасовал карты, а мы сидели и смотрели на него. Мистер Иббз смотрел пристальнее всех, даже глаз сощурил — словно целился из ружья.

— Так в чем дело, сынок? — спросил он. — О чем речь?

Джентльмен поднял глаза от карт.

— О чем речь... — повторил он. — Речь вот о чем. — Он вынул из колоды одну карту и открыл ее. Это был бубновый король. Представьте себе, живет на свете такой человечек, — проговорил он, выкладывая карту на стол, — этакий старичок, так сказать, мудрый старец или, говоря по-на-

шему, ученый джентльмен, что правильнее. Но со странностями. Он живет в некоем заброшенном доме возле некой заброшенной деревни, в нескольких милях от Лондона — сейчас не важно, где именно. У него есть огромная зала, доверху набитая книгами и гравюрами, и ни о чем он не думает, кроме как об этих книгах и о своем труде, который он пишет, — назовем его для простоты словарем. Это словарь всех его книг. Но и картинками он тоже не брезгует — и вот ему пришло в голову собрать их в красивые альбомы и переплести. Но сам он сделать это не в состоянии. Он помещает в газете объявление, что ему требуются услуги... — С этими словами он вынул другую карту и положил ее рядом с первой. Это был валет пик. — Смышленого молодого человека, который бы помог ему оформить коллекцию. И один такой смышленый молодой человек, к тому времени хорошо известный в лондонских игорных домах и подумывающий о легком и необременительном заработке, с питанием и проживанием, откликнулся на это объявление, с ним побеседовали и сочли годным.

— И этот молодой человек — вы, — сказал мистер Иббз.

— Смышленый молодой человек — это я. Уга-

дали!

— А деревенская халупа, — оживился вдруг Джон, который все это время сидел надувшись, — небось, битком набита сокровищами. Надо только забраться туда и пошарить как следует. И вы пришли одолжить у мистера Иббза клещи и ушлую девчонку. А у Сью глаза как у невинной овечки, старого перца ей провести ништяк.

Джентльмен покачал указательным пальцем.

— Холодно! — сказал он. — Эта деревенская халупа, того и гляди, развалится, ей лет двести, не меньше, к тому же мрачная, сырая и заложена-перезаложена от подвала до крыши, которая, кстати, протекает. Ни ковров, ни ваз, ни серебра — ничего такого, боюсь, там не найдется. Старичок ест на обычном фарфоре, как мы.

— Вот козел! — сказал Джон. — Небось, такие скупердяи хранят свои денежки в банке? И вы уговорили его написать бумагу, где он вам все завещает, и теперь вам нужна бутылочка яда...

Джентльмен покачал головой.

— Ни унции яда? — спросил Джон, не терявший надежду.

— Ни унции. Ни капли. И никаких денег в банке — по крайней мере, у старика. Он живет анахоретом, и такой чудак, что вряд ли знает, для чего

нужны деньги. Но он живет там не один. И вот кого он держит у себя за компанию...

На стол легла дама червей.

— Э-хе, — сказал Джон, улыбнувшись лукаво. — Жену, кого же еще.

Но Джентльмен снова покачал головой.

— Ну, дочь...

— Не жену и не дочь, — отвечал Джентльмен, прижимая пальцами карту и вглядываясь в печальное лицо дамы.— Племянницу. Возраста... — Он посмотрел на меня. — Примерно как Сью. Внешне довольно симпатичную. И по характеру она, — он улыбнулся, — святая простота.

— А-а, дурочка! — воскликнул Джон. — Так, может, хоть она богата?

— Да, она богата, — кивнул Джентльмен. — Так же, как гусеница богата крыльями, а клевер — медом. Она наследница, Джонни: наследство ее велико, и дядя не вправе к нему прикасаться, но достанется оно ей на определенных условиях. Она не увидит ни пенни, пока не выйдет замуж. Если она умрет старой девой, деньги перейдут к ее двоюродному брату. Если выйдет замуж, — он погладил карту белым холеным пальцем, — то будет богата, как королева.

— Насколько богата? — поинтересовался ми-

стер Иббз, который все это время молчал.

Джентльмен посмотрел ему прямо в глаза.

— Десять тысяч наличными, — тихо сказал он. — Пять тысяч в ценных бумагах.

В камине щелкнул уголек: п-пух! Джон присвистнул, Чарли Хвост тявкнул. Я посмотрела на миссис Саксби, но та сидела, опустив голову, и не радовалась. Мистер Иббз задумчиво поднес чашку ко рту.

— Готов поспорить, старик ее ни на шаг от себя не отпускает, — промолвил он, сделав глоток.

— Вы близки к истине, — кивнул Джентльмен и откинулся на стуле. — Все это время она была при нем чем-то вроде секретаря: читает ему вслух часами. Думаю, он и не догадывается, что она подросла и превратилась в настоящую леди. — Он хитро улыбнулся. — Хотя, мне кажется, сама она догадалась. Не успел я начать работу над рисунками, как в ней обнаружилась страсть к живописи. Она пожелала брать уроки — у меня. Ну, уж в этом-то деле я умею пустить пыль в глаза. А она, невинное дитя, не отличит пастели от коростеля. Но видели бы вы, как старательно она выполняет задания! С неделю мы учились проводить линии, потом растушевывать тени. Пошла вторая неделя: переходим к композиции.

Третья неделя: пишем акварелью. Следующая — смешиваем масляные краски. На пятой неделе...

— На пятой вы ее дрючите! — не вытерпел Джон.

Джентльмен выдержал паузу.

— На пятой неделе уроки отменяются, — сказал он. — Или ты думаешь, что такой девушке позволят долго оставаться наедине с преподавателем? Все это время с нами сидела ее горничная, ирландка, — то и дело покашливала, едва руки мои оказывались слишком близко от ручек ее госпожи или когда я слишком низко нагибался к ее ушку, чтобы объяснить правило. «Вот ханжа!» — думал я. Но случилось так, что она заболела скарлатиной — и сейчас умирает, бедняжка. Так что в настоящее время у моей дамы нет другой компаньонки, если не считать экономки — а у экономки и без того забот хватает, чтобы еще и на уроках сидеть. По этой причине уроки отменены, краски на палитре сохнут. Я теперь встречаюсь с госпожой лишь за ужином, но она всегда сидит рядом с дядей. А когда случайно прохожу мимо ее комнаты, слышу за дверью тяжкие вздохи...

— Сдается мне, — сказал мистер Иббз, — она думает о вас и тоскует.

— Именно так, — сказал Джентльмен, — имен-

но так.

— Бедная леди! — сказала Неженка. В глазах ее блеснули слезы. Она вообще пускала слезу по любому поводу. — Так вы говорите, она хорошенькая? На фигуру и на лицо?

Джентльмен пожал плечами:

— Заметная. С мужской точки зрения.

Джон засмеялся:

— Вот бы она меня заметила!

— Давай лучше я замечу, — сказал Джентльмен и прищурился. — И по шее накостыляю.

Джон, весь пунцовый, вскочил со стула:

— Да я вам сам!..

Мистер Иббз замахал руками:

— Мальчики! Мальчики! Довольно! Перестаньте. Я этого в своем доме не потерплю, тут женщины, дети. Джон, сядь и угомонись. Джентльмен, вы обещали рассказать нам что-то интересное. Пока что мы выслушали лишь присказку. Где же суть? И, возвращаясь с небес на землю, где в вашей истории место для нашей Сью?

Джон лягнул стул, но все-таки сел. Джентльмен достал коробку сигарет. Мы подождали, пока он зажжет спичку. Огоньки серного пламени заплясали в его зрачках. Потом он снова склонился над столом, где лежали три карты, и принялся

разглаживать их углы.

— Где суть, хотите знать? — сказал он. — Ну хорошо, сейчас узнаете. — Он постучал по даме червей. — Я намерен жениться на этой девушке и забрать ее деньги. Намерен выкрасть ее, — он отодвинул карту в сторону, — из-под носа у дяди. И я уже был на верном пути, как вы могли догадаться, но она со странностями, и полностью полагаться на нее нельзя: вдруг наймет в служанки женщину сурового нрава — тогда я пропал. Я отпросился в Лондон за переплетным материалом для альбомов. И хочу, чтобы Сью оказалась там раньше меня. Чтобы устроилась горничной к юной особе и помогала мне в моих ухаживаниях, чтобы я мог медленно, но верно подвести дело к побегу.

Он посмотрел на меня. Бледные пальцы его все еще поглаживали карты.

— И есть еще одно дельце, — сказал он, понизив голос, — в котором мне понадобится помощь Сью. Женившись на этой девице, я не хотел бы вечно держать ее при себе. Я знаю одного человека, который заберет ее у меня. У него есть дом, там мы ее и поселим. Сумасшедший дом. Место надежное. Может, даже...

Не договорив, он перевернул карту вниз лицом

и хлопнул по ней кончиками пальцев.

— Мне нужно лишь жениться на ней, — сказал он, — пользуясь выражением Джонни, отдрючить ради денег. Потом я беру ее, ничего не подозревающую, под белы ручки и подвожу прямо к воротам психушки. Что в этом плохого? Я уже говорил вам, что она странная. Но я должен действовать наверняка. Вот мне и нужна Сью, она подыграет мне и поможет до самого конца держать дамочку в блаженном неведении.

Он снова потянулся за сигаретой, а все, как и прежде, посмотрели на меня. Все, кроме миссис Саксби. Та слушала Джентльмена молча, не проронив ни слова. Пока Джентльмен рассказывал, я видела, как она наливает чай из чашки в блюдце, слегка покачивает блюдце, остужая, подносит к губам. Она не пила горячий чай, говорила, от него черствеют губы. И действительно, я не встречала ни одной женщины, у которой были бы такие мягкие и нежные губы.

И вот, все так же молча, она поставила чашку и блюдце на стол, достала носовой платок и отерла рот. Потом посмотрела на Джентльмена и наконец заговорила:

— Почему именно Сью? Что, во всей Англии не нашлось другой девушки?

— Потому что она — ваша, миссис С. Потому что ей я доверяю. Потому что она приличная девушка, то есть я хочу сказать — порочная девушка, которая не привыкла держаться буквы закона.

Миссис Саксби кивнула.

— А каков ее интерес?

И снова он посмотрел на меня, но ответ его предназначался не мне, а ей.

— Она получит две тысячи фунтов, — сказал он, приглаживая усы, — и пусть возьмет себе любой из нарядов юной дамы, а также драгоценности, какие ей приглянутся.

Вот что это было за дело.

Мы все задумались.

— Что скажешь? — спросил Джентльмен, обращаясь на этот раз ко мне и больше ни к кому.

Я ничего не ответила, и, подождав немного, он продолжил:

— Прости, что взваливаю все это на тебя, но, видишь ли, у меня мало времени. Дело не терпит отлагательств. Я должен как можно скорее найти служанку. Мне бы хотелось, чтобы это была ты, Сью. Именно ты. Но если это невозможно, тогда ответь мне скорее, ладно? Тогда я попытаюсь найти другую.

— Неженку возьмите, — встрепенулся Джон,

услыхав последнюю фразу. — Она ведь у нас служила горничной, правда, Неженка? У одной дамы в Пекхэме.

— Помнится мне, — сказал мистер Иббз, прихлебывая из чашки, — что Неженка потеряла это место из-за того, что ткнула госпожу в руку шляпной булавкой.

— Она сама виновата, — пискнула Неженка. — Нечего было обзываться. Вот я и завелась. А ваша девушка, похоже, не из таких. Она недотепа, вы же сами сказали. С такой-то я управлюсь.

— Между прочим, не тебя спрашивали, а Сью, — тихо сказала миссис Саксби. — А мы еще не слышали ее ответа.

Тогда все снова уставились на меня, и от этих взглядов мне стало не по себе. Я потупилась.

— Не знаю, — сказала я. — Непривычно как-то. Какая из меня горничная? Ведь я же ничего не умею!

— Мы тебя научим, — сказал Джентльмен. — Неженка научит, у нее есть опыт. Наука нехитрая. Сиди себе, улыбайся и держи наготове флакончик с нюхательной солью.

— А если леди не захочет брать меня в горничные? С какой стати ей меня брать?

Но он и это обдумал. Он все заранее обдумал,

все предусмотрел. Я буду не я, а племянница его старой няни, так он меня представит. Как тихую порядочную девушку, оказавшуюся в стесненных обстоятельствах. Леди непременно меня возьмет, если он за меня попросит.

— Мы напишем тебе рекомендательное письмо, — сказал он, — и подпишемся: «Леди Попа с Зад-стрит» или что-нибудь вроде того. Она все равно не станет наводить справки. Она никогда не бывала в свете, Лондона от Иерусалима и то не отличит. Ей и спросить-то не у кого.

— Не знаю, — повторила я. — Но вдруг окажется, что она к вам не так трепетно относится, как вы предполагаете?

Он притворно потупился, такой скромник.

— Верно, — сказал он. — Но, может, мне самому позволено будет судить о глубине сердечных чувств юной девы?

— Но если предположить, — сказала миссис Саксби, — что она недостаточно вас любит? Представьте, что она окажется новой мисс Бамбер или мисс Финч?

Мисс Бамбер и мисс Финч — так звали двух других наследниц, которых он неудачно обхаживал. Услышав эти имена, он лишь фыркнул:

— Она совсем не такая — в чем в чем, а в этом

я уверен. У тех девиц были отцы — честолюбцы, обвешанные адвокатами. А дядя этой девицы не видит дальше книжного корешка. Ну а что касается того, что, как вы говорите, девчонка недостаточно меня любит, — на это я могу вам сказать одно: полюбит, куда денется.

— Настолько, чтобы бежать с вами из родного дома?

— Это очень скучный дом, — отвечал он, — для девушки ее возраста.

— Но ее возраст как раз против вас, — заметил мистер Иббз (при нашем образе жизни просто необходимо досконально знать все тонкости закона). — До совершеннолетия она не имеет права поступить против воли дяди. Вы ее тайно увозите, а он приходит и требует ее назад. И то, что вы будете ее мужем, ровно ничего не значит.

— Но то, что она будет моей женой, значит многое. Вы меня понимаете. — И хитро улыбнулся.

У Неженки в глазах мелькнуло недоумение. И Джон радостно пояснил:

— Я же говорил — отдрючит.

— Тогда на ней можно ставить крест, — сказала миссис Саксби. — После этого ни один приличный человек на нее не позарится.

Неженка охнула.

— Это не наше дело, — отрезал мистер Иббз и продолжал, обращаясь к Джентльмену: — Трудно. Весьма трудно осуществить.

— Не спорю. Но надо рискнуть. Что мы теряем? По крайней мере, Сью отдохнет на природе.

Джон хохотнул:

— Отдохнет она, как же, в четырех стенах. И хрен знает сколько еще отдыхать придется, если вас поймают.

Я прикусила губу. Он был прав. Но не рискованность будущего предприятия пугала меня. Вор не может все время думать об опасности, иначе сойдешь с ума. Я просто не знала, хочется ли мне так отдыхать. Жизни вне Боро я себе не представляла. Однажды мы вместе с миссис Саксби ездили погостить к ее кузине в Бромли, так я вернулась домой вся красная от крапивницы. Жизнь на природе показалась мне однообразной и нелепой, да и живут там, похоже, одни придурки да цыгане.

И что я буду делать рядом с придурочной? Она ведь не Неженка, которая только слегка чокнутая и лишь иногда ни с того ни с сего свирепеет. Может, эта девица совсем психованная. Может, она попытается меня задушить. Я буду звать на помощь, и никто не услышит — ведь вокруг на много миль ни живой души. Цыгане не в счет,

им ни до кого, кроме себя, дела нет. У нас каждый знает, если на тебе платье загорится, цыган даже плюнуть на пламя и то поленится.

Я спросила:

— А эта девушка — какая она? Вы говорили, она не в своем уме.

— Не совсем так, — ответил Джентльмен. — Странная она. Наивная такая, дикая. Ее всю жизнь держали вдали от общества. Она сирота, как и ты, но тебя воспитывала миссис Саксби, а ее никто не воспитывал.

Неженка снова уставилась на него во все глаза. Мать ее была пьянчужкой и утонула в реке. Отец бил дочку нещадно. Сестру ее забил аж до смерти.

Неженка прошептала:

— Не кажется ли вам, Джентльмен, что это грех — то, что вы собираетесь сделать?

Похоже, до сих пор никому из нас подобная мысль просто не приходила в голову. Но теперь, после того как Неженка произнесла это вслух, я огляделась вокруг — все прятали глаза. И тогда Джентльмен рассмеялся.

— Грех? — повторил он. — Конечно, милая Неженка, конечно грех! Но грех этот стоит пятнадцати тысяч фунтов, и эта цена меня устраивает,

что бы ты ни говорила. И опять же, если посмотреть, как были нажиты эти денежки? Думаешь, честным трудом? Конечно же нет. Это богатство добыто слезами и потом бедняков — за каждый шиллинг два десятка смердов спины горбатили. Слышала, небось, о Робине Гуде?

— Еще бы! — сказала она.

— Так вот, мы будем как он: отберем золото у богачей и раздадим тем, кому оно принадлежит по праву.

Джон скривил губы:

— Ты, барчук! Робин Гуд был герой, и гнев его был праведный. Раздашь деньги народу? Да какой у тебя народ! Хочешь ограбить леди — иди и грабь свою мамашу.

— Мою мамашу? — Джентльмен покраснел.— При чем тут моя мать? К черту мою мать!

Но, уловив взгляд миссис Саксби, обернулся ко мне.

— Ох, Сью, — сказал он, — прошу прощения.

— Ничего-ничего, — быстро ответила я. И опустила голову, и все вокруг притихли. Подумали, наверно, как всегда в дни казни: «Какая она храбрая!» То есть мне хотелось, чтобы они так думали. А потом почему-то захотелось, чтобы не думали: потому что, как я уже говорила, храбро-

стью я никогда не отличалась, но за семнадцать лет смирилась с тем, что окружающие так про меня думают. А теперь явился Джентльмен, и ему нужна храбрая девчонка — он ведь долгий путь проделал, сорок миль по холоду и слякоти, только чтобы найти меня.

Я посмотрела ему в глаза.

— Две тысячи фунтов, Сью, — тихо сказал он.

— Звучит заманчиво, — сказал мистер Иббз.

— И вдобавок всякие платья и драгоценности! — вздохнула Неженка. — О, Сью! Ты в них будешь красавица!

— Вылитая леди, — добавила миссис Саксби.

Я обернулась к ней: она опять смотрела на меня странным таким взглядом, словно видела во мне мою мать. «...Богатство твое все еще ждет тебя... Твое богатство, Сью, ну и наше заодно...»

В общем, она оказалась права. Вот оно наконец, мое богатство, свалившееся как снег на голову. Что же делать? Я снова посмотрела на Джентльмена. Сердце у меня в груди стучало как бешеное. И я сказала:

— Ладно. Я согласна. Но за три тысячи фунтов, не за две. И если юная леди меня не примет и отправит восвояси, я все равно потребую свою сотню за труды.

Он помолчал, обдумывая. Конечно же, думать тут было нечего, и помолчал он так, для пущей важности, потому что буквально через миг он просиял улыбкой и протянул мне руку. Я подала ему свою. Он сжал мне пальцы и засмеялся.

Джон состроил рожу.

— Ставлю десять к одному, что через неделю она приползет обратно вся зареванная.

— Я вернусь в бархатном платье. И в перчатках вот посюда, — и показала на локоть, — и в шляпке с вуалью, и с полной сумкой серебряных звонких монет. А ты будешь называть меня «мисс». Правда ведь, миссис Саксби?

Он сплюнул на пол.

— Да я скорее отрежу себе язык, чем выговорю такое.

— Я раньше сама тебе его вырву! — ответила я.

Я вела себя как ребенок. Да я и была ребенком! Наверное, миссис Саксби тоже это почувствовала, потому что ничего не сказала, а только молча смотрела на меня, прикрывая рукой мягкие пухлые губы. Она улыбалась, но лицо у нее при этом было встревоженное. Я бы даже сказала, испуганное.

Может, так оно и было.

А может, мне только теперь так кажется, те-

перь, когда я знаю, какие страшные события за этим последовали.

Глава вторая

Старичка-книгочея, как выяснилось, звали Кристофер Лилли. А племянницу звали Мод. Они жили к западу от Лондона, за Мейденхедом, и дом их, что стоял у деревни под названием Марлоу, назывался красивым именем «Терновник». План Джентльмена заключался в том, чтобы отправить меня туда одну, на поезде, через два дня. Сам он задержится в Лондоне еще по крайней мере на неделю, ему нужно выполнить поручение старика — повозиться с книжными переплетами.

Меня мало заботило то, как я доберусь до этого загородного дома, одна, без провожатых. Я никогда не бывала нигде западнее Креморн-Гарденс — мы с племянниками мистера Иббза иногда ходили туда по воскресеньям смотреть на танцы. Там я однажды видела, как француженка-акробатка шла через речку по канату и чуть не упала, — это, доложу я вам, было нечто... Говорят, на ней были чулки, но, по-моему, ноги у нее были голые. Помнится, пока она шла по веревке, я стояла на мосту Баттерси и смотрела вдаль, за реку, — там, за Хаммерсмитом, бугрились леса, и ничегошеньки не было видно: ни печной

трубы, ни церковного шпиля — и знаете, прямо озноб пробирал, до чего это было непривычно и странно. Если бы мне тогда сказали, что в один прекрасный день я выйду из дома в Боро, где все мои друзья, и миссис Саксби, и мистер Иббз, и поеду куда-то одна-одинешенька наниматься горничной в какой-то непонятный дом в этой чаще, за лесами, я бы только расхохоталась.

Но Джентльмен сказал, что надо поскорее собираться: как бы эта леди, мисс Лилли, все не испортила, возьмет случайно в услужение другую девушку — и все. На следующий день после того, как он заявился к нам на Лэнт-стрит, он сел писать ей письмо. В письме он выражал надежду, что она простит ему такую вольность — писать ей лично, но, будучи в Лондоне, он навестил свою старую нянюшку — когда он был ребенком, она, можно сказать, заменяла ему мать, — и нашел ее весьма опечаленной, ибо она всерьез обеспокоена судьбой своей юной племянницы, оставшейся после смерти матери сиротой. Разумеется, под сироткой-племянницей подразумевалась я. Далее он поведал в письме, что я прежде была в услужении у некой дамы, которая вышла замуж и отбыла в Индию, так что я осталась без места, и что я в настоящее время подыскиваю место гор-

ничной, однако жизнь такова, что со всех сторон меня подстерегают искушения и я могу пойти по скользкой дорожке, если только какая-нибудь сердобольная леди не даст мне возможность скрыться подальше от городских соблазнов, ну и далее в том же духе.

Я сказала:

— Если она поверит такому наглому вранью, Джентльмен, значит, она еще глупее, чем вы говорили.

Но он ответил, что между Стрэндом и Пиккадилли найдется не меньше сотни девиц, которые прекрасно зарабатывают подобными историями, и что если уж им удается заставить раскошелиться лондонских шишек, то что говорить о мисс Лилли, которая сидит себе одна-одинешенька и жизни совсем не знает?

— Сами увидите, — сказал он. Потом запечатал письмо, надписал адрес и велел соседскому мальчишке сбегать с этим письмом на почту.

Довольный тем, что все идет по плану, он заявил, что теперь из меня будут делать настоящую горничную.

Для начала мне вымыли голову. В то время я причесывалась так, как и все девушки у нас в Боро: волосы разделялись пробором на три части,

на затылке гребень, а по бокам тугие локоны. Если прогладить локоны горячим утюгом, сперва смочив их сахарной водой, они становились жесткие, как не знаю что, и так держались с неделю или больше. Джентльмен, однако, сказал, что для сельской местности это будет чересчур смело, и заставил меня смыть все с волос — в результате они стали совсем прямыми и гладкими. Потом велел разделить их одним, только одним, пробором и скрутить на затылке в тугой пучок, заколов шпилькой. Неженке он тоже велел вымыть голову, и когда я наконец научилась делать пучок — сразу у меня не получилось, и я повторяла до тех пор, пока он не кивнул одобрительно, — после этого он велел мне и ее причесать на такой же манер, как будто она — леди, мисс Лилли. Он возился с нами как настоящая девчонка. Когда прически были готовы, мы с Неженкой стали с виду такие скромницы — хоть сейчас в монастырь. Джон сказал, что если теперь наши рожи зарисовать и повесить в молочной лавке, так все молоко сразу скиснет.

Услышав такие слова, Неженка вырвала из волос шпильки и швырнула в камин. Несколько прилипших волосков, попав в огонь, с треском воспламенились.

— Ну что у тебя за девчонка такая, — сказал мистер Иббз Джону, — чуть что — сразу в слезы?

Джон рассмеялся.

— А мне-то что, пусть ревет, — ответил Джон. — Меньше потеть будет.

Он ведь был злой мальчишка, я уже говорила.

Но даже и его, помимо воли, план Джентльмена захватил необычайно. Нас всех захватил. В первый раз при мне мистер Иббз опустил шторку на двери своей мастерской и притушил жаровню. Когда снаружи стучались и просили выточить ключ, он отсылал посетителей прочь. Пару раз заглядывали воры с добром, но он лишь качал головой:

— Никак не могу, сынок. Не сегодня. У нас тут, понимаешь, готовка...

Только Фила он впустил — рано утром. Усадил его и пробежался с ним по списку, который накануне вечером составил Джентльмен. Фил надвинул на глаза кепку и вышел, а через два часа принес мешок и обшитый полотном сундук — он взял его у одного своего знакомого, у которого был склад на берегу.

Сундук мне предстояло взять с собой в дорогу. В мешке же оказалось коричневое платье, более или менее моего размера, а также плащ, ботинки

и черные шелковые чулки, и в довершение всего там была куча настоящего дамского белья.

Мистер Иббз развязал мешок, глянул внутрь и увидел белье, после этого отошел и сел в дальнем углу кухни, где у него лежал старый индийский замок, который он любил разбирать, чистить и собирать на досуге. Джона он подозвал к себе и велел ему держать винты. Джентльмен же, напротив, смело вынул из мешка одну вещицу, потом другую и все аккуратно разложил на столе. Придвинул поближе кухонный стул.

— А теперь, Сью, — сказал он, — представим, что этот стул — мисс Лилли. Как ты ее будешь одевать? Для начала — чулки и панталоны.

— Панталоны? — переспросила я. — Уж не хотите ли вы сказать, что она голая?

Неженка прыснула в ладошку. Она сидела у ног миссис Саксби, которая заново завивала ей волосы.

— Голая? — промолвил Джентльмен. — Конечно. Как рыба. А чего ты хотела? Ведь она должна снять с себя одежду, когда та станет несвежей или когда идет купаться. А твое дело — забирать у нее грязное белье. А также подавать ей чистое.

Мне это раньше и в голову не приходило. И я представила, что вот я стою и протягиваю пан-

талоны какой-то незнакомой голой девушке. Одна такая голая девушка как-то пробегала по Лэнт-стрит, визжа как резаная, а за ней — полицейский и сестра-сиделка. Что, если мисс Лилли так же заверещит, и что мне тогда — ловить ее? Я покраснела, и Джентльмен это заметил.

— Да ладно, — сказал он, еле сдерживая улыбку,— неужто ты такая брезгливая?

Я покачала головой: нет-нет. Он взял со стола пару чулок и панталоны и повесил их на спинку стула.

— Что теперь? — спросил он, обращаясь ко мне.

Я пожала плечами:

— Ну, наверно, рубаху.

— Не рубаху, а сорочку, — поправил он. — И не забудь, перед тем как подать, ее нужно сначала согреть.

Он поднял сорочку и поднес к очагу. Потом аккуратно повесил на спинку стула поверх панталон — как будто стул надел ее на себя.

— А теперь — корсет, — сказал он. — Она ждет, чтобы ты затянула на ней корсет. Давай посмотрим, как у тебя получится.

Он обернул корсет вокруг сорочки, шнуровкой назад, и, надавив коленом, придерживал стул,

пока я стягивала шнурки и завязывала бантик. От натуги на пальцах у меня появились красные полосы — точно ожгли хлыстом.

— Почему она не носит корсет с завязками спереди, как нормальные девушки? — полюбопытствовала Неженка.

— Потому что тогда, — отвечал Джентльмен, — ей не понадобится горничная. А если ей не понадобится горничная, как еще она узнает, что она леди? Ясно? — И подмигнул.

За корсетом последовал лиф, потом манишка. Потом кринолин из девяти обручей, потом нижние юбки, на этот раз из шелка. Джентльмен и Неженка сбегали наверх за флакончиком духов, которые берегла миссис Саксби, и он велел мне побрызгать духами там, где из оборок сорочки торчала деревяшка стула, — там, сказал он, будет шея мисс Лилли.

И все это время я должна была говорить:

— Не соблаговолите ли вы поднять руки, мисс, я поправлю эту оборочку?

Или:

— Как вы желаете, мисс, распушить или оставить в складочку?

Или еще:

— Я начинаю, мисс? Как, потуже? Не желаете

ли еще потуже? Ой, простите, пожалуйста, я вас, кажется, случайно щипнула.

В конце концов после всей этой жуткой возни я вся взмокла. А перед нами сидела мисс Лилли, в туго затянутом корсете, нижние юбки пышной волной ниспадали до пола, и пахла она что твоя роза, только на шее и на плечах было пустовато.

Джон сказал:

— Неразговорчивая она у вас.

Все это время он украдкой поглядывал на нас из дальнего угла, пока мистер Иббз смазывал свой хитроумный замок.

— Она истинная леди, — сказал Джентльмен, поглаживая бороду, — потому и застенчива. Но ничего, мы с помощью Сью ее расшевелим. Правда, дорогая?

Он присел на корточки рядом со стулом и огладил пышные складки юбки, потом запустил руку под шелк, подбираясь к нижним слоям. Рука его двигалась так ловко, что мне показалось, он демонстрирует отработанный прием, и по мере того как рука его забирала все выше, лицо его розовело, шелк сухо потрескивал, кринолин колыхался... стул слегка покачнулся, и ножки его тихонько скрипнули. Потом наступила тишина.

— Ах ты, стервочка, — пропел он нежным го-

лосом.

И вынул руку из-под вороха одежды — в пальцах его зажат был чулок. Добычу он протянул мне и сказал, зевая:

— А теперь можно и на боковую.

Джон все так же молча поглядывал на нас, лишь время от времени щурился и покачивал ногой, как будто его все происходящее нимало не интересовало. Неженка сонно потянулась, новая прическа была почти готова, от свежезакрученных кудряшек приятно пахло леденцами.

Я развязала ленты на манишках, потом ослабила шнурки на корсете и сделала его посвободнее.

— Не соблаговолите ли поднять ножку, госпожа, чтобы я могла это с вас снять?.. Не могли бы вы на минуточку задержать дыхание, госпожа? Тогда легче снимется.

...Он заставил меня работать еще час-полтора. Потом нагрел докрасна утюг и подошел с ним к Неженке.

— Плюнь-ка на утюг, — попросил он.

Так она и сделала, плевок зашипел, и тогда он взял сигарету и зажег ее, прижав к раскаленному металлу. Потом, пока он стоял и курил, миссис Саксби, которая когда-то давным-давно, еще до того как начала выхаживать младенцев, рабо-

тала в прачечной, показала мне, как правильно утюжить и складывать дамское белье, ну и, само собой, на это ушел еще час.

Джентльмен послал меня наверх — примерить платье, которое раздобыл для меня Фил. Платье было довольно простое, коричневое, почти под цвет моих волос, а надо сказать, стены у нас в кухне тоже были коричневые, так что, когда я снова сошла вниз, меня было почти не видно на фоне стены — хорошо замаскировалась. По мне, куда лучше бы синее платье или, на худой конец, фиолетовое, но Джентльмен сказал, что в коричневом обычно ходят или шпионки, или служанки, а раз я еду в «Терновник» попробовать себя сразу в обеих ролях, то, стало быть, это платье как раз для меня.

Мы посмеялись над этими его словами, а потом, после того как я походила по комнате, чтобы привыкнуть к новой юбке (она была узкая), а также чтобы Неженка посмотрела, не нужно ли где чуточку обузить или расставить, он стал учить меня делать реверанс. Это оказалось гораздо труднее, чем я думала. Можно, конечно, много чего сказать о том образе жизни, что я вела прежде, но это была жизнь без хозяев. Я никогда никому не делала реверансов. А теперь Джентль-

мен заставлял меня приседать сто раз подряд — под конец меня аж замутило. Он сказал, что для горничной присесть в реверансе — раз чихнуть, так что если я освою эту науку, то разучиться уже не смогу, и тут он, как ни странно, оказался прав: я действительно не разучилась и даже сейчас могу сделать правильный реверанс. Или могла бы, при желании.

Ну да ладно. Покончив с реверансами, он стал разучивать со мной мою роль. Потом, чтобы проверить, хорошо ли я затвердила урок, он поставил меня перед собой и велел повторять все слово в слово, как на катехизации.

— Итак, начнем, — сказал он. — Как тебя зовут?

— Сьюзен, — ответила я.

— Сьюзен — и все?

— Ну Сьюзен Триндер.

— Сьюзен Триндер, сэр. Запомни: в «Терновнике» я тебе больше не Джентльмен. Там я буду мистер Ричард Риверс. И называй меня там «сэр». И мистера Лилли тоже называй «сэр», а юную госпожу можешь звать мисс Лилли или мисс Мод — как она сама тебе прикажет. А мы все будем звать тебя Сьюзен. — Он нахмурился. — Но нет, Сьюзен Триндер не годится. Это может навести их

на след, если вдруг не сложится. Надо подобрать тебе другую фамилию...

— Валентино, — выпалила я. Ну что вам на это сказать? Мне же было семнадцать лет. И я обожала Валентинов день.

Джентльмен презрительно скривил губы.

— Лучше не придумаешь, — сказал он, — если собираешься на сцену.

— Но я знаю настоящих девушек с фамилией Валентино!

— Правда-правда, — сказала Неженка. — Флой Валентине и две ее сестрицы. Терпеть их не могу. Неужели, Сью, ты хочешь быть как они?

Я задумалась.

— Вообще-то нет.

— Конечно же нет, — сказал Джентльмен. — Чересчур звучное имя может нам навредить. Риск слишком велик, решается вопрос жизни и смерти. Нам нужно такое имя, которое бы ничем особым не выделялось, самое незаметное. Такое... — подумал он, — незаметное, но в то же время запоминающееся. Глинз? Под цвет твоего платья... Или нет: назовем тебя Смит. Сьюзен Смит.[8]— Он улыбнулся. — Ведь ты у нас будешь кузнец сво-

---

[8] Примечания: 8
Smith по-английски означает «кузнец».

его счастья — и не только своего... Накуешь нам денежек...

И он сложил пальцы так, как у нас в Боро делали, когда не хотели произносить вслух слово «вор», и все засмеялись.

Отсмеявшись, он кашлянул и промокнул глаза.

— Да, забавно, — сказал он. — Так на чем мы остановились? Ах да. Давай скажи еще раз. Как тебя зовут?

Я сказала, не забыв добавить «сэр».

— Отлично. А где ты живешь?

— В Лондоне, сэр, — отвечала я. — Когда мама померла, я осталась жить у тетушки — то бишь у леди, которая нянчила вас в детстве, сэр.

Он кивнул.

— Что касается фактов — все хорошо. Но по стилю — ужасно. Ну же, постарайся: я уверен, воспитание миссис Саксби не могло пройти даром. Ты же не фиалки продаешь. Скажи еще раз.

Я хотела обидеться, но все-таки собралась и повторила, тщательно выговаривая каждое слово:

— Леди, которая нянчила вас, когда вы были ребенком, сэр.

— Так-так, уже лучше. А до того что с тобой было?

— Я жила у доброй госпожи, сэр, в Мейфэре;[9] не так давно она вышла замуж и собирается в Индию, там у нее будет новая горничная, из местных, а я ей больше не нужна.

— Бедняжка. Твоей судьбе не позавидуешь, Сью.

— Вы правы, сэр.

— И ты благодарна мисс Лилли за то, что у тебя появилась возможность пожить в «Терновнике»?

— Конечно, сэр! Уж так благодарна — просто нет слов!

— Опять фиалки пошли! — Он замахал рукой. — Ну да ничего, и так сойдет. Но все-таки не надо в упор на меня смотреть, ладно? Смотри лучше на мои сапоги. Вот так. А теперь отвечай, это очень важно, каковы будут твои обязанности на службе у новой хозяйки?

— Я должна будить ее по утрам, — ответила я, — и наливать ей чаю. Потом умывать ее, одевать и причесывать. Еще должна чистить ее украшения и не красть их. Гулять с ней, если ей захочется погулять, или сидеть, если ей захочется посидеть. Должна носить с собой веер, на случай, если ей

---

[9] Примечания: 9
Фешенебельный район лондонского Вест-Энда.

станет жарко, потом накидку, на случай, если она закоченеет, одеколон, если у нее вдруг заболит голова, и нюхательную соль, на случай, если ей станет дурно. Я должна неотлучно быть при ней на уроках рисования и не замечать, когда она краснеет.

— Отлично! А что ты можешь сказать о себе?

— Я наивна и чиста как стеклышко.

— А чего ты добиваешься — но это только между нами?

— Чтобы она полюбила вас и бежала с вами от своего дяди. Чтобы вы, мистер Риверс, в результате стали богачом, ну и меня чтоб не забыли.

Я прихватила юбки и присела перед ним в плавном реверансе, смиренно глядя при этом вниз, на его сапог.

Неженка захлопала в ладоши.

Миссис Саксби потерла руки и сказала:

— Три тысячи фунтов, Сью. Ох ты мать честная! Неженка, подай мне ребенка, просто не могу, так хочется кого-то обнять!

Джентльмен отступил на шаг и зажег сигарету.

— Неплохо, — сказал он, — совсем неплохо. Еще немного подшлифовать — и, думаю, можно ставить точку. Но мы потом потренируемся.

— Как это потом? Сколько же можно меня испытывать? Если мисс Лилли возьмет меня к себе только ради вас, то разве ей не все равно, как я справляюсь?

— Ей-то, может, и все равно, — отвечал Джентльмен. — Если бы мы думали только о ней, то достаточно надеть передник на Чарли Хвоста — и вперед, пусть думает что хочет. Но мы ведь хотим обмануть не только ее. Есть еще старик, дядя, и кроме него — вся домашняя прислуга.

— Прислуга? — воскликнула я. Мысль о том, что в доме будут и другие слуги, мне не приходила в голову.

— Разумеется, — отвечал он. — Неужели ты думаешь, что такой большой дом может обходиться без прислуги? Во-первых, там есть управляющий, мистер Пей...

— И зовут его небось Пей-до-дна! — воскликнул Джон.

— Нет, — отрезал Джентльмен и вновь обернулся ко мне. — Мистер Пей, — повторил он. — Не думаю, что он может что-нибудь сделать тебе во вред. Но есть там и миссис Стайлз, экономка, — не исключено, что она будет к тебе приглядываться, так что будь настороже. И еще там есть мальчик, подручный мистера Пея Чарльз, и, полагаю, пара

девушек для работы на кухне, и еще парочка горничных при доме, потом конюхи и садовники — но ты их всех и не увидишь, так что в расчет их не берем.

Я в ужасе посмотрела на него и сказала:

— Раньше вы ничего о них не говорили. Миссис Саксби, разве он о них говорил? Разве говорил, что там будет до сотни слуг, перед которыми я должна притворяться горничной?

Миссис Саксби крутила и мяла в руках младенца, как будто это ком теста.

— Если честно, Джентльмен, — сказала она, не поднимая глаз, — вы ведь давеча темнили насчет слуг-то.

Он пожал плечами.

— Ну, это все мелочи, — сказал он.

Ничего себе мелочь! Вот такой он был. Часть расскажет, часть утаит, а сделает вид, что рассказал все.

Но взять свои слова назад и отказаться я уже не могла — слишком поздно. На следующий день Джентльмен снова изводил меня ученьем, а еще через день он получил письмо от мисс Лилли.

Он забрал его на почте в Сити. Наши соседи переполошились бы, если бы нам принесли почту. Он сам забрал его, принес в дом и при всех

распечатал. Потом мы расселись вокруг, смолкли и стали слушать, один лишь мистер Иббз барабанил пальцами по краю стола — я заметила, что он волнуется, да я и сама волновалась.

Письмо оказалось коротким. Мисс Лилли сообщала, во-первых, как ей было приятно получить весточку от мистера Риверса и какой же он чуткий и внимательный, что решил позаботиться о своей старой няне. Если бы все джентльмены были такими чуткими и внимательными!

Дядя ее, в отсутствие помощника, совсем не справляется с делами, сообщала она далее. Да и сам дом, похоже, изменился: теперь в нем тихо, скучно и уныло. Может быть, всему виной переменчивая погода. А что касается горничной... (Джентльмен повернул письмо к свету, чтобы лучше читалось.) Что касается горничной, бедняжки Агнес, то она рада сообщить ему, что Агнес теперь, скорее всего, поправится, хотя находилась при смерти...

Мы выслушали эту новость затаив дыхание. Миссис Саксби закрыла глаза, и я заметила, как мистер Иббз покосился на остывшую жаровню, прикидывая потери, понесенные за последние два дня. Но Джентльмен, продолжая читать, улыбнулся. Горничная не при смерти, однако

здоровье ее сильно подорвано, она так плохо себя чувствует, что ее решено отправить назад в Корк.

— Слава богу, что на свете есть Ирландия! — выпалил мистер Иббз, отирая платком испарину со лба.

Джентльмен продолжил чтение.

«Я буду рада увидеться с девушкой, о которой Вы говорили, — писала мисс Лилли. — Я буду рада, если Вы сразу же пришлете ее ко мне. Для меня важнее всего, что меня не забывают. Я не избалована чрезмерным вниманием, и ухода за мной особого не требуется. Если она окажется доброй и исполнительной, то мне она наверняка понравится. При одной мысли о том, что она явится ко мне из Лондона, где находитесь Вы, мистер Риверс, она уже делается мне дорога».

Он снова улыбнулся, поднес письмо к губам и сделал вид, что целует. Его поддельное кольцо сверкнуло при свете ламп.

Все в конце концов случилось именно так, как этот хитрый змей и предсказывал.

В ту ночь — для меня это оказалась последняя ночь на Лэнт-стрит и первая из ночей, призванных приблизить Джентльмена к сокровищам мисс Лилли, — в ту ночь мистер Иббз послал за

жареным мясом, а сам положил на жаровню железяки, чтобы приготовить праздничный флип.[10]

На ужин у нас была фаршированная свиная голова — мое любимое кушанье, заказанное к тому же в мою честь. Мистер Иббз пошел с тесаком к задней двери, засучил рукава и, нагнувшись, стал точить лезвие о каменную ступень. Одной рукой он опирался о дверной косяк, и я вдруг обратила внимание на одну вещь (у меня слезы подступили к глазам): косяк был весь в зарубках — это, когда я была маленькая, каждый год на Рождество он ставил меня у двери и отмечал, насколько я выросла с прошлого года. Теперь же он возил лезвием взад-вперед по камню, пока металл не запел, после этого вручил нож миссис Саксби, и она разрезала мясо на порции. Так было принято у нас в доме. Одно свиное ухо досталось мистеру Иббзу, другое — Джентльмену, рыло — Джону и Неженке, а щеки, где самое нежное мясо, — ей и мне.

Все это, как я уже говорила, было устроено в мою честь. Но я не знаю почему — может, оттого, что увидела зарубки на двери, а может, оттого,

---

[10] Примечания: 10
Коктейль с яйцом.

что подумала о супе, который миссис Саксби будет готовить из обглоданных свиных костей, а я уже его не попробую, или от самого вида свиной головы, которая, как мне почудилось, корчит рожу — ресницы узких глазок и щетинки пятачка слиплись от притворных запекшихся слез, — но, только когда все уселись за стол, мне вдруг сделалось грустно. Джон и Неженка жадно накинулись на еду, то прыская со смеху, то препираясь, то взвиваясь вдруг на ехидные замечания Джентльмена, который не переставал их поддразнивать. Мистер Иббз аккуратно подчищал все, что было у него на тарелке, миссис Саксби последовала его примеру, и только я смотрела на свой кусок свинины, и есть мне совсем не хотелось.

Я отдала половину своей порции Неженке. Она переложила ее на тарелку Джону. Тот взвыл, как собака, вгрызаясь в мясо.

А потом, когда на тарелках ничего не осталось, мистер Иббз стал сбивать яйца с сахаром и ромом — готовил флип. Потом наполнил семь стаканов, вынул из жаровни раскаленные железки, помахал ими в воздухе, чтобы чуть-чуть остудить, и опустил каждую в стакан. Готовить флип так же интересно, как поджигать бренди на сливовом пудинге, — такое идет приятное шипение.

Джон сказал:

— Можно, я сам себе сделаю, мистер Иббз?

Лицо его после обильного ужина раскраснелось и залоснилось — точь-в-точь мальчик с витрины игрушечной лавки.

Так все болтали, ели, пили и посмеивались, представляя, как будет здорово, если Джентльмен разбогатеет и я вернусь с тремя тысячами, только я одна почему-то сидела притихшая, и никто, казалось, этого не замечал.

Наконец миссис Саксби похлопала себя по животу и сказала:

— Не сыграете ли нам, мистер Иббз, колыбельную?

Мистер Иббз умел свистеть что твой чайник — мог час свистеть не переставая. Он отодвинул стакан, отер усы и засвистал «Брезентовую куртку». Миссис Саксби тихонько подпевала, но вскоре глаза ее затуманились от слез и голос пресекся. У нее был муж-моряк, и он пропал в море. Пропал для нее, хочу я сказать. А так-то он жив-здоров, осел на Бермудах.

— Как красиво, — сказала она, когда песня закончилась. — А давайте теперь другую, повеселее, а то я что-то совсем раскисла. А молодые пусть попляшут.

И мистер Иббз засвистал плясовую, миссис Саксби хлопала в такт, а Джон с Неженкой тем временем отодвинули стулья к стене.

— Не подержите мои сережки, миссис Саксби? — попросила Неженка.

И они стали танцевать польку, да так лихо, что фарфоровые фигурки на каминной доске запрыгали, звеня, а пыль поднялась такая, что пола под ногами не было видно. Джентльмен стоял у стенки и смотрел на них, покуривая сигарету и приговаривая: «Оп!» — или: «Давай, Джонни!» — словно подзадоривал терьера в драке, где ни на кого не сделал ставку.

Когда они пригласили и меня потанцевать, я отказалась. От пыли я расчихалась, к тому же железка, вскипятившая мой флип, оказалась слишком горячей, и яйцо свернулось. Миссис Иббз приготовила стакан флипа и тарелку с остатками мяса для сестры мистера Иббза, и я вызвалась отнести угощение наверх.

— Вот и хорошо, моя девочка, — сказала она, все еще прихлопывая в такт песне.

Я взяла тарелку, стакан и свечу и пошла наверх.

Уходить из кухни в зимние вечера — так мне всегда почему-то казалось — все равно что спус-

каться с небес на землю. Но почему-то теперь, когда я оставила еду рядом с кроватью спящей сестры мистера Иббза и успокоила пару младенцев, проснувшихся от топота и свиста, я не спешила вернуться назад. Прошла чуть дальше по площадке — до комнаты, которая была нашей с миссис Саксби спальней, а потом поднялась по ступенькам еще на один пролет — к чердачной каморке, где, говорят, я появилась на свет.

Эта комната всегда была выстуженной. И сегодня в ней гулял ветер, окно не закрывалось, и холодно здесь было неимоверно. Дощатый пол покрыт половиками. Стены голые, и лишь в одном месте, за умывальником, чтобы не забрызгать стену, прибит кусок синей клеенки. В настоящий момент на умывальном столике висели два предмета мужского туалета: жилет и рубашка. И то и другое, а также лежащие поверх воротнички принадлежали Джентльмену. Он всегда, когда бывал у нас, спал в этой комнате, хотя мог бы спать там же, где и мистер Иббз, — в кухне. Я-то знаю, какое место я бы выбрала. В углу притулилась пара кожаных сапог, очищенных от грязи и натертых до блеска. Рядом стояла сумка, под завязку, это было видно, набитая другим каким-то бельем. На стуле валялись несколько

монет, выпавших из кармана, пачка сигарет и палочка сургуча. Монеты были легкими, а сургуч — хрупким, как жженый сахар.

Кровать была застелена кое-как. Покрывалом служила пунцовая бархатная портьера, с которой срезали кольца. Ее вынесли из горящего дома, от нее до сих пор пахло паленым. Я подняла ее и накинула на плечи, как плащ. Потом притушила свечу, подошла к окну и, дрожа от холода, обвела взглядом знакомые крыши с печными трубами, а дальше за ними была тюрьма, где повесили мою мать.

На оконном стекле распустился первый морозный цветок, и я, прижав к нему палец, вытопила мутную каплю. Отсюда было хорошо слышно, как свистит мистер Иббз, как топает Неженка, но улицы Боро подо мной лежали во тьме. Лишь кое-где в окошках теплился слабый свет, взблескивал фонарь на проезжавшем экипаже да быстрой тенью проносился озябший пешеход. Я думала обо всех ворах, живущих за этими стенами, и о детях этих воров, и обо всех прочих людях, обычных, живущих в других домах, на других улицах, в других, не таких угрюмых районах Лондона. Я подумала о Мод Лилли: каково ей там, в огромном загородном доме? Еще три дня назад она не

знала моего имени, а я не знала о ней. Она и не подозревает, что я стою здесь сейчас и готовлю ей ловушку, а Неженка Уоррен и Джон Врум в это время отплясывают в кухне как ни в чем не бывало.

Как, интересно, она выглядит? Когда-то я знала девочку по имени Мод, у нее было только полгубы. Она говорила всем, что другую половину оторвали в драке, но я точно знала, что это у нее с рождения, а драться она совсем не умела. В конце концов она умерла — и не оттого, что подралась, а просто съела протухшего мяса. Всего лишь один кусочек мяса — а убил ее. Так-то.

Но у нее были черные волосы. А Джентльмен сказал, что у другой Мод, у его Мод, волосы светлые и она довольно симпатичная. Но как только я начала думать о ней, я уже не могла представить ее иначе как черноволосой и поджарой, вроде как кухонный стул, на который я надевала корсет.

Я попыталась сделать реверанс. В бархатной портьере это оказалось неудобно. Я попыталась еще раз. От внезапного страха меня прошиб пот.

Потом в кухне подо мной со скрипом открылась дверь, кто-то стал подниматься по лестнице, и я услышала голос миссис Саксби — она звала меня. Я не откликалась. Было слышно, как она загляды-

вает в спальни этажом ниже, ищет меня. Потом настала тишина, потом снова — ее шаги, на этот раз вверх по лестнице, ведущей на чердак, и наконец мелькнул свет свечи. Ей тяжело давался подъем, она запыхалась, но только слегка, потому что при всей своей полноте была она довольно живой и проворной.

— Сью, ты здесь? — тихо окликнула она. — Сидишь тут одна, в темноте?

Она огляделась по сторонам и увидела все то, что раньше видела я: монетки, сургучную палочку, сапоги Джентльмена и кожаную сумку. Потом подошла ко мне и коснулась своей теплой, сухой ладонью моей щеки, и я сказала — так, словно она пощекотала или ущипнула меня, а я не могла сдержаться и вскрикнула, — я сказала:

— А что, если я не гожусь для этого, а, миссис Саксби? Что, если у меня не получится? Если я вдруг не выдержу и всех вас подведу? Может, лучше Неженку послать, в конце-то концов?

Она лишь покачала головой и улыбнулась.

— Ну перестань, — сказала она.

Потом взяла меня за руку и подвела к постели, мы с ней сели, она чуть не силком уложила мою голову к себе на колени, потом отвела бархатный край портьеры от моего лица и стала гладить

меня по волосам.

— Ну-ну...

— А это далеко? — спросила я, заглядывая ей в глаза.

— Не очень, — ответила она.

— А вы будете вспоминать обо мне, пока я буду там?

Она принялась поправлять прядь моих волос, выбившуюся из прически.

— Каждую минуту, — тихо сказала она. — Ты же ведь моя девочка! Как же мне не волноваться? Но рядом с тобой будет Джентльмен. С простым бы разбойником я бы тебя ни за что не отпустила.

По крайней мере, честно. Но все же сердце мое билось тревожно. Я снова подумала о Мод Лилли, как она сидит в своей комнате одна и вздыхает, ждет, когда я приду и развяжу ее корсет и согрею у огня ее ночную рубашку. «Бедная леди», — сказала о ней Неженка.

Я закусила губу. А потом спросила:

— Я обязательно должна это сделать, да, миссис Саксби? Разве это не подло, разве не гадко?

Она посмотрела мне в глаза, потом кивнула на пейзаж за окном. И сказала:

— Я знаю, что она бы пошла на это не задумываясь. И если бы она видела тебя сейчас, я скажу

тебе, что бы она чувствовала: страх и одновременно гордость, причем гордость была бы на первом месте.

После этих слов я задумалась. Примерно с минуту мы сидели и молчали. А потом я спросила ее о том, о чем никогда не спрашивала, — о том, о чем у нас на Лэнт-стрит, где были сплошь воры да мошенники, никто и никогда не заговаривал. Я спросила шепотом:

— Миссис Саксби, как вы думаете, это очень больно, когда вешают?

Ее рука, которой она гладила меня по голове, замерла. Потом снова задвигалась, плавно и успокаивающе.

— Мне кажется, ты чувствуешь только веревку на шее, а больше ничего. Это, должно быть, щекотно, мне так кажется.

— Щекотно?

— Ну, покалывает.

Рука все так же скользила по моим волосам.

— Но когда открывают люк? — спросила я. — Что чувствуют тогда — вы знаете?

Она вздрогнула.

— Наверно, когда люк открывают, бывают судороги.

Я подумала о тех людях, которых повесили в

нашей тюрьме и казнь которых я видела. Они и вправду дергались. Лягались и брыкались, как деревянные мартышки на палочке.

— Но это происходит очень быстро, — продолжала она, — так что я даже думаю, что из-за быстроты боли не чувствуешь. А если вешают леди — тогда, знаешь, Сью, они специально так завязывают узел, чтобы все произошло как можно быстрее...

Я снова взглянула на нее. Она поставила свечу на пол, и свет, освещавший ее лицо снизу, изменил его до неузнаваемости: щеки раздулись, глазницы провалились, как у старухи. Я невольно вздрогнула, а она тронула меня за плечо и погладила — даже сквозь тяжелый бархат я почувствовала властное тепло ее руки.

Потом она склонила голову.

— Там сестра мистера Иббза опять не в себе,— сказала она, — опять маму свою зовет. Пятнадцать лет уж, бедняжка, мается. Я бы, Сью, не хотела дожить до такого. Что я хочу сказать: из всех возможных какой конец быстрее, тот и лучше. Я так думаю.

Так она сказала и подмигнула. Так она сказала, и не похоже было, что она шутит. Я иногда думаю: может, она так сказала, чтобы успокоить меня?

Но тогда я так не думала. Я встала, поцеловала ее и пригладила волосы там, где она теребила прядь, а потом снова послышался стук кухонной двери, и снова шаги на лестнице, на этот раз громкий топот, и — голос Неженки:

— Где ты, Сью? Ты не пойдешь танцевать? Мистер Иббз так раскочегарился, у нас там такое веселье!

От громкого ее голоса добрая половина малюток проснулась и криком своим разбудила остальных. Но миссис Саксби сказала, что приглядит за ними, и я сошла вниз и на этот раз потанцевала — с Джентльменом на пару. Он вел меня в вальсе. Он был пьян и крепко сжимал меня. Джон снова танцевал с Неженкой, и мы потолкались по кухне с полчаса, причем Джентльмен все время покрикивал: «Давай, Джонни!» — или: «Так держать, мальчик!» — а мистер Иббз только один раз сделал передышку и смазал маслом губы, чтобы легче было свистеть.

Ровно в полдень мне предстояло их покинуть. Я упаковала все свои пожитки в покрытый холстиной сундук, надела простое коричневое платье, еще на мне будет плащ и шляпка. Я запомнила все, чему за три дня дрессировки научил меня Джентльмен. Я крепко затвердила историю своей

жизни и свое новое имя — Сьюзен Смит. Нам оставалось сделать только одно, и когда я в последний раз села есть в этой кухне — мне подали хлеб и вяленое мясо, пересушенное так, что зубы вязли, — только тогда Джентльмен сделал это последнее дело. Он достал из своей сумки листок бумаги, перо и чернила и написал мне рекомендательное письмо.

Он сочинил его в один момент. Конечно, ему не впервой подделывать документы. Дав чернилам просохнуть, он вслух зачитал написанное.

И вот что там было сказано:

«Всем заинтересованным лицам. Леди Алиса Данрейвен, проживающая на Бамс-стрит, Мейфэр, рекомендует мисс Сьюзен Смит...» — ну и далее в том же духе. Что там было дальше, я точно не помню, но, по-моему, звучало вполне убедительно.

Дочитав до конца, он снова положил листок на стол и расписался кружевным женским росчерком. Потом протянул письмо миссис Саксби.

— Что скажете, миссис О? — с улыбкой спросил он. — Это поможет Сью?

Но миссис Саксби сказала на это, что не берется судить.

— Тебе лучше знать, мальчик мой, — сказала

она, отводя взгляд.

Конечно, если мы на Лэнт-стрит и допускали к работе посторонних, то скорее поверили бы не рекомендации, а отсутствию всяческих рекомендаций. К нам приходила порой маленькая, похожая на гномика, девушка — кипятить детские пеленки и мыть пол. Но то была воровка. Порядочных девушек мы не принимали. Они бы тотчас смекнули, что за дела проворачиваются в нашем доме, и выдали бы нас с головой. К чему нам неприятности?

Так что миссис Саксби отвела протянутое письмо, и Джентльмен прочел нам его по новой, потом подмигнул мне, сложил, запечатал и упрятал в мой сундук. Я поспешно дожевала последний кусок мяса, подобрала крошки и застегнула плащ. Прощаться предстояло с одной лишь миссис Саксби. Джон Врум и Неженка никогда раньше часа не вставали. Мистер Иббз ушел вскрывать сейф где-то в Боу; полчаса назад он поцеловал меня в щеку и вручил мне на прощание шиллинг. Я надела шляпку. Она была тускло-коричневая, как и платье на мне. Миссис Саксби поправила ее. Потом взяла мое лицо в ладони и улыбнулась.

— Благослови тебя Бог, Сью! — сказала она. — В тебе — все наше богатство!

Но улыбка у нее получилась какая-то кривая. Мы с ней раньше никогда не расставались надолго, разве что на день. Она отвернулась, чтобы скрыть набежавшую слезу.

— Забирай ее скорее, — сказала она Джентльмену. — Забирай скорее, сил нет смотреть!

И, слегка приобняв меня за плечи, он повел меня прочь. За дверью он свистнул мальчишку — нести за нами сундук. Мы пошли к стоянке кебов, нам нужно было попасть на Паддингтонский вокзал, где он посадит меня на поезд.

День выдался пасмурный. Но не так уж часто я перебиралась на другой берег, и я сказала, что хотела бы пройти пешком до Саутуоркского моста и поглядеть на реку. Я надеялась, что оттуда будет виден весь Лондон как на ладони, но туман густел чуть не с каждым нашим шагом. А на мосту оказалось и того хуже. Виднелся лишь черный купол собора Святого Павла да еще баржи на воде: почему-то из всего городского пейзажа осталось на виду все только черное, а светлое — светлое исчезло, растворилось в тумане.

— Странно, как подумаешь, что под ногами — вода, — произнес Джентльмен, глядя с моста вниз.

Он подошел к перилам, наклонился и сплю-

нул.

Туман застал нас врасплох. Уличное движение замедлилось, временами почти застопоривалось, и даже если мы находили кеб, через двадцать минут приходилось расплачиваться с извозчиком и снова идти пешком. Предполагалось, что я успею на поезд, который отходит ровно в час дня, однако теперь, шагая по какой-то площади, мы услышали, как часы отбивают назначенный час, потом еще четверть часа, потом полчаса — причем звон этот был таким зыбким и слабым, словно кто-то обернул колокола фланелью.

— Может, вернемся назад и попытаемся завтра? — сказала я.

Но Джентльмен сказал, что к моему поезду в Марлоу вышлют двуколку с извозчиком и что ничего, если я опоздаю, — все лучше, чем вовсе не приеду.

Но когда мы наконец добрались до Паддингтона, выяснилось, что все поезда в этот день запаздывают, так же как и уличный транспорт, и нам пришлось ждать еще с полчаса, пока не дали сигнал, что бристольский поезд — на этом поезде я должна была доехать до Мейденхеда, а там пересесть на другой — наконец подан. Мы стояли под тикающими часами, переминались

с ноги на ногу и дули на окоченевшие пальцы. Над головой зажгли большие фонари, но туман проник и сюда и, смешиваясь с паром, клубился под сводами вокзала, так что проку от фонарей было мало. Стены, по смерти принца Альберта, были завешены черным, траурный креп засижен птицами. Мне вокзал показался слишком уж мрачным — совсем не то я ожидала увидеть! Ну да ладно. Вокруг сплошное мельтешение: кто-то кого-то ждал, кто-то встречал, люди чертыхались, проталкивались вперед — под ноги нам то и дело кидались то малые детки, то собачки.

— Фу ты черт! — ругнулся Джентльмен: ему чуть не отдавило ногу кресло на колесиках.

Он наклонился, отер грязь с сапога, потом выпрямился и закурил сигарету. Закашлялся. Воротник его был высоко поднят, поля шляпы низко свисали. Глаза у него сегодня были какие-то тусклые, словно запачканы желтком. Да, сейчас он меньше всего походил на мужчину, от которого девицы сходят с ума.

Он снова кашлянул.

— К черту дешевый табак, — сказал он, обирая с языка сухую былинку. Потом перехватил мой взгляд и попытался улыбнуться: — К черту нищую жизнь во всех ее проявлениях — да, Сьюки? Для

нас с тобой она очень скоро кончится, правда?

Я отвернулась и ничего не ответила. Еще вчера я чуть не до утра вальсировала с ним в кухне, теперь же, вдали от Лэнт-стрит, от миссис Саксби и мистера Иббза, среди этой гомонящей толпы, этот человек вдруг показался мне совсем чужим, и мне стало неловко. Я подумала: «Вы мне — никто». И вновь еле удержалась, чтобы не попроситься домой, но я понимала, что, если еще раз заговорю об этом, он еще, чего доброго, разозлится, так что промолчала.

Он докурил одну сигарету и зажег другую. Потом пошел по нужде, и я чуть позже пошла тоже. Подбирая юбки, я услышала свисток, и, когда вернулась, оказалось, что посадку уже объявили и половина людей кинулись сломя голову к только что поданному поезду. Мы поспешили вместе с толпой. Джентльмен подвел меня к вагону второго класса, потом передал мой сундук человеку, размещавшему багаж на крыше вагона. Я села рядом с женщиной, на руках у нее был ребенок, и лицо у нее было измученное, напротив нее сидели два коренастых фермера — сразу видно, деревенщина. Мне показалось, она мне обрадовалась, ведь я была так одета, что по виду — ха-ха! — ни за что не подумаешь, что это всего-навсего

вороватая девчонка из Боро. Следом за мной вошли мальчишка и его старичок родитель, они несли клетку с канарейкой. Мальчик сел рядом с деревенскими мужиками. Папаша его сел рядом со мной. Вагон качнулся и заскрипел, и все мы, запрокинув голову, смотрели, как с потолка, где ворочали тяжелые тюки и другой багаж, на нас сыплется пыль вперемешку с ошметками лакировки.

В следующую минуту дверь рывком распахнули и захлопнули. За всей этой предотъездной суетой я чуть не забыла про Джентльмена. Подсадив меня в вагон, он отвлекся, видать, и завязал беседу с проводником. Теперь же подошел к открытому окну и сказал:

— Я боюсь, ты приедешь поздно, Сью. Но, думаю, кучер в Марлоу тебя дождется. Уверен, что дождется. Надо надеяться.

Я сразу поняла, что нет, не дождется, и мне вдруг стало жаль себя и захотелось плакать. И выпалила вдруг:

— Поедете со мной? Проводите меня до дома?

Но разве он мог? Он покачал головой и виновато скривился. Два мужичка, женщина, мальчик и старичок папаша смотрели на нас — удивлялись, наверно, о каком доме идет речь и вообще, с чего

это мужчина в модной широкополой шляпе, да еще с таким голосом, завел разговор с такой девушкой, как я.

Потом носильщик слез с крыши, раздался второй свисток, поезд жутко накренился и тронулся. Джентльмен приподнял шляпу и, пока поезд набирал ход, шел за нами следом, потом отстал — я видела, как он развернулся, надел шляпу, поднял воротник. Потом он исчез из виду. Вагон еще сильнее заскрипел и стал покачиваться с боку на бок. Взрослые ухватились за кожаные ремни, мальчик же прижался носом к стеклу. Канарейка просунула клюв меж прутьев клетки. Младенец заплакал. И плакал примерно полчаса.

— У вас есть джин? — не выдержав, спросила я у женщины.

— Джин? — переспросила та, как будто речь шла о яде. Потом поджала губы и демонстративно отвернулась — ишь, фитюлька какая, неприятно ей, видите ли, сидеть рядом со мной.

...Из-за нее, а также из-за младенца, и из-за птицы, не умолкавшей ни на минуту, и из-за пожилого господина, который уснул и храпел всю дорогу, и из-за мальчика, который пулялся бумажными шариками, и из-за деревенских увальней, которые всю дорогу дымили и брани-

лись по пустякам, и из-за тумана, который не давал поезду как следует разогнаться, и тот приехал в Мейденхед на два часа позже расписания, так что я пропустила один поезд на Марлоу и вынуждена была дожидаться следующего, — из-за всего этого поездку мою едва ли можно назвать приятной. Я не захватила с собой еды, ведь предполагалось, что я прибуду в «Терновник» к тому времени, когда слуги пьют чай. Я с самого утра ничего не ела — мне, правда, дали на завтрак ломоть хлеба с вяленым мясом, и я еще досадовала, что оно застревает в зубах, но семь часов спустя, сидя в Мейденхеде, я вспоминала о нем, и у меня слюнки текли. Вокзал здесь был совсем не похож на Паддингтон, где с лотков торговали кофе, молоком и плюшками. Здесь на перроне стояла всего одна продовольственная будка, да и та была наглухо закрыта. Я уселась на свой сундук. Глаза щипало — наверно, от тумана. Я высморкалась, и платок почернел. Какой-то мужчина увидел меня за этим занятием.

— Не плачьте, — сказал он с улыбкой.

— А я и не плачу! — огрызнулась я.

Он подмигнул, а затем спросил, как меня зовут.

Да, одно дело, когда с тобой заигрывают в горо-

де. Но я-то не в городе. И сделала вид, что ничего не заметила. Когда пришел поезд на Марлоу, я села на заднее сиденье в конце вагона, а он уселся в самом начале, лицом ко мне, и добрых полчаса буравил меня взглядом. Мне вспомнилось, как Неженка рассказывала, что вот так же однажды села в поезд, а рядом сидел некий джентльмен, так он расстегнул брюки, и показал ей петушка, и попросил потрогать. И она потрогала, а он дал ей за это фунт. Я подумала: что же мне делать, если этот мужчина попросит меня потрогать петушка, — закричать, отвернуться, потрогать или что?..

Но если подумать: к чему мне фунт, если вспомнить, куда я направляюсь!

И, опять-таки если подумать, такие шальные деньги непонятно куда девать. Неженка, к примеру, так и не осмелилась потратить свое богатство, опасаясь, что отец, как только увидит денежку, сразу догадается, что она наблудила. Она спрятала свой фунт в стене прачечной — там, где кирпич выпадал и его при желании можно было вынуть и впихнуть обратно. Для памяти она пометила кирпич особой меткой, но какой — никому не сказала. Она обещала открыть нам эту тайну на смертном одре, чтобы мы могли на этот фунт похоронить ее по всем правилам.

Итак, мой попутчик буравил меня взглядом, но расстегивал ли он брюки, сказать не могу, не видала. Наконец он попрощался со мной, приподняв шляпу, и сошел с поезда. После этого были еще остановки, и на каждой кто-то сходил, но никто больше не подсаживался. Станции пошли какие-то мелкие, одна неинтереснее другой, на последних уже ничего примечательного и не было, да и в окно совсем не на что стало смотреть, одни деревья да кусты, а за ними — туман, серый туман, выше которого лишь черное ночное небо. А когда деревья и кусты слились в одну сплошную полосу, а небо стало черным-пречерным, я даже подумала: настоящее небо таким не бывает, тут поезд и встал. Приехали в Марлоу.

Никто не сошел здесь, кроме меня. Я оказалась самым распоследним пассажиром. Проводник прокричал остановку и подошел снять мой сундук.

Он сказал:

— Одна вы не донесете. Вас кто-нибудь встречает?

Я ответила, что вообще-то меня должна встречать двуколка из «Терновника».

Проводник сказал: уж не та ли это телега, что приезжает забирать почту? Она уж три часа как

уехала. И оглядел меня с ног до головы.

— Из Лондона прибыли? — поинтересовался он. Потом крикнул машинисту, который высунулся из окна: — Она из Лондона, едет в «Терновник»! Я сказал ей, что двуколка оттуда была и ушла.

— Ага, конечно, была и ушла! — крикнул в ответ машинист. — Была и ушла, часа три тому.

Я поежилась. Здесь было холоднее, чем дома. Холоднее и темнее, и в воздухе пахло как-то странно, да, и еще — говорила я или нет? — народ тут был до невозможности дремучий.

Я спросила:

— А кебмен не может меня отвезти?

— Кебмен? — удивился проводник. И, повернувшись к машинисту, крикнул: — Желает кебмена!

— Кебмена!

И они принялись ржать и под конец аж закашлялись. Проводник вытащил носовой платок и стал утираться, бормоча:

— Вот смех-то, прости господи... Кебмена ей, это в Марлоу-то!

— Да заткнитесь вы, — сказала я. — Заткнитесь вы, оба.

Схватила сундук за ручку и поплелась с ним туда, где брезжили вдали два огонька, — я решила, что это, наверное, огни деревни.

Проводник сказал:

— Ишь какая, язык распустила! Вот возьму и расскажу все мистеру Пею. Посмотришь, что он сделает, — ишь нахваталась лондонских словечек!

Не знаю, на что я рассчитывала. Я понятия не имела, сколько шагать до «Терновника». Я даже не знала, по какой дороге идти. Лондон был за сорок миль отсюда, а я жутко боялась коров и быков.

Но в конце концов, сельские дороги не то что городские. Их бывает всего четыре, и все они в конце концов сходятся. Я прибавила шагу и прошагала примерно с минуту, как вдруг позади послышался топот копыт и поскрипывание колес. А затем со мной поравнялась повозка, и сидевший на ней мужчина потянул вожжи и поднял фонарь, чтобы лучше разглядеть мое лицо.

— Вы Сьюзен Смит? — спросил он. — Вы приехали из Лондона. Мисс Мод весь день из-за вас места себе не находит, волнуется.

Человек он был пожилой, и звали его Уильям Инкер. Он служил конюхом у мистера Лилли. Он взял у меня сундук, усадил меня рядом с собой и стал понукать лошадь. А когда понял, что я вся дрожу — от встречного ветра, с непривычки к

такой езде, — он вытащил откуда-то клетчатый плед и укутал мне ноги.

До «Терновника» было шесть или семь миль, и весь этот долгий путь мы проделали как-то на удивление легко и незаметно: он пустил лошадь рысью, а сам сидел и покуривал трубочку. Я рассказала ему про туман — даже здесь кое-где висели его белесые клочья,— что это из-за него поезда задержались.

Он ответил:

— Знамо дело, Лондон. Там, говорят, всегда туманы. Приходилось бывать за городом-то?

— Не часто, — ответила я.

— Прислуживали у городских господ? Хорошее было место — последнее-то?

— Хорошее, — кивнула я.

— Как чудно-то вы говорите, а еще горничная, — сказал он затем. — Во Франции бывали?

На секунду я помедлила с ответом, подтыкая плед с обеих сторон.

— Раза два, кажись, — ответила я.

— А правду говорят, они коротышки, французы-то? Я о ногах.

Вообще-то я знала только одного француза: он был взломщик, и звали его почему-то Джек Немец. Он как раз был длинный, но, чтобы не

огорчать Уильяма Инкера, я сказала:

— Коротышки? Наверное...

— Так я и думал, — сказал он.

Дорога была пустынной и темной, и в тишине над полями слышны были лишь цокот копыт, лошадиное фырканье, скрип колес и наши с конюхом голоса. Потом где-то совсем близко зазвонил колокол, звук был жалобный, унылый, не то что радостный лондонский трезвон. Я насчитала девять ударов.

— Это в «Терновнике» часы бьют, — сказал Уильям Инкер.

После этого мы ехали молча и через некоторое время оказались возле высокой каменной стены и поехали вдоль нее. Вскоре я увидела впереди огромную арку и за ней — крышу и стрельчатые окна серого дома, сплошь увитого плющом. Я подумала, что лачуга, конечно, ничего себе, но не такая уж величественная и мрачная, как выходило по словам Джентльмена. Но когда Уильям Инкер натянул вожжи, а я отвернула плед и нагнулась за сундуком, то услышала:

— Погоди, деточка, нам еще полторы мили ехать!

А потом он крикнул человеку с фонарем, стоявшему на пороге дома:

— Добрый вечер, мистер Мак. Можете закрыть за нами ворота. Это вот мисс Смит — видите? — живая и невредимая.

Здание, которое я приняла за господский дом, оказалось всего-навсего будкой привратника!

Я ничего не сказала, лишь смотрела во все глаза — и мы проехали мимо сторожки и дальше, справа и слева мелькали темные стволы облетевших деревьев, их ряды повторяли каждый изгиб дороги, пока не завели нас в какую-то низину, где даже воздух — на сельских просторах он, похоже, совсем было очистился — снова стал густым и влажным. Таким густым и влажным, что я прямо почувствовала его прикосновение — он словно облепил прохладной тканью мое лицо, ресницы, губы. Я закрыла глаза. Потом это прошло. Я открыла глаза и посмотрела вперед. Дорога шла на подъем, мы выбрались из древесного коридора на гравиевую поляну, и на ней, вздымаясь из густошерстяного тумана, как скала, щербатясь черными закрытыми окнами, пугая черным неопрятным плющом, пуская в небо хлипкие струйки сизого дыма из двух своих труб, стоял «Терновник» — лесной дворец, в котором живет Мод Лилли и который отныне я должна буду называть своим домом.

Прямо к парадному крыльцу мы не поехали, а свернули на дорожку, уводившую куда-то за дом — в какие-то темные и тесные дворы, беспорядочно застроенные пристройками с множеством крылечек и переходов; кирпичные стены здесь были почти черны, окна наглухо закрыты, из глубины дворов доносился собачий лай. На одном из строений, очень высоко, на закопченной стене белым пятном маячили башенные часы с черными стрелками — это их звон слышала я далеко в полях. Как раз под часами Уильям Инкер и остановил лошадь, потом помог мне сойти. В одной из пристроек дверь была не заперта — там на крыльце, переминаясь с ноги на ногу от холода, стояла женщина и смотрела прямо на нас.

— Это миссис Стайлз — услыхала, как мы подъехали,— сказал мне Уильям.

И мы пошли к ней через весь двор. Прямо над нами, в маленьком оконце, мелькнул слабый огонек — вспыхнул, затрепетал, потом исчез.

За дверью был коридорчик, который выводил прямо в большую, светлую кухню — раз в пять больше нашей на Лэнт-стрит: посуда расставлена ровными рядами вдоль побеленных стен, с потолочных балок аккуратно свисали несколько кроличьих тушек. Сидевшие за большим стру-

ганым столом мальчик, взрослая женщина и несколько девочек встретили меня настороженно. Этого и следовало ожидать. Девочек сразу заинтересовали мой капор и покрой моего плаща. На них была одежда прислуги — передники и все такое, потому я не стала к ним особенно присматриваться.

Миссис Стайлз сказала:

— Ну вы и припозднились. Еще немного — и вам пришлось бы ночевать в деревне. Мы здесь рано ложимся.

Это была женщина лет пятидесяти, в белом чепце с оборками, у нее была привычка: когда она разговаривала с вами, она никогда не смотрела вам в глаза, а всегда косила куда-то в сторону. У нее на поясе, на цепочке, висели ключи от дома. Очень простые ключи, сейчас уж таких не делают, я бы любой в два счета выточила.

Я присела перед ней в полупоклоне. И не сказала ей — хотя очень хотелось, — что пусть еще скажет мне спасибо, что я не повернула назад с Паддингтонского вокзала, а ведь могла бы, и чего ради было тащиться в такую даль, чтобы лишний раз убедиться, что зря это сделала и лучше бы мне остаться в Лондоне, — конечно, я могла бы ей все это высказать, но сдержалась. Вместо этого

сказала другое:

— Ну да, я ужасно рада, что за мной вообще прислали лошадь.

Девчонки за столом захихикали. Женщина, сидевшая с ними рядом — кухарка, как выяснилось, — поднялась и, взяв поднос, стала собирать мне ужин.

Уильям Инкер сказал:

— Мисс Смит жила в Лондоне в очень приличном доме, миссис Стайлз. И несколько раз бывала во Франции.

— Неужели? — откликнулась миссис Стайлз.

— Всего пару раз, — поправила я. Ну вот, теперь все решат, что я хвастаюсь.

— Она говорит, у тамошних парней ноги коротки.

Миссис Стайлз кивнула. Девчонки снова захихикали, а одна из них произнесла вполголоса что-то такое, отчего парнишка, сидевший рядом, покраснел. Тем временем мой поднос с ужином был готов, и миссис Стайлз сказала:

— Маргарет, отнеси это ко мне в кладовую. Мисс Смит, хотите, я покажу вам, где можно умыться?

Я подумала, что она имеет в виду туалет, и согласно кивнула:

— Конечно, будьте так добры.

Она вручила мне свечу и вывела по другому недлинному коридорчику во двор, но не в тот, где мы были раньше. Там стоял простой дощатый нужник с бумагой на гвоздике.

Потом она отвела меня к себе. Комнатушка у нее была крохотная, на каминной полке — белые восковые цветы, картинка в рамке: портрет моряка. Наверное, это мистер Стайлз, ушедший в плаванье, подумала я. Рядом другая картинка: фигура ангела, выложенная по контуру из черных волос, — это мистер Стайлз, ушедший в мир иной, решила я. Она села и стала смотреть, как я ем. На ужин была мелко порубленная баранина и хлеб с маслом. Можете себе представить, как быстро я с этим управилась, с голодухи-то. Пока я ела, часы за окном прозвонили полдесятого — я узнала этот протяжный звон. Я сказала:

— Часы что, всю ночь звонят?

Миссис Стайлз кивнула:

— Всю ночь, а также весь день, каждые полчаса. Мистер Лилли любит порядок, и день его расписан по часам. Сами увидите.

— А мисс Лилли? — спросила я, вытирая уголки рта, чтобы не оставлять крошек. — А она что любит?

Миссис Стайлз разгладила передник.

— Мисс Мод любит то же, что и ее дядя, — ответила она. Потом, пожевав губами, добавила: — Вы сами увидите, мисс Смит, мисс Мод еще очень молода, хотя и считается хозяйкой такого большого дома. Слуги ее не касаются, слуги — в моем ведении. Видите ли, я уже довольно долго служу экономкой и кому, как не мне, знать, как подобрать порядочную горничную для моей госпожи, — но, вы меня понимаете, даже экономке приходится делать то, что ей велят, и в этом вопросе мисс Мод со мной считаться не стала. Не стала считаться. Думаю, не очень-то мудро с ее стороны, в ее-то возрасте, но подождем, посмотрим, что из этого выйдет...

Я сказала, что уверена: как бы мисс Лилли ни поступила, все будет хорошо.

Она заметила:

— У меня огромный штат слуг, потому я и не сомневаюсь, что все будет хорошо. В этом доме слуги знают свое дело, мисс Смит, и я надеюсь, вы будете справляться не хуже. Вот только к чему вы привыкли на своем последнем месте? Я не знакома с обязанностями горничных в Лондоне. Я никогда там не была... — «Как, ни разу не была в Лондоне?!» — пронеслось у меня в голове. — Так что не берусь судить. Но если вы не будете забы-

вать о других моих девушках, уверяю вас, и они будут к вам относиться подобным же образом. Что касается слуг и дворовых, надеюсь, я не застану вас беседующей с ними, разве что в случае крайней необходимости...

Наставления продолжались еще с четверть часа — и за все это время, как я уже обратила ваше внимание, она ни разу не заглянула мне в глаза. Она рассказала, куда я могу ходить, а куда ходить запрещено, где я должна есть, сколько сахара мне полагается, сколько пива, и если мне надо постирать свое нижнее белье, куда мне его относить. Чай, который заваривается в чайнике мисс Мод, сообщила она, по традиции, предыдущая горничная имела обыкновение передавать девочкам на кухню. То же касательно огарков свечей мисс Мод: их следует отдавать мистеру Пею. Мистер Пей знает, сколько примерно огарков останется, поскольку именно он выдает свечи. Пробки идут Чарльзу, это мальчик при кухне. Кости и кожа — повару.

— Ну а те обмылки, что мисс Мод оставляет на умывальнике, — сказала она, — можете оставить себе. Все равно они сухие и пены от них никакой.

Вот вам слуги: только и думают, где бы хоть

чуточку да урвать свое. Больно мне нужны эти огарки да обмылки. Если раньше я как-то не очень понимала, каково это — ждать, когда на тебя свалится три тысячи фунтов, то теперь прониклась этим чувством в полной мере.

Потом она сказала, что, если я поужинала, она с удовольствием проводит меня в мою комнату. И когда мы пойдем, она попросила бы меня не шуметь, потому что мистер Лилли любит, когда в доме тихо, и, если его потревожить, может вспылить, а у мисс Мод тоже слабые нервы, поэтому ее нельзя будить или сердить.

Так она сказала, а потом взяла свою лампу, а я — свечу, и она повела меня по коридору, а потом наверх — по темной лестнице.

— Это черный ход, для слуг, — сказала она, когда мы поднимались по ступенькам, — им вы и должны пользоваться, за исключением тех случаев, когда мисс Мод прикажет вам идти другим путем.

Чем дальше мы шли, тем тише становился ее голос, тем мягче и осторожнее шаги. Наконец, когда мы поднялись на три пролета, она подвела меня к двери, за которой, как она пояснила шепотом, находилась моя комната. Прижав палец к губам, она медленно повернула ручку.

У меня никогда не было собственной комнаты. Да не очень-то и хотелось. Но раз уж мне положено, пусть будет. Комната оказалась маленькой и неуютной — на мой вкус, несколько бумажных гирлянд, привешенных к потолку, явно бы не помешали, или там пара гипсовых собачек на каминной полке. Сейчас там стояло лишь зеркало да внизу, у очага, лежал коврик.

Рядом с кроватью я увидела свой дорожный сундук — должно быть, Уильям Инкер принес его сюда и оставил.

У изголовья кровати была еще одна дверь, плотно закрытая, но без ключа.

— Куда она ведет? — поинтересовалась я, и миссис Стайлз ответила:

— Это дверь в комнату мисс Мод.

— Мисс Мод спит за этой дверью? — переспросила я.

Может, я действительно произнесла эти слова слишком громко, потому что миссис Стайлз вздрогнула — как если бы я вдруг завизжала или громыхнула чем-то тяжелым.

— У мисс Мод плохой сон, — тихо пояснила она. — Если она проснется среди ночи, от служанки требуется посидеть с ней. Вас она не позовет, поскольку не знает о вашем приезде, так что сегодня

ночью Маргарет посидит на стуле у ее двери, она же утром принесет ей завтрак и поможет одеться. После этого будьте готовы к тому, что вас позовут и проведут с вами беседу.

Она выразила надежду на то, что я понравлюсь мисс Мод. Я сказала, что тоже на это надеюсь.

После этого она удалилась. Она уходила очень тихо, а у двери вдруг замедлила шаг и потянулась рукой к связке ключей на поясе. Заметив этот жест, я похолодела: ну точь-в-точь тюремная надзирательница. И у меня невольно вырвалось:

— Вы меня здесь не запрете?

— Запру? — Она удивленно вскинула брови.— С какой стати?

Я ответила, что не знаю. Она оглядела меня с головы до ног, вздернула подбородок, закрыла за собой дверь и оставила одну.

Я мысленно послала ее к черту.

Потом села на кровать. Жестко. Я подумала: интересно, меняли здесь постельное белье с тех пор, как уехала последняя горничная, та, что заболела скарлатиной. Но было слишком темно, чтобы это проверить. Миссис Стайлз унесла с собой лампу, а я, похоже, поставила свечу на сквозняке — пламя ее трепыхалось, и вокруг колыхались гигантские черные тени. Я развязала плащ, но с плеч его не

снимала. От холода и от усталости я вся дрожала, а запоздалый ужин колом стоял в желудке, внутри болело. Было десять часов вечера. Мы дома обычно смеялись над теми, кто ложился спать раньше полуночи.

С тем же успехом меня могли посадить в темницу, подумала я. В тюрьме и то небось веселей. Здесь же повсюду какая-то гнетущая, жуткая тишина: прислушиваешься — и ничего не слышно, только зря слух напрягаешь. А если подойти к окну и посмотреть, что делается снаружи, — голова закружится, до чего высоко, а внизу лишь темный двор и конюшня, и все тихо-претихо...

Я подумала: «А как же свеча, которая мелькнула за окном, когда мы с Уильямом Инкером только приехали? Интересно, где эта комната, откуда шел свет?..»

Я открыла сундук — посмотреть на вещи, которые захватила с собой с Лэнт-стрит, — по правде говоря, вещички-то были не мои, все эти нижние юбки и сорочки, которые Джентльмен заставил меня взять. Сняла платье и минуты две тупо на него глядела. Платье тоже было не мое, но я нашла швы, прошитые рукой Неженки, и понюхала ткань. Мне казалось, ее иголка должна оставить знакомый запах, на худой конец запах псины от

шубейки Джона Врума.

Я представила, как миссис Саксби сварит суп из свиных костей, оставшихся после прощального пира, и это было так странно: я вдруг представила их всех, как они сидят, едят суп и вспоминают обо мне, а может, о чем другом, не важно.

Если бы я была девицей плаксивой, я бы, конечно, разрыдалась от таких мыслей.

Но я сроду не была плаксой. Я переоделась в ночную сорочку, накинула на плечи плащ и, до конца не разувшись и не сняв чулок, встала в раздумье посреди комнаты. Глянула на закрытую дверь у изголовья кровати, на замочную скважину и подумала: может, мисс Мод заперлась с другой стороны и повернула ключ? Интересно, если нагнуться и поглядеть одним глазком, видно будет хоть что-нибудь? Ну а раз такое пришло в голову, трудно бывает удержаться... Но когда я подошла на цыпочках, стараясь не шуметь, и нагнулась к замочной скважине, то увидела лишь сумрачный свет и ничего более, ничего похожего на фигуру спящей — или не спящей — капризной девицы, — словом, ничего интересного.

Тогда я подумала, что, может, хоть послушаю, как она дышит. Прижалась ухом к двери. Но услышала лишь биение собственного сердца да

шум крови в висках. И еще тихое-тихое поскрипывание — это, наверное, какой-нибудь жучок или червячок точил в дереве ход.

И больше ничего, хотя я прислушивалась целую минуту, а может, и больше. Потом бросила это дело. Сняла ботинки и подвязки и улеглась в постель. Простыни были холодные и сырые на ощупь, как раскатанное тесто. Я накинула поверх одеяла плащ — для тепла, а также чтобы быстро схватить его, если кто-нибудь набросится на меня среди ночи и придется спасаться бегством. Ничего ведь нельзя знать наверняка. Свечу я гасить не стала. Если мистер Пей будет печалиться, что одним огарком меньше, ему же хуже.

Даже у воров бывают свои слабости. Тени все еще плясали по стенам. Волглые простыни никак не согревались. Большие часы пробили пол-одиннадцатого… одиннадцать… полдвенадцатого… двенадцать. Я лежала под одеялом и дрожала от холода, и, знаете, больше всего на свете мне хотелось быть сейчас рядом с миссис Саксби, на Лэнт-стрит, там, где мой дом.

Глава третья

Меня разбудили в шесть утра. А я думала, еще глубокая ночь, потому что свеча моя, конечно же, успела догореть, а занавески на окне были тяжелые и плотные и совсем не пропускали света. Когда Маргарет постучала в мою дверь, мне показалось, что я в своей прежней комнате на Лэнт-стрит. Я почему-то решила, что это воровка, которая сбежала из тюрьмы и хочет, чтобы мистер Иббз помог ей снять кандалы. Такое не часто, но случалось, иногда заглядывали добрые воры, даже наши знакомые, но попадались и отъявленные злодеи. Один такой гад даже приставил нож к горлу мистера Иббза, потому что тот сказал, что железо плохо пилится и по-быстрому не получится. Итак, теперь, когда Маргарет постучалась, я вскочила с кровати и закричала: «Держи, держи!» — хотя кого надо было держать и зачем, я понятия не имела, а Маргарет и подавно.

Она высунула из-за двери голову:

— Вы звали, мисс? — и протянула мне кувшин с водой для умывания.

Войдя в комнату, первым делом развела в камине огонь. Потом заглянула под кровать, достала

ночной горшок, опорожнила его в помойное ведро и насухо вытерла влажной тряпкой, один конец которой был заткнут за пояс ее передника.

Я сама привыкла чистить горшки — дома. Теперь же, видя, как Маргарет выливает за мной ночной горшок, я смутилась. Тем не менее сказала:

— Спасибо, Маргарет.

И тут же пожалела об этом. Потому что Маргарет после этих слов поджала губы: мол, кто ты такая, чтобы благодарить меня? Что о себе возомнила? Прислуга. Она сказала, что завтрак мне подадут в кладовке миссис Стайлз. Потом отвернулась и вышла, попутно, как я успела заметить, бросив взгляд на мое платье, ботинки и на открытый сундук.

Я дождалась, когда огонь разгорится посильнее, потом встала с постели и оделась. Умываться не хотелось: слишком холодно. Платье казалось липким. Отодвинув занавеску, при свете дня я увидела то, чего накануне, при свете свечи, не заметила: что потолок весь в пятнах от сырости, на обшитых деревом стенах — белесые разводы плесени.

Тем временем в соседней комнате послышались приглушенные голоса. Я различила голос

Маргарет:

— Да, мисс. — И скрипнула, закрываясь, дверь.

После этого все стихло. Я пошла вниз завтракать — с первого раза, правда, заплутала в неосвещенных коридорах под черной лестницей и вышла во двор, где стояла туалетная будка. Будку, как я могла теперь убедиться, окружали густые заросли крапивы, сквозь щели мощенного кирпичом двора пробивалась сорная трава. С каменных стен свисали плети сухого плюща, в некоторых окнах не хватало стекол. В конце концов, Джентльмен был прав, когда говорил, что взломщику в таком доме делать нечего. И насчет слуг он тоже правду сказал. Когда я наконец добралась до кладовки миссис Стайлз, там уже сидел пожилой дядька, в панталонах и шелковых чулках, с пудреным париком на голове, — мистер Пей. Он уже сорок пять лет служит у мистера Лилли управляющим — так он сам сказал. Да примерно так он и выглядел. Когда девушка принесла завтрак, его обслужили первым. На завтрак давали окорок, яйцо и чашку пива. Они тут пили пиво с чем угодно, была даже специальная комната, где его варили. А еще говорят, что в Лондоне алкаши!

Меня мистер Пей разговором почти не удостоил, зато с большим оживлением беседовал

с миссис Стайлз о хозяйстве. Поинтересовался лишь, у кого я прежде служила, и, когда я ответила: у Данрейвенов, с Бамс-стрит, что в Мейфэре, — он понимающе кивнул, словно давая понять, что знаком с их слугой. Сами видите, что это был за человек — хвастун.

В семь часов он ушел. И лишь после его ухода миссис Стайлз встала из-за стола. И тогда сказала:

— Сообщу вам приятную новость, мисс Смит: мисс Лилли почивала хорошо.

Я не знала, что ей на это ответить. А она тем временем продолжала:

— Мисс Мод рано встает. Она просила передать вам, чтобы вы к ней зашли. Не желаете ли вымыть руки перед тем, как пойдете наверх? Мисс Мод, как и ее дядюшка, очень чистоплотна.

Мне казалось, руки у меня и так чистые, но я на всякий случай их вымыла — в маленькой мраморной раковине, стоявшей в углу кладовки.

Выпитое пиво давало о себе знать. Лучше бы я его не пила, подумала я. И еще подумала, что зря я не зашла в уборную, когда случайно наткнулась на нее во дворе. Мне казалось, что в другой раз я ее не найду.

Я нервничала.

Меня повели наверх. Как и прежде, мы шли по черной лестнице, для слуг, но, поднявшись, свернули в другой коридор, покрасивее, там было две двери. Мы подошли к одной из них и постучали. Я не слышала, что ответили, но, думаю, моя провожатая услышала. Она вытянулась в струнку, повернула железную ручку двери и впустила меня внутрь.

Эта комната, как и все здешние помещения, была полутемной. Стены обиты панелями черного дерева, и пол, почти совсем голый, если не считать пары турецких ковров, затертых почти до дыр, тоже был черный. Были там еще массивные столы и пара жестких диванов. Потом картина, написанная маслом, изображающая какой-то бурый холм, и ваза с сухими листьями, и еще, под стеклянным колпаком, — мертвая змея, держащая в зубах белоснежное яйцо. В окнах — серое небо да мокрые ветви деревьев. Стекла, маленькие, в свинцовых переплетах, дрожали от ветра.

В чреве старинного громадного камина потрескивал огонь, а перед камином, глядя на слабо разгоравшийся, зато изрядно чадивший огонь, вполоборота ко мне стояла мисс Мод Лилли, хозяйка этого дома, та, на кого был нацелен наш заговор.

Вообще-то, наслушавшись рассказов Джентльмена, я ожидала увидеть перед собой красавицу. Но не увидела — по крайней мере, глядя на нее тогда, я бы не назвала ее красивой, наоборот, я бы сказала, что внешность у нее самая заурядная. Она была выше меня на дюйм или на два — то есть роста среднего, поскольку я считалась маленькой. Светло-русые волосы, чуть светлее моих, глаза карие, но какие-то прозрачные. Губы и щеки — пухлые и гладкие, тут она меня обскакала, признаю, потому что у меня была привычка кусать губы и на щеках всегда веснушки, и вообще у меня, как говорили, «острая мордочка». Я знала, что выгляжу моложе своего возраста, но если речь о ней — интересно, что сказали бы эти люди, если бы увидели Мод Лилли! Потому что, если уж я кажусь им юной, так она и вовсе дитя — цыпленок, едва вылупившийся из яйца, птенчик неоперившийся. Когда я вошла, она вздрогнула, обернулась и пошла мне навстречу, бледные щеки ее зарделись. Потом остановилась и аккуратно сложила руки перед собой, поверх пышной юбки. Юбка — девушки ее возраста обычно таких не носят — была пышной и короткой, так что оставались открытыми лодыжки, а вокруг талии, очень тонкой, обвивался шелковый пояс. Волосы

убраны бархатной сеткой. На ногах — туфли из красной прюнели. На руках — длинные белые перчатки, застегнутые на запястьях.

Она сказала:

— Мисс Смит. Вы ведь мисс Смит, не так ли? И вы прибыли из Лондона, чтобы служить у меня горничной! Можно, я буду звать вас Сьюзен? Надеюсь, вам понравится в «Терновнике», Сьюзен. Надеюсь, я вам тоже понравлюсь. На сильные эмоции и в том и в другом случае трудно рассчитывать. Но думаю, это все же произойдет, и довольно скоро.

Голос у нее был нежный, приятный, говорила она, слегка запинаясь, покачивая головой в такт словам, но смотрела мимо меня, и щеки ее все еще пылали.

Я сказала:

— Уверена, вы мне понравитесь, мисс.

Потом я вспомнила, чему меня учили на Лэнт-стрит, схватила обеими руками юбку и склонилась в глубоком поклоне. А когда я встала, она улыбалась, затем подошла ко мне и взяла мои руки в свои.

И только потом обратилась к миссис Стайлз, все это время стоявшей у двери.

— Можете идти, миссис Стайлз, — вежливо

попросила она. — Но вы ведь будете добры к мисс Смит, я знаю.

И посмотрела мне в глаза.

— Вы слышали, наверное, что я тоже сирота, Сьюзен. Меня привезли в «Терновник» в раннем детстве, я была еще очень мала, очень, и не было никого, кто бы позаботился обо мне. Не могу выразить словами, как миссис Стайлз отнеслась ко мне, только благодаря ей я узнала, какова бывает материнская любовь.

Она улыбнулась. Миссис Стайлз не смела поднять глаз, но краска залила ее лицо, а ресницы дрогнули. Мне лично было бы трудно представить ее в роли матери, но случается, что слуги порой питают нежные чувства к своим работодателям, собаки ведь привязываются к своим хозяевам. Это я вам точно говорю.

В общем, она захлопала ресницами и сделала смущенное лицо, а потом покинула нас. Мод снова улыбнулась и повела меня к одному из диванов, с высокой жесткой спинкой, стоявшему рядом с камином. Села рядом со мной. Стала расспрашивать о том, как я добралась.

— Мы уж думали, вы заблудились! — сказала она.

И о комнате: понравилась ли мне постель, по-

нравился ли завтрак. И потом:

— Неужели вы и впрямь приехали из Лондона?

С тех пор как я покинула Лэнт-стрит, все только и задают этот вопрос, как сговорились. Да откуда еще я могла взяться! И теперь вот опять, только на этот раз знакомые слова прозвучали чуть по-другому: не по-деревенски, с придыханием, а с жадным девичьим любопытством — как будто Лондон был ей очень дорог и ей не терпелось о нем услышать.

Разумеется, я думала, что знаю причину такого любопытства.

Потом она рассказала мне, каковы будут мои обязанности в качестве горничной: главное, как я и предполагала, — сидеть с ней и скрашивать ее одиночество, а также гулять с ней по парку и заботиться о ее гардеробе.

Она потупилась:

— Вы скоро заметите, что мы здесь, в «Терновнике», мало следим за модой. Думаю, это не столь важно, поскольку гости у нас редки. Мой дядя требует лишь, чтобы я была аккуратной. Но вы, конечно, в Лондоне привыкли к роскоши.

Я вспомнила о кудряшках Неженки, о Джоновой собачьей шубейке.

— Как не привыкнуть, — сказала я.

— А ваша прежняя госпожа, — продолжала она, — она, наверное, была модной дамой? Думаю, ей было бы смешно глядеть на меня!

При этих словах она покраснела пуще прежнего и снова отвела взгляд. И снова я подумала: «И впрямь дитя!» Но сказала лишь, что леди Алиса — так звали хозяйку, которую мне придумал Джентльмен, — была слишком добра, чтобы смеяться над кем бы то ни было, и, кроме того, прекрасно знала, что роскошная одежда ровно ничего не значит, поскольку судят не по ней, а по человеку, который ее носит. В общем и целом мне показалось, что я правильно сделала, что так ответила, потому что она посмотрела на меня каким-то новым взглядом, перестала краснеть и снова взяла меня за руку:

— Мне кажется, вы добрая девушка, Сьюзен.

— Леди Алиса тоже так говорила, мисс, — ответила я.

Тут я вспомнила про рекомендательное письмо, которое написал для меня Джентльмен, и решила, что сейчас самое время его показать. Я достала письмо из кармана и вручила ей. Она сломала печать и пошла к окну, где посветлее. Долго стояла, вчитываясь в витиеватый почерк,

один раз искоса посмотрела на меня, и сердце мое часто забилось: а вдруг она заметила какую-нибудь несообразность? Но нет, все в порядке: рука ее, сжимавшая письмо, дрогнула — значит, в рекомендательных письмах она разбирается не лучше меня и только обдумывает, что бы такое сказать подобающее.

И вдруг я устыдилась собственных мыслей: она же сирота.

— Хорошо, — сказала она, складывая бумажку в несколько раз и засовывая себе в карман. — Леди Алиса действительно весьма лестно о вас отзывается. Должно быть, вы жалеете, что пришлось оставить такой дом....

— Очень жалею, мисс, — поспешила я заверить. — Но, понимаете ли, леди Алиса теперь в Индии. И там слишком жаркое солнце, я бы сразу обгорела.

Улыбка тронула ее губы.

— Вы не любите солнца? К нам в «Терновник» оно почти не заглядывает. Дядя говорит, от яркого света печать выцветает.

Она широко улыбнулась, показав ряд очень маленьких и удивительно белых зубов. Я тоже улыбнулась из приличия, но рта не открывала — потому что зубы мои, теперь пожелтевшие,

даже и в то время белизной не отличались, и я ей тогда позавидовала черной завистью.

Она спросила:

— Вы знаете, Сьюзен, что дядя у меня — ученый?

— Я слышала, мисс, — ответила я.

— Он собрал большую библиотеку. В своем роде самую большую библиотеку в Англии. Надеюсь, скоро вы сами ее увидите.

— Думаю, мисс, это будет потрясно.

Она снова улыбнулась:

— Вы, конечно, любите читать?

Я поперхнулась.

— Вы сказали «читать», мисс?

Она кивнула и стала ждать ответа.

— Очень даже, — выдавила я из себя наконец. — То есть я хочу сказать, очень даже любила бы, если бы была приучена иметь дело с бумагами. То есть я хочу сказать, — я кашлянула, — если бы мне показали как.

Она уставилась на меня во все глаза.

— Ну, то есть научили бы, — пояснила я.

Она все не сводила с меня изумленных глаз, а потом вдруг произнесла: «Ха!», будто не веря своим ушам.

— Вы шутите, — сказала она. — Неужели вы и

правда не умеете читать? Совсем не умеете? Ни строчки, ни буковки? — И непонятно стало, то ли она смеется надо мной, то ли сердится. Рядом с ней на маленьком столике лежала книга. Все с той же странной кривой улыбкой она взяла со стола книгу и протянула мне.

— Ну же, — она почти умоляла, — мне кажется, вы стесняетесь. Прочтите вслух с любого места, не важно, если будете запинаться.

Я молча взяла у нее книгу. Меня прошиб холодный пот. Открыла книгу и глянула на страницу: сплошь черные буковки. Перелистнула. Еще того хуже. Почувствовала на себе испытующий взгляд Мод — лицо мое пылало, словно на меня светили жарким фонарем. Повисло молчание. «Ну, будь что будет», — подумала я.

« Отче наш, — начала я, — иже еси на небесех...»

А что дальше говорить, забыла.

Тогда я закрыла книгу и, закусив губу, уставилась в пол. Подумала с досадой: «Ну вот, теперь все пропало. Ей не нужна горничная, которая не может почитать ей книгу или красивыми закорючками написать письмо!»

Потом посмотрела ей прямо в глаза и сказала:

— Но я могу научиться, мисс. Я способная. Я

научусь, и очень быстро — в два счета...

Но она покачала головой, и видели бы вы в тот момент ее лицо!

— Учиться читать? — повторила за мной она, подходя ко мне ближе и бережно забирая у меня книгу. — О нет. Этого я не допущу. Только не читать! Ах, Сьюзен, если бы вы пожили тут с моим дядей, вы бы поняли, что это такое. Тогда бы вы поняли!..

Она улыбнулась. И пока она смотрела на меня, улыбаясь, раздался бой часов — я насчитала восемь ударов, — и улыбка исчезла.

— А сейчас, — сказала она, отворачиваясь, — мне надо идти к мистеру Лилли. Но когда пробьет час дня, я буду свободна.

Она произнесла это так, будто она — девушка из сказки. Знаете, есть такие сказки, где у бедной девушки дядя — колдун или там чудище какое, ну, вы понимаете.

— Зайдите за мной, Сьюзен, в дядину комнату, ровно в час.

— Зайду, мисс.

Она огляделась вокруг, скорее по привычке. Над камином было зеркало, она подошла к нему и прижала руки в перчатках к щекам, потом тронула воротник. Нагнулась ближе. Короткое платье

ее приподнялось сзади, и я увидела ее икры.

Она перехватила в зеркале мой взгляд. Я сделала реверанс.

— Я могу идти, мисс? — спросила я.

Она отступила от зеркала на шаг.

— Останьтесь здесь, — сказала она и повела рукой, — и приберитесь пока в моих комнатах.

И направилась к выходу, но у самой двери остановилась.

— Надеюсь, вам здесь будет хорошо, Сьюзен.— И ее щеки, уже во второй раз, вспыхнули. Я же от этих слов побледнела. — Я надеюсь, ваша тетушка в Лондоне не будет очень по вам скучать. Ведь это, если не ошибаюсь, та тетушка, о которой говорил мистер Риверс? — Она опустила глаза. — Надеюсь, мистер Риверс был в добром здравии, когда вы его в последний раз видели?

Она задала свой вопрос как бы между прочим — встречала я мошенников, которые проделывали тот же фокус, подбрасывая один хороший шиллинг к куче фальшака, чтобы со стороны все монеты казались настоящими. Очень мы были ей нужны с моей старой тетушкой!

— Он был в добром здравии, мисс, — подтвердила я. — И шлет вам приветы.

Она уже вышла в коридор и стояла теперь впол-

оборота ко мне, наполовину скрытая массивной дверью.

— Правда? — спросила она.

— Так он сказал, мисс.

Она прижалась лбом к двери.

— У него доброе сердце, — тихо и мечтательно произнесла она.

Мне вспомнилось, как он сидел перед кухонным стулом, шарил рукой под ворохом кружев и шипел: «Ах ты, стервочка...»

— Да, мисс, очень доброе, — подтвердила я.

Потом откуда-то из глубин дома послышалось нетерпеливое треньканье колокольчика.

Она глянула через плечо:

— Дядя!

И, подхватившись, убежала, не прикрыв за собой дверь.

Слышно было, как шлепают по скрипучим ступенькам ее туфельки.

Подождав немного, я подошла к двери и закрыла ее, как следует лягнув ногой. Потом пошла погреть руки у камина. Казалось, я все никак не могу согреться с тех самых пор, как вышла из нашего дома на Лэнт-стрит,— а как давно это было... Подняв голову, я заметила на полке зеркало, в которое гляделась мисс Мод, выпрямилась во

весь рост и посмотрела на свое отражение: лицо все в веснушках, и зубы тоже не блеск. Сама себе показала язык. Потом, потирая руки, усмехалась: да, все так, как и обещал Джентльмен: она влюблена в него по уши, и можно считать, три тысячи фунтов почти что мои — я живо представила, как их отсчитывают, обертывают бумажкой и надписывают сверху мое имя, а врач из сумасшедшего дома уже стоит наготове со смирительной рубашкой...

Так я тогда подумала, глядя на ее поведение.

Но подумала как-то отстраненно, и смешок, надо признать, получился какой-то вымученный. Сама не знаю почему. Наверное, из-за тишины — ибо с ее уходом дом почему-то стал еще угрюмее и тише, чем прежде. Лишь изредка щелкнет уголек в камине да звякнет оконное стекло. Я подошла к окну. От него ужасно дуло! На подоконнике лежали красные мешочки с песком, чтобы ветер не задувал в щели, но это не помогало, к тому же они все промокли и покрылись плесенью. Я дотронулась до одного из них, и на пальце остался зеленый след. Меня передернуло. Я выглянула посмотреть, каков вид из окна — если вообще слово «вид» тут уместно, потому что подо мной были одни деревья да зеленая трава. По

траве бродили черные птицы, клевали дождевых червей. «Интересно, в какой стороне Лондон?» — подумалось мне.

Вот бы сейчас услышать, как верещит младенец или кричит сестра мистера Иббза. Я бы пять фунтов выложила не глядя за сверток с покражей или за кучку фальшивых монет!

А потом я задумалась вот о чем. «Приберитесь пока в моих комнатах», — сказала Мод, а их тут всего одна — что-то вроде гостиной, а значит, где-то есть еще и спальня, с кроватью. Стены в доме обшиты черными панелями, не очень-то красиво, на мой взгляд, и к тому же сбивают с толку, потому что двери так ловко подогнаны, что сразу их и не найдешь. Но я посмотрела внимательнее и почти сразу же заметила в одной из стен зазор, а также дверную ручку. А потом и сама дверь обрисовалась на фоне стены — четко и ясно.

Как я и предполагала, эта дверь вела в спальню и, конечно же, в спальне была еще одна дверь — уже в мою собственную комнату, ту, в которой я провела сегодняшнюю ночь, прислушиваясь к дыханию госпожи. И, как выяснилось, зря прислушивалась — это я поняла сразу, как только увидела, что же находится по эту сторону закрытой двери. Потому что это была обычная

девичья горница не очень большая, но все же просторная, и пахло в ней довольно приятно, там стояла высокая кровать под балдахином на четырех подпорках, с занавесями из потертой ткани. Если бы мне пришлось спать на такой кровати, я бы, наверное, всю ночь чихала, подумалось мне: я представила, сколько там, в этом балдахине, должно быть, набралось пыли, дохлых мух и пауков... Похоже, его не выколачивали лет сто. Кровать была застелена, но поверх лежала ночная сорочка — я сложила ее и сунула под подушку, а заметив на покрывале пару светлых волосинок, подобрала их и бросила в камин. А больше убирать было нечего. На каминной полке стояло большое старинное зеркало, все в черно-серебристых разводах. Рядом — низенький платяной шкаф, тоже старинной работы, щедро изукрашенный резными цветами и виноградными гроздьями, покрытый черным лаком, местами облупившимся. Наверное, его сколотили еще в те времена, когда дамы не носили ничего, кроме фигового листа, потому что теперь в нем еле помещались шесть-семь платьев из легкой ткани — полки аж трещали — и кринолин, так что дверца не закрывалась. При виде такого беспорядка я снова подумала: сразу видно, что мисс Мод растет

без матери — та бы мигом распорядилась выбросить этакую рухлядь и подыскала бы для дочки что-нибудь более современное и элегантное.

В нашей жизни на Лэнт-стрит, помимо всего прочего, есть и еще одно преимущество: мы знаем, как правильно обращаться с хорошими вещами. Я вынула платья из шкафа — все они были немодные, короткие и какие-то не дамские, а девчачьи — и вытряхнула их, потом аккуратненько сложила и убрала обратно на полку. Потом, придавив ногой кринолин, сплющила его — и дверцы стали легко закрываться, как им и положено. Шкаф этот стоял в одном из альковов. В другом находился туалетный столик. Он был буквально завален щеточками, скляночками и шпильками-булавками (я их, конечно, тоже прибрала), а ниже были выдвижные ящички. Я стала их открывать. И что же я там увидела? Одни перчатки. Куча перчаток — у перчаточника и то, небось, столько нет. Белые перчатки — это в верхнем ящике, черные шелковые — в среднем и желтоватые кожаные — в нижнем.

Каждая перчатка была помечена внутри у запястья красивыми пунцовыми стежками, должно быть обозначавшими имя владелицы — Мод. У меня прямо руки зачесались: взять бы ножницы

да булавку — и за дело...

Но, разумеется, ничего такого я не сделала, а оставила перчатки лежать где лежали и принялась ходить по комнате и трогать вещи — пока все не перещупала и не пересмотрела. Больше глядеть было не на что. Правда, оставалась неизученной одна загадочная вещица — маленькая деревянная шкатулка с инкрустацией из слоновой кости, она лежала на столике у хозяйской кровати.

Шкатулка была заперта, и, когда я взяла ее в руки, внутри у нее что-то тихо тренькнуло. Ключа под рукой не оказалось: я решила, что хозяйка, наверное, носит его с собой на веревочке. Замок-то был нехитрый, такому замку только покажи проволочку — и он сам откроется, это все равно что плеснуть морской водой на устрицу. Я воспользовалась шпилькой.

Шкатулка изнутри оказалась обита плюшем. Петли были серебряные, хорошо смазанные, так что открылась она беззвучно. Не знаю, что я надеялась там увидеть — может, письмо от Джентльмена или что другое... Но внутри, прицепленный к выцветшей ленточке, лежал миниатюрный портрет в золотой рамке, изображавший красивую белокурую даму с очень

добрыми глазами. Одета она была так, как одевались лет двадцать назад, да и сам медальон был старый. Внешне дама была не очень-то похожа на Мод, но я готова была поспорить, что это и есть ее мать. Хотя, конечно, мне показалось странным, что Мод держит портрет под замком, а не носит, например, на шее.

Размышляя над этим, я так долго вертела медальон в руках, выискивая надпись, поворачивая и так и сяк, что металл — который поначалу, когда я только к нему прикоснулась, был холодным, как и все в этом доме, — постепенно нагрелся. И внезапно где-то в дальних комнатах послышалось оживление, и я подумала, что будет, если мисс Мод — или Маргарет, или миссис Стайлз — войдет в эту комнату и застукает меня над открытой шкатулкой, с портретом в руке. Я быстро убрала вещицу на место и захлопнула крышку.

Погнутую шпильку, которой я отпирала замок, я спрятала у себя в платье. А то мисс Мод обнаружит ее и еще, чего доброго, решит, что я воровка.

Больше мне в спальне делать было нечего, и я пошла в гостиную глядеть в окно. В одиннадцать часов вошла служанка с подносом.

— Мисс Мод здесь нет, — сказала я, увидев серебряный чайничек.

Но оказалось, чай принесли мне. Я пила маленькими глоточками, чтобы продлить удовольствие. Потом взяла поднос и понесла вниз, чтобы служанке лишний раз не подниматься. Но когда я с подносом в руках вошла в кухню, девицы аж рты пораскрывали от удивления, а кухарка сказала:

— Ну и ну! Если вам кажется, что Маргарет не слишком проворна, следует сообщить об этом миссис Стайлз. Но хочу заметить, мисс Фи ни разу никого не назвала бездельником.

Мисс Фи — это горничная-ирландка, которая слегла со скарлатиной. Какая досада: меня сравнили с ней и сочли зазнайкой, тогда как на самом деле я хотела оказать им любезность.

Но я в ответ промолчала. Я подумала: «Не хотите меня любить — ну и не надо, зато мисс Мод любит!»

Потому что, кроме нее, никто здесь не сказал мне ласкового слова, и мне вдруг захотелось вернуться на пару часов назад, когда она была рядом.

Надо отметить, что в «Терновнике» все всегда знали, который час. Вскоре пробило двенадцать, потом половину первого, и я направилась к черной лестнице. Некоторое время я стояла в нерешительности, не зная, куда идти дальше, но,

по счастью, проходившая мимо служанка показала мне, где библиотека. Это была такая комната на втором этаже — вход с галереи, нависавшей над холлом и широкой парадной лестницей. Но и тут все было мрачное и ветхое, как и повсюду в доме: даже с трудом верилось, что здесь живет большой ученый... У двери в библиотеку, на деревянном щите, торчала голова какого-то зверя — глаз у чучела был всего один, да и тот стеклянный. Час еще не пробило, и я, чтобы скоротать время, боязливо потрогала его мелкие белые зубки. Из-за двери доносился голос Мод — тихий, но размеренный: наверное, она читала дяде вслух какую-нибудь книгу.

Когда часы пробили назначенный час, я постучалась. Высокий мужской голос за дверью прокричал: «Пусть войдет!»

Сначала я увидела Мод: она сидела за письменным столом, держа перед собой обеими руками раскрытую книгу. Перчатки были сняты и лежали, аккуратно сложенные, рядом с книгой. В ярком свете настольной лампы пальцы ее, прижимавшие желтые страницы, казались восковыми. Над головой ее я заметила окно. Стекло закрашено желтым. А вдоль стен тянулись ряды полок, и на каждой — книги, столько вы нигде

не увидите, клянусь. Жуткое количество. Для одного человека это уж слишком — ну сколько он может прочесть? Я посмотрела на книги и внутренне содрогнулась. Мод закрыла книгу и встала из-за стола. Взяла белые перчатки и стала их натягивать.

Посмотрела направо, в дальний угол зала: мне, стоявшей рядом с приоткрытой дверью, не было видно, что там.

Кто-то спросил ворчливо:

— Ну что такое?

Я посильнее толкнула дверь и увидела еще одно цветное окно, снова ряды полок, снова книги и еще один большой письменный стол. Он был завален кипами бумаг, и на нем тоже стояла лампа с абажуром. За столом сидел мистер Лилли, тот самый дядя Мод, и я сейчас опишу его так, как я его тогда увидела, — и вы сами все поймете.

На нем была бархатная домашняя куртка, бархатная шапочка с огрызком красной нитки на том месте, где, вероятно, когда-то висела кисточка, в руке он держал перо, и если рука Мод казалась бледно-восковой, то эта была чуть ли не черной от туши — ну, как у обычных мужчин бывает от табака. Волосы его, напротив, были белыми. Подбородок гладко выбрит. Губы, сжатые в гузку,

были тонкими и бесцветными, зато язык — длинный и острый, как мне удалось заметить, — был совсем черный, из-за того, должно быть, что, переворачивая листы, он часто облизывал пальцы.

У него слезились глаза, и он носил очки с зелеными стеклами.

Увидев меня, он сказал:

— Это еще кто такой, черт побери?

Мод все пыталась застегнуть пуговицу на перчатке.

— Это, дядюшка, моя новая горничная, — сказала она спокойно, — мисс Смит.

Мистер Лилли скосил на меня глаз.

— Мисс Смит, — произнес он, обращаясь не ко мне, а к своей племяннице. — А она, часом, не папистка, как прежняя?

— Не знаю, — отвечала Мод, — не спрашивала. Сьюзен, вы не папистка?

Я не знала, что это значит, но на всякий случай сказала:

— Нет, мисс, кажется, нет.

Мистер Лилли поднял руку и прикрыл ухо:

— Я не просил ее говорить. А она умеет молчать? Умеет вести себя тихо?

Мод улыбнулась:

— Умеет, дядюшка.

— Тогда почему она торчит здесь и мешает мне?

— Она за мной пришла.

— За вами? — удивился он. — А что, разве уже был звонок?

Он сунул руку в жилетный кармашек, достал старинные золотые часы с репетиром и, склонив голову и приоткрыв рот, стал слушать, как они ходят. Я посмотрела на Мод: та все еще возилась с пуговицей.

Я шагнула к ней, думая помочь. Но старик, заметив мое движение, вдруг как подскочит да как заверещит, ну точно петрушка в балагане.

— Палец, девчонка! — завопил он, показывая черный язык. — Палец! Палец!

Он тыкал в меня указательным пальцем и потрясал пером, брызгая чернилами во все стороны (позже я заметила, что ковер под письменным столом почти черный, из чего следовало, что он махал пером довольно часто). Но в тот момент я была так ошарашена этими его воплями, что у меня душа ушла в пятки. «Наверное, он припадочный», — подумала я. Но не остановилась и сделала еще шаг вперед — он заорал громче, и наконец Мод подошла ко мне и взяла за рукав.

— Не бойтесь, — спокойно сказала она. — Он

вот что имеет в виду. — И показала вниз.

И тут я увидела под ногами, между порогом и краем ковра, прибитую к полу медную дощечку в виде руки с указующим перстом.

— Дядя не хочет, чтобы прислуга смотрела на его книги, — пояснила Мод, — а то они испортятся. Дядя требует, чтобы никто из слуг, входящих в эту комнату, не заходил дальше этого знака.

И коснулась медной таблички носком туфельки. Лицо ее было бледно, как воск, а голос прозрачен, как вода.

— Она видела? — спросил дядя.

— Да, — ответила Мод и убрала ногу с таблички. — Видела и хорошо запомнит. В следующий раз будет знать — правда, Сью?

— Да, мисс, — ответила я, едва соображая, что и кому я должна отвечать и на кого смотреть, потому что это было для меня новостью: оказывается, книги могут испортиться оттого, что на них смотрят. Но я же в этом не разбиралась, откуда мне было знать? И кроме того, старик был такой странный, он так меня напугал, что я теперь чему угодно готова была поверить.

— Да, мисс, — сказала я снова, а потом: — Да, сэр.

И сделала реверанс. Мистер Лилли фыркнул

и покосился на меня из-за зеленых очков. Мод наконец застегнула перчатку, и мы повернулись, чтобы уйти.

— Велите ей вести себя тихо, Мод, — сказал он, когда она уже закрывала дверь.

— Хорошо, дядюшка, — скороговоркой ответила она.

В коридоре стало почему-то еще сумрачней, чем прежде. Она провела меня по галерее второго этажа, а потом повела на третий, где находились ее комнаты. Здесь нас уже поджидал завтрак, рядом на подносе стоял серебряный кофейник с горячим кофе, но, увидев, что ей прислала кухарка, Мод скривила губы.

— Яйца, — сказала она. — И опять всмятку. Что вы думаете о моем дядюшке, Сьюзен?

— Думаю, он очень умный человек, мисс.

— Да уж...

— И наверное, сочиняет большой толстый словарь?

Она задумалась на миг, потом кивнула:

— Ну да, словарь. Труд долгих лет жизни... Мы сейчас на букве Е.

И пристально посмотрела мне в глаза, словно желая увидеть, какое это произвело на меня впечатление.

— Подумать только! — сказала я.

Она отвела глаза, потом взяла ложечку и срезала верхушку с первого яйца. Потом, заглянув внутрь и увидев желто-белую жижу, снова скривилась и отодвинула яйцо.

— Съешьте это за меня, — велела она мне. — Все съешьте. А мне достаточно хлеба с маслом.

Всего там было три яйца. Уж не знаю, что она в них такого увидела, что ей так не понравилось. Она придвинула яйца ко мне и, пока я ела, сидела и смотрела на меня, отщипывая от булки и попивая кофе, как вдруг заметила маленькое пятнышко на перчатке:

— Это желток капнул, смотрите, прямо на палец. Какое мерзкое желтое пятно, и прямо на беленьком!

Она надула губы, видно, расстроилась, и так до конца завтрака и просидела грустная. Когда же пришла Маргарет забирать поднос, Мод встала и удалилась в спальню, а когда вернулась, перчатки на ней снова были безупречно белые: она взяла из ящика новую пару. Старые я потом нашла, когда подкладывала уголь в камин. Она засунула их за решетку, и от жара они съежились и стали совсем маленькие, хоть на куклу надевай.

Вообще, по-моему, она была, что называется, де-

вушка со странностями. Но вовсе не психованная и уж тем более не тупица, что бы там ни говорил о ней Джентльмен. По крайней мере, я так считала. Мне она показалась одинокой, немного занудной и жутко тоскующей без компании — и ничего удивительного, в таком-то доме! Покончив с завтраком, мы подошли к окну. Небо было серым — к дождю, но ей тем не менее захотелось погулять.

— Ну, что мне надеть? — спросила она, и мы подошли к шкафчику и стали перебирать ее плащи, чепчики и ботинки. На это ушел, почитай, час. Думаю, она нарочно это затеяла — потянуть время. Когда я, зашнуровывая ей ботинок, запуталась в петельках, она нагнулась и положила руку сверху моей:

— Не спешите. Куда нам спешить? Нам ведь не к кому спешить, правда?

Она улыбнулась, но глаза ее при этом были печальными.

— Не к кому, мисс, — согласилась я.

В конце концов она надела светло-серый плащ, а поверх перчаток натянула митенки. С собой взяла небольшую кожаную сумочку, в которой умещались: носовой платок, бутылочка с водой и ножницы. Сумочку она вручила мне, не объяснив, для чего ей ножнички, и я подумала:

наверно, чтобы срезать цветы. И повела вниз по парадной лестнице, а мистер Пей, услыхав, что мы идем, побежал вперед отпирать дверь.

— Добрый день, мисс Мод, — с низким поклоном приветствовал он ее, а потом добавил: — Добрый день, мисс Смит.

В холле было темно. Когда мы вышли наружу, лучи бледного солнца хлестнули по глазам, и мы замерли на пороге, щурясь и мигая.

Когда я в первый раз увидела дом, ночью да еще в тумане, он показался мне угрюмым и мрачным, но, может, вы думаете, при дневном свете он стал веселее? Вовсе нет, днем он выглядел еще хуже. Может, когда-то давным-давно это и был роскошный особняк, да только теперь печные трубы его заваливались, как пьяные, крыша позеленела от мха, птицы свили на ней гнезда. Весь дом опутывали засохшие плети дикого вьюнка, а там, где когда-то он полз и цеплялся за стену, расплывались бурые пятна. И под каждой стеной, как щетина, торчали сухие стебли скошенного плюща. Дверь парадного входа была большая, двустворчатая, но от дождей дерево разбухло, так что открывалась лишь одна из двух половинок. Мод пришлось прижать рукой свой кринолин и бочком протискиваться, иначе бы ей вообще

не выйти.

Чудно было смотреть, как она выбирается из застенка — точь-в-точь жемчужина, выскальзывающая из устричной раковины.

Но еще чуднее — видеть, как она туда забирается вновь: вот устричная створка раскрывается, впуская ее, а потом вновь захлопывается.

А в парке особо смотреть было не на что. Была там одна аллея, ведущая к дому. Под ногами поскрипывал гравий — он и вокруг дома был рассыпан. Еще там был участок, который почему-то называли «уголком лекарственных трав», где произрастала в основном крапива, и еще лесок с тропинками, заводящими в бурелом. У опушки стоял домишко без окон — Мод сказала, что это ледник.

— Давайте подойдем поближе и заглянем внутрь, — предлагала она, бывало, и надолго замирала перед дверью, глядя как зачарованная на исходящие паром куски льда, пока ее не начинала бить дрожь. Далее за ледником начиналась тропинка, которая вела к запертой красной часовне, стоявшей в окружении тисовых деревьев. Это было самое странное, самое тихое место на свете. Другого такого я не встречала. Здесь даже птицы не осмеливались петь. Мне не очень-то

нравилось туда ходить, но Мод часто меня туда водила. Потому что рядом с часовней были могилы — там лежали все упокоившиеся ныне члены семьи Лилли, и здесь, отмеченная простой каменной плитой, была могила ее матери.

Она приходила туда и садилась — целый час могла просидеть, уставившись в одну точку. Ножницы ей, как оказалось, были нужны не для того, чтобы срезать цветы, а чтобы подравнивать траву вокруг плиты, а то место, где медными буквами было выложено имя ее матери, она дочиста протирала носовым платком.

Она терла и терла, до дрожи в руках, до испарины. Она не разрешала мне помогать. В самый первый день, когда я вызвалась помочь, она сказала:

— Это дочерний долг — следить за могилой матери. Прогуляйтесь пока и не смотрите за мной.

Ну что ж, я пошла бродить меж могил. Земля здесь была твердая, как железо, и звенела под ботинком. Я шагала и думала о собственной матери. У нее-то могилы нет, убийцам могил не положено. Их тела бросают в ров с негашеной известью.

Вы когда-нибудь сыпали солью на слизняка? Джон Врум так делал, и не раз, и давился от смеха, глядя, как слизняк пузырится. Как-то он сказал

мне:

— Твоя мать так же пузырилась, и десять человек умерли от вони.

Больше он так не говорил. Потому что я взяла в кухне ножницы и приставила к его горлу. И сказала:

— Дурная кровь передается по наследству. Видишь?

У него стало такое лицо — вы бы видели!

Я подумала: какое лицо будет у Мод, если сказать ей, что за кровь течет в моих жилах?..

Но она не спросила. Только сидела, глядела на имя матери, высеченное в камне, а я тем временем топталась меж могил. В конце концов она вздохнула, огляделась по сторонам, провела рукой по глазам и надела капюшон.

— Какая здесь тоска! — сказала она. — Пойдемте-ка дальше.

И вывела меня из хоровода тисов — мы пошли назад, по дорожке, обсаженной кустарником, и, миновав опушку и домик-ледник, дошли до конца парка.

Далее, если пройти по тропинке вдоль стены, вы упирались в калитку. У Мод был ключ от нее. Выйдя за калитку, вы оказывались на берегу реки. Из дома реки не было видно. Здесь, у старой

полусгнившей пристани, лежала вверх дном плоскодонка, на ней можно было посидеть. Речка была неширокая, вода мутная, течение едва заметно, зато рыба клевала превосходно. Весь берег покрывали камышовые заросли, высокие и густые.

У их кромки Мод замедлила шаг и боязливо поглядела туда, где мрачные кущи смыкались с водой. Наверное, опасалась змей. Потом вдруг вырвала из земли тростинку, сломала ее и села, прижимая к пухлым губам трубочку.

Я присела рядом с ней. День был безветренный, но холодный, и такая стояла тишина — ушам больно. Воздух был чист и прозрачен.

— Симпатичная речушка, — сказала я, просто так, из вежливости.

Мимо проплывала баржа. Мужчины, завидев нас, сняли шляпы. Я помахала им рукой.

— В Лондон идут, — заметила Мод, глядя им вслед.

— В Лондон?

Она кивнула.

Я тогда не знала — откуда мне знать? — что эта полоска воды и есть наша Темза. Я подумала, она имела в виду, что эта речушка потом впадает в другую реку. И все же при мысли о том, что когда-

нибудь эта баржа окажется в городе — а может быть, даже проплывет под Лондонским мостом, — я не удержалась от вздоха. И долго провожала ее взглядом, пока она не скрылась за излучиной реки и не пропала из виду. Тарахтенье затихло, дым поднялся в серое небо и растаял. Воздух снова стал прозрачен. Мод сидела, все так же прижимая к губам тростинку, и взгляд ее был задумчив. Я набрала камушков и стала бросать их в воду. Она смотрела, как я это делаю, жмурясь при каждом всплеске. Потом повела меня назад к дому.

Мы с ней вернулись в гостиную. Она достала рукоделие — какую-то бесцветную, бесформенную тряпицу, уж не знаю, может, должна была выйти скатерка или еще что... Другого шитья в ее руках я никогда не видела. Она работала в перчатках и очень неумело, швы получались кривые, так что половину приходилось распарывать. Мука мученическая смотреть на такое. Мы уселись рядком у камина, где мирно потрескивал огонь, и время от времени перебрасывались словами — о чем говорили, не вспомню, — пока не стемнело. Служанка принесла свечи. Поднялся ветер, стекла в окне мерзко задребезжали. Я про себя помолилась: «Господи, сделай так, чтобы Джентльмен поскорее приехал! Еще неделю такой жизни — и

я с тоски подохну». И зевнула во весь рот. Мод посмотрела на меня и тоже зевнула, а я — за ней. В конце концов она отложила рукоделие, подобрала ноги и, склонившись на ручку кресла, казалось, задремала.

Других дел у меня не было, и я так и просидела при ней, пока часы не пробили семь вечера. Услышав звон, она зевнула, протерла глаза и поднялась. В семь часов ей положено было переодеваться в другое платье — и перчатки тоже менять на шелковые, — чтобы поужинать вместе с дядей.

Два часа она находилась при нем. Что там происходило, я не видела, потому что меня туда не звали, я ела в кухне, со слугами. Они поведали мне, что после еды мистер Лилли любит сидеть в гостиной и слушать, как племянница читает ему вслух. Такое вот было у него развлечение, потому что гостей он, как мне сказали, редко принимает, а если и принимает, то таких же, как он, книгочеев из Оксфорда или из Лондона, и тогда он опять же развлекает гостей тем, что просит Мод почитать им вслух. Вот и все радости.

— И что же она, бедняжка, только и делает, что читает? — спросила я.

— Дядя ничего другого не разрешает, — ответи-

ла мне одна из горничных. — Так он о ней печется. Ни на шаг от себя не отпускает — боится, как бы с ней чего не случилось. Это ведь он придумал, чтобы она все время ходила в перчатках.

— Хватит! — прикрикнула миссис Стайлз. — А то мисс Мод услышит!..

И горничная больше ни слова не произнесла. А я сидела и представляла себе мистера Лилли, в алой шапочке и зеленых очках, — вот он достает золотые часы, вот тычет в меня чернильным пальцем и кажет черный язык, — потом стала думать про Мод, как она страдальчески смотрит на вареное яйцо, как полирует материнское надгробие. Да, ничего себе, холит и лелеет девушку...

Мне казалось, я знаю о ней все. И разумеется, я ровно ничего о ней не знала. Я поела, прислушиваясь к разговору слуг, сама же говорила мало, а когда миссис Стайлз спросила, не желаю ли я угоститься пудингом — она приглашает к себе также и мистера Пея, — я подумала, что надо соглашаться. И вот я сижу в ее каморке и гляжу на портрет, выложенный из волос. Мистер Пей читает нам заметки из местной газеты, и после каждой истории — то у них бык повалил забор, то священник прочел интересную проповедь, — после каждой такой истории миссис Стайлз

качает головой, приговаривая: «Ну надо же!» — а мистер Пей на это отвечает: «Вот видите, миссис Стайлз, мы по новостям от лондонских не отстаем, да-да!»

Издалека доносятся приглушенные взрывы смеха — это в кухне веселятся кухарка, судомойки, Уильям Инкер и мальчик Чарльз.

Потом начали бить большие часы и сразу же затрезвонил колокольчик: это означало, что мистер Лилли зовет мистера Пея, чтобы тот отвел его спать, а мисс Мод зовет меня — чтобы я ее уложила.

Я снова чуть не заблудилась на черной лестнице, но, несмотря на это, Мод встретила меня ласково:

— Это вы, Сьюзен? Вы куда расторопнее, чем Агнес! — И улыбнулась: — И красивее. Мне кажется, рыжих красавиц не бывает. А как по-вашему? То же самое с блондинками. Мне так хочется, чтобы у меня были черные волосы, Сьюзен!

За ужином она выпила вина, а я — пива. Думаю, обеим слегка ударило в голову. Она поставила меня перед большим серебристым зеркалом, что висело над камином, и притянула мою голову к себе, чтобы сравнить цвет волос.

— У вас темнее, — сказала она.

Потом мы отошли от камина — мне предстояло переодеть ее в ночную сорочку.

Это, доложу вам, вовсе не то же самое, что раздевать кухонный стул. Она стояла, дрожала мелкой дрожью и покрикивала:

— Быстрее! Я замерзну! Боже мой, скорее!

Потому что в спальне гуляли сквозняки, как и во всем доме, и, когда я дотрагивалась до нее холодными пальцами, она дергалась. Однако вскоре пальцы мои согрелись. Раздевать даму — нелегкая работа. Корсет был высокий, со стальной прокладкой, талия у нее, как я уже говорила ранее, была узкая: именно о таких девичьих талиях врачи говорят: «Свидетельствует о чрезмерной болезненности...» Кринолин был сделан из пружин. В волосах, под сеткой, обнаружилось полдюжины шпилек да вдобавок серебряный гребень. Нижние юбки и сорочка были миткалевые. Однако дальше, под всей этой одежкой, она оказалась гладкой и мягкой, как масло. Даже, по-моему, чересчур мягкой. Я представила, какие на такой коже могут быть синяки. Она была как омар без панциря. Пока я ходила за ночной сорочкой, она стояла не шевелясь, в одних чулках, руки над головой, глаза закрыты. В какой-то миг я обернулась и посмотрела на нее. Она меня совсем

не стеснялась. Я увидела грудь, живот, пушок и все остальное — пушок был коричневый, как у утки, — если не считать этого пушка, вся она была белая, как статуя в парке. Казалось, вот-вот засияет.

Но опять же это была не обычная бледность, она настораживала, и я вздохнула с облегчением, когда удалось наконец прикрыть ее наготу. Убрала платье в шкаф и плотно прижала створку. А она сидела и ждала, позевывая, когда я начну расчесывать ей волосы.

Волосы у нее были роскошные и очень длинные. Я расчесывала их, перебирала и мысленно прикидывала, сколько такие могут стоить.

— О чем вы думаете? — спросила она, глядя на меня в зеркало. — О своей прежней госпоже? Какие у нее были волосы, красивее моих?

— Да нет, жидкие были, — отвечала я. А потом мне стало жаль бедную леди Алису, и я добавила: — Зато она красиво ходила.

— А я красиво хожу?

— Да, мисс.

И это была правда. Ножка у нее была маленькая, лодыжки тонкие — как и талия. Она улыбнулась, как прежде, когда сравнивала цвет волос, и теперь решила сравнить наши ноги — и велела мне

поставить ногу рядом.

— У вас почти такая же маленькая, — сказала она великодушно.

Потом улеглась в постель. Сказала, что не любит лежать в темноте. Рядом с подушкой у нее стояла тусклая лампадка с жестяным абажуром, как у старого сквалыги, по ее просьбе я зажгла ее от своей свечи, занавеси вокруг кровати она связывать не разрешила — велела лишь чуть-чуть задернуть их, чтобы ей было видно комнату.

— Вы ведь не станете закрывать дверь, не станете? — сказала она. — Агнес никогда не закрывала. Когда вас не было, Маргарет сидела тут на стуле, и мне это не понравилось. Я все боялась, что засну и во сне начну ее звать. Маргарет, когда дотрагивается, то щиплется. У вас, Сьюзен, тоже сильные руки, как у нее, только они у вас нежные.

Говоря так, она протянула руку и положила ее на мою — и я вздрогнула, почувствовав лайку на своей коже: оказалось, она успела сменить шелковые перчатки на белые. Потом она убрала руки под одеяло, я пригладила его сверху и спросила:

— Теперь все, мисс?

— Да, Сьюзен, — ответила она.

И повернула голову: ей не понравилось, что волосы попали под шею и щекочут ее: она отки-

нула их назад, и длинные, как веревки, пряди зазмеились по подушке.

Когда я уносила свечу, ее словно волной накрыла темнота. Тусклый ночник хоть и горел, но толку от него было мало.

Дверь в свою комнату я оставила приоткрытой, и она подняла голову.

— Чуть пошире, — тихо попросила она, и я еще чуть-чуть приоткрыла дверь.

Потом провела ладонями по лицу. Итак, я в «Терновнике» всего лишь день, но каким же он оказался долгим! Руки мои ныли от тугих шнурков. Даже закрыв глаза, я видела крючки и петли. И сама разделась почти машинально — так намаялась с ее одежками.

В конце концов я села и задула свечу — и тут же услышала, как она шевельнулась. В доме стояла мертвая тишина: слышно было, как она приподнимает голову над подушкой, как ворочается в постели. Потом достает ключ, вставляет его в маленькую деревянную шкатулку. Когда щелкнул замочек, я встала. Я подумала: «Ну ладно, ты не умеешь вести себя тихо, но я-то умею. Я могу быть невидимкой, хотя ни ты, ни твой дядя об этом не подозревают». И, подкравшись к двери, заглянула в соседнюю комнату. Она сидела на

кровати, держа на ладони портрет прекрасной дамы — своей матери. Мне было видно, как она подносит портрет к губам, целует и что-то тихо и печально бормочет, обращаясь к умершей. Потом со вздохом кладет медальон на место. Ключ от шкатулки она хранила в книге, что лежала на столике рядом с кроватью. Там-то я как раз и не догадалась поискать. Она закрыла шкатулку и бережно поставила ее на стол, провела по ней рукой, потом еще раз — потом юркнула за занавеси и затихла.

Я слишком умаялась за день, чтобы и дальше следить за ней. И пошла спать. В комнате моей темно хоть глаз выколи. Я нашарила одеяло и простыню, кое-как натянула их на себя. И свернулась калачиком, холодная как лягушка, на узком ложе, на каком и положено спать всякой горничной.

...Не знаю, долго ли я спала. Не знаю, что за звук разбудил меня, только был он ужасен. Минуты две я сидела, тараща глаза, и все не могла понять, проснулась я или нет, до того было темно, и, только посмотрев на дверь в спальню Мод, я заметила там слабый свет, из чего заключила, что это не сон и что все это наяву. Мне казалось, что разбудил меня грохот или глухой стук, а по-

том крик. Но сейчас было тихо. Я вытянула шею, прислушалась — сердце у меня тревожно забилось, — и вдруг крик повторился. Это кричала Мод — тонким, испуганным голосом. Звала свою прежнюю горничную:

— Агнес! О, Агнес!

Что я ожидала увидеть, когда вошла к ней, не знаю, — может, разбитое окно и грабителя, который схватил ее и норовит отрезать ей волосы. Но окно, хоть и дребезжало по-прежнему, было целехонько, и рядом с ней никого не было, а она, натянув на себя все покрывала, просунулась меж занавесками кровати, спутанные волосы упали на лицо. Какое бледное и страшное стало у нее лицо! Округлившиеся глаза казались черными, как косточки у груши.

Она снова крикнула:

— Агнес!

— Это Сью, мисс, — ответила я.

Она сказала:

— Агнес, вы слышали, там что-то грохнуло? Дверь заперта?

— Дверь? — Я посмотрела: дверь была заперта. — Здесь кто-то есть?

— Мужчина? — сказала она.

— Мужчина? Грабитель?

— У двери? Не ходите туда, Агнес! Я боюсь, он вас схватит!

Она боится. Похоже, страх ее передался и мне.

— По-моему, никакого мужчины здесь нет, мисс, — сказала я бодрым голосом. — Дайте-ка я свечку зажгу.

Вам приходилось когда-нибудь зажигать свечу от ночника под жестяным абажуром? У меня никак не получалось уловить фитилек, а она все звала и звала свою Агнес. У меня так дрожали руки, что даже свечку ровно держать не могла.

Я сказала:

— Не надо кричать, мисс. Нет здесь никого. А если и есть, я позову мистера Пея — он придет и поймает его. — И взяла в руки ночник.

— Оставьте свет! — тотчас закричала она. — Умоляю, оставьте свет!

Я сказала, что только посвечу у двери — пусть сама убедится, что там никого нет, и, пока она рыдала и цеплялась за покрывала, я с дрожащим фитильком в руке подошла к двери, ведущей из спальни в гостиную, и — будто во сне — рывком отворила ее.

За дверью было темно. Гостиной не узнать: во всех углах громоздились какие-то смутные черные груды — как корзины с разбойниками в

арабской пьесе «Али-Баба». Неужели я приехала из Боро в «Терновник» только затем, чтобы в конце концов меня зарезал какой-то вор?! А если вор попадется знакомый — ну, скажем, один из племянников мистера Иббза? Бывают же совпадения.

Так я стояла в темной комнате, настороженно озиралась, готовая в любую минуту, как только увижу вора, закричать: мол, не троньте меня, я своя! — но, конечно же, никого там не оказалось, в гостиной было тихо, как в Божьем храме. Убедившись в этом, я быстро подошла к двери в коридор и высунулась за дверь: в коридоре тоже тишина, слышно было лишь, как где-то в отдалении тикают часы да подрагивают оконные стекла. Но, доложу я вам, не очень-то приятно вот так стоять, в одной ночной рубашке, с чадящим фитилем в руке, посреди огромного спящего дома, где хотя и нет воров, но привидения наверняка водятся. Я захлопнула дверь, прошла через гостиную в спальню Мод, закрыла и эту дверь и, подойдя к кровати, поставила ночник у изголовья.

— Вы видели его? — спросила она. — Агнес, скажите честно, он там?

Я хотела было ответить, но осеклась. Потому что краем глаза заметила в углу, где стоял черный

шкаф, нечто — длинное, белое, оно слабо мерцало и колыхалось на фоне черной дверцы... Ну, я ведь говорила вам, что у меня богатое воображение? Так вот, мне почудилось, что это мать Мод встала из могилы и явилась сюда — попугать меня. Сердце мое чуть не выпрыгнуло из груди, я завизжала, и Мод завизжала тоже и схватилась за меня.

— Не смотрите на меня! — кричала она. А потом: — Не уходите! Не оставляйте меня одну!

А потом я разглядела, что это за белое пятно, и чуть не запрыгала от радости.

Потому что это был всего-навсего кринолин: я прижала его хозяйской туфлей, чтобы закрыть шкаф, но пружина ночью расправилась, вышибла дверцу, та ударила о стену — этот грохот и разбудил Мод. Теперь кринолин висел в шкафу на крючке и чуть заметно колыхался. От звука моих шагов пружины зазвенели.

В общем, когда я все это увидела, то чуть не расхохоталась, но, поглядев на Мод, которая все сидела, глядя дикими глазами, белая как мел, и судорожно цеплялась за меня, я подумала, что жестоко с моей стороны смеяться, когда человеку так плохо. Я зажала рот ладонями, постаралась успокоить дыхание и тут почувствовала, что зубы у меня выбивают дробь. Мне почему-то стало

жутко холодно.

Я сказала:

— Ничего страшного, мисс. Там ничего нет. Вам привиделось.

— Привиделось, Агнес?

Она положила голову мне на грудь и затряслась. Я отвела прядь волос от ее лица и прижимала ее к себе, пока она не затихла.

— Ну вот, — сказала я. — Теперь вы сможете заснуть? Дайте-ка я подоткну вам одеяло вот так.

Я попыталась ее уложить, но она только сильнее вцепилась в меня.

— Не уходите, Агнес! — сказала она вновь.

— Меня зовут Сью, мисс, — поправила я. — У Агнес скарлатина, и ее отправили в Корк. Вспомните! А теперь вам надо лечь, иначе вы простудитесь и тоже заболеете.

Тогда она посмотрела на меня, и глаза ее, по-прежнему черные, казалось, чуть потеплели.

— Не уходите, Сью! — прошептала она. — Мне страшно.

Она дышала как младенец, и руки у нее были теплые. Лицо гладкое, как слоновая кость или алебастр. Еще пара-тройка недель — и, если наш план удастся, она будет лежать на другой кровати, в сумасшедшем доме. Кто ее тогда пожалеет?

И я отстранилась от нее, но только на миг, а потом перелезла через нее и легла рядом под одеяло. Обняла ее одной рукой, и она прижалась ко мне. Что мне оставалось делать? Я сильнее прижала ее к себе. Она была такая нежная. Не как миссис Саксби. Совсем не как миссис Саксби. Скорее как ребенок. Она все еще дрожала, а когда ее ресницы коснулись моего лица, мне стало щекотно, как будто перышком провели. Потом дрожь прекратилась, и она заснула.

— Хорошая девочка, — сказала я очень тихо, чтобы не разбудить ее.

На следующее утро я проснулась за минуту до нее. Она открыла глаза, увидела меня, смутилась, но попыталась это скрыть.

— Я просыпалась ночью? — спросила она, не глядя мне в глаза. — Я говорила глупости? Говорят, я во сне иногда несу всякую чушь — другие храпят, а я вот... — Она покраснела и улыбнулась: — Но как хорошо, что вы пришли и посидели со мной!

Я не стала рассказывать ей про кринолин. В восемь часов она отправилась к дядюшке, а в час я пошла забирать ее — на этот раз помня об указующем персте. Потом мы погуляли по парку, побывали у могил и у реки, потом она занималась

рукоделием, потом дремала, потом ее позвали ужинать, а я просидела у миссис Стайлз до половины десятого, когда пришла пора возвращаться и укладывать ее в постель. И снова было все как в первый вечер.

Она сказала:

— Доброй ночи! — и положила голову на подушку, а я в своей комнате стояла и прислушивалась, когда же щелкнет, открываясь, шкатулка, а потом, подкравшись к двери, смотрела, как она достает портрет, целует его и кладет обратно.

Но не прошло и двух минут после того, как я задула свечу, и из-за двери послышалось:

— Сью!

Она сказала, что не может заснуть. Что ей холодно. Попросила обнять, как вчера, и крепко держать, а то она снова чего-нибудь испугается во сне и проснется.

То же она говорила и на третий день, и на четвертый — и так каждую ночь.

— Вы не против? — спрашивала она.

Агнес никогда не была против, уверяла она меня.

— А вы разве никогда не спали вместе с леди Алисой, когда жили в Мейфэре?

Что я ей на это могла ответить? «Наверное,

— думала я, — это естественно, чтобы хозяйка и служанка спали в одной постели, как простые девчонки».

С Мод это и впрямь получалось естественно. Больше она не кричала во сне. Мы спали рядом, как сестры. Да, совсем как сестры. Мне всегда хотелось, чтобы у меня была сестра.

И тут появился Джентльмен.

Глава четвертая

Он прибыл, наверное, недели через две после меня. Подумать только, всего две недели! — а время в «Терновнике» текло неторопливо, дни, похожие друг на друга как две капли воды, были такие размеренные и долгие, что один день там вполне мог считаться за два.

Однако я не скоро изучила особенности и привычки обитателей дома: понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к обществу других слуг, а им — привыкнуть ко мне. Поначалу я никак не могла взять в толк, почему я им не нравлюсь. Я обычно спускалась в кухню и здоровалась со всеми, кто там был. Например: «Добрый день, Маргарет. Привет, Чарльз!» (Это мальчик-слуга.) «Как поживаете, миссис Кекс?» (Это наша кухарка, я не шучу, ее на самом деле так звали, и никто и не думал над этим смеяться.) И Чарльз, бывало, глянет на меня испуганно, а миссис Кекс пробурчит в ответ: «Очень хорошо поживаю, благодарю вас».

Мне казалось, они смотрят на меня как на столичную штучку, словно своим присутствием я давала им понять, что есть такой город Лондон,

где им никогда не побывать и ничего там не увидеть, потому что сидят они в этом богом забытом медвежьем углу безвылазно.

И вот в один прекрасный день миссис Стайлз отвела меня в сторонку и сказала:

— Надеюсь, вы не будете в обиде, мисс Смит, если я дам вам один совет? Не знаю, как было заведено у ваших прежних господ, но только здесь... — Любой разговор она начинала такими словами, я к этому уже привыкла. — Не знаю, как там было заведено у вас в Лондоне, но только здесь, в «Терновнике», мы блюдем различия...

Оказалось, миссис Кекс сочла себя оскорбленной до глубины души из-за того, что я здороваюсь со служанкой, состоящей при кухне, и с мальчишкой раньше, чем с ней. А Чарльз решил, что я насмехаюсь над ним, когда желаю доброго утра. Все это, конечно, чушь и выеденного яйца не стоит, но для них это было жизненно важно, а что вы хотите, если в будущем у вас никакого просвета — знай себе бегай с подносами да меси тесто. В общем, мне стало ясно: если я впредь хочу рассчитывать на их расположение, надо держать ухо востро. Я отнесла мальчишке плитку шоколада, которую захватила с собой еще из Боро, да так и не съела, Маргарет подарила кусок

душистого мыла, а миссис Кекс преподнесла пару модных черных чулок, что раздобыл мне по просьбе Джентльмена Фил.

Я сказала, что, надеюсь, они не в обиде на меня. И если в последующие дни я сталкивалась с Чарльзом на лестнице, то демонстративно отворачивалась. С тех пор они ко мне стали относиться теплее.

Вот таковы слуги. Слуга говорит: «Все для господина», а сам думает: «Все для меня». Подобного лицемерия я на дух не выношу. В «Терновнике» слуги всяк по-своему плутовали, но ради таких мелочей, что нормальный вор устыдился бы, — например, надо было ухитриться снять жир из подливки мистера Лилли, чтобы потом продать по-тихому, через посыльного, в мясную лавку (так делала миссис Кекс). Или оторвать жемчужные пуговицы от сорочки Мод, спрятать, а хозяйке сказать, мол, сами оторвались и потерялись (так делала Маргарет). Распознать их уловки для меня не составило труда — уже через три дня я обо всех все знала, и тут я проявила себя как истинная дочь миссис Саксби. Взять, к примеру, мистера Пея: у него на носу была красная шишка — у нас в Боро это называется «пивной бутончик». И как бы вы думали, отчего она выросла, при

таком-то распорядке? У него на цепочке висел ключ от погреба мистера Лилли. Так вот, этот ключ был отполирован до зеркального блеска! А когда после ужина у миссис Стайлз он нагружал поднос, чтобы нести на кухню, я своими глазами видела — а он-то полагал, что никто его в этот момент не замечает, — как он сливает остатки пива из разных стаканов в одну большую чашку и быстренько выпивает.

Я все это видела, но, конечно же, никому ничего не сказала. Я ведь приехала не для того, чтобы устраивать скандалы. Пусть хоть совсем сопьется — мне-то какое дело. К тому же большую часть времени я проводила с Мод. Я даже к ней по-своему привязалась. И хотя она была девушка капризная, но не чрезмерно, мне нетрудно было ей угодить. Мне всегда удавалась тонкая работа, и я даже стала находить удовольствие в том, чтобы следить за ее гардеробом, чистить булавки, гребенки и шкатулки. Дома я привыкла одевать детишек. И точно так же привыкла одевать хозяйку.

— Поднимите-ка руки, мисс, — бывало, говорила я. — А теперь ножку. Сюда наступите... А теперь вот сюда.

— Спасибо, Сью, — отвечала она умильно и

порой закрывала глаза. — Как хорошо вы меня знаете, — говорила она. — Кажется, вам знакомы все складки моего тела.

Да, со временем мне все это стало знакомо. Я знала, что она любит, а чего терпеть не может. Знала, что она будет есть, а от чего откажется, и когда кухарка, например, в очередной раз прислала вареные яйца, я сходила к ней и велела приготовить суп.

— Бульон, — сказала я. — Как можно прозрачней. Договорились?

Кухарка скривилась.

— Миссис Стайлз это не понравится, — сказала она.

— Миссис Стайлз может его не есть, — отвечала я. — И миссис Стайлз не горничная мисс Мод. Я горничная.

И она действительно прислала нам бульон. Мод съела все подчистую.

— Чему вы улыбаетесь? — спросила она, когда тарелка опустела.

Я ответила, что вовсе не улыбаюсь. Она отложила ложку и, как всегда, озабоченно стала осматривать перчатки. Они опять забрызгались.

— Это всего лишь вода, — сказала я, увидев, что она расстроена. — Ничего страшного.

Она закусила губу. Посидела минуту, сложив руки на коленях, поглядывая на пальцы, и, казалось, с каждой минутой беспокойство ее росло. Наконец произнесла:

— Мне кажется, в воде был жир...

Легче было сходить в ее спальню и принести пару новых перчаток, чем сидеть и смотреть, как она убивается.

— Позвольте мне. — И я расстегнула пуговку на ее запястье.

Поначалу она не позволяла мне касаться ее обнаженных рук, со временем — после того как я пообещала, что буду осторожной, — разрешила. Когда у нее отрастали ногти, я стригла их специальными серебряными ножничками, сделанными в виде летящей птицы. Ногти у нее были мягкие, чистые и очень быстро отрастали, как у маленьких детей. Когда я щелкала ножницами, она вздрагивала. Кожа у нее на руках была гладкая, но, как и все остальное тело, слишком уж гладкая, так что невольно думалось, как бы ненароком не поцарапать, не ушибить. Я с облегчением вздыхала, когда она снова натягивала перчатки. Обрезки ногтей я собирала с подола и бросала в камин. Она стояла и смотрела, как они сгорают. То же происходило с волосами, когда я

обирала их со щеток и гребешков, — она мрачно следила, как они, словно черви, извиваются на углях, потом вспыхивают и превращаются в золу. Иногда я становилась рядом с ней, и мы вместе смотрели.

Потому что в «Терновнике», в отличие от дома на Лэнт-стрит, посмотреть особо было не на что. Вот и приходилось наблюдать, как, например, поднимается дым из трубы или как плывут по небу облака. Каждый день мы ходили к реке — узнать, прибыла ли вода или ушла.

— Осенью река разливается, — сказала мне Мод, — и все камыши уходят под воду. Но это ничего. А еще по ночам над водой бывает белый туман, прямо к стенам дядюшкиного дома подбирается...

И зябко поежилась. Она всегда говорила «дядюшкин дом» и ни разу не сказала «мой». Земля покрылась коркой инея и похрустывала при каждом шаге, и Мод ни с того ни с сего сказала однажды:

— Подумать только, какие хрупкие эти травинки! Река скоро станет. Наверное, уже сейчас замерзает. Слышите, как она мучается? Ей хочется бежать дальше, но мороз не пускает, сковывает льдом. Видите, Сью? Там, за камышами?

И, нахмурив брови, стала вглядываться в даль.

Я следила за выражением ее лица. И точно так же, как в случае с супом, сказала:

— Это всего лишь вода, мисс.

— Всего лишь вода?

— Бурая вода.

Она зажмурилась.

— Вы замерзнете, — сказала я. — Пойдемте домой. Мы уже долго гуляем.

И взяла ее под руку. Это вышло у меня машинально. Рука ее была как деревянная. Но на следующий день — или, может, еще через день — она уже сама взяла меня под руку, и рука была вполне живая. А потом уже мы стали запросто ходить под ручку... Или мне так показалось, не знаю... И лишь много позже я задалась этим вопросом и попыталась вспомнить, как все произошло. Но точно могу сказать лишь одно: что было время, когда мы ходили порознь, а потом настало время, когда ходили парой.

В конце концов, она была всего лишь девчонка, хоть и называлась «леди». Всего лишь девчонка, которая была лишена простых радостей жизни. Как-то, перебирая вещи в одном из ящиков стола, я обнаружила колоду карт. Она сказала, что, должно быть, это карты ее мамы. Она различала масти, но не более того — валетов, например, она

называла кавалерами! — и я показала ей, как играть в самые простые игры, мы в Боро частенько в них играли: в «козла» и в «пьяницу». Сперва мы играли на спички и на щепочки, а когда в другом ящике обнаружили коробочку с фишками из перламутра в виде рыбок, ромбиков и полумесяцев, то стали играть на них. Перламутр был гладкий и прохладный на ощупь — то есть я хочу сказать, пощупать-то могла одна я, потому что Мод, конечно же, играла в перчатках. А когда она выкладывала карту, то клала ее на нижнюю ровненько, уголок к уголку. Глядя на нее, я и сама стала так делать.

За картами мы болтали. Ей нравились мои рассказы про Лондон.

— Он и правда такой большой? — удивлялась она. — И там есть театры? И эти... как их... модные дома?

— И рестораны. И всевозможные магазины. И парки, мисс.

— Парки, как у моего дядюшки?

— Ну вроде того, — отвечала я. — Только, разумеется, там полно людей. Вы как, ходите или пропускаете?

— Хожу. — И она выкладывала карту. — Так вы говорите, там полно людей?

— У меня больше. Вот. Так что у меня три рыбки — против ваших двух.

— Как вы хорошо играете!.. Так вы говорите, там полно народу?

— Конечно. Только там темно. Снимете?

— Темно? Правда? А мне говорили, Лондон весь в огнях. Там висят такие большие лампы — газовые, кажется?

— Да, газовые, и горят как бриллианты! — говорила я. — В театрах и больших залах. Там танцы, мисс, — танцуют ночи напролет...

— Танцуют, Сью?

— Танцуют, мисс. — Выражение ее лица изменилось. Я отложила колоду. — Вы, конечно, любите танцевать?

— Я... — Она покраснела и потупилась. — Меня этому не учили. А как вы думаете, — сказала она, заглядывая мне в глаза, — могу я, живя в Лондоне... то есть я хочу сказать, если бы я вдруг там оказалась... как вам кажется, я могу быть лондонской дамой и при этом не танцевать?

— Наверно... Но вы можете научиться! Найдете учителя танцев, и...

— Правда? — Она просияла, но потом покачала головой: — Ну, не знаю...

Я догадалась, о чем она думает. Она подумала о

Джентльмене, о том, что он скажет, если узнает, что она не умеет танцевать. И обо всех тех девушках, которых он может встретить в Лондоне и которые, в отличие от нее, прекрасно танцуют.

По всему было видно, что она переживает. Выждав минуту-другую, я сжалилась.

— Следите за мной, — сказала я и встала. — Это очень просто, смотрите...

И показала ей пару движений из разных танцев. Потом заставила ее подняться и повторить их вместе со мной. Я держала ее за руки, а она стояла как истукан и испуганно смотрела под ноги. Туфельки ее вязли в турецком ковре. Я отвернула край ковра, и дело пошло на лад, она стала двигаться увереннее. Я показала ей жигу, а потом польку.

Я сказала:

— Ну вот, а теперь — полетели.

Она вцепилась в мое платье — я уж думала, порвется.

— Вот так, — поправляла я.—А теперь так. Я джентльмен, запомните. Конечно, с настоящим мужчиной было бы лучше...

Она снова споткнулась, и мы разлетелись в разные стороны и плюхнулись на разные стулья. Она схватилась за бок. Запыхалась, и щеки у нее

разрумянились пуще прежнего. Лицо лоснилось от пота. Юбка топорщилась, как у голландской девушки, каких изображают на тарелках.

Она перехватила мой взгляд и улыбнулась, но испуг в ее глазах все еще не прошел.

— Я буду танцевать! — сказала она. — В Лондоне. Правда, Сью?

— Правда, мисс, — поддакнула я. И в ту минуту я действительно в это верила.

Я протянула ей руку, и мы сделали еще один круг. И лишь потом, когда мы остановились и ей стало холодно, когда она встала перед камином согреть замерзшие руки, — только тогда до меня дошло, что, конечно же, никогда ей не танцевать в Лондоне.

Потому что — хоть я и знала, какая участь ее ждет, знала почти наверняка и даже сама расставляла ей сети, — я смотрела на нее скорее как на героиню какой-нибудь сказки или пьесы. Мир, в котором она жила, был таким необычным, таким застывшим и замкнутым, что настоящий мир — мир нормальных людей, где ведется двойная игра, где я сижу над фаршированной свиной головой со стаканом флипа, а миссис Саксби и Джон Врум хохочут, пытаясь представить, что я буду делать со своей долей богатств, украденных

Джентльменом,— этот знакомый мир казался отсюда куда более жестоким, но таким далеким, что жестокость эта уже не имела значения. Сначала я говорила себе: «Вот приедет Джентльмен, и я сделаю так-то» — или: «Когда он упрячет ее в сумасшедший дом, я сделаю то-то». Но, подумав так, я смотрела на нее, и мысли мои терялись, забывались, и все кончалось тем, что я принималась расчесывать ей волосы или поправлять пояс ее платья. Не то чтобы я ее жалела — во всяком случае, не тогда и не очень-то. Просто, наверное, мы с ней слишком много времени провели вместе, так что теперь лучше вовсе не думать о том, что ее ждет, чем знать и чувствовать себя при этом мерзавкой.

Конечно же, она ни о чем таком не подозревала... Она была вся в своих мечтах. Она любила поговорить, но чаще молчала и думала о своем. Я видела, как меняется при этом ее лицо. По ночам я лежала рядом с ней и прямо-таки чувствовала, как бродят в ее голове всякие мысли. Вот от нее идет жар, она прямо горит — стало быть, мысли ее о Джентльмене, скоро ли он вернется и помнит ли о ней. Я бы успокоила ее, что помнит, и еще как. Но она ни разу не заговаривала о нем, ни разу не произнесла его имени. Только раз или

два спросила, как бы невзначай, о моей старой тетушке, которая якобы была его няней, но лучше бы не спрашивала, потому что, рассказывая о тетушке, я представляла миссис Саксби и начинала тосковать по дому.

А потом настал день, когда мы узнали, что он возвращается. День как день, если не считать того, что Мод, проснувшись, потерла щеку и жалобно поморщилась. Может, это было, что называется, предчувствие. Но я поняла это намного позже. А тогда, увидев, как она хватается за щеку, я спросила:

— Что случилось?

— Зуб, — сказала она, — царапает изнутри.

— Дайте посмотрю.

Я подвела ее к окну, повернула лицо к свету и пальцем ощупала десну. Почти сразу нашла прорезающийся зуб.

— Да уж, он острее... — начала я.

— Чем змеиный, Сью? — перебила она.

— Чем иголка, хотела я сказать, мисс.

Я подошла к шкатулке для рукоделия и взяла наперсток. Серебряный наперсток, в пару к серебряным ножничкам.

Мод потрогала скулу.

— А вы знаете кого-нибудь, кого покусала змея?

— спросила она.

Дурацкий вопрос. Но она часто перескакивала с одного на другое и говорила невпопад. Может, сельское уединение так на нее повлияло. Я ответила, что не знаю. Она посмотрела на меня, потом снова открыла рот, я надела на палец наперсток и потерла острый край зуба, чтобы он затупился. Я много раз видела, как миссис Саксби проделывала это с младенцами. Конечно, младенцы пищат и отбиваются. Мод же раскрыла рот, покорно откинув голову, и крепко зажмурилась, потом открыла глаза — щеки у нее пылали. Рука моя намокла от ее влажного дыхания. Я потерла наперстком, потом пощупала зуб большим пальцем. Она попыталась глотнуть. Ресницы ее дрогнули.

И в это самое время послышался стук в дверь. Мы обе вздрогнули. Я отступила на шаг. Это была одна из горничных. В руках она держала поднос, на нем лежало письмо.

— Для мисс Мод, — сказала она, сделав реверанс.

Я сразу догадалась по почерку, что это, должно быть, от Джентльмена. Сердце у меня оборвалось. Думаю, Мод почувствовала то же самое.

— Дайте мне, — попросила она. А потом: — И

кстати, принесите шаль.

Краска схлынула с ее лица, хотя на одной щеке, там, где я сильно надавила, еще багровело пятно. Накидывая ей на плечи шаль, я почувствовала, что она дрожит.

Потом, пока я ходила по комнатам, подбирала разбросанные книги и диванные подушки, убирала на место наперсток и закрывала шкатулку для рукоделия, я все поглядывала на нее украдкой. Видела, как она вертит письмо в руках и теребит — ясное дело, не может разорвать конверт, ведь на руках перчатки. И вот, покосившись в мою сторону и стараясь казаться беззаботной — и тем самым ясно давая понять, насколько это для нее важно, — она стянула одну перчатку, надломила печать, вынула письмо из конверта и, держа его обнаженной рукой, стала читать.

Потом я услышала глубокий радостный вздох. Подобрала подушку и принялась выбивать из нее пыль.

— Хорошие новости, мисс? — спросила я. Мне казалось, я просто обязана поинтересоваться.

Она не сразу ответила. Потом улыбнулась:

— Очень хорошие. — И поправилась: — Для дядюшки, конечно. Это от мистера Риверса, из Лондона. И что же он пишет, как думаете? Он

возвращается в «Терновник» завтра.

Улыбка на ее губах держалась весь день как приклеенная, а после часа, вернувшись от дядюшки, она не села шить, не пошла на прогулку и даже в карты не стала играть, а все ходила взад-вперед по комнате, то и дело останавливаясь перед зеркалом — то бровки пригладит, то губки потрогает, а со мной ни слова, будто меня и нет.

Я достала карты и села играть одна. Вспоминала Джентльмена, как он раскладывал королей и дам в кухне на Лэнт-стрит. Потом подумала о Неженке. Ее мать — она утонула — умела по картам предсказывать будущее. Я много раз видела, как она это делает.

Мод все еще в задумчивости стояла перед зеркалом, и я предложила:

— Не желаете ли узнать свое будущее, мисс? Я вам карты разложу.

При этих словах она оторвалась наконец от созерцания своего лица и произнесла:

— А мне казалось, только цыганки гадать умеют.

— Моя бабушка была цыганской баронессой, — сказала я. — Вы только не говорите Маргарет и миссис Стайлз.

В конце концов, может, и правда моя бабуля

была цыганской баронессой, кто знает? Я собрала карты в колоду и протянула ей. Поколебавшись немного, она села рядом со мной, расправила на коленях свою громоздкую юбку-колокол и спросила:

— Что я должна делать?

Я сказала: закрыть глаза и посидеть так минутку, думая о самых дорогих ее сердцу предметах, что она с готовностью и исполнила. Потом велела ей взять колоду и, отсчитав первые семь карт, положить их рубашкой вверх — кажется, мать Неженки именно так и делала, а может, надо было взять девять карт, я точно не запомнила.

Пристально посмотрев ей в глаза, я произнесла сурово:

— Итак, вы действительно хотите знать свою судьбу?

— Сью, вы меня пугаете! — отвечала она.

Я повторила:

— Так вы действительно хотите знать свою судьбу? Что карты скажут, то и надо исполнять. Горе тому, кто попросит карты указать ему путь, а сам сделает по-своему. Обещаете ли вы покориться судьбе, которую они предскажут?

— Обещаю, — тихо сказала она.

— Хорошо. Вот она, ваша жизнь, вся как на ла-

дони. Давайте посмотрим, что было прежде. Эти карты показывают ваше прошлое.

Я открыла первые две карты. Это была дама червей и тройка пик. Я их, конечно же, узнала, потому что, пока она сидела зажмурившись, я быстро перебрала колоду — так бы всякий поступил на моем месте.

Я посмотрела на карты долгим взглядом и сказала, нахмурившись:

— Хм-хм-м... Карты говорят о печали. Вот у нас добрая и красивая леди — видите? — а вот разлука и первые страдания.

Она прижала руку к сердцу.

— Продолжайте, — сказала она, а у самой лицо белое как мел.

— Давайте посмотрим, — продолжала я, — на следующие три карты. Они показывают ваше настоящее.

И быстренько их раскрыла.

— Бубновый король! — воскликнула я. — Строгий пожилой джентльмен. Пятерка треф: рот на замке. Кавалер пик...

Но продолжать не спешила. Она склонилась ко мне.

— Что это значит? — спросила тихо. — Этот кавалер?

Я сказала, что это благородный юноша с добрым сердцем, и она с таким наивным удивлением посмотрела на меня, что я ее чуть не пожалела.

— Мне страшно! Не переворачивайте больше, не надо!

— Но, мисс, я обязана продолжать. Иначе счастье отвернется от вас. Смотрите, эти карты показывают ваше будущее.

И открыла первую. Шестерка пик.

— Дальняя дорога! — воскликнула я. — Может быть, путешествие с мистером Лилли? Или свадебное путешествие...

Она ничего не сказала на это, только сидела и смотрела на карты, которые я ей открыла.

— Покажите последнюю, — попросила она шепотом.

Я показала. Она первая увидела.

— Дама бубен, — пролепетала она и нахмурилась. — Что это?

Я и сама не знала. Я рассчитывала открыть двойку червей — влюбленные сердца, но, должно быть, напутала, и карта осталась в колоде.

— Бубновая дама, — сказала я наконец. — Несметные богатства, наверное.

— Несметные богатства?

Она отодвинулась от меня и посмотрела вокруг

— на выцветший ковер, на черные стены. Я собрала карты и перемешала колоду. Она пригладила юбку и поднялась из-за стола.

— Что-то не верится, — сказала она, — что ваша бабушка была цыганкой. Слишком светлое у вас лицо. Нет, не верю. И мне не понравилось предсказание. Забава для слуг.

Отошла от меня и снова встала перед зеркалом. Я думала, что она скажет мне что-нибудь более приятное, но напрасно надеялась. А на полу под стулом я заметила двойку червей. Карта упала на пол — и она наступила на нее каблуком, отчего край карты замялся.

С тех пор я всегда узнавала эту карту, когда мы с ней в последующие дни садились играть. В тот день, однако, она велела мне отложить карты: мол, от одного вида их ее тошнит, и вообще ей все надоело. Она легла в постель и попросила принести ей чашку воды. А раздеваясь, я заметила, как она достала какой-то флакончик и накапала в чашку три капли. Это была какая-то микстура для сна. Раньше я не замечала, чтобы она принимала микстуру. После этого она стала зевать. А когда я на следующий день проснулась, она не спала, лежала, зажав губами прядь волос, и рассматривала фигуры на балдахине.

— Посильнее расчешите мне волосы, — попросила она, когда я начала ее одевать. — Изо всех сил, так, чтобы блестели. Ой, какие бледные у меня щеки! Не могли бы вы их пощипать, Сью? Ничего, если будут синяки. Лучше ходить с синими щеками, чем с бледными, как у мертвеца!

Глаза ее потемнели — должно быть, от снотворных капель. Она озабоченно морщила лоб. Мне не понравилось, что она заговорила о синяках. Я сказала:

— Стойте смирно, мисс, а то я вообще не смогу вас одеть. Вот так-то лучше. Итак, какое платье желаете надеть?

— Серое?

— Серое — не нарядно. Лучше голубое...

Голубое очень шло к ее светлым волосам. Она стояла перед зеркалом и смотрела, как я его застегиваю. И с каждой новой застегнутой пуговицей лицо ее становилось все довольнее. И когда я застегнула самую верхнюю, она посмотрела на меня. На мое коричневое шерстяное платье.

— Ваше платье, Сью, какое-то затрапезное, не правда ли? Мне кажется, вам пора переменить его.

— Переменить? Но другого у меня нет, — ответила я.

— Как это — другого нет? Ужас какой. А мне оно уже надоело. Что вы носили, когда служили у доброй леди Алисы? Разве вам не досталось от нее каких-нибудь платьев?

Я почувствовала — и, полагаю, тут я была абсолютно права, — что Джентльмен недоглядел, дав мне с собой всего лишь одно платье.

— Видите ли, дело в том, что леди Алиса, конечно, дама ангельской доброты, только вот скуповата. Она забрала мои платья обратно — чтобы отдать новой служанке, в Индии.

Мод потупилась: видимо, ей стало неловко. Потом спросила:

— Что, в Лондоне все дамы так обращаются со своими горничными?

— Только скупые, мисс, — отвечала я.

Тогда она сказала:

— А мне из моих вещей ничего не жалко. Пойдите и возьмите себе другое платье, чтобы было в чем показаться днем. И может быть, еще одно — чтобы переодеться, когда... ну, скажем, когда к нам заглянет гость... — Она раскрыла шкаф и нырнула за створку. — Кажется, мы одного роста. Вот три или четыре платья, гляньте, я их совсем не ношу и спокойно без них обойдусь. Вы любите длинные юбки, я знаю. А мой дядюшка не разре-

шает мне ходить в длинных — он уверен, что они вредят здоровью. Но к вам, понятное дело, это не относится. Нужно лишь немного отпустить подшивку. Надеюсь, вы сумеете?

Еще бы! Я ведь привыкла дома распарывать швы, да и сама при желании могла прошить как по линеечке.

Она показала мне платье. Странное оно было: из оранжевого бархата, с бахромой, а юбка колоколом. Как будто, когда его сшивали, в мастерскую влетел ураган и раздул все детали.

— Примерьте его, Сьюзен, давайте! Я вам помогу. — Она подошла ближе и стала раздевать меня. — Видите, я тоже могу, не хуже вас. Теперь я — ваша горничная, а вы — госпожа!

И усмехнулась, и, пока расстегивала на мне платье, все как-то нервно посмеивалась.

— Ну-ка, посмотрим в зеркало, — сказала она наконец. — Точно сестры!

Она стянула с меня коричневое платье, надела через голову оранжевое и подтолкнула меня к зеркалу, а сама стала возиться с крючками.

— Вдохните! — командовала она. — Поглубже вдохните! Платье довольно тесное, зато у вас будет фигура, как у леди!

Что и говорить, у самой у нее талия была в рю-

мочку, и она была повыше меня. Да и волосы мои потемнее. И похожи мы были не на родных сестер, а на пугала огородные. Юбка моя не закрывала ног. Если бы сейчас какой-нибудь мальчишка из Боро увидел меня, я бы со стыда сгорела.

Но мальчишек из Боро поблизости не наблюдалось, да и девчонок тоже. Так что никто меня не видел. А бархат был все-таки очень хороший. Я стояла, перебирая бахрому на юбке, а Мод в это время сбегала к шкатулке с украшениями и выудила оттуда брошь, которую и приколола торжественно мне на грудь, а потом, склонив голову, отступила на шаг — посмотреть, что получилось. И тут в дверь гостиной постучали.

— Это Маргарет, — сказала она, покраснев до ушей. И крикнула: — Входите, Маргарет, я в спальне!

Маргарет вошла, сделала реверанс и, обращаясь ко мне, сказала:

— Я пришла забрать поднос, ми... Ой! Мисс Смит! Это вы тут? А я приняла вас за госпожу... — И покраснела, а Мод, укрывшись за пологом кровати, смеялась, закрыв рот ладошкой, совсем как маленькая. Прямо покатывалась со смеху, и темные глаза ее сияли.

— Вы только представьте, что мистер Риверс

тоже ошибется и перепутает нас? — сказала она мне, когда за Маргарет закрылась дверь. — Что нам тогда делать?

И снова расхохоталась. Я глянула на себя в зеркало и улыбнулась.

Было же во мне что-то, из-за чего меня приняли за леди?

Лучшего моя мать и желать не могла.

В конце концов, я ведь намереваюсь прибрать к рукам все ее наряды и украшения? Ну, начала чуть раньше. Только и всего. Когда она отправилась к дяде, я сняла оранжевое платье, села и отпорола подпушку, а также чуть распустила лиф. Не стану же я себя калечить, даже ради осиной талии.

— ... Правда, мы теперь красивые? — спросила Мод, когда я зашла за ней в библиотеку.

Она оглядела меня с головы до пят, потом огладила на себе юбку.

— Ой, какая пыльная! — вскричала она. — Это с дядюшкиных полок насыпалось! Это все книги, гадкие книги! — Казалось, она вот-вот заплачет.

Я стряхнула пыль, и мне вдруг захотелось сказать ей, что она зря переживает. Да появись она хоть в рубище и с лицом как у трубочиста, для Джентльмена она всегда будет самой желанной,

пока в банке лежат пятнадцать тысяч с пометкой: «Мисс Мод Лилли».

Представьте, каково мне было — смотреть на нее, и знать все то, что я знала, и делать вид, что ничего не знаю. Будь на ее месте другая какая девчонка, все это было бы даже забавно. Я бы сказала: «Вам нездоровится, мисс? Принести вам что-нибудь? Хотите, я принесу вам зеркало, чтобы вы на себя посмотрели?» А она бы ответила: «Нездоровится? С чего вы взяли? Я просто озябла и гуляю, чтобы согреться». Или так: «Зеркало, Сью? К чему мне зеркало?» — «Мне кажется, вы смотритесь на свое отражение чаще, чем положено». — «А почему, как вы думаете, я это делаю?» — «Не могу знать, мисс».

Сказали, что его поезд прибывает в Марлоу в четыре часа дня и что Уильям Инкер отряжен встретить его, так же как встречал меня. В три часа Мод решила сесть с шитьем у окна, потому что там светлее. Конечно, к тому времени стало смеркаться — какой уж там свет! — но я промолчала. Там, у дребезжащего окна с волглыми песчаными мешочками, стояла низкая скамеечка, накрытая подушкой, во всей комнате места холоднее не сыщешь, но она просидела там чуть ли не полтора часа, обернувшись шалью, стуча зубами от холо-

да и то и дело поглядывая на подъездную аллею.

Я подумала: «Если это не любовь, тогда я — голландский матрос, а если такова любовь, тогда все влюбленные — глупцы, и, слава богу, я не из их числа».

Наконец она прижала руку к груди и вскрикнула. За окном мелькнул огонек — фонарь на двуколке Уильяма Инкера. Она вскочила, бросилась прочь от окна, подбежала к камину и замерла, в волнении сжимая руки. Потом послышался цокот копыт по гравийной дорожке.

— Это мистер Риверс, мисс? — спросила я.

— Мистер Риверс? — переспросила она. — А что, уже так поздно? Да, наверное. Как же дядюшка обрадуется!

Дядюшка вышел его встретить. Она засуетилась:

— Наверное, он позовет меня поприветствовать мистера Риверса. Как сидит на мне юбка? Может, зря я не надела серое?

Но мистер Лилли ее не позвал. В комнатах под нами послышались мужские голоса, со скрипом закрылась парадная дверь, но лишь через час горничная пришла с сообщением, что прибыл мистер Риверс.

— Мистера Риверса устроили в его прежней

комнате?

— Да, мисс.

— Мистер Риверс, должно быть, устал с дороги?

Мистер Риверс послал сказать, что он не очень устал с дороги и надеется увидеть мисс Лилли, а также ее дядюшку за ужином. Прежде этого времени он не осмеливается тревожить мисс Лилли.

— Понимаю, — сказала она, услышав эти слова. И закусила губу. — Пожалуйста, передайте мистеру Риверсу, что он не причинит госпоже никакого неудобства, если зайдет к ней в гостиную еще до ужина...

И продолжала в том же духе, запинаясь и краснея. В конце концов горничная все поняла и вышла. Она отсутствовала примерно четверть часа. Когда же вернулась, за ней следом шел Джентльмен.

Он шагнул в комнату и сначала вроде как не заметил меня. Взгляд его был устремлен на Мод.

Он сказал:

— Мисс Лилли, как великодушно с вашей стороны принять здесь усталого путника в пятнах дорожной грязи... Как это на вас похоже!

Голос его был нежен. А что до пятен — лично я

не заметила ни одного. Думаю, он успел сходить в свою комнату и по-быстрому переодеться. Волосы его были приглажены, усы аккуратно расчесаны; и на сей раз у него было лишь одно скромное колечко — на мизинце, сами же руки были чистые и ухоженные.

Он казался тем, кем и хотел казаться: красивым порядочным джентльменом. Когда же он наконец обратился ко мне, я от неожиданности сделала реверанс и чуть не покраснела.

— А это Сьюзен Смит! — произнес он, оглядывая мое бархатное платье и растягивая губы в улыбке. — Но я чуть не принял ее за леди, клянусь вам!

Он шагнул ко мне, взял меня за руку, и Мод тоже подошла ко мне. Он сказал:

— Надеюсь, вам понравилось здесь, в «Терновнике», Сью. Надеюсь, на новом месте вы показали себя как хорошая служанка.

Я ответила:

— Я тоже на это надеюсь, сэр.

— Она очень хорошая девушка, — сказала Мод. — Очень-очень хорошая.

Она произнесла это скороговоркой, словно ей приятно было, что он обратил на меня внимание: так отвечают обычно, когда незнакомец на улице похвалит вдруг вашу собачку.

Джентльмен крепко сжал мне руку, потом выпустил — она безвольно упала. Он сказал:

— Конечно, она и должна быть хорошей, всякая девушка обязана быть хорошей, когда у нее перед глазами такой пример для подражания, как вы, мисс Лилли.

Ее лицо, которое уже почти приобрело естественный цвет, снова запылало.

— Вы так добры, — сказала она.

Он покачал головой и закусил губу.

— Любой джентльмен просто обязан быть добрым, — проговорил он, понизив голос, — рядом с вами.

Теперь и его щеки зарозовели — не хуже, чем у нее. Думаю, он для этого специально поднатужился. Он не сводил с нее глаз, и в конце концов она улыбнулась ему. А потом рассмеялась.

И тогда я впервые подумала, что, должно быть, он прав. Она и правда была красивая, нежная такая и хрупкая — я поняла это, когда увидела, как она стоит перед ним и смотрит ему в глаза.

Вот дурачки. Большие часы пробили положенный час, они вздрогнули и словно очнулись. Джентльмен сказал, что отнял у нее много времени.

— Надеюсь, я увижу вас за ужином, вас и ваше-

го дядюшку?

— Да, и моего дядюшку, — тихо сказала она.

Он отвесил ей низкий поклон и направился к двери, потом, уже шагнув за порог, кажется, вспомнил о моем существовании и устроил что-то вроде пантомимы, хлопая по карманам в поисках монет. Достал шиллинг и поманил меня, чтобы дать мне награду.

— Это вам, Сью, — сказал он. Взял мою ладонь и вложил в нее шиллинг. Монета была фальшивой.— Все хорошо? — добавил он тихо, так, чтобы Мод не услышала.

Я ответила:

— О, благодарю вас, сэр. — При этом сделала реверанс и подмигнула.

Да уж, делать эти два дела одновременно оказалось труднее, чем я предполагала, так что никому не посоветую: когда подмигиваешь, очень трудно сохранить равновесие в реверансе, а приседая, подмигивания не заметно.

Но, похоже, Джентльмен мук моих не оценил. Он улыбнулся довольной улыбкой, еще раз поклонился и вышел. Мод, взглянув на меня, молча прошла в свою комнату и закрыла за собой дверь — уж не знаю, что она там делала. Я сидела и ждала, пока она не позовет, и она позвала спустя

полчаса — надо было помочь ей переодеться к ужину.

А пока я была в комнате одна, сидела и от нечего делать подбрасывала на ладони шиллинг. «Ну и ладно, — подумала я, — фальшивые монеты блестят не хуже, чем настоящие».

Но подумала с неудовольствием, сама не знаю почему.

В тот вечер она час или два после ужина провела в гостиной в компании дядюшки и Джентльмена — читала им вслух. В гостиную меня, конечно, не приглашали, а узнавала я, что она делает без меня, от мистера Пея или от миссис Стайлз — они вскользь упоминали об этом за ужином. Вечера я обычно проводила в кухне и потом в кладовке миссис Стайлз, какая же там была тоска! В тот вечер, однако, все было иначе. Спустившись в кухню, я обнаружила там Маргарет, орудующую двумя вилками: она поджаривала большой кусок окорока, а миссис Кекс поливала его медом. «Окорок в меду, — пояснила Маргарет, причмокивая, — любимое кушанье мистера Риверса». «Готовить для мистера Риверса, — сказала миссис Кекс, — одно удовольствие».

Вместо обычных шерстяных чулок на ней были черные шелковые, что я подарила. Горничные

надели новые чепцы, с рюшечками. А Чарльз, поваренок, причесался и даже сделал пробор, прямой и ровный, как стрела. Он сидел на табурете перед очагом, начищал сапог Джентльмена и насвистывал.

Он был того же возраста, что и Джон Врум, но только не смуглый, а светленький.

Он сказал:

— Мистер Риверс говорит, что в Лондоне показывают слонов. Он говорит, их держат в специальных загонах в тамошних парках, как овец, и любой мальчишка может заплатить шесть пенсов и покататься на слоне. Что скажете, миссис Стайлз?

— Да неужели?! — воскликнула миссис Стайлз.

На ворот своего платья она приколола брошь. Это была траурная брошь, с черными волосами.

«Слоны!» — хмыкнула я. Я видела, что Джентльмен тут как петух в курятнике, и все они трепещут перед ним. Они говорили, что он очень красив. Что не всякий герцог может похвастать таким же обхождением, кто-кто, а он знает, как вести себя со слугами. Говорили, как повезло мисс Мод, что такой умный молодой человек, как он, вновь решил посетить этот дом. Если бы я сейчас встала и выложила им всю правду — что они все просто-

фили, что мистер Риверс — исчадие ада, что он хочет жениться на Мод, украсть ее денежки и до самой смерти держать ее под замком, — если бы я встала и выложила им все это, они бы мне не поверили. Сказали бы, что я спятила.

Такие люди всегда готовы поверить благородным джентльменам, а не служанкам вроде меня.

И конечно же, ничего такого я им не рассказала, держала свои мысли при себе. За чаем миссис Стайлз сидела на удивление тихо и только теребила брошь. Мистер Пей унес газету с собой в уборную. Ему пришлось подать мистеру Лилли за ужином два сорта доброго вина, и, пожалуй, он единственный не был рад приезду Джентльмена.

По крайней мере, мне казалось, что я рада. «Ты же рада, — говорила я себе, — просто этого не осознаешь. Ты почувствуешь это, когда окажешься с ним один на один». Я надеялась, мы найдем способ поговорить с глазу на глаз, ну, может, не сразу, а через день-другой. Однако прошло целых две недели, прежде чем мы встретились. Ибо, конечно же, мне не положено было одной, без Мод, появляться в парадных помещениях. Я никогда не видела его комнаты, а он не заглядывал в мою. Кроме того, дни в «Терновнике»

были расписаны по минутам, все делалось по раз и навсегда заведенному порядку, как в часовом механизме, и никаких изменений не предполагалось. Мы просыпались под бой часов, после этого все начинали перемещаться из комнаты в комнату, каждый по своей дорожке, пока вечерний звон не зазывал нас обратно в постель — спать. Я представляла себе, что в полу для каждого из нас проложен желобок, и мы скользим по нему, как фигурки в заводной шкатулке. А где-нибудь сбоку дома приделана ручка, которую вращает какая-нибудь гигантская невидимая рука. Порой, когда за окном сгущалась тьма или наплывал туман, я представляла себе эту ручку, и мне казалось, я даже слышу, как она, вращаясь, скрипит. И мне становилось страшно: что, если ее вдруг перестанут крутить?

Вот что делает с человеком сельское житье.

С приездом Джентльмена механизм словно сильно встряхнули. Рычаги заскрипели, фигурки покачнулись, и прочертились новые желобки, а потом движение продолжилось, тихо и гладко, как прежде, только добавилось новых сцен. Мод теперь не ходила к дядюшке читать ему вслух, пока он занимался. Она оставалась в своих комнатах. Мы с ней шили, играли в карты или шли

гулять к реке или к тисовым деревьям — смотреть на могилы.

А что касается Джентльмена, то он вставал в семь и завтракал, лежа в постели. Еду ему приносил Чарльз. В восемь он приступал к работе с гравюрами мистера Лилли. Мистер Лилли сам присутствовал при этом и давал советы. Над своими картинками он трясся не меньше, чем над книжками, и даже выделил Джентльмену особую комнату для занятий, правда, она оказалась еще темнее и теснее, чем библиотека. Полагаю, гравюры были старые и жутко ценные. Я их ни разу не видела. И никто не видел. У мистера Лилли и у Джентльмена были ключи, они запирались там, а когда уходили, закрывали комнату на замок.

Работали они до часу дня, потом им приносили второй завтрак. Мы с Мод завтракали в одиночестве. Молча. Она порой вообще не притрагивалась к пище, сидела и ждала чего-то. Потом, в четверть второго, собирала рисовальные принадлежности — краски и карандаши, бумагу и картонки, деревянный угольник — и складывала их в определенном порядке, чтобы держать наготове. Мне не разрешалось помогать. Если кисть падала на пол и я поднимала ее, она снова все сгребала в кучу — бумагу, карандаши,

краски, угольник — и принималась раскладывать заново.

Я поняла, что мне к этим вещам лучше не прикасаться. Можно только смотреть. А потом, когда часы били два пополудни, мы обе начинали прислушиваться. Ровно через минуту входил Джентльмен, чтобы преподать ей очередной урок.

Вначале занятия проходили в гостиной. Он клал на стол яблоко, грушу, рядом ставил кувшин с водой, а потом стоял и кивал, пока она зарисовывала все это на картонке. Кисточкой она махала так же умело, как лопатой, но Джентльмен брал ее мазню и, держа на вытянутой руке, кивал или, прищурившись, изрекал:

— Говорю во всеуслышание, мисс Лилли, у вас определенно выработался стиль!

Или:

— Прошел всего лишь месяц, а какой прогресс в линиях!

— Вы правда так считаете, мистер Риверс? — спрашивала она, заливаясь краской до самых ушей. — А по-моему, груша слишком плоская. Может, мне еще поработать над перспективой?

— Перспектива, конечно, пока хромает, — отвечал он ей на это. — Но ваш талант, мисс Лилли,

важнее техники. Вы видите самую суть. Мне страшно рядом с вами стоять! Боюсь, от вашего взора не укроется то, что я так долго и тщательно пытался скрывать.

Так или примерно так он говорил, сперва громко и уверенно, но постепенно голос его становился все тише, все доверительнее, он даже начинал запинаться и придыхать, а она делалась похожей на куклу из воска, которую поставили слишком близко от огня. И принималась с новым усердием срисовывать фрукт, но вместо груши на сей раз получался банан. Тогда Джентльмен говорил, что света маловато или что кисть никуда не годится.

— Если бы я мог свозить вас в Лондон, мисс Лилли, показать мою мастерскую!

Это уже была сказка, которую он сочинил про себя: богемная жизнь в Челси, в собственной мастерской...

Он сказал, что знаком со многими интереснейшими художниками.

— И художницами? — спросила Мод.

— Конечно, — отвечал он. — Разумеется, не все обязаны разделять мое мнение, у людей ведь разные вкусы. Посмотрите сюда: эту линию надо провести тверже, увереннее.

И он подходил к ней и клал свою руку поверх ее руки. Она оборачивалась к нему:

— Не скажете ли мне, что вы имеете в виду? Вы можете говорить откровенно. Я не ребенок, мистер Риверс!

— Вы — нет, — отвечал он тихим голосом, глядя ей прямо в глаза. — В конце концов, — продолжал он, — убеждения мои достаточно скромны. В том, что касается женского пола и основ миропорядка. Но есть нечто, мисс Лилли, чем должен обладать только ваш пол.

Она насторожилась:

— Что же это, мистер Риверс?

— Это свобода, — ответил он тихо, — свобода.

Она застыла, потом качнулась. Стул под ней скрипнул, от этого звука она вздрогнула и отдернула руку. Подняла глаза к зеркалу, заметила, что я смотрю на нее, и вспыхнула. Джентльмен тогда тоже стал смотреть на нее в зеркало — она окончательно смутилась и потупилась. Он перевел взгляд с нее на меня, потом опять на нее. Потом выпрямился и погладил усы.

Она тронула кисточкой натюрморт и вскрикнула: «Ой!» Капля краски стекала с груши, как слеза. Джентльмен успокоил ее, что ничего страшного, что она и так сегодня изрядно потрудилась. Он

подошел к столу, взял настоящую грушу и протер ее. У Мод среди карандашей и кисточек лежал маленький перочинный ножик, он взял его и разрезал грушу на три сочащиеся дольки. Одну отдал ей, другую взял себе, а третью, стряхнув с нее капли, протянул мне.

— Кажется, почти совсем поспела, — сказал он и подмигнул мне.

Он куснул свою дольку. Капельки сока блестели в его бороде, как росинки. Он рассеянно облизнул пальцы, я последовала его примеру. Мод рискнула запачкать свои перчатки и откусывала потихоньку, задумчиво глядя в пустоту.

Каждый думал о своем: о тайне. О настоящей тайне, не о пустяках каких-нибудь. Слишком многое было поставлено на карту. Когда я, оглядываясь назад, пытаюсь разобраться, кто что знал и чего не знал тогда и кто кого обманывал, я вынуждена бросить это дело — потому что голова идет кругом.

В конце концов он сказал, что пора учиться писать с натуры. Я сразу смекнула, к чему он клонит, — к тому, чтобы водить ее в парк, в самые глухие места, и там учить уму-разуму. Думаю, она тоже догадалась.

— Как вам кажется, сегодня будет дождь? —

спросила она озабоченно, стоя у окна и глядя на тучки.

Был конец февраля, на дворе холод собачий. Но, помнится, я говорила, что с приездом мистера Риверса в доме все оживилось, так что даже природа, казалось, сменила гнев на милость. Ветер стих, и окна перестали дребезжать. Небо, прежде серое, прояснилось, засияло синевой, лужайки стали зелеными, как бильярдное сукно.

По утрам, когда мы гуляли с Мод вдвоем, я шла рядом с ней. Сейчас, конечно же, с ней рядом шел Джентльмен. Он иногда предлагал опереться на его руку, она хоть и не сразу, но соглашалась. Думаю, после того как она походила под ручку со мной, ей было легче на это решиться. Правда, шагала она как статуя, но он все-таки придумал способ приблизиться. Он все ниже и ниже склонял к ней свою голову, так что уже почти касался ее лица. А то делал вид, что отряхивает пыль с ее воротника. Сначала меж ними оставалось некое свободное пространство, но оно стремительно таяло, почти совсем исчезая, когда они соприкасались рукавами или край ее юбки обметал его брючину. Я все примечала, потому что шла за ними следом. Несла коробку с красками и кисточками, деревянный угольник и табурет.

Иногда они уходили далеко от меня и, кажется, вовсе обо мне забывали. Потом, вспомнив о моем существовании, Мод оборачивалась ко мне:

— Как вы добры, Сью! Вы не устали? Мистер Риверс говорит, еще четверть мили — и все.

Мистер Риверс всегда так говорил. Он не спеша вел ее по парку, объясняя, что ищет уголок поживописнее, а сам все увереннее прижимал ее к себе, все жарче нашептывал, — а я тащилась следом со всем их барахлом.

Конечно, без меня они бы вообще никуда не выбрались. Предполагалось, что я слежу за тем, чтобы Джентльмен вел себя как подобает.

Я и следила. А также следила за ней. Иногда она смотрела на него, но чаще — себе под ноги, и то цветок какой приметит, то листик, то птичку — и радуется... И когда такое случалось, он оглядывался на меня и улыбался мне хитрой улыбкой, но, когда она взглядывала на него, лицо его снова становилось невозмутимым.

Глядя на них, всякий бы сказал, что он любит ее.

Глядя на них, всякий сказал бы, что она его любит.

Но еще сказал бы, что она боится — боится своего чувства. Поэтому он должен был соблю-

дать осторожность, действовать не спеша. Он ни разу не дотронулся до нее, разве что подставлял локоток на прогулке да направлял ее руку, когда она рисовала. Он склонялся над ней — посмотреть, как она подбирает краски, его дыхание смешивалось с ее дыханием, и прядь его волос касалась ее теки... Но, придвинься он ближе, она бы отдернулась.

Перчаток она не снимала.

Наконец он выбрал удачное место у реки, и она начала писать пейзаж, каждый день пририсовывая все новые камышинки. По вечерам она спускалась в гостиную — почитать вслух ему и мистеру Лилли. Перед сном капризничала, порой капала в чашку снотворные капли, порой вздрагивала во сне.

Когда это случалось, я обнимала ее за плечи, и она замирала.

Я успокаивала ее — ради Джентльмена. Потом нужно будет поддерживать ее во взвинченном состоянии, но пока что моя задача — успокаивать ее, красиво одевать, ухаживать за ней. Я мыла ей волосы уксусом и расчесывала до блеска. Джентльмен входил в ее комнату, смотрел на нее, кланялся, а потом говорил: «Мисс Лилли, с каждым днем вы все прекраснее!» — и я понима-

ла, что это чистая правда. Но понимала и то, что этот комплимент предназначался не столько ей — потому что она ничего не сделала, — сколько мне, потому что я все это сотворила.

О подобных мелочах я сама догадывалась. Говорить в открытую он не мог, зато устраивал настоящую пантомиму, поводя глазами, улыбаясь заговорщицки. Мы ждали, когда удастся побеседовать с глазу на глаз, но случая все не представлялось, и я уже почти отчаялась, как вдруг Мод, в своей невинности, сама нам эту встречу и устроила.

Просто как-то утром она увидела его в окно. Она стояла, прижавшись лбом к оконному стеклу, глядела во двор и вдруг произнесла:

— Вон мистер Риверс гуляет по лужайке.

Я подошла к ней посмотреть — действительно, он расхаживал по травке и курил сигарету. Было очень рано, солнце едва поднялось, и по лужайке тянулись длиннющие тени.

— Правда, он высокий? — спросила я, искоса поглядывая на Мод.

Та кивнула. От ее дыхания стекло запотело, и она протерла его перчаткой. Потом вскрикнула: «Ой!», как будто с ним что случилось — упал, например.

— Ой! Кажется, у него сигарета погасла. Бедный мистер Риверс!

Он внимательно смотрел на черный кончик своей сигареты, даже подул на нее. Потом похлопал по брючным карманам: искал спичку. Мод еще раз для верности протерла стекло.

— А теперь, — сказала она, — он не может зажечь ее! У него спичек нет? Не может быть! А ведь уже било полчаса, минут двадцать назад. Ему скоро к дядюшке идти. Нет, у него нет спичек — в карманах нет...

Она посмотрела на меня, заламывая руки, как будто у нее сердце разрывалось от горя. Я сказала:

— От этого не умирают, мисс.

— Но бедный мистер Риверс, — не унималась она. — О, Сью, если вы поторопитесь, вы можете отнести ему спичку. Смотрите, он прячет сигарету. Как он, должно быть, страдает!

У нас спичек не водилось. Маргарет всегда носила их с собой в переднике. Когда я напомнила об этом Мод, она сказала:

— Тогда возьмите свечу! Что угодно возьмите! Хоть уголек из камина. Ой, а можно побыстрее? Только прошу, не говорите ему, что я вас послала!

И можете себе представить? Я послушалась. Сбежала вниз на два лестничных пролета, зажав в руке каминные щипцы с горящей головешкой — для того лишь, чтобы кому-то было чем прикурить! Можете себе представить, чтобы я это сделала? Ну да, ведь я теперь служанка, не имею права отказываться. Джентльмен увидел, что я иду к нему по траве, разглядел, что я несу, и рассмеялся.

Я сказала:

— Все нормально. Она послала меня передать вам это, чтобы вы зажгли сигарету. Сделайте вид, что вам приятно, она за вами наблюдает. Но если хотите, можете и о нас поговорить.

Он даже головы не повернул в мою сторону, только поднял глаза к ее окну.

— Хорошая девочка, — хмыкнул он.

— Слишком хорошая для вас, как я понимаю.

Он улыбнулся. Но так, как господа улыбаются слугам: снисходительно. Я представила, как Мод глядит на нас сверху вниз, туманя взволнованным дыханием холодное стекло.

Он спокойно поинтересовался:

— Как наши дела, Сью?

— Неплохо, — ответила я.

— Думаешь, она любит меня?

— Думаю, да. Любит.

Он достал серебряный портсигар и вынул новую сигарету.

— Но сама она тебе об этом не говорила?

— Это и не обязательно.

И наклонился над головешкой.

— Она тебе вполне доверяет?

— Вынуждена. Больше у нее никого нет.

Он затянулся, выпустил дым. В холодном воздухе повисли синие пятна дыма.

— Она наша, — сказал он.

Отступив на шаг, он выразительно посмотрел на меня, и я поняла: выронила уголек на траву, и он нагнулся, чтобы помочь мне его поднять.

— Что еще? — спросил он.

Быстрой скороговоркой я поведала ему про снотворные капли и про то, что она боится своих снов. Он слушал с улыбкой, неловко хватал щипцами кусок угля, так что тот все время срывался, потом наконец ухватил, поднял и передал щипцы мне, жестом показав, что нужно держать их крепче.

— Капли и сны — это здорово, — тихо сказал он. — Это нам потом пригодится, позже. А сейчас ты знаешь, в чем твоя задача? Не спускать с нее глаз. Войти к ней в доверие. Она — наш маленький

драгоценный камушек, Сьюки. Скоро я вытащу ее из оправы и обменяю на деньги. А держать нужно вот так. — Он вдруг заговорил громче: из парадного вышел мистер Пей — заметил, видно, открытую дверь и выглянул посмотреть, что случилось. — Вот так, чтобы уголек не упал и, не дай бог, не прожег ковер мисс Лилли...

Я сделала реверанс, и он пошел прочь, а потом, когда мистер Пей встал погреться на солнышке и, сняв парик, поскреб макушку, шепнул мне на прощание:

— На тебя дома делали ставки. Миссис Саксби поставила пять фунтов на твой успех. Мне велено поцеловать тебя — за нее.

Изобразив губами беззвучный поцелуй, он сунул в рот сигарету и опять принялся пускать синий дым. Потом поклонился. Пряди волос упали на воротник. Поднял холеную белую руку, чтобы заправить прядь за ухо.

Я заметила, что мистер Пей с крыльца пристально смотрит на него — еще пристальней, чем смотрели мальчишки из Боро, — словно прикидывал, что лучше: посмеяться над ним или дать пинка. Но Джентльмен притворился, что не замечает. Он подставил лицо солнышку и встал так, чтобы Мод из своего укрытия могла его

получше разглядеть.

...С тех пор каждое утро она вставала у окна и смотрела, как он прохаживается внизу и курит. Она упиралась лбом в стекло, и, когда отходила, над бровью оставалась отметина — ярко-розовый кружок на белой коже. Такие пятна бывают на щеках от лихорадки. И еще я заметила, что с каждым днем пятно становится все краснее.

Теперь она следила за Джентльменом, а я за ними обоими, и все втроем ждали, когда же лихорадка отступит.

Мне казалось, что это займет две недели, ну, может, три. Но две недели прошли, а мы все еще топтались на месте. Потом еще две, но все оставалось по-прежнему. Она умела ждать, и дом продолжал жить по-заведенному. Она лишь чуть сдвинула свою дорожку поближе к нему, а он чуть подправил свою, поближе к ней, — но только и всего. И мы с ним ждали, когда представление разладится.

Я должна была завоевать ее доверие, чтобы потом помочь ей бежать. Тысячу раз я закидывала удочку — например, заговаривала о том, какой добрый джентльмен мистер Риверс, как он красив, и какие изысканные у него манеры,

и как он, похоже, нравится ее дядюшке, да и ей самой, и как она сама, похоже, нравится ему, и если бы какая юная дама подумывала о замужестве, то мистер Риверс — чем не пара? В общем, я тысячи раз обиняками пыталась вывести ее на откровенный разговор, но она словно не слышала моих намеков и, похоже, не собиралась изливать передо мной душу. Природа тем временем снова насупилась, а потом вдруг стало теплее. Наступил март. Его сменил апрель. К маю все картинки мистера Лилли будут оправлены, и Джентльмену придется покинуть этот дом. А она все еще не сказала своего слова, и он ослабил напор, чтобы не спугнуть неверным движением.

Я, честно говоря, утомилась ждать. И Джентльмен стал нервничать. Мы все были на взводе, как караульные на часах: Мод все время ходила как неприкаянная и, когда били часы, вздрагивала, а глядя на нее, и я вздрагивала. Когда в назначенное время за ней должен был зайти Джентльмен, я своими глазами видела, как она начинала метаться, прислушиваясь к его шагам, — а заслышав стук в дверь, бывало, вскочит или вскрикнет, както раз даже чашку уронила и разбила. А ночью лежала не смыкая глаз, словно в оцепенении, или ворочалась и что-то бормотала во сне.

Любовь, ясное дело! Ничего подобного я отродясь не видела. В Боро подобные дела совсем иначе делались. Я вспоминала, как обычно ведет себя девчонка, если ей нравится ее ухажер.

Я попыталась представить, как я бы сама себя повела, если бы на меня обратил внимание мужчина вроде Джентльмена. И подумала, может, отвести ее в сторонку и поговорить как девчонка с девчонкой, подсказать, что ли...

Но все же решила этого не делать, боясь показаться грубой и невоспитанной... Что выглядит довольно странно, если учесть, что потом случилось.

...Но прежде должно было произойти еще кое-что. Гроза наконец разразилась. Куклы столкнулись, и наше терпение было с лихвой вознаграждено.

Она позволила ему себя поцеловать.

Не в губы, а даже еще получше.

Я знаю об этом, потому что собственными глазами видела.

Это случилось у реки, в первый апрельский день. Он выдался на редкость теплым. Солнце сияло вовсю, но небо хмурилось — ждали грозы.

Поверх платья она надела жакет и плащ, и ей было жарко. Она подозвала меня и велела снять

с нее плащ, а затем и жакет. Она сидела и срисовывала камыши, а Джентльмен стоял рядом и снисходительно поглядывал на ее мазню. Солнце слепило глаза и мешало ей рисовать: она то и дело прикрывала их ладонью и щурилась. Перчатки ее были все в краске, теперь и лицо запачкалось.

Воздух был густой, влажный и по-летнему теплый, но земля все еще не прогрелась, оставаясь по-зимнему сырой и холодной. Нагретый камыш источал странный запах. Мы услышали необычный звук — будто кто-то напильником водил по железу, — и Джентльмен сказал, что это лягушка такая. Вокруг ползали длинноногие пауки и какие-то жуки. И еще там был куст с целой россыпью тугих, набухших, пушистых бутончиков.

Я примостилась под кустом, в тени ограды, на перевернутой вверх дном лодке: Джентльмен специально для меня перетащил ее на это место. Так что я оказалась довольно далеко от них — дальше отсадить меня он не осмелился. Я занималась тем, что отгоняла пауков от корзинки с печеньем. Такая была у меня работа, пока Мод рисовала, а Джентльмен помогал и направлял ее неуверенную кисть своей крепкой рукой.

Так она рисовала себе и рисовала, а палящее солнце опускалось все ниже, на сером небосклоне

появилась алая рябь, и воздух, кажется, стал еще гуще. И я заснула. Я спала и видела во сне Лэнт-стрит: вот мистер Иббз обжег руку о жаровню и закричал. От крика я проснулась. Вскочила с деревянного сиденья и в первую секунду не поняла, где нахожусь. Потом огляделась. Мод и Джентльмена нигде не было видно.

Вот ее табуретка, вот ее картинка с натуры. А вот кисти (одна валяется под мольбертом) и краски. Я подошла и подобрала упавшую кисточку. Подумала, что, наверно, Джентльмен увел ее домой и мне теперь придется одной надрываться — тащить на себе все рисовальные принадлежности. Но чтобы она отважилась пойти с ним одна, без сопровождения, — в это верилось с трудом. Мне стало даже немного боязно за нее. Да, почти как настоящая служанка, я стала беспокоиться о своей госпоже.

А потом услышала ее голос — она что-то говорила, но тихо, слов не разобрать. Я пошла на голос — и увидела их.

Они были недалеко — только прошли чуть дальше вдоль реки, до поворота. Они меня не заметили, даже головы не повернули. Должно быть, долго бродили рука об руку вдоль камышовых зарослей. И должно быть, за это время он с

ней объяснился наконец. Объяснился без меня, так что я ничего не слышала, — интересно, какие такие слова он произнес, что она теперь так и льнет к нему? Голову клонит ему на плечо. Юбка сзади задрана чуть не до колен. И при всем при том она на него не смотрит. Руки висят, как у тряпичной куклы. Он, прижавшись губами к ее волосам, что-то горячо нашептывает.

И пока я так стояла и смотрела, он взял ее безвольную руку и медленно-медленно стал отворачивать край перчатки, а потом поцеловал в ладонь.

И по этому жесту я догадалась, что он овладел ею. Кажется, он вздохнул. И она, кажется, тоже вздохнула — потом подалась к нему, вздрогнула, юбка задралась еще выше, так, что стали видны чулки и белая плоть бедра.

Воздух стал густым, как патока. Платье у меня взмокло под мышками и в локтях. Чугунная чушка и та бы вспотела, окажись она в таком пекле да еще во всем шерстяном. Каменные глазницы и те бы повылезли из орбит, когда бы такое увидели. Я не в силах была отвернуться. От этой картины — белая-белая рука, черная-черная борода, перчатка отвернута до половины, юбка топорщится — я словно оцепенела. Громче прежнего квакали

лягушки. Река лениво облизывала тростник. Я не сводила с них глаз, а он склонил голову и снова нежно ее поцеловал.

Мне бы обрадоваться. Но я не обрадовалась. А почему-то сразу представила, как жесткие усы корябают нежную кожу. У нее такие гладкие пальцы, такие мягкие белые ногти. Только сегодня утром я их подстригала. Одевала ее, причесывала. Заботилась о ней, наряжала — и все ради этой вот минуты. Все для него. Сейчас, рядом с ним, черноволосым, облаченным во все темное, она казалась такой бледненькой, маленькой и нежной, что я испугалась: вот-вот хрупнет. Подумала: вдруг он ее проглотит, как серый волк? Или зашибет?

Я отвернулась. Дневной жар, густой воздух, тяжкий запах камыша — все это показалось мне вдруг невыносимым. Я повернулась и тихо побрела назад, к недописанному этюду. Через минуту громыхнуло, а еще через минуту послышался шелест юбок, и из-за угла каменной ограды показались Мод и Джентльмен: они шли под ручку быстрым шагом, перчатки на ней застегнуты как полагается, глаза долу. Он клонит к ней голову и придерживает за ручку.

Джентльмен первым заметил меня:

— Сью! Мы не хотели вас будить. Решили прогуляться по берегу и загляделись на реку. Солнце уже скрылось, и, кажется, дождь собирается. Есть у вас плащ для вашей госпожи?

Я не произнесла ни слова. Мод тоже молчала и упорно смотрела себе под ноги. Я накинула на нее плащ, потом взяла холст и краски, табурет и корзинку и поплелась следом за ними к калитке, а потом — к дому. Мистер Пей распахнул перед нами дверь. И только он ее закрыл, как грянул гром. И на землю закапали темные, крупные дождевые капли.

— Как раз вовремя! — сказал Джентльмен, пристально глядя на Мод, с неохотой выпуская ее руку.

Руку, которую он целовал! Наверное, на ней еще оставался след его поцелуя — я заметила, как она украдкой прижимает руку к груди, словно баюкает.

Глава пятая

Весь вечер лил дождь. Потоки мутной воды текли мимо дверей подвала, заливая кухню и кладовые. Нам пришлось поторопиться с ужином, потому что мистер Пей и Чарльз собрались выносить мешки. Я стояла рядом с миссис Стайлз на черной лестнице у окна и смотрела на струи дождя и на вспышки молний.

Миссис Стайлз зябко повела плечами и сказала задумчиво:

— Плохо тем, кто сейчас в море!

Я раньше, чем обычно, поднялась в комнаты Мод и села, не зажигая света, так что когда она вошла, то поначалу меня не заметила — встала посреди гостиной и закрыла руками лицо. А когда, при очередной вспышке молнии, увидела меня, вздрогнула от неожиданности.

— Это вы? — спросила.

Глаза ее казались огромными. Она провела вечер в компании дядюшки и Джентльмена. «Ну сейчас она мне все расскажет», — подумала я. Но она только посмотрела на меня испуганно, потом грянул гром — и она убежала в спальню. Я пошла за ней следом. И пока я ее раздевала, она стояла

безвольно, как в объятиях Джентльмена, только руку со следами поцелуя держала на отлете — берегла. Легла в постель и тихо лежала, лишь время от времени спрашивала:

— Вы слышите, как поливает? — И чуть погодя: — Кажется, гроза уходит...

Я представила себе подвал, залитый водой. Подумала о моряках в бескрайнем море. Подумала о Боро. Под дождем кровли лондонских домов громыхают. Я представила себе, как миссис Саксби лежит в постели, прислушиваясь к шуму дождя, и думает обо мне.

«Три тысячи фунтов! — сказала она. — Ох ты мать честная!»

Мод оторвала голову от подушки, видно, собиралась с духом. Я закрыла глаза. «Ну вот, сейчас начнет»,— подумала я.

Но она так ничего и не сказала.

Когда я проснулась, дождь перестал и в доме было тихо. Мод лежала бледная как молоко: принесли завтрак, но она не притронулась к еде. Говорила спокойно, причем обо всяких пустяках. Так влюбленные себя не ведут. Впрочем, я надеялась, что вскоре она не выдержит и заговорит о своем возлюбленном. Наверное, ее переполняют чувства.

Она смотрела, как Джентльмен прохаживается под окнами и курит, но так и раньше бывало, а позже, когда он направился к мистеру Лилли, заявила, что пойдет на прогулку — одна, без него. Солнце почти не проглядывало, небо снова заволокло тучами, и земля была в свинцовых лужицах. Воздух был так пронзительно чист и свеж, что у меня голова закружилась. Но мы, как прежде, направились к леднику, потом — к часовне с могилами. Она присела у материнской могилы. Серое надгробие намокло и потемнело от воды. Траву вокруг прибило дождем. Рядом с нами без страха похаживали большие черные птицы, клевали червяков, наверное. Я стала за ними наблюдать. И видимо, тяжко вздохнула, потому что Мод, все еще хмурясь, посмотрела на меня и спросила участливо:

— Вам грустно, Сью?

Я покачала головой.

— Не отпирайтесь, — настаивала она. — Я во всем виновата. Я водила вас сюда, в это тоскливое место, и думала лишь о себе. Но вы знаете, каково это — узнать материнскую любовь и потом ее потерять.

Я отвернулась.

— Ничего. Это не важно.

Она сказала:

— Какая вы сильная...

Я вспомнила о своей матери, умершей на эшафоте, и вдруг мне захотелось — никогда мне этого не хотелось,— чтобы она была обычной женщиной и чтобы умерла, как обычно умирают.

Словно подслушав мои мысли, Мод вдруг тихо сказала:

— А как — ничего, что я спрашиваю? — как умерла ваша мать?

Я сразу и не нашлась. Потом сказала, что она проглотила булавку и задохнулась.

Я правда знала одну женщину, которая умерла таким образом. Мод, услышав мой ответ, охнула. Потом глянула на материнскую могилу.

— А представьте себе, — тихо произнесла она, — что бы вы чувствовали, если бы сами дали ей эту булавку?

Странный вопрос, но, разумеется, я к тому времени привыкла к ее странной манере вести беседу. Я ответила, что очень бы мучилась.

— Правда? — оживилась она. — Видите ли, я не просто так поинтересовалась. Потому что я самим своим рождением убила маму. Я так же виновата в ее смерти, как если бы зарезала ее собственной рукой!

Она посмотрела на свои перчатки — кончики пальцев окрасились от глины.

— Чушь какая. Кто вам такое сказал? Ему должно быть стыдно.

— Никто не сказал. Я сама так думаю.

— Тем хуже, потому что вы умная и сами должны понимать. Разве можно нарочно не рождаться?!

— А я бы хотела — нарочно! — крикнула она.

Черная птица взлетела из-за могилы, громко захлопав крыльями, — звук был такой, словно вытряхивают ковер, вывешенный из окна. Мы, разом повернув головы, стали смотреть, как она летит, а когда я обернулась к мисс, в глазах у нее стояли слезы.

Я подумала: «Ну и чего ты плачешь? Ты любишь, ты любима». И попыталась напомнить ей.

— Мистер Риверс... — начала я.

Но при упоминании о нем она лишь повела плечами.

— Посмотрите на небо, — быстро проговорила она. Небо над нами стало темно-свинцовым. — Кажется, опять будет гроза. А вот и дождь, смотрите!

И закрыла глаза, подставляя лицо под первые капли, и через пару минут уже не понять было,

дождь ли струится по ее щекам или слезы. Я шагнула к ней и взяла ее за руку:

— Накиньте плащ.

Дождь полил со страшной силой. Я подняла ей капюшон, застегнула, укутала, как маленькую, — она стояла не шелохнувшись, и я подумала: если бы я не спохватилась, она бы так и сидела на могилке и, наверное, промокла бы насквозь. Я довела ее до часовни. Дверь была заперта, на тяжелой цепи — замок, но над входом был небольшой дощатый навес, по счастью не дырявый. Дождь тяжко лупил по доскам, так, что они дрожали. Подолы наших платьев намокли и отяжелели. Мы стояли бок о бок, прижавшись к двери, а дождь бил в землю своими прозрачными стрелами. Тысяча стрел — на одно несчастное сердце.

— Мистер Риверс просил моей руки, Сью, — вдруг призналась она.

Сказала это самым обыденным тоном — так отвечают затверженный урок, и, хотя я так долго ждала этих слов, ответ мой прозвучал довольно уныло:

— О, мисс Мод, я рада как не знаю кто!

Капля дождя прозвенела меж нами.

— Правда? — сказала она. Локоны ее прилипли

к мокрым щекам. — Тогда, — грустно сказала она, — мне очень жаль. Потому что я еще ему не ответила. Не могу же я... Дядюшка мой... Он просто так меня не отпустит. Придется ждать целых четыре года, пока мне не исполнится двадцать один. Ведь это жестоко — просить мистера Риверса так долго ждать?!

Конечно, мы предполагали, что она так подумает. И даже хотели, чтобы она так думала, потому что так она скорее согласится убежать и тайно повенчаться. Я очень осторожно спросила:

— А вы точно знаете насчет дядюшки?

Она кивнула.

— Он не отпустит меня, пока у него есть книги, которые надо читать и изучать; а они-то никуда не денутся! Кроме того, он гордый. Конечно, мистер Риверс джентльмен по рождению, но...

— Но ваш дядя считает его недостаточно шикарным?

Она прикусила губу.

— Знал бы он, что мистер Риверс просит моей руки, он бы отказал ему от дома. Но ведь рано или поздно ему все равно придется уехать, когда работа будет окончена! Он уедет... — Голос ее задрожал. — И я его больше не увижу! И смею ли я надеяться па его верность, если придется ждать

столько лет?!

Она утирала слезы, как маленькая. Плечи ее сотрясались от рыданий. В общем, жалкое зрелище, да и только.

— Не плачьте, — сказала я, убирая с ее мокрой щеки прилипшую прядку. Правда, мисс, не надо плакать. Неужели вы думаете, что мистер Риверс откажется от вас? Да разве он посмеет? Вы для него — все. И дядя ваш, как только это увидит, сразу переменится.

— Счастье мое для него ровно ничего не значит. Он думает лишь о книгах! И я для него все равно что книга. Ко мне нельзя прикасаться, меня нельзя любить. Меня надо держать здесь, в этой книжной пыли, вечно!

Никогда еще я не слышала от нее таких гневных речей.

Я сказала:

— Дядюшка ваш любит вас, я уверена. А мистер Риверс... — Слова встали у меня поперек горла, пришлось прокашляться. — Мистер Риверс тоже любит.

— Вы правда так считаете, Сью? А то вчера он был так резок, ну, у реки, когда вы спали. Он рассказывал мне про Лондон — про свой дом, про свою мастерскую, — что ему очень хочется

привезти меня туда, но не как ученицу, а как жену. Он говорит, что только об этом и мечтает. Говорит, что не выдержит долгого ожидания и умрет! Как думаете, Сью, он это всерьез?

Она ждала, что я отвечу. А я твердила себе: «Он не врет, не врет, он и вправду любит ее — из-за ее денег. И наверное, если бы он потерял ее сейчас, он бы точно умер».

И сказала:

— Я уверена, он не шутит.

Она уставилась в пол:

— Но что же тогда ему делать?

— Поговорить с дядюшкой.

— Но это невозможно!

— Тогда, — проговорила я, изо всех сил сдерживая дыхание, — тогда надо найти другой выход.

Она ни слова не произнесла в ответ, лишь головой кивнула.

— Вы должны это сделать.

Опять молчок.

— Есть ли у вас, — продолжала я, — возможность найти другой выход?..

Она подняла на меня заплаканные глаза, смахнула последние слезинки. Быстро огляделась по сторонам, придвинулась ко мне и зашептала:

— Вы никому не скажете, Сью?

— О чем, мисс?

Она помедлила.

— Пообещайте мне, что не скажете. Поклянитесь!

— Клянусь! — сказала я. — Клянусь! — А сама подумала: «Ну давай же наконец, выкладывай!» — потому что жаль мне ее стало, бедняжку: так мучается, боясь выдать свой секрет, и не знает, что для меня-то это уже давно не тайна.

И вот наконец она не выдержала.

— Мистер Риверс, — сказала она тихо и почти уже не волнуясь, — говорит, мы должны бежать под покровом ночи.

— Бежать! — ахнула я.

— Говорит, мы должны тайно обвенчаться. Говорит, дядя может потребовать меня назад, но ему это не удастся, раз я буду... замужем.

Говоря эти слова, она вдруг побледнела — кровь отхлынула от ее лица. И такая она стала серая — прямо как плита с материнской могилы.

— Делайте, как сердце подскажет, мисс, — сказала я.

— А я вот не уверена. Да, до конца не уверена...

— Но подумайте, каково это будет: любить — и потерять любимого!

Она посмотрела на меня как-то странно.

Я спросила:

— Вы ведь его любите?

Она отвела взгляд, потом странно улыбнулась и не ответила. А чуть погодя сказала:

— Я не знаю.

— Не знаете? Как это — не знаете? Прислушайтесь к себе: разве сердце ваше не бьется как сумасшедшее, едва вдалеке послышатся его шаги? И вас не бросает в дрожь от одного звука его голоса? А когда он берет вас за руку, разве вы не готовы лишиться чувств? И разве не снится он вам по ночам?

Она закусила губу.

— И что же? Из этого следует, что я его люблю?

— Ну разумеется! Что еще это может означать?

Она ничего не сказала. Закрыла глаза, сжала руки, и я заметила, как она украдкой трогает то место у запястья, которого он вчера касался губами. И лишь теперь я поняла: она не поглаживает место поцелуя, а изо всех сил оттирает след! Словно это не поцелуй, а ожог, зудящая рана, и она пытается соскрести его след, забыть о нем.

Она его не любит, а боится!

У меня дыхание перехватило.

— Как же быть? — спросила я тихо, шепотом.

— Как быть? — Она поежилась. — Я нужна ему.

Он попросил моей руки. Он хочет, чтобы я принадлежала ему.

— Но вы можете сказать «нет».

Она округлила глаза, словно не веря, что я произнесла это. Я и сама такого от себя не ожидала.

— Сказать ему «нет»? — медленно повторила она. — «Нет»? И смотреть из окна, как он уезжает? А может быть, я в этот момент буду в дядюшкиной библиотеке, а там окна закрашены, и тогда я вообще не увижу, как он уезжает. Навеки. А потом, потом... О Сью, думаете, я не знаю, какая жизнь меня здесь ожидает? И не глупо ли надеяться, что здесь появится еще кто-то, кому я буду так же нужна, как ему? Разве у меня есть выбор?

И так она на меня посмотрела — в упор, что я вздрогнула. Не зная, что сказать, я отвела взгляд и стала зачем-то рассматривать потрескавшуюся деревянную дверь часовни и ржавую цепь с навесным замком. Навесные замки — самые простые. Хуже всего такие, в которых рабочие детали с предохранителем. Вот их-то чертовски трудно взломать. Мистер Иббз показывал мне, как это делается. Закрыв глаза, я стала представлять его лицо, а потом — лицо миссис Саксби. Три тысячи фунтов!..

И, глубоко вздохнув, я сказала:

— Выходите за него, мисс. Не ждите, пока дядя разрешит. Мистер Риверс вас любит, и пусть себе любит, кому от этого хуже? Со временем и вы его полюбите. А пока бегите с ним и делайте, как он скажет.

В первый момент мне показалось, что ее разочаровал мой ответ — словно она надеялась услышать от меня что-то другое, и в глазах ее мелькнул ужас, но это было мимолетное ощущение.

— Я так и сделаю, — сказала она. — Но я не могу бежать одна. Как я буду там — одна, без прислуги? Вы должны поехать со мной. Нет, вы должны обещать. Обещайте, что поедете со мной в Лондон!

Я сказала, что согласна. Она хихикнула и вот только что печалилась и чуть не плакала, а теперь — нате вам, сияет от счастья! Она стала рассказывать про дом, о котором ей наплел Джентльмен, и о лондонских модных нарядах (как я буду помогать ей их выбирать), и о том, какая у нее будет карета... Сказала, что накупит мне красивых платьев. Сказала, что будет называть меня не служанкой, а компаньонкой. Сказала, что у меня тогда будет собственная горничная.

— Потому что, знаете ли, я буду очень богата, — простодушно сказала она, — когда выйду замуж.

Еще раз передернув плечами, она широко улыбнулась, схватила меня за руку и притянула к себе. Щека ее была прохладной и гладкой, как жемчуг. На волосах сверкали капли дождя. Я решила, что она плачет. Но не посмела отстраниться, чтобы получше рассмотреть. Мне не хотелось, чтобы она видела мое лицо. Думаю, взгляд мой в тот момент был страшен.

...В тот день после обеда она, как обычно, выложила краски и холсты, но кисти и краски так и остались сухими. Джентльмен, войдя, быстрыми шагами подошел к ней и замер, словно хотел обнять, но не осмеливался. Он назвал ее не «мисс Лилли», а просто: «Мод». Он произнес это тихо и страстно — и она напряглась, застыла и чуть погодя кивнула. Тогда он схватил ее руку и рухнул перед ней на колени — на мой взгляд, это было уже чересчур, да и она, казалось, глядит недоуменно.

— Нет, только не здесь! — воскликнула она и кивнула в мою сторону, а он, заметив ее взгляд, произнес:

— Но перед Сью мы можем не таиться. Ты ведь ей рассказала? Она все знает?

И, сделав над собой видимое усилие, повернул ко мне голову, словно ему доставляло невыноси-

мые муки смотреть на что-либо, кроме нее...

— Ах, Сью, — сказал он, — если вы питаете добрые чувства к своей хозяйке, то покажите это сейчас! Если вы способны благосклонно отнестись к влюбленной паре, то сделайте это для нас!

И многозначительно посмотрел мне в глаза. Я ответила ему точно таким же взглядом.

— Она обещала помочь нам, — пролепетала Мод. — Но, мистер Риверс...

— О, Мод! — перебил он. — Вы меня обижаете!

Она опустила голову.

— Ну Ричард, — поправилась она.

— Так-то лучше.

Он все еще стоял на коленях, заглядывая ей в лицо. Она коснулась его щеки. Он поцеловал ее руку, она тотчас же руку отдернула.

— Сью будет помогать нам как может, — сказала она. — Но мы должны соблюдать осторожность, Ричард.

Он с улыбкой покачал головой. Потом сказал:

— А я, по-вашему, сейчас не осторожен? — Поднявшись с колен, он отступил на шаг. — А знаете ли вы, — продолжал он, — каким осторожным сделала меня любовь? Вот, видите мои руки? Меж ними соткана тончайшая паутина. Из самых

заветных желаний. А в самой середине — паучок, цвета рубина. Этот паучок — вы. И вот я беру вас — нежно, осторожно, и никаких банок! — так что вы даже ничего и не заметите.

Говоря эти слова, он сложил ладони чашей, а когда она заглянула в них, расправил пальцы и засмеялся.

Я отвернулась. Когда же снова посмотрела на этих двоих, то увидела, как он, сжав ладонями ее руки, нежно прижимает их к сердцу. Она, похоже, успокоилась. Они сели рядком и стали шептаться — слов было не разобрать.

И я вспомнила все, что она говорила у надгробий, и как отчаянно терла руку... И я подумала: «Но это было тогда. Теперь все другое. Как его не любить, такого красивого и ласкового?»

Я подумала: «Конечно, она любит его». Я видела, как он, нагнувшись, коснулся ее плечом — она вся зарделась. «Такого трудно не полюбить», — подумала я.

Потом он поднял голову, и настал мой черед краснеть.

Он сказал:

— Вы знаете свои обязанности, Сью. От вашего взора ничто не укроется. Нам это будет весьма и весьма кстати — со временем. Но сегодня —

сегодня попытайтесь припомнить: нет ли у вас каких-нибудь неотложных дел? Не нужно ли вам сходить куда-нибудь?

И показал глазами на дверь спальни Мод.

— Там для вас шиллинг, — сказал он, — если вы удалитесь.

Я чуть не послушалась его и не ушла. До того я была замучена ролью прислуги. И в этот момент я увидела Мод. Краска схлынула с ее лица. Она сказала:

— Но что, если Маргарет или кто еще из девушек вдруг окажется у двери?

— С какой стати? — удивился Джентльмен. — Да если бы и так, что они услышат? Мы будем вести себя тихо-тихо. И они уйдут. — Он улыбнулся мне. — Будьте милосердны, Сью, — произнес он с напускной застенчивостью.— Сжальтесь над любящими сердцами. Был же у вас когда-нибудь возлюбленный?

Я уже готова была уйти, если бы он этого не сказал. А тут вдруг подумала: за кого он меня держит? Вольно ж ему строить из себя благородного господина, ему-то, мошеннику из мошенников! С кольцом-медяшкой на пальце и с полными карманами фальшивых монет. Я знаю Мод, знаю много ее секретов — гораздо больше, чем знает

он. Я сплю рядом с ней на ее собственной постели. Благодаря моим стараниям меня она любит как сестру, а его — боится. Я бы запросто настроила ее против него, если бы только захотела! Хватит с него и того, что она согласилась за него выйти, в конце-то концов. Хватит и того, что он целует ее, когда ему вздумается. Я не допущу, чтобы ею понукали и огорчали понапрасну. Я подумала: «Иди ты к черту, я все равно получу свои три тысячи!»

И сказала:

— Боюсь, я не могу сейчас оставить мисс Лилли. Ее дядя не одобрил бы этого. А если дойдет до ушей миссис Стайлз, тогда я и вовсе потеряю место.

Он глянул на меня исподлобья. Мод же и глазом не повела в мою сторону. Но я знала, что она благодарна мне в душе.

— В конце концов, Ричард, — нежно проговорила она, — мы не можем требовать от Сью слишком многого. У нас скоро будет время побыть наедине, не правда ли?

— Хотелось бы надеяться, — ответил он. И повел ее к камину, а я пошла и села у окна с вышиванием, стараясь не смотреть в их сторону, — пусть себе любезничают без помех. До меня доносился его сдавленный шепот, я слышала его прерывистое дыхание, его смешки. Но Мод, похоже,

молчала. А когда он, перед самым уходом, поднес ее руку к губам, чтобы поцеловать, ее сотрясала такая сильная дрожь, что мне сразу пришли на память все подобные случаи, когда она вот так же дрожала, и я подумала: «Нет, определенно это не любовь!» И как только дверь за ним затворилась, она подскочила к зеркалу, как часто бывало, и стала внимательно вглядываться в свое отражение. Постояв так с минуту, она вдруг резко отвернулась. Очень медленно и тихо она перешла от зеркала к дивану, потом к креслу, а от кресла к окну — так перемещалась она по комнате, пока не оказалась рядом со мной. Склонилась надо мной, чтобы посмотреть, как я вышиваю, и ее волосы, в бархатной сетке, коснулись моей головы.

— У вас так ровно получается, — сказала, хотя именно сейчас было как раз наоборот. Я слишком затягивала нить, и стежки выходили неровные.

Но она стояла и больше ничего не говорила. Только вздохнула пару раз. Наверное, хотела что-то сказать мне, но не решилась. В конце концов она отошла.

И вот наша ловушка, о которой я так легкомысленно говорила и которую так усердно помогала устанавливать, наконец готова. Оставалось

лишь чуть-чуть подождать — и она захлопнется. Джентльмен был нанят на должность секретаря мистера Лилли до конца апреля и намеревался соблюсти оговоренный срок.

(«Чтобы старик не мог меня обвинить в том, что я самолично разорвал контракт, — со смехом объяснял он мне, — когда выяснится, что я кое-что другое порвал».) Он заранее наметил день, когда должен будет уехать, вечером в самый последний день месяца, но, вместо того чтобы сесть на поезд и отбыть в Лондон, он, потянув время, вернется в дом, когда стемнеет, и заберет нас с Мод. Он должен умыкнуть ее по-тихому, чтобы никто ничего не заметил, и потом быстро повенчаться с ней, пока дядюшка не забил тревогу и не начал требовать ее назад. Он все продумал. Он не мог увезти ее в пролетке, потому что его остановят у ворот. Он придумал подогнать лодку и спуститься с невестой вниз по течению реки до какой-нибудь церквушки, где никто ее в глаза не видел и не узнает в ней племянницу мистера Лилли.

В наше время, чтобы обвенчаться, необходимо прожить в приходе не менее пятнадцати дней, но он и это уладил — у него все было схвачено. Спустя несколько дней после того, как Мод ответила ему согласием, он под каким-то надуманным

предлогом сел на лошадь и отправился в Мейденхед. Там он получил специальное разрешение на брак — такое, по которому разрешалось заранее не объявлять о помолвке, — и поехал присматривать подходящую церковь. И нашел наконец — в таком глухом углу, что даже названия ему не было, во всяком случае так он нам сам сказал. Он сказал, что тамошний приходской священник пьет по-черному. А рядом с церковью есть домик, его владелица, вдова, разводит черномордых свиней. За два фунта она пообещала сдать ему комнату и поклясться кому угодно, что он жил там целый месяц.

Женщины, подобные ей, для такого обходительного джентльмена в лепешку готовы расшибиться. В тот вечер он вернулся в «Терновник», сияя, как начищенный пятак, и оттого казался еще красивее. Он сразу прошествовал к Мод в гостиную, усадил нас рядом и шепотом рассказал обо всех своих достижениях.

Когда он закончил, Мод стала белее полотна. Она в последнее время ничего не ела и заметно осунулась. Под глазами — черные тени.

— Три недели! — воскликнула она.

Мне казалось, я поняла, о чем она: ей осталось еще три недели, чтобы заставить себя полюбить

его. Я почти видела, как она мысленно считает дни и думает.

Думает о том, что ждет ее на исходе этих дней.

Потому что она его так и не полюбила. Ей не нравились ни его поцелуи, ни касанья рук. Она каждый раз дергалась от страха, но, смирившись, позволяла ему приближаться, позволяла дотрагиваться до своего лица, до волос. Вначале я думала, он ее просто не понимает. А потом догадалась, что ему нравится ее замедленная реакция. Сначала он был с ней обходителен, потом настойчив, а потом, когда она чувствовала неловкость или смущение, он говорил:

— О, это жестоко! Вижу, вам доставляет удовольствие играть моими чувствами.

— Вовсе нет, — отвечала она. — Нет, с чего вы взяли?

— Думаю, вы не любите меня, как говорите.

— Не люблю вас?

— Не проявляете своих чувств. Может быть... — И тут он украдкой бросал на меня лукавый взгляд. — Может быть, есть кто-то, кто вам больше дорог?

И тогда она позволяла ему поцеловать себя, словно в подтверждение того, что он ошибается. В эти минуты она замирала и становилась как

кукла. Чуть не плакала. И он принимался ее утешать. Называл себя бесчувственным чурбаном, говорил, что он ее не заслуживает, что должен уступить ее другому, более возвышенному человеку. После этих слов она снова разрешала себя поцеловать. Сидя у холодного окна, я слышала, как сливаются в поцелуе их губы, как рука его шарит под шуршащим бельем. Время от времени я поднимала глаза от вышивания — только чтобы удостовериться, что он не запугал ее до смерти. Но теперь я и сама не знала, что хуже — видеть, как она, едва дыша, прижимается губами к его бороде, или смотреть, как из ее широко открытых глаз катятся вниз по щекам крупные слезы.

— Почему бы вам не оставить ее в покое? — спросила я его как-то раз, когда ее вызвали из комнаты искать какую-то книжку для дяди. — Разве не ясно, что ей в тягость ваши приставания?

Он бросил на меня загадочный взгляд и удивленно поднял брови.

— В тягость, говоришь? Да она сама этого хочет.

— Она вас боится.

— Она сама себя боится. Эти девицы всегда так себя ведут. Хочет покочевряжиться — ну и пусть себе, все равно один конец.

И ухмыльнулся. Наверное, ему показалось, что он удачно пошутил.

— Ей нужно от вас только одно: чтобы вы увезли ее из «Терновника», — сказала я строго. — А о том, что будет дальше, она ровно ничего не знает.

— Все они так говорят, что ничего, мол, не знали, — сказал он, позевывая. — Хотя в глубине души, в мечтах, все прекрасно понимают. Всосали с молоком матери. Ты разве не слышала, как она ворочается и вздыхает в постели? Это она обо мне мечтает. Ты бы слушала повнимательней. Надо бы нам как-нибудь послушать вместе. Давай, а? Давай я сегодня вечером спрячусь в твоей комнате? Пусти меня — и вместе послушаем, как у нее сердчишко-то стучит. Отнесешь ей платье, а я погляжу из-за двери.

Я поняла, что он шутит. Не станет он рисковать всем ради такого удовольствия. Но пока он говорил, я живо представила всю картину: как он стоит, затаившись, у косяка, а я беру ее платье и открываю дверь к ней в спальню. Я покраснела и отвернулась.

— Вы не найдете моей комнаты, заплутаете.

— Найду, найду, не беспокойся. У меня есть рисованный план всего дома, Чарли дал. Хороший мальчик, разговорчивый.

Он недобро усмехнулся и по-хозяйски развалился на стуле.

— А что, затея интересная! Мы ничего плохого ей не сделаем. Я прокрадусь тихо, как мышка. Я умею. Я только гляну одним глазком, и все. Да она, небось, только об этом и мечтает, чтобы открыть глаза и увидеть меня рядом, как в известном стихотворении.[11]

Я вообще-то помнила много стихов. Все они были про воров, которых солдаты вырывают прямо из жарких объятий подружек и уводят на эшафот, и еще одно — про кошку, которую бросили в колодец. Я не поняла, какое стихотворение он имеет в виду, и это меня задело.

— Оставьте ее в покое, — сказала я.

Может, он почувствовал что-то такое в моем голосе, потому что после этих слов окинул меня оценивающим взглядом, и тон его стал радушнее.

— О, Сьюки, — сказал он, — ну что ты прикидываешься? Вспомни, где и с кем ты росла, — ты и мечтать не смела, что станешь прислугой у порядочной госпожи! И что ты из себя строишь?

---

[11] Примечания: 11

Имеется в виду поэма Джона Китса «Канун Святой Агнес», где юный влюбленный, презрев опасность, прокрадывается тайно в спальню к своей любимой, пока она спит.

Представь, что миссис Саксби — и Неженка, и Джонни! — увидели бы тебя сейчас, что бы они сказали на твои ужимки?

— Сказали бы, что у меня жалостливое сердце, — ответила я, заводясь. — А что в этом плохого?

Теперь и он завелся:

— Черт побери! Жалостливое сердце у нее! На что оно такой девушке, как ты? Или как Неженка? Ее-то уж оно точно свело бы в могилу. — Он кивнул на дверь, за которой скрылась Мод. — Ты что, думаешь, — сказал он, — ей нужно твое сочувствие? Нет, ей нужны твои умелые руки — шнуровать корсет, делать прическу, выносить горшок, наконец! Ради бога, посмотри на себя, кто ты такая!

Я отвернулась, взяла с кресла шаль и принялась складывать ее. Он вырвал ее у меня из рук.

— И когда только ты научилась быть такой тихой и кроткой? Ну подумай, чем ты ей обязана? Послушай меня. Я знаю, какие люди ее окружают. Я сам один из них. Только не говори, что она держит тебя в «Терновнике» из милости или что ты оказалась здесь по зову сердца! В конце концов, так называемое сердце у тебя как и у нее, как и у меня, как и у всех прочих. Как счетчики, какие ты, наверное, видела на газовых колонках:

работают и стучат, только если бросишь монетку. Неужели миссис Саксби тебя этому не научила?

— Миссис Саксби многому меня научила, — ответила я ему, — только не тому, о чем вы сейчас говорите.

— Миссис Саксби слишком с тобой нянчилась, — заметил он. — И правильно ребята в Боро называли тебя тупой. Жизни не знаешь. Пора переучивать.

И погрозил мне кулаком.

— Да пошел ты! — огрызнулась я.

Щеки его над ухоженными усами стали пунцовыми — я уж решила, сейчас он вскочит и ударит меня. Но он, наклонившись вперед, ухватился за ручку моего кресла и тихо проговорил:

— Только покажи еще раз свой характер — и ты мигом вылетишь отсюда, Сьюки. Поняла меня? Я достаточно далеко зашел и могу, в конце концов, обойтись без твоей помощи. Она сделает все, что я ей скажу. Допустим, моя няня, что живет в Лондоне, внезапно заболеет и позовет племянницу назад — ухаживать за ней. Что ты тогда будешь делать? Наденешь свое старое платье и вернешься на Лэнт-стрит ни с чем?

— Я пожалуюсь мистеру Лилли!

— Думаешь, он тебя примет и станет выслу-

шивать? Ха!

— Тогда я все расскажу мисс Мод!

— Давай. И не забудь рассказать, раз уж на то пошло, что у меня хвост, рога и копыта. Потому что таким бы я был, если бы все это происходило на сцене. В реальной жизни таких людей не бывает. Она тебе не поверит — не в ее интересах. Потому что она тоже далеко зашла и теперь ей ничего не остается, как выйти за меня, — другого выхода нет. Она должна слушаться меня — иначе ей придется сидеть здесь до конца дней. Как думаешь, ее это устраивает?

Что я могла на это ответить? Она ведь и сама, разоткровенничавшись, поведала мне, что не устраивает.

Так что я смолчала. Но с той минуты, похоже, я возненавидела его. Он сидел, ухватившись за подлокотник моего кресла, буравил меня взглядом — так, в молчании, прошло минуты две. Потом на лестнице послышались шаги Мод — и через секунду она показалась в дверях. Конечно же, он сразу отпрянул от меня и натянул маску джентльмена. Он встал, я тоже встала и неловко отвесила поклон. Он подскочил к ней и повел к камину.

— Да вы замерзли, — сказал он.

Они пошли к камину, но я видела их лица в зеркале. Она смотрела на пылающие угли. Он же не отрываясь смотрел на меня. Потом со вздохом сказал, укоризненно покачивая мерзкой своей головой:

— Ах, Сью, вы сегодня сама жестокость.

Мод подняла на меня глаза.

— Как это? — спросила.

Я чуть не задохнулась от возмущения и не нашлась что сказать.

А он продолжал:

— Бедняжка Сью устала от меня. Я ее все поддразнивал, пока вас не было.

— Поддразнивал? — переспросила Мод с вежливой улыбкой, и не понять было, радуется она или сердится.

— Ну да, не давал ей шить, все говорил и говорил о вас — и только о вас! У нее, как она уверяет, доброе сердце. А я говорю: нет у нее никакого сердца! Я сказал ей, что у меня резь в глазах от постоянного желания смотреть на вас. А она мне: заверните их в тряпочку и пусть полежат в уголке. Я говорю: в ушах моих звон от постоянного желания слышать ваш нежный голосок, а она мне: попросите у Маргарет касторки и почистите их хорошенько. Я показываю ей эту чистую белую

руку, что нетерпеливо ждет вашего поцелуя. А она мне: да засуньте ее... — Он замолчал.

— Ну же? — потребовала продолжения Мод.

— Засуньте, говорит, в карман.

Он улыбнулся. Мод бросила на меня недоуменный взгляд.

— Бедная рука, — сказала она наконец.

Он протянул ладонь.

— Она ждет вашего поцелуя, — сказал он.

Она подумала немного, потом взяла его руку своими маленькими ручками и очень осторожно коснулась губами тыльной стороны ладони.

— Не здесь, — торопливо сказал он, быстро переворачивая руку ладонью вверх. — Не здесь, а здесь.

Она снова чуть поколебалась и снова наклонилась к его руке — пальцы его закрыли ей пол-лица.

Он перехватил мой взгляд и кивнул. Я отвернулась и больше на него не смотрела.

Потому что он оказался прав, черт бы его побрал. Не насчет Мод — ведь, что бы он там ни говорил про газовые счетчики, она была сама нежность, сама кротость, сама доброта и очарование. Он был прав насчет меня. Ну как могла я вернуться в Боро ни с чем? Предполагалось, что

я принесу миссис Саксби целое состояние. Разве могла я вернуться к ней и к мистеру Иббзу — и к Джону — и сказать: я выбыла из игры, лишилась трех тысяч фунтов, и все из-за того, что...

А из-за чего, собственно? Из-за того, что я расчувствовалась неожиданно для себя? Они на это скажут, что я просто струсила. И будут смеяться мне в лицо! Но ведь у меня есть определенная репутация. Я дочь убийцы. На меня возлагались надежды. Проявления нежных чувств при этом не предусматривалось. С какой стати?

И потом, скажем, я выхожу из игры — как это поможет спасти Мод? Скажем, я еду домой. Джентльмен все равно женится на ней и сажает под замок. Или, скажем, я вывожу его на чистую воду. Его тогда выпроваживают из «Терновника», и мистер Лилли еще крепче вцепляется в Мод — и это будет все равно что сумасшедший дом. В любом случае, на мой взгляд, ее дальнейшей судьбе не позавидуешь.

Но ее судьба была предопределена давным-давно. Она — былинка, уносимая бурным течением. Она как молоко: слишком беленькая, слишком чистенькая и очень доверчивая. Она будто сама напрашивается, чтобы ее испортили.

Кроме того, там, откуда я пришла, счастливого

конца никто себе не загадывал. И раз уж ей не ждать добра, то значит ли это, что и мне тоже?

Я так не думала. И хотя, как я уже говорила, мне было жаль ее, однако не настолько, чтобы кинуться ей на помощь. По правде говоря, я всерьез ни разу не думала о том, чтобы выложить ей всю правду, раскрыть ей глаза на злодейскую натуру Джентльмена — или сделать что-нибудь в этом роде, что могло каким-то образом нарушить наши планы и лишить вожделенной награды. Пусть себе верит, решила я, что он хороший и любит ее. Пусть себе считает его благородным. Она старалась полюбить его, надеялась, что полюбит в конце концов, а я смотрела на нее и думала: «Увезет он ее, обманет, изнасилует и запрет в четырех стенах». Я смотрела, как день ото дня она все больше худеет. Смотрела, как бледнеет и словно уменьшается на глазах. Как сидит, уронив больную голову на руки, и втайне мечтает о том, что она не она и дом этот не дядин, а чей-нибудь еще, а Джентльмен — пусть будет кем угодно, но только не тем, за кого ей идти замуж. И так горько мне было на это смотреть, что я отворачивалась. И говорила себе: «Ничем не могу помочь». Или: «Это их дело».

Но вот что странно: чем больше я старалась

не думать о ней, чем чаще я говорила себе: «Она тебе кто? Никто», чем яростней я старалась изгнать саму мысль о ней из своей бедной головы, тем сильнее она туда впечатывалась. Весь день я сидела с ней или гуляла рука об руку и так остро чувствовала ее обреченность, что боялась коснуться ее или встретиться взглядом, а ночью поворачивалась к ней спиной и закрывала ухо одеялом, чтобы только не слышать, как она вздыхает. Но даже в те промежуточные часы, когда она уходила к дяде, я чувствовала ее, чувствовала ее присутствие даже сквозь старые толстые стены — ну ровно как те слепые чудики, про которых говорят, что они чуют золото. Будто нас, помимо моей воли, вдруг связала некая нить. Она тянула меня к ней, где бы Мод ни находилась. Это было так, будто...

Будто я любила ее.

Я тоже стала другой. Нервной и боязливой. Я думала: вдруг она взглянет на меня и все увидит, или Джентльмен увидит, или миссис Стайлз. Я представляла, как молва об этом доходит до Лэнт-стрит, и что скажет на это Джон — почему-то о Джоне думала в первую очередь, представляла, как он посмотрит, как усмехнется. «Но что я сделала? — мысленно оправдывалась я. — Я же

ничего не сделала!» И я действительно ничего не сделала. Это, как я уже сказала, были только мысли, только ощущения. Даже на ее одежду я теперь стала смотреть по-другому: и платье ее, и туфельки, и чулки хранили ее тепло, ее запах, и я с грустью складывала теперь и приминала ее одежду, перед тем как убрать в шкаф. И комнаты ее тоже, казалось, стали другими. Я ходила по комнате, как в день своего приезда в «Терновник», смотрела на все эти вещи, которых касалась ее рука. Вот ее шкатулка, вот портрет ее матери. Ее книги. Будут ли давать ей книги там, в сумасшедшем доме? Вот ее гребешок с приставшими волосками. Будет ли кому ее там причесывать? Ее зеркало. Я вставала у камина, где обычно вставала она, и вглядывалась в свое отражение, как гляделась она.

«Десять дней осталось, — говорила я сама себе. — Еще десять дней — и ты будешь богата!»

Но едва я произносила эти слова, слышался гулкий бой часов, и у меня холодок пробегал по спине при мысли о том, что план наш еще на один час стал ближе к завершению, что стальные челюсти капкана все сильнее смыкаются над ней и все труднее их разомкнуть.

Конечно, она тоже замечала, как идет время.

Она вернулась к старым привычкам: гуляла, ела, лежала в постели, — делала все как будто то же самое, только через силу, аккуратно и четко, как заводная кукла. То ли из опасения выдать себя, то ли чтобы не казалось, что время бежит слишком быстро. Я смотрела, как она пьет чай: поднимает чашку, отпивает глоток, ставит на стол, снова поднимает и снова отпивает — как машина. Или еще — как она шьет: быстро, нервно летает игла, и криво ложатся стежки. И я отворачивалась. Я вспоминала, как, свернув ковер, мы танцевали с ней польку. Вспоминала день, когда стачивала ей сломанный зуб. Как держала ее за подбородок и пальцем ощущала ее язык. Тогда это казалось обычным делом, теперь же даже подумать об этом было странно...

Она снова начала видеть сны. Вскакивала по ночам — ей снились кошмары. Пару раз даже с постели вставала, бродила по комнате.

— Вы не спите? — спрашивала она, заметив, что я шевельнулась.

Подходила и, дрожа, ложилась рядом, тянулась меня обнять, но тотчас убирала руки. Иногда тихонько плакала. А иной раз задавала странные вопросы, вроде: «Это наяву? Вы видите меня? Это не во сне?»

— Засыпайте скорей, — сказала я как-то ночью.

Это была одна из последних ночей в «Терновнике».

— Я боюсь, — ответила она. — Ох, Сью, мне так страшно...

Голос ее на этот раз был не тихим и вялым, а, напротив, чистым и звонким, но была в нем такая печаль, что сон мой как рукой сняло, и я посмотрела ей в лицо. Но лица не увидела. Светильник, который она всегда держала зажженным, не горел — должно быть, перевернулся или масло выгорело. Занавеси, как всегда, задернуты. Думаю, было часа три или четыре ночи. Под балдахином темно, как в сундуке. И только ее дыхание. У самого моего лица.

— Отчего страшно? спросила я.

— Мне снилось, что я замужем...

Я отвернулась. Она задышала мне в ухо. Слишком громко, как мне показалось в полной тишине. Я сказала:

— Ну скоро вы и впрямь выйдете замуж.

— Правда?

— Вы не хуже меня знаете. А теперь засыпайте лучше.

Но она не заснула. Она лежала тихо, не ше-

велясь. И слышно было, как бьется ее сердце. Наконец она позвала меня тихо, шепотом:

— Сью...

— Что еще, мисс?

Она облизнула губы.

— Как вы думаете, я хорошая? — спросила она.

Так мог бы спросить ребенок, но я почему-то разволновалась. Я снова повернулась и стала вглядываться в темноту, силясь разглядеть ее лицо.

— Хорошая, мисс? — спросила я, щурясь.

— Значит, вы так думаете, — сказала она печально.

— Конечно!

— А я не хочу, чтобы вы так думали. Не хочу быть хорошей. Я хочу быть умной.

«А я хочу, чтобы ты наконец заснула», — подумала я. Но, конечно, я этого ей не сказала. А сказала другое:

— Умной? Да вы и так умная! Вы же прочли все эти книги из дядиной библиотеки?

Она не ответила. И даже не шевельнулась. Только сердце ее учащенно забилось — я это чувствовала. Она затаила дыхание. Потом заговорила.

— Сью, скажите мне...

«Скажите мне правду» — вот что готовилась я услышать. И сердце мое тоже вдруг гулко забилось. Меня бросило в жар. «Она знает! Она догадалась!» — пронеслось у меня в голове. Слава богу!

Но я ошиблась. Нет, вовсе не это было у нее на уме. Она снова глубоко вздохнула, и снова я почувствовала, что она хочет, но не решается задать какой-то страшный вопрос. Мне бы следовало догадаться, что это за вопрос, потому что, думаю, она целый месяц мучилась над ним, не решаясь спросить прямо. И вот у нее вырвалось.

— Я бы хотела знать... Скажите, — прошептала она, — что должна делать жена в первую брачную ночь?

От этих слов я густо покраснела. Может, и она тоже — в темноте было не разобрать.

— А вы разве не знаете? — ответила я.

— Знаю: что-то там такое происходит.

— А что — вы не знаете?

— Откуда мне знать?

— Нет, правда, мисс, не знаете?

— Откуда? — взмолилась она и села в постели. — Разве вы не понимаете? Не понимаете? Я не могу даже сказать, чего я не знаю! — Ее трясло, но я почувствовала, что она пытается совладать

с собой. — Я думаю, — сказала она нарочито безразличным голосом, — что он поцелует меня. Поцелует?

И снова я ощутила на щеке ее дыхание. Слово «поцелует» словно обожгло мне щеку. И я опять смутилась.

— Так поцелует? — настаивала она.

— Да, мисс.

Мне показалось, она кивнула.

— В щеку? — продолжала она. — Или в губы?

— В губы, наверное.

— В губы. Так-так... — Она поднесла руки к лицу: мелькнули во тьме белые перчатки, послышался шорох — она провела пальцами по губам. Звук показался мне оглушительным, кровать — слишком тесной, а тьма под пологом — густой и тягучей, как деготь. Жаль, что фитиль перегорел, подумалось мне. И вдруг мне захотелось — и это в первый и последний раз! — услышать бой часов. Но вокруг была только тишина да ее частое дыхание. Только тьма и во тьме — ее белые руки. Весь остальной мир словно съежился или вовсе исчез.

— Что еще, — настаивала она, — он захочет сделать со мной?

«Отвечай короче. Чем короче, тем лучше. Корот-

ко и откровенно». Но с ней трудно было говорить откровенно.

— Он захочет, — сказала я, помедлив немного, — обнять вас.

Рука ее замерла.

— Вы хотите сказать, он встанет и прижмется ко мне?

Она произнесла это, а я сразу зримо представила, как Джентльмен стискивает ее в своих объятиях. И мысленно увидела эту парочку — так же точно мужчины и девушки у нас в Боро обжимаются по вечерам за дверьми или у стен. «Отвернись и не смотри!» Вот и сейчас я постаралась отвернуться, но, конечно, не смогла, потому что не от чего было отворачиваться — вокруг одна темень. Это мое воображение нарисовало на черном фигуры, живые и яркие, как в «Волшебном фонаре».

Я почувствовала, что она ждет. И сказала сердито:

— Он не захочет стоять. Когда стоя обнимают — это грубо. Стоя обнимают, когда не на что лечь или когда надо по-быстрому. Истинный джентльмен обнимает свою супругу на диване или на кровати. На кровати удобней.

— На какой кровати, — спросила она, — на

такой, как эта?

— Может, и как эта. Хотя такие перья, думаю, трудно будет снова взбить, когда все кончится!

Я усмехнулась, но получилось слишком громко. Мод вздрогнула. И как мне показалось, посерьезнела.

— Кончится... — пробормотала она, как будто озадаченная этим словом. Затем переспросила: — Что кончится? Объятие?

— Это кончится. — Я замотала головой. «Как тут темно! Ночник бы зажечь!» — Закончится это. Ну как вам объяснить?

— А вы попытайтесь, Сью. А то все говорите про кровати да перья. Что мне до них? А вы расскажите об этом. Что это такое?

— Это происходит, — сказала я, — когда целуются и обнимаются, лежа в постели. Это такая вещь... Это начинается после поцелуев. А потом на тебя накатывает — ну вроде как иногда желание танцевать под музыку... Разве вы никогда?..

— Никогда что?

— Не важно, — сказала я. Я спешила. — Не стоит задумываться. Это просто. Это как танцевать.

— Но танцевать не просто, — не унималась она. — Этому учат. Вы меня научили. Ну, это другое.

— Почему?

— Танцевать можно по-разному. Есть много способов. А это можно сделать только одним способом. Вы сразу научитесь, как только это начнется.

Я почувствовала, что она качает головой.

— Нет, нет, не думаю, — сказала она чуть не плача, — что я научусь. Не думаю, что у меня это начнется от поцелуев. Когда мистер Риверс меня целовал, что-то я ничего такого не замечала. Может, у меня в губах нет нужной мышцы или нервов?

— Ради бога, мисс, — взмолилась я. — Вы кто — девушка или коновал? Конечно, вы все почувствуете! Вот смотрите! — Она меня достала. Я завелась, как волчок. Привстала с подушки. — Где ваши губы? — спросила требовательно.

— Мои губы? — Она удивилась. — Вот они.

Я нашла ее губы и поцеловала.

Я знала, как правильно: Неженка показала мне как-то раз. Но целовать Мод — это совсем другое. Это все равно что целовать темноту. Как будто темнота может быть живой, иметь форму, вкус, быть теплой и гладкой. Сначала губы ее были сжаты. Потом я почувствовала, как они раскрылись навстречу моим, потом...

Я сделала это, только чтобы показать ей, как

это делается. А сама лежала и чувствовала, что теперь во мне всколыхнулось все то, что, как я объясняла, должно было всколыхнуться в ней от поцелуев Джентльмена. У меня кружилась голова. Я вся горела, как от выпитого вина. Словно опьянела. Я отодвинулась. А потом ощутила на губах холодок ее дыхания. И шепнула:

— Чувствуете?

Странно прозвучал мой вопрос, как будто от поцелуя что-то случилось с моим языком. Она не ответила. И даже не шевельнулась. Она дышала, но лежала так тихо, что я вдруг подумала: «Может, у нее обморок? А вдруг она никогда не очнется? Что я тогда скажу ее дяде?..»

И в этот момент она чуть шевельнулась. А потом заговорила, заговорила новым, тоже изменившимся голосом:

— Чувствую. Вы помогли мне почувствовать. Какая странная вещь — желание. Я никогда...

— Этого и ждет от вас мистер Риверс, — сказала я.

— Правда?

— Должно быть.

— Не знаю, не знаю.

Как печально она это сказала! Но потом снова пошевелилась и придвинулась ближе ко мне.

Губы ее оказались у самых моих губ. Похоже, она не сознавала, что делает, или сознавала, но не могла удержаться.

— Мне страшно, — прошептала она.

— Не бойтесь, — сказала я.

Потому что знала, что этого нельзя допустить. Что, если она разревется от страха и откажется от свадьбы?

Так я подумала. Я подумала: «Надо показать ей, как это делается, иначе ее страх порушит все наши планы». И снова ее поцеловала. Потом дотронулась до нее. До лица. Начала с губ — с самых уголков рта, потом провела рукой по щеке, по лбу, я и раньше ее трогала, когда мыла или причесывала, но так — никогда. Какая гладкая кожа! И какая теплая. Как будто своим касанием я вызывала из темноты ее тепло, ее гладкость и создавала, лепила заново — словно тьма, сгустившись, мгновенно застывала под моей ладонью.

Она дрожала. Я решила, что она все еще боится. Потом и сама я начала дрожать. После этого я и думать забыла о Джентльмене. Думала только о ней. Когда ее лицо стало мокрым от слез, я поцеловала ее слезы.

— Жемчужина, — сказала я. Такая она была бледная! — Жемчужинка, жемчужинка, жемчу-

жинка моя...

Слово это само слетело с губ — в темноте это получилось естественно. Но наутро, проснувшись и увидев серую полоску света, пробивающуюся из-за полога, я вспомнила, что натворила. Боже мой! Мод еще не просыпалась, лежала рядом, сдвинув брови. Рот ее был полуоткрыт. Губы пересохли. Мои пересохли тоже, я провела по ним пальцем. И тотчас отдернула руку.

На мне был ее запах. От этого запаха я содрогнулась. Это было слабое подобие того содрогания, что оглушило нас — нас обеих, — когда я скользила по ней этой ночью. Это называется «довести» — так говорили девчонки в Боро. «Он тебя довел?..» Они рассказывали, что это как будто чихаешь. Но нет, это совсем другое...

Я снова поежилась, припоминая. И прижала кончик пальца к языку. Резкий вкус — как уксус, как кровь...

Как деньги.

Мне стало страшно. Мод пошевелилась. Я встала, не глядя на нее. Прошла в свою комнату. Мне сделалось плохо. Может, я и в самом деле опьянела. Может, это пиво, выпитое в обед, было плохо сварено. А может, у меня лихорадка. Я умылась. От холодной воды кожу защипало. Я подмылась.

Потом оделась. Потом стала ждать. Я услышала, как Мод задвигалась. И медленно пошла к ней. Я увидела ее из-за занавески. Она привстала с подушки и пыталась завязать ленты ночной сорочки. Это я ночью развязала их.

Едва я увидела, как она это делает, внутри у меня вновь что-то содрогнулось. Но когда она подняла на меня глаза, я отвернулась.

Я отвернулась! А она меня не окликнула. Вообще ничего не сказала. Смотрела, как я расхаживаю по спальне, и ничего не говорила. Пришла Маргарет, принесла угли и воду, и, пока она, опустившись на колени, разводила огонь, я стояла у шкафа, вынимала одежду, и лицо мое пылало. Мод оставалась в постели. Наконец Маргарет вышла. Я выложила платье, нижние юбки, поставила рядом туфли. Потом поставила тазик с водой.

— Не могли бы вы подойти ко мне, — попросила я, — чтобы я могла одеть вас?

Она подошла. Встала передо мной и медленно подняла руки, и я стянула с нее ночную сорочку. Бедра ее розовели выше колен. Волоски между ног у нее были темные. На груди — красное пятно, там, где я слишком крепко поцеловала.

Я прикрыла пятно. Она могла бы остановить

меня. Могла бы удержать мои руки. Она ведь хозяйка, в конце-то концов! Но ничего такого она не сделала. Я подвела ее к серебряному зеркалу, висевшему над камином, и стала причесывать, но она не открывала глаз. Если она и почувствовала, как вздрагивают мои пальцы, едва касаясь ее лица, то виду не подала. И лишь когда прическа была почти готова, посмотрела на меня. Казалось, она подыскивает слова.

Она сказала:

— Как я крепко спала, да?

— Да, — ответила я, и голос мой дрогнул. — И не видели снов.

— И не видела снов, — повторила она за мной, — один только видела. Но это был хороший сон. Мне кажется... мне кажется, это был сон и про вас, Сью...

Она испытующе посмотрела на меня, словно ждала, что я отвечу. Я видела, как пульсирует жилка у нее на шее. У меня же сердце рвалось из груди, и мне показалось, что, если я сейчас обниму ее, она меня поцелует. А если скажу: «Люблю», — услышу в ответ то же. И все тогда будет по-другому. Я спасу ее. Я найду способ — уж не знаю какой — избавить ее от ее участи. Мы с ней перехитрим Джентльмена. Убежим на Лэнт-стрит...

Но если я это сделаю, она увидит, какая я на самом деле злодейка. Я представила, как рассказываю ей всю правду, и мне стало совсем худо. Нет, не могу я этого сделать. Она слишком доверчивая. Слишком хорошая. Если бы у нее нашелся хоть один недостаток, хоть один душевный изъян! Так нет же. Только это красное пятнышко на груди. От одного-единственного поцелуя. Таким хорошим не место в Боро, им там не выжить!

И как сама-то я появлюсь в Боро — с ней?

Представила, как будет хихикать Джон. Подумала о миссис Саксби. Мод не сводила с меня глаз. Я вколола последнюю шпильку, закрепила бархатную сетку.

И сказала:

— Сон, говорите? Не думаю, мисс. Не думаю, что про меня. Наверное, это был сон про... про мистера Риверса. — И отошла к окну. — Гляньте, а вот и он! Его сигарета почти догорела. Идите скорее, иначе вы его пропустите!

Весь этот день нам обеим было неловко. Мы гуляли вдвоем, но шли порознь. Она протягивала мне руку, я отстранялась. А вечером, уложив ее в постель, перед тем как опустить полог, посмотрела на пустующее место рядом с ней и сказала:

— Ночи сейчас такие теплые, мисс. Не кажется

ли вам, что вам лучше спать одной?..

И ушла к себе и легла на свою узкую кровать, где простыни были сырыми, как тесто. И слышала, как она всю ночь ворочается и вздыхает, — и сама я ворочалась и вздыхала. Я чувствовала, что нить, соединившая нас, тянет, тянет меня за сердце — сил нет, и так мне больно было... Раз сто я готова была встать с постели и кинуться к ней, раз сто я говорила себе: «Иди! Чего же ты медлишь! Иди к ней!» Но каждый раз представляла, что будет, если я пойду. Я понимала, что не смогу, лежа рядом с ней, не дотронуться до нее. Не смогу не поцеловать. А поцеловав, я неизбежно захочу ее спасти.

И я удержалась. Я удержалась и на другую ночь, и на следующую. А потом и ночей не осталось: время, которое поначалу тянулось еле-еле, вдруг бешено помчалось вперед, наступил конец апреля. И тогда уже поздно стало что-либо менять.

Глава шестая

Первым уехал Джентльмен. Мистер Лилли и Мод проводили его до парадного входа, а я смотрела на его отъезд из окна. Она пожала ему руку, он отвесил ей поклон. Потом двуколка повезла его на станцию в Марлоу. Он сидел, скрестив руки на груди, сдвинув шляпу на затылок, лицом к нам, и посматривал то на нее, то на меня. «Вот дьявол», — подумала я. Он не вздыхал. Это и не требовалось. Он обсудил с нами дальнейший план действий, и мы выучили все назубок. Он теперь сядет на поезд, отъедет на три мили и выждет некоторое время. Мы посидим в доме до полуночи, а потом уйдем. Он должен встретить нас на реке, когда пробьет полпервого ночи.

День прошел как обычно. Мод, естественно, ушла к дядюшке, а я медленно ходила по ее комнатам, осматривала вещи — только на этот раз, разумеется, примечала, что еще взять с собой. За завтраком мы встретились. Потом прошлись по парку, навестили могилы, сходили на реку. В последний раз проходили мы по знакомым тропинкам, и все вокруг было как прежде. Только вот сами мы стали другими. Мы шли молча.

Порой юбки наши соприкасались, а один раз даже руки, но мы отскакивали друг от друга как ужаленные — краснела ли она при этом, как я, сказать не могу, потому что я старалась на нее не смотреть. Вернувшись в комнату, она застыла как изваяние и лишь вздыхала иногда. Я уселась за столик, поставила перед собой шкатулку с драгоценностями — кольцами, брошками, — налила в блюдце уксуса и принялась оттирать камушки. Надо же чем-то заняться! Один раз она подошла посмотреть. И отошла, прижимая к глазам платок. Сказала, от уксуса в глазах щиплет. У меня тоже защипало.

Потом незаметно подкрался вечер. Она спустилась ужинать, я тоже. Внизу в кухне царило уныние. «Мистер Риверс уехал — и все теперь не то», — говорили слуги. Миссис Кекс ходила мрачнее тучи. Когда Маргарет уронила ложку, она побила ее половником, та — в слезы. А едва начался обед, малыш Чарльз разревелся прямо за столом и выбежал из кухни, размазывая сопли по лицу.

— Переживает, — заметила одна из горничных. — Он ведь собрался в Лондон — слугой к мистеру Риверсу.

— А ну вернись! — рявкнул мистер Пей и вско-

чил из-за стола, облако пудры взметнулось над его головой. — Этот малявка — и такой человек! Позор!

Но Чарльз не вернулся, хотя другие тоже его звали. Он ведь приносил мистеру Риверсу завтрак, вощил до блеска ботинки, чистил платье. А теперь ему век торчать здесь — точить ножи и протирать стаканы в этой богом забытой дыре!..

Он сидел на лестнице и бился лбом о перила. Мистер Пей пошел и задал ему трепку. Мы слышали визг ремня и отчаянные крики.

За столом все притихли. Мы поужинали в молчании, а когда потом вернулся мистер Пей — красный как рак, парик набекрень, — я не пошла вместе с ним и с миссис Стайлз чаевничать: отговорилась головной болью. Это была почти правда. Миссис Стайлз окинула меня придирчивым взглядом.

— Как вы, однако, плохо выглядите, мисс Смит, — заметила она. — Должно быть, здоровье свое вы забыли в Лондоне.

Но мне было наплевать, что она там думает. Я ведь ее больше никогда не увижу — ни ее, ни мистера Пея, ни Маргарет с миссис Кекс.

Я пожелала им спокойной ночи и пошла наверх. Мод, конечно, все еще сидит у дядюшки.

Пока ее не было, я сделала, как мы договорились: собрала все платья, туфли и прочие мелочи, которые мы решили унести с собой. Все это были ее вещи. Свое коричневое шерстяное платье я оставила. Я не надевала его больше месяца. Я положила его в свой сундук, на самое дно. Оно тоже останется здесь. Мы возьмем с собой только сумки. Мод нашла пару сумок, принадлежавших еще ее матери: кожа у них отсыревшая, с белесым налетом. Сумки были помечены медными буквами, такими четкими, что даже я смогла прочитать: «М» и «Л» — инициалы ее матери, ее звали так же, как Мод.

Я выстелила их бумагой и стала складывать вещи. В одну, что потяжелее (ее придется тащить мне), я положила начищенные драгоценности. Завернула их в тряпицу, чтобы не побились в пути. Еще я положила туда одну из ее перчаток — белую лайковую перчатку с перламутровыми пуговками. Она ее надевала когда-то, а потом не могла найти и считала пропавшей. Возьму себе на память.

Сердце мое, казалось, рвется на части.

Потом она вернулась от дяди. Вошла, заламывая руки.

— Боже мой, — сказала, — как болит голова! Я

думала, он меня никогда не отпустит!

К этому я была готова и заранее принесла вина от мистера Пея — успокоить нервы. Я усадила ее и дала хлебнуть вина, потом плеснула на носовой платочек и растерла ей виски. От вина платочек стал розовым, а лоб ее, где я потерла платком, покраснел. Лицо ее, когда я коснулась пальцами, оказалось прохладным. Веки дрожали. Когда она открыла глаза, я отступила на шаг.

— Спасибо, — произнесла она тихо, и взгляд ее был кроток.

Она выпила вино — хорошее вино, крепкое, — а то, что осталось на дне, я сама допила. Внутри разлился огонь.

— А теперь, — сказала я, — вам надо переодеться.

Она была в вечернем платье, какое всегда надевала к ужину. Я вынула из шкафа дорожное платье.

— Кринолин придется оставить.

Для него не было места. А без кринолина ее короткое детское платье сразу стало длиннее, теперь она и вовсе казалась худышкой. Я подала ей крепкие ботинки, помогла надеть. Потом показала ей сумки. Она потрогала их, покачала головой.

— Вы обо всем позаботились, — сказала. — Я бы так не смогла. Без вас я бы ничего не смогла.

И посмотрела на меня с благодарностью, но как-то грустно. Бог знает, что изобразилось на моем лице. Я отвернулась. Дом притих, лишь изредка в отдалении скрипнет половица — горничные уходят спать. Потом снова раздался бой часов: полдесятого.

— Осталось три часа, — сказала она.

Сказала это так же медленно и глухо, как когда-то говорила: «Осталось три недели».

Мы оставили в гостиной зажженную лампу и подошли к окну. Реки отсюда было не видать, но мы смотрели на стену, окружавшую парк, и представляли, что за ней — река, холодная, темная, и она тоже ждет. Мы стояли так примерно с час и почти все время молчали. Иногда она вздрагивала.

— Вам холодно? — спрашивала я.

Но ей не было холодно. Под конец от долгого ожидания у меня начался мандраж. Мне стало казаться, что я не все вещи сложила. Вдруг спохватывалась, что забыла то ее белье, то драгоценности, то белую перчатку. Я ведь убирала эту перчатку, я это прекрасно помнила, но все равно дергалась — как и она. Я пошла в ее спальню,

открыла сумки — она осталась стоять у окна. Вынула все платья и все белье и снова все уложила. Застегивая пряжку на сумке, сильно потянула—и порвала ремешок. Кожа была старая и почти истлела. Я взяла иголку и крепко-накрепко пришила ремешок — торопливо, грубыми стежками. Нагнулась перекусить нить — во рту остался солоноватый вкус.

Потом я услышала, как открывается дверь гостиной.

У меня сердце екнуло. Я задвинула сумки подальше в тень, за кровать, чтобы вошедшему не бросились в глаза, и прислушалась. Ни звука. Приоткрыла дверь в гостиную и заглянула. Занавески раздвинуты, комнату заливает лунный свет, а в гостиной и нет никого, Мод ушла.

Она оставила дверь нараспашку. Я на цыпочках подкралась к двери и выглянула в коридор. Мне показалось, где-то в отдалении хлопнула дверь, но может, и послышалось: нечеткий звук слился с обычными шорохами спящего дома.

— Мисс Мод! — позвала я шепотом, но даже шепот в этом доме казался громовым, и я замолчала, вслушиваясь, вглядываясь в темноту. Потом сделала пару шагов по коридору, остановилась и снова прислушалась. В отчаянии сжала руки

— как я волновалась, не могу и передать, но, если честно, я и рассердилась не на шутку — как это похоже на нее: пошла бродить по дому в такой поздний час, не сказав ни слова и к тому же без всякого повода!

Когда часы пробили половину двенадцатого, я снова позвала и прошла еще чуть дальше по коридору, но наступила на край ковра и едва не споткнулась. Ей-то что — может ходить здесь и без свечи, ей дорога знакома, ну а мне — нет. Что, если я сверну куда-нибудь не туда и заблужусь в темноте? Могу и вовсе не выбраться.

Мне ничего не оставалось, как ждать, считая минуты. Я вернулась в спальню и перетащила сумки. Потом встала у окна. На небе сияла полная луна, ночь была ясной. Перед домом расстилалась лужайка, в отдалении — стена, а за ней — река. Где-то на реке — Джентльмен, и, пока я стою тут, он с каждой минутой все ближе. Долго ли он будет нас ждать?

Наконец, когда, казалось, терпению моему пришел конец, часы пробили полночь. При каждом ударе колокола я вздрагивала. Когда затихло эхо последнего удара, мелькнула мысль: «Ну вот и все». И как только я так подумала, услышала приглушенный звук шагов — она стала в дверях,

бледное лицо на фоне черного проема, дышала тихо и часто, как кошка.

— Простите меня, Сью! — сказала она. — Я была в дядюшкиной библиотеке. Хотела посмотреть на нее в последний раз. Но не могла войти, пока не убедилась, что он спит.

Она дрожала. Я представила, как она стоит, бледненькая и тоненькая, одна среди мрачного сонма книг.

— Ничего, — успокоила я ее. — Но нам надо поторопиться. Идемте скорей.

Я подала ей плащ, застегнула свою накидку. Она огляделась вокруг — всего этого у нее больше не будет. Зубы ее стучали. Я дала ей легкую сумку, потом приложила палец к губам: рот на замок.

— Теперь держитесь! — сказала я.

Все мое волнение вдруг улетучилось, я сразу стала спокойной. Подумала о своей матери: сколько темных домов она обошла тайком, пока ее не поймали. Дурная кровь вскипела во мне, как молодое вино.

Мы уходили по лестнице для слуг. Накануне днем я несколько раз прошлась по ней туда-сюда, примечая скрипучие ступеньки, и теперь осторожно, за руку, вела ее вниз, показывая, куда ставить ногу, а где перешагивать. В начале ко-

ридора были две двери — в кухню и в кладовку миссис Стайлз. Мы остановились, прислушались. Она все так же держала меня за руку. За стенной обшивкой прошуршала мышь, но больше ничего — ни шороха, ни звука. Тканая дорожка на полу скрадывала звук шагов. Только наши юбки колыхались и шелестели при ходьбе.

Дверь во двор была закрыта на ключ, но ключ торчал в скважине: перед тем как повернуть, я сначала вынула его и смазала жиром, тем же жиром густо смазала задвижки: верхнюю и нижнюю. Жир я взяла из шкафа миссис Кекс. Так что она лишилась шести пенсов, что передавал ей посыльный из мясной лавки!

Мод с удивлением смотрела, как я колдую над замками.

— Это просто, — пояснила я. — Если бы мы были снаружи, было бы намного труднее.

И подмигнула. Я была довольна, что справилась. Мне и впрямь захотелось тогда, чтобы задача была посложнее. Облизнула пальцы, перепачканные жиром, потом привалилась плечом к двери и осторожно нажала; чуть покосившаяся дверь плотно стала на место, и после этого ключ легко повернулся в замке, а задвижки бесшумно повернулись в пазах, как детки в колыбельках.

Воздух снаружи был чистый и холодный. Светила луна, и на землю ложились длинные черные тени. Нам это было на руку. Мы пошли, держась в тени стен, перебегая от одной к другой, выбирая, где потемнее, потом бегом, наискосок, пересекли лужайку — скорее укрыться под сенью кустов и деревьев. Она снова взяла меня за руку и послушно следовала за мной. Только один раз она отстала, и, обернувшись, я увидела, что она смотрит на дом со смешанным выражением ужаса и радости. Окна были темны. Никто нас не видел. Дом казался плоским, как картонный задник в театре. Я дала ей чуть-чуть постоять, потом потянула за руку.

— Надо идти, — напомнила я.

Больше уже она не оглядывалась. Довольно быстро мы добрались до края парка и двинулись вдоль каменной стены по сырой заросшей тропке. Ветви кустов цеплялись за платье, мелкие твари скакали в траве, прыскали из-под ног, мы прорывались вперед, разрывая и топча тонкие, словно стеклянные, нити белой паутины. Шум и треск ветвей оглушал нас, мы запыхались. Мы так долго шли, я уж было подумала, мы проглядели калитку, но потом тропинка стала шире, и слева замаячила арка, залитая лунным светом. Мод

обогнала меня и открыла своим ключом калитку, а потом, когда мы выбрались, заперла ее снова.

Только когда мы выбрались из парка, я смогла перевести дух. Мы поставили на землю сумки и стали ждать в темноте, держась в тени стены. Береговые камыши, залитые лунным светом, были похожи на копья невидимого войска. Гладь реки была почти белой. Слышался лишь шепот струй да изредка — писк какой-то ночной птицы. Плеснула рыба. Джентльмена нигде не было видно. Мы добрались быстрее, чем ожидалось. Я прислушалась, но ничего не услышала. Посмотрела на небо, на звездную россыпь. Как много звезд — просто невероятно! Потом посмотрела на Мод. Она натянула на лицо капюшон, но, заметив, что я на нее смотрю, подала мне руку. Не для того, чтобы я ее вела за собой, не для того, чтобы успокоила, — просто взяла за руку. Меня.

С неба сорвалась звезда, и мы смотрели, как она падает.

— На счастье, — сказала я.

И тут раздался бой домовых часов. Половина первого — даже за парковой стеной был ясно слышен звук колокольцев, чистый ночной воздух, казалось, усиливал звуки и делал их пронзительнее. Секунду-другую в воздухе звенело эхо, а

потом его перекрыл другой звук — мы услышали его и расцепили руки: это был осторожный плеск весел, плавно погружаемых в воду. Из-за излучины серебристой реки показался черный силуэт лодки. Я видела, как опускаются и поднимаются весла, как серебром рассыпаются вокруг весла кружочки лунного света. Потом весла зависли над водой, и настала тишина. Лодка тихо скользнула к камышам, покачалась и скрипнула, когда Джентльмен привстал на сиденье. Он не видел нас, потому что мы стояли в тени под самой стеной. Он нас не видел, но не я первой шагнула вперед, первой шагнула она. Быстро подошла к кромке воды, взяла конец веревки, брошенной им на берег, и стала тянуть лодку к себе, пока та не пристала к берегу.

Не помню, говорил ли Джентльмен что-нибудь. Кажется, он даже не посмотрел на меня, за исключением того раза, когда, проведя Мод по старому причалу, он подал руку мне, чтобы помочь пройти по полусгнившим доскам. Все это мы проделали молча. Помню, что лодка оказалась узкой и что, когда мы сели, юбки наши вздыбились, а когда Джентльмен вновь взялся за весла, чтобы повернуть лодку вспять, нас так качнуло, что я думала, мы перевернемся, и страшно

испугалась, представив, как намокшие юбки, все эти рюшечки и оборочки, неминуемо потянут нас на дно. Но Мод сидела не шелохнувшись. Я заметила, как Джентльмен с тревогой посмотрел на нее. Но и тогда никто из нас не заговорил. Все это произошло в считанные минуты, и лодка быстро пошла вниз по течению. Река несла нас вдоль парковой стены, мы миновали место, где он на моих глазах поцеловал ей руку, потом стена вильнула в сторону. Вместо нее вдоль берега потянулся ряд темных деревьев. Мод сидела, опустив глаза, ни на кого не смотрела.

Мы плыли очень осторожно. Ночь была такая тихая! Джентльмен старался держать лодку в прибрежной тени, только по временам, когда лес редел, мы оказывались в полосе лунного света. Но никого не было вокруг, никто нас не заметил. Если где и попадались дома, стоящие близко к воде, то они были заперты, а окна темны. Один раз, когда русло реки расширилось и стали попадаться острова — на них паслись лошади, а у берега стояли на приколе баржи, — Джентльмен поднял весла, и река сама нас бесшумно несла, но и тогда никто не вышел на нас посмотреть, никто не заметил. Потом берега снова сблизились, и мы поплыли дальше на веслах, а после этого нам не

попадалось больше ни домов, ни лодок. Только темнота, брызги лунного света, скрип уключин да мерное мелькание весел в руках Джентльмена и бледное лицо с черными как смоль усами.

Наше плавание было не очень продолжительным. В условленном месте, в двух милях от «Терновника», лодка пристала к берегу. Джентльмен вышел и привязал ее. Отсюда он начинал свой путь. Здесь он оставил лошадь с дамским седлом. Он помог нам сойти на берег, усадил Мод в седло, сзади к седлу привязал наши сумки.

Потом сказал:

— Нам надо пройти еще с милю. Как вы, Мод?

Она не отвечала.

— Держитесь. Мы почти у цели.

Потом посмотрел на меня и кивнул. И мы тронулись — он впереди, вел под уздцы лошадь, Мод — в седле, как изваяние, а я пешком за ними. И опять никто нам не встретился по пути. Я снова посмотрела на звезды. Дома никогда не увидишь таких ярких и крупных звезд, небо не бывает там таким темным и чистым.

Лошадь была не подкована. Копыта глухо стучали о землю.

Мы двигались довольно медленно из-за Мод — чтобы ее не растрясло в седле и не укачало.

Но она все равно выглядела неважно, и когда мы наконец прибыли на место, которое он выбрал — два-три покосившихся домишки да темная высокая церковь, — она выглядела жутко измученной. Откуда-то выскочила собака и стала на нас лаять. Джентльмен пнул ее, собака заскулила. Он повел нас к домику, что стоял ближе к церкви, дверь была открыта, и навстречу нам вышел мужчина, за ним — женщина с фонарем. Они нас ждали. Женщина, у которой для нас сняли комнаты, зевнув, подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть Мод. Джентльмену она отвесила поклон. Мужчина оказался викарием. Он был в грязноватом белом облачении, небритый. Он тоже поклонился:

— Добрый вечер. Добрый вечер, мисс. И какая ночь! Только и бежать!

Джентльмен лишь спросил:

— Все готово?

Он подал Мод руку, помог спешиться, она неловко сползла, не отпуская седла, потом отошла в сторонку. Ко мне не подошла, так и стояла дичком. Женщина все разглядывала ее. Рассматривала ее бледное, застывшее, красивое лицо без кровинки и, наверное, думала, да и любой бы на ее месте подумал, что девица в положении и

выходит замуж от страха. Может, Джентльмен сам навел ее на эту мысль, когда договаривался о жилье. Потому что такой слух был бы ему очень кстати, если мистер Лилли затребует ее назад, а так выходило, что он спознался с Мод в дядюшкином же доме, ну а потом можно соврать, что случился выкидыш.

«Я бы тоже это подтвердила, — решила я, но тогда пусть доплатит мне еще пять сотен».

Так я подумала и сама себе от этой мысли стала противна.

Викарий вышел вперед и снова поклонился.

— Все и правда готово, сэр, — сказал он. — Дело за малым... Учитывая особые обстоятельства...

— Да, да, — сказал Джентльмен.

Он отвел священника в сторонку и вынул портмоне. Лошадь замотала головой, но из другого домишки выбежал мальчик и увел ее. Мальчик посмотрел на Мод, а потом на меня — и почтительно коснулся фуражки. Конечно, он не видел ее в седле, а на мне было ее платье, так что меня можно было принять за леди, а она стояла такая взъерошенная и жалкая, что походила на горничную.

Викарий сунул деньги в карман под стихарем, потер руки.

— Ну и отлично, — сказал он. — Не желает ли леди переодеться с дороги? Не желает ли пройти в комнаты? Или мы сразу приступим к заключению союза?

— Давайте сразу. — Джентльмен не стал дожидаться ничьих возражений.

Он снял шляпу, пригладил волосы, растрепавшиеся в дороге. Мод стояла как истукан. Я подошла к ней, поправила капюшон, чтоб покрасивей, выправила складки плаща. Потом огладила прическу и лицо. Она на меня даже не взглянула. Лицо ее было холодно как лед. Подол ее платья был весь черный, словно траурная кайма. Плащ был забрызган грязью.

— Дайте мне ваши варежки, мисс, — сказала я. Потому что знала, что под ними — белые лайковые перчатки. — Лучше идти под венец в белых перчатках, чем в бурых.

Она позволила мне стянуть варежки, потом встала, сложив руки.

Женщина спросила:

— А цветов для леди нет?

Я посмотрела на Джентльмена. Он пожал плечами.

— Хотите цветов, Мод? — спросил он равнодушно.

Она не ответила.

Тогда он сказал:

— Ладно, думаю, мы обойдемся без цветов. Итак, сэр, если вы...

Я возмутилась:

— По крайней мере цветок могли бы достать! Хоть один, чтобы ей не с пустыми руками идти к алтарю!

Я не думала об этом, пока женщина не напомнила, а теперь то, что он берет ее в жены, а у нее нет даже букета, показалось мне чудовищной жестокостью. Этого я не могла вынести. В голосе моем звучало отчаяние, Джентльмен посмотрел на меня хмуро, священник — озадаченно, женщина — с жалостью. А Мод посмотрела мне в глаза и медленно произнесла:

— Да, я хотела бы цветок, Ричард. Я бы хотела цветок. И Сью тоже нужен цветок.

Она несколько раз произнесла это слово — «цветок», и с каждым разом оно звучало все диковиннее. Джентльмен шумно вздохнул и стал недовольно озираться по сторонам. Священник тоже закрутил головой. Была половина второго ночи, и если не стоять под луной, то довольно темно. Мы же были на затоптанной лужайке, вокруг — одни ежевичные кусты. Живые изгороди

были черны. Если за ними и росли какие цветы, нам их все равно не найти.

Я сказала женщине:

— Нет ли у вас чего-нибудь такого? Может, домашний цветок?

Она подумала, а потом молча пошла в дом. И то, с чем она чуть погодя вышла к нам, оказалось былинкой с сухими листочками, круглыми, как монетки, белыми, как бумага, трясущимися от дуновения и вот-вот готовыми оторваться и улететь.

Это был лунник. Мы стояли и смотрели на него, и никто не мог произнести вслух его название. Тогда Мод, взяв стебельки и отломив от них веточки, чуть-чуть дала мне, а остальное оставила себе. В ее руках листочки затрепетали еще сильнее. Джентльмен зажег сигарету, сделал пару затяжек и бросил. Красная точка мерцала на черной земле. Кивнул священнику, тот взял фонарь и повел нас через церковные ворота, по тропинке вдоль высоких надгробий, меж которых залегли глубокие черные тени. Джентльмен вел Мод под руку. Я шла рядом с женщиной. Мы с ней были свидетелями. Ее звали миссис Крем.

— Долго добирались? — спросила она.

Я не ответила.

Церковь была сложена из камня и даже под луной казалась черной. Стены внутри были побелены, но от времени пожелтели. У алтаря и рядом со скамьями горело несколько свечей, вокруг них носились ночные мотыльки и, опаленные, падали в воск. Мы не стали усаживаться, а сразу пошли к алтарю, священник встал перед нами с Библией в руках. Щурясь, листал страницы. Потом стал читать, торопливо и сбивчиво. Миссис Крем задышала шумно, как лошадь. Я сжимала в руке чахлую веточку лунника и смотрела на Мод, она, стоя рядом с Джентльменом, сжимала свой стебелек. Я целовала ее. Лежала с ней, обнимала, гладила осторожной рукой. Называла жемчужинкой. Никто не был со мною так ласков, как она, разве что миссис Саксби, и я полюбила ее, хотя должна была погубить.

И вот она выходит замуж и дрожит от страха. Скоро никто и никогда уже ее не полюбит.

Я видела, как Джентльмен смотрит на нее. Священник кашлянул, глядя в книгу. Он подошел к той части службы, когда спрашивают, знает ли кто какую-нибудь причину, по которой мужчина и женщина, стоящие перед ним, не могут соединиться узами брака, и посмотрел на каждого из нас исподлобья, и на миг в церкви стало тихо.

Я затаила дыхание и ничего не сказала.

Тогда он продолжил — посмотрел на Мод, на Джентльмена и то же самое спросил у них, сказав, что в Судный день им придется выложить все свои ужасные сердечные тайны, так уж лучше поведать о них сейчас — и дело с концом.

И снова молчание.

Потом обратился к Джентльмену.

— Согласны ли вы, — начал он, — согласны ли вы взять ее в жены и беречь и почитать до конца дней своих?

— Согласен, — ответил Джентльмен.

Священник кивнул. Потом посмотрел на Мод и задал ей тот же вопрос, она ответила, чуть поколебавшись:

— Согласна.

Джентльмен, похоже, вздохнул с облегчением. Священник чуть ослабил жесткий тугой воротник, почесал шею.

— Кто выдает замуж эту женщину? — спросил он. Я стояла как вкопанная и не сообразила, что должна отвечать, пока Джентльмен взглядом мне не напомнил о моих обязанностях, и тогда я подошла и встала рядом с Мод. Мне подсказали, что я должна взять руку невесты и вложить ее в руку священника, чтобы тот передал ее

Джентльмену. «Лучше бы это сделала миссис Крем», — подумала я. Пальцы ее, без перчатки, были холодные и твердые, словно вылепленные из воска. Джентльмен тронул ее пальцы и вслед за священником повторил нужные слова. Потом Мод взяла его за руку и тоже повторила такие же слова. Голос ее был так тонок и слаб — как струйка дыма: мгновенно улетал ввысь и таял под черными сводами.

Потом Джентльмен достал кольцо, снова взял ее руку и надел кольцо ей на палец, повторяя за священником брачные обеты — как он будет почитать ее и делиться с ней всем, что имеет. Странно было видеть кольцо на ее руке. При свечах казалось, оно из золота, но, как я потом убедилась, оно было фальшивое.

И все тут было фальшивое. Священник еще раз прочел молитву, потом воздел руки и закрыл глаза.

— Что Господь соединил, — заключил он, — человек да не разлучит.

И все.

Они стали мужем и женой.

Джентльмен поцеловал ее, она покачнулась — словно вот-вот упадет в обморок.

Миссис Крем вполголоса сказала:

— Сразу видать, не знает, голубушка, кому попалась. Ну, скоро узнает — мужик-то крепкий. Хе-хе!

Я сделала вид, что не расслышала. Если бы могла, я бы треснула ее чем-нибудь. Священник закрыл Библию и повел нас от алтаря в соседнее помещение, где хранились записи. Джентльмен написал свое имя, Мод, которая теперь стала миссис Риверс, поставила свое, и мы с миссис Крем тоже подписались. Джентльмен учил меня, как пишется «Смит», но все равно буквы получились корявые, и мне стало стыдно. И было бы от чего! В темном помещении пахло плесенью. Под потолком, на балках, роились какие-то твари — не то птицы, не то летучие мыши. Я видела, как Мод с опаской глядит вверх, словно боится, что они набросятся на нас.

Джентльмен взял ее за руку и повел за собой — из церкви. Луна скрылась за облаками, и стало еще темнее. Викарий пожал нам руки, поклонился Мод — и ушел. Он быстро удалялся, на ходу снимая рясу — под ней было черное платье, — казалось, он сам задувает себя, как свечку. Миссис Крем повела нас к своему дому. Она шла впереди с фонарем, а мы плелись за ней, спотыкаясь на каждом шагу. Дверь в домике была такой низкой,

что с Джентльмена сбило шляпу, когда он входил. Потом мы поднялись по скрипучей лестнице с покосившимися ступеньками — мы, со своими пышными юбками, еле пролезли, такая она была узкая, — и вышли на площадку не просторнее платяного шкафа. Там мы потолклись немного, причем Мод, неловко повернувшись, задела рукавом фонарь и подпалила плащ.

На площадке было две двери, ведущие в две крохотные комнатушки. В одной на полу поверх тюфяка лежал узкий соломенный матрац — для меня. Во второй стояли кровать побольше размером, кресло и шкаф — и это предназначалось для Джентльмена и Мод. Она вошла в комнатку, да так и застыла, глядя в пол и ничего вокруг словно не замечая. Комнату освещала одна-единственная свеча. На полу у кровати лежали сумки. Я подошла и одну за другой стала вынимать ее вещи, перекладывать в шкаф.

— Ой, какое чудное белье! — воскликнула миссис Крем.

Она стояла в дверях. Джентльмен встал рядом с ней и странно посмотрел на меня. Это ведь он сам когда-то учил меня, как обращаться с нижними юбками, но почему-то сейчас, глядя, как я вынимаю сорочки и чулки Мод, казался чуть ли

не испуганным.

Он сказал:

— Пойду-ка покурю напоследок. Сью, вы все, что надо, подготовите?

Я не ответила. Они с миссис Крем спустились вниз, громыхая каблуками так, что стены и пол дрожали. Слышно было, как снаружи за окном чиркнула спичка.

Я посмотрела на Мод. Она все еще сжимала в руке ветку лунника. Вдруг, шагнув ко мне, скороговоркой выпалила:

— Если я позову потом, вы придете?

Я забрала у нее цветы, помогла снять плащ. И сказала:

— Не думайте об этом. Не успеете и глазом моргнуть — и все будет кончено.

Она схватила меня за рукав правой рукой, которая все еще была в перчатке. И взмолилась:

— Послушайте, я не шучу. Не важно, что он скажет. Если я вас позову, обещайте, что придете. Я вам заплачу.

Странно как она говорит. Пальцы ее дрожали, но она все сильнее сжимала мне запястье. Мысль о том, что она даст мне хотя бы грош, была невыносима.

Я сказала:

— Где ваши капли? Смотрите, тут вода, выпейте микстуру — и спокойно уснете.

— Усну? — Она засмеялась, но вовремя спохватилась. — Неужели вы полагаете, что я захочу спать в первую брачную ночь!

И наконец отпустила и даже оттолкнула мою руку. Я подошла к ней сзади и стала раздевать. Сняв с нее платье и корсет, я отвернулась и тихо напомнила:

— Под кроватью горшок. И еще стоит вымыть ноги, пока он не пришел.

Кажется, она послушалась. Я не смотрела в ее сторону, но слышала плеск воды. Потом я расчесала ее волосы. Зеркала, перед которым она привыкла стоять, тут не было, смотреться ей было не во что, и, присев на кровать — здесь не было ни столика, ни портрета, ни ночника, — она беспомощно огляделась вокруг.

Когда хлопнула входная дверь, она быстро легла на спину и натянула одеяло до подбородка. На фоне белой подушки лицо ее казалось смуглым, но я-то знала, что оно белое. Мы слышали, как Джентльмен и миссис Крем беседуют внизу в комнате. Голоса их были хорошо слышны. В полу каморки были щели, из них сочился слабый свет.

Я посмотрела на Мод. Она — на меня. Глаза ее были черны, а взор стеклянный. Я потупилась.

— Что вы все отворачиваетесь?! — спросила она шепотом.

Я повернулась к ней. Я ведь ничем не могла ей помочь, а у нее было такое ужасное лицо — передать нельзя. А Джентльмен внизу все говорил и говорил. Откуда-то подул ветерок и стал задувать свечу. Я зябко повела плечами. Мод смотрела на меня не отрываясь. Потом снова заговорила.

— Подите сюда, — попросила она.

Я покачала головой. Она повторила просьбу. Я снова покачала головой, но потом все-таки подошла — тихо так по скрипучим доскам, и она протянула ко мне руки, притянула к себе и поцеловала. Поцеловала нежными, солеными от слез губами, и я не удержалась и поцеловала ее в ответ, чувствуя, что сердце мое, застывшее в груди холодной ледышкой, оттаивает от жара ее губ.

А потом она сделала следующее. Обхватив меня за голову и крепко прижавшись ко мне губами, она взяла мою руку и провела ею сначала по груди, а потом потянула ее ниже — туда, где на одеяле образовалась ложбинка, — меж бедер. И стала тереть там, пальцы мои горели огнем.

Легкое, трепетное чувство, которое вызвал

во мне ее поцелуй, сменилось теперь чем-то ужасным, похожим на страх. Я отстранилась и выдернула руку.

— Почему? — спросила она и опять потянулась ко мне. — Вы же делали так раньше, когда мы говорили про эту ночь? Неужели вы оставите меня с ним теперь, когда здесь — вот, вот и вот — на мне следы ваших поцелуев! Помогите мне, не бросайте меня!

Она снова вцепилась в меня.

— Вы меня бросили раньше. Сказали, это был сон. А сейчас — не сон. А жаль! Кто знает, может, лучше бы я это видела во сне и проснулась бы в «Терновнике».

Она выпустила мою руку и уткнулась лицом в подушку, а я стояла, заломив руки, и боялась — ее вида, ее слов, ее надрывного голоса. Боялась, что у нее случится истерика или обморок, боялась, черт меня побери, что она закричит во весь голос, и Джентльмен и миссис Крем узнают, что я ее поцеловала.

— Тише, тише, — говорила я. — Вы теперь замужняя дама. Теперь вы должны по-другому себя вести. Вы — жена. И должны...

Я умолкла. Она оторвала голову от подушки. Свет, идущий снизу, на секунду померк и стал

перемещаться. Стало слышно, как Джентльмен, тяжко ступая, поднимается к нам по узкой лестнице. У самой двери он замедлил шаг и остановился. Может, решал, не постучать ли, как стучался в «Терновнике». В конце концов он нажал на щеколду, потянул дверь на себя и вошел.

— Вы готовы? — спросил.

Вместе с ним в комнату ворвался холодный ночной воздух. Я больше не произнесла ни слова — ни ему, ни ей. На нее я не смотрела. Ушла в свою комнату и легла на матрац. Лежала в полной темноте, как была, в платье и плаще, накрыв голову подушкой, и каждый раз, просыпаясь в ту ночь, слышала лишь, как возятся, шуршат в соломе невидимые крохотные существа.

Наутро Джентльмен, в одной рубашке и в жилете, вошел ко мне в комнату.

— Она ждет, когда вы ее оденете, — сказал он.

Он завтракал внизу. Мод принесли поднос. На тарелке лежали вареные яйца и почки — она это есть не стала. Тихо сидела в кресле у окна. Я сразу догадалась, что в ней произошла перемена. Лицо ее стало гладким, но вокруг глаз легли черные тени. Перчаток на руках не было. Поблескивало золотое кольцо. Она посмотрела на меня равнодушно, как на все сейчас — на тарелку с яйцами,

на двор из окна, на платье, которое я подала ей, — странным, мягким, чуть отрешенным взором, и, когда я заговорила с ней, задала какой-то пустячный вопрос, она выслушала, помолчала, а потом отвечала, удивленно прислушиваясь к своим словам, словно все: и мой вопрос, и то, как она отвечает, да и сам звук ее голоса — было для нее неожиданностью.

Я одела ее, и она снова села у окна. Положила руки на колени осторожно, держа пальцы на весу, будто прикосновение гладкого шелка может причинить ей боль. Склонила голову. Я думала, может, она надеется услышать бой домовых часов в «Терновнике». Но она никогда больше не заговаривала ни о дяде, ни о прежней жизни.

Я взяла ее ночное судно и отнесла за дом, в уборную. Внизу под лестницей ко мне подошла миссис Крем. В руках у нее была простыня.

— Мистер Риверс говорит, простыню надо сменить.

И казалось, вот-вот подмигнет. Но я вовремя успела отвернуться. Об этой стороне дела я как-то не подумала. Я стала медленно подниматься по ступенькам, она шла за мной, тяжело дыша в затылок. Изобразив что-то вроде поклона, она подошла прямо к постели и сдернула одеяло. Там

оказалось несколько кровавых пятнышек, слабых и размазанных. Она постояла, глядя на них, потом перехватила мой взгляд, словно говоря: «Просто не верится! Маловато для первой ночи!» Мод все сидела и смотрела в окно. Было слышно, как Джентльмен под нами клацает ножом по тарелке. Миссис Крем подняла простыню, проверяя, не запачкан ли матрац, — но нет, он не запачкался, и она обрадовалась.

Я помогла ей сменить простыню, потом проводила до двери. Она снова неловко поклонилась и только теперь заметила, какой у Мод стал чудной взгляд.

— Что ж она так убивается? — спросила у меня шепотом. — По маме, небось, скучает?

Сначала я не ответила. Потом вспомнила про наш заговор и что должно случиться потом. «Скорее бы! — в сердцах подумала я. — Скорее бы конец». Мы стояли с ней на лестничной площадке, дверь я закрыла.

Я тихо сказала:

— Убивается — не то слово. С ней просто беда. Мистер Риверс очень ею дорожит и не хочет, чтобы пошли пересуды. Вот и привез ее в это тихое место: может, на природе она будет поспокойнее.

— Поспокойнее? Так, значит, она... Боже милостивый! А она не совсем... не бесноватая?.. Не выпустит свиней? Дом-то не подожжет?

— Нет-нет,— заверила я. — Она... как бы сказать... просто не в себе...

— Бедняжка, — сказала миссис Крем.

Но я видела, она обдумывает услышанное. Так ведь не договаривались, что у нее в доме будут держать помешанную. И с тех пор, принося наверх поднос, она всегда украдкой косилась на Мод — как бы та не укусила.

— Она меня не любит, — сказала Мод, заметив это странное поведение на третий раз.

Я быстро сообразила и ответила:

— Не любит? Вас? Какая нелепая мысль! С чего бы ей вас не любить?

— Ну, не знаю, — спокойно ответила Мод, глядя на свои руки.

Позже она то же сказала и Джентльмену, и он похвалил меня.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Пусть миссис Крем боится ее, а она пусть втайне побаивается миссис Крем. Отлично. Это нам пригодится, когда будем вызывать врача.

Но до этого нужно было выждать еще неделю. Мне казалось, это самая ужасная неделя в моей

жизни. Он обещал Мод, что они пробудут здесь только сутки. Однако на следующее утро он посмотрел на нее и покачал головой:

— Какая вы бледная, Мод! Думаю, вам нездоровится. Думаю, нам следует еще задержаться здесь, пока здоровье ваше не поправится.

— Задержаться? — спросила она уныло. — Но разве мы не можем поехать сразу в ваш лондонский дом?

— Мне правда кажется, что вы не вполне здоровы, а дорога тяжелая.

— Я — нездорова? Но я прекрасно себя чувствую — спросите Сью! Сью, скажите мистеру Риверсу, подтвердите, что я здорова!

Ее аж затрясло. А я промолчала.

— Еще денек-другой, — сказал Джентльмен. — Пока вы не отдохнете. Пока не успокоитесь. Право же, если бы вам еще полежать...

Она заплакала. Он подошел к ней успокоить, но она еще сильнее зарыдала. Он сказал:

— Ах, Мод, у меня сердце разрывается, когда вижу вас в таком состоянии. Если бы я был уверен, что вам так будет легче, я бы тотчас же отвез вас в Лондон — прямо взял бы на руки и понес, — вы мне верите? Но посмотрите на себя со стороны и скажите сами: хорошо ли вы себя чувствуете?

— Не знаю, — ответила она. — Здесь все так непривычно. Я боюсь, Ричард...

— А в Лондоне разве привычно? И разве вас не пугает, что там шум, гам, толпы людей, простора нет? Нет, нет, это место как раз для вас сейчас. Здесь есть миссис Крем, она о вас заботится...

— Миссис Крем меня терпеть не может.

— Как это? Ну, Мод. Какие глупости вы говорите, мне прямо стыдно за вас, и Сью тоже стыдно — правда, Сью?

Я не отвечала.

— Конечно стыдно, — сказал он, в упор глядя на меня своими пронзительными голубыми глазами.

Мод тоже посмотрела на меня и отвернулась. Джентльмен взял ее за руку и поцеловал в лоб. Потом сказал:

— Ну вот, не будем больше спорить. Останемся здесь еще на день — всего на один день, пока румянец не заиграет вновь на ваших щечках, а глазки не засияют как прежде!

То же самое он повторил и на следующий день. А на четвертый он с ней и не церемонился: сказал, мол, она нарочно его огорчает, заставляет ждать, тогда как он только и мечтает, как бы поскорее отвезти в Челси свою женушку. А на пятый день,

обняв ее, даже всплакнул, говоря, как сильно он ее любит.

После этого она больше не спрашивала, долго ли им оставаться в этом доме. Румянец, конечно же, к ней не вернулся. В глазах — одна тоска. Джентльмен велел миссис Крем подкармливать ее как следует, и та стала подавать еще больше яиц, почек, отрезала жирные ломти бекона и кровяной колбасы. От мяса в комнате пахло кислятиной. Мод ничего этого не ела. Вместо нее — чтоб не пропадало — все подъедала я. А она только сидела у окна, смотрела на улицу, крутила на пальце обручальное кольцо, рассматривала свои руки или тянула к губам длинную прядь волос.

Волосы ее, как и глаза, утратили прежний блеск. Она не позволяла мне мыть их и лишь изредка дозволяла расчесывать: сказала, ей противно, когда гребенка скребет по голове. Она ходила все в том же платье, в каком приехала из «Терновника», — с грязным подолом. Лучшее свое платье, шелковое, она отдала мне.

— Зачем оно мне сейчас? Мне гораздо приятнее видеть его на вас. Лучше уж вы его поносите, а то зря лежит в шкафу.

Пальцы наши встретились под струящимся

шелком, когда она мне его передавала, мы обе вздрогнули и отскочили друг от друга. После той первой ночи она уже не пыталась целовать меня.

Я взяла у нее платье. По вечерам теперь можно было не скучать: мне было чем заняться, я распускала швы на талии, а ей, похоже, приятно было наблюдать, как я шью. Когда я закончила, надела платье и встала перед ней в полный рост, она посмотрела на меня загадочно и сказала, краснея:

— Как вы хороши в нем! Его цвет очень идет к вашим глазам и волосам. Так я и думала. Теперь вы — настоящая красавица, правда? А я дурнушка, вам не кажется?

Я попросила для нее у миссис Крем маленькое круглое зеркало. Она взяла его дрожащей рукой и поднесла к лицу, чтобы мы обе в него заглянули. Я вспомнила время, когда она одевала меня в своей гостиной и говорила, что мы сестры: какой веселой была она тогда, какой пухленькой и беззаботной! Прежде она любила смотреться в зеркало и прихорашиваться — для Джентльмена. А теперь — я поняла это, поняла по одному брошенному вскользь взгляду — ей нравится быть бледной и измученной. Она, верно, надеялась, что такой он ее не захочет.

Надо было мне раньше открыть ей, что все равно захочет, что бы она ни делала.

Прямо не знаю, что он с ней такое сотворил. Я лишний раз старалась с ним не заговаривать. Исполняла послушно все, что от меня требовалось, но словно во сне, как бесчувственная, старательно изгоняя любую мысль и всякое чувство, — и неизвестно, кто из нас был несчастнее: она или я. А Джентльмен, надо отдать ему должное, переживал. Он лишь ненадолго заглядывал к ней — поцеловать ее или попугать, все же остальное время он проводил в гостиной миссис Крем, курил сигареты — дым поднимался к нам через щели в полу, смешиваясь с запахом мяса, ночного горшка, постельного белья. Пару раз он уезжал на конные прогулки. Он ездил намеренно, чтобы выведать про мистера Лилли, но узнал только, что, по слухам, в «Терновнике» случилось неладное, но что точно — никто сказать не мог. По вечерам он стоял у забора на задворках дома, любовался на черномордых свиней. Или прогуливался вдоль домов или вдоль погоста. Да так, будто знал, что мы за ним наблюдаем, — не той размашистой походкой, как прежде, когда раскуривал у нас на глазах сигареты, — теперь каждый шаг он делал с чуткой осторожностью, словно спиной улавли-

вал наши взгляды.

Потом, вечером, я раздевала Мод, он возвращался, а я уходила к себе и лежала одна, зарыв голову в подушку, вжимаясь ухом в хрусткий соломенный матрац.

Да, еще следует признать, что сделал он это с ней всего лишь раз. Наверное, решила я, боится, что она понесет. Но есть и другое, что, вероятно, он вполне мог с ней делать не без удовольствия, раз теперь знает, какие у нее нежные руки, какая гладкая кожа, какие теплые и шелковистые у нее губы.

И с каждым днем, отмечала я, входя в ее комнату, она становилась все более бледной и худой — краше в гроб кладут, а он, перехватив мой взгляд, все теребил усы, и не чувствовалось в нем прежней уверенности.

Ведь он, злодей, все-таки знал, на какое грязное дело идет.

В конце концов он послал за доктором.

Я слышала, как он пишет письмо в гостиной миссис Крем. С доктором этим он был знаком лично. Думаю, у того было темное прошлое, наверняка зарвался как-то по женской части, вот и перешел в психушку, где поспокойнее. Но темное прошлое — это для нас даже хорошо. Джентльмен

не посвятил его в наш план. Он не из тех, кто делится выручкой.

Случай и без того был слишком очевидным. И еще миссис Крем подтвердит. Мод молоденькая, с придурью, ее и без того долго держали взаперти. Со стороны казалось, она любит Джентльмена, а он — ее, но, как только они поженились, она буквально стала чудить.

Думаю, любой врач на его месте, выслушав Джентльмена и посмотрев на Мод и на меня — какие мы стали, — поступил бы так же.

Он привез с собой еще одного человека, тоже врача, ассистента. Потому что, для того чтобы забрать леди, требуется заключение двух врачей. Приют этот располагался близ Рединга. Карета была странная, с ребристыми занавесками, какие бывают на слуховых окнах, сзади торчат острые пики. Но приехали они не с тем, чтобы забрать Мод — во всяком случае, не в тот раз; для начала им надо было ее осмотреть. А забрать — позже.

Джентльмен отрекомендовал их как своих приятелей-живописцев. Ей, казалось, было все равно. Я, с ее позволения, вымыла ее и чуть-чуть причесала, вернее, лишь пригладила ей волосы, потом оправила на ней платье, после чего она пошла и молча села у окна. И, только увидав карету,

округлила глаза и часто-часто задышала — а я все думала, заметила ли она, как я, решетки на окнах и пики. Врачи вышли из кареты. Джентльмен сказал им что-то, они пожали друг другу руки и, сгрудившись, стали о чем-то беседовать, изредка поглядывая на наше окно.

Потом Джентльмен вошел в дом, а они остались на улице его ждать. Он поднялся наверх. Он потирал руки и улыбался.

Сказал:

— Ну, кто к нам приехал! Это мои друзья Грейвз и Кристи, прямо из Лондона. Помните, Мод, я вам о них рассказывал? Представьте себе, они никак не могли поверить, что мы и впрямь поженились! И вот прибыли из Лондона, чтобы поглядеть на чудо собственными глазами.

Он улыбался. Мод на него и не взглянула.

— Не возражаете, дорогая, если я приглашу их к вам? Я их оставил с миссис Крем.

Я слушала, как внизу, в гостиной, они тихо и важно переговариваются. Я знала, о чем они будут спрашивать и что ответит им миссис Крем. Джентльмен ждал, что скажет Мод, но она ничего не сказала, и он посмотрел на меня:

— Сью, можно вас на минутку?

И сделал знак глазами. Мод взирала на нас и

непонимающе моргала. Я вышла следом за ним на площадку, и он закрыл за мной дверь.

— Думаю, надо оставить нас наедине, — сказал он тихо, — когда они поднимутся. Я буду при ней — тогда она начнет нервничать. С тобой-то она всегда спокойная.

— Только смотрите, чтобы ей не навредили! — попросила я.

— Не навредили?! — Он усмехнулся. — Да знаешь ли ты, что это сущие мерзавцы. Они со своих психов пылинки сдувают. Дай им волю, они бы держали их в каменных подвалах, как золотой запас, а сами бы жили на гонорары. Они ее не тронут. Но и дело свое они знают, и скандал им ни к чему. Они мне верят на слово, но все равно им нужно увидеть ее и поговорить с ней, и потом, они должны поговорить и с тобой. Ты знаешь, разумеется, что отвечать.

Я скривилась:

— Неужели?

Он сощурил глаза:

— Не шути со мной, Сью. Мы почти у цели. Так ты знаешь, что отвечать?

Я пожала плечами:

— Кажется.

— Ну и отлично. Сначала я приведу их к тебе.

Он попытался приобнять меня. Я сбросила его руку и отступила на шаг. Ушла в свою каморку и стала ждать. Через минуту врачи явились. Джентльмен вошел следом, потом прикрыл дверь и встал у порога, глядя мне прямо в лицо.

Мужчины были высокие, как и он, один очень толстый. Одеты в черные сюртуки, на ногах — мягкие каучуковые сапоги. Когда они делали шаг, пол, стены и окно сотрясались. Один из них, тощий, заговорил, другой же предпочитал отмалчиваться. Оба поклонились мне, я сделала реверанс.

— Итак, надеюсь, вы знаете, кто мы? — сказал тощий. Звали его доктор Кристи. — Не возражаете, если мы зададим вам пару откровенных вопросов? Мы друзья мистера Риверса и очень хотим побольше узнать о его женитьбе и о его молодой жене.

— Вы хотите сказать, о моей госпоже. Валяйте, — согласилась я.

— Ага, о госпоже, — подтвердил он. — Что ж, напомните мне. Кто она?

— Миссис Риверс, — ответила я. — А раньше была мисс Лилли.

— Миссис Риверс, то есть мисс Лилли. Ага.

И кивнул. Молчаливый доктор — доктор Грейвз

— достал карандаш и записную книжку. А первый продолжал:

— Ваша госпожа. А вы?

— Ее горничная, сэр.

— Конечно. И как вас зовут?

Доктор Грейвз приготовился записывать. Джентльмен в ответ на мой вопросительный взгляд кивнул.

— Сьюзен Смит, сэр, — отчеканила я.

Доктор Кристи посмотрел на меня в упор.

— Кажется, вы сомневаетесь. Вы уверены, что таково ваше настоящее имя?

— Смею заверить, что я отлично знаю, как меня зовут! — сказала я.

— Ну конечно.

Он улыбнулся. Сердце мое учащенно забилось. Может, он это заметил. Во всяком случае, тон его смягчился.

— Ну хорошо, мисс Смит, а теперь расскажите нам, давно ли вы знакомы со своей госпожой...

Это было совсем как тогда, на Лэнт-стрит, когда я стояла перед Джентльменом, а он разучивал со мной мою роль. Я рассказала ему о леди Алисе из Мейфэра, и о старушке, что нянчила Джентльмена, и о своей покойной матушке, а потом дошла и до Мод. Сказала, что поначалу она, похоже, люби-

ла мистера Риверса, но не прошло и недели после венчания, как загрустила и перестала следить за собой, и что я за нее опасаюсь.

Мистер Грейвз все записывал.

Доктор Кристи уточнил:

— Опасаетесь. Вы хотите сказать, за себя?

— Нет, не за себя, за нее. Боюсь, она что-нибудь сделает с собой, так ей плохо.

— Понимаю, — кивнул врач. И добавил: — Вы любите свою госпожу. Вы очень сердечно о ней отзываетесь. А теперь скажите-ка мне вот что. Какой уход, по-вашему, нужен вашей госпоже, чтобы ей стало лучше?

— Думаю... — начала я.

— Что?

— Мне бы хотелось...

— Продолжайте, — настаивал он.

— Мне бы хотелось, чтобы вы забрали ее и присмотрели за ней, — решительно проговорила я. — Чтобы отвезли куда-нибудь, где никто ее не тронет, не обидит...

У меня ком подступил к горлу, голос дрогнул от еле сдерживаемых слез. Джентльмен по-прежнему не сводил с меня глаз. Врач взял меня за запястье, довольно бесцеремонно, да так и держал.

— Так-так, — произнес он. — Не надо расстраиваться. У вашей госпожи будет все, чего вы для нее пожелаете. Ей и впрямь повезло, что у нее такая преданная и добрая служанка!

Он похлопал меня по руке. Посмотрел на часы. Переглянулся с Джентльменом, кивнул ему.

— Очень хорошо, — заключил он. — Очень хорошо. А теперь не могли бы вы нас проводить?..

— Конечно, — спохватился Джентльмен. — Конечно. Сюда, пожалуйста.

Он распахнул дверь, мужчины повернулись ко мне спиной и вышли. И тут меня вдруг пронзило странное чувство — то ли страх, то ли отчаяние. Я высунулась в дверь и крикнула им вслед:

— Она не ест яйца, сэр!

Доктор Кристи обернулся. Я подняла руку. И тотчас ее опустила.

— Она не ест яйца, — повторила я, отчего-то робея. — Ни в каком виде.

Это все, о чем я могла подумать. Он улыбнулся и поклонился мне, но как-то игриво. Доктор Грейвз записал в своей книжке — или сделал вид, что записывает: «Не ест яйца». Джентльмен проводил их обоих в комнату Мод, а потом вернулся ко мне.

— Посиди здесь, пока они у нее? — спросил он.

Я не ответила. Он плотно закрыл дверь в мою комнату, но стены здесь были как бумага: я слышала их шаги, уловила несколько вопросов, заданных разговорчивым доктором, а потом, через минуту-другую, раздались всхлипы и тонкий надрывный плач.

Они у нее не задержались. Думаю, узнали все, что требовалось, от меня и от миссис Крем. Когда они уехали, я пошла к ней. Джентльмен стоял за спинкой ее кресла, держа ее бледное лицо в своих ладонях. Он склонился к ней — вероятно, чтобы пошептать на ухо и еще поддразнить. Увидев, что я вошла, он выпрямился и сказал:

— Сью, полюбуйтесь на свою госпожу. Правда, в глазах у нее появился живой огонек?

Да, они блестели — от невысохших слез. И к тому же покраснели.

— Вам получше, мисс? — спросила я.

— Ей получше, — отвечал Джентльмен. — Думаю, мои друзья развлекли ее. Думаю, мои старые добрые приятели Кристи и Грейвз остались ею очень довольны, и сознайтесь, Сью, разве бывало такое, чтобы дамы не расцветали от восхищенного взгляда джентльменов?

Она подняла руку и тихонько погладила его пальцы. Он еще постоял так, баюкая ее лицо,

потом отошел.

— Каким же я был болваном! — сказал он мне. — Все надеялся, что миссис Риверс поправится здесь, в сельской глуши, думал, ей покой нужен. Теперь же вижу: все, что ей нужно, — это шум и суета большого города. И Грейвз с Кристи это заметили. Им не терпится вновь увидеться с нами в Челси — ну да, Кристи даже предлагает нам для переезда свою карету и кучера! Едем завтра же! Мод, что вы на это скажете?

Пока он говорил, она смотрела в окно. Теперь же подняла к нему лицо, и на ее щеках запылал румянец.

— Завтра? — переспросила она. — Так скоро?

Он кивнул:

— Завтра едем. В просторный дом, с уютными тихими комнатами, с хорошими слугами, они только вас и ждут.

На следующий день она опять, как обычно, отодвинула тарелку с мясом и яйцами, но теперь даже я не могла есть. Я одевала ее не глядя. Я и так знала ее как свои пять пальцев. На ней было старое запачканное платье, а на мне — красивое шелковое. Она не разрешила мне надеть другое даже в дорогу, хотя я знала, что оно помнется.

Я представила, как покажусь в нем в Боро. Мне

с трудом верилось, что не успеет стемнеть, как я снова буду дома, с миссис Саксби.

Я сложила ее вещи. Я делала это медленно, почти не чувствуя, что держу в руках. В одной сумке — ее нижнее белье, туфельки без задников, успокоительные капли, чепец, щетка, это она возьмет с собой в сумасшедший дом. В другую пошло все остальное. Эта сумка — для меня. И только маленькую белую лайковую перчатку, о которой я уже упоминала, я отложила в сторонку, и, когда сумки были набиты, я спрятала ее за корсажем своего платья, поближе к сердцу.

Карета прибыла, мы были готовы. Миссис Крем провожала нас до дверей. Мод накинула вуаль. Я помогла ей спуститься по кособокой лестнице, и она держалась за мою руку. Когда мы вышли за порог, схватилась крепче. Она больше недели просидела в комнате. Щурясь, смотрела на небо, на черную церковь, и от малейшего дуновения ветерка, который, казалось, чувствовался даже под вуалью, вздрагивала как от пощечины.

Я прикрыла ее ладонь своей.

— Благослови вас Бог, госпожа! — крикнула миссис Крем, когда Джентльмен с ней расплатился.

Она не уходила, все смотрела на нас. Мальчиш-

ка, который в первую ночь уводил под уздцы нашу лошадь, вышел поглазеть, как мы уезжаем, потом подошли еще два пацана и стали колупать дверцы, старый герб — золотой шлем — был замазан черной краской. Кучер замахнулся на них кнутом. Он закрепил на крыше наши сумки, потом спустил лесенку. Джентльмен подсадил Мод, расцепив наши пальцы. Поймал мой взгляд.

— Хватит, — сказал с легкой угрозой. — Сейчас не время для сантиментов.

Она села, выпрямилась, он устроился рядом с ней. Я же оказалась напротив. На дверях не было ручек, они отпирались ключом, как сейф: когда кучер закрыл за нами дверцы, Джентльмен запер их, а ключ положил в карман.

— Долго нам ехать? — спросила Мод.

— Примерно час, — ответил он.

Но прошло больше часа. Казалось, целая вечность. День выдался теплый. Когда проглядывало солнце, в карете становилось довольно жарко, но окна были закрыты наглухо, их невозможно было открыть. «Это чтобы сумасшедшие не выскочили», — подумала я. Наконец Джентльмен потянул за веревочку, шторки опустились, и мы остались в духоте и темноте и все время молчали. Время от времени меня начинало мутить. Я видела, как

голова Мод качается из стороны в сторону в такт движению, но не могла разглядеть, открыты у нее глаза или закрыты. Руки ее были крепко сжаты.

Джентльмен, однако, засуетился: то ослабит воротник, то взглянет на часы, то начнет поправлять манжеты. Раза два-три даже вынимал платок и вытирал лоб. Каждый раз, когда карета замедляла ход, он кидался к окну и выглядывал сквозь щелочки на занавеске. Потом карета приостановилась и стала разворачиваться, он снова в окно, сел прямо и поправил галстук.

— Почти приехали, — вздохнул.

Мод повернула к нему голову. Карета опять стала. Я потянула за веревку, которая поднимала занавеску. Мы находились в начале зеленой аллеи, над которой высилась каменная арка с чугунными воротами. Какой-то человек как раз открывал их для нас. Карета качнулась, и мы покатили по аллее к дому, который был виден в дальнем ее конце. Совсем как «Терновник», только этот дом поменьше и поопрятнее. На окнах решетки. Я посмотрела на Мод — как она это воспримет. Она откинула вуаль и стала, как всегда тоскливо, смотреть в окно, но мне на миг показалось, что она почуяла неладное и испугалась.

— Не бойтесь, — сказал Джентльмен.

Вот и все, что он сказал. Не знаю, к кому он обращался: ко мне или к ней. Карета сделала еще один поворот и остановилась. Доктор Грейвз и доктор Кристи были уже на месте, поджидали нас, рядом с ними стояла здоровая тетка, рукава ее платья были закатаны до локтя, а поверх был надет холщовый передник, как у мясника. Доктор Кристи выступил вперед. У него тоже был ключ, как у Джентльмена, им он открыл дверцу кареты со своей стороны. Мод вздрогнула от этого звука. Джентльмен прикрыл ее руку своей. Доктор Кристи поклонился.

— Добрый день, — произнес он, — мистер Риверс. Миссис Риверс, вы меня, конечно, помните?

И протянул руку.

Он протянул руку мне.

На какую-то долю минуты, кажется, наступила полная тишина. Я посмотрела на него, он кивнул.

— Миссис Риверс? — спросил он снова.

И тогда Джентльмен нагнулся и схватил меня за руку. Я думала поначалу, что он хочет удержать меня на сиденье, но потом поняла, что он пытается спихнуть меня с него. Доктор схватил меня за другую руку. Вместе они подняли меня и

поставили на ноги. Я почувствовала под ногами ступеньки.

И сказала:

— Подождите! Что вы делаете? Что...

— Не надо сопротивляться, миссис Риверс, — уговаривал доктор. — Мы о вас позаботимся.

Он махнул рукой — доктор Грейвз и женщина подошли ближе.

Я сопротивлялась:

— Вам не я нужна! Что вы делаете? Какая я миссис Риверс?! Я Сьюзен Смит! Джентльмен! Джентльмен, объясните же им!

Доктор Кристи покачал головой.

— Все та же старая печальная история? — спросил он у Джентльмена.

Джентльмен молча кивнул, словно от горя не в силах был говорить. Если бы! Он отвернулся и снял с кареты одну сумку — одну из старых сумок, когда-то принадлежавших матери Мод. Доктор Кристи схватил меня крепче.

— Подумайте, — сказал он, — ну как вы можете быть Сьюзен Смит из Мейфэра, Бамс-стрит? Разве вам не известно, что нет такой улицы? Ну же, не притворяйтесь, вы и сами прекрасно все понимаете. И мы заставим вас признать это, пусть даже через год. Ну же, не крутитесь, миссис Риверс! Не

то испачкаете свое красивое платье.

Я силилась вырваться, хотя он держал меня железной хваткой. Но при этих его словах словно обмякла. Посмотрела на свой шелковый рукав, на свою руку, пополневшую и гладкую от плотной пищи, а потом — на сумку, лежащую у моих ног, на ней сияли медные буквы: одна «М», другая «Л».

И в ту же секунду я поняла наконец, какую гнусную шутку сыграл со мной Джентльмен.

Я взвыла.

— Ах ты грязная свинья! — вскричала я и снова попыталась вырваться, достать до него. — Мерзавец! О!

Он уже садился в карету, она накренилась. Доктор сильнее сжал мою руку, лицо его стало суровым.

— В моем доме нет места таким словам, миссис Риверс.

— Козел, — сказала я ему, — ты что, не видишь, что он делает? Не видишь, что это все обман? Это не я вам нужна, а...

Я тянула, он не отпускал; но теперь я смотрела не на него, а на покачивающуюся карету. Джентльмен откинулся назад, закрыв рукой лицо. Рядом с ним, располосованная светом из

занавешенного окна, сидела Мод. Лицо у нее было осунувшееся, волосы прилизаны. Платье на ней было старое, затрепанное, как у служанки. В широко распахнутых глазах ее стояли слезы. Но взгляд был тяжел. Тяжел, как мрамор, тяжел, как медь.

Тяжел, как жемчуг и как лежащая в нем песчинка.

Доктор Кристи перехватил мой взгляд.

— Ну, что вы там увидели? — спросил он. — Собственную горничную вы узнаете, надеюсь?

Я словно язык проглотила. А она... Она сказала дрожащим и каким-то не своим голосом:

— Бедная госпожа. О! У меня сердце разрывается!

Вы думали, она кроткая голубка. Какая, к черту, голубка! Эта сука знала все. С самого начала все знала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава седьмая

Начало я, пожалуй, помню хорошо. Это первая из моих ошибок.

Я представляю себе стол, склизкий от крови. Это кровь моей матери. Ее слишком много. Так много, что, кажется, она растекается вокруг, как чернила. Думаю, чтобы уберечь пол, женщины поставили фарфоровые плошки, так что промежутки молчания между криками моей матери заполняет кап-кап! кап-кап! — отчасти напоминающее тиканье часов. Помимо капели присутствуют и другие, идущие издалека, приглушенные звуки: визг сумасшедших, окрики и брань санитарок. Потому что это — сумасшедший дом. Моя мать — сумасшедшая. Ее привязали к столу ремнями, чтобы не свалилась на пол, еще один ремень оттягивает подбородок, чтобы она не прикусила язык, другой — фиксирует разведенные в стороны ноги, чтобы я могла беспрепятственно выскользнуть наружу. Когда я появляюсь на свет, ремни не снимают: женщины боятся, что она разорвет меня на клочки! Они кладут меня на нее, и губы мои сами находят

грудь. Я сосу молоко, и весь дом смолкает — вокруг меня тишина. Слышно только, как мерно падают капли — кап-кап! кап-кап! — биение, знаменующее первые минуты моей жизни, которые станут последними для нее. Потому что вскоре тиканье замедляется, капель становится реже. Грудь моей матери вздымается и опадает, снова вздымается — и потом опадает навсегда.

Я чувствую это и сильнее впиваюсь в грудь. Тогда женщины отрывают меня от нее. А когда я начинаю плакать, бьют меня.

Первые десять лет своей жизни я была общей дочерью санитарок. Думаю, они меня любили. Еще у них жила полосатая кошка, и, вероятно, я для них была таким же ручным существом, которое можно тискать и украшать ленточками. Я носила такое же пепельно-серое платье, как и у санитарок, только детское, а еще передник и чепец. Мне дали поясок со связкой игрушечных ключиков и называли меня «маленькая няня». На ночь они по очереди брали меня к себе в постель, а с утра я повторяла за ними все то, что полагается делать санитаркам дома для умалишенных. Дом был просторный — а мне казался просто огромным — и был разделен на две половины: одна для сумасшедших женщин, другая

для сумасшедших мужчин. Я видела только женщин. Меня они не пугали. Одни целовали меня и ласкали, как санитарки, некоторые гладили по голове и плакали. Вспоминали, глядя на меня, собственных дочек. Другие были буйные, и с ними меня научили обращаться запросто: мне сделали деревянную палочку, как раз по руке, чтобы я могла таких колотить, и когда я стояла перед ними и размахивала палочкой, санитарки покатывались со смеху.

Так я выучилась начаткам порядка и дисциплины и, само собой, обращению с безумными. Это мне пригодится впоследствии.

Когда я достигла разумного возраста, мне дали золотое кольцо, сказав, что это кольцо моего отца, и еще портрет дамы, якобы моей матери, и тогда я узнала, что я круглая сирота, но, поскольку я с рождения не знала родительской ласки — или, вернее, испытала на себе ласку нескольких матерей сразу, — весть эта сильно меня не огорчила. Думаю, санитарки одевали и кормили меня, потому что им так хотелось. Я была некрасива, но в отсутствие других детей вполне могла сойти и за красавицу. У меня был нежный певучий голос, и я хорошо разбирала буквы. И мне казалось, до самой смерти мне быть санитаркой и дразнить

сумасшедших.

Так все думают в девять или десять лет. Однажды, когда мне шел уже одиннадцатый, сестра-хозяйка вызвала меня в приемную. Я подумала, она хочет меня о чем-то попросить. Но я ошибалась. Она как-то странно встретила меня, смотрела куда-то в угол. Кроме нее в кабинете был еще один человек — джентльмен, сказала она, — но тогда это слово мне ровно ничего не говорило. Со временем я пойму его смысл.

— Подойди поближе, — попросила сестра-хозяйка.

Джентльмен наблюдает. Он в черном сюртуке и в черных шелковых перчатках. В руке — трость с набалдашником из слоновой кости, на нее он опирается, склоняясь, чтобы получше рассмотреть меня. Волосы у него черные, с проседью, щеки мертвенно-бледные, глаза прячутся за цветными стеклами очков. Нормальный ребенок в ужасе бы отшатнулся от него, но я не совсем обычный ребенок и никого не боюсь. Я подхожу к нему ближе. Он разлепляет губы, и я вижу его язык. Кончик языка черный.

— Такая маленькая, — говорит он, — а как топает! Как голос?

Собственный его голос низкий, и дрожащий, и

жалобный, как у привидения.

— Скажи что-нибудь джентльмену, — просит сестра-хозяйка. — Скажи, как поживаешь.

— Я поживаю хорошо, — отвечаю.

Может, я слишком громко это сказала. Джентльмен морщится.

— Ну ладно, — говорит он, поднимая голову. А потом: — Надеюсь, вы умеете говорить шепотом? Кивнуть можете?

Я киваю:

— Ну да.

— Надеюсь, вы умеете молчать?

— Умею.

— Тогда помолчите. Так-то лучше.

Он оборачивается к сестре-хозяйке:

— Я вижу, она носит миниатюру матери. Очень хорошо. Это будет напоминать ей о печальной участи родительницы и, может быть, послужит предостережением. Однако мне не нравятся ее губы. Слишком полные. Плохой знак. И сутулится к тому же. А ноги? Толстые мне не нужны. Зачем вы прячете ее ноги под длинной юбкой? Разве я об этом просил?

Сестра-хозяйка смущается:

— Женщинам интересно было, сэр, одевать ее так, как принято в этом доме.

— Разве я плачу вам для того, чтобы вы развлекали санитарок?

Он стучит палкой по ковру и двигает челюстями. Потом снова поворачивается ко мне, но обращается по-прежнему к ней.

Спрашивает:

— Хорошо ли она читает? У нее хороший почерк? Дайте ей текст, и пусть продемонстрирует.

Сестра-хозяйка дает мне в руки открытую Библию. Я читаю из нее отрывок, и опять джентльмен морщится.

— Потише! — велит он, и я начинаю читать вообще чуть слышно.

Потом он велит мне переписать отрывок, а сам смотрит, как я это делаю.

— Женский почерк, — говорит он, — но напоминает «антикву».

Тем не менее голос у него довольный.

Я тоже довольна. Мне показалось, что он увидел в моих буковках какую-то тыкву. О, как я потом жалела, что не писала каракулями и не заляпала ту бумагу чернилами! Красивый почерк меня и погубил. Джентльмен наклоняется ко мне, опираясь на палку, и за очками я вижу его глаза — маленькие, слезящиеся.

— Ну хорошо, — говорит он, — как вы смотрите

на то, чтобы пожить в моем доме? Закройте рот, кстати! Не хотите ли поехать со мной и научиться хорошим манерам и чистописанию?

Меня словно хлыстом ожгли.

— Нет, не хочу! — отвечаю не раздумывая.

— Мод, как не стыдно! — говорит сестра-хозяйка.

Джентльмен вздыхает.

— Наверное, — говорит он, — она и характером в мать. Зато такая же изящная ножка. Вы любите топать, мисс? У меня дом большой. Мы найдем для вас комнату, где вы сможете топать сколько угодно — подальше от моих ушей. И можете там устраивать истерики сколько вашей душеньке будет угодно, никто вам не помешает, но только тогда мы вас и кормить не будем, чтобы не помешать, и тогда вы умрете. Как вам это понравится, э?

Он встает и смахивает пыль с обшлагов сюртука, хотя никакой пыли на нем не видно. Дает приказания сестре-хозяйке и больше не удостаивает меня взглядом. Когда он уходит, я хватаю Библию, по которой читала, и швыряю ее на пол.

— Никуда я не поеду! — кричу я. — Он не смеет меня забирать!

Сестра-хозяйка тянет меня к себе. Мне не раз

приходилось видеть, как она берется за кнут, усмиряя строптивых безумцев, но теперь она плачет, как девочка, и, крепко прижав меня к своему переднику, рассказывает и рассказывает, какая жизнь меня ждет в доме моего дяди.

У некоторых людей есть фермеры, которые специально выращивают для них молочных телят. У моего дяди был дом с санитарками, которые специально выращивали меня. А теперь он хочет забрать меня домой и сделать из меня жаркое. И я должна теперь снять свое серенькое платье, бросить связку ключей и палку: он прислал экономку с новой одеждой, чтобы ему приятно было на меня поглядеть. Она принесла мне ботинки, шерстяные перчатки, платье с пышными рукавами — противное девчоночье платье, короткое, выше щиколотки, мертвой хваткой костяных пластин обхватившее мне спину и живот. Она затягивает тесемки, а когда я жалуюсь, что тесно, стягивает еще туже. Санитарки смотрят на нее и вздыхают. Когда наступает время прощаться, они все по очереди целуют меня и тут же отворачиваются. Потом одна из них быстро достает ножницы, подносит к моей голове и отрезает прядь волос, чтобы хранить в медальоне, а другие, глядя на нее, отщипывают у нее немножко,

остальные тоже хватают кто нож, кто ножницы и тоже отрезают по клочку, пока не общипывают чуть не до корней. Они ссорятся из-за добычи, как чайки, — от их перебранки сумасшедшие в соседних палатах впадают в истерику и начинают вопить. Служанка моего дяди, присланная за мной, уводит меня. У нее карета с кучером. Ворота сумасшедшего дома за нами закрываются.

— Надо же, растить дитя в таком доме! — ворчит она, утирая губы платком.

Я не заговариваю с ней. Новое платье сильно давит, так что приходится часто-часто дышать, верх ботинка режет ногу. Шерстяные перчатки колются — в конце концов я их сдергиваю.

Женщина, видя, как я срываю перчатки, миролюбиво говорит:

— Характер проявляете, да?

У нее с собой корзинка с вязаньем и кулек с едой. В нем хлеб, соль и три белых вареных яйца, вкрутую. Она катает их на коленях, чтобы скорлупа треснула. Белок внутри серый, желток сухой, как пыль. Я помню их запах. Третье яйцо она кладет мне на колени. Мне его есть не хочется, и я его не трогаю, в конце концов оно падает с колен и разбивается.

— Ну-ну, — говорит она и берет вязанье.

Потом голова ее свешивается на грудь — она засыпает. Я сижу, боясь шелохнуться, и злюсь про себя. Лошадь идет медленно, и поездка кажется долгой. Время от времени карета проезжает мимо деревьев. И тогда в стекле я вижу свое лицо, оно темное, как кровь.

Я не знала другого дома, кроме приюта для умалишенных, в котором родилась. Я привыкла к мрачной, угрюмой обстановке и к одиночеству, к гладким стенам, к окнам с решетками. Тишина в дядином доме поначалу пугает меня. Экипаж останавливается у двери, разделенной посередине на две огромные толстые створки — пока мы смотрим на них, они начинают рывками открываться. Человек, который их открывает, одет в черные шелковые панталоны, на голове у него какая-то чудная напудренная шапка.

— Это мистер Пей, управляющий имением вашего дяди, — объясняет мне женщина, наклоняясь к самому моему лицу.

Мистер Пей внимательно оглядывает меня, потом смотрит на нее. Думаю, она сделала ему знак глазами. Кучер спускает перед нами лесенку, но я не позволяю ему взять себя за руку, и, когда мистер Пей склоняется передо мной в поклоне, я думаю, он издевается — потому что много раз

видела, как санитарки со смехом раскланиваются перед сумасшедшими дамами. Он приглашает меня шагнуть за порог, в темноту, которая, кажется, вот-вот ухватит меня за пышное платье. Закрывает за нами дверь, и тьма становится беспросветной. Я вдруг словно оглохла — так бывает, когда вода заливает в уши. Это тишина — тишина, которую мой дядя бережно взрастил в своем доме, как другие взращивают виноградные лозы и зеленые вьюнки.

Женщина ведет меня вверх по лестнице, а мистер Пей остается внизу и провожает нас взглядом. Некоторые ступеньки расшатаны, и ковер местами стерт до дыр, в новых ботинках идти непривычно, я спотыкаюсь и падаю.

— Вставайте, деточка, — говорит женщина и кладет мне руку на плечо, я ее не стряхиваю.

Так мы поднимаемся на два пролета. Чем выше мы поднимаемся, тем сильнее я волнуюсь. Потому что этот дом меня пугает: потолки здесь высокие, но стены не выкрашены одной краской, как в сумасшедшем доме, а увешаны портретами, щитами и ржавыми мечами, а в рамках и под стеклом — разные диковинные звери. Лестница закручивается вокруг себя, образуя над холлом галерею, на каждом новом повороте — новый

коридор. В сумрачных проемах коридора, затаившись в полумраке, как бледные личинки в сотах, стоят слуги — вышли поглазеть на меня.

Вообще-то я ведь еще не знаю, что это слуги. Я вижу передники и думаю, что это санитары. Мне представляется, что за сумрачными проемами коридора — палаты с тихими больными.

— Чего они пялятся? — спрашиваю я у женщины.

— Просто хотят на вас посмотреть, — отвечает она. — Хотят убедиться, что вы такая же красавица, как ваша матушка.

— У меня двадцать мам, — отвечаю я, — и я красивее их всех!

Женщина останавливается перед одной из дверей.

— Красавицы разные бывают, — говорит она. — Я имею в виду вашу родную матушку, покойницу. Это ведь были ее комнаты, а теперь они ваши.

Она открывает дверь и ведет меня в гостиную, а потом в спальню, что к ней примыкает. Стекла окон дрожат, словно кто-то невидимый стучит по ним кулаками. В этих комнатах холодно даже летом, а сейчас ведь зима. Я иду к камину, где теплится огонь, — я еще мала и не вижу своего лица в зеркале, что висит над камином, — стою,

дрожу и пытаюсь согреться.

— Лучше бы не снимали варежек-то, — причитает женщина, глядя, как я дышу на ладони. — Теперь они достанутся дочери Уильяма Инкера.

Она снимает с меня плащ, потом распускает ленты в моих волосах и расчесывает щербатым гребнем.

— Дергайтесь сколько хотите, — предупреждает она. — Больно-то будет вам, а не мне. Ой, что они сделали с вашей головой! Словно дикари какие. Ну как вас причесывать после этого, даже не знаю. Гляньте-ка сюда. — Она наклоняется и запускает руку под кровать. — Надо убедиться, умеете ли вы пользоваться горшком. Давайте, нечего стесняться. Думаете, я не видала, как девочки задирают подол и писают?

Она наблюдает за мной, скрестив на груди руки, а потом, намочив тряпицу, протирает мне лицо и руки.

— Я видела еще, как прислуживают вашей матушке, когда была у них горничной. Она казалась намного покладистее, чем вы. Разве вас не учили хорошим манерам в этом вашем доме?

Жаль, что у меня больше нет деревянной палки: я бы ей показала хорошие манеры! Но я

наблюдала за сумасшедшими и знала, что можно сопротивляться и по-другому — нужно застыть, и все. В конце концов она отходит на шаг, потирая руки.

— Боже мой, что за ребенок! Надеюсь, ваш дядюшка не зря забрал вас. Он думает сделать из вас настоящую леди.

— А я не хочу быть леди! — возражаю я. — И дядя меня не заставит.

— Осмелюсь сказать, что в своем собственном доме он может сделать все, что ему будет угодно, — отвечает она. — Ну вот, нам пора. Из-за вас мы опаздываем.

Послышался приглушенный звон — колокол звякнул три раза. Это часы бьют. Но я воспринимаю бой как сигнал приниматься за дела, потому что вся моя прежняя жизнь прошла под такой же перезвон: у нас в сумасшедшем доме это означало, что больным пора вставать, умываться, молиться и идти на обед. «Ну вот, теперь я их увижу!» — радуюсь я, но, когда мы выходим из комнаты, дом все так же тих и спокоен, как прежде. Даже любопытные слуги удалились. И снова ботинки мои стучат по коврам.

— Ступайте потише! — шепчет женщина и щиплет меня за локоть. — Вот, смотрите, это

комната вашего дядюшки.

Она стучится, потом подталкивает меня к двери. Много лет назад дядя велел закрасить краской окна, и зимнее солнце, пробиваясь сквозь стекла, делает комнату весьма причудливой. Стены темны от книг, они стоят плотно, корешок к корешку. Я думаю, что это такая резьба — для украшения. Я знаю лишь две книги, одна из них черная, с истертым переплетом: Библия. Другая — сборник гимнов, считающаяся полезной для душевнобольных, и эта книга розовая. Мне кажется, все, что напечатано на бумаге, истинная правда.

Женщина усаживает меня у самой двери и встает за моей спиной, схватив за плечи, как хищная птица. Мужчина, которого они называют моим дядей, поднимается из-за письменного стола — весь стол завален кучей бумаг. На голове у него бархатная шапочка с болтающейся кисточкой. На носу — очки с темными стеклами, но уже другими, попрозрачней.

— Итак, мисс, — говорит он, делая шаг ко мне.

Женщина приседает в поклоне.

— Как вам ее характер, миссис Стайлз? — спрашивает он ее.

— Неважный, сэр.

— Я и сам вижу, по глазам. А где ее перчатки?

— Она их выкинула, сэр. Не желает надевать.

Мой дядя подходит ближе.

— Плохое начало. Дайте мне руку, Мод.

Я не даю. Тогда женщина хватает мою руку и поднимает вверх. Рука у меня маленькая, пухлая. В сумасшедшем доме я мылась тем мылом, какое там давали, — едким. Ногти мои грязны. Дядя берет меня за кончики пальцев. У него у самого на руке два-три чернильных пятна. Он качает головой.

— Итак, если бы мне нужны были отпечатки грубых грязных пальцев на моих страницах, — говорит он, — я бы попросил миссис Стайлз привезти мне санитарку. Я бы не выдал ей перчаток, чтобы руки были понежней. А ваши ручки должны быть нежными. Смотрите, как мы сделаем их нежными, чтобы они впредь не выбрасывали перчаточки...

Он засовывает руку в карман своего балахона и извлекает оттуда — ну, вы знаете такую вещь, ею пользуются все книжные люди — ряд металлических бусин, плотно обмотанных шелком, этим приспособлением придерживают страницы, чтобы не разлетались. Он связывает бусы в петлю, взвешивает на ладони, а потом с размаху хлещет ими прямо по протянутой руке. Потом,

с помощью миссис Стайлз, проделывает то же с другой моей пухлой ручкой.

Бусины бьют больно, как хлыст, но благодаря шелку кожа не рвется. При первом ударе я взвыла, как собака, — от боли, от злости и просто от неожиданности. Потом миссис Стайлз отпускает меня, и я плачу, прижимая пальцы к губам.

Дядя недовольно морщится от моего рева. Кладет бусы в карман и зажимает уши руками.

— Тише, тише, девочка! — говорит он.

Я сотрясаюсь от рыданий и не могу успокоиться. Миссис Стайлз щиплет меня за плечо, от этого я реву еще громче. Тогда дядя снова вынимает бусы, и я наконец умолкаю.

— Надеюсь, впредь, — тихо произносит он, — вы не забудете про перчатки?

Я мотаю головой. Он расплывается в улыбке. Смотрит на миссис Стайлз.

— Проследите, чтобы моя племянница помнила о своих обязанностях. Я хочу, чтобы она была поспокойнее. Мне не нужны тут припадки. Очень хорошо. — Он машет рукой. — А теперь оставьте нас наедине. Но не уходите далеко, прошу вас! Вы можете быть полезны, если она опять начнет упрямиться.

Миссис Стайлз кланяется и — делая вид, что

выправляет мне плечи, чтоб я не сутулилась, — снова больно щиплет. Окно кабинета то вспыхивает ярко, то гаснет, то снова вспыхивает — ветер гонит тучи и заслоняет солнце.

— А теперь, — говорит дядя, когда экономка выходит, — знаете ли вы или не знаете, для чего я привез вас сюда?

Я вытираю нос покрасневшими пальцами.

— Чтобы сделать из меня леди.

Кажется, ему смешно.

— Сделать из вас секретаря. Что вы видите здесь, вдоль этих стен?

— Дерево, сэр.

— Книги, деточка, — говорит он.

Подходит, вынимает одну и раскрывает. Она в черном переплете — Библия, соображаю я. А остальные, значит, гимны. Я допускаю, что сборники гимнов, в конце концов, бывают в разных переплетах — может, специально для людей с разными видами безумия. Наверное, это ученые так порешили.

Дядя мой держит книгу у груди и нежно похлопывает по корешку.

— Можете прочесть название, деточка? Ни шагу вперед! Я просил читать, а не прыгать!

Но книга слишком далеко от меня. Я мотаю

головой и чувствую, что вот-вот опять заплачу.

— Ха! — кричит дядя, видя, что я расстроена.— Я так и знал, что не прочтете! Посмотрите под ноги, мисс, на пол. Под ноги! Дальше! Видите руку рядом с вашим ботинком? Ее по моему приказанию положили—я специально проконсультировался с окулистом, это глазной врач. Здесь не обычные книги, Мод, не для посторонних глаз. И если только я увижу, что вы переступили через этот указательный палец, я поступлю с вами так же, как и с любым из слуг этого дома, сделай он такое, — я буду хлестать вас по глазам, до крови! Эта рука указует границу невинности. Вы переступите через нее в свое время. Но лишь когда я скажу и когда сами вы будете готовы. Вы меня понимаете?

Я не поняла. Разве можно такое понять? Но я привыкла быть осторожной и потому киваю, что, мол, да, поняла. Он ставит книгу на место, любовно поглаживает корешок, подправляет.

Переплет богатый, и — со временем я это узнаю — книга эта из самых его любимых. Называется она...

Но я забегаю вперед, за границу моей невинности, в данный момент я все еще в полном неведении.

После своей речи дядя, кажется, забывает о моем присутствии. Я стою так еще с четверть часа, он наконец поднимает голову, замечает меня и машет рукой: иди, мол. Мне не сразу удается справиться с металлической дверной ручкой, он морщится от скрипа, и, когда я закрываю за собой дверь, миссис Стайлз бросается ко мне и уводит наверх.

— Должно быть, вы хотите есть, — говорит она на ходу. — Маленькие девочки всегда хотят есть. Думаю, сейчас вы были бы рады белому яичку.

Я голодна, но не хочу в этом признаваться. Она звонит в колокольчик, и приходит девушка и приносит печенье и стакан сладкого красного вина. Ставит это передо мной и улыбается. Но от этой ее улыбки мне становится так тошно — лучше бы меня ударили, что ли. Я боюсь заплакать. Глотая слезы, вгрызаюсь в печенье, а миссис Стайлз с девушкой стоят рядом, поглядывают на меня и шепчутся. Потом уходят, и я остаюсь одна. В комнате становится темно. Я ложусь на диван, кладу голову на подушку и красными от побоев руками натягиваю вместо одеяла плащ. От вина меня клонит в сон. Когда я снова открываю глаза, по комнате мечутся тени — это миссис Стайлз стоит в дверях, она принесла лампу. Я просыпа-

юсь от страха, мне кажется, что прошло много времени. Только что отзвонили часы. Сейчас, наверное, семь часов вечера или даже восемь.

Я говорю:

— Я бы хотела поехать домой, если вы не возражаете.

Миссис Стайлз смеется:

— Вы имеете в виду то место, где эти грубиянки? Тоже мне, дом называется!

— Мне кажется, они по мне соскучились.

— А мне кажется, они рады были избавиться от такой противной маленькой девочки, как вы. Идите сюда. Вам пора в постель.

Она поднимает меня с дивана и начинает развязывать тесемки на платье. Я вырываюсь, лягаю ее. Она хватает меня за руку и выкручивает.

Я пищу:

— Вы не имеете права мучить меня! Вы мне никто! У меня есть мамы, они меня любят!

— Вот ваша мама. — Она тычет в портрет на моей шее. — Другой мамы тут нет и не будет. Скажите спасибо, что хоть портрет у вас есть. А теперь стойте смирно. Вам обязательно надо это носить, иначе у вас не будет фигуры как у леди.

Она снимает с меня жесткое платье с пышными рукавами и нижнее белье тоже. И затягивает в

девчоночий корсет, который жмет хуже платья. Поверх него накидывает ночную рубашку. На руки натягивает пару белых лайковых перчаток, застегивает их на запястьях. Теперь только ноги у меня остались голые. Я бросаюсь на диван и дрыгаю ногами. Она хватает меня и трясет, потом отпускает.

— Слушайте! — Все лицо ее в красных пятнах, она жарко дышит мне в ухо. — У меня была когда-то дочка, она умерла. У нее были чудные черные кудри и ангельский характер. Почему девочка с черными кудрями и с ангельским характером должна была умереть, а такая мерзкая белобрысая живет и здравствует, этого мне знать не дано. Почему ваша мать, при всем своем богатстве, оказалась дрянью и умерла, а я должна жить и холить ваши ручки и смотреть, как вы превращаетесь в леди, — это для меня загадка. Плачьте, раз вам так хочется. У меня каменное сердце, и вам меня не разжалобить.

Она волочет меня в спальню, я карабкаюсь на большую, высокую, пыльную кровать, она задергивает полог. Рядом с камином есть еще одна дверь: она говорит мне, что за ней другая комната и что там спит злая девушка. У нее чуткий сон, и, если я не буду лежать тихо и хорошо себя вести,

она услышит, и тогда мне не поздоровится.

— А теперь помолитесь, — говорит она, — и попросите Отца Нашего Небесного простить вас.

И уходит, забрав с собой лампу, и я остаюсь в кромешной тьме.

По-моему, что для ребенка самое страшное — это оказаться в темноте; даже сейчас я в этом уверена.

Я лежу на кровати, несчастная и запуганная, и напрягаю слух: мне холодно, голодно, я очень устала и измучена, а вокруг темно, хоть глаз выколи. Даже с закрытыми глазами не так темно. Корсет давит. Обтянутые лайковыми перчатками побитые пальцы невыносимо болят. Время от времени часы оживают, и слышится звон — и я утешаюсь одной лишь единственной мыслью, что где-то по этому дому бродят сумасшедшие, а с ними — бдительные санитарки. «Что это за место такое чудное, куда я попала? — удивляюсь я. — Может, у них так заведено, чтобы сумасшедшие свободно ходили всюду, и, может, какая-нибудь из них по ошибке забредет ко мне в комнату? А может, и та самая злючка из соседней комнаты тоже сумасшедшая — вот выйдет, схватит меня цепкой рукой и задушит!» А подумав так, я начинаю различать приглушенные звуки, они

все ближе — так близко, что просто не верится! — и представляю, как к кровати моей незаметно подкрадываются смутные тени, прижимаются лицами к матерчатому пологу, шарят, шарят своими руками по ткани. Я плачу. Из-за корсета плакать неудобно. Я пытаюсь затаиться, чтобы сумасшедшие не догадались, что я здесь, но чем сильнее я сдерживаюсь, тем труднее удержать рыдания. Какая-то мошка чиркает крылом по щеке, я думаю: вот тянется рука, чтобы меня задушить, — и отчаянно верещу.

Слышится звук открываемой двери, из-за щелей в пологе пробивается слабый свет. Появляется лицо, склоняется ко мне — доброе лицо, это вовсе не сумасшедшая, это девушка, что накануне приносила мне печенье со сладким вином. На ней ночная сорочка, волосы распущены.

— Ну-ну,— ласково говорит она.

Так она не злая! Она гладит меня по голове, проводит ладонью по щеке, и я умолкаю. Но слезы все равно льются, хотя плакать мне уже не хочется. Я говорю, что испугалась сумасшедших, она смеется.

— Нет здесь никаких сумасшедших, — говорит она. — Это вы старое вспоминаете. Ну-ка, разве вы не рады, что попали сюда?

Я мотаю головой.

— Это с непривычки. Скоро вы здесь освоитесь, и все будет хорошо.

Девушка отворачивается и хочет унести свечу. Заметив это, я снова начинаю плакать.

— Засыпайте скорей, вам давно пора спать! — говорит она.

Я отвечаю, что боюсь темноты. Что боюсь спать одна. Она стоит в нерешительности — может, вспомнила про миссис Стайлз. Но я прошу ее не уходить: моя постель ведь, наверное, мягче, к тому же сейчас зима и жутко холодно. В конце концов она говорит, что полежит рядом, пока я не засну. Задувает свечу, и дымок растворяется в темноте.

Она говорит, что зовут ее Барбара. Я устраиваюсь у нее на плече.

— Правда же, здесь лучше, чем в вашем прежнем доме? Неужели вам здесь не нравится?

Я отвечаю, что понравилось бы, если бы она лежала со мной каждую ночь, и тогда она снова смеется, потом устраивается поудобнее на мягкой рыхлой перине.

Она сразу же засыпает и спит крепко, как и все горничные. От нее пахнет фиалковым кремом. На сорочке у нее, на самой груди, ленты, я на-

шариваю их перчаточной рукой и не отпускаю — жду, когда наконец меня сморит сон: как будто это спасительные тросы, что не дадут мне окончательно провалиться в зияющую черноту.

Я рассказываю все это лишь для того, чтобы вы поняли, отчего я стала такой, какая есть.

На другой день меня не выпускают из комнат — приучают к шитью. И тогда я забываю про ночные страхи. В перчатках работать неловко, я вся искололась иголкой.

— Не хочу и не буду! — заявляю я и разрываю шитье.

Миссис Стайлз меня бьет. Но на мне жесткое платье и корсет, так что она всю руку об меня отбила. Ну вот, хоть какая-то радость.

Меня здесь часто бьют — поначалу. Как же иначе? Я привыкла к шуму и гаму, привыкла всегда быть на виду — шутка ли, двадцать нянюшек на одну! — тишина и размеренность этого дома пугают меня до дрожи, и я начинаю сопротивляться. Мне кажется, характер у меня от природы покладистый, это обстоятельства меня испортили. Я швыряю об пол чашки и блюдца. Падаю на пол и дрыгаю ногами — ботинки разлетаются по углам. Или принимаюсь визжать до хрипоты. За это ме-

ня, конечно, наказывают, и каждый раз суровее прежнего. Мне скручивают руки и завязывают платком рот. Запирают в пустой комнате или заталкивают в чулан. Однажды — после того как я опрокинула свечу и занялась бахрома на кресле — мистер Пей схватил меня в охапку и понес по узкой парковой дорожке к леднику. Я почему-то совсем не помню холода. Меня удивляют серые глыбы льда — наверное, я ожидала, что они будут прозрачными, как хрусталь, — и то, как они мерно потрескивают в звенящей тишине, словно тикает множество часов. Тиканье продолжается часа три. Когда миссис Стайлз приходит наконец за мной, я лежу, свернувшись в клубок, и едва могу пошевелиться, словно меня опоили.

Думаю, она испугалась. Она берет меня на руки и тайком, по черной лестнице, несет в дом, и они с Барбарой принимаются изо всех сил растирать мне руки спиртом.

— Если она, не дай бог, отморозила пальцы, он нам этого не простит!

Видели бы вы ее лицо! Я еще день или два после жалуюсь на то, что пальцы онемели и болят, — и мне доставляет тайную радость видеть, как она трепещет. Потом по забывчивости я ущипнула ее — она поняла, что все в порядке, и вновь стала

меня наказывать.

Так проходит примерно месяц, хотя в детстве время тянется очень долго. Дядя мой все ждет, когда же меня наконец обуздают — так лошадь приучают к упряжи. Время от времени миссис Стайлз приводит меня к нему в библиотеку, и он спрашивает о моих успехах.

— Как всегда плохо, сэр, — отвечает она.

— Все упрямится?

— Упрямится не знаю как.

— А бить пробовали?

Она кивает. Он отсылает нас.

Потом — новые выходки, новые крики и слезы.

Вечером Барбара укоризненно качает головой:

— Разве можно быть такой вредной! Миссис Стайлз говорит, вы сущая дикарка. Никого не слушаетесь!

Я слушалась — в прежнем своем доме, и вот как меня за это отблагодарили! На другое утро я переворачиваю вверх дном ночной горшок и подошвами размазываю его содержимое по ковру. Миссис Стайлз заламывает руки и истошно вопит, потом наотмашь бьет меня по лицу. И, как есть, неприбранную и нечесаную, тащит из спальни к дяде.

Он при виде нас морщится.

— Боже мой, что еще?

— Страшно сказать, сэр.

— Опять характер показывает? И вы привели ее сюда, где хранятся книги, чтобы она тут еще покричала?

Но все же выслушивает ее, искоса поглядывая на меня. Я стою не шелохнувшись, прикрыв ладонями горящие щеки, спутанные волосы разметались по плечам.

В конце концов он снимает очки и закрывает глаза. Мне непривычно видеть его без очков: словно он оголил стыдную часть тела. Веки у него дряблые. Он поднимает руку и двумя пальцами — большим и указательным — чешет переносицу.

— Итак, Мод, — говорит он при этом, — дела наши плохи. Вот миссис Стайлз, и я, и все, кто мне служит, — все мы только и ждем, когда вы образумитесь и научитесь хорошо себя вести. Забирая вас у сестер, я был лучшего мнения о вашем воспитании. Я надеялся, что вы будете посговорчивей.

Он подходит ко мне, щурясь, и дотрагивается до моего лица.

— Не дергайтесь, деточка! Я всего лишь щупаю вашу щеку. Она горячая. Ну да у миссис Стайлз и

рука не маленькая.

Он оглядывается вокруг.

— Что тут у нас есть холодненького?

Находит латунный нож с затупленным лезвием — для разрезания страниц. Он берет его и подносит лезвие прямо к моему лицу. Он очень ласков сейчас, и это меня пугает. Он чуть не воркует.

— Мне очень жаль, что вас побили. Правда жаль. Думаете, мне доставляет удовольствие смотреть на ваши муки? Да ничего подобного! Наоборот, это вам, должно быть, доставляет удовольствие, раз сами напрашиваетесь. Думаю, вам нравится, когда вас бьют... Так-то получше, да?

И он поворачивает лезвие. Я холодею. Голые руки мои немеют

Он поджимает губы.

— Все мы ждем, — повторяет он, — когда вы научитесь хорошо себя вести. Что-что, а ждать мы умеем. И будем ждать, и ждать, и ждать. За это я и плачу миссис Стайлз и всем моим слугам: я человек ученый, и терпения мне не занимать. Оглянитесь вокруг — сколько я собрал книг! Думаете, нетерпеливому человеку по силам такое? Нет, книги мои идут ко мне долго, и каждую из них нелегко заприметить, а уж тем более добыть! И куда как менее ценный экземпляр по сравне-

нию с вами — я могу ждать неделями!

Он смеется сухим натужным смехом. Упирает кончик ножа мне под подбородок. Потом запрокидывает мне голову и роняет нож. Отходит. Заправляет за уши дужки очков.

— Настоятельно советую вам, миссис Стайлз, высечь ее, — говорит он, — если она опять примется за старое.

Может, дети и вправду как лошади и их можно объездить. Дядя мой возвращается к своей груде бумаг, мы уходим. Я послушно сажусь за шитье. И вовсе не из-за того, что меня грозились высечь. Просто жизнь научила меня, какая страшная вещь — терпение. А терпение безумцев тем более. Я видела, как сумасшедшие делают одну и ту же нескончаемую работу — пересыпают песок из одной худой чашки в другую, пересчитывают стежки на залатанном платье или считают пылинки в луче света, вписывая полученные суммы в невидимые счета. Если бы это были джентльмены, притом богатые, а не женщины, тогда бы их можно было принять за ученых или каких-нибудь начальников... Ну, не знаю. Но, конечно, подобные мысли пришли ко мне много позже, когда маниакальная страсть моего дяди открылась мне в полной мере. А тогда я видела

лишь то, что лежало на поверхности. Но понимала, что за всем этим кроется что-то страшное, о чем и сказать нельзя, — и самым естественным выражением этого таинственного была для меня темнота и тишина, заполняющая дядин дом, подобно воде или воску.

Если я буду сопротивляться, оно затянет меня в себя, и я утону.

А этого мне совсем не хочется.

И я прекратила сопротивляться, и вязкий, неторопливый круговорот подхватил меня и понес.

И это, полагаю, был первый день моего обучения. На другой день, в восемь утра, начались мои настоящие уроки. У меня не было гувернантки: дядя сам взялся обучать меня. Мистер Пей поставил для меня письменный стол и табуретку у самого указующего перста на полу библиотеки. Табуретка была для меня высока: ноги болтались и от тяжелых ботинок все время затекали. Но стоило мне шевельнуться — кашлянуть, скажем, или чихнуть, — как дядя подходил и бил меня по пальцам шелковой связкой железных бус. Таким вот странным образом проявлялось его терпение: оно могло лопнуть в любой момент, и хоть он и заявлял о том, что не желает причинять мне боль, бил меня довольно часто.

В библиотеке теплее, чем в моей комнате, — там сильнее топят, чтобы книги не отсырели, к тому же мне больше нравится писать, нежели шить. Он дает мне карандаш с мягким грифелем, который неслышно скользит по бумаге, передо мной настольная лампа с зеленым абажуром, чтобы не утомлять глаз.

От лампы, когда она раскалится, сильно пахнет спекшейся пылью: странный запах — как же он стал мне потом ненавистен! Для меня это запах прощания с детством.

Работа у меня кропотливая, требующая сосредоточенности, и заключается в переписывании текстов из старинных книг. У меня для этого специальный альбом, переплетенный в темную кожу. Альбом довольно тонкий, и, когда я исписываю последнюю страницу, мне приходится все стирать куском гуммиарабика. Это задание я помню почему-то лучше, чем само переписывание: страницы от частого стирания пачкаются и истираются, а дядя мой — натура утонченная, видеть пятно на странице или слышать, как рвется бумага, для него — как нож острый. Говорят, маленькие дети обычно боятся привидений, я же в детстве больше всего боялась увидеть плохо стертые следы давешнего урока.

Это я так называю их — уроки, но меня не учат, как других девочек. Я учусь читать вслух, ясно и четко, петь меня не учили. Меня не учили, как называются цветы или птицы, вместо этого я узнаю, как называется материал, из которого делают переплеты: сафьян, юфть, телячья кожа, шагрень, — и какая бывает бумага: голландская, китайская, рисовая японская, мраморная, веленевая, шелк. Я изучаю, какие бывают чернила, как можно по-разному заточить перо, как пользоваться угольным порошком, какие бывают шрифты и начертания: гротесковый, египетский, цицеро, антиква, изумруд, рубин, жемчуг... Так ведь еще называются драгоценные камни. Только это вранье. Потому что буквы унылые и тусклые, как угли в прогоревшем камине.

Но я легко схватываю. Наступает весна. И я получаю подарки: новые перчатки, мягкие домашние туфли и платье — такое же жесткое, как и предыдущее, но на сей раз из бархата. Мне дозволено теперь ужинать в столовой, я сижу с краю большого дубового стола с серебряными приборами. Дядя мой сидит с другого края. Рядом с его прибором стоит подставка для книг, и он почти не разговаривает, но если я по неловкости случайно уроню вилку или нож мой случайно

звякнет о тарелку, дядя мгновенно поднимает голову и уставляет в меня злобный, подернутый слезой глаз.

— Что, руки не держат, Мод, что вы так громыхаете?

Однажды я попыталась оправдаться.

— Нож слишком большой и тяжелый, дядя, — говорю я с вызовом.

И тогда он отбирает его у меня, и мне приходится есть руками. Поскольку дядя любит все мясное, с кровью: запеченное мясо, сердце, телячьи ножки, — перчатки мои из нежной лайки становятся красными, словно в память о том, кем они были прежде. И есть мне уже совсем не хочется. Остается пить вино. Мне подают хрустальный бокал с гравировкой в виде буквы «М». Серебряное кольцо для моей салфетки украшено такой же черненой буквой. Это для того, чтобы я помнила — нет, не о том, как меня зовут, а о том, как звали мою мать: ее звали Марианна.

Ее похоронили в отдаленном углу обширного парка, там среди множества белых плит есть и ее одинокая — серая — плита. Меня отвели раз посмотреть на плиту и показали, как ухаживать за могилой.

— Хоть за это скажите спасибо, — говорит мис-

сис Стайлз, глядя, как я подрезаю кладбищенскую траву. Она стоит поодаль, сложив руки на груди. — А кто присмотрит за моей-то могилкой? Меня и забудут все.

Муж ее умер. Сын в дальнем плавании, он моряк. Она собрала все вьющиеся локоны своей умершей дочери и выложила из них узоры. Она причесывает меня так, словно на голове у меня шипы и, того и гляди, уколют. Чего мне, кстати сказать, очень бы хотелось. Думаю, временами ей жаль, что она не может меня выпороть. Она может только больно щипать меня до синяков. Моя сговорчивость злит ее еще больше, чем упорство, я замечаю это и становлюсь сама кротость — я знаю, что она скорбит об умершей дочери, и специально поддразниваю ее, чтобы ей было больнее. И она не может удержаться и щиплет меня, но не больно — или начинает браниться, что меня даже радует: удалось-таки разбередить рану! Иногда я вожу ее к надгробиям и начинаю — притворно — тяжко вздыхать над материнской могилой. Со временем — такая я коварная! — я узнаю, как звали ее покойную дочь, и когда кошка, живущая при кухне, окотилась, беру себе одного котеночка и называю тем же именем. Как же громко я начинаю кричать, если знаю, что

миссис Стайлз где-то поблизости: «Полли! Полли! Иди сюда, деточка! Ой, какая ты миленькая! Какая черненькая! Какая пушистенькая! Иди ко мне, поцелуй мамочку».

Теперь вы видите, что сделали из меня обстоятельства?

Миссис Стайлз от этих моих слов передергивает. Наконец, не в силах этого вынести, она зовет Барбару:

— Возьмите это грязное животное, и пусть Уильям Инкер его утопит!

А я убегаю и забиваюсь в темный угол. Я думаю об утраченном доме, о санитарках, которые любили меня, и слезы сами подступают к глазам.

— Барбара, прошу вас! — кричу я. — Правда ведь, вы не сделаете этого! Правда ведь, не сделаете?!

Барбара говорит: ни за что. Миссис Стайлз прогоняет ее с глаз долой.

— Ах вы злая, хитрая девочка! Уж не думаете ли вы, что Барбара ничего не знает? Думаете, она не видит вас насквозь, не видит все ваши уловки?

Но потом сама же плачет, громко, навзрыд. А я, смахнув свою последнюю слезинку, с любопытством за ней наблюдаю. Потому что — кто она мне? И есть ли у меня вообще кто-нибудь? Прежде

я надеялась, что мои мамы, санитарки, пошлют кого-нибудь за мной и выручат меня из беды, но прошло полгода и еще полгода, и никто за мной не пришел. Они меня забыли, уверяют меня.

— Надеетесь, что они о вас помнят? — говорит миссис Стайлз и усмехается. — Да наверняка вместо вас в сумасшедший дом привезли другую девочку, получше. Думаю, они рады, что от вас избавились.

Не сразу, конечно, а со временем я начинаю ей верить. И сама начинаю забывать. Мою прежнюю жизнь постепенно заслоняет новая — хотя старая все же порой напоминает о себе слабыми воспоминаниями и полузабытыми снами, подобно тому как кошмарные видения плохо стертых уроков настигают меня сейчас, когда я склоняюсь над своей рукописью.

Свою родную мать я ненавижу. Разве не она бросила меня раньше других? У меня в деревянной шкатулке, рядом с кроватью, хранится ее портрет в золотой оправе, но бледное правильное лицо ничего мне не говорит, со временем оно начинает казаться мне отвратительным.

— А теперь поцелую мамочку перед сном, — говорю я однажды, открывая шкатулку.

Но все это лишь для того, чтобы позлить миссис

Стайлз. Подношу портрет к губам — я знаю, что она наблюдает за мной и думает, я тоскую, а сама шепчу: «Ненавижу тебя!» — и золото мутнеет от моего дыхания.

Я проделываю это один раз, и на другой день снова, и в конце концов каждый вечер, едва пробьет назначенный час, я вынуждена повторять ту же сцену, иначе, я знаю, мне не удастся заснуть. Потом я должна бережно положить портрет на место, чтобы не запачкать ленточку. Если рамка заденет за бархатную подстилку шкатулки, придется вынуть его и постараться положить поаккуратнее.

Миссис Стайлз с настороженным любопытством следит за моими действиями. Потом я ложусь и жду, когда придет Барбара.

Тем временем дядя наблюдает за моей работой и находит, что в письме и чтении вслух я делаю заметные успехи. Прежде он привык иногда собирать у себя в «Терновнике» общество джентльменов — вот и сейчас он позвал меня, чтобы я им почитала. Я читаю какие-то тарабарские тексты, совершенно не понимая смысла слов, и джентльмены — совсем как миссис Стайлз — странно смотрят на меня. Потом я к этому привыкну. Закончив чтение, я, по наущению

дяди, делаю реверанс. Я хорошо умею делать реверанс. Джентльмены хлопают в ладоши, потом подходят пожать или погладить мою руку. Они говорят мне: я редкостная, таких, как я, больше нет. Я начинаю думать, что я одаренное дитя, и под их взглядами густо краснею.

Так белые цветы краснеют, прежде чем упасть. В один прекрасный день, войдя в дядину библиотеку, я замечаю, что письменный стол мой унесли, а для меня приготовили место рядом с книгами. Дядя видит мое замешательство и подзывает меня к себе.

— Снимите-ка перчатки, — говорит он.

Я снимаю — и до чего же странными кажутся на ощупь хорошо знакомые вещи! День прохладный, солнце так и не проглянуло. Я живу в «Терновнике» уже два года. Лицо у меня круглое, как у ребенка, голос тонкий. И месячных недомоганий, как у женщин, пока не наблюдалось.

— Итак, Мод, — говорит мне дядя. — Сейчас вы переступите через сей медный перст и приблизитесь наконец к моим книгам. Пора вам узнать о своем истинном призвании. Боитесь?

— Немного, сэр.

— И очень хорошо. И правильно, что боитесь. Вы ведь считаете меня ученым, хм?

— Да, сэр.

— Ну так я больше чем ученый. Я хранитель ядов. Эти книги — посмотрите, посмотрите на них хорошенько! — это и есть мои яды. А это, — и он очень бережно положил руку на высокую кучу исписанных бумаг, захламлявших стол, — это Указатель. Он нужен для того, чтобы помочь другим собирателям и ученым в их трудном деле. Когда я его завершу, равного ему не будет во всем мире. Много лет я отдал его составлению и еще столько же отдам, если потребуется. Я так долго работал с ядами, что стал к ним невосприимчив, и моей задачей было сделать и вас такой же невосприимчивой, чтобы вы могли помогать мне в работе. Глаза мои — посмотрите мне в глаза, Мод... — Он снял свои очки и приблизил ко мне свое лицо, и опять, как когда-то, мне сделалось неловко: лицо его стало без очков таким беззащитным, таким беспомощным, — но только теперь я увидела то, что скрывали темные стекла: белесую мутную пленку на поверхности глаза. — Я стал плохо видеть, Мод, — сказал он, вновь водружая на нос очки. — Ваши глазки помогут мне сберечь свои. Ваша рука будет вместо моей. Потому что вы пришли сюда с незащищенной рукой, в то время как в обычном мире — в том ми-

ре, который находится за пределами этой залы, — люди, имеющие дело с купоросом и мышьяком, обязаны надевать перчатки. Вы не такая, как они. Здесь ваше место. Я этого добился: по капле скармливал вам яд, по крупинке, по зернышку. А теперь пора принять дозу побольше.

Он поворачивается, берет с полки книгу и вручает ее мне.

— Храните знание в тайне. Помните, какая редкостная у нас работа. Человеку неподготовленному она может показаться странной. О вас могут плохо подумать, если вы расскажете. Вы меня понимаете? Я сделал так, что ваших губ уже коснулся яд. Запомните это.

Книга называется «Занавес поднимается, или Просвещение Лауры». Я сажусь на стул и открываю первую страницу. И наконец понимаю, что я такое читала и чему так аплодировали джентльмены.

В миру это называется удовольствиями. Мой дядя собирает их — сдувает пыль, расставляет на книжных полках, стережет. Но хранит их как-то странно — не ради них самих, а невесть для чего, скорее как усладу для похотливого любопытства.

Я имею в виду — для похотливого любопытства библиофила.

— Посмотрите на это, Мод, — говорит он умильно, отодвигая стеклянные дверцы шкафов и бережно оглаживая переплеты вынутых книг. — Вы обратили внимание, какая мраморная бумага, какой сафьян на корешке, какой золотой обрез? Полюбуйтесь, какое тиснение! — Он протягивает мне книгу, но из рук не выпускает и в конце концов ревниво прижимает к себе: — Нет, нет, не сейчас! А вот посмотрите-ка на этот экземпляр. Черные буквы, а заголовки, смотрите, выполнены красным. Какие изящные буквицы, какие широкие поля! Какая изысканность! А вот, поглядите-ка! Обычная ксилография, но гляньте-ка, гляньте на фронтиспис: дама откинулась на диване, рядом джентльмен, его уд обнажен и на конце розовеет — видите? — сделано по Борелю, очень редкий экземпляр. Еще в юности я купил его в Ливерпуле на развале, всего за шиллинг. А теперь не продам и за пятьдесят фунтов!.. Ну, что еще такое! — Он заметил, как я покраснела. — И нечего глазки опускать, как школьница! Не затем я привел вас в этот дом и раскрыл перед вами свою коллекцию, чтобы вы у меня стыдливо краснели! Хорошо, не будем об этом. Это ведь работа, не развлечение. Скоро вы забудете о содержании — ради совершенства формы.

Так говорил он мне, и не раз. Я ему не верила. Мне всего тринадцать. Книги на первых порах приводят меня в ужас: это ведь правда страшно, что дети, когда превращаются в мужчин и женщин, начинают делать такое, что там описано: вожделеть, думать о тайных местах тела — отростках и пещерках, биться в лихорадке, желая лишь одного: бесконечного слияния пылающей плоти. Я представила, как рот мой накрывают поцелуем. Как раздвигают ноги. Представила, как щупают и пронизывают... Как я уже сказала, мне тринадцать лет. И страх уступает место беспокойству: каждую ночь я лежу теперь рядом со спящей Барбарой, смотрю на нее и не могу заснуть, однажды поднимаю одеяло, чтобы увидеть, какая у нее грудь. Потом наблюдаю за ней, когда она моется и одевается. Ноги у нее — в дядиных книгах сказано, что они должны быть гладкие, как шелк, — ноги у нее все в черных волосках, а место между ними, которое, как я знаю, должно быть чистое и светлое, — вообще чернее всего. Это меня беспокоит. В конце концов однажды она застукала меня за подглядыванием.

— На что это вы так смотрите? — говорит она.

Я называю точным словом то, на что смотрю, и интересуюсь, почему она такая черная.

Она в ужасе отшатывается от меня. Щеки ее горят огнем.

— Не может быть! — кричит она. — Кто вас научил таким словам?

— Дядя, — честно отвечаю я.

— Вы лжете! Ваш дядя — джентльмен. Я все расскажу миссис Стайлз!

И рассказывает. Я жду, что миссис Стайлз побьет меня. Она же, как и Барбара, отшатывается. Но потом берет кусок мыла и, пока Барбара держит меня, засовывает мыло мне в рот, крепко прижимает, потом возит по языку и губам и приговаривает:

— Будете говорить бесовские слова? Грязные слова, как последняя потаскуха? Как ваша презренная мать? Будете? Будете?

Я падаю, а она стоит и судорожно трет руки о передник. С этой ночи она следит, чтобы Барбара спала в своей собственной постели, держала дверь между нами приоткрытой и гасила лампу.

И слышу, как однажды она говорит:

— Слава богу, она в перчатках. Может, хоть это ее удержит от дальнейших проказ...

Я отмываю рот от мыла, пока на языке не выступает кровь, и плачу, но все равно чувствую привкус лаванды. И думаю: «А что, может, и

впрямь губы мои отравлены».

Но вскоре я забываю об этом. Лобок мой становится таким же темным, как у Барбары, и я понимаю, что в дядиных книгах полно обмана: напрасно я им так доверяла. Кровь уже не бросается мне в голову, щеки не горят, руки не дрожат. Книги вызывают теперь во мне не трепет, а лишь холодное презрение. Я стала тем, кем и должна была стать: библиотекарем.

— «Похотливый турок», — скажет, бывало, дядя, отрываясь от своих бумаг. — Где он у нас?

— Здесь, дядюшка, — отвечаю я. Потому что за год я выучила расположение всех книг на полках. Я знала, по какому принципу строится его великий Указатель — его «Универсальная энциклопедия Приапа и Венеры». Потому что он посвятил меня в тайны Приапа и Венеры, как других девочек допускают до иглы и ткацкого станка.

Я знакомлюсь с его друзьями — с теми джентльменами, которые наезжают к нам послушать мою декламацию. Теперь я знаю, что это издатели, библиофилы, аукционисты — энтузиасты своего дела. Они присылают ему книги — каждую неделю все новые — и письма:

«Мистеру Лилли: по поводу Клеланда. Гриве из Парижа уверяет, что у него нет материала по содомии. Продолжать поиски?»

Дядя слушает, как я читаю, глаза его за темными очками закрыты.

— Что вы по этому поводу думаете, Мод? — спрашивает он. — Ладно, не важно. Оставим пока Клеланда в покое, может, к весне отыщется. Так, так. Давайте-ка посмотрим... — Он роется в бумагах. — Итак, «Праздник страсти». У нас еще есть второй том, взятый у Хотри? Вам надо его переписать, Мод...

— Я перепишу, — соглашаюсь я.

Вы думаете, я безвольная. А что я могу ему ответить? Как-то раз, еще в самом начале, я забылась и зевнула. Дядя пристально посмотрел на меня. Оторвал перо от страницы и медленно покрутил за кончик.

— Сдается мне, вам ваши обязанности наскучили, — проговорил он. — Может, вам лучше вернуться в вашу комнату?

Я промолчала.

— Хотите вы этого?

— Может быть, сэр, — сказала я, чуть поколе-

бавшись.

— Может быть. Очень хорошо. Тогда отложите книгу и ступайте. Но, Мод...

Я в этот момент стояла у двери.

— Предупредите миссис Стайлз, чтобы не разжигала у вас огня. Не думаете же вы, что я намерен платить за ваше... хм... безделье?

Я помедлила в дверях, но вышла. Это было опять зимой — можно подумать, тут всегда зима! Я сижу, завернувшись в плащ, пока не наступает время переодеваться к обеду. Но за столом, едва мистер Пей подходит, чтобы положить мне на тарелку еды, дядя останавливает его.

— Никакого мяса, — говорит он, разглаживая свою салфетку, — для маленьких бездельниц. По крайней мере, в этом доме.

И мистер Пей уносит поднос. Чарльз, мальчик при кухне, смотрит на меня жалостливо. Мне хочется его пристукнуть. Вместо этого я должна сидеть, сжимая под столом кулаки, и теребить юбку, слушая, как дядя причмокивает, поглощая куски мяса... пока меня не отпускают восвояси.

На следующий день в восемь ровно я возвращаюсь к своей работе и впредь удерживаюсь от зевков.

Я расту. Несколько месяцев прошло, а я уже и

выше, и стройнее. Лицо стало бледнее и красивее. Я выросла из своих юбок, старые перчатки и туфли мне малы. Дядя замечает это и отдает распоряжение миссис Стайлз сшить мне новые платья по образцу старых. Она исполняет его просьбу и усаживает меня за шитье. Думаю, она втайне злорадствует, подбирая мне одежду по его прихоти, а может, она все время думает об умершей дочери и ей даже в голову не приходит, что маленькие девочки должны со временем превратиться в женщин. Так или иначе, но я слишком долго жила в «Терновнике» и даже рада теперь, что не надо ломать раз и навсегда заведенный порядок. Я привыкла к перчаткам и тесным платьям на жесткой кости, и, чуть только распустится шнуровка, я пугаюсь и прошу затянуть потуже. Без панциря я чувствую себя такой же голой и уязвимой, как дядины глаза без защитных очков.

Я часто вижу мучительные сны. Как-то раз у меня случилась лихорадка, и меня пришел осматривать хирург. Он был приятелем моего дяди и слушал, как я читаю. Он ощупывает шею и подбородок, давит на щеки, приподнимает веки.

— Вас посещают, — говорит он, — необычные мысли? Ну, этого следовало ожидать. Вы необыч-

ная девушка.

Он гладит меня по руке и прописывает лекарство — по одной капле на чашку воды: успокоительное, говорит он. Барбара приготавливает микстуру, а миссис Стайлз наблюдает за этим.

Потом Барбара покидает нас — выходит замуж, и мне дают другую горничную. Ее зовут Агнес. Она маленькая и юркая, как птичка, — таких приносят в силках. У нее рыжие волосы, кожа в мелких веснушках, как отсыревшая бумага. Ей пятнадцать, и она проста, как дитя. Она верит, что дядя — добрый. Она и меня считает доброй. Я узнаю в ней себя — какой я была когда-то, но никогда уже не буду снова. За это я ее ненавижу. Стоит ей неловко что-нибудь сделать или замешкаться — я ее бью. Она не исправляется, а делает все еще хуже. И я еще сильнее ее бью. Тогда она плачет. Лицо ее, когда она плачет, становится как у меня тогда. Я бью ее тем сильнее, чем больше нахожу в нас сходства.

Так проходит моя жизнь. Вы, пожалуй, подумали, что я так ничего и не знаю о простых вещах и не считаю ее странной. Но я читаю и другие книги, помимо дядиных, и подслушиваю иногда разговоры слуг, вижу, как они переглядываются, и по тому, как они смотрят на меня — все эти

горничные и конюхи! — я понимаю, что стала совсем чудной.

Ведь я искушенная, как самые худшие распутники из книжек, но ни разу, с тех пор как перешагнула порог дядиного дома, я не заходила дальше парковой ограды. Я знаю все. И не знаю ничего. Постарайтесь помнить об этом, когда прочтете, что случилось позже. Постарайтесь понять, что я видела и умела делать, а чего не умела и даже не видела никогда. Например, я не умела ездить верхом и танцевать. Не держала в руках денег. Не бывала в театре, не видела ни одного поезда, не знала, как выглядят горы или, скажем, море.

Я никогда не бывала в Лондоне, но мне кажется, я о нем знаю. Я читала о нем в дядиных книгах. Я знаю, что он расположен на реке — на той же самой реке, что за парком, только там она шире. Я люблю бродить у воды и думать об этом. Там есть старая перевернутая полусгнившая лодка, ее дырявое днище живо напоминает мне о моей теперешней участи, но я люблю сидеть на нем и глядеть на прибрежный тростник. Я помню библейское предание о ребенке, которого положили в корзинку, а его нашла царская дочь. Мне тоже хотелось бы найти ребенка. Но не для того,

чтобы нянчиться с ним, нет! — а для того, чтобы поменяться с ним местами, и пусть растет в «Терновнике» вместо меня. Я пытаюсь представить себе, как буду жить в Лондоне, и никто меня там не найдет и не затребует обратно!

Увы, я еще слишком молода и могу пофантазировать. Когда я стану старше, мне уже ни к чему ходить к реке, я могу просто стоять у окна и представлять, как она там течет. В комнате своей я могу так стоять часами. А на желтом слое краски, покрывающем окно библиотеки, я как-то раз ногтем процарапала щелочку в виде месяца и с тех пор иногда в нее заглядываю, как любопытная жена в потайную комнату...

Только я сама в этой комнате — и не знаю, как из нее выбраться...

Когда мне исполнилось семнадцать, в «Терновнике» появился Ричард Риверс и посвятил меня в свой замысел, недоставало лишь легковерной девчонки, которую можно было бы одурачить и использовать как помощницу.

Глава восьмая

Я уже говорила, что у дяди был обычай приглашать к себе время от времени джентльменов — они ужинали вместе с нами, а потом я им читала вслух. Вот и сейчас.

— Позаботьтесь о внешности, Мод, — говорит он мне, когда я стою в библиотеке и застегиваю перчатки. — Сегодня вечером у нас гости. Хотри, Хасс и еще один человек, вы его не знаете. Надеюсь, он сможет привести в порядок наши гравюры.

Наши гравюры. В отдельном кабинете у него — шкафы, набитые гравюрами скабрезного содержания, дядя их специально не собирал, но, когда они попадали к нему вместе с книгами, он от них не отказывался. Он не раз уже заговаривал о том, что надо бы нанять кого-нибудь, кто бы мог оправить их и переплести, но найти такого умельца все не удавалось. Для подобной работы не всякий сгодится.

Перехватив мой взгляд, он выпячивает губу.

— Между прочим, Хотри обещал нам подарок. Издание, которого нет в нашем каталоге.

— Рада слышать, сэр.

Может, я ответила чересчур сухо, но дядя, будучи человеком сдержанным, этого не замечает. Он кладет руку на кучу лежащих перед ним бумаг и разделяет ее на две неравные части.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим...

— Я могу идти, дядюшка?

Он отрывает глаза от бумаг.

— Разве часы били?

— Кажется, да.

Он достает из кармана репетир и подносит к уху. К корпусу часов привешен ключ от библиотеки, по самую бородку обернутый линялым бархатом, — сейчас он беззвучно покачивается рядом.

— Ну что ж, идите. Оставьте старика наедине с его книгами. Идите поиграйте, Мод, но только тихо.

— Конечно, дядя.

Интересно, как, в его представлении, я провожу время вне стен библиотеки? Думаю, странный мир его книг, где время проходит так причудливо, если вообще не стоит на месте, сделал его нечутким к реальному ходу времени, и я для него вечно останусь ребенком. Иногда именно такой я себя и вижу: словно короткие тесные платья и тугие бархатные пояски спеленали меня навек, подоб-

но китайским башмачкам, и не дали вырасти. Самому дяде в то время, о котором я рассказываю, чуть больше пятидесяти, но мне почему-то он всегда казался старым: как в куске янтаря.

Я ухожу — он уставился в текст и ничего вокруг не замечает. Я иду тихо-тихо, у моих туфель мягкая подошва. Я поднимаюсь к себе.

Агнес корпит над шитьем. При виде меня она вздрагивает. Можете представить, как действует на меня, с моим-то характером, такая реакция? Я стою и смотрю, как она шьет. Она чувствует на себе мой взгляд и дрожит еще пуще. Стежки от этого становятся размашистыми и ложатся как попало. В конце концов я беру у нее иголку и несильно тычу кончиком в ее беззащитную руку. Потом вынимаю иголку, потом снова укалываю. И так раз семь или восемь, пока ее веснушчатая рука не покрывается россыпью красных точек.

— Сегодня вечером к нам приедут джентльмены, — говорю я при этом. — Один совсем незнакомый. Как думаете, он молод и хорош?

Я говорю это от нечего делать, просто мне хочется ее подразнить. Мне до него нет дела. Но она от моих слов краснеет.

— Не могу знать, мисс, — отвечает она, моргая, и отворачивается, однако руку не убирает. — Мо-

жет быть.

— Вы так думаете?

— Откуда мне знать? Все может быть.

И тут меня осенила одна мысль:

— А вам бы хотелось, чтобы он был молод и красив?

— Мне? Хотелось?

— Да, Агнес. Мне почему-то кажется, что вам именно этого хочется. Можно, я провожу его в вашу комнату? Я не буду подслушивать. Я запру вас на ключ, и вам никто не помешает.

— О, мисс, какие глупости вы говорите!

— Разве? Ну-ка поверните руку. — Она поворачивает ее ладонью вверх, и я втыкаю иглу поглубже. — Ну же, правда приятно, когда вас колют!

Она вырывает руку и подносит к губам. Теперь она плачет. Ее плач и то, как она зализывает ранки, сначала возбуждают, потом беспокоят меня; потом мне становится скучно. Пусть себе плачет. Я подхожу к окну и смотрю на лужайку, на дальнюю стену парка, за которой, я знаю, катит воды мутная Темза.

— Успокоитесь вы, наконец? — говорю я.— Посмотрите на себя! Стоит ли так убиваться из-за какого-то джентльмена! Разве вы не знаете,

что он вовсе не красив, не молод! Что таких не бывает?

Но, конечно же, я оказалась не права. Он и красив, и молод.

— Мистер Ричард Риверс. — Это дядя представляет мне его.

Для меня это имя звучит обнадеживающе. Позже я узнаю, что оно ненастоящее — такое же фальшивое, как и его кольца, его улыбка, его манеры, но сейчас, в гостиной, когда он встает, чтобы поклониться мне, у меня нет повода усомниться в его искренности. У него благородные черты лица, ровные зубы, и он почти на голову выше моего дяди. Его длинные волосы приглажены, и лишь один непослушный локон все время спадает на лоб. Он его всякий раз поправляет. Руки у него точеные, холеные и белые — правда, на одном пальце желтоватое пятно от табака.

— Мисс Лилли, — произносит он мое имя и кланяется. Прядь волос опять выбивается, он поправляет ее красивой рукой.

Говорит он тихо, думаю, это из-за дяди. Наверное, мистер Хотри его заранее предупредил.

Мистер Хотри — лондонский книгопродавец и издатель, уже много раз бывал в «Терновнике». Он берет мою руку и подносит к губам. Рядом с

ним стоит мистер Хасс. Коллекционер и давний приятель моего дяди. Он тоже берет мою руку, но не целует, а притягивает меня к себе и целует в щечку.

— Милое дитя! — говорит он.

Мистер Хасс не раз пугал меня на лестнице: встанет внизу, задрав голову, и смотрит.

— Здравствуйте, мистер Хасс, — говорю я и делаю реверанс.

А сама краем глаза смотрю на мистера Риверса. И пару раз, повернув лицо в его сторону, замечаю, что и он пристально и как-то задумчиво смотрит на меня. Оценивает, верно. Может, он не ожидал встретить здесь такую красавицу. А может, наоборот, слухи о моей красоте оказались преувеличенными. Наверняка сказать не могу. Но когда звонят к ужину и я занимаю свое место рядом с дядей, чтобы проследовать в столовую, я замечаю, что он колеблется. Потом выбирает место рядом со мной. Меня это не радует. Наверное, он станет теперь смотреть на меня за ужином, и мне будет неловко есть. Мистер Пей с Чарльзом бесшумно суетятся вокруг нас, наливают вина (мне — в большой хрустальный бокал с буквой «М»), а разложив еду по тарелкам, уходят: они вернутся лишь к перемене блюд. Мы в «Терновнике» и

едим по часам, мы тут все по часам делаем. Ужин с джентльменами длится ровно полтора часа.

В тот вечер нам подавали: суп из зайчатины и гуся с хрустящей корочкой. Мясо было розовое у кости, внутренности подавались отдельно, и каждый мог выбрать что хотел. Мистер Хотри взял почку, мистер Риверс — сердце. Я качаю головой, когда он передает мне тарелку.

— Вижу, вы не голодны, — тихо произносит он, глядя мне в глаза.

— Вы не едите гуся, мисс Лилли? — спрашивает мистер Хотри. — Совсем как моя старшая дочь. Ей всегда жалко гусят, и она плачет.

— А вы соберите слезы в бутылочку, — предлагает ему мистер Хасс. — Я часто думаю: а что, если сделать из девичьих слез чернила?

— Чернила? Прошу вас, не вздумайте обмолвиться об этом при моих девочках. То, что я вынужден выслушивать их нытье, — еще куда ни шло. Но представьте, если им вздумается излить душу на бумаге, а мне придется читать? Жизнь моя будет кончена, уверяю вас.

— Чернила — из слез? — произносит мой дядя, он не сразу включился в беседу. — Что за чушь?

— Девичьи слезы, — продолжает мистер Хасс.

— Они совершенно бесцветные.

— Думаю, нет. Правда, сэр, по-моему, нет. Мне кажется, они должны быть слегка окрашены — розоватые или сиреневые, например.

— Может быть, — подхватывает мистер Хотри. — Все зависит от эмоций, при которых они выплеснулись.

— Именно. Это вы верно сказали, Хотри. Сиреневые чернила — для грустных книг, розовые — для веселых. А переплет можно прошить девичьим волоском...— Поймав мой взгляд, он умолкает. Подносит к губам салфетку.

— Да, — говорит мистер Хотри, — удивительно, почему раньше никто до этого не додумался, мистер Лилли? Рассказывают, конечно, ужасные истории про переплеты...

Некоторое время они обсуждают эту новую тему. Мистер Риверс слушает, но в разговор не вступает. Разумеется, все его внимание обращено на меня. «Может быть, — думаю я, — он заговорит со мной под шумок». Мне этого очень хочется. Или не хочется?.. Я потягиваю вино, и внезапно на меня накатывает усталость. Я и прежде много раз бывала на таких дружеских ужинах, когда дядины знакомые обсуждали между собой всякие скучные темы. Неожиданно я представляю себе Агнес: как она слизывает капельку крови с иско-

лотой кожи. Но дядя кашлянул, и я очнулась.

— Итак, Риверс, — говорит он, — Хотри сообщил мне, что вы переводили для него некие книги, с французского на английский. Должно быть, дрянь какая-нибудь, раз он ими занимался?

— Конечно дрянь, — отвечает Риверс, — иначе бы я и не взялся. Не моя это работа. Но когда живешь в Париже, узнаешь нужную терминологию. А вообще-то я тогда изучал изящные искусства. И надеюсь найти моим истинным талантам применение лучшее, сэр, нежели перевод на плохой английский с еще более скверного французского.

— Хорошо, хорошо. Посмотрим. — Дядя улыбается. — Тогда, может, вы захотите взглянуть на мои рисунки.

— С огромным удовольствием.

— Ну, в другой раз. Там есть очень красивые — думаю, вам понравятся. Правда, для меня они не так ценны, как книги. Может, вы знаете, — он выдерживает паузу, — о моем Указателе?

— О нем рассказывают удивительные вещи!

— Удивительные — слышите, Мод? Что, будем скромничать? Будем краснеть?

Но я знаю, что мое лицо по-прежнему бледно, и его тоже — как воск.

Мистер Риверс опять задумчиво смотрит на

меня.

— Как продвигается великий труд? — как бы между прочим интересуется мистер Хотри.

— Близок к завершению, — отвечает дядя. — Мы уже почти закончили. В настоящее время договариваюсь о брошюровке.

— А каков объем?

— Тысяча страниц.

Мистер Хотри приподнимает бровь. Если бы в доме моего дяди было позволено, он бы присвистнул. Он тянется за вторым куском гусятины.

— Значит, на двести страниц больше, чем вы говорили в прошлый раз?

— Но это первый том, разумеется. Второй будет толще. Что скажете на это, Риверс?

— Поразительно, сэр!

— Слыхали вы что-нибудь подобное? Универсальная библиография — и на какую тему! А еще говорят, наука в Англии умерла!

— Вы возрождаете ее к жизни. Фантастический труд!

— И впрямь фантастический, вы правы, — более того, если бы вы знали, из каких тайников приходится мне выуживать материалы. Только представьте: все авторы собранных мною текстов вынуждены скрывать свое имя под псевдонима-

ми или издаваться анонимно. А на самих текстах порой для отвода глаз ставятся ложные сведения о времени, месте публикации и так далее. Более того. Названия даются такие, что сразу и не поймешь. И добраться до них чего стоит — надо действовать тайно, ощупью, через посредников, оперируя одними лишь слухами и догадками. Подумайте только, каково в этой ситуации библиографу! Вот что такое наш, как вы говорите, фантастический труд! — И издает два-три отрывистых смешка, больше похожих на кашель.

— Не могу поверить! — восклицает мистер Риверс. — А по какому принципу?..

— По названиям, по авторам, по году издания, если он известен, и еще, заметьте, сэр: по роду удовольствия. Они у нас все четко расписаны.

— Книги?

— Удовольствия! На чем мы в настоящее время остановились, Мод?

Мистер Риверс во все глаза смотрит на меня. Я отпиваю из бокала.

— На «Влечении мужчин к животным», — отвечаю я.

Дядя кивает.

— Видите теперь, Риверс, какую бесценную помощь может оказать наша библиография тем, кто

жаждет знаний? Это будет все равно что Библия!

— И тело становится словом, — с улыбкой подхватывает мистер Хотри, он рад, что так удачно сострил. Но, поймав мой взгляд, конфузится.

Мистер Риверс, однако, по-прежнему не сводит с дяди восхищенных глаз.

— Гигантский замысел, — восклицает он.

— Титанический труд, — вторит ему мистер Хасс.

— Верно, — говорит мистер Хотри, вновь оборачиваясь ко мне. — Я боюсь, мисс Лилли, что дядя ваш задает вам слишком уж много работы.

Я пожимаю плечами:

— Меня этому специально учили, как учат слуг.

— Слуги и юные леди, — возражает мистер Хасс, — это совсем разные создания. Сколько же можно вам об этом твердить! Девушки не должны переутомлять глаз чтением, а пальчики — письмом, иначе ручки будут не такие нежные!

— Дядюшка мой тоже так считает, — говорю я и демонстрирую свои перчатки. Хотя, конечно, не о моих пальчиках он заботится.

— Ну и что, — вступает дядя, — если она и занимается этим по пять часов в день? Я-то работаю по десять! Ради чего мы трудимся — разве не

ради самих книг? Они того стоят. Не правда ли? Возьмите Смарта, де Бери. Или вспомним того же Тиния, который в пылу рвения двоих убил, и все из-за своей библиотеки!

— И еще вспомните брата Винсенте — чтобы пополнить свою коллекцию, он прикончил двенадцать человек! Мистер Хотри качает головой. — Нет, нет, мистер Лилли. Загружайте работой свою племянницу сколько вам будет угодно — раз надо, так надо. Но если вы подвигнете ее на преступления во имя литературы, мы вам этого не простим.

Джентльмены смеются.

— Ладно, ладно, — говорит мой дядя.

Я гляжу на свою ладонь и молчу. Пальцы мои, если смотреть сквозь бокал с темным вином, кажутся красными; вензеля не видно, но я поворачиваю бокал, и тогда врезанная в хрусталь буква резко вспыхивает алым.

Еще две перемены блюд, и я покидаю общество джентльменов и перехожу в гостиную, и там в одиночестве жду, когда часы пробьют полчаса, потом час — и джентльмены появляются из столовой. О чем-то тихо переговариваются, и я гадаю, о чем они могли говорить в мое отсутствие. Выходят раскрасневшиеся, распространяя вокруг

сильный запах табака. Мистер Хотри достает бумажный сверток, перевязанный бечевкой, и вручает его дяде.

— Ну-ка, ну-ка, — говорит тот, развязывая сверток, а достав книгу, подносит ее к подслеповатым глазам. — Ага! — Он аж причмокивает. — Посмотрите-ка сюда. Мод, посмотрите, что этот варвар нам принес!

И показывает мне пухлый том.

— Ну, что скажете?

С виду заурядный роман, переплет вульгарно-броский, и лишь по необычному фронтиспису можно догадаться, что книга и впрямь редкая. Я смотрю на нее и против своей воли чувствую возбуждение, от которою меня начинает мутить.

— Замечательный экземпляр, дядюшка, несомненно.

— Смотрите — видите этот флерон?

— Вижу.

— А мы ведь и помыслить не могли, что такая вещь существует! Придется пересмотреть список. А мы-то думали, что он полный! Завтра же к этому вернемся. — Он вытягивает шею, он весь в предвкушении завтрашнего удовольствия. — А сейчас — снимайте свои перчатки, деточка. Думаете, Хотри принес нам такую книгу, чтобы вы

испачкали ее подливкой? Так-то лучше. Давайте послушаем отрывки. Садитесь и начинайте читать. Хасс, вы тоже сядьте. Риверс, обратите внимание, какой у моей племянницы голос, как нежно и четко она выговаривает слова. Я сам ее обучал. Итак... Вы перегибаете корешок, Мод!

— Да нет, мистер Лилли! — успокаивает его мистер Хасс, не отводя глаз от моих обнаженных рук.

Я кладу книгу на подставку и начинаю осторожно переворачивать страницы. Поворачиваю лампу так, чтобы свет падал на текст.

— Долго ли читать, дядюшка?

Он подносит к уху репетир.

— До следующего боя часов, — отвечает он. — Слушайте, Риверс, а потом скажете, видели ли вы в каком английском доме что-нибудь подобное!

Как я уже говорила, в книге — вполне заурядные непристойности, но дядя прав, я хорошо справляюсь с задачей: голос мой чист и звонок, и я произношу слова так, что они ласкают слух. Когда чтение окончено, мистер Хотри аплодирует, розовое лицо мистера Хасса еще сильнее розовеет, вид у него возбужденный. Дядя сидит без очков и щурится, чуть склонив голову.

— Стиль так себе, — говорит он. — Но я поды-

щу тебе местечко на своих полках. У тебя будет свой дом и братья-сотоварищи. Завтра ты к ним пойдешь. Да, о флероне: я уверен, мы об этом не подумали. Мод, переплет не помялся?

— Нет, сэр.

Он надевает очки, заправляет дужки за уши. Мистер Хасс наливает себе бренди. Я застегиваю перчатки, разглаживаю складки на юбке. Приворачиваю фитиль в лампе. Но мысли мои заняты другим. Я думаю о мистере Риверсе. К моему чтению он видимого интереса не проявил, сидел, глядя в пол. Он встает. Говорит, что в комнате слишком натоплено и ему жарко. Некоторое время ходит по комнате, заглядывает в дядины книжные шкафы. Думаю, он чувствует, что я за ним слежу. Оказавшись рядом со мной и заметив, что я на него смотрю, делает легкий поклон.

— Вам здесь не холодно, так далеко от камина? Не хотите ли вы, мисс Лилли, пересесть поближе к огню? — спрашивает он.

— Спасибо, мистер Риверс, отвечаю я, — мне здесь удобно.

— Любите холод?

— Нет, полумрак.

Когда я улыбаюсь ему, он понимает это как своего рода приглашение и садится рядом со мной,

не очень близко, и продолжает рассматривать дядины книжные полки, как будто ему это интересно. Но когда он заговаривает вновь, то говорит почти шепотом:

— Я, знаете ли, тоже.

Лишь мистер Хасс один раз мельком взглянул на нас. Мистер Хотри стоит у камина с бокалом. Дядя устроился в высоком кресле, и полукруглые выступы на спинке скрывают от нас верхнюю часть его лица. Я вижу лишь, как шевелятся его губы.

— Эпоха величайшего расцвета эроса? — говорит он. — Увы, она окончилась семьдесят лет назад. Циничные, грубые поделки, которые сегодня пытаются выдать за гедонистскую литературу, я бы, например, постыдился показать даже конюху...

Я пытаюсь подавить зевок, мистер Риверс поворачивается ко мне.

— Извините, мистер Риверс,— говорю я.

— Может быть, вам неинтересен предмет занятия вашего дяди?

Он все еще говорит вполголоса, я вынуждена отвечать ему так же тихо.

— Я всего лишь дядин секретарь. Предмет занятия меня не волнует.

Он снова наклоняет голову.

— Тогда, — продолжает он еще тише, под аккомпанемент дядиной речи, — очень странно, что дама остается холодна и невозмутима там, где других бросает то в жар, то в холод.

— Но на свете найдется множество дам, которых точно так же не трогает то, о чем вы говорите. А может, тех, кто лучше знает предмет, трудно чем-нибудь удивить? — Он бросает на меня быстрый взгляд, а я продолжаю: — Я говорю не о жизненном опыте, разумеется, а о книжном. Но должна вам заметить, что даже священник, если он будет уделять слишком много внимания вину и облаткам, рискует утратить интерес к таинствам.

Он выслушал меня внимательно. Потом усмехнулся:

— Вы необыкновенная, мисс Лилли.

— Я знаю, — говорю я и отворачиваюсь.

— Как грустно вы это сказали! Похоже, вы считаете свое образование своего рода несчастьем.

— Напротив. Как можно мудрость называть несчастьем? Меня, например, трудно обмануть — я знаю, как будет вести себя джентльмен. Мне известно все, что может сказать джентльмен, если он желает сделать даме комплимент.

Он прижимает руку к груди.

— Тогда вы меня разоблачите, если я попробую сделать вам комплимент?

— Ну да, а разве у мужчин могут быть другие желания?

— Пусть в книгах, которые вы прочли, о них не говорится, но в жизни они есть, и одно из них — самое главное.

— Наверное, то, ради чего эти книги пишут.

— О, нет-нет. — Он смеется и говорит почти шепотом: — Их читают для этого, а пишут совсем для другого. Я имею в виду деньги. Каждый джентльмен о них думает. А те из нас, в ком недостаточно джентльменства, думают как раз больше всего. Прошу извинить меня, если я вас смутил.

Он меня озадачил, но, собравшись с мыслями, я отвечаю:

— Не забывайте, меня трудно смутить. Я просто удивлена.

— Тогда я буду утешаться хотя бы тем, что мне удалось удивить вас. — Он погладил бороду. — Хоть какое-то разнообразие внес в вашу размеренную и упорядоченную жизнь.

Похоже, он на что-то намекает, и я отвечаю с жаром:

— Да что вы об этом знаете?!

— Ну, как я могу предположить, изучив порядки вашего дома...

Голос его звучит теперь так вкрадчиво. Я замечаю, что мистер Хасс повернул голову в нашу сторону. Он говорит, обращаясь к мистеру Риверсу:

— А вы что об этом думаете, Риверс?

— О чем, простите?

— Об энтузиазме Хотри по поводу фотографии.

— Фотографии?

— Риверс, — говорит мистер Хотри. — Вы молоды. Я обращаюсь к вам. Что может нам дать более совершенную запись любовного акта, нежели...

— Запись! — фыркает дядя. — Документальное отражение! Вот болезнь века!

— ...любовного акта, нежели фотография? Мистер Лилли, может быть, не знает, что искусство фотографии призвано отразить сам дух пафийской жизни. Я бы сказал, это слепок, который переживет саму жизнь: он вечен, тогда как пафийская жизнь, пафийский момент в особенности, исчезает без следа.

— А разве книги не долговечны? — спрашивает дядя, привстав в кресле.

— Ну да, пока есть слова. А фотография обходится без слов, ей слова не нужны. Фотография

вызовет те же эмоции и у англичанина, и у француза, и у дикаря. Она всех нас переживет и будет волновать даже наших правнуков. Это вещь вне истории.

— Она пленница истории! — отвечает дядя. — Испорчена историей. История витает над ней, как клубы дыма! Вы можете заметить это по форме туфельки, по покрою платья, по прическе, наконец. Дайте фотографии вашему правнуку: он посмотрит на них и только усмехнется. Он будет смеяться над вашими нафабренными усиками! Но слова, Хотри, слова... они прельщают нас в темноте, и воображение наше облекает их в формы и одежды, соответствующие нашим сегодняшним представлениям. Вы согласны, Риверс?

— Да, сэр.

— Знаете, я не допущу в свою коллекцию ни один из этих дурацких дагерротипов!

— Думаю, вы правы, сэр.

Мистер Хотри качает головой и говорит, обращаясь к дяде:

— Вы полагаете, что фотография лишь дань моде и что мода эта пройдет? Тогда приезжайте ко мне на Холиуэлл-стрит и проведите час в моем магазине. У нас есть альбомы, из которых мужчина может выбрать то, что ему понравится. И от

покупателей отбою нет.

— Ваши покупатели — мужланы. Какое мне до них дело? Риверс, вы их видели. Каково ваше мнение о качестве торговли?..

Спор продолжается, и уклониться нельзя. Он отвечает, потом бросает в мою сторону извиняющийся взгляд, встает и подходит к дяде. И так они беседуют до тех пор, пока не бьет десять — тогда я могу уйти к себе.

Сейчас вечер четверга. Мистер Риверс остается в «Терновнике» до воскресенья. На следующий день я не вхожу в библиотеку: мужчины перебирают книги. За ужином он смотрит на меня, потом слушает, как я читаю, потом дядя сажает его рядом с собой, и он не имеет возможности подойти ко мне. В субботу мы с Агнес гуляем по парку, и я опять не вижу его, однако вечером дядя просит меня почитать старинную книгу, одну из лучших в его коллекции, и когда я закончила чтение, мистер Риверс подходит и усаживается рядом со мной, чтобы получше рассмотреть уникальный переплет.

— Ну как, вам нравится, Риверс? — спрашивает дядя. — Вы знаете, это большая редкость!

— Наверняка, сэр.

— И вы подумали: наверное, существует всего

лишь несколько экземпляров?

— Да, я так и подумал, сэр.

— Так и подумали. Но для нас, коллекционеров, редкость книги не в этом. Думаете, станет уникальный экземпляр раритетом, если он никому не нужен? Мы называем такие книги мертвыми. А если, скажем, имеется два десятка экземпляров, но они нужны тысяче людей: каждая из этих книг для нас ценнее, чем та, уникальная. Вы меня понимаете?

Мистер Риверс кивает.

— Понимаю. Ценность произведения находится в зависимости от желания познакомиться с ним. — Он смотрит на меня. — Это очень странно. А сколько людей ищут ту книгу, которую мы только что слушали?

— Хотите знать, сэр? Я вам отвечу так: выставьте ее на аукцион — и увидите!

Мистер Риверс смеется:

— Ну разве чтобы убедиться...

Но за маской вежливости проглядывает озабоченность. Он покусывает губы — зубы у него, по контрасту с темной бородкой, желтоватые, острые, но губы гладкие и на удивление розовые. Все молчат: дядя попивает вино, мистер Хотри возится у камина. Потом мистер Риверс говорит:

— А что, мистер Лилли, если, к примеру, один покупатель ищет сразу две книги? Как их тогда оценить?

— Две? — Дядя ставит бокал на столик. — Комплект из двух парных книг?

— Нет, пара книг на одну тему. У него одна есть, а ему нужна и другая. Вторая сильно добавит ценности первой?

— Конечно!

— Так я и думал.

— Люди платят за такие вещи бешеные деньги, — говорит мистер Хасс.

— Платят, — кивает дядя. — Верно. В моем Указателе вы, конечно же, найдете ссылку на подобные случаи...

— В Указателе... — тихо повторяет мистер Риверс, и разговор продолжается.

Мы сидим и слушаем — или делаем вид, что слушаем, — и вскоре он поворачивается ко мне:

— Можно спросить вас, мисс Лилли?

Я киваю, и он продолжает:

— Каким вы видите свое будущее, после того как работа вашего дяди будет завершена? Чем вы тогда займетесь?

Я улыбаюсь ему, как мне кажется, язвительно:

— Ваш вопрос настолько бессмыслен, даже и не

знаю, что вам ответить. Труд моего дяди никогда не будет завершен. Слишком много новых книг пишется, их нужно добавлять к старым; слишком много утраченных книг находят заново; и еще много неопределенностей. Они с мистером Хотри вечно будут спорить на эту тему. Если он и опубликует Указатель, как намеревается, тотчас же примется писать дополнения.

— И вы собираетесь все время быть рядом с ним? — Я ничего на это не отвечаю. — Вы настолько разделяете его интересы?

— У меня нет выбора, — говорю я наконец. — Я мало что умею, и, как вы верно подметили, навыки мои особого свойства.

— Вы леди, — тихо говорит он, — вы молоды и красивы. Это я говорю не в качестве комплимента, я говорю вам правду. Вы можете найти себе другое занятие.

— Вы мужчина, — отвечаю я. — Мужская правда отличается от женской. Уверяю вас, никакого другого занятия для себя я не вижу.

Он отвечает не сразу, видимо, собирается с духом.

— Вы можете... выйти замуж, — произносит он наконец.— Это и будет занятие.

Говоря это, он не сводит глаз с книги, отрывки

из которой я недавно читала. Услышав его слова, я откровенно смеюсь. Дядя думает, что я смеюсь какой-то его остроте, и одобрительно кивает:

— Вы согласны, Мод? Вот видите, Хасс, даже моя племянница и та считает...

Дождавшись, когда дядя отвернется, я снимаю книгу с подставки и осторожно раскрываю.

— Смотрите, мистер Риверс, — говорю я. — Вот вкладыш. Точно такой же есть на всех дядиных книгах. Понимаете, что это означает?

На вкладыше — экслибрис, дядя сам его придумал: лилия, нарисованная довольно странно, так, что она напоминает фаллос, стебель ее увит колючим терновником.

Мистер Риверс внимательно изучает рисунок и кивает.

Я закрываю книгу.

— Порой, — говорю я, глядя мимо него, — мне кажется, что такой же экслибрис пропечатан и на мне, что и меня оценили, пометили и поставили на полку — так я похожа на дядины книги. — Я поднимаю на него глаза. Лицо мое горит, но я говорю спокойно. — Два дня назад вы сказали, что изучили порядки этого дома. Тогда вы должны понимать. Мы здесь не для широкого применения, мои товарищи-книжки и я. Дядя

держит нас взаперти, подальше от мира живых. Он бы сказал вам, что мы — яды, он говорит, что мы опасны для незащищенного взгляда. Он еще называет нас своими детками, найденышами, которые стекаются к нему со всего света — одни побогаче, в роскошных одеждах, другие бедные и потрепанные, третьи порванные, грязные или безвкусно одетые и вульгарные. Хотя он и говорит обратное, мне кажется, вульгарные ему больше всего милы, потому что от них отказались другие родители — книгопродавцы и собиратели. И я была такой же, у меня был свой дом...

Притворяться спокойной я больше не в силах. Мои собственные слова разволновали меня не на шутку. Мистер Риверс слушает, смотрит, потом наклоняется и осторожно берет книгу с подставки.

— Ваш дом, — шепчет он, наклоняясь к самому моему лицу, — дом для умалишенных. Так вы часто вспоминаете о нем? Думаете о своей матери и ощущаете в себе ее безумие?.. Мистер Лилли, вот ваша книга. — (Это дядя обернулся к нам.) — Можно мне ее взять? Не могли бы вы показать мне, сэр, по каким признакам можно судить, что она редкая?

Все произошло очень быстро, и слова его ужас-

но меня напугали. А я не люблю, когда меня пугают. Я не люблю неожиданностей. Но сейчас, когда он отошел с книгой к камину, я минуты две сижу в растерянности. Наконец до меня доходит, что я сижу, прижав руки к груди, и сердце мое лихорадочно стучит. Я села в темном углу — здесь так темно, что ткань юбки сливается с диванной обивкой, а рука моя, на густом и темном бархатном фоне, белее рисовой бумаги.

Я не упаду в обморок. Это только в книгах девицы так делают — из-за мужчин. Но, наверное, я изменилась в лице, потому что мистер Хотри, с улыбкой поглядев в мою сторону, сразу перестает улыбаться.

— Мисс Лилли! — говорит он. Подходит ко мне и берет за руку.

Мистер Хасс тоже подходит ближе.

— Дитя мое, что случилось? — И хватает за локоть.

Мистер Риверс оборачивается. Дядя кривит губы.

— Ну что еще? — говорит. — Что такое? — Он закрывает книгу, заложив пальцем страницу.

Звонят в колокольчик, вызывают Агнес. Та приходит, смущенно смотрит на джентльменов, кланяется дяде, и вид у нее испуганный. Ведь еще

нет десяти часов.

— Со мной все в порядке, — говорю я. — Не беспокойтесь. Я просто устала, вот и все. Прошу меня извинить.

— Извинить? Ну вот еще! — восклицает мистер Хотри. — Это мы должны просить у вас прощения. Мистер Лилли, вы тиран — совсем замучили племянницу. Я всегда вам это твердил, и вот вам доказательство. Агнес, помогите хозяйке встать. Осторожнее ведите.

— Вы сможете сами подняться по лестнице? — беспокоится мистер Хасс.

Он вышел в холл, чтобы проследить, как мы пойдем наверх. Рядом с ним — мистер Риверс, я на него не смотрю.

Когда дверь за нами закрывается, я отталкиваю Агнес и ухожу к себе в спальню — ищу, чем бы охладить лицо. В конце концов подхожу к камину и прижимаюсь щекой к поверхности зеркала.

— Юбки, мисс! — кричит Агнес и кидается спасать их от огня.

Я словно потерялась — это так странно. Часы молчат. Когда наконец раздается звон, мне получше. Я не хочу думать о мистере Риверсе: о том, что он обо мне знает, и как узнал, и к чему были его туманные намеки.

Бьют часы. Я отхожу от камина, и Агнес начинает меня раздевать. Сердце мое бьется ровнее. Она укладывает меня в постель, задергивает полог. Ночь как ночь, как десятки других. Я слышу, как она возится в своей горнице, развязывает платье — если я подниму голову и гляну в щель между занавесями, то увижу, как она стоит на коленях, крепко зажмурясь и сложив руки на груди, словно ребенок, и шевелит губами. Она каждый вечер молится, чтобы ее забрали домой.

Пока она молится, я открываю шкатулку и шепчу горькие слова материнскому портрету. Закрываю глаза. «Не хочу на тебя смотреть!» — говорю я мысленно, но тотчас же понимаю, что если сейчас не посмотрю, то всю ночь буду лежать без сна и мучиться. И я заглядываю в ее бесцветные глаза. «Вспоминаете свою мать? — спросил он. — Чувствуете в себе тоже безумие?»

Чувствую ли?

Убираю портрет и зову Агнес, чтобы принесла мне стакан воды. Капаю лекарство — потом, не надеясь, что оно подействует, добавляю еще каплю. После этого ложусь и лежу смирно, откинув волосы на подушку. Пальцы мои, затянутые в лайковые перчатки, начинают мелко подрагивать. Агнес стоит рядом и ждет. Она тоже распустила

волосы — ужасные рыжие космы, огненно-красные на фоне белой ночной сорочки. На шее у нее темнеет пятно — может, тень, а может, синяк.

Чувствую, как терпкое лекарство разливается по телу.

— Все, — говорю я. — Можете идти.

Слышу, как она забирается на кровать, возится с одеялом. Потом — тишина. Спустя некоторое время слышится скрип, шорох, пощелкивание: это в часах работает механизм. Я лежу и жду, когда придет сон. Но сон не приходит. Наоборот, во мне вдруг поднимается какое-то беспокойство, руки и ноги подергиваются. Слышно, как кровь стучит в висках, все тело горит. Я поднимаю голову и тихо зову: «Агнес!» Она не слышит, а может, слышит, но боится откликнуться. Звук собственного голоса в конце концов успокаивает меня. Я вытягиваюсь на кровати и замираю. Часы снова принимаются ворчать, потом бьют. И тут вдали возникают новые звуки. Дядя мой рано ложится. Я слышу, как закрывают двери, слышу шаги на лестнице. Джентльмены вышли из гостиной и расходятся по своим комнатам.

Наверное, я заснула, но если и заснула, то лишь на минуту. Потому что неожиданно открываю глаза — будто кто-то меня разбудил. И понимаю,

что разбудил меня не звук, а движение. Движение и свет. За пологом кровати ярко вспыхнул ночник, высветив стены и оконные стекла.

Словно дом вздохнул.

Я понимаю, что эта ночь — не такая, как обычные ночи. Как будто услышав зов, я встаю. Подхожу к двери смежной горницы и прислушиваюсь, чтобы убедиться, что Агнес спит. Потом беру лампу и, не обуваясь, перехожу в гостиную. Подхожу к окну и встаю у подоконника, прижав сложенные ковшиком ладони к оконному стеклу. И вглядываюсь в темноту за окном, туда, где по краю лужайки тянется полоса хрусткого гравия. Поначалу я ничего не вижу. Потом слышу внизу осторожные шаги — один шаг, потом другой, еще тише. Потом вспыхивает спичка — я вижу, как ее огонек высвечивает длинные пальцы, потом вижу лицо — от пламени оно похоже на маску с провалами вместо глаз.

Ричарду Риверсу тоже не спится. Вот и ходит по лужайке, дышит воздухом.

Холодновато для прогулок. Над кончиком его сигареты витает дымок. Я вижу пар от его дыхания — и вьющийся легкий дым сигареты. Он поднимает воротник. Потом останавливается и смотрит наверх. Похоже, он знал, что увидит. Он

не кивает, не делает мне никаких знаков — просто смотрит на меня, и все. Огонек сигареты то гаснет, то вспыхивает, то снова гаснет.

Он чуть поворачивает голову — я догадываюсь, что он делает. Он изучает дом. Считает окна.

Он прикидывает, как добраться до моей комнаты! И, уяснив маршрут, бросает сигарету и давит ее каблуком. Потом идет обратно по гравийной дорожке, и кто-то скорее всего, мистер Пей — впускает его в дом. Мне отсюда не видно. Слышно только, как открывается парадная дверь, всколыхнув стоялый воздух. Лампа моя вновь вспыхивает, стекла в окне звенят. Однако на этот раз впечатление такое, что дом затаил дыхание.

Я отступаю от окна, зажав руками рот, и смотрю на свое отражение в черном стекле — лицо мое будто зависло в пространстве. «Он не придет сюда! — думаю я. — Он не посмеет!» А потом: «Нет, придет».

Подхожу к двери и, прижавшись к ней ухом, вслушиваюсь. Я слышу голос, потом шаги. Шаги становятся тише, закрывается еще одна дверь — конечно, он будет ждать, когда мистер Пей уйдет к себе спать. Он дождется.

Я беру лампу и начинаю метаться по комнате: тени на стене мечутся вслед за мной. Одеться я

не успею — да и не смогу без помощи Агнес, — но знаю, что не должна встретить его в одной сорочке. Нахожу чулки и подвязки, домашние туфли, плащ. Пытаюсь одеться и как-то прибрать волосы, но у меня плохо получается, шпильки выскакивают из рук, в перчатках неудобно, да и выпитое на ночь лекарство, видимо, действует. Мне страшно. Сердце мое учащенно бьется, но из-за капель я почти не чувствую своего тела. Прижимаю руку к сердцу — без корсета так непривычно, как будто меня вынули из защитного панциря.

Но действие капель сильнее сердечной тревоги. Для того их и прописали — «чтобы снять беспокойство». Когда он наконец приходит, тихонько поскребшись в дверь, я, наверное, кажусь совсем спокойной.

Я говорю:

— Знаете, горничная совсем рядом — она спит, но рядом. Если говорить громко, она проснется.

Он кланяется и ничего не отвечает мне.

Неужели я надеялась, что он поцелует меня? Он и не думает этого делать. Осторожно шагнув в комнату, деловито оглядывается по сторонам — так он смотрел на фасад дома, когда считал окна.

Он говорит:

— Лучше отойти от окна — слишком много

света. — Потом кивает на дальнюю дверь: — Это там, что ли, спит служанка? Она нас не услышит? Вы уверены?

Неужели я надеялась, что он обнимет меня? Он даже и шагу ко мне не сделал. От его плаща на меня повеяло холодным уличным воздухом. Волосы, усы, губы его пахнут табаком. Теперь он показался мне очень высоким, еще выше, чем прежде. Я подхожу к дивану и стою, вцепившись в спинку.

Он встает по другую сторону, наклоняется ко мне и шепчет:

— Простите меня, мисс Лилли. Не в таких условиях я должен был бы с вами встретиться. Но я приехал в «Терновник» неспроста, я долго и тщательно готовился к этому шагу. Завтра мне, возможно, придется уехать, не простившись с вами. Вы меня понимаете. Я не рассчитывал, что вы меня примете. Если ваша девушка проснется, скажите ей, что у вас разболелась голова, а я сам забрел к вам в комнату, без приглашения. В других домах такое со мной случалось. Ну вот, теперь вы знаете, что я за тип. Но сегодня, мисс Лилли, можно меня не бояться, я вам ничего плохого не сделаю. Думаю, вы меня понимаете? Вы ведь хотели, чтобы я пришел?

Я говорю:

— Да, я понимаю, что вы узнали что-то и думаете, что это большая тайна, что моя мать была сумасшедшей. Что дядя забрал меня из приюта, где она умерла. Но это ни для кого не секрет, даже слуги об этом знают. Мне не дают здесь об этом забыть. Мне жаль вас, если вы рассчитывали что-то выгадать от этой новости.

— Приношу извинения, — говорит он, — что мне пришлось напомнить вам об этом. Но это для меня не важно, вернее, важно лишь как предыстория вашего странного заточения в «Терновнике». Это ваш дядя — вот кто выгадал из-за несчастья, приключившегося с вашей мамой. Простите меня, но буду откровенен. Я сам негодяй и как никто понимаю других негодяев. Ваш дядя из самых подлых, потому что имеет возможность скрыться в этих стенах, где его злодейство выдается за стариковские причуды. Только не говорите, что любите его, — быстро добавляет он, взглянув мне в глаза.— Со мной не обязательно соблюдать приличия. Я знаю, что вы выше этого. Вот почему я пришел к вам в такой час. Мы сами для себя устанавливаем правила — и вы, и я. И можем вести себя так, как нам удобно. Но сейчас, думаю, нам надо сесть и поговорить, как джентльмен с

леди. Вы согласны?

Он делает широкий жест рукой, и после паузы — словно ожидая, что вот-вот войдет горничная с подносом, — мы садимся на диванчик. Из-под запахнутого плаща проглядывает ночная сорочка. Он отводит глаза, а я спешу плотнее закутаться.

— А теперь я расскажу вам о том, что я знаю, — говорит он. — Я знаю, что вы ничего не получите, пока не выйдете замуж. Я узнал об этом от Хотри. О вас говорят — наверное, вы знаете — в тайных книжных лавках и издательских домах Лондона и Парижа. Описывают вас как какую-нибудь девушку из сказки: мол, живет в «Терновнике» красивая девушка, которую дядя обучил, как мартышку, читать джентльменам скабрезные тексты, а может, и еще похуже. Не стану пересказывать всего — думаю, вы и сами догадываетесь. Но для меня это не важно. — Он пристально смотрит на меня, потом отводит взгляд. — Хотри — тот, по крайней мере, добрее других и считает меня честным, что для нас важнее. Он-то и рассказал мне, сочувственно качая головой, кое-что о вашей жизни, о вашей несчастной матери, о вашей будущности, при известных обстоятельствах. Знаете, холостяку не впервой слышать о таких девушках... но на сотню

едва ли найдется одна, заслуживающая внимания. Но Хотри оказался прав. Я навел справки о состоянии вашей матери, и — во сколько бы вы себя оценили, мисс Лилли?

Я не могу ответить, пожимаю плечами. Он называет число. Это в несколько сот раз дороже самой драгоценной книги из дядиной библиотеки и во много тысяч раз дороже самой дешевой. Другой мерой мерить я не умею.

— Это очень большая сумма, — говорит мистер Риверс, пытливо глядя мне в лицо.

Я киваю.

— И она будет нашей, — говорит он, — если мы поженимся.

Я не отвечаю.

— Признаюсь честно, — продолжает он, — я приехал в «Терновник», решив заполучить вас обычным образом — то есть соблазнить и увезти из-под дядиного крова, потом получить ваши денежки, а потом как-нибудь избавиться от вас. Но мне хватило и десяти минут, чтобы понять, что с вами тут сделали. Я понял, что осуществить мой план мне не удастся. Более того, мне стало ясно, что, соблазнив вас, я бы лишь изменил место вашего заточения. Я не хочу этого. Лучше я вас освобожу.

— Вы очень любезны, — говорю я. — Но что, если мне не нужна свобода?

А он в ответ:

— Думаю, вы просто жаждете вырваться.

Тогда я отворачиваюсь, чтобы не выдать волнения, и говорю как можно спокойнее:

— Вы забываете, что мои желания ничего не значат в этом доме. Может, дядины книги тоже хотели бы вырваться из шкафов. А он меня сделал похожей на них...

— Да, да, — перебивает он. — Примерно то же вы мне уже говорили. Но что значат эти ваши слова? Вам семнадцать лет. Мне двадцать восемь, и много лет я мечтал наконец разбогатеть и ничего не делать. Вместо этого я таков, каким вы меня видите: негодяй, не сказать чтобы вовсе без денег, но и не настолько богатый, чтобы каждую минуту не думать о них. Если уж вы считаете себя измученной, то представьте, как измучился я! Я провернул немало грязных дел, каждый раз думая, что это в последний раз! Верьте мне: я по своему опыту знаю, как можно убить лучшие годы, если доверять сказкам и принимать их за чистую правду.

Он привычным движением откидывает со лба непокорную прядь — необычная бледность и

запавшие глаза сильно старят его. Его мягкий воротник туго схвачен галстуком. В бороде блестит седая прядка. Кадык на шее, как у всех мужчин, беспомощно выступает вперед, словно напрашиваясь, чтобы ударили.

Я отвечаю:

— Это безумие. Вы, наверное, сумасшедший, раз пришли сюда, исповедались мне и ждете, что я вас послушаюсь.

— И все же вы меня не прогнали. Вы ведь не позвали служанку.

— Мне было просто интересно. Вы же сами видите, как скучно я тут живу.

— Вы ведь хотите, чтобы ваша жизнь стала интереснее? Тогда почему не бросить все сейчас — раз и навсегда? И вы сможете это сделать: бросить раз и навсегда, когда станете моей женой.

Я качаю головой:

— Полагаю, вы шутите.

— Вовсе нет, я говорю серьезно.

— Вы знаете, сколько мне лет. И знаете, что дядя мой никогда не отпустит меня с вами.

Он пожимает плечами и говорит беззаботно:

— Так мы не станем действовать напрямую.

— Вы и меня подбиваете сделать подлость?

— Да, — кивает он. — Но, честно говоря, мне

кажется, что вы к этому готовы. Не смотрите на меня так. Я не шучу. Вы многого не знаете. — Он внезапно нахмурился. — У меня к вам серьезное и очень необычное предложение. Вы не просто будете моей женой. Не простое замужество — не узаконенную каторгу, которую принято называть супружеством, — такого союза я вам не предлагаю, потому что и сам к нему не стремлюсь. Напротив, я говорю о свободе. О свободе, которая не часто выпадает на долю представительницам слабого пола.

— Вы хотите сказать, — отвечаю я с усмешкой, — что я обрету ее в браке?

— Посредством брачной церемонии, проведенной при определенных, весьма необычных, обстоятельствах. — И снова быстрым жестом приглаживает волосы, и только теперь я замечаю, что он тоже волнуется — даже еще сильнее, чем я. Он придвигается ближе и говорит: — Надеюсь, вы не из тех нежных созданий, которые чуть что падают в обморок? Надеюсь, ваша горничная спит и не подслушивает за дверью?

Я вспоминаю об Агнес, о ее синяках, но ничего не говорю, только смотрю на него. Он нервно проводит рукой по лицу.

— Ну, не дай бог, мисс Лилли, если я вас пере-

оценил! — говорит он. — Слушайте же.

И вот каков его план. Он привезет к нам в «Терновник» девушку из Лондона, устроит ее на место горничной. Конечно же, он ее обманет потом. Он говорит, что у него на примете есть одна — девушка моего возраста и внешне чуть похожая на меня. Она воровка, но не ушлая, в ней нет чрезмерной подозрительности. Он пообещает ей часть добычи. «Ну, скажем, тысячи две-три. Не думаю, что она осмелится запросить больше. Птица невысокого полета, зато много о себе понимает». Он пожимает плечами. В конце концов, сумма не так важна: он согласится дать, сколько она запросит, — все равно она ни шиллинга не получит. Она будет думать, что я невинна как дитя, и будет помогать ему соблазнять меня. Сначала она уговорит меня выйти за него замуж, а потом (он делает паузу) отвезет в сумасшедший дом. А там займет мое место. Она будет сопротивляться — еще бы! — начнет кричать, а санитары, решив, что это буйная форма помешательства, упрячут ее подальше от глаз.

— А вместе с ней, мисс Лилли, — заканчивает он, — упрячут и ваше имя, и никто не будет больше знать, чья вы дочь и чья племянница, — словом, все, что связано с вами теперешней. По-

думайте об этом! Вы скинете с плеч свое прошлое, как скидывают пальто на руки слуге, и пойдете налегке, куда вам будет угодно, — у вас будет такая жизнь, какую вы себе сами пожелаете.

Вот такую свободу — странную и зловещую свободу — он мне предложил. За тем и приехал в «Терновник». В награду ему нужно мое доверие, мое твердое слово, мое обещание молчать — и половина моего наследства.

Я ответила ему не сразу — сидела, отвернувшись от него, и думала. Наконец сказала:

— У нас ничего не получится.

— А по-моему, получится, — ответил он.

— Девушка догадается.

— Все мысли ее будут заняты хитрым планом, в который я ее вовлеку. И она, естественно, будет все происходящее воспринимать только с этой точки зрения — человек ведь что хочет увидеть, то и видит. Она ничего не будет знать о вашем дяде — а разве, глядя на вас, кто-нибудь усомнится в вашей невинности?

— А эти ее дружки, воры, — разве не будут они ее потом разыскивать?

— Конечно будут — каждый день воры ищут кого-нибудь из своих товарищей, который сбе-

жал с награбленным, а не найдя, поругают ее некоторое время и забудут.

— Забудут? Вы так думаете? Разве у нее нет... матери?

Он пожимает плечами:

— Ну что это за мать! Скорее тетка. Ей не впервой терять детей. Не думаю, что она будет очень опечалена, если еще одним выкормышем станет меньше. Особенно если решит — а она непременно решит, — что девчонка прикарманила денежки. Понимаете? В ее же собственных интересах будет похоронить ее. О мошенницах не так убиваются, как о честных девушках. — Он помолчал. — А мы ее упрячем в такой дом, откуда ей не выбраться.

— В сумасшедший дом...

— Извините, — быстро говорит он. — Но ваша собственная репутация — репутация вашей матери — будет работать на нас. Вот увидите. Все эти годы прошлое тяготело над вами, а теперь вы можете взять и обернуть его в свою пользу, а потом освободиться от него навсегда.

Я не смотрю в его сторону: боюсь, он заметит, насколько сильное впечатление произвели на меня эти его слова. Мне и самой странно, что они на меня так подействовали.

— Вы говорите так, будто моя свобода что-то для вас значит, — говорю я. — Но вам нужны лишь мои деньги.

— Я уже в этом признался, разве нет? Но ваша свобода и мои деньги — это одно и то же. Они будут гарантом вашей безопасности до тех пор, пока мы не получим наследства. До тех самых пор вы можете доверять не моей порядочности — у меня ее нет, — а, если хотите, моей жадности, потому что в мире, в котором мы живем — я не имею в виду «Терновник»,— это великая сила. Вы в этом сами убедитесь. Я научу вас, как использовать эту силу к собственной выгоде. Мы с вами снимем дом в Лондоне как муж и жена. Жить будем раздельно, разумеется, — добавляет он с улыбкой, — только показывать этого не будем... Когда же получим деньги, ваше будущее — в ваших руках, вам нужно только помалкивать о том, какой ценой вы его получили. Вы меня понимаете? Ввязавшись в это предприятие, мы или будем верны друг другу, или потерпим крах. Я говорю серьезно. Я не хочу вводить вас в заблуждение относительно законности нашей сделки. Может быть, ваш дядя позаботился о том, чтобы вы оставались в неведении относительно законов...

— Мой дядя позаботился о том, чтобы я готова

была рассмотреть любое предложение, сулящее свободу. Но...

Я умолкаю. Тогда он говорит:

— Ну хорошо, я не жду, что вы сей же час скажете мне о своем решении. Я хочу, чтобы ваш дядя оставил меня здесь — работать с рисунками, завтра я намерен их посмотреть. Если он откажется, нам, так или иначе, придется еще подумать. Безвыходных положений не бывает...

Он проводит рукой по глазам, и опять кажется, что он намного старше. Часы бьют полночь, огонь в камине давно погас, и в комнате стало холоднее. Меня вдруг пробирает озноб. Он, верно, думает, что это от страха. Склоняется надо мной и берет за руку.

— Мисс Лилли, — говорит он, — вы думаете, ваша свобода для меня ничего не значит. Но как я могу оставаться спокойным, как вообще любой честный человек может оставаться спокойным, видя, как вас сделали рабой похоти, посмешищем таких низких людей, как Хасс, и ничего не предпринять для вашего освобождения? Подумайте о моем предложении. И подумайте, есть ли у вас выбор. Может быть, вы желали бы себе другого жениха, но разве среди джентльменов, знакомых вашего дяди, найдется хоть один стоящий? А

если и найдется, будет ли он таким же щепетильным, как я, в отношении вашего богатства? Или вашей свободы? О, может быть, вы скажете: «Я дождусь, когда дядя умрет, и тогда получу свободу». Да, глаза его плохо видят, руки дрожат, но чем меньше у него будет сил, тем больше работы он будет сваливать на вас. К тому времени вам уже будет — сколько? Ну, скажем, лет тридцать пять — сорок. Вы загубите лучшие годы ради книг, которые Хотри продает по шиллингу пара мальчишкам-разносчикам! Да, ваше состояние лежит нетронутым в банке. Вы надеетесь стать полновластной хозяйкой «Терновника», где время уходит от вас с каждым боем часов, — уходит в никуда, отсекая понемногу ваше будущее.

И пока он говорит мне все это, я смотрю не на него, а на свою ногу в комнатной туфельке. И опять, как уже не раз бывало, я сама себе кажусь спеленутой и задавленной, как ножка китаянки. От принятых накануне капель образ приобретает небывалую четкость, я вижу скрюченные пальцы, прелую кожу. Я тихо сижу, потом смотрю ему в глаза. Он наблюдает за мной, хочет знать, убедил ли меня или нет. Убедил. Не рассказами о моей печальной участи в «Терновнике» — потому что он ничего не сказал мне такого, о чем бы

я сама не догадалась давным-давно, — а самим фактом своего присутствия здесь, тем, что он обдумал все, отправился за сорок миль, тайком пробрался в нутро спящего дома и пришел в мою келью, ко мне.

А что касается лондонской девчонки — которая, на свою погибель, начнет через месяц плести свои козни и которой, со слезами на глазах, я буду повторять те же самые его доводы, — то я о ней не думаю совсем.

Я говорю:

— Завтра, когда дядя станет вам показывать свои картинки, похвалите Романо, хотя Караччи ценнее. Скажите, что Морланд лучше Роулендсона. Он считает Роулендсона халтурщиком.

Вот и все, что я сказала. Думаю, этого достаточно. Он смотрит мне в глаза и кивает. Он не улыбается — наверное, понимает, что улыбка в такой момент была бы неуместной, — отпускает мою руку, встает и оправляет плащ. О возникшей между нами близости тайных заговорщиков ничто не напоминает. Теперь его присутствие в комнате кажется даже лишним. Надеюсь, теперь он уйдет. Заметив, что я дрожу, он извиняется:

— Боюсь, я слишком долго отвлекал вас разго-

вором. Вы, наверное, замерзли и устали.

Может, он думает, что переоценил мои силы, и начинает сомневаться? Меня знобит сильнее. И тогда он спрашивает:

— Вас не... не слишком поразило все, что я тут наговорил?

Я мотаю головой. Но не решаюсь встать с дивана — боюсь, что у меня подкосятся ноги и он подумает, что я слабая.

— Вы уходите?.. — шепчу я.

— Вы справитесь без меня?

— Да. Будет даже лучше, если вы уйдете.

— Конечно, конечно...

Он порывается сказать что-то еще. Но я отворачиваюсь и через некоторое время слышу, как он осторожно ступает по ковру, тихо открывает и так же тихо затворяет за собой дверь. Я сижу не шелохнувшись еще некоторое время, потом забираюсь с ногами на диван, подтыкаю юбки, поднимаю капюшон и кладу голову на жесткую и пыльную диванную подушку.

Это не моя кровать, и время засыпать давно прошло, и нет рядом того, к чему я привыкла: ни шкатулочки с материнским портретом, ни горничной. Но в эту ночь привычный порядок нарушен. На горизонте забрезжил луч свободы

— пугающей и неизбежной, как смерть.

Я сплю и вижу во сне большую лодку, которая быстро-быстро несет меня по темной и молчаливой реке.

Глава девятая

Думается мне, даже тогда, или даже именно тогда, когда наш сговор еще не вступил в полную силу и нити его были еще так тонки и слабы, — думается, именно тогда я могла еще вырваться, не идти у него на поводу. Наверное, я и проснулась с мыслью о том, что так и поступлю, потому что комната — комната, в которой в ночной тиши, взяв меня за руку, он нашептал мне свой опасный план, словно развернул шуршащую бумажку, в которой лежит щепоть смертельного яда, — комната моя в первый рассветный час показалась мне до боли родной и знакомой. Я лежала и рассматривала ее. Я знаю здесь каждый закуток, каждый угол. Слишком хорошо знаю. Помню, как одиннадцатилетней девочкой плакала здесь, таким чужим и зловещим казался мне этот дом — с его давящей тишиной, с темными закоулками пустых коридоров, загроможденных всякой всячиной. Мне казалось, что он навсегда останется для меня чужим, — казалось, и сама я всегда буду здесь чужой: именно здесь я сделалась такой неподатливой, ершистой, колючей, словно я заноза в теле этого дома. Но «Терновник» обвил

меня цепкими путами. Поглотил меня. А сейчас даже шерстяной плащ, которым я укрылась, давит меня, не дает дышать, и я начинаю думать: «Мне никогда не убежать отсюда! Я не смогу бежать! «Терновник» никогда не отпустит меня!»

Но я ошибалась. Ричард Риверс появился в «Терновнике», произведя такой же эффект, как дрожжевая закваска, брошенная в тесто, и все вдруг стало другим. Когда я в восемь часов спускаюсь в библиотеку, меня отсылают прочь: они с дядей изучают гравюры. Они проводят вместе три часа. А когда потом, после полудня, меня зовут попрощаться с джентльменами, попрощаться со мной желают лишь мистер Хотри и мистер Хасс. Они стоят в холле, застегивают пальто, натягивают перчатки, дядя мой опирается на трость, а мистер Риверс, стоя чуть поодаль, смотрит на них, сунув руки в карманы. Он первым заметил меня. Ловит мой взгляд, но не делает никакого движения в мою сторону. Потом остальные, услышав на лестнице мои шаги, задирают головы и смотрят, как я спускаюсь.

Мистер Хотри говорит с улыбкой:

— А вот и наша прекрасная Галатея.

Мистер Хасс уже надел шляпу, при виде меня опять снимает.

— Нимфа? — спрашивает он, не спуская с меня глаз. — Или статуя?

— Все вместе, если хотите, — смеется мистер Хотри. — Но я имел в виду статую. Мисс Лилли такая же бледная, вам не кажется? — Он берет меня за руку. — Мои дочки бы вам позавидовали! Они едят глину, знаете ли, чтобы кожа стала белей. Да-да, глину! — Он качает головой. — Я лично считаю, что мода на бледность — очень нездоровая вещь. А что касается вас, мисс Лилли, то я вновь поражен — впрочем, я всегда поражаюсь, когда приходится расставаться с вами! — как нечестно поступает с вами ваш дядюшка. Словно гриб в темноте вас выращивает.

— Я к этому давно привыкла, — спокойно говорю я. — Кроме того, мне кажется, это от здешнего сумрака я кажусь бледнее, чем на самом деле. А разве мистер Риверс не едет с вами?

— Да, сумрак всему причиной. Право же, мистер Лилли, я еле нащупал пуговицы пальто. И когда только вы последуете примеру всего цивилизованного общества и сделаете в «Терновнике» газовое освещение?

— Когда у меня не будет книг, — отвечает дядя.

— Значит, никогда. Риверс, газ портит книги. Вы не знали?

— Не знал, — отвечает Ричард. Потом, обращаясь ко мне, говорит, понизив голос: — Нет, мисс Лилли, я не еду в Лондон, по крайней мере пока. Ваш дядя был так любезен, что предложил мне немного поработать с его гравюрами. Кажется, у нас с ним есть общий интерес к Морланду.

Глаза его темны — если только голубые глаза могут быть темными.

Мистер Хотри говорит:

— А теперь, мистер Лилли, как вам понравится такая мысль: почему бы вам, пока идет работа над гравюрами, не отпустить свою племянницу к нам на Холиуэлл-стрит? Не хотите ли, мисс Лилли, побывать в Лондоне? Ну же, по глазам вижу, что хотите.

— Она не хочет, — говорит дядя.

Мистер Хасс подходит ближе. На нем теплое пальто, и он вспотел. Берет меня за кончики пальцев.

— Мисс Лилли, — говорит он, — если мне когда-нибудь...

— Ладно, ладно, — обрывает его дядя, — утомили. Смотрите, а вон и кучер. Мод, будьте любезны, отойдите от двери...

— Дураки, — цедит он, едва джентльмены скрылись за дверью. — Согласны, Риверс? Но

пойдемте скорей, мне не терпится начать работу. Вы захватили все необходимое?

— Сейчас принесу.

Он кланяется и уходит. Дядя идет за ним, но вдруг оборачивается, смотрит на меня задумчиво, потом делает шаг ко мне.

— Дайте мне руку, Мод, — говорит он.

Наверное, он хочет, чтобы я поддержала его на лестнице, но, едва протягиваю ему руку, он хватает меня за кисть, подносит к самым глазам, отворачивает рукав и внимательно рассматривает открывшуюся полоску кожи. Цокает языком. Потом щиплет меня за щеку.

— Бледная, говорят? Как гриб? Хм-хм... — И, пожевав губами, изрекает: — А известно ли вам, на чем произрастают эти самые грибы? Ну уж нет! — смеется он. — Сейчас уже не бледная!

Я, покраснев, отворачиваюсь. Все еще смеясь, он выпускает мою руку и начинает взбираться по лестнице. На ногах у него мягкие домашние туфли без задников, открывающие обтянутые чулком пятки. Я смотрю, как он поднимается, и злорадствую: вот бы мне хлыст или палку, как бы дала ему по пяткам, чтобы споткнулся.

Я лелею эту мысль, пока шаги его не затихают, и тут Ричард выходит на галерею: он успел

сходить к себе в комнату. Я тихо стою в темном углу у двери, он не видит меня и не знает, что я еще здесь. Он быстро шагает по галерее, барабаня пальцами по деревянным перилам, и, кажется, даже весело насвистывает. Мы в «Терновнике» не привыкли к подобным звукам: от дядиных слов во мне поднялась такая волна ярости, что эти новые звуки кажутся мне дикими, даже опасными, как будто от них вот-вот рухнут своды. Он шагает уверенно, бодро, взметая вековую ковровую пыль. И мне начинает казаться, что с облезлого потолка падают крупицы краски. У меня кружится голова. Я словно вижу, как стены дома начинают трескаться и расползаться, — и весь дом, кажется, вот-вот развалится. И только одного боюсь: что не успею вовремя убежать.

Но и бежать я тоже боюсь. Думаю, он об этом знает. Он не может поговорить со мной наедине, после того как мистер Хасс и мистер Хотри уехали, и не осмеливается тайком снова пробраться ко мне в комнату. Но он прекрасно знает, что должен посвятить меня в свой план. Он осматривается, выжидает. Он ужинает вместе с нами, но место его теперь рядом с дядей, не со мной. Правда, однажды вечером, оторвавшись от беседы с дядей, он говорит следующее:

— Меня беспокоит, мисс Лилли, что досаждаю вам своим присутствием, поскольку отвлекаю вашего дядю от Указателя. Вероятно, вам не терпится поскорее вернуться к книгам.

— К книгам? — удивляюсь я, но, чувствуя оплошность, перевожу взгляд на жаркое и поправляюсь: — Конечно, очень даже.

— Мне кажется, я должен что-нибудь придумать, чтобы облегчить вам неудобство и скрасить уныние ваших дней. Может, вы рисуете или пишете картины, тогда я мог бы заодно их оправить для вас. Наверняка рисуете. Потому что из ваших окон открываются дивные виды.

Он вскидывает бровь, как дирижер палочку. Конечно, я тут же отзываюсь.

— Я не умею рисовать, — отвечаю я. — Меня не учили.

— Как? Никогда? Извините меня, мистер Лилли. Ваша племянница производит впечатление такой искушенной в изящном, женском искусстве, я бы сказал... Но знаете, мы ведь можем это исправить без особого труда. Я мог бы преподать мисс Лилли основы живописи и рисунка. После обеда в свободные часы, например, я мог бы давать ей уроки. У меня имеется опыт: когда я жил в Париже, я учил рисованию дочек одного графа.

Дядя таращит глаза.

— Рисование? Зачем это моей племяннице? Разве вы, Мод, собираетесь помогать нам в составлении альбомов?

— Я имею в виду рисование просто как занятие, сэр, — осторожно замечает Ричард, прежде чем я успеваю ответить.

— Как занятие? — Дядя таращится на меня. — Мод, что вы на это скажете?

— Боюсь, у меня нет к этому способностей.

— Нет способностей? Что ж, вполне возможно. Почерк у вас, когда я впервые его увидел, и впрямь был некрасивый, да и сейчас буквы чуть-чуть косят. Скажите мне, Риверс, может ли рисование поспособствовать выработке твердого почерка?

— Могу ответить со всей определенностью: может.

— Тогда, Мод, пускай мистер Риверс вас учит. А то мне неприятно думать, что вы бездельничаете. Ну как?

— Хорошо, сэр, — отвечаю я.

Ричард сидит с отсутствующим видом, глаза его мутные, подернуты пленкой, как у кошки, когда она дремлет. Но, едва дядя утыкается в свою тарелку, он устремляет на меня победный взор, и от этого взгляда мне становится не по себе.

Не поймите меня превратно. Не подумайте, что я чересчур щепетильна. Да, затея его меня пугает — что, если она удастся, и в то же время боязно, если провалится. Но кроме того, меня пугает его смелость — или, вернее сказать, от его смелости меня пробирает дрожь — как, говорят, дрожание струн пробуждает в телах необъяснимый отклик. «Мне хватило и десяти минут, чтобы понять, что с вами тут сделали, — сказал он мне в тот первый вечер. А потом: — Мне кажется, что вы готовы к подлости». И он был прав. Если я и не знала за собой этого или, вернее, не замечала и не могла назвать это верным словом, — то теперь-то я уж точно знаю, кто я такая.

Я сознаю это каждый раз, когда он поднимается ко мне в комнату и целует руку, касается губами моих пальцев, вращает холодными, прозрачными, дьявольскими глазами. Агнес смотрит на нас, но ничего не понимает. Она принимает это за галантность. Это и есть галантность! Галантность мошенников. Она видит, как мы выкладываем бумагу, грифели и краски. Видит, как он садится рядом со мной, уверенной рукой направляет мою, выравнивает линии, учит делать штриховку. Он говорит очень тихо. Обычно у мужчин, когда они стараются говорить тихо, это плохо получается:

они то свистят, то шипят, то пищат, — его же голос может быть тихим и в то же время мелодичным, и пока она сидит и шьет шагах в десяти от нас, он потихоньку обговаривает со мной наши действия, пока наконец план не становится безупречным.

— Очень хорошо, — скажет он, бывало, как самый настоящий учитель рисования способной ученице. — Очень хорошо. Вы быстро схватываете.

И улыбнется. Выпрямится, откинет со лба прядь волос. Посмотрит на Агнес, та смущенно отведет взгляд.

— Ну, Агнес, — скажет он, заметив ее трепыхание, как охотник — птичку, — что скажете о художественных талантах вашей госпожи?

— О, сэр! Я не смею судить.

Он берет карандаш и подходит к ней ближе.

— Вы видели, как я учу мисс Лилли держать грифель? Она зажимает его чисто по-женски, а надо тверже. Мне кажется, ваша рука, Агнес, лучше с этим справится. Не хотите ли попробовать?

Однажды он даже берет ее за руку. Она краснеет.

— Вы смущаетесь? — удивляется он. — Уж не думаете ли вы, что я хочу оскорбить вас?

— Нет, сэр!

— Тогда почему вы покраснели?

— Мне просто жарко, сэр.

— Жарко — в декабре?!

И так далее в том же духе. Он мастер подначивать, он делает это почти так же ловко, как я, и мне бы надо, заметив это, остановить его. Но чем больше он поддразнивает Агнес, чем больше та смущается, тем больше мне самой хочется подразнить ее — так волчок, когда его подкручивают, разгоняется все сильнее.

— Агнес, — говорю я, когда она снимает с меня платье или расчесывает волосы, — о чем вы думаете? О мистере Риверсе? Я хватаю ее за запястье и чувствую под кожей тонкие косточки. — Как по-вашему, он красавец? Не отпирайтесь, по глазам вижу! А разве молодым девушкам не нравятся красавцы?

— Право же, мисс, не знаю!

— Вот как вы отвечаете? Значит, вы *лжете*. — И щиплю ее куда придется, я-то знаю, где побольнее. — Вы врунья и кокетка. Вы добавите это к своим прегрешениям, когда будете стоять на коленях и просить прощения у Отца Небесного. Думаете, Он вас простит, Агнес? Да, Он должен простить рыжеволосую девчонку, потому что она

ничего не может поделать с собой, она порочна от природы. Было бы слишком жестоко сделать вас такой, а потом за это же наказывать. Так, Агнес? Разве вы не испытываете страсти, когда мистер Риверс на вас смотрит? Разве не прислушиваетесь к его шагам?

Она отвечает: нет. Клянется жизнью своей матери! Одному Богу известно, что она думает на самом деле. Она обязана так сказать, чтобы спектакль шел как надо. Она вынуждена будет так сказать и будет ходить в синяках, раз строит из себя невинность. А я должна бить ее. Пусть будет вся в синяках за то, что мечтает о нем, как мечтала бы я, будь я обычной девушкой с обычным сердцем.

Однако же я ничего такого к нему не чувствую. Даже и в мыслях у меня этого нет. Разве мадам де Мертей испытывала влечение к Вальмону? Мне этого не хочется. Я бы возненавидела себя, если бы со мной такое случилось. Потому что из книг, прочитанных в дядиной библиотеке, я узнала, что это так гнусно — зуд, похожий на зуд воспаленной кожи, утоляется быстро и влажно, за ширмами, в тесных закутках. А этот человек вызывает во мне совсем иное чувство — злое, болезненное ощущение родства злодейских душ.

Оно растекается по дому, как черная тень или как плесень по стене. Но в доме и так темно и сыро и полно пятен, и потому этого никто не замечает.

Никто, за исключением миссис Стайлз. Думается, лишь она одна, глядя на Ричарда, усомнилась, тот ли он джентльмен, за какого себя выдает. Я замечаю, как она на него поглядывает. Кажется, она его насквозь видит. Решила, наверное, что он задумал обольстить меня и обмануть, чтобы мне потом плохо было. И догадка эта, при том что она ненавидит меня, ее радует, и делиться ею с кем бы то ни было она не намерена, она лишь с улыбкой предвкушает мое падение, пестует его, как некогда пестовала свое умирающее дитя.

Вот те металлические скрепы, из которых мы сделали свой капкан, вот какие силы сгибали его и оттачивали его зубья. А когда все было готово…

— Теперь, — говорит Ричард, — пора за работу. — Нам надо избавиться от Агнес.

Он говорит шепотом, не сводя с нее глаз, — она сидит у окна, склонясь над шитьем. Говорит так спокойно, взгляд его так тверд, что меня это пугает. Наверное, я даже отшатнулась. Тогда он оборачивается ко мне.

— Вы сами знаете, так надо, — говорит он.

— Конечно.

— И вы понимаете, каким образом?

До этой секунды я не понимала. А теперь увидела его лицо.

— Это единственный путь, — продолжает он, — с добродетельными девицами можно только так. Это заткнет им рот вернее, чем угрозы или звяканье монет...

Он берет кисть и начинает задумчиво водить ею по губам — взад-вперед, взад-вперед.

— Подробности вас не касаются, — говорит он тихо. — Ничего особенного в этом нет. Совсем ничего. — Он улыбается.

Агнес оторвалась от работы и заметила, что он на нее смотрит.

— Правда, хороший сегодня день, Агнес? — спрашивает он. — Ясно-то как?

— Да, ясно, сэр.

— Хорошо. Очень хорошо...

Потом, вероятно, она вновь склонила голову, потому что лицо его вмиг стало злым. Он покусывает кончик кисточки.

— Я это сделаю сегодня... ночью, — произносит он задумчиво. — Почему бы нет? Сделаю! Проберусь к ней в горницу, как к вам тогда. Все, что от вас потребуется, — оставить нас наедине на пятнадцать минут. — Вновь смотрит на меня.

— И не входить, даже если она закричит.

До этого момента все представлялось мне своего рода игрой. Разве не могут джентльмены и юные леди, собравшиеся в загородном доме, немножко пошалить — пококетничать, пофлиртовать? А сейчас — в первый раз у меня сжимается сердце от того, что должно случиться. Когда Агнес раздевает меня перед сном, я не в силах на нее смотреть. Я отворачиваюсь.

— Можете сразу закрыть дверь в свою комнату, — говорю я и чувствую, что она не решается, потому что голос мой звучит неуверенно.

Она озадачена. Я не смотрю, как она уходит к себе. Слышу, как щелкает щеколда, как она бормочет молитвы. Слышу, как резко обрывается бормотание, когда он подходит к ее двери. Однако она не кричит. Смогла бы я удержаться и не кинуться ей на помощь, если бы она закричала? Не знаю. Но она не кричит, только бормочет что-то тонким голосом, с удивлением, возмущением, а потом — как мне кажется — с ужасом. Но вдруг умолкает, ей заткнули рот или успокоили, и лишь временами слышен теперь шепот да шорох белья — или это ворочаются тела? Потом наступает тишина. И это ужаснее всего: не отсутствие звуков, а обилие мелких, почти не слышных

движений, мелкая возня, какую, говорят, можно видеть в чистой капле воды, если смотреть в увеличительное стекло. Я представляю, как она плачет, дрожит — но одежда сброшена, и голые руки ее, усыпанные веснушками, сомкнуты за его спиной, а бескровные губы ищут его губ...

Я подношу ладони к губам. И чувствую сухую кожу перчаток. Тогда я затыкаю уши. Мне неизвестно, когда он от нее ушел и что она делала после его ухода. Дверь между нами закрыта. Я принимаю лекарство, чтобы легче было заснуть. И на следующее утро просыпаюсь поздно. Я слышу, как она слабым голосом зовет меня из-за двери. Говорит, что заболела. Когда она разлепляет губы, я вижу, что и весь рот внутри покраснел.

— Скарлатина, — шепчет она и не смотрит мне в глаза.

В доме боятся инфекции. Да уж, есть чего бояться! Ее переводят на чердак, а в ее горнице зажигают плошки с уксусом — от вони меня чуть не выворачивает. С тех пор я встретилась с ней один лишь раз — когда она зашла попрощаться со мной. Она похудела, и глаза ввалились. Волосы коротко острижены. Я протягиваю ей руку, но она дергается, словно ждет удара, я лишь касаюсь

губами ее руки выше кисти.

Она смотрит на меня с презрением.

— Сейчас вы со мной добрая, — говорит она, вырывая руку и натягивая рукав, — для битья у вас теперь другой будет. Хорошо бы. Надеюсь, успеете набить ему синяков, пока он вам не набил.

Слова ее меня слегка обескуражили, но лишь слегка, и, когда она уходит, мне кажется, я начисто о ней забываю. Потому что и Ричарда тоже нет рядом: он уехал за три дня до этого — по делам моего дяди и по нашим, конечно, и все мои мысли — только о нем, о нем и о Лондоне. Лондон! В котором я никогда не была, но который представляю себе так живо, что мне кажется, я его знаю. Лондон, где я наконец обрету свободу, отброшу старое и заживу совсем по-другому — без чужой, навязанной мне воли, без этих давящих переплетов и корешков — без книг! В моем доме совсем не будет бумаги!

Я лежу на постели и пытаюсь представить дом, в котором буду жить в Лондоне. Но не могу. Вижу только ряд потайных уголков для свиданий — темных, тесных, с душными сводами, комнат, похожих на темницы, — комнат для утех Приапа и Венеры. Я сдаюсь. Ладно, потом я его увижу яснее. Я в этом уверена. Встаю и принимаюсь

ходить по комнате и снова думаю о Ричарде, как он рыщет по городу, пробирается в мрачный воровской притон у реки. Представляю грубые приветствия воров, вижу, как он сбрасывает пальто и шляпу, греет руки у камина и оглядывается вокруг. Вижу, как он, подобно Макхиту, вглядывается в окружающие его лица — миссис Аспид, Бетти Стибри, Дженни Козни, Молли Нагли, — и вот наконец та, кого он искал...

Сьюки Сопли.[12]

Я думаю о ней. Вижу, какие у нее волосы — светлые, какая фигура — она толстушка, какая походка, какой цвет глаз — я почему-то уверена, что они голубые. Я засыпаю, и она мне снится: говорит со мной, зовет по имени и хохочет.

Мне снится этот сон, когда в комнате появляется Маргарет. В руке у нее письмо — от него.

«Она наша», — написано там.

Я читаю письмо, потом падаю навзничь на подушку и прижимаю его к губам. Губы касаются гладкой бумаги. Словно он мой возлюбленный — или она. Потому что и любовника так страстно не ждут, как я жду ее.

---

[12] Примечания: 12

Персонажи популярной пьесы английского драматурга Джона Гея (1685-1732) «Опора нищих», по мотивам которой была написана пьеса Бертольта Брехта «Трехгрошовая опера».

Но мне нужен не возлюбленный — мне нужна свобода.

Я бросаю письмо в огонь и сажусь писать ответ.

> «Буду рада, если Вы сразу же пришлете ее ко мне. Мне она наверняка понравится. От одной мысли о том, что она явилась ко мне из Лондона, где находитесь Вы, мистер Риверс, она уже делается мне дорога». О том, что писать, мы условились заранее, еще до его отъезда.

Теперь, когда письмо отправлено, мне остается только ждать — день, другой. На третий она приезжает.

Она должна была быть в Марлоу в три часа дня. Я посылаю за ней Уильяма Инкера — загодя. Но вот я сижу и думаю, что она уже близко, а двуколка возвращается без нее: сильный туман, поезда запаздывают. Я хожу по комнате и не могу остановиться. В пять часов снова посылаю Уильяма на станцию — он снова возвращается один. Тогда я сажусь ужинать вдвоем с дядей. Когда Чарльз наливает мне вина, спрашиваю у него:

— Есть ли известия о мисс Смит?

Дядя слышит мой шепот и отсылает Чарльза прочь.

— Вам что, Мод, приятнее разговаривать со слугами, нежели с вашим дядей? — ехидно замечает он. После отъезда Ричарда он все время брюзжит.

В наказание он после ужина велит мне почитать гадкую книгу, и одно лишь перечисление жестокостей действует на меня успокаивающе. Но когда я поднимаюсь к себе, в промерзшие и тихие комнаты, меня снова охватывает беспокойство. Маргарет помогает мне снять платье, укладывает в постель, я встаю и начинаю ходить — от камина к двери, от двери к окну — и смотрю, не едет ли кто, не светит ли вдали фонарь двуколки. И вот я его наконец вижу. Он слабо мерцает в тумане и временами мигает — это когда лошадь с экипажем оказывается за деревьями, — он мигает, словно предупреждает об опасности. Прижав руку к груди, смотрю в окно. Вот экипаж приближается, лошадь замедляет шаг — я смотрю не на повозку, не на Уильяма, а на смутную фигуру, что сидит позади него. Они сворачивают за дом, и я бегу в комнату Агнес — теперь это комната Сьюзен, — и приникаю к окну, и наконец ее вижу.

Она поднимает голову, смотрит на стены ко-

нюшни, на циферблат часов. Уильям спрыгивает с повозки и помогает ей спуститься. Лицо ее скрыто под капюшоном. Она во всем темном и кажется очень маленькой.

Но она — вот она, наяву. Заговор наш стал явью! Я чувствую, что сила его крепнет, и меня охватывает трепет.

Сейчас, однако, поздно звать ее к себе. Придется еще подождать, а ее тем временем покормят ужином и проводят в горницу, а потом я буду лежать, прислушиваясь к ее шагам и бормотанию, и неотрывно смотреть на дверь — всего-то несколько оструганных дощечек! — что отделяет ее спальню от моей.

Но не выдерживаю и подхожу к двери, прислушиваюсь — и ничего не слышу.

На следующее утро Маргарет одевает меня очень тщательно, и, когда она затягивает корсет, я говорю:

— Наверное, мисс Смит уже приехала. Вы ее видели, Маргарет?

— Да, мисс.

— Как вы думаете, она подходит?

— Куда это подходит?

— Ну, мне в служанки.

Она качает головой.

— Похоже, у нее манеры не очень, — говорит она. — Хотя, конечно, раз пять была во Франции и вообще... Сообщила это мистеру Инкеру.

— Мы должны быть с ней поласковее. Здесь, после Лондона, ей может показаться скучно.

Маргарет не отвечает.

— Попросите миссис Стайлз привести ее ко мне, как только она позавтракает.

Я всю ночь провела в полудреме, думая о ней. Я должна поскорее увидеть ее — прежде, чем пойду к дяде, иначе я совсем разболеюсь.

Наконец в половине восьмого я слышу незнакомые шаги в коридоре, что выводит на лестницу черного хода, и миссис Стайлз говорит:

— Вот мы и пришли.

В дверь стучат. Где лучше встать? Я встаю у камина. Как с ней говорить? Удастся ли мне не выдать своего волнения, когда с ней заговорю? А она — заметит ли, что я волнуюсь? Или она волнуется сильнее моего? Я чувствую, что лицо мое горит — очень некстати. И тут дверь открывается. Миссис Стайлз входит первой, а потом — вот она передо мной: Сьюзен — Сьюзен Смит — Сьюки Сопли, легковерная девчонка, которая заберет себе мою жизнь и даст мне свободу.

Действительность меня разочаровала. Потому

что, вопреки ожиданиям, она оказалась не такой, как я ее себе представляла. Я думала, она будет похожа на меня, думала, она куда красивее, но она маленькая, худенькая, веснушчатая, и волосы ее цвета дорожной пыли. Подбородок острый. Глаза у нее карие, темнее, чем у меня. Взгляд то прямой, то лукавый: я видела, как она оценивающе посмотрела на мое платье, на перчатки, на туфельки, заметила даже стрелки на чулках. Потом, опомнившись — видно, вспомнила, чему ее учили, — неловко и торопливо присела. Видно, что осталась довольна своим реверансом. И мной довольна. Считает меня дурочкой. Мысль эта почему-то мне неприятна. Я думаю: «Ты приехала в «Терновник» погубить меня». А сама подхожу к ней и беру ее за руку. «Ну что, будем краснеть, дрожать или прятать глаза?» Но она смотрит на меня в упор, и пальцы ее, с обкусанными ногтями, холодные и уверенные.

Миссис Стайлз наблюдает за нами. Во взгляде ее ясно читается: «Вот девчонка, за которой вы посылали в Лондон. Она-то вам как раз подходит».

— Можете идти, миссис Стайлз, — говорю я. А потом, когда она поворачивается к двери: — Но вы ведь будете добры к мисс Смит, я знаю.

И снова смотрю на Сьюзен.

— Вы слышали, наверное, что я тоже сирота, Сьюзен. Меня привезли в «Терновник» в раннем детстве, я была еще очень мала, очень, и не было никого, кто бы позаботился обо мне. Не могу выразить словами, как миссис Стайлз отнеслась ко мне, только благодаря ей я узнала, какова бывает материнская любовь.

Я говорю так, а сама улыбаюсь. Дразнить экономку мне не впервой и даже неинтересно. Я делаю это только ради Сьюзен. И когда миссис Стайлз, покраснев, покидает комнату, я веду гостью к огню. Она послушно идет за мной. Садится. Она все делает быстро. Я опять беру ее за руку. Рука у нее тоньше, чем у Агнес, зато грубая. Когда она выдыхает, от нее пахнет пивом. Она говорит. Голос ее вовсе не такой, как в моих мечтах, а звонкий и нахальный, хотя она пытается говорить нежно и кротко. Рассказывает о своем путешествии, о поезде, который вез ее из Лондона, — при слове «Лондон» она старательно выговаривает каждый звук, думаю, она не привыкла произносить его, не привыкла думать о Лондоне как о своей сокровенной мечте, где должны исполниться все желания. Мне странно, что такая хрупкая, такая неприметная девчушка всю свою жизнь прожила в Лондоне, тогда как я все это

время просидела в «Терновнике», но мысль эта одновременно и утешает: раз даже такие живут, может, и мне, учитывая все мои таланты, будет там хорошо — и даже лучше, чем ей?

Так я успокаиваю себя, а сама расписываю ей все ее обязанности. Заметив, что она опять смотрит на мое платье и туфли, я вижу в глазах ее жалость, смешанную с презрением, и, кажется, краснею.

Говорю:

— Думаю, вашей прежней госпоже было бы смешно глядеть на меня!

Я чуть не сорвалась, но, если в моем голосе и была доля язвительности, она этого не заметила.

— О нет, мисс, — отвечает она. — Леди Алиса была слишком добра, чтобы смеяться над кем бы то ни было, и, кроме того, прекрасно знала, что роскошная одежда ровно ничего не значит, поскольку судят не по ней, а по человеку, который ее носит.

Она так увлечена этой своей только что придуманной историей — такая простота и бесхитростность, — что я целую минуту приглядываюсь к ней и молчу. Потом снова беру ее за руку.

— Мне кажется, вы добрая девушка, Сьюзен, — говорю я.

Она улыбается и изображает скромность. Делает попытку высвободить пальцы.

— Леди Алиса тоже так говорила, мисс, — отвечает она.

— Правда?

— Да, мисс.

Потом вспоминает о чем-то. Отстраняется от меня, шарит в кармане, вынимает письмо. Оно сложено, запечатано, на нем женским почерком написан адрес, и, конечно же, оно от Ричарда! Поколебавшись, я беру его — и, не распечатывая, уношу подальше от нее.

«Никаких имен! — сказано в нем. — Но, думаю, Вы догадались, кто вам пишет. Вот девушка, которая сделает нас богатыми — маленькая воровка, в прошлом я имел случай воспользоваться ее мастерством и могу рекомендовать ее Вам. Она наблюдает, как я пишу, и ни о чем не подозревает! Представляю, как она в эту минуту смотрит на Вас. Как не позавидовать ей, потому что мне придется проторчать здесь еще две недели, прежде чем буду иметь счастье увидеть Вас.

Пожалуйста, сожгите это письмо».

Мне казалось, я такая же расчетливая и хладнокровная, как он. Но нет, нет, я не такая: я чувствую на себе ее взгляд — в точности как он пишет! — и

мне становится страшно. Я сжимаю письмо в руке, потом вдруг понимаю, что стою так уже очень долго. Вдруг она заметила!.. Складываю листок пополам, потом еще раз, потом еще — наконец он больше не складывается. Я и не подозреваю, что она не умеет читать и писать, разве что имя свое, а когда узнаю об этом, то начинаю смеяться — ну прямо гора с плеч. Но все-таки полностью ей не доверяю.

— Не можете прочесть? — спрашиваю я. — Даже письмо, даже одно слово? — И вручаю ей книгу.

Она отказывается ее брать, но я настаиваю, она открывает ее, перелистывает страницу и смотрит в текст, но делает все с таким страхом и так неловко, что мне становится ясно: она не притворяется. Наконец она заливается краской.

Тогда я забираю у нее книгу.

— Простите, — говорю.

Но извиняюсь для виду. На самом деле я удивлена. Не умеет читать! Мне кажется это таким же чудом, как то, что святые великомученики не чувствовали боли.

Бьет восемь часов — пора идти к дяде. У двери задерживаюсь. В конце концов, я должна что-то сказать про Ричарда, говорю, что положено, и замечаю в глазах ее довольный огонек. Она сооб-

щает мне, какой он добрый. И опять говорит так, будто сама в это верит. Может, и верит. Может, там, откуда она пришла, доброта измеряется по другим меркам. Я ощупываю углы и сгибы сложенной записки, что лежит в кармане моей юбки.

Что она делала без меня в моих комнатах, этого я сказать не могу, но представляю, как она ощупывает шелковую ткань моих платьев, перебирает мои ботинки, перчатки, пояса. Добралась ли она до драгоценностей? Может, придумывает, что с ними делать, когда они ей достанутся: эту брошку оставит себе, из этой выковырнет камни и продаст их, а золотое кольцо, принадлежавшее моему отцу, подарит своему молодому человеку...

— Вы сегодня рассеянны, Мод, — говорит дядя. — У вас что, есть другое дело, которым вам не терпится заняться?

— Нет, сэр, — отвечаю я.

— Может, я утомляю вас этой нехитрой работой? Может, вам хотелось бы все эти годы сидеть в своем сумасшедшем доме? Тогда прошу извинить: мне казалось, я оказал вам услугу тем, что забрал вас оттуда. Но, может, вам лучше среди сумасшедших, чем среди книг?

— Нет, дядя.

Он молчит. Я думаю, он вернулся к своим записям. Но он продолжает:

— Это ведь очень просто: позвать миссис Стайлз и попросить ее отвезти вас обратно. Вы уверены, что вам туда не хочется? Или все-таки послать за Уильямом Инкером с двуколкой? — Говоря так, он наклоняется ко мне и злобно щурится. Потом, помолчав, улыбается чему-то. — Интересно, как они к вам отнесутся, — продолжает он, но уже другим тоном, — вы ведь теперь много чего знаете?

Он произносит это очень тихо и медленно, потом снова пробормотывает свой вопрос: словно жует печенье и говорит с набитым ртом. Я помалкиваю, смотрю в пол. Он поправляет воротник и опять утыкается в свои бумаги.

— Так, так. «Модистки». Почитайте мне из второго тома, но обращайте внимание на пунктуацию и скажите, где страницы перепутаны. Я их у себя помечу.

Эту книгу я читаю, когда она приходит за мной, чтобы проводить наверх в мою гостиную. Она стоит у двери, смотрит на ряды книг по стенам, на замазанные окна. Она встала рядом с указательным пальцем, которым дядя мой отметил границу невинности в «Терновнике», точно так

же раньше стояла и я, но — опять же, как я когда-то, — по неведению своему она его не замечает и чуть не переступает запретную черту. Я должна удержать ее от этого шага — мне это нужно даже больше, чем дяде! — и, пока он кричит и возмущается, я иду к ней и осторожно беру за руку. Она вздрагивает от моего прикосновения.

Я говорю:

— Не бойтесь, Сьюзен. — И показываю ей медную руку в полу.

Я забыла, что, конечно же, она может смотреть здесь на все — на все, что угодно, — для нее это будут просто чернильные знаки на бумаге. Вспомнив, я опять удивляюсь, и во мне вскипает зависть. Я вовремя отпускаю ее локоть, чтобы со зла не щипнуть.

Когда мы поднимаемся ко мне, я спрашиваю ее: что она думает о моем дяде?

Она считает, он сочиняет словарь.

Приносят завтрак. Мне есть не хочется, и я пододвигаю к ней свою тарелку. Потом откидываюсь на стуле и смотрю, как она проводит пальцем по краю фарфоровой тарелки, с удивлением поглядывает на салфетку, разложенную на коленях. Из нее получился бы неплохой аукционист, агент по продаже домов: на столовые приборы

она смотрит так, будто мысленно прикидывает, на сколько потянет металл, из которого они сделаны. Она съедает три яйца, быстро орудуя ложечкой, — не морщится при виде жидкого желтка. Поев, вытирает рот рукой, слизывает с пальца налипшие крошки, глотает.

«Ты приехала сюда, — думаю я, — чтобы и меня так же проглотить».

Но, разумеется, я и хочу, чтобы она это сделала. Мне очень нужно, чтобы она это сделала. Я уже мысленно начинаю прощаться со своей прошлой жизнью. Она выходит из меня так быстро, как дым из горящего фитиля, окрашивая стекло черным. Выходит, как нить из паука, готовящегося спеленать трепещущую муху. Я представляю, как серебряная нить оплетает ее. Она об этом не знает. Узнает потом, когда будет поздно, и увидит, как эта нить скрутила ее, спеленала и сделала моим подобием. А сейчас она просто устала и волнуется. Я веду ее гулять по парку, она покорно идет за мной. Потом мы сидим и шьем, она зевает и трет глаза и ничего уже вокруг не замечает. Она кусает ногти, а когда видит, что я смотрю, прячет руку, но через минуту тянет ко рту прядь волос.

— Вы вспоминаете Лондон? — спрашиваю я.

Она поднимает голову.

— Лондон, мисс? — переспрашивает она.

Я киваю.

— Что леди делают в Лондоне в это время дня?

— Леди, мисс?

— Леди, такие, как я.

Она беспомощно озирается. Потом, через мгновение, говорит:

— Делают визиты, мисс.

— Визиты?

— Ходят в гости к другим леди.

— Угу.

Она не знает. Она все это выдумала. Уверена, что выдумала! Но все равно после этих ее слов сердце мое забилось. «Леди, — сказала я, — такие, как я». Таких, как я, больше нет, и я со страхом представляю, как буду жить в Лондоне, одна, и в гости ко мне никто не зайдет...

Но ведь и сейчас я одна, и никто не навещает меня. А там со мной будет Ричард, он будет меня направлять, давать советы. Ричард собирается снять нам дом, с комнатами, с дверями, которые будут запираться...

— Как вы себя чувствуете, мисс? — спрашивает она.

Может, я поежилась. Она встает, чтобы принести мне шаль. Я смотрю, как она идет. Ступает по

ковру уверенно, не обращая внимания на причудливый узор из линий, ромбиков и квадратиков, что сплетается у нее под ногой.

Я все смотрю на нее и смотрю. Вообще-то мне не следует так долго смотреть на нее, когда она выполняет обычную работу по дому. В семь часов она одевает меня к ужину. В десять укладывает в постель. После этого уходит в свою горницу, и я слышу, как она вздыхает, и вижу, как она потягивается. Свеча в ее комнате освещает ее всю, а я смотрю из темноты. Фигура ее мелькает в дверном проеме: вот она подбирает с пола упавшую завязку, вот берет плащ и отряхивает с него пыль. Она не молится на коленях, как Агнес. Садится на кровать — мне ее теперь не видно, но она поднимает ноги и носком одного ботинка снимает другой. Потом встает и расстегивает платье и, когда оно падает на пол, неуклюже переступает через него, расшнуровывает корсет, потирает бок, опять вздыхает. Уходит в сторону. Я вытягиваю шею, чтобы лучше видеть. Она возвращается уже в ночной сорочке — и дрожит от холода. Я от сочувствия тоже начинаю дрожать. Она зевает. Я тоже зеваю. Она потягивается — с наслаждением, словно в предвкушении сладкой дремоты. И вот уходит, задувает свечу, залезает

на кровать — теперь она согреется и уснет...

Она засыпает быстро, как младенец. И я так когда-то засыпала. Я выжидаю немного, потом достаю материнский портрет и подношу его к губам.

— Вот и она, — шепчу я. — Вот и она. Она теперь твоя дочь!

Как все просто! Но, закрыв шкатулку, я опять лежу без сна. Часы вздрагивают и начинают бить. В парке верещит какой-то мелкий зверек — похоже на детский плач. Я закрываю глаза и вспоминаю — хотя давно уже так ясно не вспоминала — сумасшедший дом, мой родной дом, и в нем — безумные женщины с дикими глазами, сестры. Я живо представляю себе спальни сестер, циновки на полу, надпись на побелке: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня».[13]Вспоминаю лестницу, ведущую на чердак, прогулки по крыше, вспоминаю, какой мягкий свинец, если царапнуть ногтем... как страшно смотреть вниз...

Должно быть, на этой мысли я и заснула — ушла с головой в самые глубины сна. Но потом вдруг проснулась — вернее, не совсем проснулась, тяжелые путы сна все еще тянут меня назад, в

---

[13] Примечания: 13
Евангелие от Иоанна, 4:34.

темноту. Потому что, открыв глаза, я не понимаю, где я — мне странно все и жутко страшно. Смотрю на свое тело под покрывалом, и так странно — то вижу его, то оно совсем пропадает, то словно распадается на мелкие кусочки, и я не могу вспомнить, сколько мне лет. Я кричу. Зову Агнес. Я и забыла, что ее уже нет. Забыла про Ричарда Риверса и про наш хитроумный план. Я зову Агнес, и кажется, она идет ко мне, но только чтобы забрать мою лампадку. Я думаю, она это делает, чтобы наказать меня. «Не уносите свет!» — прошу я, но она уносит, и я остаюсь в кромешной темноте и слышу, как ходит в петлях дверь и шорох шагов за занавеской. Кажется, проходит много времени, прежде чем свет появляется снова. Но когда Агнес поднимает лампадку и видит мое лицо, она вскрикивает.

— Не смотрите на меня! — молю я. А потом: — Не уходите! — Потому что чувствую, если она останется, не уйдет, то беда — какая, не знаю, но что-то ужасное — не случится, и меня — или ее — можно будет спасти. Я прижимаюсь к ее щеке и хватаю за руку. Но рука ее белая, хотя должна быть в веснушках. Я смотрю на нее и не узнаю.

Она говорит чужим голосом:

— Это Сью, мисс. Вы меня узнаете? Там ничего

нет. Вам привиделось.

— Привиделось?

Она гладит меня по щеке. Поправляет волосы — не как Агнес. Как никто другой. Она повторяет:

— Меня зовут Сью, мисс. У Агнес была скарлатина, и ее отправили домой. А теперь вам надо лечь, иначе вы простудитесь и тоже заболеете. Вам нельзя болеть.

Я сначала ничего не понимаю, но потом сон отпускает меня — я узнаю ее и вспоминаю, кто я, вспоминаю свое прошлое, настоящее и неизвестное будущее. Она мне чужая, но она — часть этого всего.

— Не уходите, Сью! — прошу я.

Она не знает, что делать. Когда она отворачивается, я хватаю ее крепче. Но она повернулась, чтобы перелезть через меня, и вот уже залезает под простыню и обвивает меня рукой, губы ее касаются моих волос.

Она холодная, и мне тоже холодно. Я начинаю дрожать, потом успокаиваюсь и лежу не шевелясь.

— Ну вот, — тихо говорит она.

Ее дыхание щекочет мне щеку, ее голос нежно журчит в темноте:

— Ну вот. А теперь — спать. Будете спать? Ну и

умница. Хорошая девочка.

«Хорошая девочка» — так она сказала. В этом доме давно уже никто не считает меня хорошей. А она считает. Должна так считать, ради нашего успеха. А я должна быть хорошей, доброй и глупой. Разве о золоте не говорят, что оно хорошее? Я для нее как золото. Она пришла, чтобы погубить меня, но еще не время. Сейчас она должна беречь меня, холить и лелеять, трястись надо мной, как над грудой монет, которые в конце концов промотает...

Я это знаю, но не могу почувствовать то, что, казалось бы, должна. Я засыпаю в ее объятии, сплю крепко, без снов и, когда просыпаюсь, чувствую рядом ее тепло. Она отодвигается, едва я пошевелилась. Трет глаза. Ее распущенные волосы касаются моих. Черты лица ее от сна утратили прежнюю резкость. Лоб гладкий, ресницы слиплись, а в глазах, когда она глядит на меня, нет ни насмешки, ни злобы... Она улыбается. Зевает. Встает. Одеяло вздымается и падает, обдает меня теплом. Я лежу и пытаюсь припомнить, что было ночью. В сердце трепещет какое-то новое чувство — стыд или, может, испуг. Я кладу руку туда, где спала она, — простыня холодна.

Она тоже изменилась. Стала увереннее, добрее.

Маргарет приносит воды, наливает в тазик.

— Готовы, мисс? — говорит моя новая горничная. — Лучше поскорее.

Мочит полотенце, отжимает и, пока я стоя пытаюсь снять сорочку, проводит влажной материей по моему лицу и под мышками. Я у нее теперь вместо ребенка. Она усаживает меня, чтобы расчесать волосы. И приговаривает:

— Как спутались-то! Чтобы расчесать такой веник, надо начать с кончиков...

Агнес умывала и причесывала меня торопливо, и каждый раз, когда расческа застревала, нервничала и дергала. Как-то я ее даже стукнула туфлей — сильно, так, что пошла кровь. А теперь я сижу перед Сьюзен — Сью, ночью она называла себя Сью, — сижу тихо и терпеливо, пока она распутывает колтуны на моих волосах, и смотрю на свое отражение в зеркале...

Хорошая девочка.

Потом я говорю:

— Спасибо, Сью.

Я часто говорю так, и в этот день, и в последующие дни и ночи. Агнес я такого не говорила. «Спасибо, Сью», «хорошо, Сью» — когда она просила меня сесть или встать, поднять руку или ногу. «Нет, Сью» — когда она спрашивала, не туго

ли затянуто платье.

«Нет, мне не холодно», но она хочет в этом убедиться (мы гуляем по парку): подправляет у ворота плащ, чтобы я не простыла. Нет, мои ботинки не промокли от росы — но она проверяет пальцем, сунув его между чулком и краем ботинка, чтобы удостовериться. Я не должна простужаться. Я не должна утомляться. «Может, вы уже находились, мисс?» Я не должна болеть. «Опять завтрак на тарелке остался. Ну хоть чуточку!» Я не должна стать худышкой. Я гусь, которого откармливают, чтобы потом зарезать.

Конечно, хотя она этого и не знает, как раз ей-то и не мешает потолстеть — ей, которая со временем приучится засыпать, просыпаться, одеваться, гулять по приказу, по сигналу, по звуку колокольчика. Она думает, что ублажает меня. Думает, что жалеет меня! Она привыкает к порядкам в доме, не подозревая, что привычки и одежды, что сейчас сковывают меня, скоро скрутят ее саму... Обернутся вокруг, как сафьян или шагрень... Я привыкла думать о себе как о своего рода книге. Я и есть книга — для нее: она смотрит на меня беспомощным взглядом, не может прочесть, видит лишь форму, но не понимает текста. Она замечает лишь то, что снаружи — «Ах, какая вы

бледненькая!» — но не подозревает, какая бурная, порочная кровь бьется внутри.

Я не должна была этого делать. Но не могу иначе. Я слишком прониклась мыслью — эту мысль она подсказала, — что я всего лишь глупая девочка, которую судьба обделила и которой снятся кошмары. Но никаких кошмаров мне не снится, пока она спит рядом, и под этим предлогом я заманиваю ее к себе в постель и на вторую ночь, и на третью. А потом это становится обычным делом. Поначалу она ведет себя настороженно, но, оказывается, ей не нравятся балдахин и занавеси. Каждый раз она, подняв свечу, вглядывается в складки материи.

— А вдруг там мошки какие или паук — возьмет да и свалится?

Она хватается за столбик и трясет изо всех сил — падает один жук, и нас обдает облаком пыли.

Однако, привыкнув, она ложится без уговоров, и по тому, как легко и естественно она сворачивается, обнимая меня рукой, я догадываюсь, что она привыкла спать не одна. Интересно только с кем.

— У вас есть сестры, Сью? — спросила я ее как-то раз, может быть, через неделю после ее приезда. Мы гуляем вдоль реки.

— Нет, мисс.

— А братья?

— Насколько мне известно, нет, — отвечает она.

— И вы росли, как и я, в одиночестве?

— Ну нет, мисс, не то чтобы в одиночестве... В общем, с двоюродными сестрами и братьями.

— Ага, с двоюродными... Вы хотите сказать, с детьми вашей тети?

— Тети? — Она, похоже, не понимает.

— У вас же есть тетя, няня мистера Риверса.

— Ой! — Она моргает. — Да, мисс. Конечно...

Она отворачивается от меня, взгляд ее задумчив.

Она вспомнила о доме. Я пытаюсь представить, какой он, — и не могу. Пытаюсь представить ее двоюродных братьев и сестер: грубые такие мальчишки и девчонки, скуластые, с острым подбородком, как у нее...

Она вздыхает.

— Ничего, — говорю я, как добрая госпожа несчастной служанке. — Смотрите, вон идет баржа. Можно послать с ней привет. Мы обе пошлем приветы — в Лондон.

«В Лондон», — повторяю я про себя. Там Ричард. Я тоже буду там, через месяц. А вслух говорю:

— Темза их донесет, даже если баржа не сможет.

Однако она смотрит не на баржу, а на меня.

— Темза? — переспрашивает она.

— Река, — поясняю я. — Эта река.

— Эта полоска воды и есть Темза? Нет, мисс, вы шутите. — Она неуверенно улыбается. — Как такое может быть? Темза — она такая широкая... — Она разводит руки в стороны. — А эта... узкая. Видите?

Я отвечаю, что, как мне кажется, реки чем дальше текут, тем шире становятся. Она качает головой.

— Такая узенькая полоска воды? — снова говорит она. — Да в той воде, что мы берем из крана, и то больше жизни, чем в этой... Ой, мисс! Гляньте туда.

Баржа проплыла мимо нас. На корме ее крупные буквы: «РОТЕРХИТ», но она показывает не на них, а на пятна мазута от работающего двигателя.

— Видите? — чуть не кричит она. — Вот какая Темза. Темза такая в любое время дня и ночи, в любое время года. Посмотрите, сколько красок. Тысячи цветов...

Она улыбается. Когда она улыбается, она почти

красива. Потом пленка мазута становится тоньше, вода коричневеет, и улыбка сходит с ее лица. И у нее снова вид воровки.

Вы понимаете, я должна была ее презирать. Иначе как бы смогла я сделать то, что задумала? Как смогла бы обмануть ее и погубить? Это все потому, что я слишком долго была с ней рядом. Мы должны были довериться друг другу. А ее представление о доверительности не такое, как у Агнес, не такое, как у Барбары, и не такое, как вообще у горничных. Она слишком открытая, слишком смелая, слишком вольная. Она зевает, потягивается. Расчесывает болячки и ссадины. Пока я шью, она разглядывает старую царапину на руке. Потом спрашивает:

— Можно булавку?

А когда я достаю из шкатулки свою иголку и протягиваю ей, она минут десять ковыряет кожу острием. Потом возвращает мне иголку.

Но передает осторожно, чтобы я не уколола палец.

— Смотрите не уколитесь, — говорит она так просто и по-доброму, и я на миг забываю, что она бережет меня для Ричарда. Думаю, она и сама об этом забыла.

Однажды на прогулке она берет меня под руку.

Для нее это ровно ничего не значит, а меня будто молнией пронзило. В другой раз, долго просидев на стуле, я жалуюсь, что ноги затекли: она опускается передо мной на колени, расшнуровывает ботинки, берет мои ступни в свои ладони и греет их — сначала растирает, а потом дует на пальцы. Она начинает одевать меня по своему вкусу, вносит маленькие изменения в мою одежду, в прическу, в убранство комнат. Приносит живые цветы, выбрасывает вазы с сухими листьями, которые издавна стояли в спальне на столиках, а вместо них приносит примулы — она их собирает на дальних лужайках дядиного парка.

— Конечно, в деревне таких цветов, как у нас в Лондоне, не достать, — говорит она, ставя их в стакан, — но и эти довольно миленькие, правда?

Она велит Маргарет брать у мистера Пея побольше углей для моего камина. Так просто! И все же никто прежде не догадывался сделать это для меня, даже я сама не догадывалась и в течение нескольких зим мерзла. От тепла окна запотевают. Она любит стоять у окна и рисовать на стекле кольца, сердечки и завитки.

Как-то мы возвращаемся с ней от дяди, и я вижу на столике игральные карты. Эти карты, скорее всего, принадлежали моей матери, это ведь были

ее комнаты, здесь вообще много ее вещей, и хотя поначалу я расстроилась — представила себе, как мать тут ходила, а там сидела, разбрасывала разноцветные карты по скатерти. Вот она, еще незамужняя, еще в здравом рассудке, сидит, подперев щеку ладонью, может, вздыхает и ждет, ждет чего-то...

Я взяла одну карту. В перчатке держать ее неудобно — скользкая. Но за дело взялась Сью — и стол преобразился: она собирает их, тасует, раскладывает ровно, аккуратно. И золотисто-красная колода сверкает в ее руках, как груда драгоценностей. Конечно, она удивлена тем, что я не умею играть, и сразу же усаживает меня, чтобы обучить. В карточных играх важны лишь удача да простой расчет, но она играет серьезно, рьяно — расправив карты веером, склоняет голову набок, щурится... Когда мне надоедает, она играет одна или ставит карты на ребро, соединяет верхние края и сооружает из них высокую конструкцию — что-то вроде пирамиды, а сверху обязательно кладет короля и королеву.

— Смотрите, — говорит она, когда пирамида готова. — Смотрите сюда, мисс. Видите?

И вынимает карту из основания пирамиды, и, когда постройка рушится, она хохочет.

Хохочет. Для «Терновника» это звук незнакомый, чуждый, все равно что смеяться в церкви или в тюрьме. А еще она поет. Однажды заговорили о танцах. Она вскакивает, подбирает юбку, чтобы показать мне движение. Потом и меня поднимает, и вертит, и кружит, и, когда она прижимается ко мне, я слышу, как стучит ее сердце — словно она передает его мне и оно становится моим.

В конце концов я разрешаю ей подправить расколовшийся зуб серебряным наперстком.

— Дайте-ка посмотрю, — говорит она. Она видела, как я терла щеку. — Подойдите к свету.

Я встаю у окна, закидываю назад голову. Рука у нее теплая, дыхание — от нее чуть пахнет пивом — тоже теплое. Она ощупывает десну.

— Да уж, он острее... — Она убирает руку.

— Чем змеиный, Сью?

— Чем иголка, хотела я сказать, мисс. — Она озирается.— А разве у змей бывают зубы, мисс?

— Думаю, да, раз они кусаются.

— Верно, — говорит она рассеянно. — А я думала, они беззубые...

Она уходит в спальню. В открытую дверь я вижу постель и под ней, задвинутый поглубже, ночной горшок. Сколько раз она предупреждала меня,

как легко фарфор бьется, если, вставая утром, наступишь не туда, да можно и охрометь. Точно так же серьезно просила не наступать босыми ногами на волосы (потому что волосы — как черви, говорила она, могут впиться в босую ногу, и тогда заболеешь) и еще говорила о том, что нельзя мазать ресницы нечистым касторовым маслом и что не следует безрассудно — если за вами кто-то гонится или надо спрятаться — лезть вверх по печной трубе. Сейчас же, рассматривая разные предметы на моем туалетном столике, она ничего не говорит. Я жду, потом окликаю ее.

— А знаете вы кого-нибудь, кого покусала змея, Сью? — спрашиваю я.

— Кусала змея, мисс? — Она появляется в дверях, но все еще хмурится. — В Лондоне? Вы хотите сказать, в зоопарке?

— Ну да, может, в зоопарке.

— Не могу сказать, не знаю.

— Странно. Мне казалось, вы знаете, должны знать.

Я улыбаюсь, Сью — нет. Она протягивает мне ладонь, на ладони наперсток. Я догадываюсь, что она собирается делать, и, верно, взгляд мой страшен.

— Больно не будет, — говорит она, видя мое

испуганное лицо.

— Правда?

— Да, мисс. Если что, крикните, и я тогда перестану.

Мне не больно, я не кричу. Но странные чувства: скрежет металла, крепкая хватка ее пальцев, тепло ее дыхания. Когда она изучает подпиленный зуб, я могу смотреть только в ее глаза: на одном из них темная, почти черная крапинка. Я вижу ее щеку — гладкую, ее ухо — маленькое и аккуратное, в мочке — дырочка, чтобы носить серьги и кольца.

«Проткнули? Как?» — спросила я ее как-то раз и потянулась пощупать крохотные ямочки.

«Ну как, мисс, иголкой, — ответила она, — и еще, конечно, нужен кусочек льда».

Наперсток трет. Она улыбается.

— Моя тетушка так делает малышам, — говорит она. — И мне тоже делала. Ну вот, почти готово! Ха! — Она ощупывает зуб. Потом снова точит. — С малышами труднее, конечно. Если наперсток соскочит — все, с концами. На моей памяти несколько так пропало.

Я не знаю, что она имеет в виду — детей или наперстки. Пальцы ее и мои губы намокли. Я глотаю слюну. Какая огромная, оказывается, у

нее рука! Я думаю о черном налете на серебре, и мне кажется, что он растворился и я ощущаю его вкус. Если она слишком долго будет точить, я не выдержу, но наперсток движется медленнее, потом останавливается. Она снова пробует зуб пальцем.

Меня покачивает. Она так долго, так крепко держала меня, что, когда отпускает, меня словно обдает холодом. Я ощупываю языком подпиленный зуб. Вытираю губы. Замечаю, что на ее руке, у самых костяшек, пропечатались следы моих зубов. А наперсток блестит — вовсе он не почернел. А привкус — это был, верно, привкус ее кожи, вот и все.

Может ли госпожа почувствовать вкус пальцев служанки? Если верить дядиным книгам, то может. И от этой мысли меня бросает в жар.

И когда я стою так, вспоминаю и заливаюсь краской стыда, в комнату мою входит девушка с письмом от Ричарда. Я и забыла, что жду от него письма. Я и думать забыла про наш план, про наш побег, про нашу женитьбу и про ворота психиатрической лечебницы. И о нем тоже забыла. Однако я должна о нем подумать. Я беру письмо и дрожащей рукой ломаю печать.

«Вы, верно, так же считаете дни, как и я? — пи-

шет он. — Знаю, что считаете. Она сейчас с Вами? Она видит Ваше лицо? Покажите ей, что Вы рады. Улыбнитесь, скажите «ах» или что-нибудь в этом роде. Нам недолго ждать. Мои дела в Лондоне сделаны, и я возвращаюсь!»

Глава десятая

Письмо подействовало на меня так, словно гипнотизер вдруг щелкнул пальцами перед самым моим носом: я очнулась и не сразу поняла, где нахожусь и что все это значит. Вот Сью, у нее на руке след — это я прикусила. Вот подушки на кровати: на них еще свежи две вмятины. Вот цветы на столике у камина. В комнате жарко. Слишком жарко, но я все равно дрожу, будто мне холодно. Она замечает. Смотрит мне в глаза и кивает на листок, который я все держу в руке.

— Хорошие новости, мисс? — спрашивает она, и, похоже, письмо и на нее странным образом подействовало, потому что голос ее звучит теперь иначе: так нарочито беззаботно, а взгляд пронзительный.

Она убирает наперсток в шкатулку, а сама все глядит, глядит на меня. А я не могу поднять на нее глаз. Ричард скоро будет здесь. Чувствует ли она то же, что и я? Во всяком случае, вида не подает. Она расхаживает по комнате, садится — все как всегда. Завтракает. Достает карты, привычно тасует их, раскладывает. Я стою перед зеркалом и вижу, как она тянется за картой, бе-

рет ее, переворачивает, кладет рядом с другой, отбирает королей, выкладывает тузы... Смотрю на свое отражение и думаю, почему я — это я: вот овал лица, вот губы, слишком полные, слишком пухлые, слишком розовые. Наконец она собрала колоду и говорит: я могу их сейчас перемешать, и тогда она предскажет мне будущее. Она говорит это совершенно серьезно, без тени насмешки, и я почему-то иду к ней, сажусь рядом и непослушными пальцами кое-как тасую карты, а она собирает их и выкладывает на столе.

— Эти показывают, что было, — говорит она таинственно. — А вот эти — что есть.

Она совсем как девчонка теперь, и мы, склонив головы, перешептываемся, как шепчутся, наверное, наши сверстницы в гостиных, в классах или в буфетных: «Вот кавалер, он на коне. А это долгая дорога. Это бубновая дама — к деньгам», — и верно, у меня есть брошь, усыпанная бриллиантами. Я о ней только что вспомнила. И я вновь представляю, как Сью глядит на камушки, прицениваетсяя...

В конце концов, мы не обыкновенные девчонки, и мы не в классе, и моя судьба интересна ей лишь постольку, поскольку она считает ее своей. Как она щурится! И уже не шепчет, а вещает! Я

отодвигаюсь от нее, а она, ничего не замечая, перебирает карты, смотрит на них и хмурится. Одну она уронила и даже не заметила: это двойка червей. Я придавливаю ее каблуком (мне кажется, одно из этих нарисованных сердец мое) и втаптываю со всей силы в ковер.

Когда я поднимаюсь со стула, она находит ее и тщетно пытается разгладить, потом снова утыкается в пасьянс.

Я снова смотрю на ее руки. Они стали белее, и ногти теперь ровные, без заусениц. У нее маленькие ручки, а в перчатке покажутся и того меньше — и будут совсем как у меня.

Это необходимо. Раньше надо было об этом подумать. Ричард скоро будет здесь, а у меня еще столько всего не сделано, я чувствую, как уходят, ускользают, словно юркие рыбы в глубину, мои часы и дни — их не поймать уже, не задержать. Ночью мне не спится. Когда наутро она приходит меня одеть, я хватаю ее за рукав.

— Ваше платье, Сью, какое-то затрапезное, — говорю я. — Мне кажется, вам пора переменить его.

Она отвечает, что другого у нее нет. Тогда я достаю из шкафа бархатное платье и заставляю ее примерить. Она неохотно оголяет плечи, вылеза-

ет из юбки и отворачивается от меня, стесняется. Платье ей узковато. Я с трудом застегиваю крючки. Поправляю на ней пышные складки юбки и иду за шкатулкой, где лежит брошь — та самая, с бриллиантами, — и бережно прикалываю ей на грудь, у самого сердца.

Потом подвожу ее к зеркалу.

Но тут входит Маргарет и уводит ее от меня.

...Я привыкла к ней, к тому, что она всегда рядом, живет, дышит, движется, — она для меня уже не просто наивная дурочка, которая старательно исполняет отведенную ей по плану роль, не Сьюки Сопли, а девочка, у которой есть свое прошлое, девочка со своими привычками и пристрастиями. И только сейчас до меня дошло, как же она похожа на меня лицом и фигурой, и я вдруг словно воочию увидела, что мы с Ричардом собираемся сделать. Прижавшись щекой к резному столбику балдахина, я смотрю на нее, как она охорашивается перед зеркалом — поворачивается то так, то эдак, расправляет юбку, — вживается в новое тесное платье.

— Вот бы тетушка моя на меня сейчас посмотрела! — радуется она, а я думаю: «Интересно, кто ждет ее там, в разбойничьей берлоге, — тетка, мать или, может, бабка?..» Представляю, как та,

должно быть, места себе не находит, считает дни, когда ее маленькая воровка вернется домой... Вижу, как та ходит, по очереди перебирает ее вещицы — вещи Сью: то ленту потрогает, то бусы, то какой-нибудь безвкусный браслет...

Она их вечно будет перебирать, но пока она об этом и не подозревает. Как и Сью, целуя тетушку в морщинистую щеку, не подозревала, что целует ее в последний раз.

Так я размышляю, и мне становится жаль ее. Очень странно, подумала я и вдруг испугалась. Испугалась того, какой ценой придется заплатить за мое будущее. И само это будущее меня пугает — своей неизведанностью, а также теми незнакомыми и неуправляемыми чувствами и эмоциями, которые оно таит в себе.

Она об этом ничего не знает. Он тоже не должен знать. Он появляется у меня в гостиной после полудня — как во времена Агнес, — берет меня за руку, заглядывает в глаза, склоняется для поцелуя.

— Мисс Лилли, — произносит он, и голос его дрожит от нежности.

Он одет во все темное, строг и подтянут. Но все же проскальзывает в его манере держаться некая наглая самоуверенность, она едва заметна

и ощущается лишь вблизи, подобно терпкому облачку духов. Даже сквозь перчатку я чувствую жар его губ.

Он оборачивается к Сью, та пытается сделать реверанс. Платья с корсажем не приспособлены для этого: она неуклюже, рывком, приседает, бахромчатая оборка на юбке смешно трясется. Она заливается краской.

Я вижу, он улыбается украдкой. Но вижу также, что он оценил платье и, верно, заметил белизну ее рук.

— Я чуть не принял ее за леди, клянусь вам! — говорит он, обращаясь ко мне.

И подходит к ней ближе. Рядом с ней он кажется еще выше — большой и черный, точно медведь. А она — как тростинка. Он берет ее за руку — какая большая у него ладонь, вся ладошка ее скрылась в его горсти, — и говорит:

— Итак, Сью, надеюсь, на новом месте вы показали себя как хорошая служанка?

Она смотрит в пол.

— Я тоже на это надеюсь, сэр.

— Да, — отвечаю я за нее. — Сью — хорошая девушка. Очень-очень хорошая.

Но чувствую, что слова мои звучат неубедительно. Он отпускает ее руку.

— Ну конечно, — миролюбиво говорит он, — она и должна быть хорошей, всякая девушка обязана быть хорошей, когда у нее перед глазами такой пример для подражания, как вы, мисс Лилли.

— Вы так добры, — отвечаю я.

— Любой джентльмен просто обязан быть добрым — рядом с вами.

И смотрит на меня. Он заметил меня, сделал сообщницей, он намерен вырвать меня из «Терновника», да так, чтобы я не поранилась, и я была бы не я, не дядина племянница, если бы смогла выдержать этот его взгляд без жуткого, идущего откуда-то из самых глубин трепета. Но я ощущаю этот подлый трепет, и ноги мои подкашиваются. Я улыбаюсь, и улыбка получается натужная.

Сью отворачивается. Неужели она думает, это я от любви? От этой мысли скулы мои сводит, я улыбаюсь деревянными губами. Ни ей в глаза смотреть нет сил, ни ему. Он отходит к двери, знаком подзывает ее к себе, и они стоят там пару минут, шушукаются. Он дает ей монету — я вижу, как блеснул желтый кружочек, — кладет монету на розовую ладонь, прижимает своими сильными пальцами — будто лапа с когтями. Она еще раз делает неловкий реверанс.

Теперь моя улыбка как посмертная маска. Ко-

гда она поворачивается ко мне, я не могу на нее смотреть. Ухожу в спальню, закрываю за собой дверь, ложусь лицом вниз на кровать — и меня прорывает: я корчусь от беззвучного смеха, он хлещет из меня, как фонтан грязной воды, так, что невозможно удержаться, — потом приступ проходит, и я затихаю.

— Как вам ваша новая горничная, мисс Лилли? — спрашивает он за обедом, глядя в свою тарелку.

Он ловко орудует ножом, отделяя рыбу от костей — кости тонкие, почти прозрачные, поверх рыбы дрожит толстый слой застывшего жира и соуса. Зимой еду нам подают почти остывшую, а летом — слишком горячую.

Я отвечаю:

— Очень... послушная, мистер Риверс.

— Так вы считаете, она подходит?

— Думаю, да.

— И у вас нет претензий к моей рекомендации?

— Нет.

— Ну что ж, я рад.

Он специально так долго об этом говорит. Дядя наконец услышал.

— О чем речь? — уточняет он.

Я утираю губы салфеткой.

— О моей новой горничной, дядюшка. О мисс Смит, которая поступила на место мисс Фи. Вы видели ее, и не раз.

— Скорее слышал — как она грохает каблуками у моей библиотеки. Так что она?

— Она прибыла ко мне по рекомендации мистера Риверса. Когда он встретил ее в Лондоне, она как раз подыскивала место, и мистер Риверс был так любезен, что вспомнил обо мне.

Дядя удивленно переводит взгляд с Ричарда на меня и обратно, словно пытается почуять, откуда ветер дует.

— Неужели? — спрашивает он медленно и тихо. — Мисс Смит, говорите?

— Мисс Смит, — говорю я твердо, — которая сменила мисс Фи. — Я невозмутимо очищаю от соуса вилку и нож. — Мисс Фи, папистку.

— Папистку! Ха! — восклицает дядя и вновь возвращается к еде.

— Послушайте, Риверс, — говорит он чуть погодя.

— Да, сэр?

— Ну, скажите мне — конечно, если вы только знаете, — есть ли на свете институт, более погрязший в изощренных видах разврата, чем

Римско-католическая церковь...

И до самого конца ужина он уже не обращает на меня ни малейшего внимания. И лишь потом велит мне почитать часок из старинной книги «Жалобы монашек на монахов».

Ричард сидит и слушает, он спокоен. Но когда я, закончив чтение, встаю, чтобы уйти, он тоже поднимается:

— Позвольте мне вас проводить, — говорит он.

Дядя не смотрит на нас — он занят своим делом. В руках у него перочинный ножик с перламутровой ручкой, старинное лезвие изогнуто серпом, он чистит им яблоко — маленькое горькое яблоко, какие во множестве растут у нас в саду.

Убедившись, что дядя не смотрит на нас, Ричард бросает на меня выразительный взгляд. Но тон его по-прежнему подчеркнуто вежлив.

— Хотел бы спросить вас, намерены ли вы продолжать уроки рисования, раз я вернулся? Мне бы хотелось продолжить.

Он ждет, что я скажу. Но я молчу.

— Могу я, как обычно, прийти к вам завтра?

Я опять не отвечаю. Он чуть приоткрыл передо мной дверь, но удерживает ее, так что я и рада бы выйти, да не могу. Теперь он качает головой.

— Вы чересчур скромны, так не годится, — гово-

рит он, но я понимаю, что в мыслях у него другое: «Вы должны быть твердой!» — Вы ведь сильная, правда?

Я киваю.

— Ну и хорошо. Я зайду за вами в обычный час. Покажете мне работы, которые выполнили в мое отсутствие. Осмелюсь сказать, что еще немного усилий — и кто знает? Думаю, вскоре вы удивите дядюшку своими познаниями и мастерством. Как вы сами считаете? Хватит нам двух недель? Или, на худой конец, трех?

И вновь от его дерзости, от его напора во мне поднимается ответная горячая волна, но сквозь нее или рядом с ней пробивается странное ощущение, которое и не знаю как назвать, — что-то вроде паники. Он ждет, что я скажу, а я не решаюсь. Мы ведь тщательно все спланировали. Одну мерзость уже сделали. Остается сделать следующую. Я знаю, чего сейчас от меня ждут. Я знаю, что должна притворяться влюбленной в него, потом открыться Сью. Только и всего! Я так ждала этой возможности! Как долго, с тоской глядя на стены этого дома, я думала про себя: пусть бы они рухнули и я оказалась бы на свободе! Но день моей свободы приблизился, а я почему-то сомневаюсь. А почему — даже сказать боюсь. Я смотрю на нож

в дядиной руке, на перламутровую рукоятку, на яблоко, которое с такой легкостью уступает ножу свою оболочку.

— Думаю, три недели, — выдавливаю я наконец. — Может быть, и больше, если я не буду уверена, что готова.

Красивое лицо его искажает мимолетная гримаса гнева, но голос, когда он заговорил, звучит предельно вежливо:

— Вы скромничаете. Не преуменьшайте свои таланты. Трех недель хватит за глаза, уверяю вас.

Наконец он открывает дверь, пропуская меня вперед. Я не оборачиваюсь, но, поднимаясь по лестнице, точно знаю, что он смотрит мне в спину, словно желая убедиться, что со мной ничего не случится, — как истинный дядюшкин друг.

Придет время, и он будет еще заботливее, но пока все снова катится по накатанному руслу. С утра он работает с гравюрами, потом поднимается наверх давать мне уроки рисования, чтобы побыть со мной наедине: поглядывает умильно, воркует нежно, пока я вожу кистью по листу, — словом, старательно изображает влюбленного.

Все опять как прежде — разве что Агнес исчезла, а вместо нее теперь Сью.

А Сью — это вовсе не Агнес. Она кое-что знает. Она знает, зачем она здесь. Знает, что должна делать. Должна прислушиваться и следить, как бы мистер Риверс не подошел к ее госпоже слишком близко, не нашептал бы украдкой чего недозволенного. А еще она знает, что, когда он это делает, ей следует отвернуться и притвориться глухой.

И она отворачивается — я вижу, как отворачивается, но краем глаза все-таки подглядывает: ловит наше отражение в зеркале или на оконном стекле, следит даже за нашей тенью!

Комната, которую я за долгие годы изучила как свои пять пальцев, как узник тюремную камеру, кажется мне теперь совсем другой. В ней так много блестящих поверхностей — и глаза ее следят за мной отовсюду.

Когда я ловлю на себе ее взгляд, он ровным счетом ничего не выражает, но с Ричардом, замечаю я, они понимающе переглядываются, и я не в силах глядеть на нее...

Потому что, конечно же, хоть она и много знает, да только знание это фальшивое и бесполезное, меня ужасает, как она лелеет эту свою тайну. Она не подозревает, что она — самый главный винтик в нашем плане, вокруг чего все вертится; она-то считает, что этот винтик — я. Ей и невдо-

мек: Ричард, делая вид, что обманывает меня, смеется над ней, что, кинув ей пару слов или улыбнувшись, он тут же поворачивается ко мне и в открытую ухмыляется или гримасничает.

И если раньше, когда он дразнил Агнес, у меня возникало желание тоже ее помучить, теперь этого нет. Присутствие Сью меня сковывает — и я то вдруг пускаюсь безрассудно, вслед за Ричардом, изображать бурную страсть, а то начинаю смущаться под ее пристальным взглядом. То целый час я смелая и уверенная, то кроткая и застенчивая, а потом, когда ему пора уже уходить, начинаю дрожать. Я боюсь, что сама себя выдам, а она принимает внезапную дрожь или учащенное дыхание за проявление влюбленности.

Ричард, однако, так не считает — для него это явно признак того, что я дала слабину.

Так тянутся дни: вот первая неделя миновала, пошла вторая. Я чувствую его недоумение и растущее нетерпение: оно накапливается, и ему нет выхода — он злится. Смотрит на мою работу и качает головой.

— Боюсь, мисс Лилли, — говорит он, причем не раз и не два, — что вам не хватает уверенности. Я-то полагал, у вас рука тверже. Думаю, что месяц назад она и была тверже. Только не говорите, что

забыли все наши уроки в мое отсутствие. Столько труда затрачено! Вам следует знать, что, когда художник пишет, он делает это твердой, уверенной рукой, сомнения недопустимы. Потому что это ведет к слабости, а это приводило к неуспеху и более сложных композиций. Вы понимаете, что я хочу сказать? Вы меня понимаете?

Я не отвечаю. Он уходит, а я остаюсь стоять с кистью у мольберта. Сью подходит ко мне.

— Не обращайте внимания, мисс, — успокаивает она, — мистер Риверс сгоряча обругал ваш рисунок. А по мне, груши почти как настоящие.

— Вы правда так думаете?

Она кивает. Я вглядываюсь в ее лицо — заглядываю в глаза: на одном, в самой глубине, темно-коричневое пятнышко. Перевожу взгляд на бесформенные пятна краски, что набросала на картон.

— Да нет, Сью, мазня получилась.

Она кладет ладонь мне на руку.

— Ну и что, вы же еще учитесь?

Да, учусь, но недостаточно быстро.

Тогда он предлагает пойти в парк прогуляться.

— Будете учиться писать пейзажи.

— Не стоит, — возражаю я.

У меня есть любимые дорожки, где мы гуляли

со Сью. Гулять там вместе с ним мне не хочется.

— Лучше не надо, — повторяю я.

Он хмурит брови, потом улыбается.

— Как ваш учитель, я настаиваю.

Хоть бы дождь пошел! Но в небе над «Терновником» — всю зиму напролет оно было затянуто серой мглой, а по мне, семь долгих лет! — теперь, как назло, ни облачка. Только ветер обдает холодом ноги под подолом короткой юбки, когда мистер Пей отворяет перед нами дверь.

— Благодарю вас, мистер Пей, — говорит Ричард, предлагая мне взять его под руку.

Он в низко надвинутой черной шляпе, в темном шерстяном пальто, перчатки у него цвета лаванды. Мистер Пей пристально смотрит на его перчатки, потом переводит взгляд на меня — он доволен, чуть не усмехается.

«Строите из себя благородную даму? — сказал он мне в тот день, когда волок меня к леднику. — Ну-ну, посмотрим, посмотрим».

Сегодня, с Ричардом, мы идем не к леднику, а по другой тропинке — длинной, петляющей по парку, по задворкам дома, мимо конюшен, мимо рощ и часовни. Я хорошо знаю маршрут — что тут может удивить — и смотрю под ноги, на тропку. Он держит меня под руку, а Сью идет

за нами — сначала чуть не по пятам, потом отстает немного, когда он убыстряет шаги. Мы не разговариваем, но чем дальше мы заходим, тем теснее он прижимает меня к себе. Юбка у меня задирается сбоку — неудобно да и некрасиво.

Я делаю попытку отстраниться, но он не отпускает меня.

Наконец я говорю:

— Не надо так меня прижимать.

Он улыбается:

— Мы должны играть убедительно.

Быстро оглянувшись через плечо, он шепчет:

— Она подумает, что мы ведем себя странно для любящей пары. Раз я упускаю возможность полюбезничать с вами наедине. Любой на ее месте подумал бы: что-то здесь не то.

— Она же знает: вы меня не любите. Так что не переигрывайте.

— Ну посудите сами: разве может джентльмен отказать себе в удовольствии поухаживать за дамой весеннею порой? — Он задирает голову. — Посмотрите на небо, Мод. Какая противная синева! Не подходит по цвету к моим перчаткам. Вот она, природа. Никакого чувства моды. Небо над Лондоном все же знает приличия: всегда тускло-серое, как стены в ателье.

Улыбнувшись, он снова прижимает меня к себе:

— Но, конечно же, вы скоро сами все увидите.

Я пытаюсь представить себя в ателье портнихи. На память приходят строки из «Модисток». Обернувшись, бросаю взгляд на Сью. Она смотрит на нас, и мне кажется, ее радует, что подол моей юбки облепил его ногу. И снова я делаю попытку отстраниться, и снова он удерживает меня.

— Да отпустите вы меня наконец! — чуть не кричу я. Не отпускает. Тогда я заявляю: — Должно быть, вам просто нравится мучить меня, вы же видите, что мне неприятно, когда меня сжимают.

— Мужчины — и я не исключение, — говорит он, глядя на меня в упор, — всегда стремятся заполучить то, чего у них нет. Я жду с нетерпением, когда наш союз будет заключен. Когда это произойдет — вот увидите, — мой пыл довольно быстро иссякнет.

Я молчу. Так мы идем рука об руку; потом он отпускает меня, чтобы зажечь сигарету. Я поглядываю на Сью. Мы поднялись на холм, ветер тут сильнее, несколько каштановых прядей выбились из-под ее чепца, падают на глаза. Она тащит за нами сумки и корзины, руки заняты — попра-

вить волосы не может. Плащ раздувается у нее за спиной, как парус.

— Как она? — поинтересовался Ричард, сделав затяжку.

— Ничего, — отвечаю я, снова уставясь вперед.

— Все покрепче, чем эта Агнес. Бедняжка Агнес! Как она, интересно?!

Он снова берет меня под руку и смеется. Я и не думаю улыбаться, и смех увядает.

— Ну же, Мод, — говорит он с укоризной, — что вы, как старая дева, не понимаю. Что с вами приключилось?

— Ничего не приключилось.

Он смотрит на меня сбоку.

— Тогда чего же вы тянете? Все готово. Я снял для нас дом в Лондоне. А лондонские дома стоят недешево, знаете ли...

Я продолжаю молча шагать рядом. Он смотрит и ждет ответа. Снова прижимает меня к себе.

— Надеюсь, вы не передумали? Нет?

— Нет.

— Точно?

— Ну да.

— А что же тянете?

Я молчу.

— Мод, я хочу знать. Что-то случилось во время

моего отсутствия. Что?

— Ничего не случилось, — отвечаю ему.

— Ничего?

— Ничего, кроме запланированного.

— И вы знаете, что должны делать дальше?

— Разумеется.

— Тогда действуйте! Покажите, как влюблены, улыбайтесь, краснейте, говорите всякие глупости.

— А разве я этого не делаю?

— Делаете — только в последний момент все портите, строите гримасу или отшатываетесь. Как сейчас, например. Да прижмитесь же к плечу, черт бы вас побрал. Вы от этого не помрете! Извините... — При этих словах я застыла как вкопанная. — Извините, Мод...

— Пустите мою руку, — требую я.

И мы идем дальше, рядком, но молча. Сью тащится позади и дышит тяжело, как будто тяжко вздыхает. Ричард бросает окурок, выдирает пучок травы и принимается хлестать по ботинкам.

— Какая тут грязь! — говорит он. — Зато какое удовольствие для малыша Чарльза.

И улыбается загадочно. Потом вдруг нога его оскальзывается — он спотыкается и чуть не падает. Выругавшись, придирчиво оглядывает меня.

— А вы отличный ходок. Вам нравится гулять? В Лондоне у вас будет такая возможность. По паркам, например. Или можете не ходить, если не хочется, — наймете экипаж, и вас будут возить или носить повсюду...

— Я разберусь, что мне делать.

— Правда? Неужели? — Он подносит травинку к губам и смотрит задумчиво. — Интересно. Думаю, вы боитесь. Но чего? Одиночества? Я угадал? Но богатому человеку, Мод, одиночество не грозит.

— Думаете, я боюсь остаться одна?

Мы уже подошли к ограде дядиного парка. Ограда высокая и серая, словно припорошенная пудрой.

— Думаете, я этого боюсь? На самом деле я не боюсь ничего.

Он бросает пучок травы наземь, берет меня под локоть.

— Тогда почему же, — спрашивает он, — вы испытываете мое терпение, заставляя ждать?

Я не отвечаю. Поравнявшись со стеной, мы замедляем шаг, но, заслышав позади учащенное дыхание Сью, снова пускаемся чуть не бегом. Когда он продолжает свою речь, то говорит уже другим тоном:

— Вы тут недавно упрекали меня: я, дескать,

вас мучаю. Но, по-моему, вы сами себя мучите по собственной воле, оттягивая время.

Я пожимаю плечами, будто мне все равно, хотя на самом деле слова его меня глубоко задели.

— Дядя то же самое мне однажды сказал, — оправдываюсь я. — До того как я стала похожей на него. Какое ж тут мучение — ждать? Для меня это привычное дело.

— А для меня — нет, — отвечает он. — И привыкать не собираюсь. Я и так в жизни слишком многого лишился — и все из-за ожидания! Теперь я стал умнее — я подгоняю события, как мне удобнее. Этому я прекрасно выучился, так же как вы — терпению. Вы меня понимаете, Мод?

Я опускаю ресницы.

— Я не хочу вас понимать, — говорю я устало. — Лучше бы вы помолчали.

— Мне надо, чтобы вы услышали наконец.

— Что услышала?

— А вот что. — И он приближает губы к самому моему лицу. От его бороды, от губ, от самого дыхания разит дымом, как от нечистого.

Он говорит:

— Вспомните наш уговор. Вспомните, когда я впервые пришел к вам, я пришел не совсем по-джентльменски — мне особенно нечего было

терять, не то что вам, мисс Лилли, — ведь вы были со мной наедине, в полночь, в своей собственной комнате...

И отстраняется, выпрямляясь.

— Думаю, ваша репутация чего-нибудь да стоила, даже здесь — все-таки вы барышня. И, далее зная об этом, вы все же не прогнали меня.

В голосе его зазвенел металл — такого прежде за ним не водилось. Но мы свернули в другую сторону, солнце теперь у него за спиной, а лицо в тени, так что выражения глаз не разобрать.

Я говорю осторожно:

— Вы вот назвали меня барышней. Но это не совсем верно.

— И все же, смею надеяться, ваш дядя именно так считает. Вряд ли ему приятно будет думать о вас как о порочном создании.

— Но он сам сделал меня такой!

— Ну тогда вряд ли ему понравится, что другой мужчина продолжил его дело. Я, разумеется, говорю только о том, что он будет думать.

Я отхожу от него подальше.

— Вы плохо его знаете. Для него я что-то вроде машины для чтения и переписывания текстов.

— Тем лучше. Ему не понравится, если вдруг откроется, что его машина дала слабину. Он из-

бавится от нее и заведет себе новую — как вам это понравится?

Я слышу, как кровь стучит в висках. Прижимаю пальцы к глазам.

— Не говорите чепухи, Ричард. Избавится, говорите? Как это?

— Ну, отправит ее домой...

В ушах стучит невыносимо. Я отнимаю перчатки от глаз, но лицо его по-прежнему в тени, и я не вижу его выражения. Очень-очень тихо и спокойно говорю:

— Какой вам от меня толк — в сумасшедшем-то доме?

— А сейчас какой, раз вы все тянете? Вот дождетесь, мне надоест вся эта затея. Тогда не ждите от меня добра.

— А сейчас от вас одно добро?! — только и могла ответить я.

Мы выходим на свет, и наконец я могу разглядеть его глаза. Он искренне поражен, он ошарашен.

— Мод, это нечестно. Вы меня обижаете. Разве я обещал вам иное?

Мы стоим лицом к лицу, как пара влюбленных. Тон его речей опять игривый, но взгляд жесткий, очень жесткий. Впервые я почувствовала, что его

можно бояться.

Он оборачивается, подзывает Сью.

— Мы здесь, Сьюки! Совсем рядом!

И — мне, скороговоркой:

— Мне надо переговорить с ней наедине.

— Чтобы припугнуть, — издеваюсь я. — Как и меня.

— Это уже наше дело, — говорит он самодовольно, — а она, по крайней мере, надежнее вас. Что? — Должно быть, что-то в моем лице его насторожило. — Вы думаете, она может засомневаться? Думаете, не выдержит или нечестно сыграет? Потому и не решаетесь? — Я качаю головой. — Ну тогда, — продолжает он, — тем более надо с ней побеседовать, узнать ее мнение насчет нас. Пришлите ее ко мне, сегодня или завтра. Думаю, вы найдете предлог. Уж постарайтесь.

Он подносит желтый от никотина палец к губам. И тут появляется Сью, подходит ко мне. Она раскраснелась с натуги — сумки не легкие. Плащ ее топорщится, волосы растрепались, и больше всего на свете мне сейчас хочется прижать ее к себе, погладить по щеке. Кажется, я и потянулась, забывшись, но вовремя спохватилась, вспомнила про Ричарда — он видит каждого насквозь. Сложив руки на груди, я отворачиваюсь.

... На другое утро я прошу Сью отнести ему уголек из камина — зажечь сигарету, а сама стою, прижавшись лбом к оконному стеклу, смотрю, как они шепчутся внизу. Я не вижу ее губ, но, когда она отходит от него, он поднимает голову и встречается со мной глазами — как в ту давнюю ночь. Словно хочет сказать: «Помните про наш уговор». Потом бросает сигарету наземь, придавливает каблуком и отрясает с подошв налипшую глину.

И с этого момента я начинаю чувствовать, как план наш с удвоенной силой давит на меня, словно сжали пружину и не отпускают, это как затишье перед бурей. Каждый день, просыпаясь, я думаю: сегодня! Сегодня я вырвусь на свободу, и пружина развернется, сегодня прорвутся грозовые облака! Сегодня я разрешу ему забрать меня...

Но ничего этого я не делаю. Смотрю на Сью, и накатывает оторопь или дрожь — что-то вроде темного омута, смутного страха, или как тихая капель, мерная капель безумия...

Безумие, болезнь моей матери, вероятно, пустило свои ростки и во мне! Эта мысль пугает более всего. Я принимаюсь капать перед сном снадобье: оно успокаивает, но сама становлюсь какой-то не

такой. Дядя первым это заметил.

— Какая вы, право, неловкая стали! — сказал он как-то утром, когда я чуть не выронила книгу. — Думаете, я приглашаю вас в библиотеку, чтобы вы мне тут книги портили?

— Нет, дядя.

— Что? Что вы сказали? Я не слышал.

— Нет, сэр.

Он вытирает губы платком и внимательно смотрит на меня. Потом говорит, и я не узнаю его голоса:

— Сколько вам лет?

Я удивлена и не знаю, как отвечать. Он замечает мое смущение.

— И нечего тут ломаться передо мной, мисс! Сколько вам лет? Шестнадцать? Семнадцать? Может, вы поражены? Может, вы думаете, что я нечувствителен к бегу времени, потому что я ученый? А?

— Мне семнадцать, дядя.

— Семнадцать. Опасный возраст, если верить нашим книгам.

— Да, сэр.

— Да, Мод. Только запомните: вы не верить должны, а изучать. И еще запомните: не такая уж вы большая девочка, а я не такой уж дряхлый ста-

рик, вот позову миссис Стайлз, пусть подержит вас, а я вас — розгами, розгами! Ну как? Запомнили, что я сказал?

— Да, сэр.

Однако же мне кажется, что у меня слишком хорошая память. Лицо мое, глаза и руки сводит от ломаных притворных поз. Я уже не понимаю, когда мои поступки, мои чувства искренни, а когда притворны. Ричард все буравит меня взглядом. Я же на него стараюсь не смотреть. Он беспокоится, укоряет, грозит — а я делаю вид, что не понимаю. Может, я действительно слабая. Может, как подозревают они с дядюшкой, я просто люблю помучиться. Потому что сейчас для меня настоящая пытка — сидеть с ним за одним столом, выслушивать его наставления перед мольбертом, читать вслух по вечерам в дядиной гостиной. Но и быть рядом со Сью для меня — тоже пытка. Прежнее все прошло. Я слишком хорошо понимаю, что и она выжидает вместе с ним. Вижу, как она приглядывается, примеривается, ждет, когда я дозрею. Или, еще хуже, начинает заступаться за него: говорит, какой он умный, какой добрый, какой великодушный.

— Вы правда так считаете, Сью? — спрашиваю я.

А она лишь взмахнет ресницами, отведет глаза, но отвечает всегда одно и то же:

— Да, мисс. О да, мисс. Всякий вам это скажет, хоть кого спросите!

После этого она принимается надо мной хлопотать — она всегда следит, чтобы я была чистенькая и аккуратненькая, — делает мне прическу, расправляет складки на одежде, обирает пушинки с моих платьев. Думаю, она это делает, чтобы успокоить не только себя, но и меня.

— Ну вот, так-то лучше, — говорит она, закончив дело.

Это ей лучше, ясно же.

— Теперь у вас лицо — ни единой морщинки. А раньше какое было — жуть! Негоже вам хмуриться...

Ну да, ради мистера Риверса — я понимаю, что она хотела сказать, да не договорила, и кровь во мне вскипает. Я беру ее за руку и щиплю.

— Ой!

Не знаю, кто это крикнул: она или я. Кому больнее — мне или ей... Целый час потом меня лихорадит.

— Боже мой, — твержу я, зарывшись лицом в ладони. — Сама не знаю, что со мной такое. Может, я схожу с ума?! Скажите, Сью, я злодейка?

— Злодейка? — отвечает она и умоляюще складывает руки. А сама, наверное, думает: «Такая-то дурочка? »

Она укладывает меня в постель и ложится рядом, обвивает рукой, потом засыпает и во сне отодвигается. Я мысленно представляю дом, в котором лежу. Комнату, где стоит кровать, какие у нее углы, что где располагается. Мне кажется, мне не заснуть, пока я до всего этого не дотронусь. Встаю с постели и, ежась от холода, тихонько хожу от одной вещи к другой — от камина к туалетному столику, от столика к ковру, потом к шкафу. Подхожу к Сью. Как хочется мне и ее потрогать — только чтобы убедиться: вот она, здесь. Но не смею. Но и не в силах отойти. Я поднимаю руки и медленно, не касаясь, вожу ими по воздуху, словно обнимаю невидимую Сью — рука моя скользит на полвершка от ее ног, от груди, от согнутого локтя, от волос на подушке, от ее лица, — а она спит.

И так повторяется три ночи кряду. А потом происходит вот что.

Ричард придумал водить нас к реке. Он усаживает Сью подальше от меня, на перевернутую лодку, а сам, как всегда, топчется возле меня, словно наблюдает, как я рисую. Я уже столько

раз тычу кистью в одну и ту же точку, что картон вспучился, того и гляди, прорвется, но я упорно продолжаю малевать, а он то и дело наклоняется ко мне и шепчет сердито:

— Черт побери, Мод, как вы можете так спокойно сидеть? А? Слышите — часы бьют? — Это пробили часы в «Терновнике», звон далеко раскатился над водой. — Вот еще час прошел, а ведь мы могли провести его на свободе. Вместо этого мы по вашей милости сидим тут...

— Вы не подвинетесь? — говорю я. — Вы загораживаете мне свет.

— А вы — мне, Мод. Видите, как легко можно убрать эту тень? Еще одно усилие... Видите? Да смотрите же! Не желает! Ей нравится ее работа! Эта... Нет, дайте мне спичку, я сожгу ее к чертям!

Я оглядываюсь на Сью.

— Тише, Ричард.

Но дни становятся теплее, и наконец приходит день такой безветренный и душный, что от жары ему становится невмоготу. Он расстилает пальто на земле и ложится, надвинув на глаза шляпу. Некоторое время я наслаждаюсь покоем и безмятежностью: слышно лишь, как лягушки выводят рулады в камышах, да плещет о берег вода, да щебечут птицы. Или по реке проплывет суденышко.

Я наношу на картон мазки, едва касаясь, двигая кистью еле-еле, словно во сне, — меня и впрямь разморило.

Но раздается смешок Ричарда — я чуть кисть не выронила. Оборачиваюсь к нему. Он смотрит на меня, прижав палец к губам.

— Полюбуйтесь-ка, — тихо шепчет и кивает на Сью.

Она все так же сидит у перевернутой лодки, только голову запрокинула на полусгнившее деревянное днище, ноги-руки раскинула. Прядь волос внизу потемнее, потому что она все время тянет их в рот, змеится до самых губ. Глаза закрыты, дыхание ровное, безмятежное. Она спит. Солнце светит ей в лицо, золотит острый подбородок, ресницы, потемневшие веснушки. Меж краем перчаток и рукавами плаща две бледные розовеющие полоски.

Я перевожу взгляд на Ричарда — встречаюсь с ним глазами, — потом поворачиваюсь к своему этюду.

— У нее лицо обгорит, — тихо говорю я. — Может, вы ее разбудите?

— Я? — фыркает он. — Там, откуда она вышла, нечасто видят солнечный свет. — Он сказал это почти умильно, но мне показалось, с насмешкой,

а потом добавил шепотом: — Не то что там, куда она попадет. Бедняга — пусть поспит. Она спит с тех самых пор, как я нашел ее и привез сюда, да только она пока об этом не знает.

Похоже, мысль кажется ему занятной. Он потягивается, зевает и встает. Чихает. В такую жару простудиться недолго. Он сопит. Достает из кармана носовой платок, извиняется, хрюкает.

Сью все спит, не просыпается, лишь головой повела и брови нахмурила. Ее рот полуоткрыт. Прядь волос спадает со щеки, по-прежнему закрученная и остренькая на конце. Я было коснулась кистью своей осыпающейся картины — теперь же стою с кистью на весу и смотрю на нее спящую. И все. Ричард снова сопит, тихо ругает жару, весну и все такое. И мне кажется, как уже бывало прежде, что он присматривается. Ко мне. Наверное, в этот момент у меня с кисти капнуло — потому что потом на синей материи платья я обнаружу черное пятнышко краски. Я не замечаю, что краска капает, и, должно быть, то, что я этого не замечаю, как раз меня и выдает с головой. Или то, как я смотрю. Она снова хмурится. Я все смотрю. Потом отвожу взгляд и вижу глаза Ричарда.

— Ну, Мод...

Вот и все, что он сказал. Но по его реакции мне

наконец становится понятно, как же сильно меня к ней тянет.

Какое-то время ничего не происходит. Потом он подходит ко мне и хватает за запястье. Кисть падает.

— Быстро пошли, — говорит он. — Быстрей, пока она не проснулась.

И ведет меня, спотыкающуюся, вдоль камышей. Мы шагаем вниз по течению, туда, где река и стена делают поворот. Когда мы останавливаемся, он кладет мне руки на плечи и стискивает.

— Ну, Мод, — произносит он снова. — А я-то думал, это совесть или какая другая слабость. Но такого...

Я прячу лицо, а он смеется.

— Не смейтесь! — Я пытаюсь вырваться. — Нечего смеяться.

— Не смеяться? Да скажите еще спасибо, что хоть смеюсь, а не чего похуже. Знаете ли вы — вы-то точно знаете, — как подобные дела могут распалить мужчину. Благодарение Господу, я не столько джентльмен, сколько жулик: у меня другие понятия. Вы любите себе — да и черт с вами, мне-то что... Не дергайтесь, Мод! — Я попыталась выкрутиться из его цепких объятой. — По мне, так любите себе, и черт с вами, — повторяет он. —

Но из-за этого лишать меня моих денег — тянуть время, забыв про наш уговор, про наши надежды, про собственное свое светлое будущее, — вот этого не будет. Хотя бы потому, что теперь я знаю, что такое важное нас здесь держало. А теперь — пускай она проснется. Уверяю вас, мне так же неудобно, как и вам, когда вы крутитесь! Пусть проснется и хватится нас. И пусть посмотрит, что мы тут делаем. Вы не хотите изображать ласку? Ладно. Тогда я буду держать вас здесь, пока она не найдет нас и не решит наконец, что мы любим друг друга. И это будет как раз то, что надо. Стойте смирно!

Отвернув лицо, он кричит. Крик его эхом разносится над рекой, в дрожащем от зноя воздухе, и тает вдали.

— Это ее разбудит, — поясняет он мне.

Я дергаю плечом:

— Мне больно.

— Стойте как влюбленная — и я буду сама нежность. — Он снова улыбается. — Представьте, что я — это она. Ой! — (Это я попыталась ударить его.) — У вас что, синяков давно не было? Я могу и посильнее...

Он еще крепче сжимает меня, так, что я уже не могу пошевелиться. Он высокий и сильный.

Пальцы его смыкаются вокруг моей талии — как полагается на любовном свидании. Я все пытаюсь вырваться — и так мы стоим, потные и красные, как борцы на ринге. Но, наверное, издалека можно подумать, что это у нас любовные объятия такие.

В конце концов я устала вырываться. Солнце все припекает. Лягушки квакают, вода плещет в камышах. Но день не радует: на меня словно пелена опустилась, вязкая и душная.

— Простите меня, — говорю я еле слышно.

— Не за что извиняться, во всяком случае сейчас.

— Я просто...

— Вы обязаны быть сильной. Вы же сильная, я сам сколько раз убеждался.

— Это только...

Но что — только? Что я могла сказать ему? Только что ее голова была у меня на груди, когда я просыпалась. Что она согрела мне замерзшие ноги своим дыханием. Что подточила мне зуб серебряным наперстком. Что принесла мне бульон — чистый бульон — вместо вареного яйца и радовалась, когда я его выпила. Что в одном глазу у нее темное пятнышко. Что она считает меня хорошей...

Ричард смотрит мне в лицо и говорит:

— Послушайте меня, Мод. — Он меня крепко держит. Я как тряпичная кукла в его руках. — Послушайте! На ее месте могла быть другая девушка. Могла быть Агнес! Ну? Но это та девушка, которую нам надо обмануть и упрятать в темницу, чтобы самим стать свободными. Эту девушку заберут врачи, без лишних вопросов. Вы не забыли наш план?

Я киваю.

— Но...

— Что?

— Я боюсь, что в конце концов не осмелюсь...

— Ну да, зато вы осмелились влюбиться в маленькую воровку? Ну, Мод. — В голосе его звучит явная насмешка. — Вы что, забыли, с какой целью она попала к вам в дом? Или, думаете, она забыла? Что вы для нее? Слишком долго сидели вы среди дядюшкиных книг. Там девицы только и делают, что влюбляются. Все до единой. Если бы они и в жизни так любили, никто бы не писал подобных книг.

Он оглядывает меня с головы до ног.

— Да она рассмеется вам в лицо, если узнает. И мне бы в лицо расхохоталась, расскажи я ей...

— Вы не посмеете! — кричу я в отчаянии. Са-

ма мысль об этом кажется мне невыносимой. — Только скажите, и я навсегда останусь в «Терновнике». Дядя мой все про вас узнает — и пусть мне потом будет хуже.

— Я ей ничего не скажу, — отвечает он медленно, с расстановкой, — если только вы сделаете то, что должны, и не откладывая. Я не скажу, если вы дадите ей понять, что любите меня и согласны стать моей женой и потому готовы на побег, как и уговорено.

Я отворачиваюсь. И снова повисло молчание. Потом говорю очень тихо но что еще мне остается? — говорю: «Обещаю». Он кивает, вздыхает. Потом, все еще крепко меня сжимая, приникает к самому моему уху.

— Вон она идет! — шепчет. — Вдоль стены пробирается, чтобы не заметили. Так что давайте изображать, что у нас все серьезно...

Он целует меня в голову. От жары и духоты, а также от того, что я устала, я не сопротивляюсь и позволяю ему целовать себя. Он приподнимает мою руку. Целует край рукава. Когда добирается до запястья, я дергаюсь как от укуса.

— Ну-ну, — миролюбиво говорит он. — Хоть немного побудьте паинькой. Извините за усы. Представьте, что это не мои губы, а ее.

У него мокрые губы. Он отворачивает край моей перчатки, касается кожи кончиком языка — мне противно, но я не могу ничего поделать и со стыдом думаю, что Сью сейчас стоит и смотрит и радуется, что у нас с ним все сладилось.

Да, он раскрыл мне глаза. Он подвел меня к ней, мы прошли в дом, она сняла с меня плащ, туфли, щеки у нее от загара порозовели. Она подходит к зеркалу, серьезно вглядывается в свое отражение, проводит по лицу рукой... Только и всего. Но у меня сердце замирает — ныряет в пустоту, в черноту, жуткую, опасную. Мне кажется, я схожу с ума. Смотрю, как она отворачивается от зеркала, потягивается и принимается бесцельно ходить по комнате взад-вперед, — я примечаю все ее мелкие движения и жесты, за которыми я уже давно так пристально следила. Так это — любовное желание? Странно, но я, именно я, этого как раз и не знаю! Судя по книгам, я считала, что желание — это что-то легкое, необременительное. Думала, оно связано с положенными органами так же точно, как обоняние с носом и зрение — с глазом. А это странное чувство охватывает меня всю, изнуряет как болезнь. Оно словно вторая кожа.

Наверное, она заметила. И теперь, когда он подобрал слово, мне кажется, на мне клеймо — как

на подкрашенных дядиных гравюрах, где алеют губы, открытые раны или полоски от розог. Я боюсь лечь с ней рядом. Боюсь заснуть. Боюсь, что во сне увижу ее. Боюсь, что во сне потянусь к ней...

Но даже если она и заметила во мне перемену, то подумает, что всему виной Ричард. Видя, что я не в себе, что руки мои дрожат, а сердце бешено колотится, она решит, что это из-за него. Она в ожидании, все еще в ожидании. На другой день я веду ее в парк — к могиле моей матери. Сажусь у могильной плиты, за которой я так ухаживала, обрывала сорняки, счищала плесень. Как бы мне хотелось с размаху ударить по ней! И еще мне бы хотелось — это желание возникало у меня много раз, — чтобы мать моя ожила, и я бы тогда вновь ее убила.

Я говорю Сью:

— Знаете, как она умерла? Это я своим рождением ее убила! — И до чего же трудно сдержать ликование, рвущееся наружу при этих словах.

Но она, кажется, не заметила. Она не сводит с меня глаз, я принимаюсь плакать, она пытается утешить меня и из всех возможных слов утешения находит лишь эти: «Мистер Риверс».

Я презрительно морщусь и отворачиваюсь.

Она ведет меня к часовне — возможно, чтобы напомнить о браке. Дверь часовни заперта, и внутрь попасть не удается. Она ждет, что я скажу. В конце концов я произношу как по писаному:

— Сью, мистер Риверс просил моей руки.

Она рада за меня. И когда опять видит на глазах моих слезы — притворные слезы вслед за первыми горькими, — я задыхаюсь, заламываю руки и кричу: «О, что же мне делать?» — она дотрагивается до меня, заглядывает в глаза и говорит:

— Он вас любит.

— Вы так думаете?

Да, она уверена. Говорит:

— Вы должны следовать велению вашего сердца.

— Но если бы я могла знать наверняка!

— Но каково это, — говорит она, — любить и вдруг потерять того, кого любишь!

Она смотрит на меня в упор, и я не выдерживаю ее взгляда, отворачиваюсь. Она говорит о биении крови, о голосах, о мечтах. Я вспоминаю его поцелуй — он как ожог на коже, — тут-то она сразу понимает, что не люблю я его, а ненавижу, ненавижу...

Она побледнела.

— Что же вы будете делать? — шепчет.

— Что делать? А разве у меня есть выбор?

Она не отвечает. Только отворачивается от меня и смотрит на запертую деревянную дверь. Какой нежный у нее профиль! Замечаю крохотную ямочку на мочке уха. Когда она поворачивается ко мне, я не узнаю ее лица.

— Выходите за него, — говорит она мне. — Он вас любит. Выходите за него и делайте все, как он скажет.

Она приехала в «Терновник», чтобы погубить меня, обмануть и причинить боль. «Ну погляди на нее,— говорю я себе. — Видишь, какая она невзрачная, ничтожная. Воровка, обманщица. У таких ценится лишь ловкость рук, люди для них — ничто». Мне казалось, я смогу подавить в себе чувство, как нередко подавляла гнев или обиду. «Неужели из-за нее я откажусь от своего будущего, лишусь свободы? — думаю я.— Ну уж нет!»

День побега приближается неотвратимо. Ну уж нет. Дни становятся теплее, ночи — короче. Нет, нет и нет...

— Жестокосердая, — говорит Ричард. — Не верю, что вы меня любите. Наверное, — взгляд в сторону Сью, — у вас кто-то другой на уме...

Порой я замечаю, как он на нее смотрит, и думаю, не проговорился ли... Порой она смотрит на

меня так странно, что мне кажется: она знает. Время от времени мне приходилось оставлять их наедине в своей комнате — тогда-то он, должно быть, и проговорился.

«Что ты на это скажешь, Сьюки? Она тебя любит!»

«Любит? Вы хотите сказать, как госпожа служанку?»

«Ну, скажем, как некоторые дамы любят некоторых служанок. Разве она не придумывала разные предлоги, чтобы подманить тебя поближе? — И правда, я так делала. — Притворялась, что видит дурные сны? — И это я делала. — Просила поцеловать ее? Смотри, Сьюки, как бы она не зацеловала тебя в ответ...»

Посмеялась ли она, говоря: да, да, спасибо, что предупредили... Или содрогнулась от омерзения? Мне кажется, теперь, даже когда она лежит рядом со мной, она начеку. Не раскидывает больше руки и ноги. Мне кажется порой, что она не спит — просто лежит и выжидает. Но чем больше я думаю об этом, тем сильнее меня тянет к ней — желание во мне растет, становится невыносимым. У меня не жизнь теперь, а мука — кажется, даже предметы вокруг сместились и зажили своей жизнью: краски режут глаз, что было гладким — стало

шершавым. На пыльных коврах и занавесях мне мерещатся юркие тени, какие-то фигуры мечутся по углам, проплывают над головой поверх пятен сырой известки.

Даже дядины книги стали другими, и это хуже всего. Мне казалось, они мертвые. Теперь же слова — как фигуры на стенах — восстают передо мной, исполненные смысла. С непривычки я путаюсь, начинаю запинаться. Не помню, где остановилась. Дядя визжит, хватает со стола медное пресс-папье и запускает в меня. Это подействовало, но ненадолго. Потому что однажды вечером он попросил меня почитать ему одну книжку... Ричард смотрит на меня сосредоточенно, приложив палец к губам, он оживился. Потому что автор текста повествует о том, как женщина может ублажить другую женщину, если та воспылала, а мужчины рядом нет.

«И она коснулась ее губами и углубила язык...»

— Вам нравится, Риверс? — спрашивает дядя.

— Признаюсь, да.

— Ну так и многим мужчинам нравится, хотя, боюсь, это не в моем вкусе. Но я рад, что вы заинтересовались. В моем Указателе сей предмет будет отражен в полном объеме. Читайте, Мод, читайте.

И я читаю. И помимо воли — и даже под пристальным взглядом Ричарда — замечаю, как слова всколыхнули меня. Я краснею, мне стыдно. Стыдно оттого, что то, что мне казалось сердечной тайной, уже распечатали, растиражировали — и все ради чего? — чтобы поставить на полку в дядиной библиотеке. Каждый вечер я выхожу из гостиной и иду наверх — медленно, не торопясь, аккуратно ставя туфельку на середину ступеньки. Если я все буду делать как положено, то все будет хорошо. Потом стою в темноте. Когда Сью приходит раздеть меня, я покорно отдаюсь на муки — как восковой манекен, над которым порхают равнодушные сноровистые пальцы портнихи.

Но даже и восковые куклы могут не выдержать и растаять от жарких рук, если их часто трогать. Приходит ночь, когда я не выдерживаю.

В последнее время мне часто снится что-то непонятное, что нельзя выразить словами, и я каждый раз просыпаюсь с ощущением страха — и желания. Она успокаивает меня. «Засыпайте скорее, пока сон не ушел», — говорит. И я засыпаю. А иногда нет. Иногда я встаю и начинаю ходить по комнате, пью капли. В ту ночь как раз я выпила успокоительного и пошла в постель, легла рядом с ней. Но вместо сонного оцепене-

ния почувствовала нечто другое. Я вспомнила, что читала накануне дяде и Ричарду: всплыли отдельные слова, фразы, целые куски:

«...Коснулась губами и языком... берет мою руку... бедра, губы, язычок... прижимаясь влажным ртом... раскрыла лепестки моей маленькой... лепестки ее маленькой...»

Я не могла заставить их умолкнуть — фразы, теснясь, заполоняли меня. Я их почти что видела — они проступали из темноты, бледные страницы, испещренные мелкими строчками. Я закрыла ладонями лицо. Не знаю, как долго я так лежала. Но, наверное, я все-таки пошевелилась или вскрикнула, потому что, когда я отняла руки от лица, она тоже проснулась. Я почувствовала, что она смотрит на меня, хотя под пологом было темно.

— Засыпайте лучше, — говорит она, почти шепчет.

Мне вдруг неловко оттого, что ноги мои под рубашкой голые и есть там место, где они сходятся. Слова из книги все еще звенят у меня в ушах. Оттого, что она так близко, у меня по коже разливаются горячие волны.

— Я боюсь, — признаюсь я.

Она вздыхает. Зевнув, уже не шепчет, а говорит

ласково:

— Чего же?

И трет глаза. Откидывает волосы со лба. Если бы это была другая девчонка, не Сью! Если бы это была Агнес! Любая другая девчонка, пусть даже из книги!

«Девицу ублажить нетрудно».

«Бедра, губы, язычок...»

— Как вы думаете, я хорошая? — спрашиваю.

— Хорошая, мисс?

Да, она так думает. Когда-то это радовало. Сейчас я чувствую, что это — западня. И говорю:

— Я думала... может, вы расскажете мне...

— О чем, мисс?

Расскажешь мне. О том, как тебя спасти. Как себя спасти. В комнате черно. «Бедра, губы...», «Девицу ублажить нетрудно».

— Я бы хотела знать, — говорю я, — что должна делать жена в первую брачную ночь.

И поначалу все просто. В конце концов, так это делается в дядюшкиных книгах: есть две девицы, одна знающая, другая невинная.

— Ну, он захочет, — медлит она, — поцеловать вас. Захочет обнять.

Это просто. Я говорю все, что полагается, а она — после короткой запинки — тоже отвечает по

правилам. Слова укладываются обратно на пожелтевшие страницы. Как просто, оказывается...

Потом она приподнимается и прижимается к моему рту губами.

Я помню прикосновение сухих, бесстрастных губ джентльменов — к лайке перчатки, к щеке. Помню мучительный влажный поцелуй Ричарда, когда он держал меня и целовал мою ладонь, ее же губы прохладные, шелковистые: неловкие поначалу, они почти сразу теплеют, становятся влажными, притягивают. Ее волосы падают мне на лицо. Я ее не вижу, только чувствую. Ее вкус, ее запах. От нее пахнет сном. Я размыкаю губы, чтобы вздохнуть, а может, чтобы отстраниться, но она не отпускает меня, приникает всем ртом, и я чувствую ее влажный язык.

И тут я вздрагиваю. Потому что это как бередить рану, как дергать за больной нерв. Она отстраняется, но медленно и неохотно, как будто губы наши слились воедино и их трудно оторвать. Она нависает надо мной. Слышно, как сердце стучит у нее в груди, а я думаю, это мое. Но это ее сердце. Она дышит горячо и взволнованно. И я замечаю, что она тоже тихонько дрожит. И ее дрожь, ее возбуждение передается и мне.

— Чувствуете? — говорит она. Голос ее, в пол-

ной темноте, звучит так странно. — Чувствуете?

Я чувствую. Чувствую, как проваливаюсь во тьму, как падаю, как таю, словно капель, или как песок осыпается с выдернутой былинки. Но я не сухая, как песок. Влага. Текучая, как вода, как чернила.

Я тоже теперь дрожу.

— Не бойтесь, — говорит она, но голос ее пресекся.

Я придвигаюсь ближе, но и она тоже придвигается ближе, и тело мое само рвется ей навстречу. Она дрожит все сильнее. Оттого, что я рядом!

— Думайте о мистере Риверсе, — говорит она.

И я представляю себе взгляд Ричарда.

Она повторяет:

— Не бойтесь.

Но боится она сама. Голос у нее по-прежнему странный. Она снова меня целует. Потом подносит руку к моему лицу — касается нежными пальцами.

— Видите, — говорит она. — Это так просто. Думайте о нем. Он захочет... захочет коснуться вас.

— Коснуться!

— Да, только коснуться, — говорит она. Порхающие пальцы спускаются ниже. — Только коснуться. Вот так. Вот так.

Когда она задирает мою сорочку и касается места меж бедер, мы обе замираем. Потом рука ее движется дальше, и пальцы ее уже не дрожат: они влажные, скользят, и это скольжение, как и когда она проводила своими губами по моим, магнетизирует меня, собирает воедино, словно вылепляет из хаотичной тьмы, но не меня прежнюю, а меня — иную. Вот раньше я думала, меня к ней тянет. Но как же сильно, пронзительно и мощно влечет теперь — словно жажда, которую ничем не утолить. Она стала такой нестерпимой, что мне кажется, я не выдержу и сойду с ума. Или умру. Но рука ее все продолжает медленно двигаться. Она шепчет: «Какая вы нежная! Какая горячая! Я хочу...» И рука движется еще медленнее. Надавливает. Я замираю. Она сначала не понимает, останавливается, потом продолжает увереннее — я чувствую, как она проникает в меня, она во мне. Мне хочется кричать. Теперь она стала решительнее, прижимается ко мне бедром, скользит, скользит. Она так мала! — но бедро у нее такое сильное, а рука такая крепкая. Она движется ритмично, бедро и рука скользят в такт, все быстрей и быстрей. Вот оно! Вот та точка, средоточие всего, и я уже не вижу и не слышу ничего — я там, где ее рука сжимает мою плоть.

— Ну еще, — говорит она. — Еще!

И я взрываюсь, разлетаюсь на осколки от ее касания. Она плачет. Слезы капают мне на лицо. Она приникает к ним губами.

— Жемчужина... — И голос ее дрожит, как сорванная струна. — Жемчужинка, жемчужинка, жемчужинка моя...

Не знаю, как долго мы так лежали. Она свернулась, зарывшись лицом в мои волосы. Руку она постепенно отвела. Лоно мое еще хранит ее влагу — там, где она скользила по мне. Перина промялась под нами, постель — как гнездышко. Она сбросила одеяло. До рассвета еще далеко, в комнате темно. Сердца наши все еще бешено стучат в ночной тиши, и кровать под пологом, и комната — да и ведь дом, похоже, — полнится эхом наших голосов, шепотов и криков.

Я ее не вижу в темноте. Но она вдруг находит мою руку и подносит к своим губам, целует пальцы, кладет мою ладонь себе под щеку. Моргает — ресницы чуть щекотнули мою ладонь. Молчит. Закрывает глаза. Голова ее тяжелеет. Вздрагивает. Она вся пылает, как печь. Я подбираю одеяло и укутываю ее.

«Теперь все другое», — говорю я себе. Наверное, прежде я была мертва. А теперь она коснулась

меня и возродила к жизни — проникла сквозь все телесное и выпустила меня, настоящую, на волю. «Все другое». Я еще помню ее прикосновение. Как бедра ее скользили по моим. Представляю, как она посмотрит на меня, когда проснется. Думаю: «А я ей скажу тогда: «Я хотела тебя обмануть. Но теперь не могу. У Ричарда был свой план. А мы сделаем его нашим». Я уверена, мы сможем обернуть его в свою пользу — или же вовсе от него откажемся. Нужно только сбежать из «Терновника» — и она мне поможет, она же воровка и сообразительная. Мы продумаем побег в Лондон, раздобудем денег...»

И я прикидываю, рассчитываю, а она лежит рядом, уткнувшись лицом в мою ладонь. Сердце мое радостно бьется — я уже представляю, как мы заживем с ней в Лондоне вдвоем. Потом я засыпаю. И во сне, наверное, отодвигаюсь от нее — а может, это она отодвигается и на рассвете встает и уходит к себе, — потому что, открыв глаза, я ее не вижу рядом, постель остыла. Я слышу, как она возится в своей горнице, плещет водой. Поднимаюсь над подушкой — сорочка зияет на груди: это она ночью развязала тесемки. Сгибаю колени: бедра мои изнутри еще влажны от ее касаний.

«Жемчужинка», — сказала она. И вот она входит

и встречается со мной глазами. Сердце мое готово выпрыгнуть из груди. Она отворачивается.

Сперва я думаю, ей неловко. Думаю, что она робеет и стесняется. Она молча ходит по комнате, достает нижнее белье и платье. Я встаю — теперь она может вымыть меня и одеть. «Ну теперь-то она заговорит», — надеюсь. Но ничего подобного. И когда она замечает красное пятно на моей груди — там, где она целовала, мокрые потеки на бедрах, мне кажется, она вздрагивает. И тут мне становится по-настоящему страшно. Она приглашает меня к зеркалу. Я разглядываю ее отражение. В зеркале она совсем другая, черты ее искажены. Укладывая мне волосы, смотрит лишь на свои дрожащие руки. «Ей стыдно», — доходит до меня.

И тогда я решаюсь заговорить.

— Я сегодня так крепко спала, — говорю я как бы между прочим. — Правда?

Взмах ресниц.

— Да, — отвечает она, — и не видели снов.

— Один только видела, — продолжаю я. — Но это был хороший сон... Это был сон и про вас, Сью...

Она зарделась, и я будто вновь ощутила ее горячие влажные губы, ее поцелуи, ее касания. Я ведь

хотела ее обмануть. Но теперь не могу. «Я не та, за кого вы меня принимаете, — скажу я. — Вам кажется, я хорошая. А я плохая. Но рядом с вами постараюсь быть лучше. Это был его замысел. А мы придумаем свой...»

— Сон? — говорит она, помолчав, и отступает на шаг. — Не думаю, мисс. Не думаю, что про меня. Вероятно, это был сон про... про мистера Риверса. Гляньте, а вот и он! Его сигарета почти совсем догорела. Идите скорей, иначе вы его пропустите... — Тут голос ее дрогнул, но она вовремя спохватилась и продолжила: — Вы его пропустите, идите скорее смотреть!

Она меня оглоушила — на миг все поплыло перед глазами, — но я поднялась, на ватных ногах подошла к окну: перед домом, попыхивая сигаретой, расхаживал Ричард. Я словно прилипла к стеклу — не отрывалась, даже когда он давно ушел к дяде. Если бы день был пасмурный, я бы видела в стекле свое отражение, но я и так хорошо представляла себе свое лицо: запавшие щеки, полные алые губы — слишком полные и слишком яркие от поцелуев Сью. Я вспомнила дядины слова: «Ваших губ уже коснулся яд». И как испугалась Барбара, и как миссис Стайлз пичкала меня мылом, а потом долго и упорно терла руки

о передник.

Все другое теперь. Но, в общем-то, ничего не изменилось. Она раскрыла мою плоть, но края сойдутся, плоть затвердеет, останется лишь шрам. Я слышу, как она идет в мою гостиную, вижу, как садится, прячет от меня лицо. Я жду, но она на меня даже не взглянет — наверное, никогда больше она не посмеет посмотреть мне в глаза. А я-то хотела ее спасти! Теперь я ясно вижу, что меня ждет, если откажусь от задуманного Ричардом побега. Он уедет из «Терновника» и заберет ее с собой. Не век же ей здесь куковать? Она уедет, а я останусь — с дядей, с книгами, с миссис Стайлз, мне приведут какую-нибудь новую служанку, пугливую и хлипкую — для пинков... Я представила себе свою жизнь — минуты, часы, дни, которые уже прожиты, и подумала о долгих днях и минутах, которые мне еще суждено прожить. Какими они будут — без Ричарда, без денег, без Лондона, без свободы? Без Сью.

Так что сами видите теперь: это любовь — не презрение, не злоба, — только любовь заставила меня в конце концов сделать с ней то, что я сделала.

Глава одиннадцатая

Как и было намечено, мы бежали в последний день апреля. Время пребывания Ричарда в доме окончено. Дядины гравюры разобраны по альбомам и переплетены, он милостиво дает мне на них полюбоваться.

— Тонкая работа, — говорит он. — А вы как думаете, Мод?

— Да, сэр.

— Вы посмотрели?

— Да, дядюшка.

— Именно. Тонкая работа. Думаю, надо послать за Хотри и Хассом. Пусть приедут... на следующей неделе. Что скажете? Отпразднуем это?

Я не отвечаю. Я представляю себе столовую, гостиную — и себя, далеко-далеко от этих мест. Он обращается к Ричарду.

— Риверс, — говорит он, — не хотите ли приехать в гости вместе с Хоторном?

Тот огорченно качает головой:

— Боюсь, сэр, в это время я буду занят.

— Жаль. Слышите, Мод? Жаль, очень жаль.

Он отпирает дверь своего кабинета. Мистер Пей и Чарльз тащат по галерее баулы Ричарда.

Чарльз трет глаза рукавом.

— Пошевеливайся! — рявкает мистер Пей, пиная Чарльза ногой.

Чарльз поднимает голову, видит, как мы выходим из дядиной комнаты, и, как мне кажется, при виде дядюшки дергается и порывается бежать. Дядя удивлен.

— Видели, Риверс, среди кого мне приходится жить? Мистер Пей, я надеюсь, вы поймаете и отлупите мальчишку?

— Разумеется, сэр, — говорит мистер Пей. Ричард смотрит на меня и улыбается. Я и не думаю отвечать ему улыбкой. А когда на лестнице он берет меня за руку, пальцы мои холодны как лед.

— До свидания, — говорит он.

Я не произношу ни слова.

Он оборачивается к дяде:

— Мистер Лилли. Прощайте, сэр!

— Красивый мужчина, — изрекает дядя, когда двуколка исчезает за поворотом. — А, Мод? Что ж вы молчите? Разве вы не рады вернуться вновь к нашим уединенным занятиям?

Мы возвращаемся в дом. Мистер Пей закрывает за нами рассохшуюся дверь, холл погружается во тьму. Я следом за дядей поднимаюсь на галерею, как некогда поднималась за миссис Стайлз.

Сколько раз с тех пор я прошла вверх-вниз по этой лестнице? Сколько раз наступала каблучком вот сюда или вот сюда? Сколько туфель, сколько платьев, сколько перчаток износила, сколько нарядов переросла? Сколько скабрезных слов перевидала? И сколько прочитала вслух перед джентльменами?

Лестница, туфельки, перчатки, слова, мужчины — все это останется здесь, а меня уже не будет. Так ли? Я снова представляю себе комнаты в дядином доме: столовую и гостиную, библиотеку. Вспоминаю полумесяц, который процарапала на замазанном библиотечном окне; даже закрывая глаза, я все равно его вижу. Однажды я подумала, глядя на сдвинувшиеся надо мной мрачные своды: «Нет, ни за что мне отсюда не выбраться!» А теперь вот твердо знаю, что выберусь. Но «Терновник» так просто не забудет меня. Или я так просто его не забуду...

Я представляю, как когда-нибудь потом, когда дом опустеет и превратится в развалины, стану привидением и буду бродить по пустынным комнатам, неслышно ступая по истлевшим ковровым узорам.

Но ведь, если честно, я и так почти привидение. Потому что я иду к Сью, и она показывает мне пла-

тья и белье, которое она намерена отложить для побега, достает украшения, дорожные сумки — и при этом отводит глаза, а я только молча смотрю на все это. Мне нет дела до вещей, которые она перебирает, — я вижу лишь ее руки, слышу ее дыхание, вижу, как она шевелит губами, но слов ее будто не понимаю: они, едва сорвавшись с уст, проходят мимо моего сознания. Наконец ей больше нечего показывать. Нам остается только ждать. Приносят завтрак. Потом мы идем к могиле моей матери. Я тупо смотрю на плиту и ровно ничего не чувствую. День стоит теплый, но сыро: ботинки наши вымокли от росы, подолы запачканы грязью.

Я согласилась участвовать в том, что придумал Ричард, точно так же, как некогда смирилась с дядиными требованиями. И нашим планом, нашим побегом руководит скорее он, я лишь повинуюсь. У меня не осталось желаний. Я сижу за ужином как сомнамбула, потом читаю дяде вслух. Возвращаюсь к Сью, и она одевает меня по своему усмотрению, выпиваю поднесенный ею бокал вина, подхожу вместе с ней к окну — там ночь. Она переминается с ноги на ногу, нервничает.

— Посмотрите, какая луна, — говорит она, — какая яркая! Видите, какие тени! Который час? Еще

нет одиннадцати? Как-то там наш мистер Риверс, один на реке...

У меня остается еще кое-что, что я обязана сделать, перед тем как навсегда исчезну: одно дело, но страшное, — я долго вынашивала этот план в отместку за все мучительные дни и ночи в «Терновнике», и вот теперь, когда час нашего побега близок, а дом затих, я это сделаю. Сью оставляет меня в гостиной, а сама идет заниматься сумками. Я слышу, как она возится за дверью, расстегивает пряжки.

Ну вот я и дождалась.

Я тихо выскальзываю из комнаты. Я наизусть знаю дорогу, мне не нужен свет, а темное платье делает меня незаметной. Я направляюсь к парадной лестнице, быстро пересекаю залитую лунным светом площадку. И останавливаюсь, прислушиваясь. Тишина. И я продолжаю путь, иду по коридору — он в точности повторяет изгибы коридора от моей комнаты до лестницы. У первой двери я замедляю шаги, прислушиваюсь, чтобы убедиться, что вокруг все спокойно.

Эта дверь ведет на половину моего дяди. Прежде я сюда не заходила. Но, как я и предполагала, дверные ручки и петли здесь щедро смазаны и поворачиваются бесшумно. Ковер с высоким

ворсом, густой — с каждым моим шагом слышен легкий шорох.

Гостиная дядина еще темнее и от этого кажется меньше моей. Стены завешаны драпировками и заставлены книжными шкафами. Я на них даже не взглянула. Подхожу к его спальне, вслушиваюсь, приложив ухо к двери. Поворачиваю ручку — сначала слегка, потом еще немного, потом до конца. Стараюсь не дышать. Приоткрываю дверь. Вслушиваюсь. Ни звука. Сильнее толкаю дверь и снова стою и вслушиваюсь. Если он шевельнется, я убегу. Но где же он? В первую минуту ничего не разобрать. Но я все жду, все прислушиваюсь. Потом до меня доносится тихое ровное сопение.

Он тоже спит под балдахином, но ночник, как и я, держит на столике: странно, никогда бы не подумала, что он боится темноты. Но даже с таким освещением все-таки легче. Не выходя из-за двери, я могу оглядеться по сторонам, и наконец нахожу то, за чем я и пришла сюда. Вот оно, на туалетном столике, рядом с кувшином: на цепочке, обернутый выцветшим бархатом, ключ от библиотеки — и бритва.

Я быстро подхожу и хватаю все это — цепочка змейкой скользит мне в ладонь. Если бы она соскользнула на пол!.. Но она не соскальзыва-

ет. Ключ от двери раскачивается как маятник. Бритва оказывается куда увесистей, чем мне представлялось, лезвие раскрыто, торчит под углом. Я еще чуть разгибаю его и подношу к свету: оно должно быть острым — потому что мне нужно острое. Как раз подходит. Поднимаю голову. В зеркале над камином, среди теней, я вижу свое отражение, свои руки: в одной ключ, в другой бритва. Ну чем не аллегория «Обманутое доверие»!

В занавесях над дядиной кроватью — щель. Тусклая полоска света — да и то сказать, какой свет, один намек, — падает ему на лицо. Никогда еще я не видела его спящим. Он кажется маленьким, как ребенок. Укутался в одеяло до подбородка. Дышит с открытым ртом, шлепает губами. Он видит сон — черные буковки или красный сафьян, шагрень, бархат. А может, перебирает корешки. Очки его, сложив дужки, как руки крест-накрест, покоятся на столике у изголовья. Под ресницами глаз блестит, слезится. Бритва нагрелась в моей руке...

Но это не то, что мне надо. Пока, во всяком случае. Я стою над ним с минуту, потом разворачиваюсь и ухожу. Возвращаюсь тем же путем — тихо, осторожно. Выхожу на лестницу, иду

к библиотеке, а войдя, запираю за собой дверь и зажигаю лампу. Сердце глухо стучит. Меня подташнивает от страха и от сознания того, что мне предстоит сделать. Но время не ждет, и надо действовать. Я подхожу к дядиным шкафам и открываю стеклянные дверцы. Начинаю с «Просвещения Лауры» — первой книги, которую он дал мне прочесть. Я беру ее, открываю, швыряю на письменный стол. Раскрываю бритву до упора. Лезвие жесткое, разве что кончик гнется. Но, видно, так надо, чтобы лучше резать.

И все же трудно, почти невозможно — заносить острие над чистым, беззащитным бумажным листом. Особенно в первый раз. Мне кажется, книга закричит — и меня остановят. Но она не кричит — вздыхает, словно только и ждала, когда ее растерзают. И когда я слышу этот вздох, рука моя разит смелее и увереннее.

Вернувшись к себе, застаю Сью у окна, она стоит, заламывая руки, извелась, ожидая. Пробило полночь. Она думала, я не вернусь. Заблудилась. Но упрекать не упрекает — так рада, что я объявилась.

— Вот ваш плащ, — говорит она. — Застегните скорее. Берите сумку. Не эту, она для вас тяжела. А теперь пора идти.

Она думает, я нервничаю. Прикладывает палец к губам: молчите, мол. Говорит: «Держитесь». Потом берет меня за руку и ведет за собой по коридорам.

Она ступает тихо, как вор. Подсказывает, куда идти. Ей и невдомек, что совсем недавно я стояла, легкая как тень, над дядиной постелью. Мы спускаемся по черной лестнице, ступеньки здесь не покрыты ковровой дорожкой — мне вся эта часть дома, с голым дощатым полом, совершенно незнакома, и она держит меня за руку, пока мы не подходим к двери полуподвала. Тут она ставит на пол свою сумку, смазывает жиром ключ и задвижки — чтобы легче открывались. Ловит мой взгляд и подмигивает, как мальчишка. У меня сердце падает.

Потом дверь открывается, и она выводит меня в ночь, парк кажется мне незнакомым, да и сам дом странный какой-то — потому что никогда прежде я не выходила в такой поздний час, видела ночной парк лишь из окна гостиной. Интересно, если бы я сейчас там стояла, увидела бы я, как Сью тащит меня через лужайку? Может, я тоже казалась бы плоской и бесцветной, как деревья, трава, как камни на дорожке или как подрезанный плющ? На секунду замедлив шаг, я оборачиваюсь, чтобы

посмотреть на окно — уверенная, что вот-вот в нем мелькнет мое лицо. Потом смотрю на другие окна. Неужели никто не проснется, не хватится, не позовет назад?

Никто не проснулся, не позвал. Сью тянет меня за руку, и я покорно иду за ней. У меня есть ключ от калитки: когда мы выбираемся наконец наружу, я запираю за собой калитку, а ключ летит в камыши. Небо над рекой чистое и ясное. Мы укрылись в тени, стоим и молчим — две Тисбы, ждущие Пирама. От луны река наполовину серебристая и светлая, наполовину черная.

Он держится черной полосы. Лодка с низкой осадкой, темная, узкая, с задранным носом. Лодка из моих сновидений. Я вижу, как она подплывает, чувствую, как рука Сью рванулась из моей, отхожу от нее, подбираю брошенный с лодки канат и даю ему руку: он усаживает меня в лодку. Она садится рядом, вид у нее растерянный. Он отталкивается от берега веслом, она хватается за борт, мы разворачиваемся, и течение подхватывает нас.

Никто не промолвил ни слова. Сидим недвижно, один только Ричард машет веслом. Мы тихо плывем по течению, каждый — к своему страшному будущему.

Что дальше? Помнится, плавание прошло гладко: мне в лодке понравилось, но пришлось сойти на берег — там для меня была привязана лошадь. В другой раз я бы испугалась лошади, но сейчас покорно сажусь на нее, и она меня везет, хотя, если бы сбросила, я бы приняла это с не меньшей покорностью. Помню каменную церквушку, пучки лунника, белые перчатки — и свою обнаженную руку, которую кто-то кому-то передавал, кольцо, которое еле налезло на палец. Должно быть, я что-то говорила, по подсказке, — сейчас не вспомню. Помню священника в грязном стихаре. Лица его не помню. Помню, как Ричард поцеловал меня. Помню книгу — как взяла перо, написала свое имя. Как шли из церкви, не помню. Потом — комната, и Сью расстегивает на мне платье; жесткая подушка под щекой, колючее одеяло — и слезы. Руки у меня голые, на пальце кольцо. Рука Сью выскальзывает из моих пальцев.

— Вы теперь замужняя дама, — говорит она, и я отворачиваюсь от нее.

...Когда я снова поворачиваю голову, ее в комнате уже нет. Вместо нее — Ричард. Он стоит у двери, смотрит на меня и тихо смеется, зажимая рот ладонью.

— Ох, Мод! — говорит он, качая головой. Огла-

живает бородку и усы. — Наша первая брачная ночь. — И снова смеется.

Я смотрю на него и молчу, одеяло натянуто до подбородка. Я спокойна. И спать совсем не хочется. Когда он отсмеялся, стало так тихо — даже слышно, как потрескивают, распрямляясь, ступеньки, по которым он ступал. Мышка шмыгнула по потолочной балке. Не те звуки. Мысль эта, видно, отразилась на моем лице.

— Вам тут с непривычки все покажется странным, — говорит он, приближаясь ко мне. — Не обращайте внимания. Скоро мы уедем в Лондон. Там больше жизни. Думайте об этом.

Я не отвечаю.

— Не хотите разговаривать? А, Мод? Да ладно, не надо чудить, во всяком случае со мной. Это же наша первая брачная ночь, Мод!

Он подходит еще ближе. Хватается за спинку кровати над моей головой и трясет, пока ножки кровати не начинают скрипеть — того и гляди, отвалятся.

Я закрываю глаза. Кровать трясется еще некоторое время. Он перестает трясти, но рук не отпускает — следит за мной. Даже крепко зажмурившись, я чувствую, как он мрачной тенью нависает надо мной. Он сильно изменился за по-

следнее время. Мышь или птица снова пискнула под потолком. Потом дом затихает.

Я чувствую на щеке его дыхание. Он дует мне в лицо. Я открываю глаза.

— Эй, — говорит он тихо. И как странно смотрит! — Не говорите, что испугались. — И отрывает руку от спинки кровати.

Я вздрагиваю: вдруг ударит? Но нет, он разглядывает мое лицо, взгляд его приковывает ямочка на шее. Он смотрит на нее как зачарованный.

— Как сердце-то стучит, — шепчет он. И подносит руку, словно хочет проверить, как бьется кровь.

— Дотроньтесь, — говорю я. — Дотроньтесь, и вы умрете. Во мне яд.

Рука его останавливается на полпути — я смотрю ему в глаза не мигая. Он встает. Кривит рот в усмешке.

— Вы думали, я вас хочу? Правда подумали? — Он почти шипит, а не шепчет — конечно же, он не может говорить громко, иначе Сью услышит.

Отходит от кровати, нервно разглаживая волосы. Сумка попадается ему на пути, он пинком отшвыривает ее.

— Черт побери! — ругается.

Снимает сюртук, дергает запонку.

— Ну что вы так смотрите? — Он закатывает рукав. — Разве не говорил я вам, что вы в безопасности? Если вы думаете, что я больше вас рад нашей женитьбе... — Подходит к кровати. Он угрюм. — Но я должен изображать радость. А это входит в понятие радостей брака. Разве забыли?

Откидывает одеяло.

— Подвиньтесь, — командует он.

Я подчиняюсь. Он садится, неловко поворачивается. Лезет в карман брюк и что-то достает. Перочинный нож.

Я тотчас вспоминаю о дядиной бритве. Но это было в прежней жизни, когда я кралась по спящему дому, резала книги. А сейчас вижу, Ричард ногтем поддевает лезвие, раскрывает нож. Он заляпан черным. Ричард с гадливостью смотрит на него, потом заносит над своей рукой. Но делает это неуверенно, вздрагивает, когда металл касается кожи. Затем опускает руку с ножиком. Снова ругается. Расправляет усы, оглаживает волосы. Перехватывает мой взгляд.

— Что смотреть без толку? Не найдется ли у вас крови, чтобы облегчить мне мучения? Как они там у вас называются — регулы, ну, что у всех женщин бывает?

Я молчу. Он снова кривится.

— Вот такие вы. Если уж вам положено терять кровь, делали бы это хоть с какой-то пользой...

— Вы что, намерены меня оскорблять?

— Да успокойтесь, — говорит он. Разговариваем мы по-прежнему шепотом. — Это для нашей обоюдной пользы. Не вижу, чтобы вы подставили руку под нож.

Я с готовностью протягиваю руку. Он отмахивается.

— Нет, нет, я сам, сейчас.

Вдохнув поглубже, он проводит кончиком ножа по руке, останавливается в том месте, где начинается ладонь и нет волос, еще раз глубоко вздыхает и быстро делает надрез.

— О господи! — вырывается у него.

Он морщится. Из ранки сочится кровь — в темноте она кажется черной. Он переворачивает руку, и капли падают на простыню. Их не так уж много. Тогда он зажимает большим пальцем кисть выше пореза, надавливает, и капли капают чаще. Он не смотрит мне в глаза. Потом тихо спрашивает:

— Как думаете, этого хватит?

— А вы разве не знаете? — Я внимательно смотрю на его лицо.

— Нет, не знаю.

— Но...

— Наверное, вы имеете в виду Агнес. — Он щурится. — Не обольщайтесь, есть и другие способы усмирить девственницу, не обязательно этот. Вам следовало бы знать.

Кровь все капает. Он сыплет проклятиями. Я думаю об Агнес, о ее красных распухших губах. Я отворачиваюсь от него. Мне делается дурно.

— Ну же, Мод, — говорит он, — говорите скорее, пока я не упал в обморок. Вы же читали об этом. У вашего дяди в его проклятом Указателе наверняка есть такой раздел, Мод?

Я снова смотрю на падающие капли и утвердительно киваю. Наконец он прижимает руку к простыне и размазывает капли. Хмурясь, смотрит на порез. Лицо его белое, как бумажный лист. Он морщится.

— Подумать только, даже от вида собственной крови мужчине становится дурно! Какие же вы, женщины, чудовища, раз можете спокойно терпеть такое месяц за месяцем. Неудивительно, что потом с ума сходите. Видите, какая рана? — Он протягивает мне руку.— Наверное, я слишком глубоко резанул. Это все из-за вас, вы меня подбили. У вас есть бренди? Думаю, порция бренди мне сейчас не повредит.

Он достает носовой платок, прижимает к ранке.

— У меня нет бренди, — отвечаю я.

— Нет бренди. А что вообще есть? Ну же, по лицу вижу, что-то есть. — Он оглядывается по сторонам. — Где вы это прячете?

Я не знаю, сказать или нет. Но раз уж он напомнил, мне почему-то нестерпимо захотелось снотворных капель.

— В кожаной сумке, — говорю я.

Он приносит мне пузырек, вынимает пробку, нюхает, кривится.

— Подайте стакан.

Он находит чашку, наливает в нее мутной воды.

— Это не по мне, — говорит он, глядя, как я пью лекарство. — Вам, может, и так поможет. А мне надо, чтоб побыстрее зажило.

Забирает у меня пузырек, отнимает от ранки платок и капает прямо на порез. Он морщится. Видно, щиплет.

Капля растекается, он слизывает ее языком. Вздыхает, прикрывает глаза, смотрит, как я допиваю микстуру и, с чашкой в руках, откидываюсь на подушку. Наконец он улыбается.

— «Модная пара в первую брачную ночь», —

смеется он. — Так написали бы о нас в лондонских газетах.

Я дрожу, натягиваю одеяло, кровавого пятна уже не видно — его закрыла простыня. Я тянусь за пузырьком. Он первый хватает его и дразнит, не дает.

— Нет-нет. А то не знаешь, чего от вас ждать. Сегодня пусть будет у меня. — И кладет пузырек в карман, а у меня нет сил, чтобы отнимать.

Он стоит, позевывая, трет глаза.

— Как я устал! — говорит. — Знаете, что уже больше трех часов?

Я не отвечаю, и он пожимает плечами. Встает у изножья кровати, нерешительно смотрит на постель, потом видит мое лицо и притворно вздрагивает.

— Я бы не удивился, — говорит он, — если бы проснулся и почувствовал на горле ваши пальцы. Нет, не буду рисковать.

Он подходит к камину, тушит свечу, потом устраивается в кресле, накрывшись сюртуком. Клянет на чем свет стоит свою уродскую постель, холод, торчащие ручки. Но засыпает даже раньше меня.

И когда он засыпает, я встаю, быстро подхожу к окну и отдергиваю занавеску. Луна еще светит

вовсю, а мне не хочется лежать в темноте, но и в лунном сиянии комната все равно выглядит странно. Платье мое и белье убраны в шкаф. Сумки закрыты. Я высматриваю, есть ли здесь что-нибудь мое, и вижу наконец под умывальным столиком туфли. Я подхожу к столику, наклоняюсь, дотрагиваюсь до них. Потом выпрямляюсь и снова наклоняюсь, снова их трогаю.

Потом лежу в постели и жду знакомых звуков — боя часов, скрежета шестеренок. Но вокруг только тихие, незнакомые шорохи — шебуршание мелких зверьков и жучков под полом да потрескивание досок. Повернув голову, смотрю на стену, за которой спит Сью. Если бы она заворочалась в постели или прошептала мое имя, я бы услышала. Любой звук, исходящий оттуда, я бы наверняка уловила.

Но там никаких звуков. Ричард пошевелился в кресле. Лунный свет крадется по половицам. Я засыпаю. Я сплю и вижу во сне «Терновник». Но коридоры в доме незнакомые. Я опоздала в библиотеку и заблудилась.

Она приходит ко мне каждое утро, чтобы помочь мне умыться, одеться, приносит еду (я к ней не притрагиваюсь), потом уносит поднос обратно. Но, как во все последние дни в «Терновнике»,

избегает смотреть мне в глаза. Комната у меня маленькая. Она садится рядом, но мы разговариваем очень редко. Она шьет. Я играю в карты — двойка червей, с отметиной от моего каблучка, на ощупь кажется шершавой, — я теперь без перчаток. Ричард днем не сидит дома. А по ночам бранится. Ругает деревенские улицы, где грязь непролазная и пачкаются его башмаки. Ругает меня — за то, что молчу, за то, что не такая, как все. Злится, что приходится так долго ждать. Но больше всего ругает свое угловатое кресло.

— Вот посмотрите, — говорит, — на мое плечо. Видите? Уже почти вывихнуто, вон как торчит. Еще неделя — и я стану калекой. А складки... — И сердито приглаживает брюки. — Лучше бы я взял с собой Чарльза. А теперь — когда приеду в Лондон, на улице стыдно будет показаться!

«Лондон», — думаю я. Слово это пока что ничего для меня не значит.

Он что ни день бегает за новостями о моем дядюшке. Он много курит в последнее время — желтое пятно на пальце совсем расплылось. Иногда он дает мне выпить капель, но пузырек из рук не выпускает.

— Отлично, — говорит он, глядя, как я глотаю лекарство. — Осталось совсем немного. Вы теперь

худенькая, жалкая! А Сью стала такая гладкая, откормленная, прямо как свиноматка у матушки Крем. Дайте ей завтра надеть свое самое красивое платье!

Я повинуюсь. Я на все готова, лишь бы поскорее закончилось затянувшееся ожидание. То притворяюсь испуганной, нервной, а то и всплакну понарошку — пусть себе утешает (или ругает). Я это делаю без оглядки на Сью. Мне до нее нет дела, и это не мне, а ей должно быть стыдно. Но ей, похоже, все равно. Ее руки, гладившие, будоражившие, раскрывавшие меня, как бутон, теперь безжизненны и бледны. Вместо лица — непроницаемая маска. Она тоже ждет — как и мы — приезда врачей.

И так мы ждем — точно не могу сказать, как долго. Две, а может быть, три недели. «Завтра они приезжают», — наконец говорит мне Ричард под вечер, а наутро: «Они прибудут сегодня. Вы не забыли?»

Меня замучили ночные кошмары.

— Я не желаю с ними встречаться, — говорю. — Пусть едут обратно. Приедут в другой день...

— Не капризничайте, Мод.

Он встает, одевается, застегивает воротничок, повязывает галстук. Сюртук его расстелен на

кровати.

— Я не хочу их видеть! — кричу я.

— А надо, — отвечает он. — Потому что это последний штрих. Вам ведь здесь надоело. Пора выбираться отсюда.

— Но я так волнуюсь.

Он не отвечает. Подносит к волосам щетку. Я наклоняюсь над кроватью и лезу в карман его сюртука — за спасительным пузырьком, но он вовремя перехватывает мою руку и забирает лекарство.

— Нет-нет, — качает головой. — Так вы, пожалуй, будете носом клевать — или вообще уснете и все дело испортите! Так не пойдет. Надо, чтобы вы были в ясном сознании.

И прячет пузырек в карман. Я тяну руку, он уворачивается.

— Ну хоть капельку, — молю я. — Ричард, сжальтесь. Одну каплю, не больше, я клянусь. — Губы у меня трясутся.

Он качает головой, платочком разглаживает ворс на сюртуке — стирает следы моих пальцев.

— Пока не дам, — говорит твердо. — Заработать надо.

— Я не могу! Без капель я не успокоюсь.

— Попытайтесь, ради меня. Ради себя, Мод.

— Идите к черту!

— Ладно-ладно, к черту нас всех... — Он вздыхает, потом продолжает причесываться.

Я откидываюсь на подушки, гляжу на него.

— Ну разве нельзя на минутку оставить свои капризы? — Он говорит почти ласково. — Ну что, успокоились? Вот и отлично. Когда они придут, вы знаете, что делать? Пусть Сью вас приберет, но только слегка. Будьте скромнее. Поплачьте, если надо, но только чуть-чуть. Вы знаете, что говорить?

Знаю, потому что мы заранее расписали роли, и я свою затвердила назубок. Я с неохотой киваю.

— Конечно, — радуется он. Похлопывает по карману, где спрятан вожделенный пузырек. — Думайте о Лондоне, — говорит он. — Там на каждом углу аптеки.

Рот мой кривится в усмешке.

— Считаете, в Лондоне мне понадобится лекарство?

Но слова звучат неубедительно. Он отворачивается, может быть, чтобы скрыть невольную улыбку. Потом берет перочинный нож, встает у камина и принимается чистить ногти — я вижу, как посверкивает лезвие в его руках.

Сначала он ведет их к Сью. Они, конечно же,

уверены, что это его сумасшедшая женушка, которой кажется, будто она служанка: говорит как служанка, ютится в каморке. Мне из комнаты слышно, как скрипят половицы под тяжкими шагами. Слышно, как они переговариваются — тихо, монотонно, — только слов не разобрать. Что отвечает Сью, не слышно. Я сижу на кровати, наконец они входят, я поднимаюсь навстречу и делаю реверанс.

— Сьюзен, — говорит Ричард. — Служанка моей жены.

Они кивают. Я пока что помалкиваю. Но, наверное, взгляд мой их настораживает. Вижу, они ко мне приглядываются. Ричард тоже пристально на меня смотрит. Потом подходит ближе.

— Верная служанка, — говорит он врачам. — Чего только не пришлось ей вытерпеть за последние две недели!

Он подводит меня к креслу, поближе к свету.

— Сядьте здесь, — говорит он ласково, — в кресле госпожи. Не волнуйтесь. Эти джентльмены всего лишь хотят задать вам несколько пустячных вопросов. Вы должны отвечать на них честно.

И стискивает мою руку. Наверное, хочет ободрить или предупредить о чем-то, но пальцы его

нащупывают кольцо — обручальное кольцо. Я забыла его снять. Он потихоньку снимает кольцо и прячет в горсти.

— Отлично, — говорит один из врачей. Он, похоже, доволен.

Другой делает пометки в книжечке. Я вижу, как он перелистывает страницу, и мне вдруг нестерпимо хочется сделать то же.

— Отлично. Мы уже виделись с вашей госпожой. Вы правильно делаете, что заботитесь о ее здоровье, потому что как ни прискорбно, но я вынужден вам это сообщить — сдается мне, она нездорова. Дело серьезное. Известно ли вам, что она называет себя вашим именем и выдает себя за вас? Вы об этом знаете?

Ричард не сводит с меня глаз.

— Да, сэр, — шепчу я.

— А вас зовут Сьюзен Смит?

— Да, сэр.

— И вы были служанкой у миссис Риверс — в девичестве мисс Лилли — в доме ее дяди, в «Терновнике»?

Я киваю.

— А до того — где вы служили? Не у господ Данрейвен, по адресу: Бамс-стрит, Мейфэр?

— Нет, сэр. Никогда о таких не слыхивала. Это

все фантазии миссис Риверс.

Я говорю так, как должна, мне кажется, говорить служанка. И называю фамилию и адрес других господ — каких-то дальних знакомых Ричарда, которые могут при случае подтвердить нашу сказку, если врачи начнут докапываться. Только вряд ли это понадобится.

Врач снова кивает.

— Насчет миссис Риверс, — продолжает он расспросы, — и ее, как вы выразились, «фантазий». Когда они начались?

У меня перехватывает дыхание. Но я говорю очень тихо:

— Миссис Риверс часто бывала странной. Слуги в «Терновнике» поговаривали, будто она малость не в себе. Кажется, у нее мать была сумасшедшая, сэр.

— Ну-ну, — произносит Ричард миролюбиво. — Не стоит пересказывать врачам дворовые сплетни. Говорите лучше, что сами знаете, остальное ни к чему.

— Хорошо, сэр, — отвечаю. Сижу, уставясь в пол. Половицы обшарпанные, в трещинах, словно в заусенцах.

— А как насчет брака миссис Риверс? — говорит врач. — Как сказалось на ней замужество?

— Да уж сказалось, говорю я, — совсем как подменили. Раньше-то она вроде любила мистера Риверса, и нам в «Терновнике» казалось, что уж так он за ней ухаживает! Думали, она счастлива будет как не знаю кто. Да только после свадьбы она какая-то чудная стала...

Врач смотрит на своего компаньона.

— Заметили, — спрашивает, — как все это напоминает собственные слова миссис Риверс? Очень интересно! Как будто, не в силах вынести бремя своей жизни, она переложила его на другие плечи, более выносливые. А сама ушла в фантазии!

И снова обращается ко мне.

— Фантазии, — повторяет задумчиво. — А скажите-ка мне, мисс Смит: любит ваша хозяйка читать? Книжки любит?

Я смотрю ему в глаза, но не могу ответить: в горле сухой ком.

Ричард приходит мне на выручку.

— Жена моя, — говорит он, — прирожденная книжница. Ее дядя, взявший на себя труд по ее воспитанию, известен как ученый человек, он наставлял ее на этом пути все равно что собственного сына. Миссис Риверс с детства любит книги.

— Так вот в чем дело! — говорит врач. — Не сомневаюсь, что ее дядя — замечательный че-

ловек. Но загружать девиц литературой... Еще и колледжей им наоткрывали!.. — От волнения лоб его покрылся испариной. — Мы теперь, видите ли, ратуем за женское образование. Болезнь вашей жены, мистер Риверс, как это ни печально, — всего лишь часть общего помешательства. Если честно, то я в последнее время все больше и больше опасаюсь за будущее нашей страны. Так вы говорите, последний приступ помешательства пришелся на брачную ночь? Разве это, — тут он переглянулся с врачом, который все это записывал, — не яснее ясного? Я заметил, как она дернулась, когда я взял ее за руку пощупать пульс. И еще заметил, что на пальце у нее нет обручального кольца.

Ричард — вот что значит судьба помогает кому не надо — делает вид, что вынимает из кармана кольцо.

— Вот оно, — говорит, вертя его на свету. — Сняла и швырнула на пол, да еще и ругалась. Потому что теперь она говорит как простолюдинка. Ничего, кроме брани, от нее не услышишь. И где только наслушалась! — Он закусил губу. — Можете себе представить, сэр, как я был потрясен — до глубины души!

Он прикрывает рукавом глаза и устало садится

на кровать. Потом, словно в ужасе, вскакивает.

— Эта постель! Наше брачное ложе! Подумать только — жена моя предпочла убогую каморку и соломенный тюфяк!..

«Довольно, — думаю я, — хватит уже».

— Печальный случай, — говорит врач. — Но мы займемся вашей женой, будьте уверены, она у нас забудет о своих противоестественных фантазиях...

— Как вы сказали, «противоестественных»? — вскидывается Ричард. И снова изображает скорбь. Но в глазах его мелькает искра. — Ах, сэр, — говорит он со вздохом, — вы ведь всего не знаете. Есть еще кое-что. Я надеялся утаить это от вас. Но теперь чувствую — нет, не могу.

— Правда? — оживляется врач.

Его коллега держит карандаш на изготовку.

Ричард облизывает губы. И я вдруг догадываюсь, что он собирается сказать, и быстро поворачиваюсь к нему. Он замечает и выпаливает, прежде чем я успею вмешаться.

— Сьюзен, — говорит он, — вы имели полное право стыдиться поступков вашей госпожи. Однако вашей вины в том нет. Вам не в чем себя упрекнуть. Вы не способствовали развитию той чрезмерной привязанности, которую жена моя,

забыв себя от болезни, стала питать к вам...

Он кусает пальцы. Врачи остолбенели.

— Мисс Смит, — спрашивает первый, — это правда?

Я думаю о Сью. Представляю, как она сидит в каморке за стеной, радуется, что предала меня и что скоро вернется домой, к своим жуликам, в Лондон. И как совсем недавно тянулась ко мне, ласкала, называла жемчужинкой...

— Что скажете, мисс Смит?

Я начинаю плакать.

— Право же, — говорит Ричард, подходя ко мне и кладя мне руку на плечо, — правда же, эти слезы красноречивей всяких слов? Неужели так необходимо расспрашивать о порочной страсти? Неужели мы будем заставлять мисс Смит подыскивать слова, чтобы описать те изощренные ласки, те порочные знаки внимания, которые моя безумная жена оказывала предмету своей тайной страсти? Мы же с вами джентльмены, господа!

— Конечно, конечно, — спохватился доктор. — Конечно. Мисс Смит, ваше чистосердечное признание делает вам честь. Однако теперь вы можете чувствовать себя в безопасности. И за хозяйку свою не переживайте. Мы о ней позаботимся, а вы успокойтесь. Мы заберем ее и

вылечим от всех ее болезней. Мистер Риверс, вы понимаете, тут такой случай... лечение может занять много времени.

Они встают. У них с собой куча бумаг, и теперь они ищут, где бы их разложить. Ричард освобождает туалетный столик, и они раскладывают бумаги и ставят подписи на каждом листке. Я не гляжу на них, я отворачиваюсь, но слышу, как скрипит перо. Потом они уходят, пожав друг другу руки. Ветхая лестница сотрясается от их шагов. Я все сижу в кресле у окна. Ричард провожает их карету, стоя на садовой дорожке.

Потом поднимается ко мне. Закрывает дверь. Подходит вплотную и швыряет кольцо мне на колени. Потирает руки и чуть не пляшет от радости.

— Вы дьявол, не человек, — говорю я, утирая слезы.

Он фыркает. Встает позади меня, берет мою голову в ладони и оттягивает назад — взгляды наши встречаются.

— Посмотрите на меня, — говорит он, — и скажите, только честно, разве вы мной не восхищаетесь?

— Я вас ненавижу.

— Тогда вам надо ненавидеть и себя. Мы ведь с

вами похожи. Больше, чем вы думаете. Думаете, люди должны нас любить за то, что наши сердца не так устроены, как у них?! Они презирают нас. И слава богу! От любви никакого проку. А из презрения можно выжать деньги — как из грязной тряпки выжимают воду. Вы сами знаете, что это правда. Вы такая же, как я. Так что повторяю: ненавидите меня — обернитесь на себя.

Ладони у него горячие. Я зажмуриваюсь.

— Да, — отвечаю я.

Потом из каморки выходит Сью, стучится к нам. Он, не отнимая рук, кричит ей, чтобы входила.

— Полюбуйтесь, — говорит он ей бодрым голосом,— на свою госпожу. Правда, в глазах у нее появился живой огонек?

На другой день мы отправляемся в приют для душевнобольных.

Она приходит, чтобы в последний раз одеть меня.

— Спасибо, Сью, — говорю я, как прежде, ласково, каждый раз, когда она застегивает или затягивает что-нибудь на моей одежде.

На мне по-прежнему платье, в котором я бежала из «Терновника», с черной каймой речной тины по подолу. На ней — мое шелковое платье,

голубое, подчеркивающее белизну ее рук и шеи. Голубой очень идет к ее каштановым волосам и карим глазам. Статная получилась красавица. Она ходит по комнате, собирает мое белье, туфли, щетки и булавки, все это аккуратно складывает в сумки. У нас две сумки: одна поедет в Лондон, другая — в приют. И первую она приберегает для себя, а вторую, разумеется, для меня. Больно смотреть, как она мучается, куда что определить: морщит лоб, хватая то чулки, то пару туфель, то сорочку. И что она при этом думает? Вот это сойдет для психов и сиделок. А это надо взять на случай, если ночью будет холодно. А то и то — пузырек с каплями, перчатки — она возьмет себе. (Когда она выходит из комнаты, я потихоньку вытаскиваю пузырек и перчатки и перепрятываю в другую сумку.)

И туда же, на самое дно, кладу еще одну вещь, о которой она не знает: серебряный наперсток из «Терновника».

Карета приехала даже раньше, чем я ожидала. «Ну слава богу», — говорит Ричард. Скрюченный этот домишко для него слишком тесен: шагнув за порог, он с наслаждением потягивается. А я так долго просидела в четырех стенах, что просто теряюсь в залитом светом пространстве. Я крепко

держу Сью под руку, и уже у самой дверцы кареты, когда я должна отпустить ее — и навсегда! — я не делаю этого сразу.

— Ну-ну, — говорит Ричард, расцепляя нас. — Не время для сантиментов.

И мы трогаемся. Сначала я почувствовала мягкий толчок — потом услышала стук копыт и мерное поскрипывание колес. Все как во время той первой поездки, когда миссис Стайлз доставляла меня из сумасшедшего дома в «Терновник», только на сей раз в обратном порядке. Когда карета замедляет ход, я, приникнув к окошку, почти уверена, что вновь увижу серое здание и своих мамушек-нянюшек. Я их сразу узнаю, в этом нет сомнений. Но тот дом был большой, а этот меньше и светлее. И принимают сюда только женщин. Перед тем домом была голая площадка. А перед этим — цветочная клумба — длинные стебли и бутоны, как пики. Я откидываюсь назад. Ричард косится на меня.

— Не бойтесь, — говорит он.

И в этот момент врачи забирают ее. Он передает ее им с рук на руки и встает у распахнутой дверцы кареты.

«Подождите, — доносится до меня ее голос, — что вы делаете?»

А потом почему-то: «Джентльмены! Джентльмены!»

Голоса врачей тихие, вкрадчивые, но она начинает ругаться, и голоса их становятся строже. Ричард садится в карету. Пол кареты качнуло, и я вижу ее: двое мужчин крепко держат ее под руки, няня обхватила за талию. Плащ съехал назад, шляпка набекрень, прическа растрепалась. Лицо в красно-белых пятнах. Взгляд дикий.

Она пристально смотрит на меня. Я сижу как статуя, пока наконец Ричард пожатием руки не напоминает мне, что надо делать.

— Говорите, — шепчет он, — черт побери, говорите что-нибудь!

И я лепечу, словно механическая кукла:

— Бедная госпожа!

Ее карие глаза — огромные, с черной крапинкой. Растрепанные волосы.

— О! У меня сердце разрывается!

Крик все еще звенит у меня в ушах, хотя Ричард уже захлопнул дверцу, а кучер, хлестнув кнутом, развернул карету и погнал коня. Мы не произносим ни слова. За головой Ричарда — ромбовидное окошко с матовым стеклом, и я опять на какой-то миг ее вижу: пытается вырваться, взмахнула рукой... но тут дорога резко идет под уклон. Потом

мелькают деревья. Я срываю с пальца обручальное кольцо и швыряю на пол. Порывшись в сумке, достаю пару перчаток и надеваю их. Ричард косится на мои дрожащие руки.

— Итак... — говорит он.

— Помолчите, — отвечаю, от злости мне трудно говорить. — Если вы еще хоть слово скажете — я вас убью.

Он силится улыбнуться. Но лицо его, полускрытое черной бородой, становится белым как мел. Сложив руки на груди, откидывается назад. Какое-то время сидит неподвижно, потом принимается ерзать. В конце концов достает из кармана сигарету и спичку и делает попытку сдвинуть вниз оконное стекло. Оно не поддается. Руки у него потные от волнения, пальцы соскальзывают по стеклу. «Черт побери!» — кричит. Привстает, дубасит в потолок кареты — велит кучеру остановиться, потом долго возится с ключом. Мы отъехали мили на две, не больше, но он спрыгивает наземь и ходит, ходит как заведенный, кашляет в кулак. И все поправляет непослушную черную прядь.

— Как вам в роли мерзавца? — спрашиваю я, когда он возвращается на место.

— Как и вам — в роли дамы! — отвечает он с

кривой усмешкой.

Потом отворачивается, прислоняется щекой к тряскому подголовнику и, прикрыв глаза, делает вид, что спит.

Мои глаза открыты. Я смотрю через оконный ромбик на дорогу, по которой мы едем назад, — извилистая дорога, красная от глины и припорошенная пылью — струйка крови из моего сердца.

Так мы ехали некоторое время, затем вышли из больничной кареты, чтобы сесть на поезд. До этого я никогда в поездах не ездила. Мы ждем его на станции. Потом ждем в гостинице, потому что Ричард все еще опасается, что дядя послал людей нас искать. Ричард распорядился, чтобы хозяин дома поместил нас в отдельной комнате и принес мне чаю и хлеба с маслом. На еду мне даже смотреть не хочется. Чай остывает, хлеб черствеет.

Ричард стоит у окна, сунув руку в карман, бренчит мелочью, потом взрывается:

— Да черт побери, что, вы думаете, я вас задарма кормить буду?

И сам съедает хлеб с маслом.

— Надеюсь, скоро я увижу свои деньги, — говорит он. — Один бог знает, как они мне сейчас необходимы. Три месяца я провел с вами и с

вашим дядюшкой, выполняя, как он выразился, истинно джентльменскую работу за такую смехотворную плату, которой истинному джентльмену хватило бы разве на запонки. И где этот чертов носильщик? Сколько можно ждать этих проклятых билетов?

В конце концов за нами приходит мальчик и берет наши вещи. Мы стоим на платформе и смотрим на рельсы. Они сияют словно полированные. Потом начинают урчать и неприятно, как нерв в раскачавшемся зубе, гудеть. Гул переходит в визг. И вот по рельсам мчится к нам поезд, выпуская дым, в боках его многочисленные двери.

Лицо мое скрывает вуаль. Ричард дает проводнику монету со словами:

— Позаботьтесь, чтобы нас с женой до самого Лондона никто не беспокоил!

Проводник кивает, что, мол, позаботится, а Ричард, заняв место напротив меня, ворчит:

— До чего я дожил! Он решил, я развратник, раз заплатил, а я целомудренно сижу с законной женой, да еще с девственницей! Нет, с этой минуты я завожу отдельный счет за эту поездку — и вычту из вашей доли!

Я ничего не отвечаю. Поезд сотрясается, будто по нему бьют молотками, и катится вперед.

Чувствуя, что скорость все увеличивается, я вцепляюсь в свисающий кожаный ремень — так, что рука моя немеет под перчаткой.

Так мы и едем. По-моему, мы очень далеко отъехали (ну, вы же понимаете, что у меня довольно странные представления о пространстве и расстояниях). Мы останавливаемся у поселка, дома которого сложены из красного кирпича, потом у другого, очень похожего на первый, потом у третьего — домов тут побольше. На каждой станции мне кажется, что люди снаружи напирают, галдят, кричат, хлопают дверьми. Я боюсь, что от их натиска поезд переполнится — а может, даже перевернется.

И я думаю: вот и хорошо, пусть и меня раздавят вместе с поездом, я это заслужила.

Но машина вновь мчит нас вперед, потом замедляет ход, и снова — улицы, церковные шпили — так много улиц и церквей я никогда не видала, — еще дома, дома, а меж домами — вереницы лошадей, экипажи, люди. «Лондон!» — и при этой мысли сердце у меня замирает. Но Ричард, заметив мое волнение, криво усмехается:

— Родные ваши края!

Когда поезд останавливается на станции, я читаю название: «Мейденхед».

Так быстро ехали, а проехали не более двадцати миль, впереди — еще тридцать. Я сижу, приникнув к окну, не выпуская из рук кожаного ремня. За стеклом много мужчин и женщин: женщины стайками, мужчины по одному — я отодвигаюсь подальше от окна. Но тут поезд шипит, набивает утробу и продолжает свой жуткий бег. Улицы Мейденхеда остаются далеко позади. Мелькают деревья. За деревьями — ухоженные парковые лужайки и дома, такие, как дядин, или даже больше. Попадаются и маленькие сельские домишки — обязательно рядом загон для свиней, огород с частоколом гороховых реек да двор, завешанный полотнищами стираного белья. А где на веревках места не осталось, там, глядишь, и на деревьях оно, и на окнах, и на стульях, и на оглоблях телеги — везде одно стираное белье, пониклое и желтое.

Я, замерев, гляжу во все глаза. «Смотри, Мод, — говорю я себе. — Вот твое будущее. Вот твоя свобода, она разворачивается перед тобой, как скатанное белье...»

И думаю: «Очень ли плохо теперь Сью? И куда они ее отвели, где она сейчас?»

Ричард пытается разглядеть мое лицо.

— Вы, часом, не плачете, а? — спрашивает. — Ну

хватит переживать.

— Не смотрите на меня, — прошу я.

— Что, может, вернуться в «Терновник», к книжкам? Сами же знаете, что нет. Вы сами этого хотели. А как добились — это вскоре позабудется. Поверьте мне, я кое-что понимаю в таких делах. Наберитесь терпения. Нам обоим нужно набраться терпения. Придется провести бок о бок еще много недель — пока не получим наследство. Извините, что был резок с вами. Ну же, Мод... Скоро приедем в Лондон. А там все пойдет совсем по-другому, уверяю вас...

Я не отвечаю. Наконец, выругавшись, он отстает от меня. Вечереет — а может, это просто небо чем ближе к Лондону, тем темнее. Оконное стекло теперь в прожилках копоти. Пейзажи какие-то унылые, жалкие. Вместо каменных домиков — деревянные постройки, в некоторых окнах нет стекол, доски выломаны. Вместо садов — пустоши с сорняками, потом сорняки уступили место канавам, канавы — грязным каналам, разбитым дорогам, кучам гравия, земли или угля. «Пусть даже уголь, — продолжаю я твердить про себя, — все равно это часть твоей свободы», — и чувствую, что начинаю волноваться. Но волнение перерастает в беспокойство. Мне всегда казалось, что

Лондон — как дом в парке, огражденный стенами. Я представляла, что его здания вырастут передо мной — высокие, ровные, крепкие. И совершенно не ожидала, что он так неаккуратно раскинулся по окраинам, начиная с почти деревенских домишек. Я-то думала, он цельный, а теперь вижу проплешины пустырей, раны канав, недостроенные дома и церкви, без окон, без крыши, — торчат одни балки, как обглоданные кости.

На стекле хлопья сажи — как сетка на моей вуали. Поезд начинает подниматься. Ощущение не из приятных. Мы проезжаем через улицы — серые, черные, — столько похожих улиц, ни за что не отличила бы одну от другой! Какая мешанина из окон, дверей, крыш и труб, лошадей и экипажей, мужчин и женщин! Пестреют деревянные щиты с объявлениями и аляповатые вывески: «Испанские жалюзи», «Свинцовые гробы», «Ветошь». Слова, слова, везде слова. Высотой в шесть футов. Кричащие, визжащие, ревущие: «Кожа и сапожные принадлежности», «Сдается», «Брумы — изящные кареты», «Изготовитель обоев», «Поставщики», «Сдается!», «Сдается!», «По подписке»...

Слова, слова — сплошь по лику Лондона. Гляжу на них и зажмуриваюсь. Когда я снова открываю

глаза, мы нырнули вниз: кирпичные стены в густой копоти вздыбились над поездом, и в вагоне стало сумрачно. Потом на нас надвигается матово-стеклянная громада сводчатой крыши, исчерканной нитями пара. Поезд с пугающим скрежетом останавливается. Визг каких-то железок, хлопанье дверей, мощная топочущая лавина — так мне кажется — тысяч и тысяч людей.

— Паддингтонский вокзал, — произносит Ричард. — Выходим.

Он оживился — и говорит, и движется быстрее. Он изменился. На меня не глядит — а мне почему-то хочется, чтобы посмотрел. Находит носильщика — отнести наши вещи. Мы встаем в один ряд с другими людьми — я знаю, это называется «очередь» — и ждем наемную карету, я читала о таких в дядиных книгах. В наемной карете можно целоваться, можно позволить себе всякие вольности с любовником, приказав кучеру ездить по Риджентс-парку. Я знаю Лондон. Лондон — это город, где исполняются все заветные желания. Но этого места, где такой шум и толкотня, этого места я не знаю. Все здесь устремлены куда-то, а куда — мне не понять. Здесь по стенам слова, слова, а я не могу их прочесть. Размеренность, бесконечная повторяемость всего: кирпичной кладки, домов,

улиц, людей — одежды, лиц, выражений, — все это поражает и утомляет меня. Я стою рядом с Ричардом, держу его под руку. Только бы он не ушел никуда!.. Свисток — и мужчины в черных костюмах, нормальные мужчины, джентльмены, устремились куда-то мимо нас — они бежали!

Наконец мы занимаем места в карете и вырываемся из здания вокзала на запруженные экипажами грязные улицы. Ричард замечает, что мне не по себе.

— Вас пугают улицы? — спрашивает он. — Боюсь, мы увидим и похуже. А чего вы ожидали? Это город, где солидные господа живут бок о бок со всяким сбродом. Не обращайте внимания. Просто не думайте об этом. Скоро мы приедем в ваш новый дом.

— В наш новый дом, — говорю я. А сама думаю: «Там, за закрытыми дверями и задернутыми шторами, я успокоюсь. Вымоюсь, отдохну, высплюсь».

— В наш дом, — поправляется он. И задерживает на мне взгляд чуть дольше, чем следовало бы, потом тянет руку через мое плечо. — Вот, если вид из окна вам мешает... — И опускает шторку.

И снова мы сидим, покачиваясь в такт движению кареты, в душном полумраке. Но теперь

звуки Лондона слышны еще отчетливее. Я не вижу города: ни парка, по которому мы едем, ни улиц, на которые сворачиваем. Не вижу, куда везет нас карета: и даже если бы могла глядеть по сторонам, все равно не поняла бы ничего, хотя долго изучала карты Лондона и знаю каждый изгиб Темзы. И когда наконец карета остановилась, я не могла бы сказать, как долго нас везли — я вся ушла в свои ощущения и переживания. «Не раскисай, — твержу я себе. — Черт тебя побери, Мод! Ты ведь к этому стремилась. Ты предала Сью, ты все бросила ради этого. Не раскисай!»

Ричард, расплатившись с кучером, возвращается за багажом.

— Дальше пойдем пешком, — говорит он.

Я сама, без посторонней помощи, вылезаю из кареты и зажмуриваюсь от уличного света, хотя здесь он совсем не яркий: солнца не видно, и небо затянуто облаками — грязно-коричневыми, как свалявшаяся овечья шерсть. Я-то думала, нас подвезут прямо к двери его дома, но вокруг вообще нет домов: тянется лишь какая-то невероятно грязная, убогая улица — по одну сторону высокая глухая стена, по другую — кое-как заляпанные побелкой арки моста. Ричард устремляется вдоль по улице. Я хватаюсь за его руку.

— Мы правильно идем? — спрашиваю.

— Абсолютно, — бросает он на ходу. — Нечего пугаться. Шиковать нам рано. Да и пробраться в дом лучше тайком, вот и все.

— Вы все еще опасаетесь, что дядины люди могут нас выследить?

— Идемте. Дома поговорим. Здесь не место. Сюда, пожалуйста. Подберите юбки.

Он ускоряет шаг, мне трудно за ним угнаться. Заметив, что я отстаю, он подхватывает обе сумки одной рукой, а другую протягивает мне.

— Тут недалеко, — успокаивает он, но руку мою сжимает, как клещами.

Мы сворачиваем с улицы на другую, отходящую вбок, там начинается фасад огромного дома, вернее, так мне показалось поначалу, а потом я поняла, что это жмущиеся друг к другу узенькие и высокие домики, стены их лепятся вплотную. В воздухе — запах речной воды, гнили. Люди с любопытством оглядывают нас. Я прибавляю шаг. Вскоре мы снова свернули — теперь уже в переулок, под ногами захрустел шлак. Кучка ребятишек поодаль смотрят на ковыляющую по земле птицу. Крылья ее связаны бечевкой.

Завидев нас, кидаются нам навстречу. Просят денег, хватают за рукав, за полы плаща, за вуаль.

Ричард отогнал их. Они отбежали с бранью, потом вновь занялись птицей. Мы сворачиваем в следующий переулок, еще грязнее; с каждым поворотом Ричард держит меня все крепче, шагает все быстрее и быстрее — дорога ему знакома.

— Мы почти пришли, — говорит он. — Ничего, что грязь, не обращайте внимания. В Лондоне везде так грязно. Ну, еще чуть-чуть, честное слово. И тогда отдохнете.

И наконец замедляет шаг. Мы стоим во внутреннем дворике, настила нет, голая земля поросла крапивой. Высоко вверх уходят стены. Дальше дороги нет — впереди лишь два или три узких крытых прохода. В один из них Ричард сейчас и тянет меня, но там так темно и гадко, что я вдруг упираюсь и пытаюсь вырваться.

— Ну же, идемте, — говорит он, оборачиваясь ко мне. Он больше не улыбается.

— Куда идти-то? — спрашиваю я.

— Туда, где начнется новая жизнь. Она вас ждет. Заждалась. Там наш дом. Экономка ждет нас. Идемте же скорей! Или вы хотите, чтобы я вас тут бросил?

Он волнуется. Я оглядываюсь; там, за моей спиной, веером расходятся проулки, но где же тот, с раскисшей дорожкой, по которому я шла

сюда? Как будто мокрые стены расступились перед нами, а потом сомкнулись, поймав меня в ловушку.

Что же делать? Я не могу вернуться назад, одна, к мальчишкам, в лабиринт проулков, улиц — в город. Не могу вернуться к Сью. Да и не собиралась. Что-то всю жизнь толкало меня к этой минуте, к этому черному провалу. Либо я пойду вперед — либо меня больше не будет. И я снова пытаюсь представить себе комнату, которая только и ждет, когда я войду: как повернется в замочной скважине ключ, как я брошусь на кровать и буду спать, спать, спать...

Еще самую малость поколебавшись, я уступаю — и он утягивает меня в черноту. Проход неожиданно оказался коротким, в конце его — небольшая пологая лестница, ведущая вниз, а сразу же за ней — дверь, в которую он и стучит. За дверью залаяла собака, потом слышатся легкие быстрые шаги, скрипит засов. Собака замолкает. Дверь открывает белобрысый мальчишка — наверное, сын экономки. Увидев Ричарда, кивает.

— Порядок? — спрашивает он.

— Порядок, — отвечает Ричард. — Тетушка дома? К ней тут барышня заехала — погостить.

Мальчик внимательно смотрит на меня — наде-

ется разглядеть лицо под вуалью. Улыбнувшись, снова кивает, отворяет перед нами дверь и снова закрывает ее за нами.

Мы оказались в кухне — наверное, кухня для слуг, решила я, потому что помещение очень маленькое, без окон, тут темно, душно и нестерпимо жарко: в камине вовсю пылает огонь, на столе чадят две лампы, а еще — нет, скорее это кухня для конюхов, думаю я, потому что в дальнем углу вижу жаровню, а рядом с ней — инструменты. У жаровни сидит бледный человек в фартуке — увидев нас, он откладывает в сторону какую-то вилку или, может, пилку, вытирает руки и принимается бесцеремонно меня разглядывать. У камина сидят парень и девушка: девушка рыжеволоса, круглолица и тоже смотрит на меня в упор. Парнишка хмур и неприветлив, он сосредоточенно жует кусок вяленого мяса, а сам он одет в такую чудную шубу — из разных кусочков меха. Он держит, зажав коленями, извивающегося пса, рукой придерживает ему челюсти, чтобы тот не лаял. Смотрит на Ричарда, потом на меня. Разглядывает мою одежду: плащ, перчатки, капор. Потом говорит, присвистнув:

— Небось, и стоят эти шмотки!

И пригибается, увертываясь, потому что седо-

власая женщина, сидящая в соседнем кресле — в кресле-качалке, что покачивается и скрипит, — попыталась дотянуться до него и ударить. Мне показалось, что это и есть экономка. Она смотрит на меня пристальнее и внимательнее, чем все остальные. В руках у нее сверток, теперь она откладывает его в сторону и пытается выбраться из кресла, а сверток тем временем начинает извиваться. Это поразило меня даже больше, чем горящая жаровня или даже шуба, — оказалось, это спящий головастый младенец, завернутый в одеяльце.

Я перевожу взгляд на Ричарда. Может, он скажет что-нибудь или поведет меня дальше. Но он отпустил меня и стоит, скрестив руки на груди, очень спокойно. Он улыбается, но улыбается как-то странно. Все молчат. Никто не шевелится, кроме седовласой женщины. На ней платье из тафты, материя шуршит при каждом движении. Лицо у нее румяное и так и лоснится. Она подходит ко мне почти вплотную, склонив голову, пытается разглядеть мое лицо. Облизывает губы. Взгляд ее пристален, она будто ждет чего-то. Она протягивает ко мне короткопалые красные руки, и я отшатываюсь.

— Ричард! — восклицаю я.

Но он словно не слышит, а взгляд женщины, такой загадочный, разом сковал меня. У меня нет сил сопротивляться, а она тянется к моей вуали. Откидывает ее. И вдруг видит мое лицо. Осторожно дотрагивается до моей щеки, словно боится, что она растает под ее пальцами.

Не сводит с меня глаз, но обращается почему-то к Ричарду. Голос ее дрожит от старческих слез, от переполняющего ее чувства.

— Молодец парень, — говорит она.

Глава двенадцатая

И тут все смешалось.

Собака лает и кидается, спеленатый младенец вопит, другой младенец, которого я сразу не заметила — он лежит в жестяном ящике под столом, — тоже начинает плакать. Ричард снимает сюртук и шляпу, ставит на пол наши сумки и потягивается. Неприветливый юноша сидит, разинув рот, выставив на всеобщее обозрение недожеванный кусок мяса.

— Это не Сью, — говорит он.

— Мисс Лилли, — тихо произносит стоящая передо мной женщина. — Какая красавица... Вы не устали с дороги, милочка? Подумать только — такой путь проделать...

— Это не Сью, — снова говорит мальчик, на сей раз громче.

— План поменялся. — Ричард не глядит мне в глаза. — Она осталась там, доделать кое-что... Мистер Иббз, как поживаете, сэр?

— Прекрасно, сынок, — отвечает ему бледный мужчина.

Он снял фартук и теперь успокаивает собаку. Мальчик, открывавший нам дверь, ушел куда-то.

Жаровня остывает, потрескивая, затягиваясь серым. Рыжая девушка, вооружившись бутылочкой и ложкой, склоняется над вопящими младенцами, но при этом продолжает искоса поглядывать на меня. Хмурый парнишка хмыкает:

— Как это план поменялся? Не понимаю.

— Потом поймешь, — отвечает Ричард. — Если только...— Прижав палец к губам, подмигивает.

Женщина тем временем никак не отойдет от меня, вглядывается в каждую черточку на моем лице, словно бусы перебирает.

— Глаза карие, — говорит она и вздыхает, от дыхания ее веет чем-то сладким, как сахар. — Розовые губы, пухленькие. Зубки белые, как фарфор. Щечки — мягкие небось, нежные. Ой!

Я стою не шевелясь, как в трансе, — а она причитает, бормочет что-то, но теперь она, кажется, хочет ощупать мое лицо, и я отшатываюсь.

— Как вы смеете?! — восклицаю я. — Как вы смеете говорить со мной? Как смеете вы вообще смотреть на меня, вы все? А вы!.. — Я подхожу к Ричарду и хватаю его за жилет. — Что все это значит? Куда вы меня завезли? И что они знают о Сью?

— Тише, тише, — мирно произносит мужчина с бледным лицом.

Парнишка смеется. Женщина опечалилась.

— Какой у нее голос! — говорит девушка.

— Как острый нож, — подхватывает мужчина. — Такой же чистый.

— Ну что я могу сказать? — Он пожимает плечами. — Я же подлец.

— Хватит кривляться, черт побери! Говорите, что все это значит. Чей это дом? Ваш?

— Ну да, его! — Мальчишка дико хохочет и чуть не давится куском мяса.

— Спокойнее, Джон, выпорю! — произносит женщина. — Не обращайте на него внимания, мисс Лилли, очень вас прошу, не стоит он того!

Я на нее не смотрю. Я не свожу глаз с Ричарда.

— Говорите же чей, — настаиваю.

— Не мой, — отвечает он наконец.

— Не наш? — (Он качает головой.) — Тогда чей же? И где мы вообще находимся?

Он трет правый глаз. Он устал.

— Это их дом, — отвечает он, кивнув на женщину и на мужчину. — Их это дом, и находится он в Боро.

Боро... Я уже пару раз слышала от него это название. С минуту я стою в смятении, обдумываю услышанное, потом сердце у меня сжимается.

— Дом Сью! Где живут воры!

— Честные воры, — добавляет женщина, придвигаясь ко мне ближе, — для тех, кто нас знает!

Я думаю: «Это ее тетушка!» Когда-то мне было ее жалко. Теперь же я готова плюнуть ей в лицо.

— Да отойдете вы от меня или нет, старая карга!

И вдруг наступила тишина. Кажется, стало темнее и даже как-то теснее. Я все еще держусь за жилет Ричарда. Когда он пытается вырваться, я вцепляюсь сильнее. Мысли мои скачут, как зайцы. «Он женился на мне, привез сюда, чтобы от меня избавиться. Он хочет прикарманить мои деньги. Он пообещал, что поделится с ними — за то, что они убьют меня и Сью». И когда я так подумала, путаясь в страшных догадках, сердце мое вдруг снова сжалось: «А Сью они освободят. Сью все это знала наперед».

— Вы этого не сделаете! — чуть не кричу я. — Уверены, я не догадываюсь, что вы затеяли? Все вы? Какое грязное дело?

— Ничего вы не знаете, Мод, — отвечает он. Пытается отцепить меня от жилетки. Я не отпускаю. Мне кажется, если он это сделает, они меня точно убьют. Мы молча боремся секунду-другую. Потом он говорит: — Шов лопнет, Мод!

Отцепляет наконец мои пальцы. Я, недолго

думая, сразу же хватаюсь за его руку.

— Отвезите меня назад, — требую я, а про себя твержу: «Только не подавай виду, что тебе страшно!» Но голос мой вдруг становится тонким да к тому же дрожит. — Отведите меня сейчас же назад, на улицы, к каретам.

Он качает головой, отводит взгляд:

— Я не могу этого сделать.

— Заберите меня отсюда. Или я сама уйду. Я найду дорогу — я запомнила! Я смотрела по сторонам и все запоминала! И я... я найду... полицейского!

Парень, бледный мужчина, женщина и девушка от этих слов вздрагивают. Пес принимается лаять.

— Тише, тише, — говорит мужчина, поглаживая усы. — Поосторожнее в выражениях, дорогая, раз уж вы попали в такой дом.

— Это, наоборот, вы поосторожнее! Чего вы таким образом хотите добиться? Денег? Нет-нет. Это вы остерегайтесь. Вы все! И вы, Ричард, — вы больше всех, потому что, как только я найду полицейского и расскажу ему...

Но Ричард только смотрит на меня и ничего не говорит.

— Вы меня слышите? — кричу я.

Мужчина с бледным лицом закрывает ладоня-

ми уши, как будто оглох.

— Да уж, голосок точно острый нож, — повторяет он, вроде бы ни к кому не обращаясь. — Правда?

— Идите к черту! — говорю.

Дико озираюсь, потом хватаю свою сумку. Однако Ричард опережает меня: словно играя, пинает ее своей длинной ногой — и сумка отлетает прочь в дальний конец кухни. Парнишка подхватывает ее и ставит себе на колени. Достает нож и начинает ковыряться в замке. Поблескивает лезвие.

Ричард складывает руки на груди.

— Теперь вы видите, Мод, что уйти вам никак не возможно. — Он невозмутим. — Не уйдете же вы с пустыми руками?

Он подходит к наружной двери и загораживает ее собой. Рядом есть и другие двери, куда они ведут? Может, на улицу, а может, уводят еще дальше в дом. Нужную мне ни за что не найти.

— Прошу извинить, — говорит он.

Вспыхивает лезвие ножа. «Теперь, — думаю, — они меня убьют». Мысль эта пронзает, как лезвие ножа. Но разве я не молила в «Терновнике», чтобы у меня забрали эту жизнь? Разве не чувствовала, как она спадает с меня, и только радовалась? А сейчас мне так страшно — я даже

представить не могла, что человеку может быть так страшно.

«Дура», — ругаю я себя. А вслух — им всем — говорю:

— Вы не посмеете. Не посмеете! — И опрометью бросаюсь бежать куда-то, сначала в одну сторону, потом в другую и вдруг натыкаюсь на визжащего круглоголового младенца. Хватаю его за шею.

— Вы не посмеете! — кричу я опять. — Черт побери, неужели вы думаете, я за этим сюда шла? — Я смотрю на женщину в упор. — Раньше я убью вашего ребенка! — Наверное, я и правда была к этому готова. — Глядите, я задушу его!

Мужчина, девушка и парень заинтересовались. Женщина смотрит грустными глазами.

— Милая моя, — говорит она, — у меня сейчас семеро детишек обретается. Пусть уж будет шестеро, раз вам так хочется. Пусть уж, раз вам неймется, — кивок под стол, где стоит жестяное корыто, — пусть даже будет пять. Мне все равно. Все равно я скоро закрою эту лавочку.

Существо в моих руках дрыгает ногой. Я чувствую под рукой быстрое биение его крохотного сердечка, вижу, как пульсирует маковка на пухлой голове. Женщина все смотрит. Ричард роется в карманах, ищет сигарету. Найдя, произносит:

— Положите чертова ребенка на место, Мод.

Он говорит это очень дружелюбно, и я наконец прихожу в себя, понимаю, что руки мои у малыша на горле. Осторожно кладу ребенка на стол, меж тарелок и фарфоровых чашек. И сразу же парень вытаскивает нож из замка моей сумки и начинает размахивать им над головой.

— Ага! — кричит он. — Дамочка не смогла! Джон Врум за нее это сделает — мокрое место останется!

Девушка визжит, как от щекотки. Женщина строго цыкает:

— Хватит. Иначе всех моих малюток перепугаете до смерти. Хороша я тогда буду. Неженка, пригляди-ка за малышом Сидни, а то лопнет с натуги, будь добра. Мисс Лилли думает, она попала к разбойникам. Мисс Лилли, я вижу, вы можете за себя постоять. Ничего другого я и не ожидала. Но уж не думаете ли вы, что мы желаем вам зла?

Она снова подходит ко мне. Похоже, ей трудно удержаться, чтобы не потрогать меня — вот и теперь она поглаживает мой рукав.

— А вот представьте себе, вас здесь так ждали, как самого дорогого гостя...

Я взвинчена до предела.

— Не могу поверить, — отвечаю я, высвобождая

рукав из ее пухлых рук, — что вы желаете мне добра, раз удерживаете меня здесь, хотя я ясно сказала, что хочу уйти.

Она откидывает голову назад.

— Слышите, как складно выражается, мистер Иббз? — говорит она.

Мужчина отвечает, что да, слышит. Она снова пытается меня погладить.

— Сядьте, моя дорогая. Видите это кресло? Оно из очень шикарного дома, может быть, только вас и ждало. Не желаете снять плащ и шляпку? Не то запаритесь совсем, у нас в кухне всегда жарко. Может, снимете хотя бы перчатки? Ну как хотите.

Я сжала руки. Ричард перехватывает удивленный взгляд женщины.

— Мисс Лилли, — тихо поясняет он, — особенно бережет свои пальчики. С детства ей приходилось ходить в перчатках. — Эти слова он произнес чуть тише, а конец фразы и вовсе шепотом: — По настоянию своего дяди.

Женщина понимающе кивает.

— Ваш дядя, — повторяет она. — Я все о нем знаю. Заставил вас прочесть гору грязных французских книжонок. Он, случайно, не трогал вас, где не пристало? Но ладно, забудем об этом. Вы

здесь, и все позади. Вот я всегда говорю: лучше уж родной дядя, чем невесть кто. Но ах, охальник-то какой!

Я присела, чтобы незаметно было, как дрожат у меня колени, но ее от себя оттолкнула. Кресло мое стоит близко к камину, и правду она говорит, тут жарко, нестерпимо жарко, щеки мои огнем горят. Но я не должна двигаться, я должна подумать. Парень все еще ковыряется в замке.

— Французские книжки, — ухмыляется он.

Рыжая девушка подносит ручку младенца к своим губам и задумчиво облизывает ему пальчики. Мужчина подходит ближе. Женщина так и стоит рядом со мной. Огонь камина ярко освещает ее лицо.

— Ричард, — зову я.

Он не отвечает.

— Ричард!

Женщина тянется ко мне, развязывает ленты шляпки, снимает ее. Гладит меня по голове, потом берет одну прядь и перебирает пальцами.

— Светлые какие. — Она вроде как удивляется. — Чисто золото.

— Продать собираетесь? — говорю. — Что ж, берите! — И выдергиваю локон, который она подцепила. — Вот видите, больше, чем я сама себе

навредить могу, никто мне не навредит. А теперь отпустите меня.

Она качает головой:

— Не сходите с ума, дорогая моя, и не портьте прическу. Разве я не сказала? Мы не желаем вам зла. Вот Джон Врум, поглядите-ка; и Делия Уоррен, мы зовем ее Неженкой — надеюсь, со временем они будут вам как родные. А вот мистер Хамфри Иббз: он вас ждал — правда, мистер Иббз? И еще я. Боже мой, как же я вас ждала!

Она вздыхает. Парнишка глядит на нее и ухмыляется.

— Вот не пойму, хоть убей, — восклицает он, — куда ветер дует! — Он кивает в мою сторону. — Разве она, — обхватив себя руками за плечи, он высовывает язык и дико вращает глазами, — разве она не из буйных?

Женщина поднимает руку, он мигом перестает дурачиться.

— И нечего тут рожи корчить, — прикрикнула она на него.

А потом, взглянув на меня, говорит с нежностью:

— Мисс Лилли соединит свою судьбу с нашей. Мисс Лилли еще не совсем освоилась тут у нас. Мисс Лилли, вы, верно, давно крошки хлеба не

видели, столько часов в дороге! Что бы такое вам предложить? — Она потирает ладони. — Не желаете ли баранью отбивную? Или, может, кусочек голландского сыру? Или рыбки на ужин? У нас тут на углу есть лавочка — там рыба какая угодно, только скажите, как называется, и Неженка сбегает принесет, поджарит — глазом моргнуть не успеете. Так чего вы желаете? У нас есть фарфоровые блюда, посмотрите, король и то не побрезговал бы. Есть серебряные вилки — мистер Иббз, передайте мне вилочку. Смотрите, дорогая. Ручка чуть шероховата, но не обращайте внимания, милая. Тут герб был, мы его стерли. Чувствуете, какая тяжелая? А колет-то как! Это от господина, что в парламенте заседает. Ну что, дорогая, рыбку выбираем? Или отбивную?

Она встает, склоняется надо мной, подносит вилку к самому моему лицу. Я отталкиваю ее.

— Не думаете ли вы, что я сяду и буду с вами ужинать? Хоть с кем-то из вас?! Да я бы слугами и то постыдилась вас называть! Соединить с вами свою судьбу? Я скорее по миру пойду. Я скорее умру!

Мгновение тишины, а затем...

— Совсем сбесилась, — сказал парнишка. — Слыхали?

Но женщина качает головой и смотрит на меня чуть ли не с умилением.

— Это Неженка может сбеситься, — отвечает она задумчиво. — Я, например, тоже могу. Всякая обыкновенная девушка может. А у благородных дам это по-другому называется. Как это называется, а, Джентльмен?

Она смотрит на Ричарда, тот устало склонился к слюнявой собаке и теребит ее за уши.

— Hauteur, — отвечает он, не глядя.

— Hauteur, — повторяет она.

— Мерси, — говорит парнишка и ухмыляется.— Жаль, а то я подумал, она плохо воспитана, и хотел надавать ей тумаков.

И вновь принимается ковыряться в замке моей сумки. Мужчина смотрит на него и морщится.

— Ишь, до сих пор не научился обращаться с замками! Не надо ломать, не надо портить затворы! Это чудный механизм. А ты чуть его не испортил.

Мальчишка в последний раз ковырнул ножом, лицо его омрачилось.

— Вот бля! — говорит он.

В первый раз я слышу, как это слово произносят в сердцах, как простое ругательство. Он вынимает нож из замка и, прежде чем я успеваю вскрикнуть

и остановить его, вспарывает кожу под замком — одним быстрым движением лезвия.

— Иначе не мог, — говорит мужчина снисходительно.

Он достал трубку и теперь зажигает ее. Парнишка тянет руки к разрезу в сумке. И хотя щеки мои горят от жара, я вдруг вся похолодела. То, что он взрезал сумку, лишило меня последних сил.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Пожалуйста, отдайте мне мои вещи. Я забуду про полицейского, только отдайте мне мое и отпустите.

Думаю, в голосе моем появились новые, жалобные нотки, потому что они все как один повернули ко мне лица и пристально смотрят на меня, и женщина опять подходит ко мне и опять принимается гладить меня но голове.

— Никак испугалась? — говорит она удивленно. — Испугалась Джона Врума? Так это он шалит просто. Джон, как ты посмел? Убери нож и передай мне сумку мисс Лилли. Ну вот. Вам жаль ее, милая моя? Но ведь она старая, потертая, выглядит так, словно ее полвека под кроватью держали. Мы достанем вам хорошую, лучше этой. Правда же!

Парнишка возмутился поначалу, но, поворчав, все же отдает сумку, и когда женщина вручает ее

мне, я выхватываю ее и крепко-крепко прижимаю к груди. Слезы комом подступают к горлу.

— Нюни распустила, — презрительно говорит мальчишка, видя, как я глотаю слезы. И ухмыляется: — Злючкой ты мне больше нравилась.

От этой ухмылки я смутилась и вся как-то сжалась. Смотрю на Ричарда.

— Ричард, ради бога, — прошу, — хватит меня мучить. Как вы можете стоять спокойно, когда они меня мучают?

Он смотрит мне в глаза, теребит бородку. Потом говорит женщине:

— Нет ли у вас места поспокойнее, чтобы она там посидела?

— Поспокойнее? — отвечает она. — Ну конечно, я уж и комнату подготовила. Я только думала, мисс Лилли сначала захочет погреться с нами у очага... Не желаете ли подняться со мной, милая? Пригладить волосы, ополоснуть ручки?

— Я хочу, чтобы меня проводили на улицу — я сама найму карету, — отвечаю я. — Больше ничего.

— Ну так наверху окошко есть, оттуда улицу хорошо видно. Пойдемте, милая. Позвольте мне взять вашу сумку... Сами хотите нести? Ну что ж. Сразу видно, крепкая хватка! Джентльмен,

пойдемте с нами? Вы по-прежнему остановитесь в комнате на самом верху?

— Да, если позволите. Ненадолго.

Они переглянулись. Она кладет руки мне на плечи, я пытаюсь увернуться, приподнимаюсь с кресла. Ричард подходит ко мне и встает рядом. Его соседство меня тоже не радует, и так, обступив меня с обеих сторон — так собаки возвращают заблудшую овцу в загон, — они выводят меня из кухни на лестницу. За дверью прохладно и темно, тянет сквозняком — может, от входной двери? — я замедляю шаг. Но я не забыла, что говорила женщина про уличное окно: там я смогу позвать на помощь, вылезть наружу — а то и выпрыгнуть, если они начнут мучить. Деревянная лестница узенькая, без ковра, кое-где на ступеньках стоят оббитые фаянсовые чашки с водой — в них плавают горящие фитили, отбрасывая слабые тени.

— Подберите юбки, дорогая, не спалите, — говорит женщина и первой начинает взбираться по лестнице.

Ричард идет следом за мной, почти вплотную. На площадке — двери, все они закрыты. Женщина отворяет первую и ведет меня в крошечную квадратную каморку: кровать, умывальный столик, сундук, комод, экран из конских волос — и

окно, к нему-то я и кидаюсь в первую очередь. Оно узенькое, завешено выцветшей полоской кисеи. Задвижка давным-давно сломалась, рамы скреплены гвоздями. За окном — грязная узкая улица, здание с бурыми крашеными ставнями — посреди каждой дырка в виде сердца, — кирпичная стена, на которой желтым мелком выведены круги и спирали.

Я стою и смотрю на все это, судорожно прижав к груди сумку, но постепенно руки мои слабеют. Я слышу, как Ричард, постояв на пороге, поднимается на следующий этаж, потом начинает шагать по комнате прямо у меня над головой. Женщина идет к умывальнику, берет кувшин, наливает воды в тазик. Теперь мне ясна моя ошибка: зря я подошла к окну, она перекрыла мне путь к двери. Она женщина дородная, с сильными руками. Может, мне как-нибудь удастся отпихнуть ее, если, конечно, действовать неожиданно.

Наверное, она подумала то же самое. Хлопочет над умывальником, голову опустила, а сама краем глаза следит за мной — но по-прежнему как-то странно, то ли с удивлением, то ли с восхищением.

— Вот тут душистое мыло, — говорит она. — А это гребень. Вот щетка для волос.

Я молчу.

— Вот полотенце для лица. Одеколон. — Она вынимает пробочку из флакона, плещет на руку. Подходит ко мне — она отвернула рукав, пухлое ее запястье залито тошнотворными духами. — Вам нравится запах лаванды?

Я пячусь назад, поглядываю на дверь. Из кухни отчетливо слышен голос паренька: «Ах ты шлюха!»

— Не нравится, — говорю я, отступая еще на шаг, — когда меня обманывают.

Она внезапно останавливается.

— О каком обмане речь, милая моя?!

— Неужели вы думаете, я стремилась попасть сюда? Неужели думаете, что я хочу у вас остаться?

— Я думаю, вы просто перепугались. Думаю, вы сейчас не в себе.

— Не в себе? Да как вы смеете судить? Откуда вам знать, какая я должна быть? Мы с вами не знакомы!

При этих словах она потупилась. Опускает манжету, возвращается к умывальнику и снова принимается перебирать вещи: мыло, гребешок, щетку, полотенце. Внизу под нами кто-то волочет кресло по полу, что-то падает, лает собака.

Над нами Ричард меряет шагами комнату, покашливает, бормочет что-то. Если бежать — то только сейчас. Но куда? Вниз, конечно, вниз, той же дорогой, какой я шла сюда. Но где та дверь на улицу — вторая или первая? Не знаю. «Не важно, — говорю я себе. — Беги, и все!» Но не двигаюсь с места. Женщина поднимает голову, смотрит мне прямо в глаза, я в нерешительности. И в этот момент Ричард, тяжко ступая, начинает спускаться по лестнице. Входит в нашу комнату. За ухом у него сигарета. Рукава закатаны до локтя, борода мокро блестит.

Он запирает за собой дверь.

— Снимите плащ, Мод, — говорит он.

«Сейчас он меня задушит».

Крепко сжав застежку плаща, я подаюсь назад, медленно, медленно отступаю назад, подальше от него и от женщины, поближе к окну. Если что — выбью стекло локтем. Буду кричать, звать на помощь — на улице услышат. Ричард следит за мной, вздыхает, делает большие глаза.

— Нечего шарахаться, — говорит он, — как заяц от волка. Думаете, я с таким трудом доставил вас сюда, только чтобы убить?

— А вы думаете, — отвечаю я, — я вам поверю? Вы же сами говорили, в «Терновнике» на все спо-

собны ради денег. Я плохо вас слушала! Только не говорите мне, что не хотите отобрать у меня состояние. И что Сью вам в этом не поможет. Наверное, вы потом заберете ее — чуть погодя. Ее вылечат, надеюсь. — Сердце мое больно сжалось. — Умница Сью. Молодец.

— Помолчите, Мод!

— Почему бы это? Чтобы вы убили меня без шума? Так действуйте! И это черное дело будет у вас на совести. А она у вас есть?

— Не такая, — отвечает он с улыбкой, — которую озаботит ваше убийство, уверяю вас. — Он трет пальцами глаза. — Однако миссис Саксби этого не одобрила бы.

— Она?! — удивляюсь я, мельком глянув на женщину. Та смотрит на мыло, на щетку и ничего не говорит. — Вы что, все делаете по ее указке?

— В данном случае — все, — отвечает он многозначительно, но я не понимаю, и он продолжает: — Послушайте меня, Мод. Это был ее план, от начала и до конца. Это она все придумала. Я, конечно, злодей, но не настолько хитер, чтобы ее обмануть.

Похоже, он говорит искренне — но ведь мне так казалось и прежде.

— Вы лжете, — говорю я.

— Нет. Это чистая правда.

— Как это — ее план? — не понимаю я. — Она что, послала вас в «Терновник», к дяде? А еще раньше — в Париж? К мистеру Хотри?

— Она послала меня к вам. Не важно, какими окольными путями я до вас добрался. Может, я и сам проделал бы тот же путь, не подозревая, что за всем этим стоит. Я мог бы и мимо вас пройти и не заметить! И многие мужчины могли бы. Но у них не было бы направляющей руки миссис Саксби.

Я смотрю мимо них.

— Значит, она знала о моем богатстве, — говорю я, чуть подумав. — Так и другие знали, я полагаю. Кого она знает-то — дядю? Или кого-то из слуг?

— Она вас знает, Мод. Прежде всего вас.

Женщина поднимает голову и смотрит на меня — и кивает.

— Я знала вашу мать, — говорит она.

Мою мать! Рука моя тянется к горлу — странно, но материнский портрет лежит в моих вещах, рядом с драгоценностями, ленточка вся истерлась, я не надевала его столько лет... Моя мать! Я приехала в Лондон, чтобы наконец избавиться от нее. А теперь вдруг мне вспомнилась ее могила в дальнем конце парка — никто за ней не

ухаживает, не подстригает траву, по белой плите располземается плесень.

Женщина не сводит с меня глаз. Рука моя безвольно падает.

— Я вам не верю, — говорю я. — Моя мать, говорите? Как ее звали? Ну, отвечайте же!

Она отводит глаза.

— Я знаю, — произносит она, — но пока не скажу. Могу лишь сказать, на какую букву начинается ее имя. Это «М» — ваше имя тоже с этой буквы начинается. И вторую букву скажу: это «А». И в вашем имени она тоже есть! Правда, в следующей букве будет отличие. Это «Р»...

Она знает, точно — знает! Но откуда? Я внимательно смотрю на ее лицо — какие у нее глаза, какие губы. Что-то в ее лице кажется мне знакомым. Но что? И кто она?

— Санитарка, — говорю я. — Вы были санитаркой...

Но она только качает головой, она улыбается:

— Ну нет, разве это возможно?

— Тогда вы не все знаете! — говорю я. — Вы не знаете, что я родилась в сумасшедшем доме!

— Разве? — прерывает она меня. — С чего вы взяли?

— Думаете, я не помню, где выросла?

— Возможно, вы запомнили дом, где жили совсем крошкой. Каждый из нас помнит. Но это не значит, что именно там вы и появились на свет.

— А я уверена, — отвечаю я.

— Вам так внушили, полагаю.

— Все слуги в дядином доме знали об этом!

— Им, наверное, тоже так сказали. Но это не значит, что все это правда. Может, и правда. А может, и нет.

Говоря так, она переходит от умывальника к кровати, медленно и грузно садится. Смотрит на Ричарда. Трогает красной рукой мочку уха. Потом говорит как бы между прочим:

— Как вам ваша комната, Джентльмен? — Я наконец понимаю, что это его кличка среди воров. — Все в порядке?

Он кивает. Она снова обращается ко мне.

— Мы держим эту комнату, — продолжает она тем же новым, непринужденным, пугающе дружелюбным тоном, — на тот случай, если Джентльмен заглянет погостить. Наверху — особая комната, и чего только она не повидала! Многих приютила. Люди приходят сюда тайком, — она изображает притворное удивление,— ну впрямь как вы! — чтобы отсидеться денек-другой, потом живут неделю, две недели, а может,

и дольше — и никто ни о чем не пронюхает! Все шито-крыто! Вот, например, полицейские хотят поговорить с каким-то парнем — ищут, а найти не могут. Понимаете почему? А потому, что он здесь. Приходят к нам парни, девушки, ребятишки, дамы...

На последнем слове она внезапно умолкает. Похлопывает по одеялу.

— Не желаете ли присесть, милая? Нет? Хм... Может, потом...

На кровати стеганое одеяло из разноцветных квадратиков, грубой вязки, стачанных через край. Она в волнении теребит шов.

— Так о чем я говорила? — спрашивает она, глядя на меня.

— О дамах, — подсказывает Ричард.

Она поднимает вверх указательный палец.

— Верно, — говорит она. — О дамах. Конечно, настоящие благородные дамы сюда редко заглядывают, и на это у них свои резоны. Но одну из них я хорошо запомнила, она пришла к нам... как давно это было? Шестнадцать лет назад? Семнадцать? Или восемнадцать?.. — Она все разглядывает мое лицо. — Вам может показаться, это большой срок — целая жизнь... Но поживите с мое, милая девушка, скажу я вам. Годы бегут, не

углядеть. Как слезы.

Она вскидывает голову, тяжко вздыхает. Молчит, выжидает. Но я стою, боясь шелохнуться, молчу и жду, что будет дальше. И она продолжает.

— Так вот, та самая благородная дама, — говорит она, — была не намного старше вас. Но она так влипла! Она узнала обо мне от одной женщины в Боро — та помогала девушкам в затруднительном положении. Вы понимаете, о чем я, милая? Она помогала девушкам, чья честь оказывалась под угрозой. Возвращала им честь, так сказать. — Она брезгливо морщится, машет рукой. — Я этим никогда не промышляла. Я так думаю: если появление его на свет не угрожает твоей жизни, то рожай, потом можно продать, или, еще лучше, отдать мне, я потом сама продам! Тем, кому нужны ребятишки: слуги там или подмастерья, а может, и просто усыновить хотят. Знаете ли вы, милая девушка, сколько таких людей? И таких, как я, кто предлагает им этих детишек? Не знали?

Я по-прежнему молчу. Она опять теребит покрывало.

— Ну вот, должно быть, та дама, о которой я рассказываю, тоже об этом не знала, пока не пришла

ко мне. Бедняжка. Та женщина из Боро пыталась помочь ей, но было слишком поздно, ей только хуже стало. «Где ваш муж? — спросила я первым делом. — И где ваша мама? Где все ваши? Они не придут за вами?» Она отвечала, что не придут. Мужа у нее не было — в том-то вся и беда, разумеется. Мать ее умерла. Она сбежала из большого богатого дома, в сорока милях от Лондона — на реке, сказала...

Она кивает, по-прежнему буравит меня взглядом. Я вся похолодела.

— Отец и брат ее пустились за ней в погоню и, вероятно, убили бы на месте, но в Боро им ни за что ее не найти, в этом она мне поклялась. А что до джентльмена, из-за которого случились все эти неприятности, ну, когда он говорил, что любит ее, — так вот, у него была жена и собственный ребятенок, так что он бросил ее в беде и умыл руки. Ну, от джентльмена другого и не ждешь. А мне это только на руку! — Она лукаво улыбнулась. — Дама-то была при деньгах. Я впустила ее, отвела наверх. Может, и напрасно я это сделала. Мистер Иббз вот отговаривал. Потому что у меня в те поры уж пять или шесть малюток в доме кормилось, и замученная я была ужас как, тем более что своего ребеночка родила незадолго до того

— он умер...— При этих словах она изменилась в лице и прикрыла глаза ладонью. — Нет, хватит, не буду об этом.

Помолчав минуту-другую, она обводит комнату взглядом, словно пытается вспомнить, на чем остановилась. Кажется, вспомнила. Поборов смущение, она продолжает свой рассказ. Заглядывает мне в глаза, показывает рукой куда-то вверх. Я поднимаю глаза и смотрю, куда она указывает. Это всего лишь потолок, грязно-желтый, в серых пятнах копоти от ламп.

— Там мы ее и положили, — говорит она, — в комнате Джентльмена. И целыми днями я сидела у ее постели и держала ее за руку, а ночью слышала, как она ворочается в постели и плачет. Прямо сердце разрывалось. Она была невинней овечки. Я подумала: верно, не выживет. Мистер Иббз тоже так говорил. Да и она, похоже, тоже так думала, потому что ей оставалось еще два месяца, и по всему было видно, что и полсрока она не протянет. Но, может быть, ребеночек тоже это почувствовал — они порой лучше нас все понимают. Потому что и недели не прошло, как пошли воды, и началось. Длилось это один день и одну ночь. Хотел родиться — и все тут. Подумать, такая козявка, но наша дама и без того

слабенькая — чуть концы не отдала. Потом услышала детский плач, оторвала голову от подушки. «Что это, миссис Саксби?» — спрашивает. «Это ваш ребеночек, дорогая», — говорю я ей. «Мой ребенок? — удивляется. — А кто это: мальчик или девочка?» — «Девочка», — отвечаю. Услышав это, она как закричит: «Да поможет ей Господь! Ибо мир жесток к девочкам. Лучше бы она умерла, и я вместе с ней!»

Она качает головой, поднимает руки, снова роняет их на колени. Ричард стоит, привалившись плечом к дверному косяку. К двери прибит крючок, на нем висит шелковый халат: взяв конец пояска, он от нечего делать водит им по губам. Смотрит на меня, прищурясь. Из кухни доносятся смех и захлебывающийся визг. Женщина прислушивается, горестно вздыхает.

— Опять Неженка ревет... — говорит она, закатывая глаза. — Но я, должно быть, заговорилась, правда ведь, мисс Лилли? Я еще вам не надоела? Ну да, кому интересны эти старые сказки...

— Продолжайте, — требую я. Во рту у меня пересохло, слова застревают. — Дальше, про ту женщину.

— Про даму, у которой родилась девочка? Такая малюточка: волосики светлые, глазки синенькие

— ну да у них у всех сначала синенькие, это потом они карие...

И со значением смотрит в мои карие глаза. Я краснею. Но голос мой не дрогнул.

— Продолжайте, — говорю я снова. — Я догадалась, к чему вы клоните. Лучше сразу расскажите. Женщина пожелала своей дочери смерти. Что потом?

— Смерти? — Она качает головой. — Ну да, так она сказала. Ну бывает, женщины так говорят. Иногда. Иногда они и впрямь так думают. Но она — нет. Этот ребенок был для нее все, и когда я сказала: лучше отдайте девочку мне, она аж взвилась. «Ну и как вы ее думаете растить? — спросила я. — Вы ведь благородная дама и без мужа?» Она сказала, что скажется вдовой — уедет за границу, где никто ее не знает, и будет работать — хоть бы белошвейкой. «Пусть моя дочь выйдет за бедняка, только бы не узнала о моем позоре,— так она сказала. — С прежней жизнью покончено». Только об этом и думала, бедняжка, и, как я ее ни уговаривала, все не отступалась: что скорее хочет видеть дочь бедной, но честной, чем вернет ее в мир богатых. Она хотела отправиться во Францию, вот только наберется сил — но, скажу вам откровенно, мне-то казалось, что все это чушь и

чепуха, хотя за нее я бы в лепешку расшиблась, такая она была кроткая и беззащитная.

Она вздыхает.

— Но кроткие и беззащитные всегда страдают в этом мире — скажете, не так? Она слабела с каждым днем. Все твердила про Францию, ни о чем другом и не думала, как вдруг однажды поздним вечером, я как раз укладывала ее спать, в дверь постучали. Это была та самая женщина из Боро, которая прежде направила ее ко мне. Я как увидела ее лицо, так сразу и поняла, что стряслось. Чего ж тут можно было ожидать? Папаша этой дамы с братцем выследили ее в конце концов. «Они идут сюда, — сказала та женщина. — Господь свидетель, я не хотела им говорить, где она, но у брата трость, он побил меня». И показывает мне спину — вся черная. «Теперь они пошли искать извозчика, — говорит она, — и крепкого мужика себе в помощники. Думаю, у вас есть только час, не больше. Уводите ее скорее, если она хочет скрыться. Если же вы ее спрячете, они весь дом кверху дном перевернут!»

Ну да! А дама-то наша сошла вниз вслед за мной и все слышала своими ушами, и ну причитать. «Все, мне конец! — сказала. — О, если бы я только могла убежать во Францию!» А сама

даже по лестнице спустилась с трудом, такая слабенькая. «Они заберут мою дочку! — сказала она. — Заберут у меня и возьмут к себе! Запрут ее в своем доме — все равно что в могиле! Отнимут ее у меня и будут настраивать против меня — о, а я даже не успела придумать ей имя!» Только это и твердила. «Я не дала ей имя!» — «Так дайте сейчас! — говорю я, чтобы хоть как-то успокоить. — Думайте скорее, пока еще есть время». «Да, да! — говорит она. — Но какое имя ей дать?» «Ну, — говорю я, — в конце концов, она же из благородных, этого уж не отнимешь. Дайте такое имя, которое бы ей подошло. Как, кстати, вас-то зовут? Назовите ее так же». Она стала мрачнее тучи. «Ненавижу свое имя, скорее я прокляну ее, чем услышу, что кто-то зовет ее Марианной».

Взглянув на меня, женщина вдруг умолкает. Видимо, я сильно переменилась в лице: пока она все это мне рассказывала, я стояла, слушая свое прерывистое дыхание, и в конце концов мне стало дурно. Я делаю глубокий вдох.

— Это неправда, — говорю я. — Чтобы моя мать пришла сюда, без мужа? Мать моя была сумасшедшая. А отец — военный. У меня есть его кольцо. Вот оно, гляньте!

И направилась к сумке, нагнулась к ее рва-

ному боку, порылась и нашарила крохотный тряпичный узелок, в котором лежали мои драгоценности. Это кольцо дали мне в сумасшедшем доме — его-то я и показала. Рука моя дрожит. Миссис Саксби вертит его в руках и пожимает плечами.

— Кольцо можно достать, — заявляет она, — где угодно.

— Это его, — говорю я.

— Или чье-нибудь еще — мало ли. Я вам с десяток таких раздобуду — хоть с надписью «Victoria Regina». И не обязательно при этом, что они от королевы.

Я ничего ей не могу ответить. Потому что, на самом деле, откуда мне знать, кто делает эти кольца и что за буквы на них гравируют? Я повторяю уже не так уверенно:

— Моя мать пришла сюда одна, без мужа. Больная. А мой отец... И мой дядя... — Я поднимаю глаза.— Дядя. Зачем ему лгать?

— А зачем ему говорить правду? — замечает Ричард, отлепившись от двери. — Готов поклясться, что его сестра до этого ужасного случая была девушкой честной, только очень несчастной, но несчастье это такого свойства... в общем, мужчинам не пристало об этом распространяться...

Я снова смотрю на кольцо. На нем царапина, маленькой девочкой я очень любила ее разглядывать — думала, она от удара вражеским штыком. Теперь же золото кажется мне легким, будто его продырявили и стала дутая пустышка.

— Моя мать, — продолжаю твердить я, — сошла с ума. И родила меня на столе — ее крепко связали. Нет!.. — Я закрываю ладонями глаза. — Ладно, возможно, я это сама придумала, но как же все остальное? Мать моя была безумной — ее держали под замком в доме для умалишенных, мне все всегда говорили об этом, чтобы я, не дай бог, не пошла по ее стопам.

— Конечно, она такой и была, раз ее упрятали под замок, — говорит Ричард, — порой девушек прячут, как мы знаем, для удовольствия джентльменов. Но нет, лучше пока помолчу. — Это миссис Саксби метнула в него суровый взгляд. — А вас, Мод, держали в постоянном страхе, пугали, что будете такой же. И что же с вами стало в результате? Вы стали забитой, робкой, о себе не думали нисколько — дяде вашему как раз это и надо было. Разве я не говорил вам, какой он мерзавец?

— Вы ошибаетесь, — говорю я.

— Нет, не ошибается, — отвечает за него миссис Саксби.

— Возможно, даже сейчас вы *лжете*. Оба *лжете*!

— Могли бы... — Она постукивает пальцем по губам. — Но нет, милая девочка, мы правду говорим.

— Но мой дядя, — опять начинаю я, — и дядины слуги. Мистер Пей, миссис Стайлз...

Но вспоминаю вдруг плечо мистера Пея, на котором он нес меня к леднику, и его слова: «Строите из себя благородную даму, да?» А потом, потом — жесткая хватка миссис Стайлз, когда она дышит мне в лицо: «Почему ваша мать, при всем ее богатстве, оказалась дрянью!..»

Я поняла, все поняла. Кольцо все еще у меня в руках. И с плачем я швыряю его на пол — как когда-то в детстве с досады швыряла чашки и блюдца.

— Будь он проклят! — кричу я. Вспоминаю, как стояла возле дядиной кровати с бритвой в руке. «Обманутое доверие». — Проклят!

Ричард кивает. Я оборачиваюсь к нему:

— И вы будьте прокляты, вместе с ним! Все это время вы — вы знали! Что ж не сказали мне тогда, в «Терновнике»? Думали, так я вернее соглашусь бежать с вами? Зачем было так долго ждать и тащить меня сюда — в эту дыру! — чтобы поразить

этой новостью?

— Поразить новостью? — отвечает Ричард со странной усмешкой. — Мод, милая моя Мод, вы опережаете события.

Я не понимаю, о чем он. Да и не пытаюсь понять. Я думаю о дяде, о матери — как она, больная и несчастная, забрела сюда...

Ричард приглаживает усы.

— Миссис Саксби, — спрашивает он, — не найдется ли у вас чего-нибудь выпить? У меня что-то в горле пересохло. Это у меня предчувствие такое. Как в казино, когда раскручивают рулетку, или в театре, перед тем как выпустят фей.

Миссис Саксби, помедлив, направляется к полке, открывает ящик, достает оттуда бутылку. И еще три стакана с золотым ободком. Протирает их слегка, поводив по юбке.

— Надеюсь, мисс Лилли, вы не думаете, что это херес, — говорит она, наливая. В спертом воздухе тесной каморки сразу запахло чем-то терпким. — Хереса в спальне дамы я не потерплю, но вот рюмочку хорошего бренди — только для поднятия духа, — что в этом плохого, одна только польза.

— Плохого — ничего, — кивает Ричард.

Протягивает мне стакан, я так плохо соображаю

от волнения и злости, что без раздумий беру у него стакан и залпом выпиваю, словно это вино.

— Видна сноровка, — говорит миссис Саксби одобрительно.

— Особенно если на бутылке надпись: «Лекарство». Да, Мод?

Я не отвечаю ему. Бренди обжигает. Я сажусь на край кровати и развязываю тесемки плаща. В комнате стало почти темно: скоро ночь. Каминный экран из конского волоса кажется совсем черным, на полу от него густая тень. Стены — они оклеены бумажными обоями, где в цветочек, а где в ромбик — потемнели и словно надвинулись грозно. Рисунок кисейного шарфа проступает на фоне окна: за ним жужжит и бьется о стекло муха.

Я сижу, уронив голову на руки. Разум мой, как и все в этой комнате, окутывает тьма, мысли текут, но все они довольно бессвязные. Я не задаю вопросов — хотя непременно задала бы, если бы речь шла о какой-нибудь другой девочке, — не спрашиваю, зачем они заманили меня сюда, что собираются со мной сделать, зачем им понадобилось одурачивать меня и запутывать. И дядя мой — каков злодей! «Моя мать, доведенная до отчаяния, пришла сюда и лежала, истекая кровью, в

этом разбойничьем логове. И не безумная, нет, не безумная...»

Наверное, выражение лица у меня странное. Ричард говорит:

— Мод, взгляните на меня. Забудьте о дяде и о дядином доме. Забудьте о той женщине, о Марианне.

— Я буду думать о ней, — отвечаю, — я буду думать о ней, как всегда думала: как о дуре! Но мой отец — вы сказали, он из благородных? И я у них была сиротой столько лет... А отец мой жив? Неужели он ни разу...

— Мод, Мод, — говорит он, вздыхая и возвращаясь на прежнее место, к двери. — Оглянитесь вокруг. Вспомните, как вы оказались здесь. Думаете, я выманил вас из «Терновника», только чтобы поведать семейные тайны — и все?

— Не знаю я! Откуда мне знать? Если бы мне дали время подумать. Если бы...

Но миссис Саксби подходит ко мне и легонько касается моей руки.

— Подождите, милая девочка, — говорит она ласково. Подносит палец к губам, подмигивает. — Наберитесь терпения и выслушайте. Вы не всю мою историю выслушали. Главное еще впереди. Помните, там была молодая дама, вся такая

несчастная. Потом отец ее, и брат, и здоровенный мужик. Через час должны были пожаловать. И еще малышка, и я спрашиваю: «Как назовем ее? Как насчет вашего имени, Марианна?» — и дама говорит, что скорее проклянет ее, чем так назовет. Вспомнили? «Вы говорите, она дочь настоящей леди, — продолжает бедняжка, — но скажите, разве это не зарок того, что она будет несчастлива? Пусть у нее будет самое простое имя, — говорит она, — как у простолюдинки. Я хочу назвать ее просто».— «Ну так и назовите», — говорю я, чтобы как-то ее подбодрить. «Сейчас, — говорит она. — Сейчас. Была у меня одна служанка — она была очень добра ко мне, не то что отец с братом. Назову в ее честь. Назову ее...»

— Мод, — говорю я обреченно. И сижу, потупившись. Но когда миссис Саксби умолкает, я поднимаю глаза. Как загадочно она смотрит! И молчит загадочно. Тихо качает головой. Вздыхает, потом произносит:

— Сьюзен.

Ричард зажимает ладонью рот. Комнату и весь дом окутывает тишина. Мысли мои, и без того путавшиеся, совсем смешались. Сьюзен. Сьюзен. Главное — не подавать виду, как глубоко потрясло меня прозвучавшее только что имя. Сьюзен.

Ничего не говорить. Не шевелиться — не то дрожь выдаст меня с головой. Только смотреть, не отрываясь, в лицо миссис Саксби. Она, сделав еще один большой глоток бренди, отерла губы. Подходит ко мне и усаживается рядом на кровать.

— Сьюзен, — говорит она снова. — Так назвала ее та дама. Какой стыд — назвать девочку именем служанки, правда ведь? Но что я могла на это сказать? Бедняжка, она и впрямь рассудком-то помутилась: слезами обливается и кричит: мол, сейчас отец нагрянет, и отнимет девочку, и станет настраивать против родной матери. «О, как мне спасти ее? — говорит. — Кому угодно готова ее отдать, только бы не им с братом. Что мне делать? О, миссис Саксби, лучше бы они взяли ребенка какой-нибудь другой бедной женщины, не моего!»

Щеки ее пылают. В уголке глаза, на правом веке, бьется, пульсирует жилка. Она прижимает ее рукой, потом снова пьет из стакана и снова утирает рот.

— Именно так она и сказала, — говорит она, но уже спокойнее. — Именно так и сказала. И как только она это сказала, детки в моем доме словно услышали ее слова — все разом как заплачут! Все они плачут одинаково, если, конечно, вы им не

мать. Ну, для нее так и было, в общем. Я помогла ей подняться наверх, к той самой двери. — Она кивком указывает наверх.

Ричард, подпиравший дверь плечом, шевельнулся — дверь скрипнула.

— ... И у самой двери остановилась. Смотрит на меня, я понимаю, что у нее на уме, и сердце мое холодеет. «Нет, нельзя!» — говорю я. «Почему же? — отвечает она. — Вы же сами сказали, дочь мою воспитают как истинную леди. Почему бы не отдать вместо нее какую-нибудь бедную сиротку — бедняжка, конечно, тоже хлебнет горя! Но клянусь, что за это я отдам ей половину своего состояния, а Сьюзен получит другую половину. Она ее получит, если вы сейчас возьмете ее у меня и воспитаете честной и порядочной, и не станете рассказывать ей о наследстве, чтобы она росла в бедности и могла почувствовать, чего оно стоит! Разве у вас нет, — спрашивает, — какой-нибудь сиротки, которую мы могли бы отдать моему отцу вместо Сьюзен? Разве нет? Разве нет?! Ради всего святого, скажите, что есть! У меня в кармане платья пятьдесят фунтов. Я их вам отдам! Я вам еще больше пришлю, если только вы поможете мне и никто, ни одна живая душа, об этом не узнает!»

Если за окном и в комнате под нами кто-нибудь

ходил, стучал, шумел, я бы все равно не услышала в тот момент. Взгляд мой прикован к лицу миссис Саксби.

— Да уж, просьба была та еще, — продолжает она, — та еще просьба. Что вы на это скажете, дорогая моя? Было над чем подумать. Дело нешуточное, к тому же времени в обрез. И я решилась и вот что ей сказала: «Оставьте деньги при себе. Оставьте себе свои пятьдесят фунтов. Мне они не нужны. А нужно мне вот что: папаша ваш — джентльмен, а джентльмены — хитрые бестии. Я пригляжу за вашей дочуркой, но вы напишете мне бумагу, в которой расскажете все, что намерены сделать, подпишете ее и запечатаете. И тогда бумага будет иметь законную силу». «Конечно, конечно! — говорит она не раздумывая. — Сейчас и напишу!» И мы спускаемся сюда, я приношу бумагу и чернила, и она записывает все как есть — все, о чем я вам уже говорила: что Сьюзен Лилли ее родная дочь, хоть ее и отдали мне, и что наследство нужно поделить, ну и так далее, — потом складывает записку, снимает с руки кольцо с печаткой — запечатать письмо — и сверху приписывает, что, мол, не вскрывать вплоть до того дня, когда ее дочери исполнится восемнадцать. Она хотела написать «двадцать

один», но я быстро сообразила, и упредила ее, и сказала, что пусть будет восемнадцать: чтобы девочки узнали обо всем раньше, чем выйдут замуж. — Она улыбается. — Ей это понравилось. Она меня даже поблагодарила.

И не успела она запечатать письмо, как в тот же миг мистер Иббз снизу крикнул: карета подъехала, прямо у лавки остановилась, и в ней двое господ — старый и молодой, — выходят, а с ними здоровенный мужик с дубинкой. Ну, началось! Леди с криком скрывается в своей комнате, а мне остается только стоять и рвать на себе волосы. Иду к колыбелькам, беру на руки одного ребеночка — девочку, она почти такая же, как и дочка дамы, и, кажется, будет тоже светленькая, — несу его наверх и говорю: «Вот! Берите скорей и берегите ее! Ее зовут Мод — чем не имя для леди! Помните о своем обещании». «А вы — о своем!» — кричит мне бедняжка в ответ и целует свое родное дитя, и я забираю его и несу сюда, вниз, и укладываю в пустую колыбельку...

Она качает головой.

— Всего и делов-то! — говорит. — Минута — и все было сделано. Все было сделано, пока молотили в наружную дверь. «Где она? — кричат. — Мы знаем, что вы ее прячете!» Их было не остановить.

Мистер Иббз открыл им, они ворвались в дом как бешеные псы, увидели меня и сбили с ног, я падаю, потом вижу: папаша волочит нашу даму вниз по лестнице, платье развевается, туфли на босу ногу, поперек щеки — след от удара, братец-то ее ходил с тросточкой, и на руках у нее — вы, милая девочка. Никто и не задумался, а ее ли это дочь. С чего бы? Вот и все. Она только и успела быстро переглянуться со мной, пока отец тащил ее вниз, и больше ничего, хотя, я думаю, смотрела на меня из кареты. Но вот жалела ли она о том, что сделала, этого я вам сказать не могу. Наверное, она часто думала о Сью, но не чаще... в общем, не чаще, чем положено.

Она, моргнув, отворачивается. Стакан с бренди поставила на кровать рядом со мной. Руки крепко стиснуты, нога в тапке выбивает дробь.

Я закрываю глаза руками. Все молчат. Молчание затягивается. Миссис Саксби придвигается ко мне.

— Милая девочка, — воркует она, — что ж вы не скажете нам ничего? — Дотрагивается до моих волос. Но я по-прежнему молчу и не двигаюсь. Рука ее безвольно падает. — Боюсь, вы приняли все это слишком близко к сердцу, — говорит она. Может, при этом она сделала какой-то знак Ри-

чарду, потому что он подходит и садится передо мной на корточки.

— Понимаете ли вы, Мод. — Он пытается заглянуть мне в глаза, — о чем миссис Саксби вам рассказала? Одна девочка стала другой. Ваша мать вовсе не была вашей матерью, а дядя не был вам дядей. И жили вы не так, как полагалось вам от рождения, вы жили жизнью Сью, а Сью — вашей...

Говорят, перед мысленным взором умирающих с невероятной быстротой проносится вдруг вся жизнь. И пока Ричард говорит, я вижу: сумасшедший дом, свою деревянную палочку, тесные платья, что носила в «Терновнике», тяжелые бусы в шелковой оплетке, глаза дяди за очками и книги, книги... Видение вспыхнуло и погасло, словно и не бывало, бесполезное, никчемное, как отблеск монетки в мутной воде. Я вздрагиваю, и Ричард вздыхает. Миссис Саксби качает головой. Но когда я отняла руки от лица, оба отшатнулись. Я не плачу, нет, хотя они надеялись увидеть слезы. Я смеюсь — меня разбирает дикий смех, — и вид мой, должно быть, ужасен.

— О, ну тогда, — кажется, говорю я им, — тогда все замечательно! Как раз об этом я мечтала! Что вы так смотрите? Чему удивляетесь? Думаете,

перед вами сидит юная девушка? Нет, ее нет! Она утонула! Она теперь глубоко на дне. Думаете, у нее есть руки и ноги, с кожей и плотью, как у людей? И волосы, думаете, есть у нее? Нет, есть лишь кости, белые обглоданные кости! Белые, как лист бумаги! Она страница, с которой стерли все буквы и строчки...

Я пытаюсь перевести дух, но рот у меня словно полон воды, я втягиваю ртом воздух, а он не идет. Я открываю рот, как рыба, снова пытаюсь глотнуть воздуха. Ричард стоит и смотрит.

— Не надо нам припадков, Мод, — говорит он, скривившись. — Вспомните: на это у вас теперь нет никакого права.

— Нет, есть! У меня есть право на все, что угодно!

— Дорогая моя! — Миссис Саксби подхватила свой стакан со спиртным и теперь сует его мне под нос. — Милая девочка...

Но меня всю трясет от смеха — жуткого смеха, — я дергаюсь, как рыба, попавшаяся на крючок. Слышу, как Ричард ругается. Потом вижу, как он подходит к моей сумке и роется в ней, достает пузырек с лекарством — накапывает три капли в стакан с бренди, потом обхватывает мою голову и прижимает стакан к моим губам. Я пробую жид-

кость, залпом глотаю и, закашлявшись, зажимаю руками рот. Во рту у меня все онемело. Я снова закрываю глаза. Не знаю, сколько времени я так сижу, только вдруг чувствую, под щекой у меня колючее покрывало. Я, должно быть, упала на кровать. Я лежу, все еще изредка подергиваясь, словно бы от смеха, и опять Ричард с миссис Саксби стоят в отдалении и молча наблюдают за мной.

Наконец они подходят ближе.

— Ну как, — интересуется миссис Саксби, — вам получше, деточка?

Я не отвечаю ей.

Она спрашивает Ричарда:

— Может, нам лучше уйти, пусть поспит?

— Еще чего — поспит! — отвечает он. — Небось, она все еще думает, что мы привели ее сюда отдыхать и радоваться жизни. — Он подходит ближе и похлопывает меня по щеке. — Ну-ка откройте глаза, — говорит.

Я отвечаю:

— У меня нет глаз. Откуда? Вы отняли их у меня.

Он щиплет меня за веко.

— Да разлепите вы глаза, черт побери! — говорит. — Так-то лучше. Ну а теперь вам еще кое-что

предстоит узнать — самую малость, а потом спите себе спокойно. Слушайте меня. Слушайте! Не спрашивайте чем — я отрежу ваши чертовы уши, только задайте такой вопрос. Так. Теперь я вижу, что вы слушаете. А чувствовать способны? — И бьет меня наотмашь. — Очень хорошо.

Но удар его не так силен, каким мог бы быть: миссис Саксби успела перехватить его руку.

— Джентльмен! — говорит она, и лицо ее делается суровым. — Это лишнее. Никто вас не просил. Успокойтесь, ладно? Вы, небось, ушибли ее. О, моя милая...

Она дотрагивается до моего лица.

Ричард кривится.

— Пусть скажет спасибо, что я целых три месяца сдерживался. — Он выпрямляется и откидывает со лба волосы. — А мог бы и не так ударить. И пусть знает, что, если понадобится, я ей еще врежу! Слышите меня, Мод? Вы помните, в «Терновнике» я был джентльменом. А теперь могу и отдохнуть, здесь галантность не требуется. Поняли?

Я прижимаю ладонь к щеке, смотрю ему в глаза и молчу. Миссис Саксби заламывает руки. Он вынимает из-за уха сигарету, сует в рот, ищет спичку.

— Продолжайте, миссис Саксби, — говорит он. — Расскажите ей все остальное. А что касается вас, Мод, — слушайте внимательно, и вы поймете наконец, зачем вы жили так, как жили.

— Я не жила, — шепчу я в ответ. — Вы же сами сказали, что я вымысел, сказка.

— Ну, — он нашел спичку и чиркает, зажигает, — у всякой сказки есть конец. Послушайте, чем кончается ваша.

— Она уже кончилась, — отвечаю я.

Но его слова меня насторожили. Голова у меня плохо соображает от бренди, от лекарства, к тому же пережитое потрясение сказывается, но все же хоть и с трудом, но я понимаю, что сейчас могу услышать нечто страшное — про то, зачем они меня сюда затащили и что намерены со мной делать...

Миссис Саксби видит, что я заинтересовалась, и кивает.

— Теперь начинаете понимать, — говорит она. — Теперь видите, что к чему. Я сберегла дочку той дамы, но что еще лучше — дама дала мне слово. В этом-то все и дело, разумеется. Уговор дороже денег, верно? — Она улыбается, утирает нос. Потом наклоняется ко мне. — Хотите посмотреть? — говорит, но уже другим голосом. — Хотите

поглядеть на ее письмо?

Она ждет. Я не отвечаю, но она, опять улыбнувшись, отходит от меня, глядит на Ричарда, потом поворачивается к нему спиной и быстро расстегивает пуговицы на своем платье. Похрустывает тафта. Наполовину расстегнув корсаж, она запускает руку — мне кажется, в самое нутро, в самое сердце — и вытаскивает оттуда сложенную в несколько раз бумажку.

— У самого сердца хранила, — говорит она, протягивая мне письмо. — Столько лет! Дороже золота оно мне было. Вот, прочтите-ка.

На сложенном в виде письма листке надпись: «Открыть в осьмнадцатый день рождения моей дочери, Сьюзен Лилли». При виде этого имени я вздрагиваю и тяну руку к письму, но она ревниво оберегает его и, совсем как мой дядя — хотя нет, какой он мне дядя! — показывавший мне старинную книгу, не отдает мне в руки, однако потрогать разрешает. Бумага еще теплая — нагрелась за пазухой. Чернила коричневые, на сгибах бумага потерлась, буквы выцвели. Печать цела, не сломана. Это инициалы моей матери — то есть матери Сью, а не моей — «М. Л.».

— Видите, дитя мое? — говорит миссис Саксби.

Бумага дрожит в ее руке. Она, словно скупой

сокровище, подносит письмо к глазам, любуется, целует и возвращает на прежнее место, под корсаж. Застегнувшись, снова глядит на Ричарда. Он внимательно следил за происходящим, но отмалчивается.

Вместо него говорю я.

— Она это написала. — Голос у меня сиплый, я как в полусне.— Она это написала. И ее забрали. Что дальше?

Миссис Саксби поворачивается ко мне. Платье ее снова застегнуто, оно идеально гладкое, но рука лежит у корсажа, как будто придерживает письмо.

— С кем, с дамой? — переспрашивает она рассеянно.— Дама умерла, милочка. — И, шмыгнув носом, продолжает: — Она протянула еще месяц. Кто бы мог подумать? Этот месяц все нам испортил. Потому что папаша с братцем заставили ее переписать завещание. Ну, можно представить, в каком духе. Ни пенни не достанется дочери — то есть вам, милая девочка, — до тех пор, пока она не выйдет замуж. Вот они, благородные-то господа, видите какие? Она прислала мне весточку, с сестрой-сиделкой. К тому времени ее упекли в сумасшедший дом, ну и вас заодно — ну, в общем, это ее и доконало вскорости. Теперь остается

только гадать, как все может обернуться, писала мне она, но она верит в мою порядочность. Бедная девочка! — Похоже, она и вправду жалеет ту женщину. — Это была ее ошибка.

Ричард усмехается. Миссис Саксби облизывает губы, глядит с хитрецой.

— А что до меня, — говорит она, — ну так я с самого начала знала, что тут и гадать нечего: надо прибрать к рукам все ее состояние, а не половинку. Вот тогда я скажу, что не зря восемнадцать лет голову ломала, все прикидывала. Я так часто о вас думала...

— Я не просила думать. И теперь не прошу.

— Вы неблагодарны, Мод! — замечает Ричард.— Миссис Саксби так ради вас старалась. Другая бы девица на вашем месте — ведь девицы только и желают быть героинями романов, — другая бы только радовалась.

— Я часто о вас думала, — продолжает миссис Саксби,— все представляла, как вы там. Надеялась, что станете красавицей. А вы и стали, милая моя! — Она хмыкает. — У меня было только два опасения. Первое: я боялась, что вы умрете, и второе — что дедушка с дядей увезут вас из Англии и выдадут замуж прежде, чем откроется наша тайна. Потом я прочла в газете, что дедушка ваш

умер; и еще рассказали, что дядя живет затворником у себя в имении и вы при нем. Вот тогда мои опасения и кончились! Однако, — сказала она, и ресницы ее дрогнули, — однако у меня осталась Сью. Вы сами видели, милая, как старательно я держалась данного слова. — Она похлопала по лифу платья. — Потому что без Сью что значил бы наш уговор? Вот я и воспитывала Сью, как обещала. Представьте, как я ее холила. Как оберегала. Подумайте, какой пронырой может стать девчонка в таком-то доме, как наш, на нашей-то улице, и представьте, каково было нам с мистером Иббзом растить ее под колпаком. Представьте, как я ломала голову: знала ведь, что в конце концов она мне пригодится, вот только не знала как. А потом все стало на свои места, как только появился Джентльмен. Я-то все боялась услышать, что вас выдали замуж, и вдруг — какая радость: нашелся парень, которого нужно тайно с вами обвенчать... И стоило мне посмотреть на Сью — сразу стало ясно, что делать с ней. — Она пожимает плечами. — Ну, мы так и порешили. Сью — это теперь вы, дорогая моя. А привезли мы вас сюда затем...

— Послушайте, Мод! — говорит Ричард, потому что к этому моменту я отвернулась и закрыла глаза.

Миссис Саксби подходит ко мне и принимается гладить меня по голове.

— А привезли мы вас затем, — продолжает она совсем ласково, — чтобы вы заменили Сью. Только для этого, милая, только для этого!

Я открываю глаза и, должно быть, выгляжу идиоткой.

— Понимаете? — говорит Ричард. — В доме для умалишенных мы выдали Сью за мою жену, а после открытия материнского завещания ее доля наследства — доля Мод, хочу я сказать, — перейдет ко мне. Мне в нем дорог каждый цент, но раз весь план придумала миссис Саксби, то половина полагается ей.

И он отвешивает ей поклон.

— Это справедливо, правда ведь? — говорит миссис Саксби, продолжая гладить меня по голове.

— Но другую часть, — продолжает Ричард, — ту, что полагается Сью на самом деле, — тоже должна получить миссис Саксби. Потому что в записке она значится как опекунша Сью, а опекуны, боюсь, часто небрежно относятся к деньгам своих подопечных... Но все это, разумеется, не важно, если Сью исчезла. Но ведь это Мод Лилли — настоящая Мод Лилли, — он подмигивает

мне, — под которой я, конечно, подразумеваю подложную Мод Лилли, — это она исчезла. Разве не этого вам хотелось? Исчезнуть? Минуту назад вы говорили, что теперь у вас есть право на все, что угодно. Вам же не трудно будет выдать себя за Сью и обогатить миссис Саксби?

— Обеих нас обогатить, дорогая моя, — быстро поправляет его миссис Саксби. — Я ведь не бессердечная какая, чтобы забрать себе все, а вас обделить! Вы ведь у нас дама, не правда ли, и притом красавица! Ну, и мне такая понадобится, чтобы научила меня, что к чему, когда я стану богатой. Я о нас обеих подумала, дорогая моя, и как подумала! — Она закатывает глаза.

Я делаю над собой усилие и пытаюсь встать, чтобы только она до меня не дотрагивалась, но в голове у меня туман, и встать мне не удается.

— Вы с ума сошли, — говорю я им обоим. — Оба сошли с ума. Я... сделать из меня Сью?

— А почему бы нет? — отвечает Ричард. — Надо только убедить адвоката. Думаю, у нас получится.

— Как же вы будете его убеждать?

— Как? Ну, у нас есть миссис Саксби и мистер Иббз — они были вам вместо родителей и наверняка знают вас лучше, чем кто-либо другой. Еще

есть Джон и Неженка — они за деньги в чем угодно поклянутся, можете быть спокойны. И есть я — видел вас в «Терновнике», когда вы служили у мисс Мод Лилли, впоследствии ставшей моей женой. Вы же знаете, я надеюсь, что значит слово джентльмена? — Он делает вид, будто его осенило. — Ну конечно, знаете! Ведь в загородном доме для умалишенных есть пара врачей — они вас вспомнят, я думаю. Потому что только вчера вы подавали им руку, и кланялись, и стояли перед ними при ярком дневном свете целых двадцать минут, и отвечали на вопросы, откликаясь на имя Сьюзен.

Он дает мне время подумать. Потом говорит:

— Все, что от вас требуется, это, когда придет пора, еще раз устроить такое же представление перед адвокатом. Что вы теряете? Дорогая Мод, вам нечего терять: у вас нет ни друзей в Лондоне, ни денег — даже такой малости, как имя, и то нет.

— А что, если я этого не сделаю? Представьте, приходит ваш адвокат, а я ему говорю...

— Что же? Что обманули невинную девушку? Равнодушно смотрели, как врачи накачивают ее лекарством и уводят? А? Что, как вы думаете, он на это скажет?

— Неужели вы действительно такой злодей? — шепчу я.

Он пожимает плечами.

— А вы, — спрашиваю я миссис Саксби, — вы тоже такая? Я имею в виду Сью... Вы такая же бессердечная?

Она машет рукой перед лицом и ничего не говорит.

Ричард фыркает.

— «Злодей», — повторяет он, — «бессердечная»... Что за понятия! Это из области литературы. Неужели вы думаете, что если женщины подменяют детей, то делают они это — как в опереттах, — только чтобы позабавить публику? Оглянитесь вокруг, Мод. Подойдите к окну, гляньте на улицу. Это реальная жизнь, не выдумка. Она жестока и неприглядна. И была бы вашей, если бы миссис Саксби по доброте своей не отгородила вас от нее. Боже мой! — Он отходит от двери, поднимает руки над головой и потягивается. — Как же я устал! Ну и денек выдался сегодня — сколько всего успел, а? Одну девицу упек в сумасшедший дом, другую... Ну ладно. — Смотрит на меня выжидающе. — Возражений нет? Никто не шумит? Ну, тогда, наверное, все это ждет нас потом. Впрочем, не важно. День рождения Сью в начале августа.

У нас есть целых три месяца, чтобы подготовить вас к этому делу. Думаю, трех дней — я имею в виду трех дней жизни в Боро — нам хватит.

Я смотрю на него, широко раскрыв глаза, и не могу вымолвить ни слова. Я все еще думаю о Сью.

— Только не говорите, что мы так быстро сломили вашу волю, Мод. Мне было бы жаль, если бы такое случилось.— И, помолчав, добавляет: — Вашей матери тоже было бы жаль.

— Моей матери... — начинаю я, думая о Марианне с безумным взором.

И вдруг у меня дыхание перехватывает. До сих пор я как-то об этом не задумывалась. Ричард смотрит на меня с хитрой улыбкой. Поправляет воротник, дергает шеей и покашливает — осторожненько так, с намеком.

— Ну, Джентльмен, — забеспокоилась миссис Саксби,— не смейтесь над ней.

— А кто смеется? — отвечает он. Он все еще дергает за воротник, словно тот его душит. — У меня просто в горле пересохло от разговоров.

— Потому что слишком много наговорили, — отвечает она. — Мисс Лилли, можно, я буду вас так называть, дорогая моя? Это ведь так естественно, правда же? Мисс Лилли, не обижайтесь на него.

У нас еще будет время поговорить об этом.

— Вы хотите сказать: о моей матери. О моей настоящей матери, которую вы приписали Сью. Которая подавилась — видите, и я кое-что знаю! — подавилась булавкой.

— Булавкой! — Ричард не может удержаться от смеха. — Сью прямо так и сказала?

Миссис Саксби кусает губы. Я поочередно смотрю то на него, то на нее.

— Кто же она? — спрашиваю я устало. — Скажите же мне, ради бога! Думаете, я еще способна удивляться? Думаете, мне не все равно? Так кем она была? Воровкой, как все вы? Что ж, после сумасшедшей воровка, наверное, все же лучше...

Ричард снова покашливает. Миссис Саксби отворачивается от меня и все теребит свои пальцы. Потом говорит, и голос ее тих и торжествен.

— Джентльмен, — говорит она, — больше ничего не говорите мисс Лилли. Я сама ей скажу кое-что. То, что дамы обычно говорят девочкам наедине.

Он кивает.

— Понял.— И складывает руки на груди. — И очень хотел бы послушать!

Он ждет, не уходит. Она снова садится рядом со мной на кровать, и снова я делаю попытку

отодвинуться.

— Дорогая моя, — начинает она. — Дело в том, что говорить об этом горько и неприятно, — а уж кому знать, как не мне! — потому что однажды я уже рассказывала об этом Сью. Ваша мать...

Она облизывает губы, оглядывается на Ричарда.

— Скажите ей, — говорит он. — Не то я сам скажу.

И она продолжает торопливо:

— Вашу мать осудили, но не за воровство, а за убийство, и — о, дорогая моя, — ее за это повесили!

— Повесили?

— Как убийцу, Мод, — говорит Ричард с явным удовольствием. — Вы можете посмотреть на место ее казни из окна моей комнаты...

— Джентльмен, я серьезно!

Он умолкает. Я опять повторяю:

— Повесили!

— Повесили, — говорит миссис Саксби, как будто слова эти, что бы за ними ни стояло, помогут мне легче перенести новость. И вглядывается в мое лицо. — Дорогая моя, не думайте об этом, — говорит она. — Какое это теперь имеет значение? Вы же благородная дама! Кому придет в голову

спросить вас о вашем происхождении? Ну же, оглянитесь вокруг!

Она встает и зажигает лампу; из темноты выступают безвкусные вещи, каких полно в этой комнате: блестящий халат, спинка кровати из тусклой меди, фарфоровые безделушки на каминной полке. Она снова идет к умывальнику и говорит:

— Вот мыло. Что за мыло! Из одной лавочки в западной части города. Год назад принесли — я увидела и подумала: «Ну, уж мисс Лилли оно понравится!» Все это время держали его в бумажке, не разворачивали. А вот полотенце — посмотрите-ка — пушистое, как персик. И духи! Если не нравится запах лаванды, мы достанем вам розовое масло. Вы не смотрите, дорогая? — Она переходит к комоду, открывает нижний ящик. — Ну, что у нас тут?!

Ричард наклоняется, хочет заглянуть. Я тоже заглядываю, с ужасом и удивлением одновременно.

— Нижние юбки, чулки и корсеты! Боже мой, тут даже шпильки для дамских волос. Румяна для дамских щечек! А вот хрустальные сережки — пара синих и пара красных. Это потому, что я не знала, дорогая моя, к каким глазам подбирать...

Ладно, Неженка пусть берет синие...

Она держит безвкусные вещицы за проволочки, хрустальные бусины дрожат и расплываются у меня перед глазами. Кажется, я заплакала — от бессилия.

Словно в слезах — спасение.

Миссис Саксби видит это и цокает языком.

— Ну вот, — причитает она, — как не стыдно! Плачете? А такие красивые вещи! Джентльмен, вы видели? Плачет, а из-за чего?

— Плачу, — отвечаю я дрожащим от злости голосом, — из-за того, что оказалась здесь, среди всего этого! Плачу из-за того, что всю жизнь считала свою мать просто глупой! Плачу оттого, что вы рядом, а вы мне отвратительны!

Она отступает на шаг.

— Милая девочка, — говорит она упавшим голосом, быстро переглянувшись с Ричардом, — так вы меня презираете за то, что я отдала вас им?

— Я презираю вас за то, что забрали меня оттуда!

Она смотрит, не понимая, силится улыбнуться. Обводит рукой комнату.

— Не думаете ли вы, — она удивлена, — что я продержу вас всю жизнь на Лэнт-стрит?! Дорогая моя, вас забрали отсюда для того, чтобы

сделать из вас благородную даму. И какую даму — прелесть! Не думаете же вы, что я позволю вам понапрасну расточать свое сияние в таком неподобающем месте? Разве я не говорила? Я хочу, чтобы вы были со мной, когда я разбогатею. Разве леди не заводят себе компаньонок? Подождите чуть-чуть, вот заберу я себе ваше наследство, и посмотрите — у нас будет самый шикарный дом во всем Лондоне! Какие кареты у нас будут, какие лакеи! Какие жемчуга, какие наряды!

Она снова тянет ко мне руки. Хочет поцеловать — или съесть. Я встаю и отталкиваю ее.

— Думаете, я останусь с вами, когда вы сделаете свое черное дело?

— А как же иначе? — говорит она. — Кто еще примет вас, кроме меня? Деньги выманили вас отсюда, но я-то вас вернула обратно. Я думала над этим целых семнадцать лет. Ломала голову, раскидывая так и сяк, каждую минуту, с тех пор как передала вас на руки той бедной даме. Я смотрела на Сью...

Она на миг умолкает, а я плачу все сильнее.

— Сью! О, Сью...

— Ну-ну, о чем горевать? Разве я не делала для нее все, как хотела родная мать? Она была жива-здорова, присмотрена, накормлена, росла как

обычная девочка. Что я сделала — всего лишь вернула ее на то место, которое вы занимали вместо нее!

— Вы ее убили!

— Как это — убила? Когда вокруг нее там одни врачи и все думают, что она дама! А это дорогого стоит, уверяю вас!

— Конечно, — подхватывает Ричард. — Вы же платите за это, не забывайте. Я-то поместил бы ее в лечебницу графства, мне все равно.

— Видите, милая моя? А вы говорите — убила! Небось, каждый божий день ее могли убить, но чтобы я! Кто ее выхаживал, когда она заболевала? Кто отгонял от нее парней? Да ради ее спасения я готова была руку, ногу, легкие отдать. Но думаете, я все это делала ради нее? Когда я разбогатею, что пользы мне от обычной девчонки? Все это я делала ради вас! Не вспоминайте о ней. Она как вода, как уголь, как пыль — в сравнении с тем, из чего сделаны вы.

Я смотрю на нее в изумлении.

— Боже мой! — говорю я. — Как вы могли? Как вы могли?

И снова она озадачена.

— А почему бы и нет?

— Обмануть ее, оставить ее — там!

Она поднимается, похлопывает меня по рукаву.

— Это из-за вас она к ним попала, — говорит. И вдруг выражение глаз ее меняется. Кажется, она даже подмигивает.— О, дорогая моя, не кажется ли вам, что вы пошли в мать?

Из комнаты под нами снова доносятся крики и визг, удары и громкий хохот. Ричард стоит и смотрит, скрестив руки на груди. Муха у окна все жужжит, все бьется о стекло. Потом жужжание прекращается. Это словно знак мне — я оборачиваюсь и вырываюсь из раскрытых объятий миссис Саксби. Упав на колени перед кроватью, утыкаюсь лицом в швы одеяла. Я была смелой и решительной. Я задавила в себе гнев, безумие, мечты, любовь — все это ради свободы. А теперь, когда свободу у меня отняли окончательно, я понимаю, что это — полное поражение.

Я проваливаюсь в черноту и хочу лишь одного: чтобы никогда не пришлось поднимать лицо к свету.

Глава тринадцатая

Следующую ночь я помню лишь урывками. Сижу, скорчившись, у кровати, уткнувшись лицом в покрывало, и отказываюсь идти вниз на кухню, несмотря на уговоры миссис Саксби. Ричард подходит ко мне и пинает меня, но я никак не реагирую, и он смеется, потом выходит из комнаты. Кто-то приносит мне тарелку с супом, я к ней не притрагиваюсь. Потом уносят лампу, и комната погружается во мрак. Приходится все же подняться, чтобы сходить в туалет, и рыжая девушка с пухлым лицом — Неженка — провожает меня до будки, а сама караулит у двери, чтобы я не сбежала в темноте. Меня опять сотрясают рыдания и кто-то протягивает мне рюмку бренди пополам с лекарством. Потом меня раздевают и дают чужую ночную сорочку. Я засыпаю, на час, не больше: будит меня шорох тафты — я с ужасом смотрю, как миссис Саксби, распустив волосы, стягивает с себя платье, открывая дебелое тело и грязное белье, задувает свечу, а потом забирается на кровать и укладывается рядом со мной. Помню, как она лежит и, думая, что я сплю, осторожно дотрагивается до меня, берет прядь моих

волос и бережно подносит к губам — так скупой берет золотую монету.

Еще помню, что от нее исходит жар, незнакомый тяжелый кисловатый запах. Она быстро засыпает и спит крепко, всхрапывая во сне, а я все пытаюсь заснуть, но лишь задремываю ненадолго. В ту ночь время тянется медленно: мне кажется, что не одна ночь проходит, а множество ночей — годы ночей! — и я, как сквозь слоистый туман, пробираюсь сквозь них, а утро никак не наступит. Когда я открываю глаза, мне кажется, что я то в «Терновнике», в своей спальне, то в каморке у миссис Крем, то в сумасшедшем доме, на одной кровати с нянечкой. Сотни раз, наверное, я просыпалась. Я просыпаюсь и снова хочу заснуть, но каждый раз в конце концов с ужасом вспоминаю, где я нахожусь, как я сюда попала и кто я такая теперь.

Наконец я открываю глаза, спать больше не хочется. В комнате стало чуть светлее. За окном всю ночь горел уличный фонарь, высвечивая белесую сеточку тюля на узком окне. Теперь он погас. Свет за окном стал грязно-розовым, потом ядовито-желтым, начиная с подоконника, он залил понемногу всю комнату. А вместе с ним пришли звуки: поначалу слабые, еле слышные, нарас-

тающие в сбивчивом крещендо — кукареканье петухов, свистки и звон колоколов, собачий лай, детский плач, сердитые окрики, покашливание, покряхтывание, топот ног, бесконечный стук копыт и скрип колес. Все выше, выше поднимались они из самой утробы Лондона. Сейчас шесть или семь часов. Миссис Саксби спит рядом со мной, но я окончательно проснулась, мне плохо, тошно. Я встаю с постели и, хотя на дворе май и здесь теплее, чем в «Терновнике», дрожу от холода. На руках у меня перчатки, но одежду, обувь и кожаную сумку миссис Саксби заперла в сундук: «На тот случай, дорогая, если вы проснетесь ночью, по забывчивости подумаете, что вы у себя дома, оденетесь, выйдете на улицу и заблудитесь». Мне вспомнились эти ее слова сейчас, хотя голова моя как в дурмане и меня мутит от слабости. Куда она положила ключи? Где ключ от комнаты? Меня опять пробирает дрожь, тошнота подступает к горлу, но мысли мои предельно ясны. Я должна выбраться отсюда. Я должна бежать! Должна бежать из Лондона — куда угодно, хоть в «Терновник» . Я должна раздобыть денег. Я должна — и это самая ясная и главная мысль, — я должна выручить Сью! Миссис Саксби ровно и тяжко дышит во сне. Куда она могла положить ключи?

Ее платье висит на ширме. Я тихонько подкрадываюсь к нему и ощупываю карманы юбки. Пусто. Оглядываю полки, смотрю на комоде, над камином — ключей нет, но, наверное, есть много мест, куда она могла их спрятать.

Она шевельнулась — не проснулась, нет, только голову чуть повернула, и мне кажется, я догадалась — кажется, я начинаю вспоминать... Ключи у нее под подушкой: я помню, как она воровато сунула туда руку, как приглушенно звякнул металл. Я делаю шаг. Рот у нее приоткрыт, седые космы волос разметались по лицу. Я делаю еще один шаг — скрипит половица. Я уже совсем рядом, но чего-то жду, собираюсь с силами, потом быстро запускаю руку под подушку и медленно, осторожно пытаюсь нащупать ключи.

Она открывает глаза. Хватает меня за руку и улыбается. Закашлялась.

— Дорогая моя, как мне это нравится! — говорит она, вытирая губы. — Не родилась еще та девчонка, которая могла бы тайком стащить у меня что-нибудь, особенно если я этого не хочу.

Она держит меня крепко, но бережно, поглаживает запястье. Меня бьет дрожь.

— Ой, да вы замерзли! — говорит она. — Ну-ка, деточка, давайте укутаемся. — И, стянув с кровати

лоскутное одеяло, накидывает его мне на плечи. — Ну что, теплее стало?

Спутанные нечесаные волосы падают мне на лицо. Я смотрю на нее как сквозь забрало шлема.

— Лучше бы я умерла, — говорю я.

— Ну вот еще, — отвечает она, поднимаясь. — Что вы такое говорите?

— Тогда — чтобы вы.

Она, все еще улыбаясь, качает головой.

— Разве можно говорить такое, деточка! — Она принюхивается. Из кухни запахло какой-то гадостью.— Чувствуете? Это мистер Иббз, он готовит нам завтрак. Посмотрим, захочется ли девочке помирать, когда перед ней поставят тарелку с копченой селедочкой!

Она снова потирает руки. Пальцы у нее красные, но выше запястья руки гладкие, молочно-белые, как слоновая кость. Она так и спала прямо в сорочке и в нижней юбке и теперь застегивает корсет, влезает в свое шуршащее платье, потом смачивает гребешок и расчесывает волосы, что-то напевая дрожащим со сна голосом. Я наблюдаю за ней из-под спутанных волос. Босые ноги ее в трещинах, пальцы распухшие. Икры ног гладкие, почти без волос. Когда она наклоняется подвязать чулки, у нее вырывается стон. Ляжки у нее

толстые, на них рубцы от подвязок.

— Ну вот, — говорит она, одевшись.

Внизу заплакал младенец.

— Теперь остальных перебудит, — сокрушается она. — Пойдемте вниз, милая, я пока дам им кашки.

— Вниз? — говорю я. Если я хочу бежать, я должна спуститься вниз. Но я оглядываю себя. — В таком виде? Может, мне сначала вернут платье и ботинки?

Должно быть, я слишком резко это сказала или во взгляде моем она почуяла неладное.

Подумав, она отвечает:

— То старое пыльное платьишко? И грязные башмаки? Ну, в этом только на улицу ходить. А вот гляньте-ка на эту шелковую накидочку. — Она снимает с крючка на двери халат. — Дамы ходят в этом дома по утрам. А вот к нему и шелковые домашние туфли. И как вам пойдет-то! Надевайте, дорогая девочка, и ступайте к столу. Можете не стесняться. Джон Врум никогда не встает раньше полудня, будем только я и Джентльмен — а он небось видал вас и не в таком виде,— да еще мистер Иббз. А его, милая девочка, вы можете считать все равно как... ну, скажем, дядей. Ну что?

Я отворачиваюсь. До чего же ненавистна мне эта комната! Но не пойду я неодетой в эту их кухню. Она упрашивает и так и сяк, потом, видя, что меня не переубедить, уходит. Ключ поворачивается в замке.

Я тотчас же бросаюсь к сундуку, где лежит моя одежда, пытаюсь открыть его. Ничего не получается: сундук заперт, крышку мне не поднять.

Перехожу к окну, толкаю раму вверх. Она поднимается на пару дюймов, не больше, и кажется, если сильнее надавить, окно откроется — гвозди ржавые, как-нибудь отвалятся. Но тут другое: окошко узкое, а высота большая, к тому же я все еще не одета. Но хуже всего то, что на улице люди, и если поначалу я хотела позвать их на помощь — разбить стекло, крикнуть или завизжать, — потом я пригляделась к ним получше, и порыв мой угас: я увидела их лица, их пыльную одежду, свертки, которые они тащили, детишек и собак, которые ковыляли с ними рядом... «Такая жизнь,— сказал Ричард двенадцать часов назад. — Она жестока и неприглядна. И была бы вашей, если бы не миссис Саксби...»

У двери дома, где ставни с прорезными сердечками, сидит девушка, обвязанная грязным бинтом, и кормит младенца грудью. Она подни-

мает голову, встречается со мной глазами — и грозит мне кулаком.

Я отшатываюсь от окна и прячу лицо в ладони.

Однако, когда миссис Саксби возвращается в комнату, я уже готова.

— Послушайте меня. — Я направляюсь к ней.— Вы знаете, что Ричард увез меня из дома моего дяди? Вы знаете, что дядя мой богатый человек и будет меня искать?

— Ваш дядя? — удивляется она. Она принесла мне поднос с завтраком, но не отходит от двери, пока я не отступаю назад.

— Мистер Лилли, — уточняю я. — По крайней мере, он до сих пор считает меня своей племянницей. Не кажется ли вам, что он пошлет кого-нибудь, чтобы найти меня? Думаете, он вас поблагодарит, когда узнает, в каких условиях вы меня тут держите?

— Ну, поблагодарит, наверное, если вы ему так дороги... Разве вам у нас неуютно, милочка?

— Вы сами знаете, что нет. Вы держите меня здесь против воли. Ради бога, отдайте мне мое платье, отдайте!

— Все в порядке, миссис Саксби?

Это мистер Иббз. Я сильно повысила голос, и вот он вышел из кухни и остановился у лестницы.

Ричард тоже, я слышу, встал с кровати, прошагал через всю комнату к двери, распахнул дверь, прислушивается.

— В порядке! — отвечает миссис Саксби весело.

— Давайте-ка, — говорит она мне. — Вот завтрак стынет.

Она ставит поднос на кровать. Дверь за спиной ее открыта, но я знаю, что мистер Иббз под лестницей и что Ричард притаился наверху и слушает.

— Давайте-ка, — повторяет она.

На подносе тарелка, вилка и еще — льняная салфетка. На тарелке — три янтарного цвета рыбины, залитые маслом. У рыб плавники и головы с глазами. Салфетка продета в блестящее, до блеска начищенное кольцо, оно очень похоже на то, что было у меня в «Терновнике», только без монограммы.

— Отпустите меня, пожалуйста.

Миссис Саксби качает головой.

— Дорогая моя, — говорит она, — куда вы пойдете-то?

Она ждет ответа, но я молчу, и она уходит. Ричард прикрывает дверь и снова ложится в постель. Слышу, как он напевает.

Мне очень хочется запустить тарелкой в по-

толок, в окно или в стену. Но я говорю себе: «Ты должна быть сильной. Ты должна быть готова к побегу». И я сажусь на кровать и ем — медленно, с неохотой, тщательно выбирая колючие кости. Перчатки мои промокли и перепачкались, а заменить их нечем — других у меня нет.

Через час миссис Саксби возвращается забрать пустую тарелку. Еще через час приносит мне кофе. Пока ее нет, я стою то у окна, то у двери, прислушиваюсь. Хожу по комнате, сажусь, снова встаю и принимаюсь шагать. Ярость сменяется отчаянием, покорностью обреченного. Но тут входит Ричард.

— Ну что, Мод? — Вот и все, что он успел сказать.

При одном взгляде на него меня охватывает слепая ярость. Я кидаюсь к нему, норовя ударить по лицу, но он отражает удар и сбивает меня с ног, но я все равно продолжаю бить его — ногами...

Потом они снова дают мне выпить лекарство с бренди, и день или два я провожу в забытьи.

...Когда я пробуждаюсь, опять раннее утро. В комнате откуда-то появился плетеный стульчик, покрашенный золотой краской, с красной подушечкой на сиденье. Я пододвигаю его к окну

и сижу там, укрывшись халатом, пока миссис Саксби не просыпается и не принимается тереть глаза и зевать.

— Все хорошо, милая? — говорит она, как говорит теперь каждое утро, и от нелепости этого вопроса — ведь все вовсе не хорошо, а, напротив, все так плохо, что хуже не бывает, — я начинаю скрипеть зубами, рвать на себе волосы и смотрю на нее с ненавистью.

— Хорошая девочка, — говорит она, а потом добавляет: — Нравится вам стульчик? Я так и думала, что понравится. — Она снова зевает и глядит по сторонам. — Где горшочек? — спрашивает. Я всегда от стеснения уношу горшок за ширму. — Будьте добры, передайте мне его, милочка. Я сейчас прямо лопну.

Я не двигаюсь. Она встает и идет за горшком сама. Это белая фарфоровая штуковина, внутри которой темнеет нечто, в утреннем полумраке я сперва приняла это за клочки волос, а потом разглядела, что это рисунок — огромный глаз с ресницами, а сверху и снизу, полукружьями, такая надпись черными буквами:

> Посиди, дружок, подумай, а потом помой меня —

И тогда, что я увидел, будем знать лишь ты да я.

Привет из Уэльса.

Глаз меня всегда смущает, но миссис Саксби, поставив горшок на пол, как ни в чем не бывало задирает юбку, наклоняется. Заметив, что меня передернуло, она делает гримасу, передразнивая меня, и спрашивает:

— Некрасиво, да? Ну ничего. Когда у нас будет большой дом, у вас будет клозет.

Она встает, просовывает нижнюю юбку между ног. Потом потирает руки.

— Ну-ка, ну-ка, — говорит она. Оглядывает меня с головы до ног, и в глазах ее загорается огонек. — Что вы на это скажете? Если мы приоденем вас сегодня, чтобы вы стали покрасивее? Ваше платье в сундуке. Но оно ведь заношенное, надоело небось? Притом чудное и старомодное. А мы примерим кое-что получше. Я тут припасла вам платьица — завернула в серебряную бумагу, — такие красивые, вы не поверите! Давайте позовем Неженку — пусть подгонит по фигуре. Она мастерица шить, хотя на вид грубовата, да? Это она только с виду такая. Но сердце у нее доброе.

Теперь она меня заинтересовала. «Платья»,

— думаю я. Если меня оденут, я смогу бежать.

Она видит, что я повеселела, и тоже радуется. Опять приносит мне на завтрак рыбу, я все съедаю. Приносит кофе, приторный, как сироп, сердце от него начинает сильно биться. Потом приходит с ведерком горячей воды. Мочит полотенце и хочет меня вымыть. Я не позволяю ей этого, сама беру полотенце, протираю лицо, под мышками, между ног. Впервые в жизни я сама вымылась.

После этого она уходит, не забыв запереть за собой дверь, а возвращается уже не одна, а вместе с Неженкой. Вдвоем они втаскивают в комнату картонные коробки. Ставят их на кровать, развязывают бечевки и вынимают оттуда платья. Неженка визжит от восторга: платья все из чистого шелка: одно лиловое, отделанное желтой лентой, другое зеленое, в тонкую серебристую полоску, а третье пунцовое. Неженка приподнимает его за край и осторожно проводит рукой по гладкой ткани.

— Понже? — спрашивает, словно не верит своим глазам.

— Понже, а рюш — фуль-яровый, — отвечает миссис Саксби, с трудом выговаривая иноземные слова, как будто у нее полон рот камней.

Она приподнимает пунцовую юбку, красный шелк бросает отсветы на ее лицо, так что кажется, теперь оно все заляпано кармином.

Заглядывает мне в глаза:

— Что скажете, милочка?

Я и не подозревала, что такие краски, такие материи, такие платья есть на свете. Но чтобы показаться в них на столичной улице? Представив себе такую картину, я говорю:

— Они отвратительны, отвратительны!

Она явно опешила, но быстро приходит в себя.

— Это сейчас вы так говорите. Потому что вас долго держали взаперти и никуда не вывозили. Вот вы и не знаете, что нынче модно. Когда вы наконец выйдете в свет, дорогая моя, у вас будет столько ярких платьев, что вы вспомните об этих и обхохочетесь: неужели, скажете, я считала их яркими? — Она потирает руки, довольная. — Ну а теперь признайтесь, какое вам больше глянулось? Ярко-зеленое в полосочку?

— Нет ли у вас серого, — говорю я, — или коричневого, или черного?

Неженка смотрит на меня с презрением.

— Серое, коричневое или черное? — переспрашивает миссис Саксби. — И это когда есть серебристое и лиловое?!

— Тогда пусть будет лиловое, — говорю я.

Мне кажется, от полосок будет рябить в глазах, от пунцового меня стошнит — впрочем, мне и без того тошно.

Миссис Саксби идет к комоду и выдвигает ящики. Достает чулки, корсет и цветные нижние юбки. Юбки меня поразили: я всегда думала, что белье бывает только белым — точно так же в детстве мне казалось, что все черные книги непременно должны быть Библиями.

Но у меня нет выбора: либо стать разноцветной, либо ходить голой. Они одевают меня, как две девочки, наряжающие куклу.

— Может, тут чуть прихватить? — говорит миссис Саксби, окидывая взглядом платье. — Стойте, не шевелитесь, милочка, Неженка сейчас вас измерит. Боже, вы только посмотрите на ее талию! Стойте смирно! Нельзя дергаться, пока у Неженки в руке булавки, я знаю, что говорю. Так-то лучше. Великовато, да? Ну так размер мы не могли предугадать — ха-ха! — учитывая, как они нам достались.

Они забирают у меня перчатки, но взамен дают новые. На ноги надевают белые шелковые туфли.

— А ботинки нельзя? — говорю я, и миссис Сак-

сби отвечает:

— Ботинки? Дорогая моя, ботинки для прогулок. Где вы тут собрались гулять-то?

Она открыла большой деревянный сундук и достала из него мою кожаную дорожную сумку. Теперь, пока Неженка занята шитьем, она идет вместе с сумкой к окну и, взгромоздившись на скрипучий плетеный стульчик, начинает перебирать содержимое сумки. Я вижу, как она достает и кладет на место туфельки, колоду карт, гребенки. На самом деле ей нужны мои драгоценности. Через некоторое время находит тряпичный сверточек, разворачивает его и высыпает содержимое себе на колени.

— Ну-ка, что у нас здесь? Колечко. Браслет... Женское личико.

Смотрит оценивающим взглядом, вдруг выражение ее глаз меняется. Я знаю, чье лицо она увидела — прежде я сама пыталась отыскать в нем сходство с собой. Она быстро откладывает медальон в сторону.

— Браслет с изумрудами, — говорит она затем, — был в моде во времена короля Георга, но камушки красивые. Можно запросить за них кругленькую сумму. Жемчужный кулон. Рубиновое ожерелье — слишком тяжеловесное

для такой хрупкой девушки. Я дам вам другое, тоже хорошенькое, из бусинок — стеклянных, конечно, но как блестят! — чисто сапфиры, оно вам больше пойдет. А это — ой, что это? Какая прелесть! Глянь-ка, Неженка, глянь-ка на эти огромаднейшие камни!

Неженка глядит.

— С ума сойти! — охает она.

Это брошь с бриллиантами, когда-то мне казалось, что Сью она больше всех нравится. А теперь миссис Саксби подносит ее к свету, придирчиво разглядывает, щурится. Брошь сверкает всеми цветами радуги. Даже здесь сверкает.

— Я знаю, куда ее пристроить, — говорит она. — Милочка, вы ведь не будете против?

Она расстегивает брошь и прицепляет себе на грудь. Неженка роняет иголку с ниткой — и смотрит восхищенно.

— О, миссис Саксби! — восторгается она. — Вы теперь как придворная дама.

Сердце мое гулко стучит в груди.

— Бубновая дама, — говорю я.

Она вопросительно смотрит на меня — не понимает, что это: комплимент или насмешка. Да я и сама не знаю.

Некоторое время мы проводим в молчании.

Неженка все ушила как надо, потом расчесала мне волосы и скрутила их в пучок, пришпилила. Они просят меня встать, чтобы посмотреть, что получилось. Ходят вокруг, придирчиво, склонив голову набок, оглядывают. Лица у них не радостные. Неженка чешет нос. Миссис Саксби постукивает пальцами по губам и хмурится.

Над камином есть маленькое квадратное зеркальце в обрамлении из гипсовых сердечек — я поворачиваюсь к нему и пытаюсь разглядеть хоть какую-то часть себя. И не сразу узнаю. Губы мои бескровны. Глаза покраснели и припухли, щеки более всего напоминают линялую фланель. Давно не мытые волосы лоснятся упорней. Платье на мне с глубоким вырезом, и видно, что ключицы торчат.

— Может, милочка, лиловый и впрямь не ваш цвет, — говорит миссис Саксби. — Слишком подчеркивает тени под глазами — похоже на синяки. Ну а щеки — если пощипать их как следует, будет румянец. Не хотите? Ну так Неженка пощиплет. Уж она щипнет так щипнет, руку набила.

Неженка подходит и хватает меня за щеку, я вскрикиваю и вырываюсь.

— Ну как знаете! — говорит она и топает ногой. — И ходите с зеленым лицом!

— Эй, эй! — одергивает ее миссис Саксби. — Мисс Лилли — дама! Я хочу, чтобы к ней обращались уважительно. Попридержи язык.

Неженка надула губы.

— Так-то лучше. Мисс Лилли, может, снимем это платье и попробуем зеленое в полосочку? Мышьяку в зеленом не так уж и много — вам от этого вреда не будет, главное, не потеть.

Но я не хочу, чтобы они опять меня хватали своими руками, и не разрешаю расстегивать лиловое платье.

— Так вам оно понравилось, милочка? — спрашивает она умильно. — Вот и славно! Я знала, что наряды в конце концов приведут вас в чувство. Ну что, давайте сойдем вниз и удивим мужчин? Мисс Лилли? Неженка, пойдешь первая. Лестница у нас старая, мисс Лилли может ненароком оступиться.

Она отпирает дверь. Неженка проскальзывает вперед, я выхожу следом за ней. Конечно, лучше бы на мне были ботинки, шляпка и плащ, но если надо, я убегу и с непокрытой головой, в шелковых туфлях. И буду бежать без оглядки до самого «Терновника». Но какая из дверей под лестницей ведет на улицу? Этого я не знаю. Отсюда не видно. Неженка спускается передо мной, а миссис

Саксби следует за мной по пятам.

— Осторожнее, деточка, смотрите под ноги, — говорит она.

Я не отвечаю. Потому что из соседней комнаты доносится вдруг странный звук — так кричит самка павлина. Звук поднимается, дрожит, переливаясь, потом постепенно затихает. Я вздрагиваю, оглядываюсь. Миссис Саксби тоже оглянулась.

— Ну погоди, старая клуша! — ругается она, потрясая кулаком. А потом, обернувшись ко мне, говорит уже ласково: — Не испугались, дорогая? Это всего лишь престарелая сестра мистера Иббза, она не встает с постели, бедняжка, и ей все что-нибудь мерещится.

Она улыбается. Крик повторяется, я торопливо сбегаю вниз по темной лестнице — ноги у меня подкашиваются, я запыхалась. Неженка поджидает меня внизу. Прихожая маленькая, негде развернуться.

— Сюда теперь, — говорит она. И открывает дверь в кухню.

За ней, как мне кажется, будет уличная дверь, с засовами. Я замедляю шаг. Но в этот момент миссис Саксби трогает меня за плечо.

— Правильно, милочка. Сюда. Я чуть не падаю.

В кухне теплее, чем мне запомнилось, и темнее. Ричард и парнишка по имени Джон Врум сидят за столом и играют в кости. При моем появлении они поднимают на меня глаза и дружно хохочут.

Джон говорит:

— Нет, вы только гляньте на это лицо! Кто глаз-то подбил, а? Неженка, признайся, что это ты, и я тебя расцелую!

— Я сама тебе глаз подобью, дай только добраться, — грозит миссис Саксби. — Мисс Лилли просто устала. Слезай со стула, бездельник, уступи ей место.

Она говорит это, запирая за собой дверь, потом кладет ключ в карман, идет на другой конец кухни и дергает две другие двери — хочет убедиться, что они заперты.

— Чтобы не просквозило, — объясняет она, поймав мой взгляд.

Джон, прежде чем встать, еще раз мечет кости и подводит счет. Ричард похлопывает по опустевшему стулу.

— Идите, Мод, — говорит он. — Садитесь рядом со мной. И если вы обещаете не бросаться на меня с кулаками, как это было в минувшую среду, тогда, клянусь жизнью Джонни, я тоже вас бить не буду.

Джон ухмыляется.

— Не слишком-то распоряжайтесь моей жизнью, — говорит он, — не то я вашей так распоряжусь — слышите?

Ричард не отвечает. Он смотрит мне прямо в глаза и улыбается.

— Ну что, будем опять друзьями?

Он протягивает мне руку, я не пожимаю ее. В запертой кухне жарко и нестерпимо душно, от этого во мне вскипает злость, и я выпаливаю:

— Какой вы мне друг?! И никто здесь мне не друг. Я с вами только потому, что миссис Саксби так решила, а у меня уже нет сил ей возражать. А вы, остальные, запомните: я всех вас ненавижу.

И сажусь, но не на пустой стул рядом с ним, а в большое плетеное кресло-качалку во главе стола. Кресло скрипит подо мной. Джон и Неженка переглядываются с миссис Саксби, которая смотрит на меня и, кажется, ничего не понимает.

— А почему бы нет? — говорит она с вымученным смешком. — Устраивайтесь поудобнее, дорогая. Я сяду сюда, на этот жесткий старый стул, мне все равно. — Она садится и вытирает губы. — А где наш мистер Иббз?

— Ушел по делам, — говорит Джон. — Взял с собой Чарли Хвоста.

Она кивает.

— А детки мои спят?

— Джентльмен попоил их полчаса назад.

— Молодец. Теперь будет тихо. — Она смотрит на меня. — Ну что, мисс Лилли? Чашечку чаю? — Я не отвечаю, только медленно покачиваюсь в кресле. — Или, может, кофейку? — Облизывает губы. — Ну, значит, кофейку. Неженка, вскипяти воды. Не желаете ли пирожного, дитя мое, с кофейком-то? Я пошлю Джона, он принесет. Вы любите пирожные?

— Что бы вы мне ни предложили, — говорю я медленно, с расстановкой, — все будет для меня как пепел.

Она качает головой:

— Какие слова, прямо поэзия! Так как же насчет пирожных?..

Я отворачиваюсь от нее.

Неженка хлопочет, варит кофе. Аляповатые часы тикают, отбивают час. Ричард сворачивает сигарету. Но табачный дым, чад от горящих ламп и свечей и без того висит пеленой, волнами плавает от стены к стене. Стены в кухне коричневые и тускло блестят, будто их залили подливкой, всюду развешаны цветные картинки — ангелочки, розочки, девицы на качелях — и

еще покоробившиеся от времени, с закрученными краями, вырезки из газет с изображениями спортсменов, лошадей, собак и воров. Над жаровней мистера Иббза целых три портрета, подписи под которыми гласят, что это «м-р Чабб, м-р Йейл и м-р Брама», — приклеенные к пробковому щитку, со следами от дротиков.

«Вот бы мне дротик, — мечтаю я, — я бы заставила миссис Саксби отдать ключи. Или не дротик, а бутылку с отбитым дном. Или нож».

Ричард зажигает сигарету, щурится от дыма и изучающе смотрит на меня.

— Симпатичное платьице, — говорит. — Как раз ваш цвет. — Тянется потрогать желтую ленту, но я хлопаю его по руке. — Ну-ну, характер, боюсь, не исправился. А мы надеялись, что он от сидения взаперти будет поприятней. Яблоки ведь вылеживаются в ящиках? Да и у телят в загоне мясо помягче становится.

— Идите к черту, — говорю я.

Он улыбается. Миссис Саксби краснеет, потом смеется.

— Нет, вы слышали? Когда такое говорит простая девчонка, это звучит грубо. А когда говорит леди — даже приятно, будто щебечет. И все же, милочка... — Она наклоняется над столом и про-

должает, понизив голос: — Я не желаю, чтобы вы так выражались.

Я смотрю на нее в упор.

— Вы думаете, — отвечаю я хладнокровно, — ваши желания для меня что-нибудь значат?

Она моргает и еще гуще краснеет, веки ее дрожат, она отворачивается.

Я молча допиваю кофе. Миссис Саксби сидит, нахмурив брови, барабанит пальцами по столу. Джон и Ричард опять кидают кости, препираются из-за очков. Неженка полощет пеленки в тазу с грязной водой, потом вывешивает их у камина сушиться, от них идет пар и вонь. Я закрываю глаза. Желудок сводит острая боль. «Если бы у меня был нож, — думаю я снова. — Или топор...»

Но в комнате удушающая жара, и я так измучена и устала, что голова моя тяжелеет и я засыпаю. Когда я открываю глаза, на часах пять пополудни. Кости уже убрали. Вернулся мистер Иббз. Миссис Саксби кормит младенцев, Неженка готовит ужин. Бекон, капуста, картошка и хлеб: мне придвигают тарелку, и я покорно принимаюсь за еду, тщательно отделяя и отодвигая на край тарелки прослойки жира и хлебные корки, как недавно за завтраком выбирала рыбные кости. Потом приносят стаканы.

— Хотите выпить, мисс Лилли? — спрашивает миссис Саксби. — Портеру, хересу?

— Джину? — добавляет Ричард, лукаво поглядывая на меня.

Я выбираю джин. Он горчит, но звук от помешивания, когда серебряная ложка стучит о стекло, мне приятен и действует на меня умиротворяюще.

Так проходит этот день. Так проходят и все остальные дни, следующие за ним. Я рано ложусь — миссис Саксби меня раздевает, платье мое и нижние юбки уносит и запирает, потом запирает меня. Я сплю плохо и каждое утро просыпаюсь разбитая, с одной тревожной мыслью: мне страшно. Сажусь на золоченый стульчик, перебираю мысленно все подробности моего заточения, думаю, как лучше сбежать. Потому что я должна бежать. Я сбегу. Сбегу и найду Сью. Как звали тех, кто ее забрал? Не могу вспомнить. Где тот дом? Я не знаю. Не важно, не важно, все равно я его найду. Хотя сначала доберусь до «Терновника», попрошу у дяди денег — он же по-прежнему уверен, что я ему родня, — а если не даст, тогда буду просить у слуг! Попрошу у миссис Стайлз! Или украду! Стащу книгу из библиотеки, самую ценную, и продам!..

Или нет, не так. Потому что при мысли о «Терновнике» я до сих пор содрогаюсь, и однажды мне приходит в голову, что, в конце концов, и в Лондоне у меня есть знакомые. Мистер Хасс и мистер Хотри. Мистер Хасс, ну, он еще любил смотреть, как я поднимаюсь по лестнице. Смогу ли я довериться ему? Думаю, что смогу, потому что дошла до предела... Мистер Хотри, однако, добрей и приглашал меня к себе, в магазин на Холиуэлл-стрит. Думаю, он мне поможет. Уверена, что поможет. Наверное, эта улица где-нибудь поблизости. Хотя не знаю, карты у меня нет. Но я как-нибудь доберусь. И тогда мистер Хотри мне поможет. Мистер Хотри поможет мне отыскать Сью...

Так размышляю я, а в это время за окном расплывается мутный рассвет, мистер Иббз жарит селедку, сестра его воет, Джентльмен кашляет наверху, а миссис Саксби всхрапывает, ворочается в постели и вздыхает.

Если бы они хоть на минутку забыли обо мне! «Однажды, — говорю я себе каждый раз, когда за моей спиной запирают дверь, — однажды они забудут ее запереть. И тогда я сбегу. Им надоест все время меня сторожить». Но нет, они не забывают. Я жалуюсь на духоту, на спертый воздух.

Жалуюсь на усиливающуюся жару. Чаще, чем надо, прошусь в туалет: потому что он находится в дальнем конце темного и грязного прохода, на задворках дома, там я изредка вижу небо над головой. Я знаю, что для меня это единственный путь выбраться на свободу, только бы случай удобный подвернулся, но пока все никак не получается: каждый раз Неженка доводит меня до места и ждет снаружи. Однажды я делаю попытку сбежать, но она быстро догоняет меня и приводит обратно, миссис Саксби бьет ее за то, что чуть меня не упустила.

Ричард ведет меня наверх и тоже бьет.

— Прошу прощения, — говорит он при этом. — Но вы же знаете, сколько сил мы на это положили. От вас требуется одно: дождаться адвоката. Вы ведь терпеливая, сами говорили. Так послушайте, что вам говорят, и потерпите.

От удара у меня на теле синяк. С каждым днем он понемногу светлеет, я смотрю на него и думаю: «Прежде чем этот синяк исчезнет, я убегу!»

Я размышляю так часами. Сижу на кухне, в тени абажура, и думаю: «Может быть, они обо мне забудут».

Порой и правда кажется, что забыли: дом живет своей обычной жизнью, Неженка и Джон целу-

ются или ругаются, детишки пищат, мужчины играют в карты или в кости. Время от времени заглядывают посторонние мужчины — или мальчишки, или, что бывает редко, женщины и девочки, — приносят краденое мистеру Иббзу, чтобы тот перепродал. Они притаскивают какие-то удивительные вещи — аляповатые, безвкусные, — по мне, все это нищенский улов: шляпки, платочки, грошовые украшения, куски кружев, раз даже притащили пук светлых волос, перевитый ленточкой. Бурный поток вещиц: не такой, как в «Терновнике», где все утягивалось на дно тихого омута; не такой, как в известных мне книгах, где всякая вещь имела свое предназначение — стулья, подушки, кровати, портьеры, веревки, трости...

Здесь совсем нет книг. Только жизнь во всем ее диком хаосе. И единственным предназначением всех этих вещей было только одно: на них делали деньги.

И самой главной вещью, на которой можно было сделать очень большие деньги, была я.

— Не озябли, милочка? — спрашивает, бывало, миссис Саксби. — Не проголодались? Ой, какой лоб горячий! Не заболели, часом? Вам нельзя болеть.

Я молчу. Все это я слышу уже не в первый раз. Пускай укутывает меня своими пледами, пускай сидит и растирает мне руки и щеки.

— Что приуныли? — сетует она. — Только посмотрите на эти губки. Право же, они красивей, когда улыбаются. Не улыбнетесь? Даже, — она словно запнулась, — даже мне? Вы только взгляните, милая, на этот календарь. — Она перечеркивает черным каждый прошедший день. — Вот и месяц почти прошел, всего только два осталось. А уж что будет потом! Не так уж и долго ждать осталось, правда?

Голос ее звучит почти заискивающе, но я отвечаю ей неумолимым взором — пусть знает, что не то что день, даже час, минута, секунда рядом с ней будет для меня вечностью.

— Ну-ну, — и хватает меня за руку, затем выпускает. — Вам неуютно у нас, да, милочка? Ну да ладно, обвыкнетесь. Но я уж прямо не знаю, как вас повеселить-то. Может, принести чего? Букетик цветочков? Или бантик красивенький — прическу украсить? Или шкатулочку для побрякушек? Или птичку в клетке? — Приняв мой непроизвольный жест за знак согласия, она продолжает, просияв: — Ага! Где Джон? Джон, на тебе шиллинг — фальшивый, конечно, так что

расплачивайся поскорее, — сбегай и принеси для мисс Лилли птичку в клетке... Вам желтенькую, милочка, или синенькую?.. Ну, все равно, Джон, главное — покрасивее...

Она подмигивает. Джон уходит и через полчаса приносит зяблика в плетеной клетке. Начинается возня вокруг птички. Клетку подвешивают к потолочной балке и встряхивают, чтобы птичка запорхала. Пес по имени Чарли Хвост вертится волчком под клеткой, скачет и скулит. Однако зяблик так и не запел — слишком уж темно в кухне, — только хлопает крылышками да клюет прутья клетки. В конце концов про него забывают. Джон сыплет в кормушку синие спичечные головки — говорит, что потом когда-нибудь он скормит ему целую спичку и подожжет.

О Сью по-прежнему никто не заговаривает. Однажды Неженка, накрывая на стол перед ужином, задумчиво скребет за ухом.

— Странно, — говорит она, — что Сью все не возвращается.

Миссис Саксби переглядывается с Ричардом, смотрит на мистера Иббза, потом на меня.

— Знаешь ли что, Неженка, — говорит она наконец. — Не хотелось мне говорить об этом, но раз уж ты спросила, не буду от тебя скрывать. Дело в

том, что Сью не вернется. В том дельце, что поручил ей Джентльмен, оказались замешаны деньги. Больше, чем обещанная ей доля. Ну вот она и смылась, вместе с денежками-то. Так-то вот.

У Неженки аж челюсть отвисла.

— Не может быть! Сью Триндер? Которая была вам как дочь родная? Джонни! — Джонни как раз в эту минуту пришел в кухню поужинать. — Джонни, ты не поверишь! Сью прикарманила все деньги миссис Саксби — вот потому ее и нет! Смылась! Можно сказать, разбила сердце миссис Саксби! Ну попадись она нам теперь — убьем на месте.

— Смылась? Сью Триндер? — Он фыркает. — Да у нее кишка тонка!

— Да говорят тебе, смылась.

— Это так, — признает миссис Саксби, покосившись на меня, — и прошу в моем доме больше не произносить это имя. И закончим на этом.

— Сью Триндер оказалась пронырой! — не унимается Джон.

— Вот что значит дурная кровь, — замечает Ричард. Он тоже глядит на меня. — Взыграет там, где не ждешь.

— Так, забыли, что я сказала?! — шипит миссис Саксби. — Слышать о ней больше не желаю.

Она предупреждающе подняла руку, и Джон замолчал. Но хоть и молчит, а все равно головой качает в недоумении и даже присвистнул. Потом вдруг как рассмеется.

— А нам зато больше мяса достанется! — говорит он, накладывая себе еды на тарелку. — Или досталось бы, — и покосился на меня, — если б не эта леди.

Миссис Саксби, заметив это, тянется через стол и бьет его по голове.

После этого всех, кто приходит к нам и спрашивает про Сью, отводят в уголок и рассказывают им то же, что Джону с Неженкой: что Сью сбежала, подло обманув миссис Саксби и разбив ее сердце. И все отвечают примерно одно и то же: «Как?! Сью Триндер? Кто бы мог подумать?! Сказалась-таки материнская закваска...» И сочувственно качают головой. Но, кажется, они о ней довольно быстро забывают. Даже Джон и Неженка забывают. В этом доме у всех короткая память. Много раз в ночи я просыпаюсь от звука шагов, от скрипа колес — постоянно кто-то сбегает, в одиночку или целыми семьями, смываются потихоньку под покровом ночи. Женщина с повязкой на глазу, кормившая ребенка на крыльце дома напротив, где в ставнях прорези в виде сердечек, тоже ку-

да-то пропала, вместо нее сидит теперь другая — а ее, в свою очередь, сменяет третья, которая все время прихлебывает из бутыли. Какое им дело до Сью?

А мне какое дело? Я боюсь вспомнить прикосновение ее губ, касание ее ладони. Но и забыть тоже боюсь. Все мечтаю увидеть ее во сне. Но она мне не снится. Иногда я достаю портрет женщины, которую когда-то принимала за свою мать, и внимательно рассматриваю его: те же глаза, тот же острый подбородок. Миссис Саксби застает меня за этим занятием. Смотрит неприязненно. В конце концов отнимает у меня портрет.

— Это чтобы вы не думали, — говорит она, — о том, что прошло и не воротишь. Не надо об этом, милочка. Думайте лучше о том, что впереди.

Она полагает, я думаю о прошлом. А я вся в будущем. Все присматриваюсь к замкам да ключам, вот ключ повернулся — когда-нибудь же его забудут, я уверена. Присматриваюсь к Неженке, Джону, мистеру Иббзу — они ко мне привыкли. Скоро они ослабят свой надзор, забудут обо мне... «Скоро. Скоро, Мод».

Так я внушала себе, и наконец это случилось!

Ричард каждый день теперь уходит из дому, куда — не говорит. У него денег нет и не будет,

пока он не привезет адвоката: мне кажется, он просто целыми днями слоняется по пыльным улицам или отсиживается в парке; видно, так же, как и я, задыхается в тесной и душной кухне в Боро. И вот в один прекрасный день он уходит, как обычно, но через час возвращается. В доме на сей раз тихо: мистера Иббза и Джона нет, а Неженка дремлет, сидя на стуле. Миссис Саксби впускает его в кухню, он снимает шляпу и целует ее в щечку. Лицо его пылает, глаза горят.

— Ну, что бы вы думали? — говорит он.

— Дорогой мой, я прямо не знаю! Неужели все ваши лошади выиграли?

— Лучше, — говорит он. И, обернувшись ко мне: — Мод? А вы как думаете? Ну-ка, идите сюда, на свет. И нечего дуться — вы сейчас такое услышите! Это ведь в первую очередь касается вас.

Схватив мое кресло, он пытается придвинуть его ближе к столу. Я упираюсь.

— Касается меня, говорите? Интересно, как?! — Я сердита, потому что думала о своей несчастной судьбе, а он меня отвлек.

— Сейчас узнаете. Вот послушайте.

Он сует пальцы в карман жилетки и что-то вынимает. Бумажка. Помахивает ею.

— Акция? — спрашивает миссис Саксби, при-

двигаясь к нему поближе.

— Письмо, — говорит он, — от... догадайтесь, от кого? Может, вы, Мод, догадались?

Я молчу. Он не отстает:

— Не хотите поиграть? Я могу вам подсказать... Это кто-то, кого вы хорошо знаете. Даже очень хорошо...

Сердце у меня сжалось.

— Сью! — вырывается у меня.

Но он качает головой и усмехается:

— Нет, не она. Думаете, им выдают бумагу — в том месте, где она находится? — Косится на Неженку — та было проснулась, открыла глаза, но теперь снова заснула. — Не она, — продолжает он уже тише. — Я имею в виду другого вашего знакомого. Ну, догадались?

Я рывком поворачиваюсь к нему:

— Почему я должна гадать? Почему бы просто не сказать, и все?

Он выжидает с минуту, потом...

— Мистер Лилли, — произносит он. — Ваш дядюшка — вот кто это! — Я вздрогнула. — Ага, заинтересовались!

— Дайте посмотреть, — говорю я.

Может, дядя и в самом деле меня разыскивает.

— Погодите, погодите. — Он поднимает руку

с письмом как можно выше. — Оно адресовано мне, а не вам.

— Дайте посмотреть!

Я встаю, тяну его за руку, вижу строчку, написанную чернилами, и отталкиваю его.

— Это не дядя писал. — Мне досадно, так и хочется ему врезать!

— А я этого и не говорил, — заявляет Ричард. — Письмо от него, но отправлял не он, а управляющий, мистер Пей.

— Мистер Пей?

— Все интересней и интересней, правда? Но вы все поймете, когда прочтете. Вот. — Он раскрывает письмо и вручает мне. — Сначала прочтите с этой стороны. Это постскриптум. И объясняет, по крайней мере, то, что мне все время казалось странным, — почему до сих пор не было никаких вестей из «Терновника»...

Почерк неровный. Чернила размыты. Подношу письмо к свету, пытаюсь разобрать почерк.

Уважаемый сэр.

Разбирая сегодня личные бумаги своего хозяина, я нашел это письмо и полагаю, что он намеревался его отправить, однако вскоре после того, как письмо это было написано, сэр, его сразил тяжкий недуг, каковой недуг не отпускает его и по сей день. Мы с миссис Стайлз подумали сперва, что причиной тому стал дерзкий и скандальный побег его племянницы, хотя теперь осмеливаемся предположить, сэр, что письмо его указывает скорее на то, что он был не слишком потрясен этим ее поступком — осмеливаюсь опять же предположить, не более, чем все мы. Со всем уважением посылаем Вам это письмо и надеемся, что оно застанет Вас в добром здравии и веселом расположении духа.

Мистер Мартин Пей, управляющий имением «Терновник».

Я поднимаю глаза, но ничего не говорю. Ричард видит выражение моего лица и смеется.

— Читайте теперь остальное.

Я переворачиваю листок. Письмо короткое и датировано третьим мая — с тех пор прошло больше двух месяцев. Вот что там написано.

Мистеру Ричарду Риверсу от Кристофера Лилли, эсквайра.

Сэр, я полагаю, Вы увезли мою племянницу, Мод Лилли. Желаю Вам позабавиться. Мать ее была блудницей, а она унаследовала все инстинкты матери, хотя по внешности этого не скажешь. Серьезная задержка в работе моей неизбежна, но, думая об этой потере, я нахожу утешение лишь в одном: сдается мне, что Вы, сэр, такой человек, который умеет обращаться со шлюхами.

К. Л.

Я читаю это один раз, и два, и три, потом снова перечитываю, письмо выпадает у меня из рук. Миссис Саксби тотчас же кидается его поднимать и читает сама. И по мере того как до нее доходит смысл слов, щеки ее наливаются краской.

Добравшись до конца, она вскрикивает:

— Каков негодяй, а?!

От крика ее просыпается Неженка.

— Кто, миссис Саксби? Кто? — лепечет она.

— Да нехороший человек один. От вредности своей и заболел, так ему и надо. Ты его все равно не знаешь. Спи. — И, обращаясь теперь ко мне:

— О, моя дорогая...

— Оставьте меня в покое, — говорю.

Письмо подействовало на меня сильнее, чем я могла ожидать. Не знаю, что расстроило меня больше: сами ли жестокие слова или то, что они, очевидно, окончательно доказывают правоту миссис Саксби. Но я не могла допустить, чтобы она или Ричард видели меня в расстроенных чувствах. Я отхожу от них как можно дальше, хотя в тесной кухне дальше угла не спрячешься, — сделав пару шагов, утыкаюсь в бурую стену, постояв там, перехожу к другой стене, потом — к двери и, схватившись за ручку, дергаю ее что было сил.

— Выпустите меня отсюда, — говорю им.

Миссис Саксби идет ко мне. Тянется рукой — но не к двери, а к моему лицу. Оттолкнув ее, я кидаюсь к другой двери, потом к третьей.

— Пустите меня! Пустите!

Она идет за мной, приговаривая:

— Милая моя, не стоит так убиваться из-за старого злыдня. Право же, не стоит он ваших слез!

— Выпустите вы меня или нет?

— Выпустить — но куда же вы пойдете? Разве вы здесь не на всем готовеньком? И если пока не хватает чего, так все ж скоро будет! Вспомните про камушки, про наряды...

Она снова надвигается на меня. И снова я ее отталкиваю. Отступаю к окрашенной в подливочный цвет стене, бью по ней кулаком, еще и еще. Потом поднимаю глаза. Прямо передо мной — настенный календарь, весь исчерканный черными крестиками. Я хватаю его и срываю с гвоздя.

— Дорогая моя, — опять говорит миссис Саксби.

Я поворачиваюсь к ней и кидаю в нее календарем.

Но после этого я принимаюсь плакать, а когда слезы высохли, я понимаю, что стала другим человеком. Вся моя решимость разом пропала. Это письмо так подействовало. Календарь возвращается на гвоздик, и мне все равно — пусть себе висит. По мере того как приближается решающий день, листок его становится все черней. Лето в разгаре. Июнь выдался теплым, и с каждым днем становится все жарче. В дом откуда-то налетело множество мух. Ричард от них просто бесится: гоняется за ними с туфлей, раскрасневшийся и потный. «Подумать только, благородный человек, а чем занимается! — скажет он мне бывало. — Ну можно ли в это поверить, если посмотреть на меня сейчас? Вы бы поверили?»

Я не отвечаю. Мне тоже, как и ему, не терпится

дождаться дня рождения Сью, а будет он в августе. Я все скажу, что они мне велят, адвокату или кого они там приведут. Дни мои теперь проходят словно в тревожном, но беспробудном сне, а по ночам — от жары невозможно уснуть, — по ночам я стою у окна-щелки в комнате миссис Саксби и без надежды гляжу на улицу.

— Отойдите оттуда, милочка, — пробормочет, бывало, миссис Саксби, если вдруг проснется среди ночи и застанет меня у окна. Говорят, в Боро свирепствует холера. — А то, не дай бог, холеру ветром нанесет.

Можно ли заболеть, подышав зараженным воздухом? Я ложусь рядом с ней на кровать и жду, когда она заснет, потом снова встаю и подхожу к окну — прижавшись лицом к щелке, вдыхаю теплый уличный воздух.

Я почти и думать забыла, что собиралась бежать. Может, они тоже чувствуют это. Потому что однажды — наверное, в первых числах июля — они уходят, оставив со мной только Неженку.

— Приглядывай за ней, — наказывает ей миссис Саксби, надевая перчатки. — Если с ней что случится — убью!

Меня же целует:

— Хорошо, деточка? Я вернусь через часок.

Принесу вам подарочек.

Я не отвечаю. Неженка запирает за ней дверь, ключ кладет в карман. Садится за стол, придвигает поближе лампу и принимается за работу. На этот раз не пеленки стирать (детишек теперь поменьше, миссис Саксби уже многих пристроила, и с каждым днем в доме все меньше криков), а спарывать шелковую вышивку с ворованных носовых платков — или, как они их называют, утиральников. Она делает это с явной неохотой.

— Скукотища, — жалуется она мне. — Раньше это делала Сью. Хотите попробовать?

Я качаю головой, закрываю глаза и вдруг слышу зевок. Неженка зевнула, и сон мой как рукой сняло. Если она заснет, думаю я, я попытаюсь открыть двери — стащу ключ у нее из кармана! Она снова зевает. Меня прошибает холодный пот. Часы тикают, я считаю минуты — пятнадцать, двадцать, двадцать пять. Полчаса. На мне лиловое платье и белые шелковые туфельки. У меня нет шляпки, нет денег — но это не важно, не важно. Мистер Хотри даст мне денег.

Спи, Неженка, спи. Спи, спи... Да засыпай же, черт бы тебя побрал!

Но она лишь позевывает да клюет носом. Скоро почти час.

— Неженка, — зову я.

Она вздрагивает.

— Что такое?

— Мне кажется... мне кажется, мне надо в туалет.

Она откладывает работу, недовольно морщится.

— Надо? Прямо сейчас, сию минуту?

— Да. — Я прижимаю руку к животу. — Кажется, меня тошнит.

Она закатывает глаза:

— Вот почему-то никого так не тошнит, как вас. Это что, у всех благородных дам такое? «Хрупкая конституция» — так, кажется, называется?

— Наверное. Извините меня, но не могли бы вы открыть дверь?

— Тогда я пойду с вами.

— Не обязательно. Можете оставаться здесь и шить, если вам так хочется.

— Миссис Саксби говорит, я всегда должна ходить с вами, а то мне попадет. Ладно.

Она вздыхает, потягивается. Шелковое платье у нее потемнело под мышками, по краям пятна белеет каемка. Она достает ключ, отпирает дверь, выводит меня в коридор.

Я иду медленно, смотрю ей в спину. Вспоминаю,

как пыталась убежать от нее и как она меня поймала: я знаю, что, даже если сейчас отпихну ее, она вскочит и погонится за мной. Если ударить ее головой о кирпичную стену... Но как только я это представила, руки мои стали как ватные, думаю, я не смогу.

— Идите, — говорит она, заметив, что я останавливаюсь.— Ну, что случилось?

— Ничего. — Я хватаюсь за дверь нужника и медленно, очень медленно тяну на себя. — Можете не ждать.

— Нет уж, я подожду. — Она прислоняется к стене.— Заодно подышу воздухом.

Воздух теплый и зловонный. В туалете еще теплее, и вонь тут ужасная. Но я вхожу и закрываю дверь на задвижку, потом оглядываю помещение. Здесь есть окошко, такое маленькое — голова и то не пролезет, разбитое стекло заткнуто тряпицей. Полно пауков и мух. Сиденье растрескавшееся, грязное. С минуту я стою в раздумье.

— Все в порядке? — кричит мне Неженка.

Я не отвечаю. Пол земляной, утоптанный. Стены беленые. На проволочном крючке висят газетные лоскутки. «Мужская и женская ношеная одежда, в хорошем и относительно хорошем состоянии», «Требуются...», «Телятина и свежие

яйца из Уэльса»...

Думай скорее, Мод.

Я поворачиваюсь к двери, прижимаюсь губами к щели.

— Неженка, — зову я тихонько.

— Что еще?

— Неженка, мне плохо. Вы должны принести мне кое-что.

— Что такое? — Она дергает дверь. — Выходите скорей, мисс.

— Не могу. Правда не могу, Неженка, вы должны принести мне одну вещь, она в ящике комода, в моей комнате. Принесете? Она там лежит. Сходите, а? О, только поскорей! О, как хлещет! А то мужчины вернутся, и...

— Ой! — говорит она: наконец-то до нее дошло. Спрашивает, понизив голос: — Началось, да?

— Так вы принесете?

— Но, мисс, я не должна вас тут оставлять!

— Тогда я буду сидеть здесь, пока миссис Саксби не вернется! Но что, если Джон или мистер Иббз придут раньше? Или я в обморок упаду? А дверь заперта! Что тогда скажет миссис Саксби, а?

— О господи! — бормочет она. А потом: — Так вы говорите, в комоде?

— В самом верхнем ящике, справа. Только

поскорей! Если бы только я могла помыться и полежать. У меня это всегда так ужасно...

— Ладно.

— Побыстрей!

— Ладно.

Голос ее смолкает вдали. Прижавшись ухом к щелке, я слышу удаляющийся топот ее башмаков, слышу, как открывается и захлопывается дверь черного хода. Тогда я отодвигаю задвижку и бегу со всех ног. Бегу по проходу во двор — я узнала его, я помню эту крапиву, эту кирпичную кладку. Куда теперь? Повсюду одни высокие кирпичные стены. Но я бегу дальше, и стены расступаются передо мной. Вот пыльная тропинка — когда я шла по ней сюда, она была грязной и скользкой, но я все равно узнала ее! — она ведет в переулок, который, в свою очередь, вливается в другой, а дальше — улица, которая ведет... Куда же она ведет? К какой-то дороге, там еще был арочный мост. Мост я узнаю сразу, но тогда он был словно ниже и ближе к дороге. И еще там, кажется, была высокая глухая стена. А тут никакой стены нет.

Не важно. Главное — вперед. Развернись так, чтобы тот дом все время был позади, и беги. Теперь выбирай дороги пошире, в темных кривых переулках опасно: закрутят — не выберешься. И

беги, беги. Не важно, что небо над головой пугает своей бездонностью. Не важно, что от лондонского гула закладывает уши. Не важно, что здесь много народу, не важно, что на тебя смотрят, не важно, что все они в затрапезных платьях, а твое такое яркое, что все в шляпах, а ты с непокрытой головой. Не важно, что у тебя шелковые туфельки, и каждый камушек, на который ты наступаешь, причиняет боль...

Так я подгоняю себя и бегу, бегу... И только уличное движение ненадолго останавливает меня, эти мчащиеся лошади, эти несущиеся во весь опор экипажи. Добежав до очередного перекрестка, я останавливаюсь, потом опрометью бросаюсь в самую гущу экипажей и телег, и, наверное, только из-за того, что я делаю это быстро и решительно — а может, из-за того, что платье на мне такое заметное, — кучера удерживают лошадей и меня не давят. Вперед, только вперед! Помнится, какая-то собака залаяла на меня, вцепилась в юбку. Встречные мальчишки — их двое или трое — улюлюкают, потому что меня к тому времени уже шатает. «Эй, — кричу я им, держась рукой за бок, — скажите, где Холиуэлл-стрит? Как пройти к Холиуэлл-стрит?» — но, заслышав мой голос, они пускаются наутек.

Теперь я иду медленней. Перехожу оживленную улицу. Дома на ней роскошней и выше, но почему-то в глубине, через два проулка, домишки опять облезлые. Куда же теперь? Надо бы спросить, но не сейчас, потом, потом, а сейчас я должна идти, чтобы как можно больше улиц отделяло меня от миссис Саксби, от Ричарда, от мистера Иббза. Какая разница, если я потеряюсь? Я уже и так потерялась...

Потом я прохожу мимо уходящего вверх проулка, вымощенного желтым кирпичом, и вижу на дальнем его конце, поверх полуразрушенных крыш, темный купол и сияющий золоченый крест — собор Святого Павла. Я столько раз видела его на гравюрах — должно быть, и Холиуэлл-стрит где-нибудь рядом. Подобрав юбки, я устремляюсь к нему. В проулке ужасный запах, зато собор так близко! Так близко!.. Нога оскальзывается на кирпичах, они тут покрыты какой-то зеленой дрянью, и вонь с каждым шагом усиливается. Я карабкаюсь все выше — и вдруг чуть не падаю вниз, передо мной открытое пространство, я замираю и стою как вкопанная. Я думала, дальше будет улица или площадь. Но оказалось, я стою на верхней ступеньке каменной лестницы: закручиваясь, она уходит вниз, прямо в стоячую грязную

воду. Я вышла на берег реки. Купол Святого Павла рядом, это верно, да только его от меня отделяет река — Темза.

Я стою и смотрю на нее, не то в ужасе, не то в восхищении. Помню, как гуляла раньше по берегу Темзы. В «Терновнике». Помню, как перекатывались ее струи, нетерпеливо бились о берег, тогда мне казалось, что река — так же, как и я, — только и ждет, чтобы вырваться из тесного русла на свободу и понестись... Я даже представить не могла, что она превратится в такое. Тягучее, как отрава. На поверхности болтается какая-то дребедень: клочья сена, деревяшки, водоросли, бумажки, тряпки, куски пробки и пустые бутылки. И не течет, как река, а как море — вздымает волны. А там, где гладь ее перережет вдруг корпус лодки или встанет стеной крутой берег — у каменных лестниц и стен и у деревянных пирсов, что торчат из воды, — она пенится, как скисшее молоко.

Смешение воды и сора; но и тут находятся люди — проворные, как крысы, они налегают на весла, напрягают паруса. То тут, то там по колено в воде, среди колышущегося мусора, бредут вдоль берега босоногие, согбенные женщины, девчонки и мальчишки, как селяне, подбирающие колоски.

Они не смотрят наверх и потому не замечают

меня, хотя я минуты две стою и наблюдаю за ними. Однако вдоль всего этого берега тянутся склады, там трудятся мужчины, и как только я их заметила, они тоже увидели меня — вернее, мое платье: сначала просто смотрят, потом начинают махать мне и кричать. Я словно вдруг очнулась от спячки. Поворачиваюсь — и сбегаю по желтому кирпичному спуску назад, на улицу. Иду по ней. Я заметила мост, по которому можно добраться до собора Святого Павла, но мне все кажется, что я слишком уж низко спустилась, и не знаю, какая дорога ведет вверх, к берегу: улицы, по которым я теперь иду, узкие, немощеные, в лужицах стоялой воды. И тут тоже мужчины — такие же, как в лодках и возле складов, так же точно они пытаются привлечь мое внимание, свистят, иногда окликают, но и не трогают. Я прикрываю лицо рукой, стараюсь идти быстрей. Наконец замечаю мальчика, одетого как прислуга. «В какой стороне мост на другой берег?» — спрашиваю его. Он показывает рукой на лестницу и смотрит, как я по ней взбираюсь.

Все на меня глядят — мужчины, женщины, дети, — даже здесь, где опять людно и дорога запружена экипажами, даже здесь они смотрят. Я уж подумываю о том, чтобы оторвать кусок

подола и прикрыть им голову. Или милостыню попросить. Если бы только знать, сколько надо просить — сколько тут стоит шляпка и где ее можно купить, — я бы так и сделала. Но я ничего не знаю, ничего и потому продолжаю шагать вперед. Подошвы моих домашних туфель, похоже, вот-вот оторвутся. «Не думай об этом, Мод. Если ты начнешь об этом думать, ты заплачешь». Потом дорога впереди забирает вверх, и я снова вижу маслянистый блеск воды.

Вот и мост наконец! Я прибавляю шаг. Но от быстрой ходьбы туфли скорее рвутся, и вскоре я вынуждена остановиться. Здесь, в стенном проеме у самого начала моста, есть низкая скамейка, к ней привязан пробковый пояс — его надо бросить, как предупреждает табличка, тем, кто внизу на реке нуждается в помощи.

Я присаживаюсь. Мост выше, чем мне представлялось. Я никогда не забиралась так высоко! От этой мысли у меня кружится голова. Я ощупываю порванную туфлю. Имеет ли право женщина, находясь в людном месте, на мосту, щупать свою ногу? Ответа я не знаю. Экипажи несутся мимо меня сплошной массой, быстро и непрерывно, как ревущий поток. Что, если сейчас появится Ричард? Я снова прикрываю лицо рукой. Еще ми-

нуточку — и надо идти. А как солнце печет! Еще минуточку посижу, отдышусь. Закрываю глаза. Пусть смотрят теперь — я все равно их не вижу.

Потом кто-то подходит и встает передо мной:

— Похоже, вам нездоровится.

Открываю глаза. Мужчина, довольно пожилой. Мне он не знаком. Я отнимаю руку от лица.

— Не бойтесь, — говорит он. Может, я и впрямь кажусь испуганной. — Я не хотел вас испугать.

Он касается шляпы, изображает что-то вроде поклона. Похож на друзей моего дяди. Говорит он как джентльмен, и воротничок у него белый. Он улыбается, потом присматривается ко мне внимательней. У него доброе лицо.

— Вам правда нехорошо?

— А вы мне поможете? — спрашиваю я.

Когда он слышит мой голос, выражение лица у него меняется.

— Конечно, — говорит он. — Что с вами? Болит что-нибудь?

— Не болит, — отвечаю я. — Но меня ужасно измучили... Я... — Я бросаю взгляд на экипажи и телеги, проезжающие по мосту. — Я боюсь кое-кого. Они... Так вы мне поможете? О, если бы только вы согласились мне помочь!

— Я уже сказал, что помогу. Но все это так стран-

но! И вы, леди... Поедемте со мной?! Вы должны мне все рассказать, я все хочу знать. Ничего не говорите пока, не надо. Вы можете встать? Боюсь, вы повредили ногу. Боже, боже! Сейчас я найду извозчика.

Он подает мне руку, я опираюсь на нее и встаю. Я испытываю облегчение — и от этого слабость.

— Слава богу! — говорю я. — Слава богу! Но послушайте, — тут я вцепляюсь в его рукав, — у меня ничего нет, мне нечем расплатиться...

— Вы о деньгах? — Он накрывает мою ладонь своей. — Я бы все равно их у вас не взял. Даже не думайте!

— ...Но у меня есть знакомый, который, надеюсь, мне поможет. Отвезете меня к нему?

— Конечно, конечно. Как же иначе? Идемте, смотрите, вот то, что нам нужно.

Он делает шаг к дороге, поднимает руку — извозчик выныривает из потока экипажей и останавливается прямо перед нами. Джентльмен хватается за дверь, открывает ее. Экипаж крытый, внутри темно.

— Осторожней, — говорит он. — Вам помочь? Осторожно, ступенька довольно высоко.

— Слава богу! — снова говорю я, поднимая ногу и ставя ее на подножку. Он тем временем подхо-

дит и становится позади.

— Ну и славно, — говорит он. А потом: — Как изящно вы это делаете!

Я так и застыла, одной ногой на ступеньке. Он кладет руку мне на талию.

— Ну же, — говорит он и пытается подтолкнуть меня, чтобы я села в карету.

Я отскакиваю назад.

— В конце концов, — говорю я, — наверное, я могу и сама дойти. Вы только подскажите мне, как добраться.

— Жарко сейчас для прогулок. Вы устали. Садитесь лучше.

А у него твердая рука. Он словно вцепился в меня. Я уворачиваюсь, он не отпускает; минута недолгой борьбы...

— Ну что такое! — говорит он с улыбкой.

— Я передумала.

— Поедемте.

— Пустите меня.

— Что вы так расшумелись? Послушайте меня лучше. Я знаю один дом...

— Дом? Разве я не сказала вам, что мне нужно повидать одного знакомого?

— Ну, думаю, он вам больше обрадуется, если вы сначала умоетесь, перемените чулки и выпье-

те чаю. Или же — почем знать? — если вы все это проделаете, вы и меня оцените по достоинству. Ну как?

Лицо у него по-прежнему доброе, и говорит он все это с прежней улыбкой, но только при этом берет меня за руку, поглаживает и снова пытается посадить в карету. Теперь борьба развернулась не на шутку. Никто не вмешивается, не пытается нас разнять. Наверное, с дороги, из других экипажей, нас не видать. А мужчины и женщины, идущие по мосту мимо, лишь взглянут и тотчас отвернутся.

Но есть же извозчик! Я кричу ему:

— Вы что, не видите? Тут какая-то ошибка. Этот человек пристает ко мне.

Тогда мужчина отпускает меня. Я прошу извозчика:

— Подвезите меня! Вы не подвезете меня — одну? Я потом заплачу вам, честное слово, когда доедем.

Извозчик спокойно выслушивает меня. Услышав, что у меня нет денег, отворачивается и сплевывает.

— Не платите — не едете, — бурчит он.

А мужчина снова подбирается ко мне.

— Поедемте, — говорит он, только на сей раз без

улыбки. — Не надо притворяться. Что вы тут комедию ломаете? Ясно, что вы влипли в историю. Чем вам не понравились чулочки, чай?

Но я все уговариваю извозчика.

— Тогда подскажите мне, — говорю, — куда мне идти? Мне надо на Холиуэлл-стрит. Как мне туда добраться?

Услышав название улицы, он фыркает; презрительно или насмешливо — я не поняла. Но все же указывает кнутом:

— Вон туда идите. — Он указывает куда-то за мост. — А потом на запад, по Флит-стрит.

— Спасибо, — благодарю я его и устремляюсь вперед.

Мужчина нагоняет меня.

— Не трогайте меня! — говорю ему.

— Не ломайтесь.

— Да отстаньте же! — визжу я.

Он останавливается.

— Ну и ступайте! Ломака чертова.

Я иду быстро, насколько хватает сил. Почти бегу. Но потом, некоторое время спустя, извозчик догоняет меня и пытается ехать со мной вровень. Мужчина выглядывает из кареты. У него другое выражение лица.

— Прошу прощения, — говорит он. — Садитесь.

Прошу прощения. Пожалуйста, садитесь. Я отведу вас к вашему знакомому, клянусь. — Он показывает мне монету. — Я дам вам это. Садитесь. Не надо вам на Холиуэлл-стрит, там плохие люди, не то что я. Садитесь скорей, я же знаю, что вы леди. Садитесь, я буду любезен с вами...

Так он уговаривает меня чуть не до середины моста, но к этому времени за экипажем выстраивается длинная очередь, и извозчик кричит, что ему надо двигаться, и мужчина откидывается на сиденье и со стуком закрывает окно. Извозчик прибавляет ходу, карета скрывается из виду. Я перевожу дух. Меня всю трясет. Надо бы остановиться, отдохнуть, но нет, сейчас не время. Вот и мост позади, тут дорога выводит на другую улицу, еще более оживленную, чем на южном берегу, но меня тут никто не узнает, хоть на том спасибо. Правда, толпа тут — это что-то невероятное. Но все равно, все равно надо идти вперед, и я протискиваюсь сквозь толпу. Вперед. На запад, как подсказал извозчик.

Улица опять изменила облик. Вдоль нее выстроились здания с выступающими вперед окнами — должно быть, лавки, соображаю я наконец, потому что в них выставлены всякие товары, к ним прикреплены таблички с цена-

ми. Тут хлеб, там лекарства. А вот перчатки. А там туфли и шляпки. Мне бы немножко денег! Я вспоминаю монетку, которой помахивал передо мной мужчина, высовываясь из окна кареты, — надо бы мне тогда схватить ее и убежать! Но что толку теперь вспоминать. Не важно. Иди, не останавливайся. Вот церковь, она разделяет улицу надвое — так устой моста разделяет русло реки на два рукава. Куда дальше — по правому или по левому? Мимо проходит женщина, голова у нее, как и у меня, непокрыта — хватаю ее за рукав и спрашиваю дорогу. Она тычет пальцем и, как все остальные, к кому я обращалась, долго потом стоит и смотрит мне вслед.

Но вот наконец и Холиуэлл-стрит! Но теперь я почему-то сбавляю шаг, меня охватывает сомнение. Разве такой я себе ее представляла? Скорее всего, другой — не такой узкой, не такой кривой и темной. Лондонский день еще в самом разгаре, солнце еще высоко, однако, свернув на Холиуэлл-стрит, я словно шагнула в полумрак. Но, в конце концов, это мне только на руку: не буду выделяться из толпы. Иду дальше. Улица становится все уже. Теперь под ногами лишь пыль, грязь и рытвины. По обеим сторонам от меня — освещенные лавки: перед одной выве-

шено рядами какое-то рванье, перед соседними навалены кучей сломанные стулья, рамы без картин или витражные стекла, однако чаще всего попадаются книжные лавки. Когда я вижу одну такую, я опять замираю в нерешительности. Я не держала в руках ни одной книги с тех самых пор, как бежала из «Терновника», и вот теперь, вновь увидев их, да еще в таком количестве (они то разложены ровными рядами, титулом вверх, как буханки на подносе, то навалены грудой, рваные, в пятнах, с выцветшими корешками, — с надписью: «2 пенса», «3 пенса», «Этот ящик — 1 шиллинг»), я почему-то разволновалась. Я останавливаюсь и смотрю, как мужчина роется в ящике с книгами без переплетов и достает одну. «Любовная ловушка». Я знаю ее, я столько раз читала ее своему дяде, что выучила чуть не наизусть!

Тут мужчина поднимает голову и замечает, что я за ним наблюдаю, тогда я иду дальше. Дальше — опять магазины, опять книги, опять мужчины и наконец витрина — чуть поярче других. В ней выставлены гравюры — они подвешены на крючках. На стекле — имя мистера Хотри, выведенное осыпающимися золочеными буквами. Я вижу его, и меня пробирает такая дрожь, что я едва

не падаю.

Внутри магазин маленький и тесный. Это для меня неожиданность. По стенам сплошь книги и гравюры, правда, есть еще книжные шкафы. Трое или четверо мужчин стоят возле них, быстро и деловито листают кто альбом, кто книжку; на звук открывающейся двери никто не обернулся, но, как только я шагнула и послышался шорох юбки, все как один повернули ко мне головы да так и застыли. Но я уже привыкла к тому, что на меня все оглядываются. В глубине магазинчика — конторка, за ней восседает юнец в жилете и в нарукавниках. Он тоже изумленно смотрит на меня, как и все, — потом, когда я подхожу ближе, встает.

— Чего бы вы хотели? — спрашивает.

Я не сразу отвечаю. В горле у меня вдруг пересохло.

— Мне хотелось бы видеть мистера Хотри. Мне надо поговорить с мистером Хотри.

При звуке моего голоса он моргает. Покупатели не сводят с меня глаз.

— Мистер Хотри, — отвечает юнец, но уже другим тоном, — мистер Хотри не работает в магазине. Вам не следовало заходить в магазин. Вы договаривались о встрече?

— Мистер Хотри — мой знакомый, — говорю я. — Со мной не обязательно договариваться о встрече.

Он обводит взглядом покупателей. Потом спрашивает:

— А какое у вас к нему дело?

— Личное, — отвечаю я. — Вы проводите меня к нему? Или приведете его сюда?

Должно быть, что-то было такое в моем взгляде — или в голосе. Он встает из-за конторки.

— Я вообще-то не уверен, что он здесь. Право же, вам не следовало приходить в магазин. Магазин для того, чтобы продавать книги и гравюры — понимаете какого содержания? Комнаты мистера Хотри наверху.

За его спиной — дверь.

— Я могу подняться к нему? — спрашиваю.

Он качает головой:

— Вы можете послать ему визитную карточку или что-нибудь в этом роде...

— У меня нет карточки. Но если вы дадите мне листок бумаги, я напишу ему свое имя. Он придет, как только прочтет. Вы дадите мне листок?

Он не двигается. Снова говорит:

— Кажется, его все-таки нет наверху.

— Ну, раз так, я подожду.

— Нет, здесь вам нельзя оставаться!

— Тогда, я полагаю, у вас есть какой-нибудь кабинет, комната, где я могла бы его подождать?

Он смотрит на покупателей; берет карандаш и снова кладет на место.

— Так вы позволите? — настаиваю я.

Он, с мученическим выражением на лице, все же достает откуда-то листок бумаги и ручку и подает мне.

— Но если окажется, что его нет на месте, — говорит он поспешно, — то не советовал бы ждать его здесь. — Я киваю. — Напишите свое имя.

Я сажусь писать. Потом вспоминаю, что Ричард мне как-то рассказывал, что говорили обо мне лондонские книгопродавцы. И я боюсь написать: «Мод Лилли». Боюсь, юноша за конторкой увидит. Наконец, вспомнив кое-что еще, пишу: «Галатея».

Складываю записку и протягиваю ему. Он открывает дверь, свистит кому-то в коридоре. Прислушивается, снова свистит. Раздается звук шагов. Нагнувшись, он бормочет что-то, указывая на меня рукой. Я жду.

И в это время один из покупателей закрывает альбом и встречается со мной взглядом.

— Не обращайте на него внимания, — тихо

говорит он, имея в виду юнца. — Он принял вас за женщину легкого поведения, только и всего. Хотя по всему видно, что вы дама... — Он оглядывает меня с головы до ног, потом кивает на книжные полки. — Вам это нравится? — спрашивает он уже совсем другим тоном. — Конечно же нравится. Я почти уверен.

Я ничего не отвечаю ему. Юнец тем временем отошел от двери.

— Сейчас выясним, здесь он или нет.

Над головой его пришпилены к стене картины, обернутые папиросной бумагой: девица на качелях, показывает голые ноги; девица в челноке, среди бурных волн; девчонка, падающая с дерева, — под ней обломился сук... Я зажмуриваюсь. Юнец обращается к кому-то из мужчин в лавке: «Желаете купить эту книгу, сэр?..»

Однако в этот миг послышались шаги, и дверь распахнулась.

Это вошел мистер Хотри.

Сейчас он почему-то показался мне маленьким и щуплым. Брюки на нем мятые, сюртук нечищеный. Он стоит в дверях, смотрит встревоженно и не заходит в зал, встречается со мной взглядом, но не улыбается — оглядывает меня, словно желая убедиться, что я без провожатых, потом подзы-

вает меня. Юнец, посторонившись, пропускает меня к двери.

— Мистер Хотри, — говорю я.

Но он качает головой. Только когда дверь за мной закрылась, начинает говорить. И вот что он говорит — пронзительным, свистящим шепотом:

— Боже мой! Это вы? Неужели вы действительно пришли сюда, ко мне?

Я ничего не отвечаю, только стою и смотрю на него в упор. Он в растерянности хватается за голову. Потом берет меня за руку.

— Сюда. — Он подводит меня к лестнице. Ступеньки заставлены коробками. — Осторожней, осторожней, — приговаривает, поднимаясь вместе со мной. И наконец, добравшись до верха: — Вот мы и пришли.

Наверху три комнаты, оборудованные для печатания книг и для переплетных работ. В одной из них трудятся двое: склонившись над наборными кассами, набирают литеры, в другой комнате, скорее всего, кабинет самого мистера Хотри. Третья же комнатка совсем маленькая, в ней сильно пахнет клеем. Туда-то он меня и ведет. Столы здесь завалены кипами бумаг — нескрепленные листы с бахромчатыми краями: это будущие

книги. Пол дощатый, пыльный. В одной стене — в той, что примыкает к комнате наборщиков, — оконце из матового стекла. Отсюда видно, как, склонившись над досками, трудятся работники мастерской.

В комнате лишь один стул, но он не приглашает меня сесть. Закрывает за собой дверь. Вынимает из кармана платок, утирает лоб. Лицо у него изжелта-бледное.

— Боже правый! — говорит он снова. А потом: — Простите меня. Простите. Это просто от неожиданности.

— Простите. — Голос мой дрожит. — Я, кажется, сейчас заплачу. Но пришла сюда не затем, чтобы плакать.

— Можете поплакать, что ж! — говорит он, поглядывая через мутное окошко.

Но я не плачу, нет. Молча борюсь со слезами. Он видит это, качает головой.

— Моя дорогая, — произносит он наконец. — Что вы наделали?

— Не спрашивайте.

— Вы сбежали.

— От дяди — да.

— Думаю, от мужа.

— От мужа? — удивляюсь я. — Значит, вы зна-

ете?

Он пожимает плечами, краснеет, отводит глаза.

Я говорю:

— Вы плохо обо мне думаете. Вы не представляете, через что я прошла! Не беспокойтесь, — потому что он снова глянул в окошко, — не беспокойтесь, я не буду устраивать истерик. Можете думать обо мне как угодно, мне все равно. Но вы должны мне помочь. Поможете?

— Моя дорогая...

— Поможете. Должны помочь. У меня ничего нет. Мне нужны деньги, нужен дом, где я могла бы остановиться. Вы ведь всегда говорили, что с радостью примете меня...

Я непроизвольно повышаю голос.

— Спокойнее, — говорит он и делает жест, словно хочет меня успокоить, но не отходит от двери. — Спокойнее. Вы представляете, как дико все это выглядит со стороны? Представляете? Что подумают мои работники? Приходит девушка, срочно требует меня, подписывается загадочным именем... — Он невесело усмехается. — Что сказали бы на это мои дочери, моя жена?

— Я прошу прощения.

И снова он утирает лицо платком. Вздыхает.

— А теперь я хотел бы услышать от вас, зачем вы пришли сюда, ко мне. Не думаете же вы, что я буду защищать вас перед дядей. Я, конечно же, никогда не одобрял его манеры обращения с вами, но он не должен знать, что вы у меня были. И не надейтесь — а вы ведь надеялись, как я понимаю, — что я буду уговаривать его простить вас. Знаете ли, он отказался от вас. Кроме того, он болен — серьезно болен, — и все из-за вашей выходки. Вы об этом знали?

Я качаю головой:

— Он мне не дядя теперь, чужой.

— Но поймите, мне-то он не чужой. Если он узнает, что вы заходили...

— Он не узнает.

— Хорошо. — Вздыхает. Потом лицо его вновь принимает озабоченное выражение. — Но прийти ко мне! Сюда! — Оглядывает меня, видит платье — кричащее, и перчатки — грязные, и волосы — наверняка растрепанные, и лицо — наверняка чумазое, неухоженное, бледное. — Я вас едва узнал, — говорит он, все еще хмурясь, — вы так изменились. Где ваш плащ, где шляпка?

— У меня не было времени...

— И вы вот так пришли? — ужасается он, косится на подол моего платья, потом видит, во что

я обута, и морщится. — Посмотрите-ка на свои туфли! Да у вас ноги в крови! Вы что, так и шли, без ботинок?

— Пришлось. У меня же ничего нет!

— Даже обуви?

— И обуви. Кроме этой.

— Риверс не дает вам ботинок?

Он мне не верит!

— Если бы вы только знали... — говорю я.

Но он не слушает. Озирается по сторонам, словно в первый раз видит столы, груды бумаги. Вынимает несколько чистых листов, торопливо укрывает свежие оттиски.

— Вам не следовало сюда приходить, — повторяет.— Посмотрите-ка на это! Посмотрите!

Я бросаю взгляд на печатную строчку: «...Вы получите все сполна, предупреждаю вас, и я вас буду хлестать, хлестать...»

— От кого вы это прячете, — усмехаюсь я, — от меня? В «Терновнике» я видала и не такое. Вы, наверное, забыли?

— Здесь не «Терновник». Вы не понимаете. Как вы могли? Там вы были среди джентльменов. Это Риверс во всем виноват. Ему следовало — раз уж забрал — приглядывать за вами получше. Он же видел, какая вы.

— Вы не знаете... Вы не знаете, для чего я ему была нужна!

— И знать не желаю! Это не мое дело! Не говорите больше ничего. О нет, взгляните только на себя! Что о вас люди могут подумать? Здесь же город! Удивительно, как вас никто не остановил по дороге?

Я опустила глаза на подол, на туфельки.

— Был один человек на мосту. Я думала, он хочет мне помочь. Но он хотел только... — Голос мой начинает дрожать.

— Вот видите! Видите? А если бы вас препроводил ко мне полицейский? Что стало бы со мной, если бы сюда вломились полицейские? А ведь могли! Боже мой, что у вас с ногами! Они же в крови.

Он усаживает меня на стул, потом оглядывается.

— Здесь у нас есть умывальник, — говорит он, — в соседней комнате. Посидите пока там, ладно?

И уходит в помещение, где работают наборщики. Я вижу, как при его появлении они поднимают головы, слышу, как он им что-то говорит. Что — не разобрать. Но это и не важно. Только теперь, присев, я понимаю, как я устала, и в ступнях, которые при ходьбе, казалось, онемели, теперь

саднящая боль. В комнате нет наружного окна, нет и камина, витает густой запах клея. Я двигаю стул поближе к столу и, склонившись над ним, принимаюсь разглядывать лежащие на нем листы — несфальцованные, несшитые, необрезанные страницы, кое-как прикрытые от посторонних глаз мистером Хотри. «...я вас буду хлестать, хлестать, хлестать по попе, пока кровь не заструится по ногам...» Оттиск свежий, черная краска еще не высохла, но бумага плохая, буквы расплывчатые. Как называется этот шрифт? Я знала, но — странно — почему-то сейчас не удается вспомнить.

«...вот вам, вот, вот, вам же нравится, когда вас бьют розгами?»

Мистер Хотри возвращается. Он принес полотенце и тазик с водой и еще — стакан с питьевой водой.

— Это вам, — говорит он, ставя передо мной тазик. Макает в него полотенце, протягивает мне и отводит глаза. — Сами справитесь? Это чтобы стереть кровь...

Вода холодная. Вытерев ноги, я снова смачиваю полотенце и замираю на миг, прижавшись лицом к прохладной ткани. Мистер Хотри, обернувшись, застает меня в этой позе.

— Может, у вас жар? — спрашивает. — Вы не больны?

— Мне просто душно, — отвечаю.

Он кивает, забирает у меня тазик. Потом протягивает стакан воды, я делаю глоток.

— Вот и хорошо, — говорит он.

Я снова смотрю на листы с типографскими оттисками, но названия шрифта по-прежнему не могу припомнить. Мистер Хотри смотрит на часы. Хмурится.

— Вы так добры ко мне, — произношу я, — и очень мне помогли. Я думаю, другой бы на вашем месте осудил бы меня.

— Нет, нет. Разве я не говорил? Я считаю, это Риверс во всем виноват. Но не важно. Теперь расскажите мне все. Будьте со мной откровенны. Сколько у вас сейчас денег?

— Нисколько.

— Вообще нет денег?

— У меня есть только это платье. Но его можно продать, я полагаю? Я бы с удовольствием надела другое, поскромнее.

— Продать платье? — Он еще сильнее насупил брови. — Не говорите глупостей. Когда вы вернетесь...

— Вернусь? В «Терновник»?

— Почему в «Терновник»? Я хотел сказать — к вашему супругу.

— К нему? — Моему изумлению нет предела. — Я не могу к нему вернуться! Два месяца я только и думала, как бы от него сбежать!

Он качает головой.

— Миссис Риверс... — говорит он.

Меня передергивает.

— Не называйте меня так, умоляю.

— Однако это странно! Как же мне вас еще называть?

— Зовите меня Мод. Вы вот спросили, что у меня есть — своего, не чужого. У меня есть это имя — и все, а больше ничего.

Он неопределенно машет рукой:

— Не говорите глупостей. Послушайте меня. Я вам сочувствую. Вы поссорились, не так ли?..

Я лишь рассмеялась в ответ — он вздрогнул от неожиданности, а печатники в соседней комнате подняли головы. Он посмотрел на них и снова обратился ко мне.

— Будете вести себя разумно? — говорит он тоном, не предвещающим ничего хорошего.

Но разве это возможно?..

— Поссорились!.. — говорю я. — Вы думаете, это ссора? Думаете, я бежала сюда, раздирая в кровь

ноги, через весь Лондон, из-за какой-то ссоры? Вы ничего не знаете. Вы даже не догадываетесь, из какого кошмара я выбралась, из какого ада!.. Но я не могу рассказать вам. Тут такое...

— Что такое?

— Тайна. Хитрый план. Не могу рассказать. Не могу... О!

Взгляд мой снова падает на печатную страницу, «...вам же нравится, когда вас бьют розгами?»

— Что это за шрифт? — интересуюсь я. — Вы не напомните?

Он отвечает не сразу.

— Шрифт? — переспрашивает он.

— Да, этот вот набор.

Помолчав немного, тихо говорит:

— Кларендон.

Кларендон. Кларендон. Ну да, как же я забыла! Я все смотрю на оттиск — и даже, наверное, трогаю пальцем страницу, — наконец мистер Хотри подходит и кладет поверх нее чистый лист бумаги, точно так же он закрывал другие оттиски.

— Не надо это читать. И смотреть не надо! Да что с вами такое? Вы, должно быть, больны?

— Нет, не больна, — отвечаю. — Я просто устала. — Закрываю глаза. — Можно, я останусь здесь, посплю?..

— Хотите остаться здесь? Здесь, в лавке? Вы что, с ума сошли?!

Услышав это слово, я открываю глаза и смотрю на него — пристально, в упор. Он краснеет, поспешно отводит взгляд. Я повторяю, на сей раз уверенней:

— Я просто устала.

Но он не отвечает. Покусывает большой палец. А сам искоса, внимательно, напряженно смотрит на меня.

— Мистер Хотри... — говорю я.

— Я хочу, — неожиданно говорит он, — я просто хочу, чтобы вы рассказали мне, что намерены делать дальше. Как мне вывести вас из лавки? Я должен нанять извозчика, подогнать карету к заднему крыльцу...

— Вы это сделаете?

— Вам есть куда пойти — где вы можете поспать, поесть?

— Нет!

— Тогда езжайте домой.

— Не могу. У меня нет дома! Мне нужно только немного денег, немного времени. Я должна найти кое-кого, спасти...

— Спасти?

— Найти. Найти. И как только я ее найду, тогда

мне снова может понадобиться помощь. Но это уже проще. Меня обманули, мистер Хотри. Подло со мной поступили. Полагаю, если найти адвоката — только честного... Вам известно, что я богата — или должна быть богата... — И снова он косится на меня, но ничего не говорит. Я продолжаю: — Так вот, я богата. Если бы вы могли мне помочь. Если бы я могла остаться у вас...

— У меня? Да понимаете ли вы, о чем говорите?! Где я помещу вас?

— А в вашем доме нельзя?

— В моем доме?

— Я думала...

— В моем доме! Где жена и дочери? Нет, нет. — Он принимается ходить по комнате.

— Но в «Терновнике» вы говорили, и не раз...

— Разве я не сказал вам? Здесь не «Терновник». Мир не похож на «Терновник». Пора бы это понять. Сколько вам лет? Вы же еще совсем дитя. Вам нельзя уходить от мужа, как ушли от дяди. В Лондоне нельзя без денег. Ну на что вы собираетесь жить?

— Не знаю. Я полагала... — «Я полагала, вы дадите мне денег», — думаю я. Оглядываюсь вокруг. Потом меня вдруг осеняет идея. — Нельзя ли, — говорю я, — работать у вас?

Он замирает.

— У меня?

— Можно, я буду работать здесь? Брошюровать книги? Или переписывать их для вас? Я умею. Вы сами увидите, как хорошо я умею это делать! Вы можете платить мне жалованье. Я сниму комнату — мне нужна всего одна комната, одна тихая комнатка! Я буду тихо жить в ней, Ричард и не узнает, вы ведь ему не расскажете... Я буду работать, скоплю денег — совсем немного, чтобы разыскать свою знакомую и найти честного адвоката, и тогда... Что такое?

Он слушал все это спокойно, но взгляд его теперь настораживает.

— Ничего, — говорит он, снова принимаясь ходить.— Я... Ничего. Попейте воды.

Наверное, я раскраснелась: говорила быстро, торопливо. Я пью прохладную воду — она пронзает мне грудь, как обоюдоострый меч. Он подходит к столу, опирается на него, на меня не глядит и думает, думает, думает. Я ставлю стакан — он поворачивается ко мне. Но не глядит на меня.

— Послушайте меня, — говорит он спокойно. — Вам нельзя здесь оставаться, вы и сами это знаете. Я должен послать за извозчиком, вас отвезут. И еще... еще надо позвать одну женщину. Я

заплачу ей, и она вас проводит.

— Куда проводит?

— В какой-нибудь... в какую-нибудь гостиницу. — Повернувшись ко мне спиной, он берет перо — заглядывает в книгу, пишет адрес на клочке бумаги. — В какой-нибудь дом, — говорит он, продолжая писать,— где вы сможете отдохнуть и поужинать.

— Отдохнуть? — говорю я. Мне сейчас не до отдыха, но комната, комната! — А вы поедете со мной? — Он не отвечает. — Мистер Хотри?

— Сегодня — нет, — говорит он, а сам все пишет. — Сегодня никак не могу.

— Тогда завтра.

Он помахивает листком, чтобы просохли чернила, потом складывает письмо.

— Завтра, — говорит, — если получится.

— Вы должны!

— Да, да.

— А работа — я же хотела работать у вас! Вы подумаете об этом? Обещайте, что подумаете!

— Тише. Да, я подумаю. Да.

— Ну слава богу!

Я закрываю глаза ладонью.

— Оставайтесь здесь, — говорит он, — ладно? Никуда не уходите.

Я слышу, как он идет в соседнюю комнату, потом, выглянув в оконце, вижу, как что-то тихо он говорит одному из наборщиков — вижу, как тот надевает куртку и выходит. Мистер Хотри возвращается. Кивком указывает на мои ноги.

— Наденьте-ка туфельки, — говорит он и отворачивается. — Мы должны быть готовы к отъезду.

— Вы так добры, мистер Хотри, — говорю я, наклоняясь и натягивая порванные шелковые туфли. — Видит бог, никто не был так добр ко мне, с тех пор как... — Договорить мне не удается, перехватило горло.

— Ну-ну, — отвечает он рассеянно. — Не думайте об этом, не надо сейчас...

Потом я сижу молча. Он ждет, вынимает карманные часы, то и дело выходит на лестницу — стоит там, прислушивается. Наконец возвращается бодрым шагом.

— Они здесь, — говорит. — Ну как, готовы? Сюда, пожалуйста.

Он ведет меня вниз по лестнице, проводит через ряд помещений, доверху заставленных ящиками и коробками, потом через что-то вроде кладовой — к двери. За дверью пыльный крытый дворик, ступеньки ведут в переулок. Там уже

поджидает карета, рядом с ней стоит женщина. Увидев нас, она кивает.

— Вы знаете, что делать? — говорит ей мистер Хотри.

Та снова кивает.

Он передает ей деньги, обернутые листком бумаги — я узнаю в нем письмо, которое он писал при мне.

— Вот эта дама. Ее зовут миссис Риверс. Позаботьтесь о ней. У вас есть какая-нибудь шаль?

У нее есть вязаная шерстяная накидка, она укутывает меня в нее с головой — раз нет шляпки. Щекам сразу становится жарко. На дворе тепло, хотя уже почти вечер. Солнце зашло. Уже три часа прошло с тех пор, как я сбежала с Лэнт-стрит.

Уже стоя у дверцы кареты, я оборачиваюсь. Протягиваю мистеру Хотри руку.

— Так вы приедете завтра?

— Конечно.

— И вы никому не расскажете? И будете помнить, что я в опасности?

Он кивает.

— Езжайте, — говорит он тихо. — Эта женщина позаботится о вас лучше, чем я.

— Спасибо вам, мистер Хотри!

Он подсаживает меня в карету — и, помедлив,

подносит мои пальцы к губам. Потом садится женщина. Он закрывает за ней дверцу и отходит в сторону. Карета трогается: приникнув к окну, я вижу, как он достает платок, вытирает лицо и шею, потом мы поворачиваем, выезжаем из проулка, и его фигура скрывается из виду. Мы покидаем Холиуэлл-стрит — едем на север, по крайней мере мне так кажется, потому что я знаю — почти уверена, — что по мосту через реку мы ни разу не проехали.

Однако едем мы как-то неровно. Дорога запружена транспортом. Сначала я сижу, не отрываясь от окна смотрю на прохожих, на витрины лавок. Потом в голову мне ударяет мысль: а что, если я увижу Ричарда? — и я откидываюсь на спинку кожаного сиденья, так тоже видно улицу, но хуже.

И только через некоторое время обращаю внимание на свою провожатую. Она сидит, сложив руки на коленях: перчаток нет и руки у нее грубые. Она замечает, что я ее разглядываю.

— Все в порядке, дорогуша? — спрашивает, но не улыбается. Голос у нее грубый, под стать рукам.

Может быть, тогда-то я и забеспокоилась? Точно сказать не могу. Я думаю: в конце концов, у мистера Хотри не было времени подыскать

женщину поприятнее. Не все ли равно, вежливая она или нет, лишь бы честная! Присматриваюсь к ней повнимательнее. Юбка черная. Ботинки цветом и выделкой напоминают кусок ростбифа. Она сидит спокойно, помалкивает, покачиваясь в такт движению экипажа.

— Ехать далеко? — спрашиваю я наконец.

— Не очень, дорогуша.

Она произносит это все тем же грубым голосом, лицо ее словно застывшая маска.

— Не называйте меня так, — капризно говорю я. — Мне неприятно.

Она пожимает плечами, словно ей все равно. И тут мне становится не по себе. Я снова припадаю к окну глотнуть свежего воздуха. Но напрасно: свежестью там и не пахнет. Интересно, далеко ли отсюда до Холиуэлл-стрит?

— Мне тут не нравится, — говорю я, оборачиваясь к женщине. — Нельзя ли дойти пешком?

— Пешком, в таких тапках? — Она фыркает. Выглядывает в окошко. — Вот Кэмден-Таун, — говорит она. — Еще ехать и ехать. Так что сидите спокойно и будьте умницей.

— Почему вы так со мной говорите? — возмущаюсь я. — Я не ребенок!

И снова она пожимает плечами. Мы едем даль-

ше, но теперь уже без остановок. Так проходит, наверное, полчаса, дорога все время идет в гору. Уже стемнело. Я начинаю волноваться. Уличные огни и витрины лавок остались позади, теперь по сторонам дороги одни глухие стены домов. Мы сворачиваем за угол — на этой улице дома еще более неказистые. Подъезжаем к большому серому дому. У крыльца фонарь. Девушка в рваном переднике тянется со свечой, пытается его зажечь. Поперек стекла трещина. Улица пустынна и безмолвна.

— Что это? — спрашиваю я у женщины, когда карета останавливается и ясно, что дальше не поедет.

— Это ваш дом,— отвечает она.

— Гостиница?

— Гостиница? — улыбнувшись, переспрашивает она. — Ну, можно и так назвать. — Тянется к дверной щеколде.

Я хватаю ее за руку.

— Погодите, — говорю. Теперь я по-настоящему испугалась. — Что вы задумали? Куда мистер Хотри велел вам ехать?

— Как куда — сюда!

— А здесь — что?

— Дом, что же еще? Какая вам разница какой?

Тут вам и ужин будет... Да отпустите же меня наконец!

— Не отпущу, пока вы не скажете, где я.

Она пытается вырвать руку, но я не отпускаю. Наконец отвечает сквозь зубы:

— Это дом для благородных дам, таких, как вы.

— Как я?

— Как вы. Для бедных, для вдовых — да, небось, и для нехороших. Ну же!

Я отбрасываю ее руку.

— Я вам не верю. Мне надо было в гостиницу. Мистер Хотри заплатил вам...

— Заплатил, чтобы я довезла вас сюда и здесь оставила. Именно так. Но ежели вам не нравится... — Она лезет в карман. — Вот, сам написал.

Она извлекает из кармана листок бумаги. В него мистер Хотри завернул монетку. С надписью...

«Приют, — так там написано, — для неимущих благородных дам».

Я смотрю на эти слова и не верю своим глазам: как будто от того, что я буду смотреть на них, слова изменятся, изменится их значение или буквы сложатся во что-то иное. Потом перевожу взгляд на женщину.

— Это ошибка, — говорю я. — Он не это имел в виду. Он ошибся — или вы... Отвезите меня

назад...

— Мне велено было привезти вас сюда и оставить, именно так, — упрямо повторяет она. — «Бедная девушка, повредилась в уме, надо доставить в богоугодное заведение». Ну вот вам и богоугодное заведение, разве не так?

И кивает на дом. Я не отвечаю. Припоминаю, как вел себя мистер Хотри — его слова, этот странный тон... «Надо вернуться! Надо вернуться на Холиуэлл-стрит!» И только я так подумала, как сразу же с содроганием представила, что я там увижу: лавку, мужчин, юнца за конторкой, а мистера Хотри нет, он вернулся к себе домой — в дом, который может быть где угодно, город большой... И к тому же на улице темно. Что я буду делать? Как я проведу эту ночь в Лондоне, совсем одна?

— Что же мне делать? — говорю.

— Как что — вылезать. — Женщина снова кивает на дом.

Девушка со свечой ушла с крыльца, фонарь едва светит. Окна закрыты ставнями, стекла за ними черным-черны, как будто по дому разлита темнота. Парадная дверь высокая, двустворчатая, как в «Терновнике». Я с ужасом смотрю на нее.

— Не могу! — говорю. — Не могу!

— Уж лучше здесь, чем на дороге, — ворчит женщина. — Вот и выбирайте. Мне заплатили, чтобы я вас довезла и оставила — только и всего. Вылезайте теперь, мне домой пора.

— Не могу я, — повторяю я снова. Хватаю ее за рукав. — Вы должны отвезти меня куда-нибудь еще.

— Разве? — Она смеется, но не отталкивает меня, уже хорошо. Потом взгляд ее смягчается. — Ну ладно, отвезу, но за отдельную плату.

— За плату? Но мне нечем платить!

Она опять смеется.

— Нет денег? — говорит. — А откуда такое платье?

И смотрит на мою пышную юбку.

— Боже мой, — говорю я, в отчаянии хватаясь за платье. — Да если бы можно было, я бы с радостью вам его отдала!

— Правда?

— Возьмите шаль!

— Шаль — моя! — Она фыркает. Но все поглядывает на мою юбку. — А что у вас, — говорит уже тише, — под низом?

Меня передергивает. Потом я медленно, нехотя, приподнимаю подол, показываю нижние юбки — их две, одна белая, другая пунцовая. Увидев их,

она кивает.

— Сойдет. Шелковые, небось? Подойдут.

— Как обе? — спрашиваю. — Вы заберете обе? Извозчику ведь тоже надо заплатить, — отвечает она. — Одна пойдет в уплату мне, другая — ему.

Я сперва не решаюсь, но что делать? Задрав юбку повыше, нащупываю тесемки на талии, развязываю их, потом, стараясь, насколько возможно, соблюдать приличия, стягиваю с себя нижние юбки. Она даже не отвернулась. Забирает их у меня и быстро прячет за пазухой.

— А джентльмен не знает ничего!.. — говорит она, усмехаясь, как будто мы с ней теперь два заговорщика. Потирает руки. — Ну, куда ехать, а? Что сказать извозчику?

Она открывает окно, чтобы позвать его. Я сижу, обхватив себя за плечи руками, ткань платья липнет к голым ногам. Наверное, я бы покраснела и заплакала, если бы еще оставались силы чувствовать.

— Так куда же? — спрашивает она снова.

За окном совсем темно. Лишь высоко в небе месяц — красноватый тонкий серпик.

Я сижу понурив голову. После такого ужасного крушения всех моих надежд осталось лишь одно место на свете, куда я могу еще вернуться. Я на-

зываю адрес, она кричит его извозчику, и карета трогается с места. Она поудобней устраивается на сиденье, расправляет плащ. Смотрит на меня.

— Ну как, дорогуша? — Я не отвечаю, она смеется.— Теперь-то не скажет, что не туда едем, — говорит она, словно сама с собой. — Теперь не скажет.

Когда мы подъезжаем к Лэнт-стрит, на улице темно. Я знаю, у какого дома остановиться, потому что помню дом напротив — у него ставни с сердечками, я так часто смотрела на них из окна. На стук дверь идет открывать Джон. Лицо у него белое как мел. Увидев меня, он таращит глаза. «Черт», — говорит он. Я прохожу мимо него. Сразу за дверью, должно быть, мастерская мистера Иббза, а дальше по коридору — кухня. Я иду прямо туда. Весь народ в сборе, только Ричарда нет. Ушел меня искать. Неженка вся зареванная: на скуле у нее синяк, раньше такого не было, губа рассечена и кровоточит. Мистер Иббз расхаживает взад-вперед, в одной рубашке, половицы под его ногами шатаются и потрескивают. Миссис Саксби стоит, уставившись в пустоту, лицо у нее белое как мел, как и у Джона. Она стоит неподвижно. Но, увидев меня, вдруг дергается, как от удара — чуть не пополам сгибается, хватается

за сердце.

— Девочка моя! — говорит она.

Не помню, что они делают потом. Неженка визжит, наверное. Я прохожу мимо них, не глядя. Иду наверх, в комнату миссис Саксби — в мою, в нашу комнату, вероятно, так ее теперь надо называть, — сажусь на кровать, лицом к окну. Сижу, не поднимая головы, руки на коленях. Смотрю на свои пальцы: грязные. Из ранок на ногах опять течет кровь.

Она входит не сразу, дает мне минутку на раздумье. Входит тихо. Закрывает дверь, поворачивает ключ в замке — очень осторожно, будто думает, что я сплю, и не хочет меня будить. Потом подходит ко мне. Не пытается дотронуться. Однако я знаю, что она дрожит.

— Милая моя девочка, — бормочет она. — А мы уж думали, вы совсем пропали. Думали: утонула она или убили ее...

Голос ее дрожит. Она ждет, что я отвечу, но я ничего не говорю.

— Встаньте, милая, — просит она.

Я встаю. Она снимает с меня платье и корсет. Она не спрашивает, куда девались нижние юбки. Не поднимает крик из-за разодранных туфель и стертых ног — только морщится, снимая чулки.

Кладет меня, раздетую, на постель, укрывает одеялом до самого подбородка, потом садится рядом. И принимается за мою прическу — вынимает шпильки, разбирает спутанные пряди. Я не сопротивляюсь, голова моя — как у тряпичной куклы.

— Ну вот и хорошо, — говорит она снова, и я вздрагиваю, потому что голос у нее совсем как у Сью.

Голос как у Сью, зато лицо... Однако в комнате темно, свечу она с собой не принесла. Она садится спиной к окну. Но я чувствую на себе ее взгляд, ее дыхание. Закрываю глаза.

— Мы уж думали, вы потерялись... — снова бормочет она. — А вы вернулись. Милая девочка, я ведь знала, что вы вернетесь!

— У меня никого больше нет, — медленно и устало говорю я. — Никого и ничего. Я думала, что знаю это. Но оказалось, что узнала только теперь. Ничего нет. Ни дома...

— Ваш дом здесь!

— Ни друзей...

— Ваши друзья здесь!

— Меня никто не любит.

Она замирает, потом почти шепчет:

— Дорогая моя, разве вы не знаете? Разве я не

повторяла вам сотни раз...

— Зачем вы так говорите? — кричу я ей сквозь слезы. — Зачем? Разве вам мало, что заперли меня здесь? Вы хотите еще любить меня? Зачем вы меня мучите?!

Я пытаюсь встать, но от слез я совсем обессилела и снова падаю на постель. Она молчит. Смотрит. Ждет, когда успокоюсь. Потом отворачивается, вскидывает голову. Мне кажется, хотя я почти не вижу ее лица, что она улыбается.

— Как тихо в доме, — произносит она, — когда детишек нет. Правда? — Снова обращает ко мне лицо. — Я вам не рассказывала, милая, — вполголоса продолжает она, — что однажды я родила своего ребеночка, который умер? Примерно в то время это было, когда к нам зашла та богатая дама, ну, матушка нашей Сью. Она кивает. — Так я говорила. То же самое всякий вам скажет, если спросите. Детки ведь, случается, умирают. Ничего удивительного...

Что-то есть такое в ее голосе, от чего я начинаю дрожать. Она чувствует это и снова гладит меня по спутанным волосам.

— Ну вот. Тише, тише. Никто теперь вас не обидит...— Она берет прядь моих волос. Опять улыбается.— Странное дело, — говорит она ка-

ким-то другим, новым голосом, — какие у вас волосы. Глаза, я знала, карие будут, кожа белая, талия тонкая, ладошка тоже, я думала, будет узкая. Только вот волосы оказались светлее, чем я представляла...

Слова падают, как капли, и растворяются в ночи. Она отворачивается от меня к окну, и свет из окна — свет фонаря и сияние месяца — высвечивает вдруг ее всю, и я вдруг вижу ее лицо — карие глаза, бледные щеки и губы, все еще пухлые, а когда-то, наверное, были еще полнее... Она облизывает их.

— Девочка моя... Милая моя, дорогая моя девочка...

И, секунду поколебавшись, она рассказывает мне все.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава четырнадцатая

Я кричала, визжала. Я дралась, как зверь. Но чем больше я сопротивлялась, тем крепче меня держали. Я видела, как Джентльмен откинулся на сиденье и карета тронулась с места и начала разворачиваться. Видела лицо Мод, прижатое к мутному окошку. При виде ее глаз я заголосила.

— Вон она! — кричала я и пыталась высвободить руку — показать им, чтобы и они увидели. — Вон она! Ловите ее! Не отпускайте ее, черт вас возьми!

Но карета катила дальше, разметая песок и гравий, лошади припустили, и чем дальше она отъезжала, тем яростнее, кажется, я боролась и рвалась. Но подошел другой доктор, помочь доктору Кристи. И еще тетка в переднике. Они тянули меня к дому. Я упиралась. Карета быстро удалялась, уменьшаясь на глазах. «Они удирают!» — кричала я. Тетка подошла ко мне сзади и обхватила за талию. Хватка у нее была как у мужика. Подхватила меня, словно я не человек, а мешок, набитый перьями, и понесла перед собой к крыльцу.

— Ага! — говорила она, неся меня к дому. — Ля-

гаться надумали... Докторов не слушать...

Голос ее гремел у меня над ухом, лица ее я не видела, она лишь дышала мне в затылок — в тот момент я не сознавала, что делаю. Одна только мысль была: меня тут держат, а Джентльмен с Мод тем временем удирают. И тогда я что было сил дернула головой назад и, видно, попала ей в лицо.

— Ой! — заорала она и чуть ослабила хватку.— Ой, ой!

— Она в состоянии аффекта, — сказал доктор Кристи.

Я решила, что это он о ней говорит. Потом поняла, что он имел в виду меня. Он вынул из кармана свисток, пронзительно свистнул.

— Ради бога, — воскликнула я, — выслушайте меня! Они обманули меня, обманули!

Женщина снова схватила меня — на этот раз за шею — и, когда я попыталась вывернуться, больно ткнула меня пальцем под дых. Наверное, сделала она это тайком, так, чтобы врачи не заметили. Я дернулась, и у меня перехватило дыхание. Она ткнула еще раз.

— Припадок, — сказала она.

— Руки берегите! — скомандовал доктор Грейвз. — Укусить может.

Они тем временем втащили меня в холл, и на свист прибежали еще двое, на ходу натягивая поверх рукавов коричневые бумажные манжеты раструбом. Вряд ли это были врачи. Они подскочили и схватили меня за лодыжки.

— Крепко держите, — сказал доктор Грейвз. — У нее конвульсии. Может брыкнуть.

Я не могла объяснить им, что никакой у меня не припадок, что просто голова закружилась от боли, когда тетка ткнула меня в живот, что никакая я не сумасшедшая и соображаю не хуже других. Но ничего этого я сказать не могла, потому что воздуху не хватало. Вместо слов из горла вырывался лишь хрип. Мужчины тем временем вытянули мне ноги, отчего юбки задрались до колеи. Я стала опасаться, как бы еще выше не оголили, и, наверное, дернулась.

— Крепче держите, — велел доктор Кристи.

Он достал что-то вроде большой плоской ложки, сделанной из кости. Подошел ко мне и, придержав мою голову, сунул мне ложку в рот, меж зубов. Она была гладкой, но он надавил, стало больно. Я подумала: сейчас задохнусь — и стала кусать ее, выталкивать, чтобы не задохнуться. Отвратительный, мерзкий привкус. До сих пор вздрагиваю, как подумаю, во скольких

ртах она перед тем побывала.

Он увидел, что я сжала челюсти.

— Закусила! — сказал. — Отлично. Держите крепче. — И посмотрел на доктора Грейвза. — В «тихую»? Да, надо бы. Сестра Спиллер?

Это тетка, державшая меня за горло. Я увидела, как она кивнула ему, потом — мужикам в нарукавниках, и они повернулись, чтобы нести меня дальше, в дом. Я поняла это и опять принялась брыкаться. Но на сей раз я не думала ни о Джентльмене, ни о Мод. Думала лишь о себе. Мне стало страшно. Живот свело, ложка во рту как кляп. Затащат в комнату — и убьют, подумала я вдруг.

— Бьется, да? — спросил один из мужчин в нарукавниках и поудобнее перехватил меня за щиколотку.

— Тяжелый случай, — сказал доктор Кристи. И глянул на мое лицо. — Хорошо хоть конвульсии проходят. — И сказал уже громче: — Не бойтесь, миссис Риверс! Мы все о вас знаем. Мы хотим вам только хорошего. Мы привели вас сюда, чтобы вы поправились...

Я попыталась заговорить. «Помогите! Помогите!» — хотела я сказать. Но из-за проклятой ложки лишь кулдыкала, как индюк. Рот напол-

нился слюной — и, видно, капля брызнула на щеку доктора Кристи. А он, наверное, решил, что я нарочно плюнула. Так или нет, не знаю, но он быстро отошел от меня подальше и нахмурился. Вынул носовой платок.

— Ну хорошо, — сказал мужчинам и медсестре, вытирая щеку — Ладно. Теперь можно уносить.

И они понесли — по коридору, мимо дверей, в комнату, за ней — лестница, другой коридор, другая комната; я старалась запомнить дорогу, но, поскольку они держали меня лицом вверх, видела только серый потолок да стены. Через минуту я поняла, что нахожусь в самой глубине дома и назад мне дороги не найти. Кричать я не могла. Сестра крепко держала меня за горло, и во рту все еще торчала ложка. Потом меня стали спускать по лестнице, говоря: «Теперь вы, мистер Бейтс» и «Заноси правей, тут узко!» — так, будто я была уже не мешок с перьями, а сундук или пианино. Ни разу никто не взглянул мне в лицо. Наконец один из мужчин принялся насвистывать какой-то мотивчик, отбивая такт пальцами по моей ноге.

Потом мы оказались в другой комнате, потолок тут был чуть посветлее, здесь они остановились.

— Теперь осторожней, — сказали.

Мужчины поставили меня на пол. Женщина отцепилась наконец от моего горла и подтолкнула меня. Мне же достаточно было лишь слабого толчка — так они меня замотали, — я не удержалась на ногах и упала. Упала я на руки. Ложка выпала из раскрытого рта. Один из мужчин быстро нагнулся и поднял ее. Стряхнул с нее слюну.

— Прошу вас, — взмолилась я.

— Теперь можете просить, не запрещается, — сказала женщина. И обернулась к мужчинам: — А как меня головой саданула, на лестнице-то! Вот, полюбуйтесь. Синяк есть?

— Будет, наверное.

— Чертовка! И пнула меня.

— Что, думаете, вам тут позволено синяки наставлять? Так, миледи? Миссис... как вас там? Миссис Уотерс или Риверс? Так, что ли, получается?

— Прошу вас, — проговорила я снова. — Я не миссис Риверс.

— Она не миссис Риверс? Вы слыхали, мистер Бейтс? А я тогда, выходит, не сестра Спиллер. И мистер Хеджес тоже не он. Знамо дело.

Склонившись надо мной, приподнимает меня за талию, потом вдруг отпускает. Нельзя сказать, что она швырнула меня оземь — просто подняла

достаточно высоко и отпустила, но я так ослабела и в голове моей такой туман, что я упала.

— Это вам, чтоб не дрались. Вон у меня аж лицо горит, — сказала она. — Скажите спасибо, что мы не на лестнице и не на крыше. В другой раз только попробуйте стукнуть — увидите, что будет...

Оправив свой холщовый передник, она наклоняется и хватает меня за воротник.

— Теперь снимаем платье. И нечего волком смотреть. Меня не проймешь. Ой, какие маленькие крючочки! У меня тяжелая рука, знаете ли. Вы небось к нежностям привыкли? Должно быть, так, до нас ведь дошло кое-что. — Она усмехнулась. — Ну, тут для вас служанок нет. Есть только мистер Хеджес и мистер Бейтс. — Те стоят у двери и смотрят. — Позвать их на подмогу?

Мне подумалось, она хочет раздеть меня догола, но нет, я ей этого не позволю, скорее умру. Я встаю на колени и пытаюсь вывернуться из ее рук.

— Зовите кого хотите, сука, — сказала я, задыхаясь. — Но платья моего не троньте.

Лицо у нее сделалось землисто-серым.

— Ах, так, значит, я сука? — сказала она в ответ. — Ну это мы еще поглядим.

И бьет меня наотмашь кулаком...

Я выросла в Боро, среди воров и мошенников,

но миссис Саксби была при мне все равно как родная мать, и меня никто ни разу не ударил. От этого удара я едва могла опомниться. Я закрыла руками лицо, скорчилась на полу, но она все равно ухитрилась содрать с меня платье — думаю, ей часто приходилось раздевать психов, руку набила. Потом принялась за корсет и тоже сняла. За ним последовали подвязки, ботинки, чулки, и наконец она вынула из волос шпильки.

Потом поднялась, вся потная и злая.

— Ну вот! — сказала, оглядывая дело рук своих: из одежды на мне остались лишь сорочка и нижняя юбка. — Никаких вам больше ленточек и кружавчиков. Теперь, если вздумаете удавиться, мы тут ни при чем. Слышите меня? Миссис не-Риверс? Посидите ночку на соломке, подумайте. Посмотрим, как вам это понравится. Судороги, говорят? А по-моему, вредность. Там можете брыкаться сколько влезет. Машите руками-ногами, кусайте язык. Все равно утихомиритесь. Чем они тише, тем нам спокойнее.

С этими словами она собрала мою одежду, связала ее в узел, закинула за плечо и ушла. Мужчины тоже ушли, снимая на ходу шуршащие нарукавники. Они видели, что она бьет меня, но не вмешались. Смотрели, как она уносит мои чул-

ки и корсет. Один из них опять принялся что-то насвистывать. Сестра Спиллер прикрыла за собой дверь и заперла ее, и свист стал еле слышен.

Когда же он совсем затих, я встала на ноги. И снова упала. Ноги и руки дрожали, голова болела и кружилась. Чувство было такое, без преувеличения говорю, будто меня выпотрошили. Так, на коленях, я подползла к двери — посмотреть на замочную скважину. Ручки на двери не было. Сама же дверь была обита грязной холстиной, подбитой соломой, и стены тоже были такие же, с соломенной набивкой.

На полу — клеенка. И одно-единственное одеяло, рваное и все в пятнах. Еще там было жестяное ведерко — чтобы справлять нужду. Высоко, под самым потолком, окно, забранное решеткой. За железными прутьями — ветки плюща, отчего свет из окна сочился темно-зеленый, сумрачный, как вода в пруду.

Я стояла и смотрела на все это, как в полусне — едва осознавая, что это я стою холодными ногами на клеенчатом полу, что это мое опухшее лицо, мои гудящие от боли руки заливает сейчас этот зеленый струящийся свет. Потом снова вернулась к двери и еще раз потрогала замочную скважину, холстину, нащупала щель меж дверью и косяком

— потянула дверь на себя, попыталась открыть. Но нет, она оказалась тугой, как створки моллюска, и, что хуже, пока я стояла так, поддевала и царапала, я заметила, что грязная холстина по краям протерлась, а может, даже процарапана, и тут же поняла, что это, должно быть, рвались наружу и царапались другие сумасшедшие, то есть настоящие сумасшедшие, сидевшие здесь до меня. И сама мысль о том, что я повторяю то же, что делали они, пронзила меня, как нож острый. Я отошла от двери, голова прояснилась, зато теперь меня обуял страх. Я снова кинулась на дверь, принялась что есть мочи колотить по ней кулаками. При каждом ударе взметалась туча пыли.

— Помогите! Помогите! — кричала я. Но голос мой звучал странно. — О, помогите же кто-нибудь! Меня заперли тут, они думают, я сумасшедшая! Позовите Ричарда Риверса! — Я закашлялась. — Помогите! Доктор! Помогите! Вы меня слышите? — Я опять закашлялась. — Помогите! Вы слышите?

Ну и так далее. Я кричала, звала, кашляла и колотила кулаками в дверь — и лишь время от времени останавливалась и прислушивалась, приложив ухо к двери: не идет ли кто, — и так

прошло не знаю сколько времени, но никто не пришел. Наверное, обивка была слишком толстая, а может, те, кто мог меня слышать, привыкли к крикам безумцев и уже не обращают на них внимания. Потом я перешла к стенам. Они тоже были плотно подбиты и гасили удары, и я в конце концов перестала колотить и кричать. Взяла одеяло, ведерко, сложила все в одну кучу под окном, а сама встала сверху и попыталась дотянуться до стекла, но ведро промялось, одеяло соскользнуло, и я свалилась на пол.

В конце концов я села на клеенчатый пол и заплакала. Я плакала, и слезы мои обжигали. Потрогала щеку, ощупала распухшее лицо. Потрогала волосы. Тетка вынула из них шпильки, теперь они разметались по плечам, и, когда я потянула за прядь, чтобы пригладить, в руке у меня остался клок волос. От этого я еще сильнее расплакалась. Не то чтобы я считала себя красавицей, но вспомнила одну девчонку, она работала в мастерской, и у нее волосы затянуло в колесо — так они потом и не отросли. А вдруг я стану лысой? Я стала ощупывать голову, вытягивая оторванные волосы, недоумевая, что с ними теперь делать: оставить ли на парик? Но в конце концов не так уж их и много набралось. Я смотала

их и бросила в угол.

И тут я увидела кое-что на полу. Похоже на сморщенную белую руку, и я аж вздрогнула вначале, но потом разглядела. Она выпала у меня из лифа, когда с меня срывали платье, и ее отбросило в угол, где ее никто не заметил. На ней виднелся след от подошвы, одну пуговицу раздавили.

Это была перчатка Мод, которую я вынула в то утро из ее вещей и собиралась хранить как память о ней.

Я подобрала перчатку и стала вертеть в руках. Если минуту назад я чувствовала себя так, словно меня ударили ножом, так это пустяки по сравнению с тем, что я испытала теперь, глядя на эту перчатку и думая о Мод, о том, какую подлую шутку она сыграла со мной, на парочку с Джентльменом. Зарывшись лицом в ладони, я сгорала от стыда и унижения. Ходила от стены к стене и обратно; стоило мне остановиться, как словно сотни иголок впивались в меня и жалили — я вздрагивала, вскрикивала, меня прошибал пот. Я вспоминала, как жила в «Терновнике», думая, что я хитрая и ловкая, а оказалось — дура набитая. Думала о том, как эти негодяи, наверное, переглядывались — и улыбались. «Лучше оставьте ее в покое», — говорила я ему, жалея бедняжку.

А ей: «Не обижайтесь на него, мисс. Он вас любит, мисс. Выходите за него. Он вас любит».

«Он будет это делать так...»

О, какой ужас! Даже сейчас при мысли об этом меня пронзает боль. А тогда я чуть с ума не сошла. Я ходила из угла в угол, и босые ноги мои шлепали — шлеп-шлеп — по клеенчатому полу, я прижимала к губам перчатку, кусала ее. От него можно было ожидать чего угодно. Но от нее — вот сволочь, вот змея, вот сука... А я-то считала ее глупышкой. Подумать только — посмеивалась над ней. Любила и думала, что и она любит меня! И целовала ее — ради Джентльмена, правда. Прикасалась к ней! И еще... кто бы мог подумать...

Подумать только, что в день ее свадьбы я лежала, закрывшись подушкой, чтобы не слышать, как она плачет. Боялась, что, если прислушаюсь, услышу — и правда, услышала бы? — как она вздыхает.

Это было невыносимо. На какой-то миг я даже забыла, что, обманув меня, она всего-навсего обернула против меня мою же злую шутку. Я шагала от стены к стене, выла, причитала и кляла ее на чем свет стоит. И все теребила, рвала зубами перчатку, пока свет за окошком не померк и в комнате моей не стало темно. Никто не зашел

проведать меня. Никто не принес мне ни еды, ни платья, ни чулок. И хотя поначалу, от безостановочной ходьбы, я разгорячилась, потом, упав от усталости прямо на пол, на рваное одеяло, я начала мерзнуть и с тех пор все никак не могла согреться.

Но лежала без сна. Откуда-то из дальних закоулков дома до меня доносились странные звуки — крики, топот ног, однажды доктор засвистел в свисток. Потом среди ночи за окном пошел дождь, капли воды забарабанили по стеклу. В саду громко залаяла собака; услышав лай, я подумала — не о Мод, я вспомнила Чарли Хвоста, мистера Иббза и миссис Саксби — представила, как миссис Саксби лежит сейчас в своей постели, а рядом с ней пустое место — мое место, а меня нет. Сколько еще ей ждать?

Когда еще Джентльмен к ней попадет? И что он скажет? Может, скажет, что я умерла. Но нет, тогда она спросит, где мое тело — захочет похоронить. И я представила, как меня хоронят и кто будет громче всех плакать. Или он может соврать, что я утонула или увязла в болоте. Тогда она попросит у него бумажных свидетельств. Возможно ли подделать такие бумаги? Или он скажет, что я забрала свою долю и смылась.

Так он и скажет, я поняла. Но миссис Саксби ему не поверит. Она видит его насквозь, он для нее все равно что стеклянный. Она будет меня искать. Не зря же она растила меня целых семнадцать лет, чтобы так вот взять и потерять! Она обшарит каждый лондонский дом, каждый закоулок, пока не найдет меня!

Так я подумала и постепенно успокоилась. Подумала, что стоит только мне побеседовать с врачами, и они сами увидят свою ошибку и отпустят меня, или все равно миссис Саксби придет, и я выйду отсюда.

И когда я выйду отсюда, то пойду прямо к Мод Лилли, где бы она ни пряталась, и — есть же, в конце концов, во мне что-то от матери? — убью ее.

Сами видите, как мало я имела понятия о том, куда я в действительности попала.

...На другое утро та же самая тетка, что вчера набросилась на меня, пришла за мной. На сей раз с ней были не мужчины — мистер Бейтс и мистер Хеджес, а еще одна женщина — их тут называют «сестры милосердия», но они такие же сестры, как я, а получили эту работу только потому, что здоровенные и ручищи у них что отжимной ка-

ток. Они вошли в комнату, встали и принялись меня разглядывать.

Сестра Спиллер сказала:

— Вот она.

Другая, чернявая, ответила:

— Такая молоденькая — и псих?

— Послушайте! — Я старалась быть сдержанной и выбирать слова. Я подготовилась. Услышав, что сюда идут, встала, оправила нижнюю юбку, пригладила волосы. — Послушайте меня. Вы думаете, я сошла с ума. Но это не так. Я совсем не та дама, за которую вы и врачи меня принимаете. Та дама и муж ее — Ричард Риверс — они обманщики, они и вас обманули, и меня, и всех, и нужно сказать об этом врачам, тогда они меня отпустят, а тех обманщиков схватят. Я...

— Прямо в лицо, — сказала сестра Спиллер, не обращая внимания на мои слова. — Вот, прямо в лицо.

И показала место на щеке, у самого носа — там действительно было крошечное красное пятнышко. Мое же лицо распухло, как пудинг, и наверняка под глазами черно. Но я все так же спокойно произнесла:

— Простите, что попала вам по лицу. Меня просто так потрясло, что меня посадили сюда как

сумасшедшую, тогда как надо было другую леди, мисс Лилли, то есть миссис Риверс...

И снова они придирчиво стали меня разглядывать.

— Если хотите нам что-то сказать, обращайтесь к нам так: «сестра», — заметила чернявая. — Но честно говоря — только это между нами, милочка, — еще лучше, чтобы вы к нам никак не обращались. Мы уже наслышались всякой чуши. Что ж, пойдемте. Вас надо искупать, потом доктор Кристи вас осмотрит. И надо дать вам платье. Какая все-таки маленькая! Вам, верно, лет шестнадцать, не больше?

Она подошла ближе и попыталась взять меня за руку. Я отступила назад.

— Так будете вы меня слушать или нет? — настаивала я.

— Слушать? Вас? Ха, если бы я слушала всю чушь, что говорится в этом доме, я бы сама давно свихнулась. Ну же, пойдемте.

Голос ее, поначалу ласковый, теперь стал резким. Она взяла меня за руку. От ее прикосновения я вздрогнула.

— Следите за ней, — предупредила сестра Спиллер, видя, что я дернулась.

— Не прикасайтесь ко мне — и я пойду с вами

куда скажете, — сказала я.

— Ха! — усмехнулась чернявая. — Какое воспитание. Пойдете с нами? Как это мило!

Она потянула меня к себе, и, когда я стала упираться, сестра Спиллер подскочила помочь ей. Они подхватили меня под мышки и понесли — или, вернее сказать, поволокли — из комнаты. Когда я принялась брыкаться и звать на помощь — от неожиданности скорей, — сестра Спиллер пребольно надавила под мышкой, а пальцы у нее как каменные. В этом месте синяков ведь не видно, она прекрасно об этом знала.

— Ну вот, началось! — сказала она, когда я закричала от боли.

— Теперь у меня целый день в голове звенеть будет, — сказала другая, еще сильнее сжимая мне плечо.

И я утихомирилась. Я боялась, что меня снова побьют. Но между тем внимательно следила, куда мы идем — замечала двери, окна. В некоторых дверях были врезаны замки. И на всех окнах — решетки. Окна выходили во двор. Мы находились в задней части дома — в «Терновнике» здесь были бы комнаты для прислуги. А в этом доме — помещение для сестер милосердия. По пути мы встретили двух-трех таких сестер. Они

были в передниках и несли корзинки, бутылки или простыни.

— Доброе утро, — кивали они при встрече.

— Доброе утро, — отвечали мои спутницы.

— Новенькая? — спросила одна из встречных, кивнув на меня. — Из «тихой» ведете? Что, плоха?

— Заехала Нэнси по лицу.

Та присвистнула.

— Надо было связать. А такая молоденькая...

— Ей шестнадцать, не меньше.

— Мне семнадцать, — сказала я.

Новая сестра посмотрела на меня оценивающе.

— Тип лица — угловатый, — выдала она через минуту.

— Да уж.

— А что с ней такое? Какая-то мания?

— И все остальное, — сказала чернявая. И добавила, понизив голос: — Она из этих — знаете?

Новая сестра заинтересовалась.

— Разве? А с виду такая хрупкая...

— Ну, они разные бывают...

Я не понимала, о чем они говорят. Но они выставили меня напоказ, а сами шушукаются и улыбаются — мне стало стыдно, и я умолкла.

Женщина пошла дальше, а мои сестры снова подхватили меня под руки и поволокли по коридору в тесную комнатушку. Когда-то здесь, наверное, был чулан — такой, как у миссис Стайлз в «Терновнике», — потому что по стенам стояли шкафы, запертые на замок, и еще — кресло и умывальник. Сестра Спиллер, тяжко вздохнув, опустилась в кресло. Другая сестра налила в умывальник воды. Показала мне на кусок желтого мыла и на несвежую фланелевую тряпку.

— Это вам, — сказала она. И потом, увидев, что я не двинулась с места: — Давайте же. У вас руки есть? Посмотрим, как вы умеете умываться.

Вода была холодная. Я сполоснула лицо и руки, потом хотела вымыть ноги.

— Сойдет и так, — сказала она, заметив мое движение. — Думаете, доктору Кристи есть дело до ваших грязных ног? Хватит, хватит. Давайте посмотрим бельишко. — Она схватилась за край моей рубашки и обернулась к сестре Спиллер, та кивнула. — Хорошая вещь. Слишком хорошая для такого заведения. После стирки изотрется, а жаль. — Она потянула за ткань. — Придется это снять, милочка. Мы прибережем ее до того дня, когда вы отсюда выйдете. Ну, чего стесняетесь?

— Стесняется? — сказала сестра Спиллер, зе-

вая.— Не задерживайте нас. А еще замужняя дама...

— Я не замужем, — ответила я. — И прошу вас: держите руки подальше от моего белья. Я хочу, чтобы мне вернули платье, чулки и туфли. Стоит мне только поговорить с доктором Кристи, и вы будете у меня просить прощения.

Они посмотрели на меня и расхохотались.

— Фу-ты, ну-ты! — вскричала чернявая, вытирая слезы. — О господи! Ну ладно. Зря обижаетесь. Мы обязаны забрать у вас белье, хотя ни мне, ни сестре Спиллер оно не нужно, — так здесь положено. Вот вам новое, взамен, и платье — вот, поглядите, — и башмаки.

Она направилась к одному из шкафов и достала оттуда комплект сероватого нижнего белья, шерстяное платье и ботинки. Подошла ко мне с этим ворохом, сестра Спиллер — за ней, и, как я ни ругалась, как ни брыкалась, они схватили меня и раздели догола. Когда снимали нижнюю юбку, выпала перчатка Мод. Она была у меня за поясом. Я нагнулась и подняла ее.

— Что это? — разом спросили они.

Потом увидели, что это всего-навсего перчатка. Прочитали надпись, вышитую изнутри у самого верха.

— Здесь ваше имя — Мод, — сказали. — Миленькая вещица.

— Я ее не отдам! — закричала я и вырвала ее у них. Да, у меня забрали одежду и туфли; но я всю ночь ходила, и рвала, и кусала эту перчатку — это все, что оставалось у меня, чтобы хоть как-то держаться. И мне казалось, что, если у меня ее заберут, я буду как Самсон, когда его остригли.

Может быть, они заметили в моих глазах что-то такое.

— Ну, непарная перчатка все равно никому не нужна, — спокойно сказала чернявая сестре Спиллер.— Вспомните мисс Тейлор, у которой были пуговки на ниточке, и она называла их своими детками. Так она даже потрогать их не давала!

И они мне ее оставили, а потом я все же уступила и позволила им себя одеть, хоть и боялась, что они передумают. Одежда была вся форменная, специально сшитая для здешних пациентов. На корсете вместо лент были крючки, он был мне велик. «Ничего, — сказали они, посмеиваясь. У каждой из них грудь была огромная, как лодка. — Есть куда расти». Платье когда-то было клетчатым, но к этому времени успело почти полностью вылинять. Чулки были коротковаты — такие обычно мальчишки носят. А башмаки

— резиновые.

— Туфельки для Золушки, — сказала чернявая, надевая их на меня. И добавила: — Будете скакать в них, как мячик!

И снова они засмеялись. Потом сделали следующее. Усадили меня в кресло, расчесали волосы и заплели их в косы, после взяли иголку с ниткой и пришили косы к моей голове.

— Или так, или отрежем, — сказала чернявая, когда я начала сопротивляться. — Мне-то все равно.

— Дайте я сделаю, — сказала сестра Спиллер. Она и докончила работу — и пару раз, будто случайно, царапнула меня иголкой по коже. Ведь голова — тоже такое место, где царапины и ссадины не видны.

Итак, они вдвоем обрядили меня и привели в порядок, а потом отвели в комнату, которая отныне будет считаться моей.

— Теперь ведите себя как следует, — говорили они мне по дороге. — Еще раз начнете выкобениваться — снова посадим в «тихую», а то и намочим.

— Так нечестно! — сказала я. — Нечестно!

Они тряхнули меня и ничего не ответили. Я замолкла и снова стала запоминать путь, по

которому меня тащат. И начала волноваться. Я представляла себе — может, на картине какой-нибудь видела или в театре, — как устроен сумасшедший дом, этот же дом был устроен по-другому. Я думала: «Сначала меня привели туда, где живут врачи и сестры, а теперь тащат в отделение безумцев». Мне казалось, это что-то вроде темницы. Но мы пока что шли по серым коридорам, мимо таких же серых дверей, и я начала оглядываться и кое-что примечать: например, лампы хоть и простые медные, но забраны прочной проволочной сеткой, на дверях изящные щеколды, зато замки грубые, на стенах то тут, то там попадались такие ручки, знаете, если их повернуть — зазвонит колокольчик. И наконец до меня дошло: это действительно сумасшедший дом, только когда-то он был обычным дворянским домом, по стенам когда-то были развешаны картины и зеркала, на полу лежали ковры, а теперь его превратили в дом для безумных женщин — дом был словно умный и красивый человек, сошедший с ума.

Я не могу объяснить, но почему-то эта мысль испугала меня гораздо больше, чем если бы здесь и впрямь оказалась темница.

Я поежилась и пошла медленней, потом спо-

ткнулась и чуть не упала. Резиновые башмаки оказались тяжелыми и неудобными.

— Идемте же, — подталкивала меня сестра Спиллер.

— Какая нам нужна? — спросила другая сестра, поглядывая на двери.

— Четырнадцатая. Пришли.

На каждой двери была привинчена табличка. Мы остановились под одной из них, и сестра Спиллер постучала, потом сунула ключ в замок и повернула. Ключ был простейший и блестел от частого употребления. Она носила его на цепи, притороченной к карману.

Комната, в которую она завела нас, не была комнатой в полном смысле этого слова — она была выгорожена из большей с помощью деревянной перегородки. Я ведь уже говорила, что весь дом был покореженный и ненормальный. В деревянной перегородке на самом верху было окно, через которое сюда проникал свет из соседней комнаты, но своего окна на улицу не было. Воздух был спертый. Здесь стояли четыре кровати, а также кушетка для сестры милосердия. На трех кроватях сидели женщины, они одевались. На четвертой не было никого.

— Ваша будет, — проговорила сестра Спиллер,

подводя меня к ней. Кровать стояла рядом с кушеткой. — Сюда мы помещаем подозрительных дам. Попробуйте только что-нибудь выкинуть, сестра Бекон сразу заметит. Правда, сестра Бекон?

Это была сестра, поставленная присматривать за этой палатой.

— Да, да, — закивала она, потирая руки.

У нее была, видимо, какая-то болезнь: пальцы у нее были толстые и розовые, как колбаски — прибавьте к этому ее фамилию, — и она их все время терла. Сестра Бекон посмотрела на меня так же равнодушно, как и все прочие сестры, и сказала то же, что и они:

— Молоденькая какая. Сколько ей?

— Шестнадцать, — ответила чернявая.

— Семнадцать, — поправила я.

— Шестнадцать? Мы бы могли звать вас нашей дочкой, если бы не Бетти. Посмотрите-ка, Бетти! Вот юная девица, новенькая, вам почти ровесница. Наверное, она умеет быстро бегать по лестнице. И наверное, знает хорошие манеры. А, Бетти?

Женщина, к которой она обращалась, стояла рядом с кроватью напротив меня и через голову натягивала платье, которое с трудом налезало

на ее толстый живот. Сперва я приняла ее за девочку, но, когда она повернулась и я увидела ее лицо, я поняла, что она взрослая, только дурочка. Она испуганно посмотрела на меня, и сестры засмеялись. Позже я поняла, что они обращались с ней почти как со служанкой: она у них была на побегушках, хотя — и в это трудно поверить — происходила из знатного и богатого рода.

Пока сестры хохотали, она стояла, втянув голову в плечи, и поглядывала на мои ноги, словно желая убедиться, что я умею бегать не хуже ее.

Наконец другая женщина, сидевшая на соседней кровати, тихо произнесла:

— Не обращайте внимания, Бетти. Они дразнятся.

— А вас кто спрашивал? — вскинулась сестра Спиллер.

Женщина пожевала губами. Она была старая, худая и очень бледная. Заметив, что я на нее смотрю, отвернулась, словно ей стало стыдно.

Она казалась вполне безобидной, но, когда я лучше рассмотрела ее, и Бетти, и еще одну, что стояла, глядя в пустоту, и прядь за прядью начесывала на лоб длинные волосы, я подумала, что, судя по всему, все они тут маньячки, а мне теперь жить среди них, спать с ними в одной комнате. И

сказала сестрам:

— Я здесь не останусь. Вы меня не можете заставить.

— Не можем? — удивилась сестра Спиллер. — Думаю, просто обязаны. Вас же приняли под расписку...

— Но это какая-то ошибка!

Сестра Бекон зевнула и закатила глаза. Чернявая сестра вздохнула.

— Ладно, Мод. Хватит уже.

— Я вам не Мод, — огрызнулась я. — Сколько раз вам повторять? Я не Мод Риверс!

Они с сестрой Бекон переглянулись.

— Слышали? Она это говорит часами.

Сестра Бекон поднесла пальцы к губам и потерла их.

— Не умеет разговаривать как следует? — сказала она. — Ай-ай-ай, как стыдно. Тогда, может, она захочет побыть сестрой? Посмотрим, как ей это понравится. Хотя от этого белые ручки попортятся, это да.

Потирая руки о юбку, она уставилась на мои руки. Я тоже на них посмотрела. Пальцы у меня стали как у Мод. Я поспешно спрятала руки за спину. И сказала:

— У меня такие белые руки, потому что я при-

служивала одной даме. Она меня и обманула. Я...

— Прислуживала! — Сестры снова прыснули.— Здорово! У нас некоторые себя герцогинями воображают. А вот служанкой герцогини пока что никто себя не называл. Это что-то новенькое. Тогда мы лучше отведем вас в кухню и дадим порошок и тряпку.

Я топнула ногой.

— Да идите вы все!.. — закричала я.

Они вдруг перестали смеяться. Схватили и стали трясти, а сестра Спиллер опять ударила по лицу — по тому же самому месту, что и раньше, — только не так сильно. Думаю, она надеялась, что старый синяк поможет скрыть новый. Бледная пожилая женщина увидела это и закричала. Дурочка Бетти застонала.

— Какой переполох устроили! — воскликнула сестра Спиллер. — А мы врачей ждем с минуты на минуту.

И снова меня затрясла, потом отпустила, чтобы поправить передник. Врачи для них были все равно что короли. Сестра Бекон пошла успокаивать Бетти. Чернявая подскочила к пожилой даме.

— Ну что за глупое созданье, перестаньте застегивать пуговицы, вам говорю! — И замахала руками. — А вы, миссис Прайс, выньте волосы изо

рта сейчас же. Сто раз вам говорила: проглотите клок и задохнетесь! Не знаю, зачем я вас предупреждаю, может, нам-то от этого только лучше...

Я посмотрела на дверь. Сестра Спиллер оставила дверь открытой, и мне подумалось: что, если сейчас убежать? Но тут в соседней комнате, а потом и во всех комнатах дальше по коридору, мимо которых мы проходили недавно, раздалось звяканье ключей, скрип открываемых дверей, недовольное бормотание сестер и взвизги. Где-то зазвенел звонок — сигнал, что врачи идут.

И в конце концов я решила: чем бежать навстречу доктору в неуклюжих башмаках, лучше поговорить с ним здесь, тихо и спокойно. Я подошла к кровати, оперлась на нее коленом, чтобы нога не дрожала, провела рукой по волосам, думала пригладить — и только теперь вспомнила, что их пришили накрепко. Чернявая сестра выбежала за дверь. Остальные сидели молча, прислушиваясь к шагам в коридоре. Сестра Спиллер погрозила мне пальцем.

— Попридержите язык, негодница, — сказала она.

Так прошло минут десять, потом в коридоре послышался шум, и в комнату быстрым шагом вошли доктор Кристи и доктор Грейвз, оба при

этом глядели не на нас, не под ноги, а в тетрадь доктора Грейвза.

— Доброе утро, милые дамы, — сказал доктор Кристи, оторвав взгляд от записей.

И первым делом направился к Бетти.

— Ну, как поживаете, Бетти?.. Умница. Вы, конечно же, хотите лекарства.

Он сунул руку в карман и достал кусочек сахара. Она приняла его и сделала реверанс.

— Умница, — сказал он снова. Потом шагнул дальше. — Миссис Прайс. Сестры сообщали мне, что вы опять плачете. Это нехорошо. Что подумает ваш супруг? Разве приятно ему слышать, что вы в печали? А? А дети ваши? Что они подумают?

— Не знаю, сэр, — ответила она шепотом.

— Что?

Он взял ее за руку, а сам тихонько нашептывал что-то доктору Грейвзу, который в конце концов сделал пометку в тетради. Потом они обратились к бледной пожилой даме.

— Мисс Уилсон, на что сегодня жалуетесь? — спросил ее доктор Кристи.

— Как обычно, — отвечала она.

— Ну, это мы уже слышали много раз. Не стоит повторять.

— Мне нужен свежий воздух, — быстро проговорила она.

— Да-да. — Он заглянул в тетрадь доктора Грейвза.

— И здоровая пища.

— Вы увидите, пища вполне здоровая, надо только попробовать ее.

— А вода жесткая.

— Зато укрепляет расшатанные нервы. Вы сами это знаете, мисс Уилсон.

Она шевелит губами и начинает едва заметно покачиваться. Потом неожиданно выкрикивает:

— Воры!

Я так и подпрыгнула. Доктор Кристи внимательно посмотрел на нее.

— Достаточно, — сказал он. — Помните про язык? Что у вас на языке?

— Воры! Дьяволы!

— На вашем языке, мисс Уилсон! Что мы с вами надели на него? А?

Пожевав губами, она отвечает:

— Цепочку от уздечки.

— Правильно. Цепочку. Очень хорошо. Так придержите его. Сестра Спиллер...

Обернувшись, подзывает к себе сестру и что-то тихо ей говорит. Мисс Уилсон подносит руку ко

рту, будто хочет пощупать, вправду ли там цепочка, и снова, перехватив мой взгляд, смущенно отворачивается, руки ее дрожат.

Наверное, в другой раз я бы ее пожалела, но сейчас... Даже если бы кто положил сейчас на пол ее и других подобных ей дам и сказал мне: беги по их спинам — и спасешься, я бы пробежала не задумываясь. Дождавшись момента, когда доктор Кристи закончил давать наставления сестре, я облизнула губы и сказала:

— Доктор Кристи, сэр!

Он повернулся ко мне и подошел ближе.

— Миссис Риверс. — Он взял меня за запястье, но не улыбнулся. — Как поживаете?

— Сэр, — сказала я. — Сэр, я...

— Пульс довольно частый, — тихо сообщил он доктору Грейвзу (доктор Грейвз сделал пометку в тетради). Снова повернулся ко мне. — Я вижу, вы ударились щекой, как жаль.

Но прежде чем я успела ответить, сестра Спиллер сказала:

— Билась головой об пол, доктор Кристи. Во время припадка.

— Ясно. Видите, миссис Риверс, в каком тяжелом состоянии вы прибыли сюда. Надеюсь, вы поспали?

— Спала? Нет, я...

— Ну, так нельзя. Я велю сестрам дать вам капель. Не будете спать — никогда не поправитесь.

И кивнул сестре Бекон. Та кивнула в ответ.

— Доктор Кристи, — сказала я уже громче.

— Пульс участился, — пробормотал он.

Я отдернула руку.

— Да выслушаете вы меня?.. Я попала сюда по ошибке.

— Правда? — Он прищурился и стал глядеть мне в рот. — Зубы здоровые, кажется. Правда, десны могут испортиться. Вы должны нам сказать, если они начнут вас беспокоить.

— Я здесь не останусь, — сказала я.

— Не останетесь, миссис Риверс?

— Опять миссис Риверс? Да ради бога, разве я на нее похожа? Я стояла рядом, когда их венчали. Вы пришли ко мне и послушали меня... Я...

— Да, я вас выслушал, — медленно проговорил он. — И вы сообщили мне, что опасаетесь за здоровье своей госпожи, что вам бы хотелось, чтобы она попала в тихое и спокойное место, где она будет в полной безопасности. Иногда проще — не правда ли? — просить помощи для других, нежели для себя. Мы очень хорошо вас понимаем, миссис Риверс.

— Я не Мод Риверс!

Он поднял указательный палец вверх — он чуть не улыбался:

— Вы не готовы признать, что вы Мод Риверс. Так? Ну, это меняет дело. Значит, как только вы признаете это, наша работа будет завершена. А до тех пор...

— Вы не имеете права держать меня здесь. Не имеете права! Вы держите меня тут, а эти мошенники и негодяи...

Он скрестил руки на груди:

— Какие еще негодяи, миссис Риверс?

— Я не Мод Риверс! Меня зовут Сьюзен...

— Да?

И тут, в первый раз за все это время, я запнулась.

— Сьюзен Смит, — выдавила я наконец.

— Сьюзен Смит. И проживаете в доме... как там, доктор Грейвз? На Бамс-стрит, район Мейфэр?

Я не ответила.

— Продолжайте же, — настаивал он. — Все это вы придумали, разве не так?

— Это не я, это Джентльмен придумал, — сказала я в замешательстве. — Этот негодяй...

— Какой джентльмен, миссис Риверс?

— Ричард Риверс, — ответила я.

— Ваш супруг.

— Ее супруг.

— Ага.

— Ее супруг, говорю же вам! Я видела, как их венчали. Вы можете у священника того спросить. Или у миссис Крем!

— Миссис Крем — та дама, у которой вы останавливались? Мы с ней долго беседовали. Она рассказала нам, с большим сожалением, о том, какая глубокая грусть напала на вас, как только вы поселились в ее доме.

— Она Мод имела в виду.

— Разумеется.

— Она о Мод говорила, не обо мне. Приведите ее сюда. Покажите ей меня — что она тогда скажет? Привезите любого, кто знал мисс Мод Лилли и меня. Миссис Стайлз, например, экономку из «Терновника». Или старика — мистера Лилли!

Он покачал головой:

— Не кажется ли вам, что супруг ваш должен вас знать не хуже дяди? А служанка ваша? Она стояла передо мной и плакала, рассказывая о вас! — Он понизил голос: — Что вы такое с ней сделали, что заставили ее так убиваться?

— О! — воскликнула я, заламывая руки.

— Смотрите, доктор Грейвз, как изменился цвет

лица, — тихо заметил он.

— ...Она плакала, чтобы вас обмануть. Она всего лишь актриса!

— Актриса? Ваша служанка?

— Мод Лилли! Да вы что, не слышите? Мод Лилли и Ричард Риверс. Они упекли меня сюда — заманили и обманули, заставили вас думать, что я — это она, а она — это я!

Он снова покачал головой, сдвинул брови, потом опять словно чему-то обрадовался. И спросил, медленно и с расстановкой:

— Но, дорогая моя миссис Риверс, как вам кажется, для чего они все это затеяли?

Я открыла было рот. Потом закрыла. Потому что в самом деле что я могла на это ответить? До сих пор мне казалось, что, если рассказать ему правду, он поверит. Но правда заключалась в том, что я задумала отнять у девушки приданое, притворялась служанкой, когда на самом деле была воровкой. Если бы не страх и не усталость, если бы не ночь, проведенная без сна на скользком полу, я бы придумала что-нибудь правдоподобное. Но сейчас ни одна спасительная мысль не приходила мне в голову. Сестра Бекон зевнула, потирая руки. Доктор Кристи не сводил с меня глаз, всем своим видом изображая добродушие.

— Итак, миссис Риверс? — сказал он.

— Не знаю, — ответила я наконец.

— Ага.

Он кивнул доктору Грейвзу — они уходят!

— Подождите! Не уходите! — закричала я.

Сестра Спиллер надвинулась на меня.

— Хватит вам! Только отнимаете время у врачей.

Я на нее даже не взглянула. Видела, как доктор Грейвз поворачивается ко мне спиной, а за ним маячит лицо бледной пожилой леди, она все еще водит пальцами по губам, и рядом дама с грустным лицом и свисающими на лицо волосами, и Бетти, дурочка, с липкими от сахара губами, — и тут я сорвалась. Я решила: «Пусть меня посадят в тюрьму, все равно! Лучше тюрьма с ворами и убийцами, чем сумасшедший дом!» И сказала:

— Доктор Кристи, сэр! Доктор Грейвз! Выслушайте меня!

— Хватит на сегодня, — повторила сестра Спиллер. — Разве не знаете, сколько у доктора дел? Думаете, им больше делать нечего, как выслушивать ваши бредни? Назад!

Она сказала так потому, что я кинулась к доктору Кристи и схватила его за рукав.

— Пожалуйста, сэр! Выслушайте меня. Я была с

вами не совсем откровенна. Дело в том, что меня зовут не Сьюзен Смит.

Он уже был возле двери, но после этих слов остановился и обернулся ко мне.

— Миссис Риверс, — начал он.

— Сьюзен Триндер, сэр, Сью Триндер с...

Я чуть было не сказала: «с Лэнт-стрит», но вдруг поняла, что не могу — нельзя, иначе наведу полицию на мастерскую мистера Иббза. Закрыв глаза, замотала головой. Голова моя пылала.

— Не надо хватать меня за одежду, — строго сказал доктор Кристи, высвобождая рукав.

Но я снова вцепилась в него.

— О, выслушайте меня, умоляю! Если бы вы только знали, в какое черное дело меня втянул Ричард Риверс. Он хитрый как черт! Он посмеялся над вами, сэр! Он всех нас обманул! Он украл наследство. У него пятнадцать тысяч фунтов!

Я крепко держала его за рукав. Голос мой звенел, срываясь на лай, — я сама себя почти не узнавала.

Сестра Спиллер схватила меня за шею, и доктор Кристи наконец разжал и отцепил мои пальцы. Доктор Грейвз подошел помочь ему. Я завизжала. Наверное, в этот момент я и впрямь была похожа на безумную, но это потому, что дико — говорить

чистую правду и видеть, что ее принимают за бред. Я завизжала, и доктор Кристи поднес к губам свисток. Зазвонил колокольчик. Прибежали мистер Бейтс и мистер Хеджес в нарукавниках. Бетти мычала что-то нечленораздельное.

Меня опять упрятали в «тихую» палату. Платье и ботинки, однако, отбирать не стали и принесли мне чашку с чаем — глубокую, без ручки.

— Когда я выйду отсюда, вы еще пожалеете! — сказала я, когда закрывали дверь. — У меня в Лондоне есть мама. Она разыщет меня хоть на краю земли!

Сестра Спиллер кивнула.

— Неужели? — сказала она. — Ну, все наши дамы так говорят. — И рассмеялась.

...Наверное, в чай — он сильно горчил — подмешали снотворного. Я проспала весь день, а может, и два дня, и, когда наконец очнулась, в голове моей была пустота, я отупела. Спотыкаясь, вслед за сестрами прошлепала в комнату, где стояли кровати. Доктор Кристи совершал свой обход. Потрогал мое запястье.

— Сегодня вы поспокойнее, миссис Риверс, — сказал он.

Со сна и от лекарства мне очень хотелось пить, и язык мой словно присох к небу, но я с трудом

разлепила губы и произнесла:

— Я не миссис Риверс!

Но прежде чем я договорила, он ушел.

Постепенно в голове у меня прояснялось. Я лежала на постели и пыталась сосредоточиться. По утрам нас не выпускали из спален, надо было сидеть тихо — можно почитать что-нибудь, если захочется, — а сестра Бекон приглядывала за нами. Наверное, эти дамы уже перечитали тут все книги, потому что они, так же как я, валялись на кроватях и бездельничали, и только сестра Бекон сидела, положив ноги на табурет, листала журнальчик, слюнявя свои толстые красные пальцы, чтобы перевернуть очередную страницу, и время от времени хмыкала.

Потом, в полдень, она отложила журнал, широко зевнула и повела нас на первый этаж, на обед. Ей помогала другая сестра.

— Шевелитесь, шевелитесь! — подгоняла она. — Нечего зевать.

Мы шли цепочкой друг за другом. Шедшая за мной пожилая дама, мисс Уилсон, вдруг подошла вплотную ко мне.

— Не бойтесь, — сказала она, — что... Только не оборачивайтесь! Тише! Ш-ш-ш! — И задышала мне в затылок. — Не бойтесь, — повторила она,

— супа.

Я прибавила шагу, чтобы быть поближе к сестре Бекон.

Нас привели в столовую. Там вовсю заливался колокольчик, и когда мы вошли, к нашей группе присоединились и другие сестры со своими подопечными. Дам было человек шестьдесят — мне, посидевшей в одиночестве на соломе, показалось, что это огромная и жуткая толпа. Одеты они были как и я — я хочу сказать, плохо, во что попало, — и от этого, а также оттого, что одни были коротко стрижены, другие беззубые — или им зубы вырвали? — одни в синяках и ссадинах, руки других упрятаны в холстинные нарукавники, они показались мне страннее, чуднее, чем, вероятно, были на самом деле. Конечно, они все были безумны, каждая по-своему, так они и выглядели. Некоторые, как Бетти, просто со слабой головой, одна дама все время бранилась. Другая истерично кричала. На прочих же было жалко смотреть: они ходили семенящими шажками, не поднимая головы, или сидели, сложив руки на коленях, невнятно бормоча себе под нос и поминутно вздыхая.

Я села вместе с ними за стол и стала есть то, что подали на обед. Это был суп, как и предупреждала

мисс Уилсон. Краем глаза я заметила, что она на меня смотрит и кивает, но, стоило мне взглянуть на нее, она, как и прежде, смущенно отвернулась. Все здесь, похоже, боялись смотреть друг на друга. Прежде мне казалось, что я отупела от лекарства, теперь же меня охватил страх — панический страх, — до пота, до дрожи. Я огляделась по сторонам: какие окна, какие двери, — в надежде, что, если увижу застекленное окно, непременно выпрыгну. Но и здесь все окна были зарешечены. А что, если пожар случится? Как выбираться — прямо и не знаю. На дверях обычные замки, и думаю, если правильно подобрать инструмент, я бы могла их расковырять. Но инструмента у меня нет — нет даже булавки, и сделать не из чего. Ложки, которыми мы ели суп, были оловянные и такие мягкие, прямо как каучук. Даже в носу такой не поковыряешь.

Обед длился полчаса. Все это время за нами наблюдали сестры и несколько крупных мужчин: мистер Бейтс с мистером Хеджесом и с ними еще другие. Они стояли в сторонке и время от времени прохаживались между столов. Когда один из них приблизился ко мне, я подняла руку и обратилась к нему:

— Прошу вас, сэр, скажите, где доктора? Сэр?

Могу я видеть доктора Кристи, сэр?

— Доктор Кристи сейчас занят, — ответил он. — Успокойтесь.

И пошел дальше.

Сидевшая рядом дама уточнила:

— Они приходят только по утрам. Докторов сейчас нет. Разве вы не знаете?

— Она новенькая, — сказала другая.

— Откуда вы? — спросила первая.

— Из Лондона, — ответила я, провожая взглядом мужчину. — Хотя они думают, что я из другого места.

— Из Лондона! — воскликнула женщина.

Некоторые дамы тоже оживились, послышались вздохи: «Из Лондона!», «Ах, Лондон! Как я по нему скучаю!»

— А светский сезон только начинается. Как вам, должно быть, тяжело. И такая юная! Вы выезжаете?

— Выезжаю? — не поняла я.

— Кто ваши родители?

— Что такое? — Плотный мужчина развернулся и теперь направлялся к нам.

Я снова подняла руку и помахала ему.

— Скажите, пожалуйста, — спросила я, — где я могу найти доктора Кристи? Сэр? Будьте доб-

ры, сэр.

— Тише, — сказал он, как прежде, и пошел дальше, даже не остановившись.

Дама, сидевшая рядом со мной, дотронулась до моей руки.

— Должно быть, вы хорошо знаете Кенсингтон.[14]

— Что? — сказала я. — Нет.

— Наверное, деревья там стоят все зеленые.

— Не знаю. Я не знаю. Я никогда их не видела.

— Кто же ваши родные?

Здоровяк дошел до окна, развернулся и встал, скрестив руки на груди.

Я снова вытянула вверх руку, потом вдруг опустила.

— Воры — мои родные, — сказала я упавшим голосом.

— Фи! — скривились дамы. — Странная какая девушка...

Однако женщина, сидевшая рядом, склонилась ко мне.

— Забрали имущество? — спросила шепотом. — У меня тоже. Но посмотрите сюда. — Она показала мне кольцо, висевшее у нее на шее на

---

[14] Примечания: 14
Фешенебельный район центральной части Лондона.

цепочке. Оно было позолоченное, и в нем не хватало камней. — Вот мой капитал, — сказала она. — Мой неприкосновенный запас. — И, сунув кольцо обратно за воротник, кивнула. — Все остальное сестры забрали. Но этого они не получат! Никогда!

Больше я ни с кем не заговаривала. Когда обед подошел к концу, сестры вывели нас в сад, и мы походили там примерно час. Сад был со всех сторон огорожен стеной, в ней были ворота, запертые, конечно, но сквозь решетку видна другая часть парка, примыкавшая к дому. Там множество деревьев, некоторые росли почти у самой парковой ограды. Я приметила это. По деревьям лазить я не умела — не довелось, но, может, это не так уж сложно? Если забраться на очень высокую ветку и спрыгнуть вниз, рискуя переломать ноги, что ж, если это поможет убежать, я готова.

Если только миссис Саксби не заберет меня раньше.

Но, подумала я, можно все-таки договориться с доктором Кристи. Надо показать ему, что я в здравом уме. Когда истек час нашей прогулки, зазвонил колокольчик, нас завели обратно в дом, и там мы сидели, дожидаясь чая, в большой серой зале, где слабо пахло газом, — это у них была «го-

стиная». А после этого нас развели по спальням и заперли. Я покорно шла — по-прежнему дрожа и покрываясь потом — и молчала. Я делала то же, что и другие дамы — грустная миссис Прайс, бледная мисс Уилсон и Бетти: подойдя к умывальнику, ополоснула лицо и руки, после того, как все это сделали, почистила зубы, глядя, что все чистят, потом аккуратно сложила свое противное клетчатое платье и надела ночную сорочку, сказала «аминь», когда сестра Бекон закончила молитву. Но, когда сестра Спиллер появилась в дверях с бидоном чая и протянула мне плошку, я взяла, но пить не стала. И, убедившись сперва, что на меня никто не смотрит, выплеснула чай на пол. Поднялось облачко пара, потом чай просочился сквозь щели. Я наступила на это место ногой. И тут заметила, что Бетти смотрит на меня во все глаза.

— Намусорила, — громко произнесла она. Голос у нее был почти мужской. — Плохая девочка.

— Плохая девочка? — переспросила сестра Бекон, оборачиваясь. — А! Я догадываюсь, кто это. А теперь — по постелям. Живей, живей! Все в кровать. Боже правый, ну и жизнь!

Она ворчала без устали, как заведенная. Все сестры тут ворчали. Нам же велено было сидеть

тихо. Если мы не слушались, они щипали или били нас.

— Вы, Мод, — сказала сестра Бекон в ту первую ночь, когда я ворочалась и дрожала в постели. — Хватит возиться!

Она уселась читать, свет от настольной лампы бил мне в глаза. Потянулись долгие часы, потом она наконец отложила журнал, сняла передник и платье и улеглась в постель, не загасив лампы, чтобы видно было, кто спит, а кто ворочается. Скоро послышался храп: заснула. Она храпела так, словно по железу возили ножовкой, и от этого мне стало тоскливо и очень захотелось домой.

Цепочку с ключами она, перед тем как лечь спать, повесила себе на шею.

Я лежала, зажав в кулаке белую перчатку Мод, и время от времени подносила ее ко рту и покусывала, потом представила, что под ней — мягкая ручка Мод, и сильнее впилась зубами в мягкую лайку.

Но в конце концов я заснула, и когда наутро врачи, в сопровождении сестры Спиллер, начали свой обход, я была наготове.

— Миссис Риверс, как вы себя чувствуете? — спросил доктор Кристи, наделив Бетти кусочком сахара и коротко побеседовав с миссис Прайс и

мисс Уилсон.

— Голова совсем ясная, — ответила я.

Он поглядел на часы.

— Отлично!

— Доктор Кристи, умоляю вас...

Я, заглядывая ему в глаза, вновь рассказала все — и что я не Мод Риверс, и что попала в ее дом по злому умыслу, и как мистер Риверс устроил меня служанкой к Мод Лилли, чтобы я помогла ему окрутить ее и после женитьбы выдать ее за сумасшедшую. И о том, как он обманул меня и забрал ее деньги.

— Они меня обмишулили, — сказала я. — И вас обмишулили! Они посмеялись над вами! Вы мне не верите? Приведите кого-нибудь из «Терновника». Приведите священника из той церкви, где они венчались. Загляните в приходскую книгу — вы увидите там их имена, а рядом — моя подпись!

Он потер переносицу.

— И вы подписались, — сказал он, — Сьюзен... как там дальше? Триндер?

— Сьюзен... Нет! — сказала я. — Не в той книге. Там записано «Сьюзен Смит».

— Опять Сьюзен Смит!

— Только в той книге. Они меня заставили.

Он показал мне, как это пишется. Ну как вы не понимаете?!

Я с трудом сдерживала слезы. Доктор Кристи нахмурился.

— Вы долго говорили, я вас выслушал, — сказал он. — Вы возбуждаетесь. Этого нельзя допускать. Нам нужно, чтобы вы успокоились, успокоились. А эти ваши фантазии...

— Какие фантазии? Боже мой, это же чистая правда!

— Фантазии, миссис Риверс. Если бы вы послушали себя со стороны! Какой обман? Какие злодеи? Украденные сокровища и девицы, которых выдают за безумных? Только в дешевых книжках такое бывает. Мы знаем, как называется ваша болезнь. Мы называем ее «эстетический шок». Ваше увлечение литературой губительно сказалось на нервной системе, и ваше воспаленное воображение творит фантазии.

— Какое еще воображение? Какая литература?

— Вы слишком много читали.

Я смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

— Боже правый, — выдавила я наконец, когда он повернулся, чтобы уйти. — Да я и двух слов прочесть не могу! А уж писать — дайте мне ка-

рандаш, и я напишу свое имя, но больше ничего не напишу, хоть год просите!

Он направился к двери, доктор Грейвз следом за ним. Голос мой дрогнул, потому что сестра Спиллер тянула меня к себе, чтобы я не увязалась за врачами.

— Да как вы смеете, — сказала она, — кричать докторам вслед! И не вырывайтесь! По-моему, вам опять пора на солому. Доктор Кристи?

Но доктор Кристи, уже дойдя до двери, услышал мои последние слова, обернулся и посмотрел на меня по-новому, поглаживая бородку. Переглянулся с доктором Грейвзом. Потом тихо заметил:

— В конце концов, мы увидим, до какой степени бреда дошло ее сознание, и, может быть, это поможет нам вывести ее из этого состояния. Что скажете? Так, дайте мне листок, вырвите из тетради. Сестра Спиллер, отпустите миссис Риверс. Миссис Риверс...

Он подошел ко мне и протянул клочок бумаги, вырванный из тетради доктора Грейвза. Потом сунул руку в карман, достал карандаш и вручил его мне.

— Следите за ней, сэр! — предупредила сестра Спиллер, глядя на кончик карандаша. — Она хитрющая!

— Хорошо, хорошо, я слежу, — ответил он. — Но не думаю, что у нее плохое на уме. Не так ли, миссис Риверс?

— Да, сэр, — сказала я.

Я взяла в руку карандаш. Рука дрожала. Он внимательно следил за мной.

— Наверное, нужно держать покрепче, — сказал он.

Я покрутила карандаш в пальцах, он упал. Я подняла его.

— Смотрите, смотрите! — напомнила сестра Спиллер, стоя на изготовку, чтобы, в случае чего, наброситься на меня.

— Я не привыкла к карандашам, — извинилась я.

Доктор Кристи кивнул.

— Думаю, как раз наоборот. Давайте, напишите мне несколько слов на этой бумажке.

— Я не умею, — сказала я.

— Да нет же, умеете. Садитесь на кровать, устраивайтесь поудобнее, положите бумажку на колени. Так все делают, когда садятся писать письма, разве нет? Да вы и сами знаете. Ну а теперь — напишите свое имя. Это вы, конечно же, умеете. Вы сами говорили только что. Пишите.

Я посидела, подумала, потом написала. Кончик

карандаша процарапал бумагу. Доктор Кристи смотрел и, когда я закончила, взял у меня листок и показал доктору Грейвзу. Тот наморщил лоб.

— Вы написали «Сьюзен», — сказал доктор Кристи. — Почему?

— Так меня зовут.

— Вы плохо написали. Вы специально так сделали? Держите. — Он вернул мне листок. — Теперь напишите несколько слов, как я просил.

— Я не могу. Я не умею!

— Нет, умеете. Ладно, тогда одно слово. Вот что вы мне напишете: «солнце».

Я замотала головой.

— Ну же, давайте, — сказал он. — Это довольно простое слово. И первую букву вы знаете, вы ее только что написали.

И снова я задумалась. А потом — оттого ли, что он смотрел на меня и ждал, или оттого, что доктор Грейвз с сестрой Спиллер и сестрой Бекон и даже миссис Прайс и мисс Уилсон вытянули шеи, чтобы посмотреть, что у меня получится, — я написала букву «С». Попыталась изобразить и другие буквы. Слово получилось длинным и все не кончалось и не кончалось.

— Вы слишком сильно нажимаете, — сказал доктор Кристи.

— Разве?

— Сами знаете. И буквы у вас корявые, налезают друг на дружку. Какая это буква? Думаю, это тоже плод вашего воображения. Ну и как, скажите, поверить, что дядя ваш — он ведь ученый? — мог доверить работу такой неумелой помощнице?

Вот он, тот самый спасительный случай! Я вся затрепетала. Потом, глядя доктору Кристи прямо в глаза, сказала, как мне казалось, спокойно и убедительно:

— У меня нет дяди. Вы имеете в виду старого мистера Лилли. Смею заверить вас, что его племянница Мод прекрасно пишет, но, видите ли, я — не она.

Он поскреб подбородок.

— Потому что вы, — сказал он, — вы — Сьюзен Смит, или Триндер.

Я снова затрепетала.

— Да, сэр, именно!

Он помолчал. Я подумала: «Наконец-то!» — и чуть не лишилась чувств от радости. Но он повернулся к доктору Грейвзу и покачал головой.

— Пример в чистом виде, — сказал он. — Не правда ли? Никогда не думал, что попадется такой безукоризненно чистый случай. Бред затронул даже моторику. И здесь-то мы ее и под-

ловим. Надо понаблюдать как следует и затем выбрать курс лечения. Миссис Риверс, верните, пожалуйста, мой карандаш. Дорогие дамы, всего вам хорошего.

Он забрал у меня карандаш, повернулся к двери и вышел из комнаты. Доктор Грейвз и сестра Спиллер последовали за ним, и сестра Бекон закрыла за ними дверь. Я увидела, как в замке повернулся ключ — меня словно ударили: я, рыдая, упала на кровать. Она неодобрительно зацокала языком, но в этом доме привыкли к слезам, здесь никто не удивится, глядя, как женщина роняет слезы в суп или идет по саду, рыдая. Сестра стала позевывать, потом отвернулась от меня. Уселась в кресло, потирая руки, и поморщилась.

— Вам кажется, что вам плохо, — сказала она, неизвестно к кому обращаясь, может, ко мне, а может, сразу ко всем. — Вам бы такие руки, хоть на час этакую напасть. Вот мука так мука, словно горчицей намазали! Ишь печет как, мочи нет! Ой-ой-ой! Ну-ка, Бетти, сделай доброе дело, принеси своей бедной нянечке мазь.

Цепочка с ключами была при ней. Я глянула на ключи и еще сильней зарыдала. Она вынула один ключик, и Бетти пошла с ним к шкафу, отперла дверцу и достала банку с мазью. Мазь была

белая и плотная, как топленый жир. Бетти села и принялась натирать распухшие пальцы сестры Бекон. Та снова поморщилась. Потом вздохнула, и морщины на ее лице расправились.

— Вот хорошо-то! — сказала она, а Бетти захихикала.

Я уткнулась в подушку и закрыла глаза. Если бы здесь был ад, сестра Бекон — дьявол, а Бетти — его подручный, я бы не так убивалась. Я плакала и плакала, пока не выплакала все слезы.

Потом у кровати моей послышалось какое-то шевеление, и меня кто-то позвал, очень нежно и ласково:

— Успокойтесь, дорогая, не стоит плакать.

Это бледная пожилая дама, мисс Уилсон, протягивала мне руку. Я вздрогнула.

— Ах! — сказала она. — Вы меня боитесь. Ничего удивительного. Я не совсем в своем уме. Но вы привыкнете, дорогая. Это такое место... Ш-ш-ш! Ни слова. Сестра Бекон смотрит. Ш-ш-ш!

Она вынула из рукава платочек и знаками показала, что мне надо промокнуть лицо. Платочек пожелтел от старости, но оказался необыкновенно мягким на ощупь, и от прикосновения мягкой ткани и еще оттого, что смотрела она на меня добрыми глазами — а ведь никто в этом доме ни

разу не сказал мне ласкового слова, — я снова расплакалась.

Сестра Бекон подняла голову.

— Я ведь слежу за вами. Не забывайте.

И снова откинулась в своем кресле. Бетти все втирала ей мазь.

Я тихо сказала:

— Не думайте, что я плакса. Дома я не плачу.

— Понимаю, — ответила мисс Уилсон.

— Я просто боюсь, что они навсегда меня тут оставят. Со мной подло поступили. А они решили, что я сошла с ума.

— Держитесь, не падайте духом. Этот дом еще получше других. Но, конечно, не все тут хорошо. Воздух, например, в нашей комнате спертый, как в конюшне. И еда. Они называют нас «дамы», а кормят как? Всякой дрянью! Я бы такое и слугам не стала предлагать, а если бы предложила — покраснела бы со стыда.

Последние слова она произнесла во весь голос.

Сестра Бекон снова подняла голову и скривила губы.

— Хотела бы я посмотреть, как вы покраснеете, ходите как привидение!

Мисс Уилсон смутилась.

— Намекает, — сказала мне, — на мою блед-

ность. Поверите ли, если я вам открою, что в воде здесь присутствует некое вещество, напоминающее мел? Но — тс-с! Ни слова больше!

И помахала рукой. «Вот кто безумный!» — мелькнула мысль, и сердце мое сжалось от ужаса.

— А вы тут давно? — спросила я, когда она перестала махать.

— Наверное... дайте подумать... что мы здесь знаем о времени?.. Я бы сказала так: много лет.

— Двадцать два года, — встряла сестра Бекон, она прислушивалась к нашему разговору. — Потому что, когда я пришла сюда, еще совсем молоденькой, вы уже были тут старожилом. А тому уж будет четырнадцать лет, этой осенью как раз. Ай, вот тут потрите, Бетти. Умница.

Она поморщилась, поглубже вздохнула, закрыла глаза. Меня обуял ужас. «Двадцать два года!» И видимо, эта мысль отразилась на моем лице, потому что мисс Уилсон сказала:

— Не надо думать, что вы на столько же задержитесь. Миссис Прайс приводят каждый год, но муж забирает ее домой, как только самый тяжелый период пройдет. Вас ведь муж сюда поместил, я полагаю? А меня — брат. Но если без сестры мужчина может обойтись, то жены

всегда нужны. — Ее рука снова поднялась. — Я бы выразилась более прямо, если бы могла. Но мой язык... Вы понимаете.

— Мужчина, — сказала я, — который упек меня сюда, ужасный негодяй, он только притворяется, что муж.

— Плохо. — Мисс Уилсон покачала головой и вздохнула. — Это хуже всего.

Я тронула ее за руку. Сердце мое гулко билось в груди — так больно, что трудно дышать.

— Вы мне поверили, — сказала я.

Сестра Бекон слышала мои слова и снова открыла глаза.

— Ну и что. — Она хмыкнула. — Мисс Уилсон вообще всему верит, что ни скажи. Вот вы спросите у нее, кто живет на Луне.

— Чертовка! — крикнула мисс Уилсон. — Я же просила вас никому не рассказывать! Вот видите, миссис Риверс, как они пытаются меня принизить. Разве мой брат платит вам по гинее в неделю за то, чтобы вы меня оскорбляли? Воры! Жулики!

Сестра Бекон сделала вид, что приподнимается в кресле, и сжала кулаки. Мисс Уилсон снова затихла.

После недолгого молчания я сказала:

— Про Луну вы можете думать что угодно, мисс Уилсон. Кто запрещает? Но когда я говорю вам, что меня упекли сюда жулики и я в здравом уме, я говорю чистую правду. Доктор Кристи со временем в этом убедится.

— Надеюсь, — ответила она. — Уверена, что так и будет. Но знаете, чтобы вас отсюда выпустили, ваш муж должен подписать бумагу.

Я уставилась на нее. Потом посмотрела на сестру Бекон.

— Это правда? — спросила я.

Сестра Бекон кивнула.

Я снова заплакала.

— Тогда, видит бог, я пропала! — кричала я. — Потому что этот подлец никогда, никогда этого не сделает!

Мисс Уилсон покачала головой:

— Ужасно! Ужасно! Но, может быть, он придет вас навестить — и передумает? Знаете ли, нам тут разрешают принимать посетителей, в правилах записано.

Я утерла слезы.

— Он не придет. Потому что знает: если он придет, я его убью!

Она оглянулась, словно испугавшись чего-то.

— Здесь нельзя говорить такое. Надо вести себя

хорошо. Разве вы не знаете, что они могут с вами сделать? Могут связать... Или водой...

— Водой... — пробормотала миссис Прайс, и ее передернуло.

— Хватит! — сказала сестра Бекон. — А вы, малютка мисс Бумби,[15] — она имела в виду меня, — перестаньте теребить наших дам.

И снова погрозила кулаком.

Мы все замолчали. Бетти еще минуту-другую втирала мазь, потом отнесла банку на место и, вернувшись, села на кровать. Мисс Уилсон отошла от меня, глаза у нее стали грустные. Миссис Прайс, закрыв лицо волосами, то бормотала, то тихо постанывала. За стеной кто-то громко взвизгнул. Я подумала о сестре мистера Иббза. Вспомнила свой дом, всех своих домочадцев. И снова меня прошиб пот. Я вдруг почувствовала то же, что, наверное, чувствует муха, угодившая в паутину. Я встала и принялась ходить по комнате

---

[15] Примечания: 15

Цитата из детских «Стихов Матушки Гусыни». В переводе О. Седаковой этот стишок звучит так:

Малютка мисс Бумби
Сидела на тумбе,
Хлебала свою простоквашку.
Но выглянул вдруг
Свирепый паук
И спугнул нашу Бумби, бедняжку.

от стены к стене и обратно.

— Ах, если бы здесь было окно! — сказала я.— Если бы только можно было глянуть наружу! — А потом: — Лучше бы я тогда осталась в Боро!

— Да сядете вы наконец? — крикнула сестра Бекон.

И выругалась. В дверь постучали — она встала и пошла открывать. Это была другая сестра, с какой-то бумагой. Дождавшись, когда она высунется за дверь, я обернулась к мисс Уилсон и зашептала. Страх подгонял меня.

— Послушайте, — сказала я ей еле слышно. — Мне надо выбраться отсюда как можно скорее. У меня в Лондоне родственники, с деньгами. У меня есть мать. Вы здесь так долго живете, вы должны знать способ. Ну что? Я заплачу вам, клянусь.

Она посмотрела на меня и отодвинулась.

— Надеюсь, — произнесла она громко, — надеюсь, вы не думаете, что я так дурно воспитана, что позволю себе шептаться?

Сестра Бекон обернулась к нам.

— Мод, что это вы делаете, а?

— Шепчется, — ответила Бетти басом.

— Шепчется? Я ей пошепчусь! Идите на место и оставьте мисс Уилсон в покое. Ни на минуту нельзя отойти, сразу начинаете к дамам приставать!

Наверное, она догадалась, что я ищу способ сбежать. Я вернулась на свою кровать. Сестра Бекон, стоя у двери, что-то шепотом сказала другой сестре. Та наморщила нос. Потом обе посмотрели на меня, как мне показалось, с неприязнью.

Но тогда я еще не понимала, что означает этот враждебный взгляд. И слава богу, что не понимала, потому что очень скоро мне предстояло это узнать.

Глава пятнадцатая

До сих пор я как-то об этом не задумывалась, потому что мне все казалось, я найду способ удрать. И даже когда прошла неделя, а за ней другая, я все еще в это верила. Но теперь стало ясно, что доктор Кристи мне не поможет — потому что, если он с первого раза поверил в мое безумие, все мои последующие слова и поступки лишь укрепляли его в этом мнении. Более того, он вбил себе в голову, что меня можно вылечить, что я снова войду в разум, едва начну писать.

— Вы слишком много времени уделяли литературному труду, — сказал он как-то раз во время обхода, — и в этом причина вашего недомогания. Но мы, врачи, иногда действуем от обратного. Я полагаю, если вы снова займетесь литературным трудом, вы поправитесь. Вот, поглядите. — Он показал мне что-то, завернутое в бумагу. Это была грифельная доска и мел. — Сядете, возьмете дощечку, — сказал он, — подумаете и до вечера напишете мне — только аккуратно, прошу! — свое имя. Настоящее имя. А завтра начнете писать мне историю своей жизни, с самого начала, каждый день добавляя к ней понемножку. И сами

убедитесь: способность мыслить здраво вернется к вам сразу же, как только вернется способность писать.

По его приказанию сестра Бекон заставляла меня часами сидеть с мелом в руке; я, конечно, не писала, мелок крошился и рассыпался мелкой пудрой — или, наоборот, так и норовил выскользнуть из запотевших от натуги пальцев. Потом заглядывал доктор, смотрел на пустую доску, хмурился и качал головой. С ним иногда приходила сестра Спиллер.

— Опять ни слова? — говорила она. — А доктор так старается, чтобы вы поправились. Неблагодарная вы, вот что я скажу.

Когда он уходил, она трясла меня за плечи. Я плакала и ругалась — тогда она трясла сильнее. Так трясла — казалось, зубы вывалятся, а в животе мутилось.

— Эк ее прихватило, — кивала она другим сестрам и подмигивала, те смеялись в ответ.

Они ненавидели дам, к которым были приставлены. И меня ненавидели. Я говорила с ними так, как привыкла разговаривать с людьми, а им казалось, я над ними издеваюсь. Они думали, что доктор Кристи предписал мне особый уход и что я притворяюсь простолюдинкой. И дамы из-за

этого меня тоже не любили. Только безумная мисс Уилсон обращалась со мной ласково. Однажды, увидев, как я сижу над грифельной доской и глотаю слезы, она дождалась, когда сестра Бекон отвернется, подбежала и написала мое имя — то есть имя Мод. Она хотела помочь, но, как выяснилось, лучше бы она этого не делала, потому что, когда доктор Кристи вошел и увидел надпись, он просиял и воскликнул:

— Прекрасно, миссис Риверс! Полдела сделано! Мы на верном пути!

А когда на другой день я снова не смогла ничего изобразить, он, конечно, решил, что я его разыгрываю.

— Сестра Бекон, — сказал он строго, — оставьте ее без обеда, пока еще раз не напишет.

И я стала писать: «Сьюзен», «Сьюзен», — и так раз пятьдесят. Сестра Бекон меня ударила. И сестра Спиллер тоже. Доктор Кристи покачал головой. Он сказал, что случай мой сложнее, чем он предполагал, и требуется иное лечение. Он дал мне выпить креозота — так, по крайней мере, сказали сестры, когда он вливал снадобье мне в рот. Рассуждал, что надо пригласить лекаря с пиявками, чтобы откачать кровь от головы. Потом в доме появилась новая дама, она говорила на

каком-то заковыристом языке — на змеином, уверяла она, — и он тотчас же переключился на нее и проводил все время с ней: тыкал ее иголками, хлопал у нее над ухом туго надутыми бумажными кульками, шпарил кипятком — хотел как следует напугать ее, чтобы вспомнила родной английский.

По мне, так пусть бы с ней и возился до конца своих дней. Я давилась креозотом. Боялась пиявок. А раз он пока оставил меня в покое, я уж лучше посижу, подумаю, как отсюда выбраться. Потому что ни о чем другом я думать не могла. Пришел июнь. Сюда я попала где-то в мае. И все это время меня не оставляла надежда найти выход: я изучала расположение комнат, внимательно осматривала окна и двери, надеясь найти такие, которые плохо запираются, и каждый раз, когда сестра Бекон доставала из кармана связку ключей, я смотрела и примечала, какой ключ от какой двери. И заметила, что все двери спален, а также коридорные можно открыть всего одним ключом. Вот бы выкрасть его — тогда можно бежать. Но ключи висели на толстой цепи, и сестры все время держали их при себе, ну а сестра Бекон — ее предупредили, что за мной нужен глаз да глаз, — стерегла свои ключи пуще всех. Только

Бетти могла она доверить связку, когда требовалось достать что-нибудь из шкафа, а потом сразу же отбирала и прятала в карман.

Меня же при этом душила злость и обида. Ну почему, почему я, именно я, должна прозябать тут в полной безвестности, в то время как весь родной и знакомый мне мир отделен от меня одним-единственным ключом — и ладно бы хитрым каким, так нет, самым обыкновенным, с четырьмя выемками на бородке: будь у меня под рукой болванка и напильник, я бы в два счета такой подделала. Я думала об этом по сто раз на дню. И когда умывалась, и когда сидела за общим столом на обеде, и когда шла по дорожкам сада или томилась в гостиной, под немолчное бормотанье и всхлипы безумных узниц. Думала, лежа в постели, щурясь от света ночной лампы, бьющего прямо в лицо. Если бы это были не мысли, а молотки и отмычки, я бы уже тысячу раз освободилась. Но мысли мои были скорее как ядовитое зелье. И так его много скопилось во мне, что мне стало дурно.

И это не та дурнота, не та внезапная паника, от которой бросало в пот, — так было лишь в самые первые дни. Теперь дурнота подступала исподволь и была как медленная пытка, мучившая

неотступно, и я с ней в конце концов свыклась, как свыклась со всем, что окружало меня в этом доме: с блеклым цветом стен, с запахами из столовой, с женскими слезами и воплями, — и в последнее время я ее даже как-то не ощущала. Я по-прежнему сообщала всем, кто готов был слушать, что я в здравом уме, что я попала сюда по ошибке, что я не Мод Риверс и что меня нужно немедленно выпустить. Но я так часто повторяла эти слова, что они обесценились — затерлись, как монетки, слишком долго бывшие в обращении. И вот в один прекрасный день, прогуливаясь с одной дамой по саду, я снова завела об этом речь, и спутница моя посмотрела на меня с жалостью.

— Я тоже когда-то так думала, — сказала она с ласковой улыбкой. — Но, видите ли, раз вы находитесь здесь, то, боюсь, скорее всего, вы безумны. Все мы здесь со странностями, если приглядеться. Посмотрите вокруг — посмотрите на себя...

И улыбнулась — но, как и прежде, улыбка ее получилась какая-то жалостливая и робкая, потом зашагала по тропинке дальше. Я же остановилась. Действительно, я почему-то давно уже не задумывалась о том, как выгляжу в глазах окружающих. В заведении доктора Кристи не было зеркал: он опасался, что их разобьют, и,

кажется, в последний раз я смотрелась в зеркало у миссис Крем — неужели у миссис Крем? — когда Мод заставила меня надеть это ее синее шелковое платье — синее? или все-таки серое? — и подала мне зеркальце с ручкой. Я закрыла лицо руками. Платье было голубое, теперь я уверена. Ну да, я же была в нем, когда меня привезли в сумасшедший дом! Потом его у меня забрали — и сумку, принадлежавшую матери Мод, тоже, вместе со всем, что в ней было: а были там гребешки, щетки, белье, красные прюнелевые туфельки, — больше я ничего этого не видела. И вот что дали взамен — я глянула на себя, на клетчатое платье и резиновые башмаки. Я уже стала к этим вещам привыкать. Но теперь вдруг будто впервые увидела — и подумала: надо бы получше рассмотреть. Сестра, которой поручено было приглядывать за нами, сидела на скамейке, закрыв глаза, и грелась на солнышке, а слева от нее было окно гостиной, выходившее в сад. В черных стеклах, как в зеркале, отражался длинный хоровод гуляющих по дорожкам дам. Одна из них остановилась и поднесла руку к лицу. Я моргнула — и она моргнула. Это была я.

Я подошла к ней ближе и, вглядевшись попристальней, ужаснулась.

Как и сказала дама, вид у меня был как у безумной. Волосы, когда-то крепко прошитые, со временем отросли, выбились из-под ниток и торчали теперь в разные стороны дикими пучками. Лицо бледное, но все в синяках и ссадинах. Веки припухли — должно быть, от бессонницы — и покраснели. Лицо заострилось, шея стала тонкая, как палка. Линялое платье висело на мне мешком. Из-под воротника торчали грязно-белые пальцы старой перчатки Мод, я ее все носила за пазухой. Тонкая лайка, даже со стороны видно, вся обкусана.

Я смотрела на свое отражение. Смотрела и вспоминала, как когда-то, когда я была еще девочкой, миссис Саксби мыла, расчесывала и натирала мне волосы, и они блестели. И как она грела постель, прежде чем меня уложить: не дай бог простужусь. И как откладывала для меня, нарезая мясо, самые лакомые кусочки, и как ухаживала за мной, когда у меня резались зубы, и как оглаживала меня по рукам и ногам, чтобы убедиться, не кривится ли где. Как же привольно мне тогда жилось! А потом я отправилась в «Терновник» — чтобы заполучить наследство и поделиться с ней. Но наследство уплыло у меня из рук. Мод Лилли выкрала его у меня, а мне всучила то, что

было уготовано ей. Это она должна здесь сидеть. Она посадила меня на свое место, а сама упорхнула, и теперь, в какое зеркало ни глянет — в модной лавке ли, в театре ли, в бальном ли зале, — везде она видит себя такой, какой мне не быть: красивой, веселой, довольной и — свободной.

Ярость вскипела во мне, я поймала в зеркале свой взгляд и сама себя испугалась. Так я стояла, не помня себя, пока дежурная сестра не пробудилась. Она подошла ко мне.

— Так-так, милочка. Любуемся на себя, значит, — сказала она, зевая. — Лучше бы, право, на башмаки свои посмотрели. Стоит того.

И подтолкнула меня к веренице гуляющих. Я влилась в их поток и смотрела теперь лишь на подол своего платья, на свои ботинки да на ботинки впереди идущей дамы и больше не поднимала головы — чтобы не видеть своего отражения в черном стекле гостиной, не видеть больше своих безумных глаз.

Это случилось, вероятно, в конце июня. А может, и раньше. О времени трудно было судить. Сколько точно дней прошло, не помню — время отсчитывалось неделями, потому что иногда по утрам нас не держали до завтрака в постели, а собирали в гостиной, где надо было стоять и

слушать, как доктор Кристи читает молитвы, и по одному этому мы могли судить, что день воскресный. Может, стоило отмечать зарубками, как делают заключенные, сколько прошло воскресений, но, конечно же, я долгое время этого не делала — не видела смысла, потому что каждый раз мне казалось, что уж на этой-то неделе я точно убегу. Потом все смешалось в моей голове. То мне казалось, что в неделе по два-три воскресных дня. А в другой раз — что ни одного. Точно мы знали только одно: что весна сменилась летом, потому что дни стали длиннее, солнце палило вовсю, и в помещении стало жарко, как в печке.

Больше всего мне запомнилась духота и жара. Одуряющая жара. Воздух в спальнях вдруг стал горячий и густой. Кажется, две дамы и вправду умерли, надышавшись этим воздухом, хотя, конечно, врачи, доктор Грейвз и доктор Кристи, назвали причиной смерти апоплексический удар. Я слышала, как сестры об этом шептались. С каждым днем они становились все нетерпимей, все злей. Жаловались на жару, на головную боль, на то, что обливаются потом. Жаловались на одежду.

— И чего ради сижу я тут с вами, вся в шерстяном,— говорила какая-нибудь из них, — а пошла

бы в Тенбриджскую лечебницу — ходила бы сейчас в поплине! У них все сестры в поплине!

Но на самом деле, и все это прекрасно понимали, ни в какую другую лечебницу наших сестер не взяли бы, да и сами бы они не пошли. Так что все это говорилось не всерьез. Они постоянно жаловались, какие беспокойные и хитрющие у них дамы, демонстрировали синяки; но вы же понимаете, какая может быть у опоенных и затравленных дам хитрость — опасность представляли сами сестры, когда им хотелось развлечься. Работа у них не сказать чтобы тяжелая: в семь вечера они загоняли нас в постель, давали нам лекарство — скорее всего, снотворное, — а сами до полуночи читали газеты или книжки, пили какао, вышивали, насвистывали, громко переговаривались, высунув голову в коридор, или, если очень надо было, ходили друг к другу в гости, заперев подопечных на ключ.

А утром, как только доктор Кристи сделает обход, снимали чепцы, распускали волосы, скатывали чулки, задирали юбки — и мы должны были стоять с газетой вроде веера и обмахивать их толстые белые ноги.

Во всяком случае, сестра Бекон так делала. Она жаловалась на жару чаще других из-за больных

рук. Бетти раз десять на дню втирала ей мазь. Та стонала от боли. А когда жара еще усилилась, поставила у кровати две фарфоровые плошки и спала, опустив руки в воду. От этого ей снились сны.

— Он скользкий! — закричала она как-то ночью. А потом, еле слышно: — А!.. Его больше нет...

Я тоже видела сны. Каждый раз, стоило лишь закрыть глаза. Я видела во сне, как вы уже догадались, Лэнт-стрит, Боро, родной дом. Видела мистера Иббза и миссис Саксби. И до чего же это были тревожные сны!.. Я порой просыпалась вся в слезах. А иногда мне снился сон про сумасшедший дом: как я просыпаюсь и начинается обычный мой день. И когда открывала глаза, предстоящий день становился как бы продолжением сна, так все было похоже, словно это второй сон, а может, первый был явью? Я уже ничего не понимала.

Однако хуже всех были другие сны — они начались много позже, когда ночная жара стала невыносимой и в голове у меня помутилось. Это были сны про «Терновник» и про Мод.

Потому что я никогда не видела ее во сне такой, какой она на самом деле была, — обманщицей, воровкой. Ни разу не видела во сне Джентльмена.

А видела лишь, что мы опять в старом дядюшкином доме и я — ее горничная. Видела, как мы идем к могиле ее матери или сидим у реки. Видела во сне, как одеваю ее и причесываю. И еще видела — а что же делать, если снится? — что я люблю ее. Но ведь я знала, что ненавижу ее. И что хочу убить. Но порой проснусь ночью — и уже не уверена... Очнувшись, я оглядывалась вокруг; в комнате нашей такая жара, что спокойно никому не спится, все ворочаются, вот Бетти высунула из-под простыни толстую белую ногу, вот потное лицо сестры Бекон, вот тонкая рука мисс Уилсон. Миссис Прайс, когда ложится спать, откидывает наверх свои длинные волосы — совсем как Мод, — я смотрю на нее в полусне и словно забываю, сколько времени прошло с конца апреля. Я забываю про побег из «Терновника», забываю про венчание в черной каменной церкви и про то, как жила у миссис Крем, как ехала в сумасшедший дом, про подлый обман; забываю, что хотела бежать и что собиралась сделать, когда убегу. Я думаю только — и сердце заходится от страха: «Где она? Где она?» — а потом, вздохнув с облегчением: «Вот она...» Я снова закрываю глаза — и я уже не в своей постели, а в ее. Полог опущен, она рядом. Я слышу ее дыхание.

«Какая душная ночь! — говорит она певучим своим голосом, а потом: — Мне страшно! Мне страшно!..»

«Не бойтесь, — отвечаю я, как всегда. — Не надо бояться».

И в этот миг сон обрывается, и я просыпаюсь.

Я просыпаюсь в ужасе, вдруг, как и сестра Бекон, я говорила во сне — или вздыхала, или дрожала. И лежу, охваченная чувством жгучего стыда. Потому что ведь я ее ненавижу, ненавижу! — и все же знаю, что втайне желала бы досмотреть этот сон до конца.

Я стала бояться, что начну ходить во сне. Что, если я попытаюсь поцеловать миссис Прайс или Бетти? Но когда я гнала от себя сон, в голову лезла всякая чушь. Мне представлялись всякие жуткие сцены. Странные это были ночи. Хотя от жары все отупели, у некоторых дам — даже у самых тихих и послушных — случались припадки. Лежа в постели, вы слышали душераздирающий визг, звон колокольчиков, топанье ног по коридору. Эти звуки вспарывали ночную тишь, как порыв ураганного ветра, и хоть вы и знали прекрасно, в чем дело, тем не менее звуки настораживали. Иногда какая-нибудь дама своим визгом вспугивала другую, и тогда я лежала и гадала, кто будет

следующей — может, я сама? — и чувствовала, как волна безумия поднимается изнутри, накатывает, меня бросает то в жар, то в холод — о, это были жуткие ночи! Бетти стонала. Миссис Прайс плакала. Сестра Бекон вставала.

— Тише! Тише! — говорила она.

Открывала дверь, высовывалась в коридор и прислушивалась. Визг прекращался, шаги стихали в отдалении.

— Ну вот и скрутили, — говорила она, бывало. — Интересно, куда ее теперь — в «тихую» или на водные процедуры?

И это слово, «процедуры», подхватывала Бетти, мыча, и тогда миссис Прайс и даже старая мисс Уилсон вздрагивали и утыкались в подушку.

Я не знала тогда, почему так. Слово было чудное, и значения его мне не объясняли: мне казалось, что есть там какой-то черный шланг, и им, как воду насосом, выкачивают дурь из человека. И мысль эта была столь пугающей, что, стоило сестре Бекон произнести его, я тоже начинала дрожать.

— Я не понимаю, чего вы все боитесь, — злобно говорила она, укладываясь обратно в постель. — Не у вас же припадок?

Но однажды это случилось и у нас. Нас разбудил

странный звук, будто кто-то давится, — открыв глаза, мы увидели, что печальная миссис Прайс сидит на полу у своей постели и кусает пальцы, да так сильно, до крови. Сестра Бекон пошла звонить в колокольчик, и тут же примчались со всех ног санитары и доктор Кристи. Они связали миссис Прайс и потащили вниз, на первый этаж, а когда через час привели обратно, платье ее и волосы были мокрые, хоть выжимай, а лицо — как у утопленницы, которую еле удалось откачать. Тогда-то я поняла, что такое водные процедуры: это когда окунают в ванну. От сердца у меня отлегло, все-таки ванна — это не так страшно, как чавкающий насос...

Я все еще ничего не знала, ничего-ничего не знала.

А потом случилось вот что. Настал день — думаю, это был самый душный день в то невыносимо жаркое лето, — когда сестра Бекон отмечала свой день рождения, и вечером к нам стали заходить, потихоньку и втайне от врачей, ее товарки, чтобы поздравить ее, а заодно и угоститься. Так у них было заведено, наверное, я об этом уже говорила. Вообще-то собираться в открытую им не разрешалось, а от их гомона трудно было заснуть, но пожаловаться врачу мы не смели, потому что

тогда сестры скажут, что мы бредили, а потом еще и побьют нас. В такие ночи нам велено было лежать и помалкивать, а сами они садились играть в карты или в домино, прихлебывая лимонад или, реже, пиво.

В ту ночь они пили пиво — сестра Бекон угощала по случаю дня рождения, а поскольку жара стояла несусветная, выпили они изрядно и в конце концов захмелели. Я накрыла лицо простыней, но глаз не закрывала. Я боялась заснуть в их присутствии: а вдруг мне опять приснится Мод? В общем, у меня было то, что знающие люди называют — и доктор Кристи бы уж точно назвал — навязчивой идеей: я боялась выдать себя. А потом я решила, что не буду спать, а дождусь, когда они напьются до бесчувствия, и выкраду ключи...

Но до бесчувствия они не напились, а, напротив, становились все шумнее, все оживленнее, лица у них раскраснелись, и в комнате стало не продохнуть. Наверное, потом я все-таки стала задремывать, потому что голоса их звучали гулко, как бывает во сне, и словно бы издалека. Кто-то из них время от времени вскрикивал или фыркал, давясь от смеха, остальные шикали, а потом фыркали сами — и я просыпалась, как от

грубого толчка. Наконец я посмотрела на их потные красные лица, на лягушечьи открытые рты и подумала: вот бы мне ружье, всех бы перебила. Сначала они хвастались, кого из подопечных и как им удалось наказать. Потом стали мериться, у кого хватка сильнее. Приложив руки ладонь в ладонь, смотрели, у кого больше. Потом одна подняла вверх кулак.

— Покажи-ка свою руку, Белинда! — вскричала другая. Белиндой звали сестру Бекон. У всех у них были такие нежные имена. Так и представляешь, как мамаши смотрят на них, маленьких, и мечтают, что вырастут из них балерины. — Давай показывай.

Сестра Бекон сделала вид, что смущается, потом засучила рукав. Ручища у нее была как у шахтера, разве что белая. Когда она согнула ее, мышцы раздулись, как шар.

— Вот что такое ирландский мускул,— сказала она, — это у меня от прабабки.

Другие потрогали и только присвистнули. Потом одна из них сказала:

— Да, почти как у сестры Флю.

Сестра Флю присматривала за комнатой как раз под нами, один глаз у нее косил. О ней говорили, что она когда-то работала в тюрьме.

От этих слов сестра Бекон вспыхнула.

— Почти? — вскричала она. — Это надо еще проверить. Сравним — тогда и посмотрим. Почти!..

От ее рыка проснулись Бетти и миссис Прайс. Заметив шевеление на кроватях, сестра скомандовала:

— Живо спать.

Меня она не видела, не видела, как смотрю на нее из-под полуприкрытых век и желаю ей умереть на месте. Она снова продемонстрировала руку, напрягая могучую мышцу.

— Почти... — буркнула она и кивнула одной из сестер: — Сходи за сестрой Флю, пусть придет сюда. И тогда сравним. А ты, Маргаретта, принесешь веревку.

Сестры встали, пошатываясь и хихикая, и вышли. Первая вернулась через минуту вместе с сестрами Флю, Спиллер и еще одной черноволосой, которая помогала раздевать меня в самый первый день, когда меня сюда посадили. Они вместе пили в комнате под нами. Сестра Спиллер оглядела комнату, уперла руки в боки и произнесла:

— Ага, видел бы вас доктор Кристи! — И рыгнула. — Так что там насчет рук?

И засучила рукав. Сестра Флю и чернявая по-

следовали ее примеру. Вторая, посланная за поручением, вернулась с линейкой и ленточкой, и они принялись обмерять мускулы. Я смотрела на них и глазам своим не верила — так человек, оказавшись в ночном лесу, смотрел бы на гоблинов. А они, встав в круг, подносили светильник по очереди то к одной руке, то к другой, лампа странно полыхала и отбрасывала зловещие тени, и от пива, от жары и от возбуждения их пошатывало, и казалось, они скачут как бесы.

«Пятнадцать!» — кричали они, радуясь. А потом: «Шестнадцать!», «Семнадцать!», «Восемнадцать с половиной!», «Девятнадцать!», «Сестра Флю победила!»

Потом круг распался, они поставили светильник на место и начали ругаться — на сей раз не как гоблины, а как матросы. Только татуировки не хватало. Сестра Бекон стала мрачная как туча. Она просипела:

— Ну ладно, по рукам. Пусть сестра Флю будет первой, хотя я считаю, что жир и мускулы — не одно и то же. — И потерла ладонями о живот. — Ну а как насчет веса? — И оглядела всех победно. — Есть тут кто тяжелее меня?

И сразу двое-трое из присутствующих выступили вперед и заявили, что они тяжелей. Стали их

приподнимать, чтобы проверить. Одну уронили.

— Так не пойдет, — сказал тогда кто-то из них. — Вы крутитесь, и нам не понять. Надо по-другому. Лучше давайте встаньте на стул и прыгайте. А мы послушаем, под кем пол сильней затрещит.

— А еще лучше, — сказала чернявая, осклабившись, — если вы прыгнете на Бетти! Посмотрим, под кем она затрещит!

— Да, посмотрим, под кем заверещит!

И все посмотрели на кровать Бетти. Бетти, когда назвали ее имя, открыла глаза — и сразу же закрыла их, от страха.

Сестра Спиллер фыркнула:

— Да она все сделает ради Белинды! Ее нельзя, это будет нечестно. Лучше старушку мисс Уилсон.

— Она-то заверещит — не остановишь!

— Или миссис Прайс.

— Она заплачет. А плач не считается...

— Тогда Мод!

Кто из них это сказал, не знаю, но, хотя до того все дружно смеялись, после этих слов смех внезапно оборвался. Наверное, они переглянулись.

Потом заговорила сестра Спиллер.

— Подвиньте мне стул, — услышала я ее голос, — я залезу...

— Подожди, подожди! — закричала другая сестра. — О чем ты только думаешь! Прыгать на нее нельзя — раздавишь. — И, помолчав, добавила: — Лучше ляг на нее.

Тут уж я откинула с лица простыню и уставилась на них широко открытыми глазами. Может, как раз этого и не следовало делать. Может, они просто придуривались. Но я откинула простыню, и они увидели, что я на них смотрю, — и тут же все опять расхохотались и со смехом кинулись к моей кровати. Сорвали с меня простыню, выдернули из-под головы подушку. Двое навалились мне на ноги, еще двое схватили за руки. Все произошло очень быстро. Как будто огромный, разгоряченный и потный зверь о пятидесяти головах, дышащих жаром, накинулся на меня и ухватил сотней рук. Когда я пыталась вывернуться, меня больно щипали.

— Не троньте меня!

— Заткнитесь! Ничего с вами не случится. Мы только хотим посмотреть, кто тяжелее: сестра Бекон, сестра Спиллер или сестра Флю. Мы только посмотрим, кто из них заставит вас громче пищать. Приготовились?

— Пустите меня! Пустите! Я все скажу доктору Кристи!

Кто-то ударил меня по лицу. Кто-то дернул за ногу.

— А мешать не надо. Ну, кто первый на нее?

— Я, — раздался голос сестры Флю, и другие расступились, пропуская ее вперед. Она огладила платье. — Держите крепко? — спросила.

— Держим, держим, не беспокойся.

— Ну ладно. Крепче держите.

И они растянули меня, как будто я — мокрая простыня, которую им предстоит выкручивать. Мысли свои в тот момент не берусь описать. Я была уверена, что они меня разорвут — оторвут руки и ноги. Я закричала, меня ударили по лицу и стали дергать во все стороны, и я наконец замолкла. Тогда сестра Флю подошла к кровати и, подобрав юбку и раздвинув ноги, стала на коленях надо мной. Кровать заскрипела. Она, потирая руки, уставила в меня косящий глаз.

— А вот и я! — сказала, собираясь обрушиться на меня.

Но не обрушилась, хоть я заранее отвернула лицо и старалась не дышать.

Сестра Бекон ее остановила.

— Только не с размаху, — сказала она. — С размаху нечестно. Надо опускаться медленно — а то не годится.

И сестра Флю подалась назад, потом вперед и медленно опустилась, выпрямляя руки и ноги, пока наконец не улеглась на меня всем телом. Мне не хватало воздуха, хотелось вздохнуть. Думаю, если бы подо мной была не кровать, а твердый пол, она бы меня раздавила. Из глаз, из носа, изо рта у меня потекло.

— Пожалуйста! — взмолилась я.

— Она просит пощады! — сказала чернявая. — Пять очков сестре Флю!

Тогда они ослабили хватку. Сестра Флю чмокнула меня в щеку и поднялась, встала посреди комнаты, потрясая над головой руками, как боксер на ринге. Я со свистом втянула в себя воздух, закашлялась, брызгая слюной. Потом они меня снова растянули — настал черед сестры Спиллер. Это было хуже, чем с сестрой Флю — хотя та была тяжелей; когда она легла на меня, острые колени и локти больно впечатались в тело, на ней был жесткий корсет, его края пропилили меня как пилой. От ее волос, обильно смазанных маслом, несло кислятиной, она шумно дышала мне в ухо.

— Ну что, сучка, — сказала она мне, — давай запевай!

Но я не закричала: гордость не позволяла. Я, стиснув зубы, молчала, хотя она давила и так и

сяк, и наконец остальные сестры закричали:

— Стыдно, стыдно! Ни одного очка сестре Спиллер!

Она в последний раз двинула меня острым коленом, выругалась и встала. Я оторвала голову от матраса. Из-за слез, лившихся потоком, я почти ничего не видела, но все же за кучкой сестер разглядела фигуры Бетти, мисс Уилсон и миссис Прайс: они лежали и притворялись, что спят, а сами подглядывали за нами и дрожали от страха. Боялись, что настанет их черед. Я их не виню. Я уронила голову на матрас и снова крепко сжала челюсти. Следующей шла сестра Бекон. Щеки ее все еще пылали, а раздутые кисти, по контрасту с белыми локтями, были такими ярко-красными, словно она надела перчатки.

Она нависла надо мной, как сестра Флю, и стала разминать пальцы.

— Ну, Мод, — сказала она. Потянула за край ночной сорочки, расправила поаккуратнее. Похлопала меня по ноге. — Ну, мисс Бумби... Кто у меня умничка?

И обрушилась на меня. Она буквально рухнула — другие сестры опускались медленно и постепенно, — меня в одну секунду словно каменной плитой придавило. Я закричала, и сестры захло-

пали в ладоши:

— Десять очков!

Сестра Бекон рассмеялась, довольная. Грузное тело ее заколыхалось, и по мне словно катком прокатили, у меня глаза чуть не вылезли из орбит — закричала еще громче. И тогда она еще раз дернулась, на этот раз нарочно. Сестры заулюлюкали. А потом она сделала вот что. Приподнялась на локтях, так что голова ее оказалась прямо над моим лицом, а грудь, ноги и живот по-прежнему давили на меня, и задвигала бедрами. Задвигала определенным образом. Заметив мой изумленный взгляд, подмигнула.

— Нравится, да? — спросила, не переставая двигаться.— Нет? А нам говорили, нравится.

Раздались взрывы хохота. Они хохотали, и во взглядах, которые они бросали на меня, я уловила неприязнь, которую и раньше замечала, но не понимала отчего. Теперь наконец поняла, и сразу же мелькнула догадка: не иначе как Мод нажаловалась доктору Кристи, когда мы еще жили у миссис Крем. Мысль о том, что она рассказала ему про это — в присутствии Джентльмена, — чтобы вернее выдать меня за ненормальную, поразила меня словно удар в сердце. Сколько уже я перенесла подобных ударов, с тех пор как

покинула «Терновник», но этот, по крайней мере тогда, был для меня хуже всех. Я чувствовала себя так, словно меня набили порохом и вот поднесли спичку. Я стала вырываться и визжать.

— Слезь с меня! — визжала я. — Слезь! Слезь!

Сестра Бекон, когда я задергалась под ней, смеяться перестала. И сильнее надавила бедрами. Я увидела над собой ее потное разгоряченное лицо и боднула его головой. Нос ее хрустнул. Она закричала. Мне на щеку закапала кровь.

Потом точно не знаю, что происходило. Думаю, сестры отпустили меня, но, видимо, я продолжала дергаться и кричать, будто меня все еще удерживали. Сестра Бекон скатилась с кровати, помню, кто-то — наверное, сестра Спиллер — ударил меня, но я все не унималась. Кажется, Бетти принялась завывать — другие дамы, в соседних палатах, тоже начали кричать и визжать. Сестры забегали.

— Хватайте бутылки и чашки! — кричала одна, протискиваясь к двери вслед за остальными.

Потом, должно быть, кто-то с перепугу дернул за ручку в холле, зазвонил колокол. От звона проснулись санитары, а вслед за ними к нам в комнату вбежал доктор Кристи, на ходу натягивая халат. Увидел меня, бьющуюся в истерике, на

лице — кровь сестры Бекон.

— У нее припадок! — закричал он. — Очень сильный. Боже мой, что же ее так напугало?

Сестра Бекон промолчала. Она стояла, закрыв нос ладонью, и не сводила с меня глаз.

— Что это было? — повторил вопрос доктор Кристи.— Что-то приснилось?

— Приснилось, — ответила сестра Бекон. И вдруг оживилась. — Ох, доктор Кристи, — сказала она. — Она повторяла имя какой-то дамы и этак двигалась во сне!

Тут я опять закричала.

Доктор Кристи сказал:

— Ладно. Припадки лечить мы умеем. Санитары, и вы, сестра Спиллер. Водные процедуры. Тридцать минут.

Санитары схватили меня под мышки и подняли с постели. Сестры меня так приплюснули, что теперь, когда я встала вертикально, мне казалось, я лечу. А на самом деле меня волокли под руки: на следующий день я обнаружила ссадины и царапины на пальцах ног. Но как меня тащили с нашего этажа вниз, в полуподвал, — этого я уже не помню. И как миновали «тихую» комнату, и дальше — по темному коридору — туда, где была ванна, не помню. Помню шум воды, бьющей из

кранов, холод плит под ногами, по все это смутно. Но что я хорошо запомнила, так это деревянную раму, к которой меня привязали за руки и за ноги, а потом с помощью лебедки стали раскачивать над водой; я судорожно вцепилась в ремни, пытаясь высвободиться.

Еще помню, как падала, когда отпустили колесо, и как дернулась, когда его остановили, как ледяная вода сомкнулась над моим лицом, а потом хлынула в нос и в горло, едва я попыталась вздохнуть, и как выдавливала ее из себя, кашляя и задыхаясь.

Мне казалось, меня повесили.

Мне казалось, я умерла. А меня подняли из воды и снова окунули. Минута над водой, минута в воде. И так пятнадцать раз. Пятнадцать мучительных содроганий. И столько же раз я прощалась с жизнью.

А больше я ничего не помню.

...Наверное, я умерла. Я лежала в кромешной тьме. Я не видела снов. Я не думала. Нельзя сказать, что это была я, потому что я была — никто. Может, после того, что случилось, я была уже не совсем я. Потому что, когда я проснулась, все вокруг изменилось. Меня одели в прежнее платье и в прежние ботинки и отвели в прежнюю

мою комнату — я шла за ними послушно, как овечка. Тело мое все было покрыто синяками, горело огнем, но я этого словно не замечала. Я не плакала. Я села и, как прочие дамы, уставилась в пустоту. Поговаривали о том, чтобы надеть на меня холстинные наручники на случай, если будет новый припадок, но я лежала так тихо, что они отказались от этой мысли. Сестра Бекон поговорила обо мне с доктором Кристи. Глаз ее был подбит, и я предположила, что, оставшись со мной наедине, она изобьет меня — но, думаю, я бы стойко выдержала побои. Но, кажется, и она изменилась, как и все вокруг. Она глядела на меня как-то странно, и когда в ту ночь я лежала, уставясь перед собой, тогда как другие дамы зажмурились, она подошла ко мне.

— Ну как, все в порядке? — спросила она ласково. Глянула на соседние кровати, потом снова на меня. — Все ничего, а, Мод? Позабавились, да? Всем нам тут время от времени нужно встряхнуться, не то с ума сойдем ...

Я отвернулась к стене. Думаю, она еще следила за мной. Но мне было все равно. Все мне теперь стало безразлично. Прежде я была постоянно на взводе. Только и думала что о побеге, и вот где оказалась в результате. Теперь же миссис Саксби

с мистером Иббзом, Джентльмен и даже Мод казались мне далекими и расплывчатыми, словно в тумане. Словно мысли мои окутало дымом или кто-то задернул перед ними тяжелую штору. Когда я мысленно попыталась вновь пробежаться по улицам Боро, я поняла, что не знаю дороги. Никто здесь, кроме меня, не знал этих улиц. Если заходила речь о Лондоне, дамы вспоминали места, где проходила их светская юность, но это был какой-то другой город, о нем я понятия не имела, для меня он был все равно что Бомбей. Никто здесь не называл меня настоящим именем. Я стала откликаться на «Мод» или «миссис Риверс», порой мне казалось, что я и впрямь Мод, раз все они так считают. А иногда мне снились сны — не мои сны, а ее, а еще я вспоминала «Терновник» и то, что говорила и делала она, но так, словно это были мои собственные слова и поступки.

Сестры — все, кроме сестры Бекон, — стали со мной после ночи в ванной еще строже. Но я привыкла к тычкам и затрещинам. Привыкла видеть, как бьют других дам. Ко всему привыкла. И к постели, и к ярко горящей керосиновой лампе, к мисс Уилсон и миссис Прайс, к Бетти, к доктору Кристи. И пиявки его меня уже не так пугали. Но мне их почему-то не ставили. Он сказал, что, раз

я называю себя Мод, это доказывает не то, что я иду на поправку, а что болезнь моя перешла в другую стадию и может возобновиться. Но пока не возобновилась, меня решили не лечить, так что на время меня оставили в покое. Однако поговаривали, что он теперь вообще остерегается кого-либо лечить, поскольку даму, изъяснявшуюся по-змеиному, он так прекрасно вылечил, что мать забрала ее домой, а еще две дамы скончались, а от этого денежное содержание заметно сократилось. Теперь каждое утро он щупал мой пульс, заглядывал в рот и отходил. В спальнях он теперь не задерживался, поскольку воздух там стал спертый, не продохнуть. Мы же, разумеется, проводили в них большую часть времени, я и к этому постепенно привыкла.

Одному богу известно, к чему бы еще я привыкла там. Одному богу известно, сколько бы еще меня там продержали — может быть, годы и годы. Может, столько же, сколько бедную мисс Уилсон, потому что — кто знает? — вдруг и она была не безумней меня, когда брат поместил ее сюда. Может, я и сейчас сидела бы там. При одной мысли об этом у меня мурашки бегут по коже. Я ведь могла навсегда там остаться, а миссис Саксби, мистер Иббз и Джентльмен и даже Мод — где

бы они были сейчас?

И об этом я тоже задумываюсь.

Но я все-таки выбралась. Фортуна улыбнулась мне. Фортуна слепа, и невозможно предугадать, куда она повернет. Фортуна привела Елену Троянскую к грекам — так, кажется? — а принца — к Спящей Красавице. По ее велению я чуть не все лето протомилась у доктора Кристи, и вот послушайте, кого она мне послала.

С тех пор как меня окунали, прошло, думается, недель пять-шесть — на дворе еще стоял июль. Представляете, до чего я в ту пору отупела? Лето выдалось жаркое, и среди бела дня всех клонило ко сну, мы спали. Спали утром, пока колокольчик не созывал нас к обеду, а после этого дамы сидели в гостиной, клевали носом, дремали, свесив голову на грудь и пуская слюни на застиранные воротнички. Больше делать было нечего. Незачем было открывать глаза. А во сне время шло незаметно. Я тоже спала, как и все. Так много спала, что, когда сестра Спиллер однажды поутру зашла к нам в комнату и сказала: «Мод Риверс, пойдемте со мной, к вам посетитель», — им пришлось меня растолкать и снова повторить то же самое, и, когда до меня дошел смысл ее слов, я не поняла, кто бы это мог быть.

— Посетитель? — переспросила я.

Сестра Спиллер скрестила руки на груди.

— Не ожидали? Так, может, отправить его домой?

И посмотрела на сестру Бекон; та, как обычно, потирала руки и моргала.

— Плохо? — спросила участливо.

— Жалит, как скорпион, сестра Спиллер.

Та поцокала языком.

Я снова спросила:

— Посетитель? Ко мне?

Она зевнула:

— К миссис Риверс вообще-то. Вы сегодня она или как?

Я и сама не знала. Но встала, чувствуя, как предательски дрожат ноги и кровь бешено стучит в висках, потому что если посетитель — мужчина, тогда, будь я Мод, или Сью, или вообще кто угодно, он, конечно же, Джентльмен. Весь мир вокруг сжался в один этот образ, я знала лишь, что меня погубили, и виноват в этом именно он. Я посмотрела на мисс Уилсон. И вспомнила, как месяца три назад говорила ей, что, если он придет, я его убью. И я не шутила тогда. Теперь же при мысли о том, что я взгляну ему в глаза, мне вдруг стало дурно.

Сестра Спиллер заметила мою нерешительность.

— Идемте же, — сказала она, — пошевеливайтесь. Не обращайте внимания на прическу. — Я провела рукой по волосам. — Уверена, чем более безумной вы ему покажетесь, тем лучше. Не разочаруется, верно? — И посмотрела на сестру Бекон. А потом повторила: — Идем! — И я, очнувшись, заковыляла вслед за ней по коридору, а потом вниз по лестнице.

Была среда — мое счастье, хотя я тогда об этом не знала, потому что по средам доктор Кристи и доктор Грейвз садились в карету и уезжали подбирать новых сумасшедших дам и в доме было тихо. Кучка сестер и с ними двое санитаров стояли в холле перед открытой дверью, дышали свежим воздухом, у одного из мужчин была сигарета, и при появлении сестры Спиллер он спрятал ее за спину. На меня они даже не взглянули, да и я их не особо рассматривала. Я думала о том, что сейчас произойдет, и с каждой секундой волнение мое усиливалось.

— Сюда, — проговорила сестра Спиллер, кивая на дверь гостиной. Потом взяла меня под руку и потянула к себе. — И забудьте про эти ваши выходки. «Тихая» комната наготове — в такой

день там только и сидеть. И не занята к тому же. А слово мое — закон, пока врачи в отъезде. Вы меня слышите?

И тряхнула меня. А потом втолкнула в зал.

— Вот она, — объявила, обращаясь к кому-то, но уже другим тоном.

Я ожидала увидеть Джентльмена. Но это был не он. Это был светловолосый голубоглазый мальчик в синей курточке, и в первую секунду, как только я его увидела, меня охватило смешанное чувство радости и разочарования, причем такое острое, что я едва не упала в обморок, потому что сперва я его не узнала и подумала, что произошла какая-то ошибка, что он к кому-то другому пришел. Потом увидела, как он удивленно вглядывается в мои черты, и тут наконец — словно имя его и облик постепенно всплыли со дна моей памяти, проступили сквозь мутную взвесь, — наконец я узнала его, хоть он и был одет не как слуга. Это был Чарльз, мальчик-слуга из «Терновника». Он рассматривал меня с удивлением, как я уже говорила, потом поднял голову и поглядел куда-то поверх меня, мимо сестры Спиллер, словно ожидая, что Мод войдет следом. И снова посмотрел на меня и округлил глаза.

И это меня спасло. За все время, прошедшее с

тех пор, как я распрощалась с миссис Крем, это был первый человек, увидевший во мне не Мод, а Сью. Он вернул мне мое прошлое — и будущее тоже, потому что в тот миг, когда я стояла в дверях, смотрела ему в глаза и видела одно лишь недоумение, оторопь мою как рукой сняло, и в голове у меня сложился план. Весь как есть, до последней детали.

План был отчаянный.

— Чарльз! — сказала я. Я отвыкла разговаривать, и мой голос скорее походил на карканье. — Чарльз, меня трудно узнать. Наверное... наверное, я сильно переменилась. Но как же мило с твоей стороны, что ты решил проведать свою бывшую госпожу!

И, подойдя к нему, я взяла его за руку, по-прежнему пристально глядя ему в глаза, а потом притянула его к себе и прошептала, едва сдерживая слезы:

— Скажи, что я — это она, иначе я погибла! Я дам тебе все, что захочешь! Скажи, что я — это она. О, пожалуйста, скажи так!

Я сильнее сжала его руку, он отступил на шаг. От фуражки, которую он обычно носил, на лбу отпечатался красный рубец. В один миг все лицо его приобрело такой же цвет. Он открыл рот. И

произнес:

— Мисс, я... Мисс...

Конечно же, так он должен был обращаться ко мне раньше, в «Терновнике». И слава богу, что он так сказал! Сестра Спиллер услышала его слова и произнесла с мрачным удовлетворением:

— Ну разве не чудо, как в голове-то прояснилось, стоило встретить знакомое лицо? Вот доктор Кристи порадуется!

Я обернулась к ней. Довольной ее трудно было назвать.

— Не будем заставлять молодого человека стоять тут навытяжку. Он сюда долго добирался. Да, садитесь. Только не близко, юный сэр. Неизвестно, что через минуту придет им на ум — начнутся опять истерики, с самыми тихими и то бывает. Так-то лучше. Ну а я пока тут постою, у двери, и если заметите неладное, дайте мне знать, договорились?

Мы уселись на жесткие стулья у самого окна. Чарльз все еще в замешательстве, он моргает и явно испуган. Сестра Спиллер встала перед открытой дверью. Там попрохладнее. Сложив руки на груди, она следит за нами, но время от времени отворачивается и кивает сестрам в холле, о чем-то с ними вполголоса переговаривается.

Рука Чарльза все еще в моих ладонях. Я не могу его отпустить. Склонившись к нему, дрожа от волнения, я зашептала:

— Чарльз, я... Чарльз, я никому так не радовалась, как тебе, ни разу в жизни! Ты... Ты должен помочь мне.

— Но вы ведь мисс Смит? — спросил он, тоже шепотом.

— Тише! Тише! Да. О да! — На глаза навернулись слезы. — Но здесь нельзя об этом говорить. Ты должен называть меня... — Я на всякий случай глянула на сестру Спиллер, потом продолжала, еще тише: — Ты должен называть меня «мисс Лилли». Не спрашивай почему.

О чем я в тот миг подумала? Быть может, о той даме, что говорила по-змеиному, или о двух старых дамах, скончавшихся недавно. И о том, что сказал доктор Кристи: будто болезнь моя перешла в другую стадию, но очень скоро может возобновиться. Я подумала, что, если он услышит, что Чарльз назвал меня не Мод, а Сью, врач опять примется меня лечить хуже прежнего — может, даже свяжет, посадит в «тихую», велит окунать в ванну, да и Чарльза со мной заодно. Иными словами, от страха у меня разум помутился. Но план я тем не менее придумала. И с каждой секундой я

видела его все ясней.

— Не спрашивай почему, — повторила я. — Но какую же злую шутку со мной сыграли! Они придумали, что я безумна, Чарльз.

Он огляделся по сторонам.

— Это дом для умалишенных? — сказал он. — Я думал, это богатая гостиница. Думал найти там мисс Лилли. И... мистера Риверса.

— Мистер Риверс! — вздохнула я. — О, дьявол! Он обманул меня, Чарльз, и укатил в Лондон с деньгами, которые должны были стать моими. Вместе с Мод Лилли укатил! Ох, ну и парочка! А сами бросили меня здесь — умирать!..

Голос мой зазвенел от гнева, я не могла сдержаться, словно кто-то и впрямь безумный заговорил вдруг моими устами. Я сжала руку Чарльза. Так крепко стиснула, что чуть не вывернула ему пальцы. А сама с опаской поглядела на сестру Спиллер. Та как раз отвернулась — прислонясь к косяку, беседовала с другими сестрами и с санитарами, все дружно чему-то смеялись. Я снова посмотрела на Чарльза и хотела продолжить разговор. Но в лице его я заметила перемену, и это меня остановило. Лоб и щеки его из пунцовых стали белыми, и он прошептал:

— Как? Мистер Риверс уехал в Лондон?

— В Лондон, — кивнула я, — или еще куда. Хоть к черту на кулички, с него станется!

Он открыл было рот, дернулся. Потом вырвал руку и закрыл ладонями лицо.

— Ох! — проговорил он сипло, почти как я прежде. — Ох, тогда я пропал!

И, к моему великому изумлению, заплакал.

И, давясь слезами, поведал мне свою историю. Оказалось, что — как я и предполагала несколько месяцев назад — жизнь в «Терновнике» после отъезда Джентльмена показалась Чарльзу невыносимо скучной. Он начал хандрить. И так долго хандрил, что мистер Пей решил его высечь.

— Он сказал, что шкуру с меня сдерет, — пожаловался Чарльз, — да так и сделал. Боже мой, как же я орал! Но это бы еще ничего — я хочу сказать, мисс, мне бы и сотня порок нипочем, — если бы не сердечные муки.

Он так об этом сказал, что я поверила: он действительно страдал. Потом он замолк, словно представлял, что я стукну его или усмехнусь, он был готов снести любой удар. Но я ответила лишь — с горечью, конечно:

— Я тебе верю. Мистер Риверс умеет помучить.

Я в тот момент подумала про Мод. Чарльз, похоже, не заметил.

— Да! Что за джентльмен! О, разве я не прав?

Он утер нос. Потом опять принялся плакать. Сестра Спиллер поглядела на него и скривилась — и только. Может, посетители здесь всегда плачут.

Когда она снова отвернулась к собеседницам в холле, я посмотрела на Чарльза. При виде его горя у меня у самой прояснился разум. Я подождала, пока он выплачется, а потом пригляделась к нему получше. Я заметила то, что с первого раза не разглядела: шея его грязна, волосы всклокочены, как у цыпленка, местами слиплись, словно он приглаживал их, послюнив ладошку. К рукаву пристала соломинка. Брюки в пыли.

Он отер слезы и, увидев, что я изучаю его, засмущался и покраснел пуще прежнего.

Я тихо сказала:

— Расскажи мне правду, как хороший мальчик. Ты сбежал из «Терновника», да?

Он закусил губу, потом кивнул.

— И все из-за мистера Риверса? — спросила я.

Он снова кивнул. Потом вздохнул.

— Мистер Риверс все говорил мне, мисс, что с радостью взял бы меня к себе в услужение, если бы у него были деньги на нормальное жалованье. Я и подумал, уж лучше работать у него, пусть даже без денег, чем оставаться в «Терновнике».

Но как отыскать его в Лондоне? Потом — вся эта заварушка с побегом. Как мисс Мод удрала, все в доме стало вверх дном. Мы решили, она к нему убежала, но наверняка никто не знал. Все охали: какой скандал! Половина девушек уволилась. Миссис Кекс тоже взяла расчет — и теперь кухаркой у других господ. Маргарет встала у плиты. Мистер Лилли в уме повредился. Мистер Пей кормит его с ложечки!

— Миссис Кекс, — повторила я, нахмурив брови. — Мистер Пей. — Эти имена были для меня как яркие огонечки: едва зажигался один, в голове тотчас становилось светлей. — Маргарет. Мистер Лилли. — А потом: — С ложечки! И все из-за... И все из-за того, что Мод сбежала с мистером Риверсом?

— Не знаю, мисс. — Он покачал головой. — Говорят, его лишь через неделю проняло, потому что поначалу он был вроде спокоен, пока не обнаружил, что кто-то повредил его книги — или что-то вроде того. Как был в библиотеке, так и упал замертво. И вот теперь даже перо в руку взять не может, а слова все забыл. Мистер Пей велел мне возить его в кресле на колесах, а я пройду десяток шагов — и в слезы! Вообще ничего делать не могу. В конце концов меня услали к тетушке, ходить

за черномордыми свиньями. Говорят, — он снова шмыгнул носом, — говорят, уход за свиньями лечит от меланхолии. Хотя мне вот не помогло...

Я на миг отвлеклась от его рассказа. В голове у меня блеснул маячок — ярче остальных. Я снова взяла его за руку.

— Черномордые свиньи, говоришь? — Я впилась в него взглядом.

Он кивнул.

Тетушкой его была миссис Крем.

В деревне всегда так. Я ведь никогда не интересовалась, какая у него фамилия. Он спал в той же комнате, что и я, на том же соломенном матрасе, полном мелких жучков. Когда его тетушка принялась рассказывать про джентльмена с дамой, что приехали к ней и тайно обвенчались, он сразу догадался, кто они, но, не веря до конца своему счастью, счел за лучшее промолчать. Он узнал, что они вместе выехали в карете, а двоюродный брат, старший сын миссис Крем, который беседовал с кучером, сказал ему, как называется дом доктора Кристи и где он находится.

— Я думал, это шикарная гостиница, — повторил он, опасливо глядя по сторонам: на голые серые стены, на лампы, забранные сеткой, на оконные решетки.

Он убежал от миссис Крем три дня, вернее, три ночи назад — спал в придорожной канаве да под кустом.

— Было слишком поздно возвращаться, — сказал он, — когда я пришел сюда. У ворот я спросил мистера Риверса. Они проверили по книге и сказали: должно быть, я имею в виду его жену. Тогда я вспомнил, какой хорошей и доброй была мисс Мод, и уж если кто и может упросить мистера Риверса взять меня в услужение, так это она. И вот!

Губы его снова задрожали. Да уж, прав был мистер Пей: негоже такому большому мальчику реветь, и в другое время в другом месте я бы сама дала ему подзатыльник. Но теперь я смотрела на его слезы, и для моих измученных глаз они были как россыпи отмычек и спасительных ключиков.

— Чарльз, — сказала я, изо всех сил пытаясь казаться спокойной. — Тебе нельзя возвращаться в «Терновник».

— Еще бы, мисс, — ответил он. — Конечно нельзя! Как я вернусь? Мистер Пей с меня шкуру сдерет!

— Смею предположить, что и тетушка не очень тебе обрадуется.

Он кивнул:

— Ну да, начнет обзывать дураком.

— Тебе нужен мистер Риверс.

Он закусил губу и кивнул, не переставая плакать.

— Тогда послушай меня, — сказала я, на этот раз тихо-тихо, едва выдыхая слова, из боязни, что сестра Спиллер услышит. — Послушай меня. Я могу отвести тебя к нему. Я знаю, где его найти. Даже дом знаю. Я тебя туда отведу. Но прежде ты должен мне помочь отсюда выбраться.

Если я и слукавила, говоря, что знаю, где искать Джентльмена, то это была не совсем ложь, потому как я знала почти наверняка, что, стоит мне добраться до Лондона и заручиться помощью миссис Саксби, я быстро его отыщу. Но тогда я готова была и солгать. Думаю, и вы бы так поступили на моем месте. Чарльз уставился на меня и отер слезы рукавом.

— Помочь вам выбраться? Но как? — спросил он. — Почему вы сами не можете выйти, когда вам захочется?

Я не сразу ответила.

— Они считают меня сумасшедшей, Чарльз. Есть бумага с подписью — не важно чьей, — которая удерживает меня здесь. Таков закон. Видишь вон ту сестру? Какие у нее руки? У них тут два-

дцать таких же, и ручищи у них дай боже, они знают, как пустить их в ход. А теперь посмотри мне в глаза. Разве я безумна?

Он посмотрел, поморгал.

— Ну...

— Конечно же нет. Но здесь есть такие искусные безумцы, которые выдают себя за нормальных, и врачи и сестры не видят разницы между ними и мной.

И снова он огляделся по сторонам. Потом посмотрел на меня — точно так же, как за минуту до того я сама на него смотрела: как будто увидел меня впервые. Посмотрел на мои волосы, на платье, на грубые резиновые ботинки. Я поспешно спрятала ноги под платье.

— Я... я не знаю, — сказал он.

— Не знаешь — чего? В чем сомневаешься? Хочешь назад к тетушке, в свинарник? Или хочешь служить у мистера Риверса, в Лондоне... В Лондоне, заметь! Вспомни про слонов, на которых можно покататься за шиллинг. Трудно сделать выбор?

Он потупил взор. Я глянула на сестру Спиллер. Та зевнула и достала из кармана часы.

— Свиньи? — быстро проговорила я. — Или слоны? Выбирай. Ради бога, выбирай скорей.

Он пожевал губами.

— Слоны, — сказал он, помолчав немного.

— Молодец. Молодец. Слава богу. А теперь слушай. Сколько у тебя денег?

Он помялся.

— Пять шиллингов и шесть пенсов, — ответил он.

— Хорошо. Вот что ты должен сделать. Дойти до любого городка и найти слесарную мастерскую, а когда найдешь, то попросишь у них... — Я закрыла ладонью глаза. Мне показалось, что мутная вода вновь поднимается, разум затягивает пелена. Я чуть не вскрикнула от испуга. Потом пелена спала. — Попросишь у них болванку для ключа — обычного ключа, в один дюйм. Скажешь, хозяин просил. Если откажутся продавать, тогда своруешь. Не смотри на меня так! Мы им другую вернем, как только доберемся до Лондона. Когда получишь болванку, держи крепче, не потеряй. Пойдешь с ней к кузнецу. Достанешь напильник — видишь мои пальцы? — вот такой ширины. Покажи мне, какой ширины... Умница, понял. И напильник тоже храни как зеницу ока. Потом принесешь все это сюда, на следующей неделе — в следующую среду, только в среду! Ты меня слышишь? — и передашь мне. Понял меня? Чарльз?

Он уставился на меня. Я снова начала злиться. Но тут он кивнул. Потом увидел что-то за моей спиной и дернулся. Сестра Спиллер покинула наблюдательный пост у двери и теперь направлялась к нам.

— Время вышло, — сказала она.

Мы поднялись. Я оперлась о спинку стула, чтобы не упасть. Посмотрела на Чарльза — словно собиралась прожечь его взглядом. И снова схватила его за руку.

— Запомнил, что я сказала?

Он кивнул испуганно. Потупил взор. Стал высвобождать руку и отступил на шаг. Потом случилась странная вещь. Я почувствовала, как пальцы его скользнули по моей ладони, и поняла, что не могу его отпустить.

— Не уходи! — Слова вырывались из меня сами, помимо моей воли. — Не оставляй меня здесь, умоляю!

Он подскочил как ужаленный.

— Ну хватит, — сказала сестра Спиллер. — Времени нет. Пойдемте.

И попыталась отцепить меня. Ей это не сразу удалось. Высвободив руку, Чарльз сразу же прижал кулак к губам.

— Печально, не правда ли? — сказала ему сестра

Спиллер, придерживая меня. Плечи мои вздрагивали.— Не обращайте внимания. Они все так. Мы говорим, лучше вовсе не приходить, чем так. Лучше не напоминать им о доме. Они от этого возбуждаются.

И крепче обхватила меня. Чарльз побрел к выходу.

— И непременно расскажите домашним, в каком плачевном виде вы ее застали, обещаете?

Он посмотрел на нее, потом на меня и кивнул.

Я сказала:

— Чарльз, прости меня. — Зубы мои стучали, трудно было говорить. — Не обращай внимания. Это ничего. Ничего страшного.

Но я же видела, как он смотрит на меня: думает небось, что я и впрямь сумасшедшая, а раз он так думает, тогда я пропала, так навсегда и останусь у доктора Кристи и никогда не увижу миссис Саксби, и никогда не смогу отомстить Мод. И благодаря этой мысли я пересилила страх. Взяла себя в руки, и сестра Спиллер меня наконец отпустила. Подошла другая сестра — проводить Чарльза до дверей. Мне разрешили посмотреть, как он уходит, и — о! — это все, что мне оставалось делать, а так ведь хотелось броситься следом за ним! Он обернулся, споткнулся на пороге и встретился со

мной глазами. Вид у него был ошарашенный.

Я попыталась изобразить улыбку, но, наверное, у меня это плохо получилось.

— Помни! — крикнула я ему неожиданно для себя самой звонким и пронзительным голосом. — Помни про слонов!

Сестры так и покатились со смеху. Одна пихнула меня в бок. Силы мои иссякли, и от несильного тычка я свалилась как подкошенная. Лежала, скорчившись, на полу, а они стояли надо мной и хохотали: «Слоны, вот умора!» — и утирали слезы.

Неделя прошла ужасно. Разум ко мне вернулся, и в доме стало совсем невыносимо, и я подумала, до чего же я дошла, раз к такому притерпелась. Что, если за следующие семь дней снова привыкну? А может, я отупела? Что, если Чарльз вернется, а я с перепугу его не узнаю? Эта мысль меня едва не доконала. И я решила делать все возможное, чтобы опять не скатиться в прежнее полуобморочное состояние. Я щипала себя за руки, пока они не почернели от синяков. Кусала язык. Каждое утро я просыпалась с ужасным ощущением, что время уходит, а я его не замечаю. «Какой сегодня день недели?» — спрашивала я у мисс Уилсон и миссис Прайс. Они, разумеется, не

знали. Мисс Уилсон всегда казалось, что Страстная пятница. Тогда я обращалась к сестре Бекон.

— Какой сегодня день недели, сестра Бекон?

— День наказания, — всегда отвечала та, потирая больные руки.

И еще я боялась, что Чарльз не придет больше — что я напугала его своим безумным видом или что с ним что-нибудь случится. Я представляла себе всякие, даже вовсе невероятные причины, по которым он не сможет прийти сюда: например, его поймают цыгане или воры, затопчут быки или попадутся порядочные люди и уговорят вернуться домой. Однажды всю ночь лил дождь, и я представила, как он там спит в канаве: что, если канаву зальет водой и он утонет? Потом сверкнула молния, прогрохотал гром, и я представила, как он прячется под деревом, а в руке — напильник...

Так прошла неделя. Настала среда. Доктор Грейвз и доктор Кристи укатили в карете, а чуть позже сестра Спиллер заглянула к нам и сказала, глядя на меня:

— Вот чаровница наша! Опять к вам давешний паренек, с новым визитом. Пора объявлять о помолвке, раз такое дело...

И повела меня вниз. В холле легонько ткнула

меня в бок.

— Только без проказ, — предупредила она.

Чарльз на этот раз выглядел совсем запуганным.

Мы сели, как и раньше, на стулья у окна, и опять сестра Спиллер стояла в дверях и болтала с товарками в холле. Некоторое время мы сидели молча. Щеки у него были белы как мел. Я спросила шепотом:

— Чарльз, ты сделал, что я велела?

Он кивнул.

— Болванка?

Он снова кивнул.

— И напильник?

Снова кивок. Я закрыла лицо ладонями.

— Но на болванку, — сказал он жалобным тоном,— ушли почти все деньги. Слесарь сказал, что есть болванки, которые болванистее других. Вы меня не предупредили. Я взял самую болванистую.

Я раздвинула пальцы и встретилась с ним глазами.

— Сколько вы ему дали? — спросила я.

— Три шиллинга, мисс.

Три шиллинга за шестипенсовую болванку! Я снова прикрыла рукой глаза. Потом выпалила:

— Не важно, не важно. Все равно молодец.

И рассказала ему, что делать дальше. Он должен быть вечером у стены парка. Должен отыскать место, где растет самое высокое дерево, и ждать меня там. Может быть, всю ночь придется ждать, потому что я не могу сказать наверняка, сколько времени займет у меня побег. От него требуется только, чтобы он ждал и был готов бежать в любую минуту. А если я не приду, значит, что-то мне помешало, и в этом случае он должен прийти туда же на следующую ночь и опять меня ждать — и так три ночи подряд.

— А если вас и тогда не будет? — спросил он, округлив глаза.

— Если меня и тогда не будет, — сказала я, — ты вот что сделай: отправляйся в Лондон, найдешь там улицу, которая называется Лэнт-стрит, там живет одна дама по имени миссис Саксби, расскажешь ей, где я и что со мной. Боже мой, Чарльз, как же она меня любит! И тебя полюбит, раз ты мой друг. Она придумает, что делать.

Я отвернулась. Глаза мои наполнились слезами.

— Сделаешь? — спросила я наконец. — Поклянись!

Он поклялся.

— Дай руку, — сказала я потом и, заметив, как она дрожит, не решилась доверить ему тайную передачу болванки и напильника, боялась, что уронит.

Вещи лежали у него в кармане, и я вытянула их незаметно, перед тем как мы расстались, — пока сестра Бекон смотрела на нас и умилялась, как он целует меня в щеку и краснеет. Напильник перекочевал ко мне в рукав. Болванку я зажала в руке и, когда поднималась по лестнице, наклонилась, будто бы подтянуть чулок, и незаметно сунула в ботинок.

Потом я легла на кровать. Подумала о взломщиках, известных мне лично или понаслышке, припомнила, как они похвалялись. Я теперь как они. У меня есть напильник, у меня есть болванка. И дружок по другую сторону ограды сумасшедшего дома. Теперь остается только раздобыть ключ — и за короткое время выпилить копию.

И вот как я это сделала.

В тот вечер, когда сестра Бекон уселась на стул тереть пальцы, я сказала:

— Сестра Бекон, можно, сегодня я поухаживаю за вами? Вместо Бетти. Бетти это не нравится. Она говорит, что мазь воняет, как котлета.

Бетти только рот разинула.

— У-у! У-у! — заскулила она.

— О господи! — сказала сестра Бекон. — Как будто мало нам жары. Успокойтесь, Бетти! Котлетой воняет, говорите? И это плата за всю мою доброту?

— Да нет же! Не говорила я!

— Говорила. Как котлета на сковородке, — сказала я. — Позвольте, я это сделаю. Смотрите, какие у меня ловкие и нежные руки.

Сестра Бекон поглядела, но не на руки мои, а на лицо. Потом закатила глаза.

— Бетти, заткнись! — сказала она. — Какой шум, а у меня пальцы огнем горят. Мне-то все равно, кто это сделает, но лучше уж спокойная девочка, а не шумная. Вот они. — С этими словами она сунула было большой палец в карман, но тут же выдернула, морщась от боли. — Выньте их, — попросила меня.

Она имела в виду ключи. Я, помедлив немного, вытащила их. В кармане они нагрелись. Она следила за мной.

— Вот этот малюсенький, — сказала она.

Я схватила его, остальные звякнули, провиснув на цепи. Я подошла к шкафу и сняла с полки банку с мазью. Бетти месила воздух ногами и рыдала в подушку. Сестра Бекон откинулась на спину,

засучила рукава. Я села рядом и стала втирать мазь в раздутые пальцы — я сотни раз видела, как это делается, и просто повторяла движения. Так я натирала ее примерно с полчаса. Иногда она морщилась, вскрикивала. Потом веки ее опустились, но она продолжала следить за мной из-под полуопущенных ресниц. Вид у нее стал мечтательный и, я бы даже сказала, счастливый.

— Не так уж и трудно, да? — пробормотала она. — Как, по-вашему?

Я промолчала. В этот момент я думала не о ней, а о том, через что мне предстоит пройти сегодняшней ночью. И если она и заметила, что лицо у меня разгоряченное, то наверняка приписала это стыдливости. Если я и казалась сегодня не такой, как всегда, то что ей до этого? Все мы здесь чудные… Наконец она зевнула, отняла руки, потянулась и во мне будто что-то оборвалось. Она этого не заметила. Я пошла относить банку обратно в шкаф. Сердце замирало в груди. На все про все у меня была лишь секунда. Ключ от шкафа торчал в дверце, на нем висела вся связка — тот, что был нужен мне, дверной, был как раз в самом низу. Красть его я не собиралась — она бы заметила. Но на Лэнт-стрит частенько заглядывали всякие типы — кто с куском мыла или

воска, кто с комом замазки... Я схватила ключ и быстро, но очень осторожно сунула его в банку и придавила.

На поверхности отпечатались все щербинки бородки — лучшего и желать не надо. Я только глянула — и быстро завинтила крышку, а потом поставила банку на полку. Дверь шкафа я прикрыла, но только сделала вид, что запираю. Ключ я протерла об рукав. Отнесла его сестре Бекон, та снова, как прежде, оттопырила большим пальцем карман.

— Сюда, сюда, — сказала она, когда я опускала связку в карман. — На са-амое дно. Вот так.

Я не могла смотреть ей в глаза. Пошла к своей кровати, оставив ее сидеть и дремать, как она всегда делала, пока сестра Спиллер не придет давать нам лекарства. Я в последнее время выпивала свою порцию заодно со всеми, но сегодня выплеснула — на этот раз на матрас — и вернула пустую кружку. Потом стала ждать, что сестра Бекон будет делать дальше. Если бы она пошла к шкафу — скажем, за газетой, за печеньем или за своим вязаньем или еще за чем, если бы она пошла к шкафу и, обнаружив, что он открыт, заперла бы его, тем самым испортив мой план, я даже не знаю, что сделала бы. Убила бы ее, наверное. Но,

слава богу, этого не случилось. Она просто сидела на стуле и спала. Она спала так долго, что я уж стала беспокоиться: а вдруг она вообще никогда не проснется? Тогда я покашляла, потом бросила об пол башмак, еще поерзала на кровати — так, чтобы железные ножки заскрежетали, — она все не просыпалась. Неожиданно проснулась сама: привиделось ей что-то во сне. Встала, переоделась в ночную сорочку. Я, прикрыв рукой лицо, следила за ее действиями сквозь пальцы: видела, как она стоит, почесывая живот, как озирается, вглядываясь в лица спящих, потом замечает меня, и словно ее осеняет какая-то мысль...

Но, похоже, она от этой мысли отказалась. Может быть, из-за жары. Она снова зевнула, повесила цепочку с ключами себе на шею, улеглась в постель и вскоре захрапела.

Я стала считать храпы. Досчитав до двадцати, встала. Как привидение, пошла к шкафу и достала банку с мазью.

И принялась вытачивать ключ. Не могу сказать, сколько времени на это ушло. Знаю только, что не один час — потому что, конечно же, хотя напильник был тонкий и я работала, накрывшись с головой простыней и покрывалом, чтобы не слышно было, все же скрежет железа казался

мне чересчур громким, и я пилила, лишь когда сестра Бекон в очередной раз всхрапывала. Но даже и тогда я не могла пилить быстрей, потому что приходилось все время прикладывать болванку к отпечатку и сравнивать, что получилось, а еще пальцы сводило от боли и надо было их разминать, они стали потными, и болванка все норовила выскользнуть из рук. Тяжко пришлось, но нечего делать... Казалось, я чувствую, как ночь истекает, уходит, словно песок сквозь пальцы, а когда сестра Бекон не храпела, я делала передышку и ненадолго приходила в себя — переводила взгляд с одной кровати на другую, смотрела на лица спящих дам, и в комнате было так тихо, что, казалось, время остановилось и я в нем застыла навеки. В ту ночь обошлось без кошмаров, никто не кричал, не звал на помощь, колокол не звонил, всех сморил глубокий сон. И лишь одна бессонная душа была во всем доме, а может, и в целом мире, да только я знала, что и Чарльз сейчас тоже не спит — стоит по другую сторону каменной ограды, ждет меня, а за ним — где-то далеко-далеко — миссис Саксби тоже ждет: может, вздыхает обо мне, лежа в постели, или ходит взад-вперед, заламывая руки, зовет меня по имени... И от этой мысли я с удвоенной силой накидывалась на

работу, и рука, державшая напильник, двигалась еще быстрее и увереннее...

Наконец настал миг, когда, поднеся болванку к банке, я увидела, что выемки совпадают. Ключ был готов. Я сжимала его, словно в полусне. Пальцы мои запачкались в железной пыли, липкой от пота, и онемели от напряжения. Надо бы перевязать платком, но я не стала. Очень осторожно встала с кровати, надела клетчатое платье, сунула ноги в резиновые башмаки. И еще прихватила гребешок сестры Бекон. Вот и все. Когда я брала его с ночного столика, она повернула голову. Я затаила дыхание, но она не проснулась. Я постояла немного, глядя ей в лицо. И внезапно почувствовала угрызения совести. И подумала: «Как она, должно быть, огорчится, когда узнает, как я ее провела!» Я вспомнила, как она обрадовалась, когда я предложила помазать ей руки.

Странная мысль, и в такой неподходящий момент! Я посмотрела на нее еще некоторое время, потом направилась к двери. Медленно, очень медленно вложила ключ в замочную скважину. Медленно, очень медленно стала поворачивать. «Боже, помоги, — прошептала я, когда ключ повернулся.— Дорогой Господь, клянусь, я буду хорошей, буду честной до конца своих дней,

обещаю тебе...» Ключ заело, и он застрял. «Черт побери!» — ругнулась я. Наверное, я все-таки плохо сработала, и теперь он не проворачивался ни вправо, ни влево. «Черт! Вот дрянь какая!» Я схватилась покрепче, нажала — опять ничего — и наконец оставила попытки. Вернулась к своей кровати, взяла банку с мазью, густо смазала замочную скважину снаружи, потом вдула в нее мазь. Потом, не помня себя от страха, снова взялась за ключ, и на этот раз — на этот раз он провернулся.

После этого мне предстояло открыть еще три двери. С каждой из них было так же: сначала замок заедало, и его приходилось смазывать, — и каждый раз я с ужасом прислушивалась к скрежету металла и спешила побыстрее повернуть ключ. Но никто не проснулся. В коридорах было жарко и тихо, на лестнице и в холле не было слышно ничьих шагов. Входная дверь была на засовах, так что ее можно было открыть и без ключа. Я оставила ее открытой. Все оказалось так просто, как тогда, когда мы с Мод убегали из «Терновника», и только на аллее перед домом мне вдруг сделалось страшно, потому что, ступив на гравий, я услышала шаги, а потом голос. Кто-то тихонько позвал: «Эй!» — и я чуть не умерла на

месте. Я думала, меня окликают. Потом послышался женский смех, и я увидела две мужские фигуры: это были мистер Бейтс с напарником и еще с ними была сестра Флю с косящим глазом. «Какие у вас...» — начал было мужской голос, но окончания фразы я не услышала. Они прошли за кустами, ближе к дому. Сестра Флю опять хохотнула. Потом смех оборвался, и снова все стихло.

Я не стала дожидаться, чем все это кончится. Я побежала — сначала осторожно, на цыпочках, через гравийную дорожку, потом — быстро и не таясь — по зеленому газону. На дом я даже не оглянулась. Я не думала о дамах, оставшихся там. Наверное, надо было на бегу бросить ключ на дорожку в огороженном садике, чтобы кто-нибудь из гуляющих его подобрал. Но я этого не сделала. Я спасала только себя. Мне было слишком страшно. Отыскала самое высокое дерево, еще полчаса ушло на то, чтобы взобраться по узловатому стволу, — я срывалась, падала, снова карабкалась, и в другой раз упала, и в третий, и в четвертый, но в конце концов как-то ухитрилась забраться на нижний сук, а с него уже перелезла на следующий, над ним, и так, хватаясь за трескучие колышущиеся ветви, добралась до стены... Как мне это удалось, один бог ведает. Но знаю

лишь одно: мне это удалось.

— Чарльз! Чарльз! — тихонько окликнула я, перегнувшись через кирпичную стену.

Ответа не было. Но ждать я не стала. Прыгнула. Ударилась о землю и вдруг услышала вопль. Это был он. Он так долго ждал, что в конце концов заснул. Свалившись, я чудом его не задела.

От его крика залаяла собака, за ней — другая. Чарльз испуганно зажал рукой рот.

— Бежим! — сказала я.

И схватила его за руку. И мы побежали прочь.

Мы бежали по траве, ломились сквозь живые изгороди. Ночь была темной, дороги не разобрать, и я со страху решила идти напролом. Чарльз то и дело спотыкался или хватался за бок, чтобы перевести дух, и тогда я останавливалась и прислушивалась, но ничего не было слышно, разве что птичка защелкает да ветер подует или мышь прошуршит в траве. Вскоре начало светать — мы увидели светло-серую полосу дороги.

— Куда дальше? — спросил Чарльз.

Я не знала.

Когда мне в последний раз привелось выбирать дорогу? Не помню, должно быть, очень давно. Я огляделась по сторонам, и земля под светлеющим небом показалась мне пугающе широкой

и необозримой. Потом я заметила, что Чарльз смотрит на меня и ждет. Я подумала о Лондоне.

— Туда, — сказала я и уверенно зашагала вперед, и страх как ветром сдуло.

Так потом и было всю дорогу: стоило нам оказаться на перекрестке двух или трех дорог, я останавливалась и мысленно представляла себе Лондон, и, словно Дика Уиттингтона,[16]меня вдруг осеняло, в какую сторону идти. Когда небо стало совсем бледным, послышался топот копыт и скрип колес. Конечно, лучше, если бы нас кто-нибудь подвез, но каждый раз, завидев телегу или экипаж, я опасалась: а вдруг это за нами погоня, из сумасшедшего дома? И лишь когда мы увидели пожилого фермера, выезжавшего из ворот в тележке, запряженной осликом, я подумала: уж он-то точно не из людей доктора Кристи. И мы кинулись ему наперерез, он придержал ослика, мы сели к нему и ехали так примерно час. Я расплела косы, вычесала из волос нитки, и после этого волосы у меня встали дыбом, а покрыть их было нечем, так что я взяла у Чарльза платок и повязала его на голову. Я сказала, что мы брат с сестрой, что гостили у тетушки и теперь возвра-

[16] Примечания: 16

Лорд-мэр Лондона, живший в конце XVIII века; о том, как он из бедного стал богатым и прославился, сложена народная сказка.

щаемся обратно в Лондон.

— В Лондон, говоришь? — удивился фермер. — Сказывали, там можно сорок лет прожить и ни разу не встретить соседа. Верно это?

Он ссадил нас на обочине на подъезде к городку и показал, куда идти дальше. Мы проехали около девяти или десяти миль. Оставалось еще сорок. Было раннее утро. Мы нашли пекарню и купили хлеба, но женщина в лавке так подозрительно поглядывала на мои волосы, одежду и резиновые ботинки, что я подумала: зря мы сюда зашли, лучше уж остаться голодными. Мы уселись на траве на погосте у церкви, меж двух покосившихся надгробий. С колокольни донесся звон, и мы оба вздрогнули.

— Семь часов, — сказала я. У меня вдруг испортилось настроение. Я покрутила гребешок сестры Бекон. — Сейчас они, наверное, проснутся и увидят, что меня в постели нет. Если раньше не увидели.

— Мистер Пей начищает ботинки, — произнес Чарльз, и губы его дрогнули.

— Подумай лучше о ботинках мистера Риверса, — быстро перебила я его. — Наверняка их нужно почистить. В Лондоне с ботинками просто ужас что делается.

— Правда?

Он сразу повеселел. Мы доели хлеб, встали, отряхнулись. Мимо прошел человек с лопатой. Он посмотрел на нас примерно так же, как женщина в хлебной лавке.

— Думает, мы лудильщики, — сказал Чарльз, глядя ему вслед.

Но я представила, как люди из сумасшедшего дома рыщут по округе, спрашивают, не видел ли кто девчонку в клетчатом платье и в резиновых башмаках.

— Идем. — Я решительно встала, и мы снова свернули с дороги и пошли по тропинке, через поле.

Мы старались держаться как можно ближе к живой изгороди, хотя трава там была выше и идти было труднее.

Солнечные лучи нагрели воздух. Появились бабочки и пчелы. Я то и дело останавливалась, снимала с головы платок и вытирала потное лицо. Я никогда в жизни не ходила так далеко и таким быстрым шагом, а в последние три месяца и вовсе топталась на пятачке за каменной стеной. На пятках у меня вскочили волдыри размером с шиллинг. Я подумала: «Нет, не видать мне Лондона!»

Но каждый раз, когда я так себе говорила, я вспоминала о миссис Саксби — интересно, какое у нее будет лицо, когда я шагну за порог нашего домика на Лэнт-стрит. И еще вспомнила о Мод — где бы она сейчас ни была. Какое у нее лицо.

Хотя лицо ее мне виделось сейчас довольно смутно. И это было странно.

Я сказала:

— Скажи-ка, Чарльз, какие у мисс Лилли глаза? Карие или голубые?

Он посмотрел на меня ошарашенно:

— По-моему, карие, мисс.

— А ты уверен?

— Мне так кажется, мисс.

— Ну, наверное, ты прав.

Но все-таки полной уверенности не было. Я прибавила шагу. Чарльз бежал рядом, тяжело дыша.

Ближе к полудню мы увидели впереди ряд сельских домиков, за ними начиналась деревенская улица. Я велела Чарльзу остановиться, и мы притаились у изгороди, за кустами, чтобы получше рассмотреть окна и двери. Из одного окошка высунулась девушка — она вытряхивала тряпки, но через минуту скрылась, и окно захлопнулось. В другом окне мелькнула женщина с ведерком и

тоже вскоре скрылась. Окна следующего дома были наглухо закрыты и темны, но я предположила, что за ними есть что-нибудь, что можно стащить: подойти, например, к дому и постучаться, и, если никто не выглянет, можно попытаться отодвинуть щеколду. Но пока я раздумывала, собираясь с духом, в крайнем доме послышались голоса. Мы посмотрели туда: у калитки стояла женщина, а рядом с ней двое детишек. Женщина надевала чепец и целовала детей на прощанье.

— А ты, Дженет, — говорила она старшей девочке, — приглядывай пока за малышом. Я вернусь и дам тебе яичко. Можешь пока подшить платочек, только осторожней, не уколись иглой.

— Хорошо, мама, — ответила девочка.

Она подставила щеку для поцелуя, потом залезла на перекладину калитки и стала на ней качаться. Мамаша пошла прочь, мимо нас с Чарльзом, но нас не заметила — мы спрятались за кустами.

Я проводила ее взглядом. Потом посмотрела на девочку — она теперь слезла с калитки и, держа за ручку братика, направлялась к дому. Дверь дома распахнута.

Я поглядела на Чарльза и сказала:

— Чарльз, судьба нам наконец улыбнулась.

Дайка мне шестипенсовик, а?

Он пошарил в кармане.

— Нет, этот не годится. А получше у тебя нет?

Я выбрала самую блестящую монетку и для пущего блеска потерла о рукав.

— Что вы задумали, мисс? — спросил он.

— Не важно. Стой здесь. И если кто пойдет, свистни.

Я разгладила юбку, потом вышла из-за укрытия и шагнула за калитку, словно только что с дороги. Девочка оглянулась и увидела меня.

— Ну как, все в порядке? — спросила я. — Ты ведь Дженет, верно? Я только что встретила твою маму. Смотри, что она мне дала. Монетку. Правда, красивая? Она сказала: «Передайте, пожалуйста, эту монетку моей малышке Дженет и еще, что я прошу ее сбегать в лавку и купить муки». Сказала, что забыла и только что вспомнила. Ты ведь знаешь, что такое мука? Ну и умница. И знаешь, что еще твоя мама сказала? Она сказала: «Моя дочка Дженет такая умница, скажите ей, пусть сдачу оставит себе — на конфеты». Ты ведь любишь конфеты? Я тоже. Вкусные, да? Только их грызть трудно. Но ничего. Вижу, у тебя еще не все зубки выросли. А как блестят, прямо жемчужинки! Скорей беги, пока остальные не выросли!

А я подожду тебя здесь и пригляжу за домом. Как монетка-то сверкает, а?! А братик твой — хочешь взять его с собой? Молодец, умница...

Это была гнусная уловка, и мне самой было противно — но что я могла поделать! Меня ведь точно так же провели. А пока я все это говорила, я украдкой поглядывала на окна соседних домов и на дорогу, но никого вокруг не было. Девочка положила монету в карман передника, подхватила на руки братца и заковыляла прочь. Проводив ее взглядом, я стрелой метнулась к дому. Жили тут бедно, но наверху в сундуке я нашла пару черных туфель более или менее мне по ноге и ситцевое платье, завернутое в бумагу. Я подумала, что это платье, должно быть, женщина надевала на свадьбу, и — видит бог! — чуть было не отложила его, но в конце концов все-таки взяла.

И еще взяла черную соломенную шляпку, шаль, пару шерстяных чулок и пирог из кладовки и прихватила нож.

И — бегом к Чарльзу, прятавшемуся за изгородью.

— Отвернись, — сказала я ему, а сама переоделась. — Теперь повернись! Ну, чего испугался, как девчонка какая! Будь она проклята, проклята!

Я, конечно же, имела в виду Мод. И думала о

малышке Дженет, как она возвращается домой с мешочком муки и с кульком конфет. Подумала о ее матери, как, придя домой под вечер, она обнаружит, что платья-то свадебного и нет!

— Будь она проклята!

Я схватила перчатку Мод и терзала ее зубами, пока швы не лопнули. Потом швырнула ее на дорогу и стала топтать ногами. Чарльз смотрел на все это, и в глазах его застыл ужас.

— Не смотри на меня так, молокосос! — сказала я. — О-о-о!

Но потом я испугалась, что нас заметят. Подняла перчатку и сунула обратно за ворот, завязала ленты шляпки. Платье, которое мне выдали в сумасшедшем доме, и резиновые башмаки я выбросила в ближайшую канаву. Чулки оказались плотные, а туфли удобные, разношенные. Платье было в мелкую розочку, шляпка отделана по краю маргаритками. Я представила, как выгляжу со стороны — ну просто молочница с картинки из бакалеи.

Но в сельской местности как раз то, что надо, решила я. Мы выбрались из укрытия и вышли на проселочную дорогу, и через некоторое время нам встретился еще один старый фермер, несколько миль мы проехали с ним, потом снова

пошли пешком.

Мы по-прежнему спешили, выбиваясь из сил. Чарльз всю дорогу молчал. Наконец он проговорил:

— Вы взяли эти туфли и это платье без спросу.

— И пирог тоже, не забывай, — ответила я. — И спорим, ты его съешь.

Я сказала, что, как будем в Лондоне, пошлем женщине ее платье и купим ей новый пирог, с пылу с жару. Чарльз посмотрел недоверчиво. Мы устроились на ночь в амбаре на сеновале, он повернулся спиной ко мне, и я заметила, что плечи его подрагивают. «Может, ему взбредет в голову удрать от меня, пока я сплю», — подумала я, и потому, дождавшись, когда он заснул, связала шнурок его ботинка со своим шнурком, чтобы уж точно проснуться, если он вздумает бежать. Да, с ним было хлопотно, но уж лучше с ним, чем без него, тем более что люди доктора Кристи ищут одну сбежавшую девушку, а не девушку с братом. В крайнем случае удеру от него, как только доберусь до Лондона.

Но до Лондона еще так далеко! Воздух был чистым и свежим. В какой-то момент я проснулась и увидела сплошные коровьи морды. Коровы обступили нас со всех сторон и разглядывали,

и одна из них при этом кашляла, как человек. Только не говорите мне, что это нормально. Я разбудила Чарльза, он испугался не меньше моего. Вскочил, хотел бежать — и, конечно же, упал и чуть не выдернул мне ногу. Я развязала шнурки. Мы, пятясь, выбрались из амбара, потом побежали, потом пошли шагом. И увидели, как из-за холма встает солнце.

— Значит, там восток, — сказал Чарльз.

Ночь была холодная, почти как зимой, но холм оказался крутой, так что мы успели согреться, пока взбирались. Когда влезли на вершину, солнце уже поднялось над горизонтом и стало светлее. Я подумала: «Разливается заря» — и представила себе, как утро — такое огромное яйцо — разбивается, а желток разливается по всей округе. Перед нами как на ладони лежала вся наша зеленая страна — с реками, дорогами, с живыми изгородями, церквами, печными трубами, из которых тонкими струйками поднимался дымок. И если смотреть вдаль — там все выше вздымались трубы, все шире становились дороги и реки, все толще и плотнее столбики дыма, и, наконец, в самой дальней дали все это сливалось в одно темное расплывчатое пятно, серое, как уголь в камине, лишь кое-где прорезанное

яркими вспышками света, — это солнечный луч взблескивал на глади стекла или выхватывал из черноты позолоченный шпиль собора.

— Лондон, — сказала я. — Там Лондон!

Глава шестнадцатая

Но добрались мы до него только под вечер того дня. Конечно, можно было найти железнодорожную станцию и сесть на поезд, но я решила поберечь оставшиеся денежки — на еду пригодятся. Поэтому мы поначалу прошлись вместе с мальчишкой, который нес на спине большущую корзину с луком: он проводил нас до места, куда приходят фуры за овощами для городских рынков. Но мы опоздали: основная развозка была с раннего утра, и в конце концов мы попросились в фургон, запряженный старой клячей, — хозяин ее вез в Хаммерсмит[17]фасоль на продажу. Он сказал, что Чарльз похож на его сынишку, так что я усадила Чарльза вперед, а сама села позади, там, где была фасоль. Прислонилась щекой к ящику и стала смотреть вперед, на дорогу — когда мы поднимались на горку, Лондон словно становился ближе. Наверное, можно было поспать, но я все смотрела и смотрела. На дороге тем временем становилось все больше повозок, живые изгороди постепенно уступали место частоколам, потом

[17] Примечания: 17
Район в западной части Лондона.

обочь дороги появились каменные стены, вместо листвы сплошь пошел кирпич, вместо травы — шлак и пыль, вместо канав — каменные бордюры. Когда телега наша проезжала мимо какой-то стены, сплошь уклеенной трепещущими на ветру бумажками, я протянула руку и оторвала кусочек — подержала в руках и пустила по ветру. На ней была нарисована рука, сжимающая пистолет. На пальцах остался грязный след. И тогда я поняла, что я дома.

Из Хаммерсмита мы пошли пешком. Эта часть Лондона была мне незнакома, но я все равно каким-то тайным чутьем угадывала, куда идти, — точно так же это было со мной на развилках проселочных дорог. Чарльз шел рядом, щурился и то и дело хватал меня за рукав, в конце концов я взяла его за руку, чтобы перевести через улицу, да так и не отпускала. Я видела наши отражения в широких стеклах витрин: я в капоре, он в простой курточке — ну точно придурки какие.

Наконец мы добрались до Вестминстера, где открывался хороший вид на реку, и тут я была вынуждена остановиться.

— Погоди, Чарльз, — сказала я.

Отвернулась и схватилась за сердце. Я не хотела, чтобы он видел, как я взволнована. Но потом,

когда волнение чуть улеглось, я принялась размышлять.

— Нам сейчас не стоит переходить на тот берег, — сказала я, когда мы продолжили путь.

Я испугалась: а вдруг мы на кого-нибудь наткнемся? Что, если на Джентльмена? Или, скажем, он на нас? Конечно, он не станет марать об меня руки, но пятнадцать тысяч фунтов — это же целая куча денег, так что он вполне может нанять головорезов, чтобы сделали это черное дело за него. До сих пор подобная мысль не приходила мне в голову. Я думала только о том, как поскорее добраться до Лондона. А теперь я стала беспокойно озираться по сторонам. Чарльз это заметил.

— Что такое, мисс? — спросил он.

— Ничего, — ответила я. — Я только вот думаю, тут тоже могут быть люди от доктора Кристи. Давай лучше свернем.

И потянула за собой в тенистый и узкий проулок. И вдруг мне подумалось, что как раз на темной и тесной улице нас вернее всего схватят. И вместо этого — а мы как раз были у Чаринг-Кросс[18] — свернула на Стрэнд.[19] Через некоторое

---

[18] Примечания: 18
Перекресток, принятый за точку отсчета как центр Лондона.

[19] Примечания: 19
Одна из главных улиц в центральной части Лондона.

время мы вышли в начало какой-то улицы, где находились всего две-три лавчонки с подержанной одеждой. Я пошла к первой попавшейся и купила Чарльзу шерстяной шарф. А себе купила вуаль.

Продавец ухмыльнулся.

— А может, шляпку лучше? — спросил он. — Грех прятать такое личико.

Я протянула руку за сдачей.

— Личико обойдется, — ответила я. — И задница тоже.

Чарльз поморщился. Но мне не было до него дела. Я надела вуаль и почувствовала себя уверенней. С капором и ситцевым платьем она смотрелась ужасно, но пусть лучше думают, что я прячу шрамы или еще какое уродство. Я заставила Чарльза замотать шарф вокруг подбородка и надвинула ему кепку по самые брови. Когда он стал жаловаться, что ему жарко, я сказала:

— А если шпионы доктора Кристи схватят меня раньше, чем я приведу тебя к мистеру Риверсу, будет еще жарче!

Он посмотрел вдаль, на запруженную лошадьми и экипажами улицу на Лудгейт-Хилл. Было шесть часов вечера, в это время все куда-то едут.

— Так когда же вы меня к нему приведете? — спросил он. — И далеко ли отсюда он живет?

— Совсем недалеко. Но надо быть осторожными. Дай подумать. Найдем какое-нибудь укромное место...

Мы дошли до собора Святого Павла. Вошли внутрь. Я села на скамью, а Чарльз ходил туда-сюда и смотрел на статуи. Я подумала: «Надо только добраться до Лэнт-стрит, и тогда я спасена», но меня тревожила мысль: что наплел обо мне Ричард нашим знакомым в Боро? Что, если он настроил против меня племянников мистера Иббза? Что, если встречу Джона Врума прежде, чем увижусь с миссис Саксби? Его и настраивать не надо, к тому же он сразу узнает меня, даже под вуалью. Надо быть осторожной. Надо сперва понять обстановку в доме — и ни в коем случае не соваться наобум. Это будет трудно — осторожничать и сдерживаться, но я вспомнила о своей матери, которая не осторожничала — и что с ней в результате стало.

Я поежилась. В соборе было холодно, несмотря на июльскую жару. Краски на стеклах собора померкли — скоро и вовсе стемнеет. У доктора Кристи нас повели бы сейчас в столовую, ужинать. Дали бы хлеб с маслом и чай... Чарльз подошел и сел рядом. Вздохнул. Кепку он снял и держал в руке, и его светлые волосы блестели. Гу-

бы у Чарльза были ярко-розовые. Появились три мальчика в белых одеяниях, они стали зажигать лампы и свечи, я взглянула на него и подумала: его бы так нарядить — и неплохо бы среди них смотрелся.

Потом бросила взгляд на его курточку. Она была добротная, хотя и пыльная.

— Сколько у нас денег, Чарльз? — спросила я.

Оставалось всего полтора пенни. Я повела его в ломбард на Уотлинг-стрит, и мы выменяли его куртку на два шиллинга.

Он плакал, отдавая ее.

— Ну вот, — говорил он, — как я теперь покажусь на глаза мистеру Риверсу? Он не захочет брать мальчишку в одной рубашке!

Я сказала, что через день-другой мы заберем куртку. Купила ему креветок и кусок хлеба с маслом и еще чашку чая.

— Лондонские креветки, — сказала я. — Вкусные, правда?

Он не ответил. Когда мы снова пустились в путь, он чуть приотстал — шел, обхватив руками плечи, и глядел под ноги, на дорогу. Глаза у него покраснели — от слез, а может, песчинка попала.

По мосту Блэкфрайарз мы перешли на другой

берег реки, а там, хоть и прежде я двигалась с опаской, приходилось все время быть начеку. Мы старались держаться подальше от темных переулков, поближе к людным дорогам, и в сумерках — в неверном обманчивом свете, что так на руку всяким мошенникам, лучше даже, чем ночная тьма, — нам легче было прятаться. Каждый шаг тем не менее приближал нас к цели: я начала узнавать дома и даже кое-кого из встречных, и у меня стеснило дыхание и мысли смешались — это было невыносимо. Потом мы вышли на Грэвел-лейн и на Саутуорк-Бридж-роуд, свернули к западной части Лэнт-стрит — отсюда хорошо просматривалась вся улица. Сердце мое так быстро забилось, в голове зашумело, я думала, в обморок упаду. Схватилась за кирпичный выступ в стене, возле которой мы стояли, привалилась к ней щекой и подождала, пока сердце не успокоится. Потом заговорила хриплым от волнения голосом:

— Видишь ту черную дверь, Чарльз, — в ней еще окошко? Это дверь моего дома. Там живет леди, она мне все равно что мать. Больше всего на свете мне хочется сейчас броситься к этой двери, но я не могу. Это небезопасно.

— Небезопасно? — переспросил он и огляделся

по сторонам. Я думаю, эти улицы, такие милые моему сердцу, что я готова была броситься наземь и целовать пыль под ногами, в его глазах являли собой довольно жалкое зрелище.

— Небезопасно, — повторила я, — пока за нами гонятся люди доктора Кристи.

Но я посмотрела на дверь мистера Иббза, потом на окно на втором этаже. Это было окно комнаты, где я жила вместе с миссис Саксби, и искушение подойти ближе оказалось сильней меня. Я схватила Чарльза за плечи и подтолкнула вперед, так мы и пошли, а дойдя до дома с эркерами, притаились в тени меж ними. Мимо пробежала стайка детишек — они хихикали, тыча пальцами в мою вуаль. Я знала, чьи это дети: матери их жили по соседству с нами, и я опять испугалась, что меня узнают. Напрасно я подошла так близко, подумала я, а потом мелькнула мысль: «А может, просто кинуться к двери и позвать миссис Саксби?» Может, я бы так и поступила, не знаю. Потому что в этот момент я отвернулась, чтобы поправить капор, и, пока я раздумывала, Чарльз вскрикнул: «Ой!» — и зажал рукой рот.

Стайка детей, потешавшихся над моей вуалью, бросилась врассыпную, пропуская мужчину. Это был Джентльмен. На нем — старая шляпа с обвис-

шими полями, на шее намотан красный шарф. Волосы, с тех пор как я его видела в последний раз, заметно отросли, усы тоже. Мы смотрели, как он приближается. Кажется, он шел и насвистывал. У двери мастерской мистера Иббза он остановился. Сунул руку в карман и вынул ключ. Постучал о ступеньку ногой — сначала правой, потом левой, чтобы отряхнуть пыль, — вставил ключ в замок, оглянулся по сторонам и вошел внутрь. Все это он проделал легко и непринужденно, как будто так и надо.

Я, как завидела его, так вся и затряслась. Но нельзя точно описать, что я почувствовала. «Дьявол!» — выругалась я. Я готова была его убить, застрелить, вмазать изо всей силы по лицу. Но, завидев его, испугалась — и почему-то гораздо сильней, чем думала, — так, словно я все еще была у доктора Кристи и в любой момент меня могли поймать, связать и сунуть головой в воду. Мне стало трудно дышать. Наверное, Чарльз этого не заметил. Он все переживал, что на нем нет куртки. Он все вздыхал, как мученик, и с сожалением разглядывал свои ногти и грязные манжеты.

Я схватила его за руку. Хотела бежать — назад, туда, откуда мы пришли. Больше всего мне сейчас

хотелось убежать, и я бы непременно убежала...

— Пошли, — сказала я. — Пошли быстрее.

Потом еще раз взглянула на дверь мистера Иббза, ведь там, за этой дверью, — миссис Саксби, но рядом с ней Джентльмен, стоит и ухмыляется. Дьявол, из-за него я теперь боюсь собственного дома!

— Нет уж, меня не прогонишь! — решила я. — Мы останемся здесь, только спрячемся. Иди за мной.

Еще крепче схватив Чарльза, я стала подталкивать его — но не назад, а дальше по Лэнт-стрит. Тут почти все дома с меблированными комнатами. Сейчас как раз мы и стояли у одного такого.

— Есть где переночевать? — спросила я у девушки, сидящей на пороге.

— Полкровати, — ответила та.

Полкровати нам было мало. Мы пошли к следующему дому, от него к другому. Все они были переполнены. Наконец дошли до дома как раз напротив мастерской мистера Иббза. На ступеньке сидела женщина с ребеночком. Незнакомая. И это было хорошо.

— Комната есть? — спросила я быстро.

— Может, и есть, — ответила она, вглядываясь в мое лицо под вуалью.

— С окном на улицу? — Я подняла голову и показала пальцем. — Вот эта?

— Эта выйдет дороже.

— Нам на неделю. Я сразу дам вам шиллинг, а остальное — завтра.

Она скривилась, но ей хотелось джину, я это сразу поняла.

И она согласилась.

Встала, положила ребенка на ступеньку и повела нас по скользкой лестнице наверх. На площадке лежал в стельку пьяный мужик. В комнате, куда она нас привела, на двери не было замка — только камень, чтобы припирать ее изнутри. Помещение было маленькое и темное, из мебели всего две кровати и стул. Окно, выходящее на улицу, наглухо закрыто ставнями, рядом на стене висела палка с крючком — чтобы открывать ставни.

— Это делается так, — сказала женщина и сделала шаг к окну, но я остановила ее. Я сказала, что у меня слабые глаза и солнечный свет для них вреден.

Но я сразу приметила в ставнях маленькие дырочки — для того, что я задумала, они были как раз кстати, и, когда женщина, получив шиллинг, ушла, оставив нас одних, я закрыла за ней дверь,

сняла вуаль и капор, потом кинулась к стеклу и выглянула на улицу.

Смотреть, правда, было не на что. Дверь мастерской мистера Иббза была по-прежнему закрыта, а в окне миссис Саксби темно. Заглядевшись, я чуть не забыла о Чарльзе. Он стоял, глядя на меня в упор, и мял в руках кепку.

— Сядь, — скомандовала я.

И снова прижалась лбом к окну.

— Я хочу забрать свою куртку, — сказал он.

— Сейчас нельзя. Магазин закрыт. Завтра заберем.

— Я вам не верю. Вы ведь неправду сказали этой женщине, что плохо видите. И взяли без спросу платье и туфли и еще пирог. От пирога меня тошнило. Привели меня в какой-то притон.

— Я привела тебя в Лондон. Ты же сам этого хотел?

— Я думал, Лондон не такой.

— Есть в нем места получше, просто ты их еще не видел. Ложись спать. Завтра с утра мы заберем твою куртку. Тогда ты будешь как совсем другой человек.

— Как же мы ее заберем? Вы же отдали наш шиллинг той даме.

— Завтра я раздобуду другой шиллинг.

— А как?

— Не задавай лишних вопросов. Иди спать. Разве ты не устал?

— Кровать вся в черных волосах.

— Ляг тогда на другую.

— На другой рыжие волосы.

— Они же не кусаются.

Я слышала, как он садится и трет лицо. Никак, опять плакать надумал. Но через минуту он заговорил уже другим голосом.

— А вам не кажется, что усы у мистера Риверса слишком длинные стали? — спросил он.

— Кажется, — ответила я, по-прежнему глядя сквозь ставень. — И еще мне кажется, что ему нужен мальчик, который бы их подстриг.

— Нет, правда?!

Он опять вздохнул и лег на постель, прикрыл кепкой глаза. А я все не отрывалась от окна. Сторожила, как кошка у мышиной норки, — не обращая внимания на время, не думая ни о чем, кроме того, на что смотрят мои глаза. Стемнело, и улица, которая в погожий летний день была весьма оживленной, опустела, дети разбежались по домам, легли в свои кроватки, взрослые вернулись из пивной, собаки заснули. За стеной ходили люди, двигали стульями, плакал чей-то

ребенок. Девушка — наверное, пьяная — хохотала и все не могла остановиться. А я все смотрела и смотрела в окно. Где-то били часы. В то время я не могла слушать боя часов без содрогания, каждый очередной удар отдавался во мне болью, наконец пробило двенадцать, потом полпервого, и я прислушивалась еще с четверть часа — не отрывая глаз от щелки, все смотрела и ждала чего-то и сама уж начала удивляться: а чего же я жду-то? Как вдруг это случилось.

В комнате миссис Саксби вспыхнул огонек, мелькнула тень, потом силуэт — да это же сама миссис Саксби! Сердце мое чуть не разорвалось на мелкие кусочки. В ее волосах появилась седина, на ней было старое черное платье из тафты. Она стояла, держа в руке лампу, отвернувшись от окна, но мне показалось, она говорит что-то, обращаясь к кому-то еще, кто был в комнате, потом этот кто-то приблизился к окну, а она ушла в глубь комнаты. Девушка. Девушка с очень тонкой талией... Я увидела ее — и меня затрясло. Она подошла к окну, пока миссис Саксби ходила по комнате за ее спиной, снимая брошки и кольца. Девушка стояла совсем близко к стеклу. Облокотилась на оконную раму, уронила голову на руку, да так и застыла. Только пальцы ее шевелились,

перебирая край тюлевой занавески. Рука была без перчатки. Волосы кудрявились. Я подумала: «Это не она».

Тут миссис Саксби снова заговорила с ней, девушка подняла голову, свет уличного фонаря высветил ее лицо — и я закричала.

Может быть, она меня услышала, хотя не думаю, потому что она повернула голову и, возможно, заметила меня, почувствовала мой взгляд даже через чернильную уличную темноту, — так мы смотрели друг на друга примерно с минуту. Я, кажется, даже ни разу не моргнула за все это время. И она тоже, глаза ее были широко открыты — я увидела их и вспомнила наконец, какого они цвета. Потом она отвернулась от окна, шагнула в глубину комнаты, взяла лампу. И пока она прикручивала фитиль, миссис Саксби подошла к ней и принялась расстегивать застежки на ее воротнике.

Потом свет загасили.

Я отошла от окна. Мое собственное лицо, белое как мел, отражалось в черном стекле, свет уличного фонаря, пробивавшийся через резной ставень, рисовал на нем подобие сердца. Я отвернулась от отражения. От моего крика проснулся Чарльз, и, думаю, вид у меня был дикий.

— Мисс, что с вами? — спросил он шепотом.

Я зажала рот ладонью.

— Ох, Чарльз! — Я сделала шаг к нему и чуть не упала — так дрожали ноги. — Чарльз, посмотри на меня! Скажи мне, кто я?

— Кто, мисс?

— Да никакая не «мисс», не называй меня «мисс»! Никогда я не была мисс, хотя они и пытались меня сделать такой. О! Она все отняла у меня, Чарльз, все. Отняла все и присвоила себе назло. Теперь миссис Саксби ее любит — она ее заставила, как когда-то... О, я убью ее, сегодня же убью!

Я лихорадочно заметалась по комнате — кинулась к окну посмотреть на дом напротив. Сказала:

— Смогу я долезть до окна? Выверну задвижку, влезу и зарежу ее, пока она спит! Где нож?

Побежала, схватила нож, потрогала пальцем лезвие.

— Недостаточно острый.

Огляделась по сторонам, потом подняла с полу камень, которым припирали дверь, и стала возить по нему лезвием.

— Ну как? — спросила у Чарльза. — Теперь хорош? Как лучше точить? Ну же, шевели мозгами.

Ты ведь на кухне работал, ножи точил.

Он смотрел на меня с ужасом, потом подошел ко мне, дрожащими пальцами перехватил нож и показал, как надо. Я стала скрести лезвием по камню.

— Хорошо, — сказала я. — Острым концом — прямо в сердце. — Потом что-то меня остановило. — Да, но не кажется ли тебе, что смерть от ножа — слишком легкая? Может, есть способ помучить ее подольше?

Можно задушить, подумала я, или забить дубинкой.

— У нас есть дубинка, Чарльз? Так будет дольше, и — о! — я бы хотела, чтобы она меня узнала, когда будет умирать. Ты пойдешь со мной, Чарльз. Ты мне поможешь... В чем дело?

Он вжался в стену и весь дрожал с головы до ног.

— Вы не та... — сказал он, — вы не та дама... В «Терновнике» вы были другой.

— На себя посмотри. Ты сам не тот парень. Тот парень был смелый.

— Мне нужен мистер Риверс!

Я засмеялась, как смеются сумасшедшие.

— А хочешь, скажу кое-что? Мистер Риверс вовсе не тот джентльмен, за какого ты его прини-

мал. Мистер Риверс — дьявол и негодяй.

Он шагнул ко мне:

— Неправда!

— Да-да, я не вру. Он убежал с мисс Мод, сказал всем, что я — это она, и упрятал меня в сумасшедший дом. Кто же еще, по-твоему, мог написать расписку?

— Если он написал, значит, это правда!

— Он злодей.

— Он достойный человек! Благородный! Все в «Терновнике» так считают.

— Они не знали его так близко, как я. Он порочный и гнилой до мозга костей.

Чарльз сжал кулаки.

— А мне все равно! — крикнул он.

— Ты хочешь прислуживать дьяволу?

— Лучше так, чем... О! — Он сел на пол и закрыл руками лицо. — Какой же я несчастный... Я вас ненавижу!

— А я тебя, слюнтяй чертов.

В руке у меня все еще был камень. Я швырнула в него камнем.

Камень пролетел мимо в футе от его головы, но звук, когда он ударился о стену, а потом упал на пол, был ужасен. Меня била дрожь, Чарльза тоже. Я глянула на нож в руке, потом отложила

в сторону. Дотронулась до своего лица. Щеки и лоб покрылись холодным потом. Я подошла к Чарльзу и опустилась на колени рядом с ним. Он попытался меня оттолкнуть.

— Не троньте меня! — кричал он. — Или лучше убейте! Убейте сразу! Мне все равно!

— Чарльз, послушай меня. — Я старалась, чтобы голос мой не дрожал. — Я правда хорошо к тебе отношусь. И ты не должен думать обо мне плохо. Кроме меня, у тебя ничего нет. Ты потерял место в «Терновнике», и тете своей ты не нужен. Ты не можешь теперь вернуться в деревню. К тому же ты попал в Саутуорк,[20] и без моей помощи тебе отсюда не выбраться. Ты только сильнее заблудишься, а в Лондоне полно жутких типов, они такое делают с потерявшимися светловолосыми мальчиками! Заманят на корабль — и очутишься где-нибудь на Ямайке. Тебе этого хочется? Не плачь, ради бога, не плачь! — Он начал рыдать. — Думаешь, мне не хочется плакать? Меня подло обманули, и человек, который это сделал, лежит теперь в моей кровати, и моя же собственная мать обнимает ее! Тебе этого не понять. Тут вопрос жизни и смерти. Глупо было говорить, что

---

[20] Примечания: 20
Южная часть Лондона, где находится и Боро.

убью ее сегодня. Но дай мне день или два, и я что-нибудь придумаю. Там, в доме, деньги, и — клянусь тебе, Чарльз! — там есть люди, если им рассказать, как со мной обошлись, они с радостью отвалят кучу денег тому мальчику, который помог мне к ним вернуться...

Он затряс головой и продолжал плакать. Наконец и я тоже заплакала. Обняла его, он склонил голову мне на плечо — так мы сидели и выли в два голоса, пока кто-то из соседей не начал барабанить в стену и кричать, чтобы мы замолкли.

— Ну ладно, — сказала я, утирая нос. — Ты уже не боишься, правда? Будешь теперь спать, как хороший мальчик?

Он сказал, что попробует, только если я буду рядом, и мы с ним легли на кровать, ту, что в рыжих волосах, и он заснул, его розовые губы во сне чуть приоткрылись, и дыхание стало ровным.

Я же всю ночь не могла сомкнуть глаз. Представляла себе Мод, как она спит в доме напротив, рядом с миссис Саксби, и рот ее тоже полуоткрыт, как у Чарльза, и похож на цветок, а шея у нее тонкая, белая и беззащитная.

...Когда настало утро, я уже наполовину продумала план. Постояв у окна, я понаблюдала какое-то время за дверью мистера Иббза, но, убе-

дившись, что никто не зашевелился, бросила это дело. Спешить некуда. Сейчас мне нужно было другое: деньги. И я знала, как их достать. Я велела Чарльзу причесаться, сделала ему ровный пробор и вывела из дома с черного хода. Я повела его в Уайтчепел[21] — там, как мне представлялось, вдали от Боро, я могу ходить неузнанной даже без вуали. Нашла подходящее местечко на главной улице.

— Стой здесь, — велела ему.

Он послушался.

— А теперь вспомни, как ты плакал ночью? Давай попробуй поплакать так же.

— Что? — не понял он.

Я взяла его за руку и ущипнула как следует. Он заверещал, потом зашмыгал носом. Я положила ему руку на плечо и быстро огляделась по сторонам. Несколько прохожих с любопытством на нас посмотрели. Я сделала жалобное лицо.

— Прошу вас, сэр, прошу вас, леди, — сказала я. — Я только что встретила этого мальчика, он утром приехал из деревни и потерял своего хозяина. Не дадите ли пару фартингов, чтобы он смог вернуться домой? Он тут один-одинешенек и

---

[21] Примечания: 21
Один из беднейших районов Лондона.

никого вокруг не знает, заблудится еще. Курточка его осталась в хозяйской телеге. Благослови вас Бог, сэр. Не плачь, паренек! Смотри, этот джентльмен дает тебе два пенса. А вот и еще! А говорят, что в Лондоне добрых людей не сыщешь — это в деревне так говорят... Ошибаются...

Конечно же, увидев, что джентльмен дает ему деньги, Чарльз еще сильнее расплакался. Но слезы его были словно магнит. В тот первый день мы насобирали три шиллинга — и заплатили за комнату, а когда и на следующий день вышли попрошайничать, правда на другой улице, нам дали целых четыре. И мы купили еды. Оставшиеся деньги вместе с распиской за куртку Чарльза я спрятала в туфле. Я даже спала теперь в туфлях.

— Хочу куртку, — канючил Чарльз поминутно, и я каждый раз отвечала ему:

— Завтра. Обещаю. Клянусь. Еще один день...

А потом до самого вечера я стояла перед ставнями, глядя в сердцевидный глазок. Следила за домом, прикидывала, что там делается. Изучала его, как взломщик. Я видела, как приходят воры, приносят краденое мистеру Иббзу, видела, как он поворачивает ключ в замке, опускает шторку. Когда мелькали его руки, его честное, открытое лицо, я готова была разрыдаться. Думала: «Мо-

жет, побежать к нему?» А потом, чуть погодя, я увидела Джентльмена, и опять меня сковал страх. Потом появилась Мод у окна. Она часто стояла там, прижавшись лбом к оконной переборке, — как будто знала, что я на нее смотрю, и насмехалась надо мной в открытую! Я видела и Неженку, которая заходила по утрам помочь ей одеться, укладывала волосы в прическу. И еще я видела миссис Саксби — по вечерам она эту прическу расплетала. Как-то раз я увидела, как она поднесла прядь волос к губам и поцеловала.

Я же могла только бодать лбом стекло, слушая скрип потревоженной рамы. А ночью, когда в доме напротив гасли огни, я брала свечу и ходила по комнате, туда-сюда, туда-сюда, от стены к стене и обратно.

— Они их всех прибрали к рукам, — бормотала я. — И Неженку, и мистера Иббза, и миссис Саксби, и даже, наверное, Джона с Филом. Как паучищи какие, оплели своими сетями. Нам надо быть осторожными, Чарльз. Да-да! Что, если они уже знают, что я сбежала от доктора Кристи? Теперь-то уж точно знают! Они выжидают, Чарльз. Поджидают меня. Вот она и не выходит из дома — еще бы, боится, небось, оставить миссис Саксби без надзора. Хотя он — он выходит. Я его видела,

и не раз. Я тоже выжидаю. Хотя они об этом не подозревают. Он-то выходит. В следующий раз, как только он уйдет, мы и приступим. Я — муха, за которой они охотятся. Они меня не заловят. Мы пошлем к ним тебя. Об этом-то они и не подумали! Ну как, Чарльз?

Чарльз ничего не отвечал мне на это. Я так долго держала его в темной комнате, он маялся без дела, лицо его стало землисто-бледным, и глаза стали стеклянные, как у куклы.

— Хочу куртку, — твердил он, но как-то вяло, и думаю, он уже забыл, для чего она ему нужна. Потому что в конце концов настал момент, когда он сказал так, а я на это ответила:

— Хорошо. Сегодня ты ее получишь. Мы и так достаточно долго ждали. Сегодня — наш день.

Но вместо того чтобы радоваться, он испуганно вытаращился.

Может, ему показалось, что в глазах моих блеснул безумный огонек. Не знаю. Я же была уверена, что действую как настоящий прожженный шулер, и это впервые в жизни. Я повела его на Уотлинг-стрит и выручила из заклада его курточку. Но ему не дала. Потом посадила его на омнибус.

— Это тебе награда за мучения, — сказала я.

— Поглядишь из окошка на витрины.

Я выбрала места рядом с женщиной с младенцем на руках. Курточку я положила себе на колени. Потом посмотрела на малыша. Женщина заметила, что я на него смотрю, и я улыбнулась.

— Какой милый мальчик, — сказала она. — Правда? Только вот никак не хочет спать, как мама его ни просит. Вот и вожу его на омнибусах, укачивает — и он засыпает. Мы ездили из Фулема в Боу, а теперь обратно.

— Славный, — сказала я. Наклонилась и погладила его по щечке. — Вон у нас какие реснички! Сердцеед будет, это точно!

— Да уж!..

Потом я откинулась на спинку сиденья. Когда объявили следующую остановку, я сказала Чарльзу, что мы выходим. Женщина попрощалась с нами и, когда омнибус тронулся, помахала нам рукой из окна. Но я не помахала в ответ. Потому что, прикрываясь курткой Чарльза, я ощупала ее корсаж и отцепила часы.

Это были изящные дамские часики, как раз то, что нужно. Я показала их Чарльзу. Он посмотрел на них так, словно это ядовитая змея и вот-вот его укусит.

— Где вы это взяли? спросил он.

— Один человек подарил.

— Я вам не верю. Верните мне куртку.

— Сейчас.

— Дайте мне куртку!

Мы как раз шли по Лондонскому мосту.

— Заткнись, — зашипела я, — или я брошу ее вон туда... Так-то лучше. А теперь скажи мне: ты писать умеешь?

Он не отвечал, тогда я подошла к ограждению моста и помахала курточкой над водой, он снова стал плакать, но признался, что умеет.

— Молодец, — сказала я.

Пришлось еще походить, пока не нашли разносчика, продававшего с лотка бумагу и чернила. Я купила белый чистый листок и карандаш, потом отвела Чарльза в нашу комнату, усадила его и велела писать письмо. Я стояла, держа его одной рукой за шею, и смотрела, как он пишет.

— Пиши: «Миссис Саксби», — велела я.

— Как это пишется? — спросил он.

— А сам не знаешь?

Он нахмурился, потом написал. Я осталась довольна.

— Ну а теперь пиши вот что. Пиши: «Меня посадили в сумасшедший дом этот мерзавец и ваш знакомый, так называемый Джентльмен...»

— Не так быстро, — попросил он, скребя карандашом, и повел плечом, — «...мерзавец и ваш знакомый, так называемый...»

— «...так называемый Джентльмен, и эта сука мисс Мод Лилли». И подчеркни эти слова.

Карандаш двигался, потом вдруг замер. Он покраснел.

— Не буду писать это слово, — сказал он.

— Какое слово?

— На букву «с».

— Какое такое?

— Которое идет прежде «мисс Лилли».

Я ущипнула его за шею.

— Пиши, пиши. Слышишь, что сказала? А потом пиши вот что — большими буквами и покрасивее: «ОНА ЕЩЕ ПОЧИЩЕ ЕГО!»

Он помедлил, потом закусил губу и написал.

— Вот и хорошо. А теперь дальше. Пиши: «Миссис Саксби, я сбежала и сейчас нахожусь поблизости. Подайте мне знак с этим мальчиком, его зовут Чарльз. Доверьтесь ему и верьте мне...» — о, если она не поверит, я умру! — «...как прежде, послушной и верной, как собственной дочери». А дальше оставь место.

Он так и сделал. Я забрала у него листок и написала внизу свое имя.

— Не смотри на меня! — прикрикнула я, когда писала, потом поцеловала место, где была подпись, и сложила письмо.

— А дальше вот что ты должен сделать, — сказала я. — Сегодня вечером, когда Джентльмен — мистер Риверс — выйдет из дома, ты пойдешь туда, постучишься и спросишь мистера Иббза. Скажи, тебе велели продать ему кое-что. Ты его сразу узнаешь: он такой высокий, усы аккуратно подстрижены. Он спросит, нет ли чего за тобой, и если он так спросит, отвечай, что ты чист. Потом он спросит, кто прислал тебя к нему. Скажи, что знаешь Фила. Если спросит, откуда знаешь, скажи: «От одного парня по имени Джордж». Если он спросит, о каком Джордже речь, ты должен сказать: «Джордж Джослин из «Колльера».

— Джордж Джослин из... О, мисс! Нельзя ли обойтись без этого?

— Ну, тогда тебе остаются свирепые охотники за мальчиками, не скажу, что они с ними делают, и Ямайка!

Он поперхнулся.

— Джордж Джослин из «Колльера», — отчеканил он.

— Молодчина. Потом передашь ему эти часики. Он назначит цену, но какую бы цену ни дал

— сотню фунтов или там тыщу, не знаю, — скажи, что этого мало. Скажи, что часы дорогие, с женевским механизмом. Скажи, что твой отец делает часы и ты в них тоже разбираешься. Пусть подумает. А еще лучше, если отойдет в сторону — тогда ты сможешь оглядеться. И вот кто тебе нужен — там будет дама, довольно пожилая, с седыми волосами, она обычно сидит в кресле-качалке, может, на коленях у нее будет ребеночек. Это миссис Саксби, она меня вырастила. Она для меня что угодно сделает. Попытайся как-нибудь к ней подобраться и передай ей это письмо. Если у тебя получится, Чарльз, тогда мы спасены. Но послушай внимательно. Если увидишь там смуглого такого парня со злым лицом, держись от него подальше, он против нас. То же касается его рыжей подружки. А если эта гадина мисс Мод окажется поблизости, отвернись. Ты меня понял? Если она тебя увидит — это еще хуже, чем злой парень, — тогда мы пропали.

Он снова судорожно глотнул. Положил записку на кровать, сел и с ужасом уставился на нее. Стал заучивать свою роль. Я стояла у окна, смотрела на улицу и ждала. Сначала спустились сумерки, потом стало темно, а когда стемнело, появился Джентльмен, выскользнул потихоньку из-за

двери мистера Иббза — шляпа набекрень, на шее намотан красный шарф. Я смотрела, как он уходит, выждала еще полчасика, для верности, потом посмотрела на Чарльза.

— Надевай куртку, — сказала я. — Пора.

Он побледнел. Я передала ему кепку и шарф, подняла воротник.

— Письмо у тебя? Отлично. Держись. И без выкрутасов. Я слежу за тобой, не забывай.

Он не проронил ни слова. Вышел за дверь, а через минуту я увидела, как он переходит улицу и останавливается перед мастерской мистера Иббза. Он шел словно на виселицу. Подтянул шарф повыше к носу, оглянулся — посмотрел на окно, за ставнем которого пряталась я. «Да не оглядывайся ты, дурень!» — подумала я. Снова схватился за шарф и наконец постучался. Мне показалось, что еще миг — и он убежит. Похоже, так он и собирался сделать. Но не успел — Неженка отворила дверь. Они поговорили, и она оставила его стоять на пороге, а сама пошла звать мистера Иббза, потом вернулась. Поглядела в один конец улицы, потом в другой. Он, как дурак, посмотрел вместе с ней, словно надеялся там тоже что-то увидеть. Неженка кивнула и отступила назад, пропуская его. Он вошел, и дверь за ним закры-

лась. Я представила, как она поворачивает ключ своей белой пухлой ручкой.

И стала ждать.

Прошло, верно, минут пять. А может, и десять. Что я ожидала увидеть? Может, что дверь откроется и выскочит миссис Саксби, а следом — мистер Иббз или же так: что она поднимется к себе в комнату, зажжет лампу, подаст мне знак — не знаю. Но в доме все было тихо, и, когда наконец открылась дверь, на пороге появился опять лишь один Чарльз, а за его спиной — Неженка, и, как прежде, дверь снова захлопнулась. Чарльз стоял и дрожал. Я привыкла к этой его привычке дрожать и теперь по его виду поняла — дело плохо. Я заметила, как он косится на мое окно, и решила, он подумывает о том, чтобы убежать. «Не убегай, не убегай, болван!» — сказала я и в сердцах стукнула по стеклу. Может, он услышал звук, потому что в тот же миг опустил голову и пошел через улицу к нашему дому, потом стал подниматься по лестнице. Когда он вошел в комнату, лицо его было пунцовым и мокрым от слез и соплей.

— Видит бог, не хотел я этого делать! — закричал он с порога. — Видит бог, она сама раскусила меня и заставила!

— Заставила? — переспросила я. — Что произо-

шло? Что случилось, идиот?

Я схватила его и принялась вытрясать новости. Он закрыл лицо руками.

— Она отняла у меня письмо и прочла! — признался он.

— Кто?

— Мисс Мод! Мисс Мод!

Я посмотрела на него в ужасе.

— Она увидела меня и узнала. Я сделал все, как вы сказали. Отдал часы, и высокий дядька взял их и открыл крышку. Он заметил мой шарф и спросил, может, у меня зубы болят. Я сказал: да, болят. Он показал мне клещи, ими хорошо зубы выдирать. Шутил, наверное. Там был еще тот смуглый, вы предупреждали, он жег бумагу. Он назвал меня... простофилей. Рыжая девчонка даже не посмотрела в мою сторону. Но дама, ваша мамаша, спала, и я сунулся было к ней, но мисс Мод увидела у меня в руке письмо. Потом посмотрела на меня и узнала. Она сказала: «Подойди ко мне, мальчик, что это у тебя с рукой?» — и выхватила его у меня, никто и не заметил. Перед ней на столе лежали карты, так она под столом его прочла. Она мне чуть руку не вывернула...

Он говорил и плакал, и слова его вскоре потонули в слезах, растворяясь в них, как соль.

— Да перестань ты скулить! — сказала я. — Хоть раз в жизни перестань плакать, не то я тебя чем-нибудь ударю! Скажи мне, что она сделала?

Он перевел дух, сунул руку в карман и вытащил оттуда что-то.

— Да ничего не сделала. Только отдала мне вот это. Взяла со стола, за которым сидела. Сунула тайком, словно это секрет, а потом высокий дядька закрыл часы, и она оттолкнула меня. Он дал мне фунт, я взял, и рыжая девчонка вывела меня за порог. Мисс Мод, когда я уходил, так и прожигала меня глазами, но не сказала ни слова. Только дала вот это, я так полагаю, это для вас, и... о, мисс, можете назвать меня дураком, но я ума не приложу, что бы это значило!

И протянул мне очень маленький сверток. И лишь когда я развернула его, стало понятно, что это такое. Я перевернула предмет, потом перевернула еще раз, потом тупо уставилась на него.

— Только и всего? — спросила я.

Чарльз кивнул.

Это была игральная карта. Из «Терновника», из старинной французской колоды. Двойка червей. Грязная, потертая на сгибах, но на одном уголке все еще виден был след от ее каблука.

Я держала ее и вспоминала, как мы с ней си-

дели в гостиной и раскладывали карты, чтобы предсказать ее судьбу. На ней было синее платье. Она прикрыла рот ладонью. «Вы меня пугаете!» — сказала она тогда.

Как она потом, должно быть, над этим смеялась!

— Она шутит надо мной, — сказала я, и голос мой дрожал. — Посылает мне это — ты уверен, что на ней нет никакого знака, никакой приписки? — посылает мне это, только чтобы подразнить. Для чего же еще?

— Мисс, я не знаю. Она взяла ее со стола. Быстро схватила и... да, и глаза у нее сделались такие... дикие.

— Что значит дикие?

— Не могу сказать. Она словно сама не своя стала. Перчаток не надевает. Волосы у нее какие-то крученые, странно прямо. И еще рядом с ней рюмка — не хотел говорить, но, наверно, там джин.

— Джин?

Мы уставились друг на друга.

— Что же нам делать? — спросил он.

Я и сама не знала.

— Я должна подумать, — сказала я, принимаясь ходить по комнате. — Я должна подумать, что она сделает. Расскажет все Джентльмену — что же

еще от нее ждать? — и покажет ему наше письмо. Тогда он попытается нас разыскать. Они не видели, в какую сторону ты пошел? Ну, кто-нибудь еще видел. Мы ведь точно не знаем. Пока что удача была на нашей стороне, теперь, похоже, она от нас отвернулась. О, если бы я не брала того свадебного платья! Знала ведь, что это не к добру. Удача как прилив: повернет назад, и ее уже не остановить.

— Не говорите так! — вскричал Чарльз, заламывая руки. — Скорей отошлите той женщине платье.

— Судьбу так просто не обманешь. Надо действовать ей наперекор.

— Как это — наперекор?

Я снова подошла к окну и глянула на дом напротив.

— Миссис Саксби сейчас там, — сказала я. — Может, ей достаточно будет одного моего слова? Когда это я боялась Джона Врума? Неженка, я полагаю, мне ничего не сделает, мистер Иббз тоже. А Мод, похоже, налакалась джину. Чарльз, дура я была, что так долго ждала. Дай нож. Мы идем.

Он застыл, раскрыв рот, и не двигался с места. Я сама взяла нож, потом схватила его за руку и вывела из комнаты, мы спустились по скользким

ступенькам. Внизу какой-то мужчина и девушка стояли и переругивались, но голоса их смолкли, едва они увидели нас. Может, заметили нож. Мне некуда было его спрятать. По улице ветер носил клубами пыль и обрывки бумаги, ночь была душной. Я вышла без шляпки, с непокрытой головой. Теперь каждому встречному будет ясно, что я — Сьюзен Триндер, но поздно думать об этом. Мы с Чарльзом добежали до двери мистера Иббза, постучали, потом он остался стоять у порога, а я отошла чуть в сторону и прижалась спиной к стене. Через минуту дверь приоткрылась — на дюйм, не больше.

— Ты опоздал. — Это был голос Неженки. — Мистер Иббз говорит... Ой! Это опять ты? Что еще? Передумал?

Дверь открылась пошире. Чарльз стоял, облизывал губы и пялился на Неженку. Глянул на меня, она это заметила, высунула голову за дверь и тоже посмотрела. А потом пронзительно завизжала.

— Миссис Саксби! — крикнула я и бросилась к двери.

Неженка убежала в дом. Я схватила Чарльза за руку и втащила в мастерскую.

— Миссис Саксби! — снова крикнула я.

Подбежала к суконной занавеске и откинула ее. В коридоре было темно, я споткнулась, Чарльз тоже. Добежав до двери в конце коридора, я рывком распахнула ее. За ней было жарко, накурено, светло от ламп, и я заморгала. Сначала я увидела мистера Иббза. Он услышал крики и направлялся к двери. Увидев меня, остановился и всплеснул руками. За ним стоял Джон в своей собачьей шубейке, а за Джоном Врумом — я увидела ее и чуть не разревелась, как маленькая, — потому что это была миссис Саксби. А за столом, в большом кресле миссис Саксби, сидела Мод.

Под креслом растянулся Чарли Хвост. Он залаял, когда поднялся весь сыр-бор, и теперь, увидав меня, стал лаять еще громче и бить по полу хвостом, а потом подошел ко мне и встал передо мной на задние лапы — поздоровался. Шум поднялся ужасный. Мистер Иббз схватил пса за ошейник и осадил назад. Так осадил, что Чарли чуть не задохнулся. Я отступила на шаг и подняла руки. Все взгляды были устремлены на меня. Если они раньше не заметили ножа, то теперь-то наверняка увидели. Миссис Саксби открыла рот. Она сказала:

— Сью, я... Сью...

Потом прибежала Неженка.

— Где она? — кричала она, сжимая кулаки. Отпихнула Чарльза, увидела меня и топнула ногой. — Да как ты посмела прийти сюда! Ты, дрянь! Ты чуть не разбила сердце миссис Саксби!

— Отойди от меня, — пригрозила я, поднимая нож.

Она так и отпрянула. Лучше бы она этого не делала, потому что было в этом что-то ужасное. Потому что это была всего лишь Неженка. Нож в руке моей задрожал.

— Миссис Саксби, — сказала я, оборачиваясь.— Они вам наврали. Я никогда... Они меня... он и она... засадили в сумасшедший дом! И все это время, все это время — с мая! — я пыталась вернуться к вам.

Миссис Саксби схватилась за сердце. Может, решила, я на нее замахнулась? Она посмотрела на мистера Иббза, потом на Мод. И, кажется, начала приходить в себя. Сделала два-три быстрых шажка по кухне — и крепко-крепко обняла меня.

— Дорогая моя, — сказала она.

И прижала мою голову к своей груди. Щека моя уперлась во что-то твердое. Это была бриллиантовая брошь Мод.

— О! — вскричала я и попыталась вырваться.— Она отняла вас у меня, подкупила драгоценностя-

ми! Подкупом и ложью отняла!

— Дорогая, — опять сказала миссис Саксби.

Но я смотрела на Мод. Она не вздрогнула, не вскочила при виде меня, как сделали остальные, а только — как миссис Саксби — поднесла руку к груди. Одета она была как все девчонки в Боро, но сидела в тени, глаз не видно — этакая гордая красавица. Хотя рука ее дрожала.

— Ага! — сказала я, заметив это. — Дрожишь!

Она дернулась, будто ей трудно говорить.

— Напрасно ты пришла сюда, Сью, — произнесла она. — Надо было держаться отсюда подальше.

— Да как ты смеешь! — воскликнула я.

Голос ее был чист и нежен. Я вспомнила, когда в последний раз слышала его — во сне, в сумасшедшем доме.

— Да как ты смеешь так говорить, обманщица, змея, гадина!

— Сейчас подерутся, — обрадовался Джон и захлопал в ладоши.

— Эй! Эй! — крикнул мистер Иббз.

Он вынул платок и утер лоб. Посмотрел на миссис Саксби. Та все еще крепко держала меня, и я не видела ее лица. Только почувствовала, что хватка ее ослабла, потому что в этот момент она

попыталась вынуть из моей руки нож.

— Какой острый, правда? — произнесла она с нервным смешком.

И осторожно положила нож на стол. Я протянула руку и снова его схватила.

— Не оставляйте так, — сказала я, — не то она схватит! О, миссис Саксби, вы даже не представляете, какая это дьяволица!

— Сью, послушай меня, — начала Мод.

— Дорогая моя, — снова сказала миссис Саксби одновременно с Мод. — Как все это странно... Все это так... Ну только посмотри на себя — на кого ты похожа? Настоящий — ха-ха! — солдат. — Она вытерла губы. — Может, лучше присесть, садись-садись, успокойся... А мисс Лилли мы отправим наверх, если она тебя раздражает. А? Ну а Джона с Неженкой... — она кивнула на них, — давай попросим их, давай попросим... тоже пойти наверх.

— Не отпускайте их! — закричала я, едва Неженка пошевелилась. — Ни ее, ни его! — Я замахала ножом. — Сиди здесь, Джон Врум, — сказала я. Потом, обращаясь к миссис Саксби и мистеру Иббзу: — Они побегут за Джентльменом! Нельзя им доверять!

— Совсем с ума спятила. — Джон поднялся со стула.

Я ухватила его за рукав:

— Сиди здесь, сказала!

Он поглядел на миссис Саксби. Та — на мистера Иббза.

— Сядь, сынок, — тихо произнес мистер Иббз.

Джон сел.

Я кивнула Чарльзу:

— Чарльз, встань за мной, у двери. Следи, чтобы не сбежали через мастерскую.

Он снял кепку и стоял, покусывая ободок. Потом послушно направился к двери, лицо его в тени казалось мертвенно-бледным, как у призрака.

Джон глянул на него и рассмеялся.

— Оставь его в покое, — сказала я. — Он был мне другом, не то что ты. Миссис Саксби, я бы никогда к вам не вернулась, если бы не он. Я бы никогда не выбралась из... из сумасшедшего дома.

Она поднесла руку к лицу.

— Вон как? Даже оттуда?.. — сказала, глядя на Чарльза. И улыбнулась. — Ну, тогда он хороший мальчик, мы ему непременно заплатим. Правда, мистер Иббз?

Мистер Иббз промолчал. Мод встала с кресла.

— Уходи, Чарльз, — сказала она тихо, но отчетливо. — Уходи как можно скорее. — И посмотрела на меня, как-то очень странно посмотрела. — Вам

обоим нужно уйти, пока не вернулся Джентльмен.

Я выпятила губу.

— «Джентльмен», — повторила я, — «Джентльмен». Быстро ты усвоила наши привычки.

Она вспыхнула.

— Я стала другая, — пробормотала она. — Я теперь не та, что была когда-то.

— Не та, вижу.

Мод потупилась. Посмотрела на руки. И вдруг, словно спохватившись, что они без перчаток, торопливо сложила их — как будто таким образом можно было скрыть их наготу! Что-то тихонько звякнуло: на запястье у нее были два или три серебряных браслета — такие я сама носила когда-то. Она придержала их, чтобы не звякали, потом подняла голову и пристально посмотрела на меня.

Я сказала сурово:

— Мало тебе быть благородной дамой, теперь ты и наше все забрать решила?

Она не ответила.

— Ну, что молчишь? — продолжала я.

Она сделала попытку снять браслеты.

— Возьми их, — сказала она. — Не надо мне их!

— Думаешь, мне надо?

Миссис Саксби шагнула вперед, схватила Мод за руки.

— Не снимай! — закричала.

Голос ее сорвался, она хрипела. Посмотрела на меня, вымученно улыбнулась.

— Милая девочка, — сказала она, подходя ко мне, — что такое серебро в нашем-то доме? Какое серебро, когда ты к нам вернулась!

Держась одной рукой за горло, оперлась о спинку стула — от тяжести ножки заскрежетали.

— Неженка, принеси-ка мне стаканчик бренди, — попросила она. — Мне от этой чехарды что-то не по себе стало.

И точно так же, как мистер Иббз, она вынула платок и промокнула лицо. Неженка подала ей стакан, она выпила и села на стул.

— Подойди ко мне, — позвала меня. — Положи этот старый нож, хорошо? — А когда я не послушалась: — Что, боишься мисс Лилли? Но здесь я, и мистер Иббз, и твой верный друг Чарльз — мы все за тебя. Ну, садись же.

Я снова посмотрела на Мод. Я-то считала ее гадиной, но, пока наливали бренди, лампу сдвинули, и лицо ее вышло на свет, и только теперь я увидела, как она исхудала, какой стала бледной и замученной. Когда миссис Саксби закричала, она

вся замерла, и только руки ее все еще дрожали; откинула голову на высокую спинку кресла, как будто держать ее прямо было ей не под силу. Лицо ее было мокрым от пота. Несколько тонких прядок выбились из прически и прилипли к вискам. Глаза ее были темнее обычного и, казалось, излучали сияние.

Я села, положив нож перед собой. Миссис Саксби взяла меня за руку.

— Со мной ужасно поступили, миссис Саксби.

Миссис Саксби покачала головой:

— Да, дорогая моя, теперь я начинаю понимать...

— Я не знаю, что они вам про меня наплели, но все это вранье! А правда то, что она была с ним заодно с самого начала. Они между собой сговорились, чтобы поменять нас местами, чтобы меня — в сумасшедший дом и чтобы все думали, что я — это она...

Джон присвистнул.

— Подмена! — сказал он. — Тонкая работа, но... — Он усмехнулся. — Простофиля ты!

Так я и знала, что он это скажет, хотя теперь какое мне дело? Миссис Саксби внимательно посмотрела, но не на меня, а на наши с ней руки. Она держала мою ладонь и не выпускала. Похо-

же, новость ее ошарашила.

— Нехорошо, — тихо сказала она.

— Хуже, гораздо хуже! — вскричала я. — Сумасшедший дом, миссис Саксби! Там сестры — они били меня и морили голодом! Один раз так избили!.. А еще — топили! Топили в ванне!

Она отпустила мою руку.

— Ни слова больше, дорогая! Ни слова. Я не вынесу.

— Они тебя пытали? Щипцами? — спросил Джон. — Надевали смирительную рубашку?

— Нет, мне дали клетчатое платье и ботинки из...

— Из железа?

Я поглядела на Чарльза, потом ответила:

— Ботинки без шнурков. Потому что думали, если дать мне шнурки, я удавлюсь. А волосы...

— Отрезали? — спросила Неженка, наклоняясь вперед и прикрывая ладошкой рот. На щеке у нее был пожелтевший синяк — видимо, Джон постарался. — Обрили наголо?

Я ответила не сразу:

— Пришили к голове нитками.

Глаза ее наполнились слезами.

— Ой, Сью! — сказала она. — Клянусь, я этого не знала, когда сгоряча назвала тебя дрянью!

— Ничего. Ты не могла все знать.

И снова повернулась к миссис Саксби и показала на свою ситцевую юбку.

— Это платье я украла. И ботинки тоже. И почти всю дорогу до Лондона я шла пешком. Думала только об одном: как поскорее вернуться к вам. Потому что, как бы меня ни мучили в том доме, хуже и мучительней всего была мысль о том, что наговорил вам про меня Джентльмен. Сначала я думала, он скажет, что я умерла.

Неженка снова покачала головой:

— Возможно, он об этом подумывал.

— Но я же знала, что вы тогда спросите: а где же тело?

— Еще бы! Так бы я и сделала!

— Тогда я догадалась, что он скажет. Он скажет, что я забрала деньги и всех вас надула.

— Он так и сказал, — заявил Джон. — А я всегда говорил, что у тебя не хватит духу.

Я посмотрела в лицо миссис Саксби и продолжила.

— Но я знала: вы не поверите, что такое сделала ваша собственная дочь. — Она сильнее сжала мою руку. — Я знала, вы будете искать меня, пока не отыщете.

— Милая девочка, я... О, я, разумеется, отыскала

бы тебя — через месяц-другой... только, знаешь ли, я вела поиски втайне от Джона и Неженки.

— Правда, миссис Саксби? — спросила Неженка.

— Да, дорогая. Я послала одного человека, тайно...

Она вытерла губы. Посмотрела на Мод. Но Мод не сводила глаз с меня. Я думаю, мое лицо теперь тоже вышло из тени, потому что она вдруг сказала:

— У тебя больной вид, Сью.

В третий раз она назвала меня по имени. Я услышала свое имя и, сама того не желая, вспомнила о других временах, когда она меня так же называла, и почувствовала, что краснею.

— У тебя и правда вид не очень, — сказала Неженка. — Как будто неделю не спала.

— Это верно, — призналась я.

— Тогда, может быть, — миссис Саксби приподнялась, — может, пойдешь наверх и приляжешь? А завтра мы с Неженкой придем, наденем на тебя какое-нибудь твое старое платьице, причешем...

— Не оставайся здесь, Сью! — Мод, тоже приподнявшись с кресла, сделала предупреждающий знак рукой. — Тут опасно.

Я снова схватилась за нож, она отдернула руку.

— Думаешь, я не знаю, что такое опасность? Думаешь, глядя на тебя, я не вижу, где опасность? Опасно — твое лицо, фальшивое, как у актерки, и лживые и притворные губы, и глаза — карие глаза предательницы!

Слова никак не хотели слетать с языка, они были ужасны, но я должна была их выкричать, выплюнуть — не то задохнусь. Она все это время не сводила с меня глаз, в них была тревога, и уж никак их нельзя было назвать предательскими. Я повернула нож. В наточенном лезвии отразился свет лампы, и зайчик запрыгал по ее лицу.

— Я пришла сюда, чтобы убить тебя, — сказала я.

Миссис Саксби приподнялась на стуле. Мод все смотрела и смотрела на меня.

— Ты и в «Терновник» пришла за тем же.

Тогда я отвела взгляд, и нож выпал из моей руки.

Я вдруг поняла, что смертельно устала. Словно разом ощутила всю тяжесть пройденного пути, все бессонные часы, проведенные в ожидании. Но все пошло не так, как я рассчитывала. Я повернулась к миссис Саксби:

— Как можете вы вот так сидеть и слушать, как она надо мной издевается? Вы знаете, что она

со мной сотворила, и позволяете ей оставаться здесь? И вам не хочется ее придушить?

Я говорила искренне, но при всем при том слова мои звучали напыщенно. Я оглядела комнату.

— Мистер Иббз, а вам? — спросила я. — Неженка, неужели тебе не хочется разорвать ее на куски — за меня?

— Хочется, конечно, — откликнулась Неженка. И, потрясая кулаком, повернулась к Мод: — Обманула мою лучшую подругу! Заперла ее с сумасшедшими, пришила ей волосы!

Мод никак не отреагировала, только слегка повернула голову. Неженка снова потрясла кулачком, потом опустила руку. Перехватила мой взгляд.

— Конечно, жуткое дело, Сью. Что мисс Лилли оказалась такой подлой и все такое. Но какая храбрая, а? Я на той неделе прокалывала ей уши, так она даже не ойкнула. А потом стала спарывать с платков нитки, будто всю жизнь этим и занималась...

— Довольно, Неженка, — быстро проговорила миссис Саксби.

Я снова посмотрела на Мод, на ее маленькие, аккуратные ушки — теперь с них свисали, на золотых проволочках, две хрустальные капли, — на

завитые светлые волосы и выщипанные темные брови. А над ее креслом — раньше я почему-то не разглядела, но теперь ясно, это вещь из того же ряда, что и браслеты, и серьги, и новые кудряшки, — над креслом, подвешенная к потолку, висела маленькая клетка с желтой птичкой.

К горлу подступил горький ком.

— Ты у меня все забрала, — сказала я. — Забрала, и теперь это твое, только лучше.

— Я забрала это, — ответила она, — потому что это твое. Потому что так надо!

— Почему так надо?

Она собиралась ответить, но посмотрела на миссис Саксби, и лицо ее застыло.

— Для злых дел, — сказала она ровным голосом. — Потому что ты права: все во мне фальшивое — и лицо, и губы, и глаза... Глаза... — Она отвернулась. Голос ее задрожал, но она взяла себя в руки. — Ричард узнал, что денег придется ждать дольше, чем мы рассчитывали.

Она взяла обеими руками стакан и залпом выпила то, что в нем оставалось.

— Так ты без денег?

Она поставила стакан на стол.

— Пока да.

— Ну, это меняет дело. — Я оживилась. — Тогда

я требую свою долю. Половину. Миссис Саксби, вы слышите? Они отдадут мне половину наследства. Не эти вонючие три тысячи, а половину. Подумать только, как мы с ними заживем!

Но мне не нужны были эти деньги, и, когда я говорила, сам звук моего голоса был мне противен.

Миссис Саксби ничего не ответила. А Мод выпалила:

— Бери себе сколько хочешь. Я отдам тебе все, все — только уходи скорей отсюда, пока Ричард не вернулся.

— Уйти отсюда? Только потому, что ты мне велишь? Это мой дом! Миссис Саксби... Миссис Саксби, скажите же ей!

Миссис Саксби снова провела рукой по губам.

— Знаешь, Сью, — медленно произнесла она, — мисс Лилли, наверное, права. Если речь идет о деньгах, сама знаешь, в таких делах лучше Джентльмена не задевать. Дай сперва я сама поговорю с ним. Он узнает, какой у меня характер!

Все это она произносила как-то странно, с вымученной улыбкой — как если бы Джентльмен надул ее на три шиллинга за карточным столом. Я решила, что на самом деле она думает о состоянии Мод, о том, как его лучше поделить. О, если бы она могла не думать о деньгах!

— Вы хотите, чтобы я ушла?

Я произнесла это еле слышно. И, отвернувшись от нее, оглядела кухню: посмотрела на старые голландские часы на полке, на картинки, развешанные по стенам. На полу у двери на лестницу стоял белый фарфоровый горшок, с черным глазом, он прежде стоял в моей комнате, теперь, видно, его принесли ополоснуть, да так и забыли. Я бы не забыла. На столешнице под моей ладонью было нацарапано сердечко: я сама его нацарапала прошлым летом. Каким я тогда была ребенком! Как младенец несмышленый... И еще раз удивленно огляделась. Почему-то детского плача не слышно. В кухне тихо. Все молчат и смотрят на меня.

— Так вы хотите, чтобы я ушла, снова спросила я, обращаясь к миссис Саксби, — а она осталась? — Голос у меня сорвался. — И вы им верите, что они не нашлют на меня доктора Кристи? И вы оставите ее у себя, будете подносить ей платья, вынимать шпильки из волос, целовать в щечку, уложите на свою кровать, на мое бывшее место, а мне что — кровать в рыжих волосах?

— Почему обязательно на свою кровать? — быстро переспросила миссис Саксби. — Кто тебе сказал?

— Какие еще рыжие волосы? — удивился Джон.

Мод подняла голову и прищурилась.

— Ты за нами подглядывала! — сказала она. А потом, подумав, добавила: — Из-за ставней!

— Я за тобой следила, — отвечала я, на этот раз уверенней. — Следила за тобой, паучиха! Как ты забрала себе все мое. Для тебя это интереснее — черт тебя подери! — чем спать с собственным мужем!

— Спать с... Ричардом? — Эта мысль ее, кажется, поразила. — Неужели ты думаешь?..

— Сьюзи, — сказала миссис Саксби, кладя мне руку на плечо.

— Сью, — одновременно с ней произнесла Мод, перегнувшись через стол и тоже протягивая ко мне руку. — Неужели ты думаешь, что он что-то для меня значит? Неужели думаешь, что он мне настоящий муж, не на бумаге? Разве ты не знаешь, что я его ненавижу? И в «Терновнике» так было, разве ты не заметила?

— Выходит, — я пыталась выдержать презрительный тон, — ты не по своей воле все делала, это он тебя заставил?

— Заставил. Но не в том смысле, в каком ты думаешь.

— Делаешь вид, что ты не гнусная обманщица?

— А ты?

И она снова посмотрела на меня в упор, и снова я пристыженно отвернулась. Потом, собравшись с силами, сказала уже спокойнее:

— Мне все это было противно. Я не хихикала вместе с ним за твоей спиной.

— Думаешь, я хихикала?

— А то! Ты актерка. И сейчас притворяешься!

— Неужели?

Она сказала это, по-прежнему не сводя глаз с моего лица. Свет лампы окружал нас желтым коконом, остальная часть кухни оставалась в темноте. Я посмотрела на ее пальцы. Они были грязны — а может, сбиты от работы.

Я сказала:

— Если ты его так ненавидела, почему же подчинилась?

— Выхода не было, — с грустью ответила она. — Ты же знаешь, какая у меня была жизнь. Мне нужна была ты — чтобы стать мной.

— Чтобы ты пришла сюда и стала мной!

Она не ответила, тогда я сказала:

— Мы могли бы обмануть его. Если бы ты мне все рассказала. Мы бы могли...

— Что?

— Все, что угодно. Что-нибудь бы придумали. Ну, не знаю...

Она покачала головой:

— И чем бы ты могла пожертвовать?

Взгляд ее карих глаз был строг, и вдруг я почувствовала, что миссис Саксби, и Джон, и Неженка, и мистер Иббз — все они смотрят на меня с любопытством и думают: «О чем это она?» И в этот миг я поняла, что трусливая душонка — это я, я ни от чего, ни от чего не отказалась бы ради нее. Но какое она имеет право осуждать меня?!

Она снова протянула ко мне руку. Я схватила нож и полоснула ей по пальцам.

— Не трогай меня! — Я встала. — Не троньте меня, вы, все! Слышите? Я шла сюда и верила, что здесь мой дом, а теперь вы меня гоните. Ненавижу! Лучше бы я осталась в деревне!

Я оглядела всех по очереди. Неженка плакала. Джон сидел, раскрыв рот от удивления. Мистер Иббз держался за щеку. Мод схватилась за порезанную руку. Чарльза била дрожь.

Миссис Саксби сказала:

— Сью, положи нож. Кто тебя гонит? Что за мысль!

— Я...

И вдруг замолкла. Чарли Хвост поднял голову.

Из мастерской донеслось звяканье ключа, слышно было, как он проворачивается в замке. Потом — притоптывание. Потом — свист.

— Джентльмен! — сказала она.

И посмотрела на Мод, на мистера Иббза, на меня.

— Сью, — шепнула она. — Сьюзи, милая, поди наверх, а?..

Но я не отвечала, только крепче сжала рукоятку ножа. Чарли Хвост неуверенно тявкнул, Джентльмен услышал и передразнил его. Потом снова засвистел — знакомая мелодия, медленный вальс, — потом пару раз споткнулся в темном коридоре, потом распахнул дверь. Думаю, он был пьян. Шляпа съехала, щеки раскраснелись, губы сложились в гузку. Он стоял покачиваясь и, пришурясь, озирался. Свист оборвался. Он облизнул губы.

— Привет, — сказал он, приветствую тебя, Чарльз. — И подмигнул. Потом увидел меня, заметил нож. — Привет, Сью. — Снял шляпу и принялся разматывать красное полотнище, обмотанное вокруг шеи.— Я так и думал, что ты придешь. Подождала бы еще денек, я бы приготовился. Я как раз сегодня получил письмо от этого дурня Кристи. Он явно не спешил сообщить

мне о твоем побеге! Наверное, надеялся поймать. Вредит репутации — когда пациентка сбегает.

Он положил красный шарф в шляпу и выпустил из рук — шляпа упала.

Вынул сигарету.

— Какое дьявольское спокойствие! — заметила я. Меня била дрожь. — А ведь миссис Саксби и мистер Иббз все знают.

Он усмехнулся:

— Ясное дело, знают.

— Джентльмен! — сказала миссис Саксби. — Выслушайте меня. Сью рассказала нам жуткие вещи. Я требую, чтобы вы ушли.

— Не отпускайте его! — крикнула я. — Он приведет доктора Кристи! — И замахнулась ножом. — Чарльз, останови его!

Джентльмен зажег сигарету, но только и всего. Обернулся посмотреть на Чарльза — тот робко шагнул навстречу ему. Погладил Чарльза по волосам:

— Так-то вот, Чарли.

— Пожалуйста, сэр... — начал Чарльз.

— Думаешь, я злодей.

Губы у Чарльза задрожали:

— Клянусь, мистер Риверс, у меня и в мыслях не было!

— Ладно, ладно. — Джентльмен потрепал Чарльза по щеке.

Мистер Иббз презрительно фыркнул. Джон вскочил на ноги и посмотрел вокруг, словно сам не понял, чего вскочил. И покраснел.

— Сядь, Джон! — приказала миссис Саксби.

Он скрестил на груди руки.

— А я хочу постоять — имею право.

— Сядь, или прибью.

— Меня? — спросил он хрипло. — Этих двоих лучше прибейте. — И указал на Джентльмена с Чарльзом.

Миссис Саксби быстро подошла к нему и влепила затрещину. Изо всей силы. Он закрыл руками голову и злобно таращился на нее из-под локтей.

— Старая корова! — огрызнулся он. — С самого рождения житья мне не дает. Только попробуй еще ударить — я тебе покажу!

Глаза его злобно сверкали, но, когда он договорил, в них стояли слезы, и он зашмыгал носом. Отошел к стене и пнул ее ногой. Чарльз задрожал и тоже заплакал. Джентльмен смотрел то на одного, то на другого, потом на Мод — и изобразил удивление.

— Неужели малыши из-за меня плачут?

— Да пошел ты, я не малыш! — сказал Джон.

— Успокойтесь! — произнесла Мод своим тихим, мелодичным голосом. — Чарльз, перестань.

Чарльз утер нос.

— Да, мисс.

Джентльмен курил, привалившись к дверному косяку.

— Итак, Сьюки, теперь ты все знаешь.

— Я знаю, что вы гнусный обманщик, — сказала я. — Но я и полгода назад это знала. Глупая была, вот вам и доверяла.

— Милая моя, — перебила меня миссис Саксби, не отрывая глаз от Джентльмена, — милая моя, нет, это мы с мистером Иббзом глупые, раз тебя отпустили.

Джентльмен вынул изо рта сигарету, чтобы подуть на кончик. Теперь же, услышав слова миссис Саксби, замер, не донеся сигарету до рта. Потом рассмеялся — невесело так — и покачал головой.

— Боже мой! — тихо произнес он.

Я решила, что она его наконец пристыдила.

— Ну хорошо, — проговорила она. — Хорошо. — И подняла вверх руки. Она стояла, как плотовщик на реке — словно, если сделает лишнее движение, пойдет ко дну. — Давайте не будем ссориться. Джон, не дуйся. Сью, положи ножик, пожалуйста, очень тебя прошу. Никто никого

не обижает. Мистер Иббз. Мисс Лилли. Неженка. Чарльз, милый мальчик, сядь. Джентльмен. Джентльмен!

— Миссис Саксби!

— Никто никого не обижает. Договорились?

Он глянул на меня.

— Скажите это Сью, — буркнул он. — Она смотрит так, словно хочет меня зарезать. В данных обстоятельствах мне бы этого не хотелось.

— В каких таких обстоятельствах? — изумилась я. — То, что вы заперли меня в сумасшедшем доме и бросили там умирать, — это вы называете обстоятельствами? Да я вам башку оторву!

Он сощурился, состроил презрительную мину.

— Знаете ли вы, — сказал он, — что в вашей речи иногда проскальзывают визгливые нотки? Вам никто этого не говорил?

Я кинулась на него с ножом, но, видимо, я слишком устала и еле держалась на ногах — бросок получился слабый и неуверенный. Он смотрел не мигая на кончик ножа, наставленный прямо в его сердце. И тут я испугалась, что нож дрогнет и он это заметит. Я отложила нож. Я положила его на стол — на самый край, там, куда не доставал желтый свет лампы.

— Ну вот и хорошо, — сказала миссис Саксби.

Джон осушил слезы, но лицо его было мрачным — на одной щеке расплывалось красное пятно. Он смотрел на Джентльмена, но кивнул на меня и выпалил:

— Она только что бросалась на мисс Лилли. Сказала, что пришла ее убить.

Джентльмен посмотрел на Мод — порезанные пальцы она успела обмотать носовым платком.

— Жаль, я не видел.

— Еще она хочет половину ваших денег.

— Неуже-ели? — протянул Джентльмен.

— Джон, заткнись, — сказала миссис Саксби — Джентльмен, не слушайте его. Он все путает. Сью сказала — половину, но это сгоряча. Она немного не в себе. Она... — И, прикрыв глаза рукой, еще раз огляделась — посмотрела на меня, на Мод. Потерла глаза. — Если бы мне дали время... — вздохнула она, — подумать...

— Думайте! — произнес Джентльмен нетерпеливо и злобно. — Сгораю от любопытства, что вы такое придумаете.

— Я тоже, — сказал мистер Иббз.

Очень тихо сказал.

Джентльмен перехватил его взгляд и поднял бровь.

— Запутанное дело, не правда ли, сэр?

— Весьма запутанное, — подтвердил мистер Иббз.

— Вы так думаете?

Мистер Иббз кивнул.

Джентльмен спросил:

— Думаете, если я уйду, его легче будет распутать?

— Да вы с ума сошли?! — воскликнула я. — Вы что, не видите, что он на все готов ради денег? Нельзя его отпускать! Он пойдет за доктором Кристи!

— Не отпускайте его, — сказала Мод, обращаясь к миссис Саксби.

— И не думайте уходить, — сказала миссис Саксби, обращаясь к Джентльмену.

Он передернул плечами, щеки его покраснели.

— Всего две минуты назад вы хотели, чтобы я ушел!

— Я передумала.

И посмотрела на мистера Иббза, тот отвернулся.

Джентльмен снял пальто.

— Черт меня побери! — Он криво усмехнулся.— Слишком жарко для подобных дел.

— Да, черт вас подери! — сказала я. — Негодяй чертов. Сделаете все, что скажет миссис Саксби.

Ясно?

— Вы тоже, — ответил он, вешая пальто на спинку стула. — Да. Он хмыкнул: — Бедная, несчастная шавка.

— Ричард! — Мод встала и оперлась на край стола. — Послушайте меня. Вспомните обо всех своих грязных делишках. Это будет позорнее всех, и вы ровно ничего не выгадаете.

— О чем речь? — полюбопытствовал Джон.

Но Джентльмен снова хмыкнул.

— Скажите, — обратился он к Мод, — с каких это пор вы стали такой доброй? Что вам за дело до Сью? Ага, вот и покраснели! Часом, не то, о чем я подумал? А поглядите-ка па миссис Саксби! Может, вас заботит, что она о вас подумает! Сомневаюсь. Вы такая же дрянь, как Сью. Вон как задрожали! Мужайтесь, Мод! Вспомните о своей матери.

Она стояла и слушала его, держась за сердце. А при этих его словах вздрогнула, будто ее кто ужалил. Он это заметил и, довольный, хохотнул. Потом посмотрел на миссис Саксби. Та тоже при его словах дернулась. И она, как и Мод, держала руку у самого сердца — как раз под бриллиантовой брошью. Заметив его взгляд, покосилась на Мод, и рука ее упала.

Смех Джентльмена оборвался. Он замер.

— Что? — спросил он.

— Что такое? — подхватил Джон.

— Ну хватит! — Миссис Саксби шагнула к нему. — Неженка...

— Ага! — ликовал Джентльмен. — Ага!

Он смотрел то на миссис Саксби, то на Мод, и лицо его наливалось кровью. Поправил рукой волосы, откинул прядь назад.

— Теперь понимаю, — хмыкнул он. И засмеялся. — Теперь мне все ясно!

— Ничего вам не ясно, — сказала Мод, делая шаг к нему, но глядя почему-то на меня. — Ричард, вы все неправильно поняли.

Он покачал головой:

— Какой я был дурак, что раньше не догадался! Это поразительно! И давно ты об этом узнала? Вот почему ты брыкалась! Вот почему капризничала! А она тебе все спускала! Мне всегда это казалось странным. Бедная Мод! — И он расхохотался. — И бедная миссис Саксби!

— Хватит! — отрезала миссис Саксби. — Прекратите! Я не хочу больше ничего слышать!

И тоже шагнула к нему.

— Бедная вы, бедная, — повторил он, все еще смеясь. — Мистер Иббз, сэр, а вы тоже об этом

знали?

Мистер Иббз не отвечал.

— О чем речь-то? — Джон прищурился — глаза его стали как бусинки. Посмотрел на меня. — О чем это он?

— Не знаю, — ответила я.

— И нечего знать, — сказала Мод. — Нечего. Она по-прежнему надвигалась на него, и глаза ее — теперь почти черные — угрожающе сверкали. Она все смотрела на Джентльмена. Я видела, как она пошарила рукой по затененному краешку стола, словно искала что-то. Миссис Саксби тоже, наверное, это видела. А может, заметила и кое-что еще. Потому что вздрогнула и быстро-быстро заговорила:

— Сьюзи, я прошу тебя уйти. Бери своего приятеля и иди.

— Никуда я не пойду.

— Нет, Сьюзи, останься. — Джентльмен повысил голос. — Не слушай миссис Саксби. Ты и так слишком долго ее слушалась. Кто они тебе, в конце-то концов?!

— Ричард, — умоляюще произнесла Мод.

— Джентльмен, — обратилась к нему миссис Саксби, не сводя глаз с Мод. — Мальчик мой. Помолчите, а? Я начинаю бояться.

— Бояться? — удивился он. — Вы? Да вы ни разу в жизни по-настоящему не боялись. Уверен, что и сейчас ваше сердце бьется ровнехонько, как часы, под этой пышной кожаной грудью.

При этих словах лицо миссис Саксби исказила гримаса. Она подняла руку к корсажу платья.

— Тогда пощупайте! — сказала она и провела пальцами по черному муару. — Пощупайте, как бьется, а потом говорите, что во мне нет страха!

— Пощупать? — переспросил он, глянув на ее грудь. — Не думаю, что мне это надо. Лучше попросите свою дочь это сделать. Она это умеет.

Точно не могу сказать, что произошло потом. Знаю только, что, услышав эти его слова, я шагнула к нему, хотела ударить или как-нибудь еще заставить замолчать. Но Мод и миссис Саксби опередили меня. Не знаю, к кому бросилась миссис Саксби: к нему или — заметив метнувшуюся Мод — к ней. Помню, сверкнуло что-то, помню шарканье ног, шелест тафты и шелка, сиплый и резкий звук, похожий на вздох. Кажется, уронили стул. Помню, как закричал мистер Иббз.

— Грейс! Грейс! — кричал он, и даже среди всеобщей сумятицы я сообразила, что он что-то не то кричит. Только потом я догадалась, что, наверное, так зовут миссис Саксби, но никто при

мне не называл ее по имени.

Так что, когда это произошло, я смотрела на мистера Иббза. Я не видела, когда Джентльмен зашатался. Но услышала его стон. Слабый такой стон.

— Вы меня ударили? — спросил он. И я не узнала его голоса.

И тогда я оглянулась.

Он думал, что его ударили кулаком. Мне сперва тоже так показалось. Зажав руками живот, он согнулся, словно баюкал больное место. Мод сначала стояла перед ним, потом шагнула в сторону, и тогда я услышала, как что-то упало, хотя выпало ли это из ее руки, или из его, или из рук миссис Саксби — этого я не поняла. Миссис Саксби была к нему ближе всех. Определенно ближе. Она держала его за плечи и, когда ноги у него подкосились, поддержала его.

— Вы меня ударили? снова спросил он.

— Не знаю. — Она покачала головой.

Думаю, никто не знал. Одежда его была темной, и на миссис Саксби было черное платье, и, пока они стояли в тени, вроде было незаметно. Но когда он наконец отнял руку от жилетки и поднес к лицу, тогда-то мы и увидели, что его белая ладонь вся темна от крови.

— Боже мой! — произнес он.

Неженка заверещала.

— Принесите лампу! — велела миссис Саксби. — Света, больше света!

Джон схватил лампу и, дрожа, держал ее на весу. Черная кровь вдруг оказалась ярко-розовой. Жилет и брюки Джентльмена пропитались ею насквозь, а тафтяное платье миссис Саксби стало красным, и там, где она прикасалась к нему, с него капало.

Я никогда не видела такого сильного потока крови. Еще час назад я была намерена убить Мод. Я наточила нож. Я оставила нож на столе. Теперь же его там не было. Я никогда не видела, чтобы кровь так хлестала. Мне стало дурно.

— Нет! — завопила я. — Нет, нет!

Миссис Саксби схватила Джентльмена за руку. Он по-прежнему держался за живот.

— Уберите руку, — попросила.

— Не могу.

— Уберите руку!

Она хотела посмотреть, глубока ли рана. Лицо его исказилось, потом он все-таки разжал пальцы. И тогда, из разреза на жилете, стали появляться пузыри — совсем как мыльные, только красного цвета, — потом хлынула кровь, плесну-

ла на пол с шумом, какой бывает, когда из тазика выливают воду.

Неженка опять завизжала. Лампа закачалась.

— Черт! Черт! — бормотал Джон.

— Усадите его на стул, — распоряжалась миссис Саксби. — Принесите тряпок — заткнуть рану. Принесите что-нибудь, куда собирать кровь. Да принесите же что-нибудь, что угодно...

— Помогите, — просил Джентльмен. — Помогите. О боже!

Его подхватили, кое-как усадили на стул — все это с оханьем и вздохами. Усадили на стул с жесткой спинкой. Я стояла и смотрела, как они суетятся, а сама не могла двинуться — наверное, от ужаса, хотя теперь мне стыдно, что я тогда ничего не делала. Мистер Иббз снял с крючка полотенце, и миссис Саксби встала перед Джентльменом на колени и приложила полотенце к ране. Каждый раз, когда он двигался или отнимал руку от живота, кровь хлестала с новой силой.

— Подайте ведро или горшок, — сказала она снова, и в конце концов Неженка подбежала к двери, схватила ночной горшок, оставленный там по недосмотру, принесла его и поставила рядом со стулом. Звук крови, бьющей о фарфоровое дно — красное на белом, да еще этот черный

всевидящий глаз — вот что было ужасней всего. Джентльмен, как услышал этот звук, испугался.

— О Боже! — сказал он. — Господи Иисусе, я умираю! — И в промежутках между словами словно захлебывался стоном — дрожащим, мучительным, нечеловеческим стоном, который он уже не в силах был остановить. — О Боже, спаси меня!

— Ничего, — сказала миссис Саксби, дотрагиваясь до его лица. — Ничего. Надо потерпеть. Я видела женщин, которые теряли столько крови при родах, и ничего, выжили и другим потом рассказывали...

— Но не так же! Не так! Меня ранили. Глубокая рана? О боже! Нужен хирург. Мне нужен хирург.

— Принеси ему спиртного, — велела миссис Саксби Неженке, но он замотал головой: — Не спиртного. Покурить, покурить хочу. В кармане, тут.

Он нагнул голову, подбородком коснулся жилета, и Джон пошарил в складках и выудил пачку сигарет и коробок спичек. Часть сигарет промокла, но он нашел одну сухую, сам раскурил ее и поднес к губам Джентльмена.

— Хороший мальчик, — сказал Джентльмен и закашлялся.

Он дернулся, и сигарета упала. Джон подхватил

ее дрожащими пальцами и снова сунул ему меж губ. Джентльмен снова закашлялся. Крови под ладонями стало больше. Миссис Саксби взяла полотенце и выжала — выжала так, как выжимают белье. Джентльмена тем временем стала бить дрожь.

— Как так получилось? — сказал он.

Я посмотрела на Мод. Та не пошевелилась с тех самых пор, как отошла от него, когда он стал падать. Она, так же как и я, стояла как вкопанная и смотрела на его лицо.

— Как же это? — Он огляделся вокруг — посмотрел на Джона, на мистера Иббза, на меня. — Что ж вы стоите и смотрите? Приведите врача. Приведите хирурга!

Кажется, Неженка дернулась. Мистер Иббз ее остановил.

— Никаких хирургов, — заявил он решительно. — Никаких таких людей в этом доме.

— Каких еще «таких»? — закричал Джентльмен. Сигарета упала на пол. — Что вы мелете? Посмотрите на меня! Боже мой! Вы что, не видите? Я умираю! Миссис Саксби, вы же меня любите. Приведите кого-нибудь, умоляю.

— Мальчик мой дорогой, успокойся, — сказала она, по-прежнему прижимая полотенце к его

ране.

Он закричал от страха и боли:

— Да будьте вы прокляты! Суки! Джон...

Джон поставил лампу и закрыл глаза рукой. Он плакал, но не хотел, чтобы это видели другие.

— Джон, беги за хирургом! Джонни! Я тебе заплачу! Черт!

Кровь хлынула снова. Лицо у него теперь было белое, усы — черные, заляпанные красным, а щеки лоснилась, как топленое сало.

Джон покачал головой:

— Не могу! Не просите!

Джентльмен посмотрел на меня.

— Сьюки! — сказал он. — Сьюки, меня убили...

— Никаких хирургов, — ответил мистер Иббз в ответ на мой вопросительный взгляд. — Только приведите кого-нибудь из них — и нам конец.

— Тогда вынесите его на улицу, — предложила я. — Можно же так сделать? А на улице позовем доктора.

— Рана плохая. Погляди на него. Она наведет их на след. Слишком много крови.

И правда. Горшок наполнился чуть не до самого верха. Стоны Джентльмена звучали теперь тише.

— Будьте вы все прокляты! — тихо выдохнул

он. И заплакал: — Неужели никто из вас мне не поможет? У меня есть деньги, клянусь. Кто тут? Мод?

Лицо у нее было пепельным, как и у него, и губы побелели.

— Мод? Мод? — просительно произнес он.

Она покачала головой. Потом прошептала:

— Простите. Простите.

— Да черт побери! Помогите же мне! О-о!..— И закашлялся.

Потом в уголке рта у него показался красный ручеек, а секунду спустя кровь забила струей. Он поднес ко рту слабеющую руку, увидел на пальцах свежие пятна крови, и вид у него стал дикий. Щурясь от света лампы, он судорожно задергался, словно пытался встать со стула. Потянулся к Чарльзу.

— Чарли? — позвал он, а на губах его лопались розовые пузыри.

Он вцепился в его куртку и потянул к себе. Но Чарльз как стоял, так и остался стоять. Все это время он держался в тени, в глазах его застыл ужас. Теперь же, увидев пузыри на губах и усах Джентльмена и красную скользкую руку, хватающую его за синий суконный воротник, он затрясся как заяц. Потом повернулся и побежал. Он бежал

тем же путем, каким я привела его сюда, — по узкому коридору, в мастерскую мистера Иббза. И прежде чем мы успели позвать его или остановить, мы услышали хлопанье двери, а потом — пронзительный крик, чуть не девчоночий:

— Убили! На помощь! На помощь! Убили!

Тут мы все, за исключением миссис Саксби и Мод, застыли. Джон кинулся было в мастерскую.

— Поздно! — сказал мистер Иббз. — Теперь уже поздно.

Он поднял руку. Джон стоял и прислушивался. Из открытой двери лавки дунуло жаром, и вместе с порывом ночного воздуха до нас донесся звук, который я сперва приняла за эхо воплей Чарльза, но звук этот все усиливался, и я наконец поняла, что это ответный крик, может быть, из окна соседнего дома. Через секунду ему уже вторил другой такой же. Потом и третий добавился — и этот был для нас хуже всех: отдаленный звук трещотки. И он приближался.

— Фараоны! — сказал Джон. И бросился к Неженке: — Неженка, уходим!

Она постояла, подумала, потом побежала — через заднюю дверь, сорвав засовы.

— Скорей же! — крикнул он, когда она оглянулась. Но он не побежал вместе с ней, а вернулся

к Джентльмену.

— Надо его унести, — сказал он миссис Саксби. Посмотрел на меня, на Мод. — Мы сможем его унести, если поторопимся.

Миссис Саксби покачала головой. Голова Джентльмена бессильно свесилась на грудь. Кровь на его губах пузырилась, пузыри лопались, потом появлялись новые.

— Сам-то беги, — сказала она Джону. — И Сью забери.

Но он не убежал, и я знала тогда — и сейчас знаю, — что все равно не пошла бы с ним. Что-то удерживало меня там. Я посмотрела на мистера Иббза. Он кинулся к стене за жаровней, и я увидела, как он вынул из нее кирпич. Только потом я узнала, что там он хранил деньги — втайне от всех, в старой коробке из-под сигарет. Он сунул коробку в жилетный карман. Потом стал быстро оглядывать предметы: фарфор, ножи и вилки, безделушки на полках, — проверял, нет ли чего, за что его могут упрятать за решетку. Джентльмена и миссис Саксби он уже не замечал; проходя мимо меня, отпихнул в сторону, чтобы достать фарфоровую чашку, а достав, тут же швырнул об пол. Когда Чарли Хвост поднялся на задние лапы и затявкал, пнул его ногой.

Тем временем крики и треск приближались. Джентльмен приподнял голову. Борода его намокла от крови, кровь была на щеках, скопилась в уголках глаз.

— Слышите? — спросил он слабым голосом.

— Да, дорогой мой. — Миссис Саксби все еще стояла перед ним на коленях.

— Что это за звук?

Она положила свои окровавленные ладони поверх его рук.

— Это глас Судьбы, — сказала она. Посмотрела на меня, затем на Мод.

— Вы еще можете убежать.

Я ничего не ответила. Мод покачала головой.

— Не от такого, — сказала она. — Не сейчас.

— Ты знаешь, что за это будет?

Она кивнула.

Миссис Саксби снова посмотрела на меня, потом снова на Мод, закрыла глаза. Устало вздохнула.

— Я тебя уже теряла однажды, девочка моя, — сказала она. — И вот теперь снова...

— Вы меня никогда не потеряете! — закричала я, и она широко раскрыла глаза, посмотрела на меня, словно не понимая. Потом повернулась к Джону.

— Они идут! — сказал он.

Мистер Иббз услышал его и побежал, но на заднем дворе его схватил полицейский и привел назад, а к этому времени двое других полицейских вошли в кухню через мастерскую. Увидели Джентльмена, полный горшок крови и то, что мы и не подумали искать или прятать, — увидели нож, отброшенный в темноту, со следами крови на лезвии. И покачали головой. Все полицейские у нас в Боро так делают, когда видят подобные вещи.

— Дело дрянь, кажется, — сказали они. — Это очень плохо. Дайте-ка посмотрим, насколько плохо.

Они взяли Джентльмена за волосы и приподняли его голову, пощупали пульс на шее, а потом сказали:

— Грязное убийство. Итак, кто это сделал?

Мод шевельнулась или шагнула вперед...

Но Джон оказался проворней.

— Она это сделала, — сказал он уверенно. Одна щека его была все еще темнее другой — след от ее удара. Он поднял руку и указал пальцем: — Она. Я сам видел.

Он указывал на миссис Саксби.

Я видела его, слышала, но не могла двинуться с

места. Только губы мои произнесли: «Что?»

И Мод, кажется, тоже крикнула: «Что?!», а может: «Погодите!»

Но миссис Саксби поднялась с колен. Ее тафтяное платье промокло насквозь, а бриллиантовая брошь на груди превратилась в рубиновую. Руки ее были красными от кончиков пальцев до запястья. Она похожа была на убийцу, каких изображают на грошовых картинках.

— Я это сделала, — сказала она. — Видит бог, сейчас я очень об этом жалею. Но я это сделала. А эти девочки — невинные девочки, и ничего об этом не знают, и никому не причинили зла.

Глава семнадцатая

Меня в то время звали Сьюзен Триндер. Но время то прошло.

Полицейские всех нас забрали, кроме Неженки. Они нас забрали и посадили в тюрьму, пока переворачивали вверх дном кухню на Лэнт-стрит — искали тайники с деньгами и награбленным. Нас развели по камерам, каждого по отдельности, и, что ни день, приходили и задавали одни и те же вопросы:

— Кем вам доводился убитый?

Я сказала, что это был знакомый миссис Саксби.

— Давно ли живете на Лэнт-стрит?

Я отвечала, что с рождения.

— Что видели в ночь, когда было совершено преступление?

Тут я отвечала не сразу. Порой мне казалось, что я видела, как Мод хватает нож, а порой даже казалось, что видела, как замахивается. Я точно помню, как она водила рукой по темному краю стола и как сверкнуло лезвие. Точно знаю, что она отступила от Джентльмена, когда тот начал падать. Но миссис Саксби тоже была там, она

тоже действовала быстро, и порой мне казалось, что это ее руку я видела рядом со вспышкой... В конце концов я говорила чистую правду: что я ничего не запомнила. Но это все равно было не важно. У них было свидетельство Джона Врума и собственное признание миссис Саксби. Я им была не нужна. На четвертый день после того, как нас забрали, меня отпустили.

Других продержали дольше.

Мистер Иббз предстал перед судьей первым. Суд продолжался всего полчаса. В конце концов его засудили, но не из-за краденых вещей, какими набита была кухня, — он, конечно же, счистил все клейма, — а из-за нескольких банкнот из сигаретной коробки. Они были меченые. Оказывается, полицейские больше месяца следили за мастерской мистера Иббза и наконец взяли Фила, — который, как вы, может быть, помните, клялся, что второго срока в тюрьме не выдержит, — он-то и подсунул банкноты. Мистер Иббз был обвинен в укрывательстве краденого: его отправили в Пентонвилл.[22]Конечно, многие из тамошних были его знакомцы, и это могло бы скрасить его дни, если бы не одно обстоятельство: воры

---

[22] Примечания: 22
Большая тюрьма в Лондоне, открыта в 1842 г.

и взломщики, которые на воле счастливы были получить от него лишний шиллинг, теперь вдруг ополчились против него, и, думаю, ему там пришлось несладко. Я навестила его через неделю после того, как его посадили. Увидев меня, он закрыл руками лицо — и вообще так изменился, выглядел таким несчастным и так странно на меня смотрел, что я не выдержала. И больше к нему не ходила.

Сестру его, беднягу, полицейские обнаружили в ее собственной постели, когда обыскивали дом на Лэнт-стрит. Мы все про нее забыли. Ее отправили в приходскую больницу. Она не выдержала переезда и вскоре умерла.

К Джону Вруму придраться было невозможно — разве что к его шубейке, — и его осудили за воровство собак. Он отделался шестидневным арестом и поркой. Говорят, он так всем не понравился в тюрьме, что надзиратели разыгрывали в карты, кому его пороть, и что к двенадцати положенным ударам добавляли два-три от себя, а он плакал, как маленький. Неженка встретила его у тюремных ворот, а он стукнул ее и подбил глаз. Хотя это благодаря ему она вовремя выбралась с Лэнт-стрит.

Я больше никогда не разговаривала с ним. Он

снял для себя и Неженки комнату в другом доме и старался не попадаться мне на глаза. Один раз я его видела — в зале суда, когда слушали дело миссис Саксби.

Суд начался очень скоро. До этого я проводила ночи уже на Лэнт-стрит, лежала без сна на старой своей кровати, иногда заходила Неженка, ложилась рядом со мной, чтобы я не была одна. Из моих старых знакомых только она и приходила: потому что, конечно же, все остальные думали — из-за слухов, которые ходили раньше, — что я обманщица. Говорили, что я сняла комнату в доме напротив мастерской мистера Иббза и неделю жила там тайно, что-то вынюхивала. Зачем мне это было надо? Тогда кто-то сказал, что видел, как в ночь убийства я бежала по улице и глаза у меня были безумные. Вспоминали про мою мать, говорили про дурную кровь, которая передается... Никто больше не называл меня храброй, говорили: дерзкая. Еще: что не удивились бы, если бы именно я всадила нож, в конце-то концов, а миссис Саксби, которая любила меня как дочь, хотя я оказалась недостойной, взяла на себя мою вину.

Когда я шла по Боро, вслед мне неслись проклятия. Однажды незнакомая девочка бросила в меня камень.

В другое время я бы из-за этого страшно переживала. А теперь мне было все равно. Я думала только об одном: чтобы как можно чаще видеться с миссис Саксби. Они держали ее в тюрьме на Хорсмангерлейн. Там я и проводила все дни напролет — сидела на ступеньке у ворот, если было рано и еще не пускали, беседовала с надзирателями или с человеком, который вел ее дело в суде. Один приятель мистера Иббза нашел его для нас: сказал, что он постоянно спасает от виселицы даже самых закоренелых злодеев. Но мне честно признался, что наше дело неважное.

Самое большее, на что мы можем надеяться, — сказал он, — что судья примет во внимание ее преклонный возраст и сжалится над ней.

Я говорила ему, и не раз:

— А вдруг можно доказать, что она невиновна?

Он качал головой.

— Где доказательства? — говорил он. — Кроме того, она сама призналась. Зачем ей было это делать?

Я не знала, и мне нечего было ему ответить. После этого он оставлял меня одну у тюремных ворот — шел быстро, не оглядываясь, выходил на улицу и подзывал экипаж, а я смотрела ему вслед, сжав ладонями виски, потому что и его крик, и

стук копыт, и скрип колес, и движение людской толпы, и даже булыжники под моими ногами причиняли мне боль. Все причиняло боль, казалось чересчур громким, чересчур быстрым, чересчур пронзительным. Много раз я останавливалась и вспоминала Джентльмена, как он зажимает свою рану рукой, смотрит ошарашенно на наши такие же безумные лица. «Как же так получилось?» — сказал он. Вот и мне хотелось сейчас сказать всем, каждому встречному: «Как же это случилось? Почему? Как вы можете тут стоять и просто смотреть на меня?..»

Я бы писала письма, если бы умела писать и знала бы кому. Я бы пошла к дому того человека, которого назначили в судьи, если бы знала, где этот дом. Но я ничего такого не сделала. И если и было мне какое-то утешение — то рядом с миссис Саксби и в тюрьме, хоть и была она мрачной и унылой, — по крайней мере, в тюрьме было тихо. Я проводила там больше времени, чем мне было положено, и все по доброте надзирателей: наверное, они думали, что я совсем юная и несмышленая.

— Ваша дочка пришла, — говорили они, отпирая камеру.

И каждый раз она вскидывала голову и быстро

пробегала глазами по моему лицу или беспокойно поглядывала мне через плечо, словно не верила, что меня снова к ней впустили и что разрешат еще остаться. Так я думала тогда.

Она силилась улыбнуться.

— Девочка моя. Одна?

— Одна, — отвечала я.

— Ну и хорошо, — говорила она чуть погодя и брала меня за руку. — Правда? Только ты и я. Это хорошо.

Она молча держала меня за руку. Разговаривать не любила. Когда, особенно в первое время, я плакала, бранилась и просила ее отказаться от признания, от моих слов она так расстраивалась, что я начинала опасаться за ее здоровье.

— Не надо, — говорила она, лицо ее делалось бледным и словно застывшим. — Я это сделала, и точка. И больше не хочу об этом слышать.

Я помнила эту ее странность и сидела молча, только поглаживала ее пальцы. Каждый раз они казались мне все тоньше. Надзиратели сказали, что она не притрагивается к еде. Смотреть, как истончаются эти могучие руки, было мучительней всего: мне казалось, что все, что идет не так, исправится, как только руки миссис Саксби снова станут сильными и красивыми. Все деньги, какие

еще оставались в доме на Лэнт-стрит, я потратила на то, чтобы найти адвоката, но все, что мне удавалось теперь выручить в долг или под заклад, я тратила на еду, которая, на мой взгляд, могла ее порадовать: креветки, например, или сервелат, или пудинг. Однажды принесла ей леденцовую мышку — думала, она вспомнит те времена, когда брала меня к себе в постель и рассказывала про Нэнси из «Оливера Твиста». Однако она, кажется, не вспомнила: взяла и не глядя отложила в сторону, сказала, что потом попробует, — она все время так говорила. В конце концов надзиратели посоветовали мне не тратить денег попусту. Всю еду она передавала им.

Много раз она брала мое лицо в ладони. Много раз целовала меня. Один или два раза даже крепко сжала и, кажется, готова была сообщить нечто ужасное, но каждый раз в последний момент переводила разговор на другое, и все забывалось. Возможно, я могла ее о чем-то спросить — возможно, меня мучили какие-то странные мысли или сомнения, — но я все равно молчала, как она. И без того сейчас трудные времена, зачем же еще ухудшать? Вместо этого мы говорили обо мне — как я живу сейчас и как думаю жить дальше.

— Ты сохранишь наш старый дом на Лэнт-

стрит? — спрашивала, бывало, она.

— Еще бы! — отвечала я.

— Ты ведь не думаешь переехать?

— Переехать? Нет! Я буду беречь его для вас — до того дня, когда вас выпустят...

Я не стала рассказывать ей, как переменилось все в доме, после того как и ее, и мистера Иббза, и сестру мистера Иббза забрали. Я не стала рассказывать, что соседи перестали заглядывать ко мне, что девчонка швырнула в меня камнем, что люди — незнакомые люди — приходят и стоят часами у дверей и окон, надеясь заглянуть туда, где зарезали Джентльмена. Я не стала рассказывать, как мы с Неженкой потели, отскребая и отмывая кровавые пятна от пола, как скребли и скребли, и сколько ведер красной от крови воды вынесли, и что в конце концов мы решили оставить это, потому что, когда мы отскребли верхний слой, под ним дерево оказалось окрашенным в зловеще розовый цвет. Я не стала рассказывать ей обо всех других местах: о дверях, о потолке — и о предметах: о картинах, что висели на стенах, об украшениях на каминной полке, о тарелках, ножах и вилках, — которые тоже, как выяснилось, были забрызганы кровью Джентльмена.

И я не сказала, как, подметая и отмывая кухню,

я натыкалась на тысячи мелочей, напоминавших мне о моей прежней жизни: собачья шерсть, осколки чашек, фальшивые фартинги, игральные карты, зарубки на дверном косяке, которыми мистер Иббз отмечал мой рост, — и как я плакала над каждой такой находкой, закрыв лицо ладонями.

По ночам, если мне удавалось заснуть, я видела во сне убийство. Мне снилось, что я убиваю мужчину, а потом иду по улицам Лондона и несу его тело в мешке, таком тесном, что весь он там не умещается. Мне снился Джентльмен. Я видела, как встречаю его среди могил у маленькой красной часовни в «Терновнике» и он показывает мне гробницу своей матери. Гробница на замке, и мне нужна болванка и напильник, чтобы выпилить подходящий ключ. И каждую ночь я принимаюсь за работу, зная, что должна все делать очень быстро, и каждый раз, когда работа почти окончена, обязательно случается что-нибудь странное: то ключ съеживается или разрастается до невероятных размеров, то напильник плавится у меня в руках — и мне никак не удается вовремя выпилить ключ...

«Слишком поздно», — говорит мне тогда Джентльмен.

Однажды он сказал это голосом Мод.
Слишком поздно.
Я посмотрела — а ее нигде нет.

Я ее не видела с той самой ночи, когда погиб Джентльмен. Я не знала, где она. Знала, что полицейские продержали ее дольше, чем меня, потому что она назвала свое имя, и оно попало в газеты, и, конечно же, доктор Кристи его увидел. Я узнала об этом от тюремных надзирателей. Открылось, что она жена Джентльмена и что, видимо, сидела в сумасшедшем доме и сбежала, и полицейские ломали голову, что с ней делать: отпустить на все четыре стороны либо поместить обратно в сумасшедший дом. Доктор Кристи сказал, что только ему решать, и тогда они пригласили его осмотреть ее. У меня сердце зашлось, когда я про это услышала. Я даже видеть ванну не могла без дрожи. Но что дальше-то случилось: он как глянул на нее, весь затрясся и побледнел как полотно, а потом объяснил, что это от наплыва чувств, потому что оказалось, она целиком и полностью выздоровела. Он сказал, это лишний раз доказывает действенность его методов лечения. И дал в газеты рекламу с описаниями своего дома. Таким образом он огреб кучу новых пациенток и теперь, я думаю, живет припеваючи.

Мод же после этого выпустили, и она как сквозь землю провалилась. Может, вернулась в «Терновник». Но на Лэнт-стрит больше не показывалась. Думаю, из страха — еще бы! — потому что, ясное дело, я бы своими руками ее задушила, только сунься.

И все же мне почему-то казалось, что она придет. Я хорошо представляла себе эту картину. «Может, сегодня, — говорила я себе каждое утро, — как раз сегодня она и придет». А потом, вечером: «Может, завтра».

Но, как я уже говорила, она так и не пришла. Настал день суда. Это случилось в середине августа. Все лето жара стояла несусветная, и в суде — где от зевак яблоку негде было упасть — было душно: каждый час звали человека, который разбрызгивал воду по полу, чтобы как-то охладить помещение. Я сидела рядом с Неженкой. Надеялась, что сяду на отдельную скамью рядом с миссис Саксби и смогу держать ее за руку, но полицейские рассмеялись мне в лицо, когда я об этом попросила. Ее усадили отдельно и, когда вводили в зал суда или выводили, надевали ей наручники. Серое тюремное платье слишком подчеркивало желтизну лица, зато седые волосы так и сияли на фоне темных, покрытых деревян-

ными панелями стен. Войдя в зал и увидев всю эту толпу зевак, пришедших посмотреть на нее, она вздрогнула. Но потом отыскала среди них мое лицо, и, думаю, ей стало полегче. Время от времени, пока тянулся суд, она поглядывала на меня, и мне показалось, что она периодически пробегает глазами по залу, словно еще кого-то ищет. Но, видно, не находила.

Когда она заговорила, голос ее был еле слышен. Она сказала, что зарезала Джентльмена в порыве ярости, во время ссоры из-за денег за комнату, которую она ему сдавала.

Она зарабатывала тем, что сдавала комнаты? — спросил обвинитель.

— Да, — ответила она.

А не укрывательством краденого, не выкармливанием детей-сирот, что запрещено законом?

— Нет.

Тогда пригласили людей, которые сказали, что в разное время видели ее с разными ворованными вещами, и — что еще хуже — нашли женщин, которые поклялись, что отдали ей своих новорожденных детей и те вскоре умерли...

Потом заговорил Джон Врум. На него надели костюм как у клерка, причесали и намаслили ему волосы, отчего он стал еще больше похож

на маленького мальчика. Он сказал, что видел все, что происходило в кухне на Лэнт-стрит в ту роковую ночь. Он видел, как миссис Саксби вонзила нож. Она кричала: «Ах ты негодяй, вот тебе!» И прежде чем она это сделала, он в течение минуты, не меньше, видел нож в ее руке.

— Не меньше минуты? — спросил адвокат. — Вы уверены? Вам известно, какова продолжительность минуты? Посмотрите на эти часы. Следите за стрелкой...

Мы все стали следить за стрелкой. Все замерли. Я никогда не думала, что минута тянется так долго. Адвокат снова посмотрел на Джона.

— И все это время вы видели нож?

Джон заплакал.

— Да, сэр, — сказал он сквозь слезы.

Потом вынесли нож, чтобы он подтвердил, что это тот самый. По рядам прошел ропот, и, когда Джон вытер слезы, посмотрел и кивнул, одна дама грохнулась в обморок. Нож показали всем присяжным заседателям по очереди, и адвокат попросил их обратить внимание на то, что лезвие наточено гораздо острее, чем обычно у ножей такого типа, что именно из-за этой заточки рана Джентльмена оказалась смертельной. Он сказал, что это полностью опровергает версию миссис

Саксби о случившейся якобы ссоре и служит доказательством преднамеренности...

Услышав эти слова, я чуть с места не вскочила, но поймала на себе взгляд миссис Саксби. Она покачала головой и умоляюще посмотрела на меня: молчи, мол, — и я осталась сидеть. Меня ни разу не вызвали для показаний. Так никто и не узнал, что нож этот наточила не она, а я: миссис Саксби не позволила мне об этом сказать. Вызвали Чарльза, но он так рыдал и трясся, что судья объявил его негодным для дачи показаний. Его отправили к тете.

Никто не вспомнил ни обо мне, ни о Мод. Никто не упомянул о «Терновнике» и о мистере Лилли. Никто не вышел вперед и не сказал, что Джентльмен был отъявленный негодяй — пытался ограбить наследниц и еще многих погубил, продав им поддельные векселя. Наоборот, все решили, что это был весьма достойный молодой человек, которого ожидало блестящее будущее. А миссис Саксби из жадности отняла у него это самое будущее. Они даже разыскали его семью и привели родителей на суд — и вы не поверите, но все его россказни о том, что он из благородной семьи, оказались пустой болтовней. Отец его и мать держали мануфактурную лавку где-то за

Холлоуэй-роуд. А сестра давала уроки игры на фортепиано. И звали его по-настоящему не Ричард Риверс и даже не Ричард Уэллс, а Фредерик Бант.

Портреты его поместили в газетах. И девчонки по всей Англии стали вырезать его портреты и носить на груди, у сердца. Так мне рассказывали.

Но когда я смотрела на картинку — и когда слышала рассказы о жестоком убийстве мистера Банта, и о гнезде порока, и о подпольной торговле, — мне все казалось, будто говорят о ком-то другом, вовсе мне незнакомом, а не о Джентльмене, которого по ошибке ранили в моей кухне, на глазах у всех моих близких. Даже когда судья отправил присяжных заседать и все стали ждать, а газетчики стояли на изготовку, чтобы бежать, как только вынесут приговор, и даже когда присяжные вернулись через час и один из них дал ответ, выкрикнул одно только слово, и даже когда судья накрыл свой конский парик черной тканью и выразил надежду, что Господь смилостивится над душой миссис Саксби, — даже тогда я не чувствовала того, что, наверное, должна была чувствовать, я просто не верила, как эти мрачные и серьезные джентльмены, монотонно бубнящие скучные слова, могут отнять жизнь,

тепло и краски у таких людей, как мы с миссис Саксби.

Потом я посмотрела на ее лицо и увидела, что жизни, тепла и красок в нем почти, можно сказать, не осталось. Она тупо смотрела на гудящую толпу, я подумала: меня ищет — встала и подняла руку. Но она посмотрела на меня, и, как и прежде, взгляд ее скользнул дальше — словно она искала кого-то или что-то, и наконец взгляд ее остановился и просветлел, я проследила за ним и увидела: там, позади толпы зевак, была девушка во всем черном, она как раз опускала вуаль, — это была Мод. Я увидела ее, и это было для меня полной неожиданностью, и, честно скажу, сердце мое дрогнуло, но потом я вспомнила все, и сердце снова окаменело. Она казалась несчастной — так ей и надо, подумала я. Она сидела одна. И даже не кивнула — мне, я хочу сказать, и миссис Саксби тоже.

Потом адвокат позвал меня, пожал руку и сказал: очень жаль. Неженка плакала и без моей помощи не могла идти. Когда я снова посмотрела на миссис Саксби, голова ее упала на грудь, я оглянулась на Мод, но ее уже не было.

Неделя, последовавшая за этим, вспоминается мне как один нескончаемый день. Долгий день

без сна — потому что как я могла уснуть, раз во сне нельзя было думать про миссис Саксби, которая вскоре умрет? День без вечерней тьмы, потому что в ее камере ночи напролет горел свет, и, когда я возвращалась от нее, я зажигала свет на Лэнт-стрит — зажигала все свечи и лампы, какие только могла найти или занять. Я сидела одна, уставив в пустоту горящий взор. Сидела и смотрела перед собой, так, словно она рядом. Я почти ничего не ела. Почти не меняла одежду. Если я куда шла, то быстро-быстро — к ней, на Хорсмангер-лейн, или же — медленно — плелась обратно, а она оставалась в тюрьме.

Ее, как водится, перевели в камеру смертников, и надзирательницы — по одной или по двое — теперь всегда были при ней. Они обращались с ней неплохо, но были такие же крупные и кряжистые, как санитарки у доктора Кристи, и ходили они в похожих передниках и с ключами: встретившись с ними взглядом, я вздрагивала, и все мои старые синяки вдруг давали о себе знать. Я никак не могла заставить себя полюбить их по одной простой причине: ведь правда, если они такие хорошие, почему же не откроют дверь и не выпустят миссис Саксби? Вместо этого они держат ее взаперти — ждут, когда придут тюремщики и повесят ее.

Об этом я, впрочем, старалась не думать — или же, как бывало и раньше, я поняла, что не могу думать об этом, потому что не верю в это. Думала ли об этом миссис Саксби, мне неизвестно. Я знаю, что к ней послали тюремного священника и он просидел у нее некоторое время, но она не сказала, о чем он с ней беседовал и помог ли чем. Теперь она почти не разговаривала со мной, ей достаточно было лишь держать меня за руку, и порой, когда она глядела на меня, взгляд ее затуманивался, она краснела и хмурилась, словно боролась с тягостными мыслями...

Одно только она мне сказала и велела запомнить, и это было накануне казни — в тот день я видела ее в последний раз. Я шла к ней, и сердце у меня разрывалось, и я ожидала увидеть, как она мечется из угла в угол или сотрясает прутья решетки, — но она была спокойна. Зато я плакала, и она села на тюремный стул и положила мою голову к себе на колени, потом вынула шпильки и распустила волосы. У меня не хватало духу завивать их. И казалось, никогда не хватит.

— Как я буду жить без вас, миссис Саксби? — сказала я.

Я почувствовала вдруг, что этот вопрос вызвал в ней смятение. Она не сразу ответила.

— Лучше, девочка моя, лучше, — прошептала она, — чем со мной.

— Нет!

— Намного лучше, — кивнула она.

— Как вы можете так говорить? Ведь если бы я осталась с вами, если бы не поехала с Джентльменом в «Терновник»... О, лучше бы я всегда была с вами!

И заплакала, уткнувшись лицом в складки ее юбки.

— Тише, тише, — сказала она. И погладила меня по голове. — Тише...

Грубая тюремная ткань колола щеку, жесткий стул давил под ребро, но я сидела не шелохнувшись, а она успокаивала меня, словно маленькую. И наконец мы обе замолчали. В камере было крохотное окошко, под самым потолком, пропускавшее две-три полоски солнечного света. Мы смотрели, как они перемещаются по каменным плитам пола, словно ползут. Никогда не думала, что свет может так двигаться. Как пальцы. А когда он переполз с одной стены на другую, я услышала шаги, и женская рука легла мне на плечо:

— Время истекло. Пора прощаться.

Мы встали. Я смотрела на миссис Саксби. Взгляд ее глаз был ясен, только с лицом вдруг что-то про-

изошло: оно стало серым и дряблым, как глина.

— Милая Сью, — произнесла она, — ты была так добра ко мне...

И привлекла меня к себе, прижалась губами к самому уху. Губы ее были холодные, как у мертвеца, и дергались как в судороге.

— Милая моя... — начала она прерывистым шепотом.

Я отпрянула назад. «Не говорите этого!» — умоляла я мысленно. Хотя не знаю, могла ли я вымолвить, о чем не хочу слышать, знаю только одно: мне вдруг стало страшно. «Не говорите об этом!»

Она обняла меня еще крепче.

— Милая моя... — И продолжала жарким шепотом: — Обещай, что будешь смотреть на меня завтра. Смотри. Не закрывай глаз. А потом, если когда услышишь, что обо мне говорят дурное, а меня уж нет, вспомни...

— Обещаю! — сказала я с ужасом и одновременно с облегчением. — Обещаю.

Это были мои последние слова, которые я ей сказала. Потом, наверное, надзирательница снова тронула меня за плечо и вывела в коридор. Сейчас не вспомню. Зато помню, как шла по тюремному двору и солнце светило мне в лицо

— и я вскрикнула, отвернулась и подумала: как странно, и неправильно, и ужасно все это: что солнце светит, светит даже сейчас, даже здесь...

Потом помню голос привратника. Я слышала лишь голос, слов не понимала. Он спрашивал о чем-то у сопровождавшей меня надзирательницы. Та кивнула.

— Одна из... — сказала, покосившись на меня. — Другая сегодня утром приходила...

И только гораздо позже я с удивлением вспомнила эти ее слова. А в тот момент я была такая несчастная и измученная, что ничему уже не удивлялась. Как в полусне, я дошагала до Лэнт-стрит, стараясь держаться в тени, подальше от солнечных лучей. Перед дверью мастерской мистера Иббза сгрудились мальчишки: они мелом выводили на каменных ступеньках петлю, а завидев меня, с воплями разбежались кто куда. Я к такому привыкла в последнее время и не стала грозить им вслед, но рисунок затоптала. Войдя, перевела дух и огляделась — вот слесарный верстак, весь покрытый пылью, вот инструменты и заготовки для ключей, уже потускневшие, а вот суконная занавеска, частично сорванная с колец. Когда я шла по мастерской, под ногами слышался хруст, потому что однажды — когда это было, не

помню, — кто-то перевернул жаровню, и угли и зола рассыпались по полу. Навести порядок было нетрудно: угли я замела, жаровню водрузила на место, но пол и без того был безнадежно испорчен; тут и там зияли щели, потому что полицейские искали тайники и выворачивали доски. Под досками было темно и пусто, и, если посветить фонарем, на глубине двух футов виднелась земля: влажная, черная, усыпанная костями и устричными раковинами, там бегали жуки и ползали черви.

Стол был задвинут в угол. Я подошла к нему и села в старое кресло миссис Саксби. Чарли Хвост устроился у моих ног. Бедный Чарли Хвост, он так и не залаял с тех пор, как мистер Иббз дернул его за ошейник, — когда я вошла, он завилял хвостом, подошел ближе, чтобы я потрепала его за ушами, но потом лег пластом и положил голову на лапы.

Я тоже сидела тихо, и так прошел примерно час, потом зашла Неженка. Она принесла нам поесть. Мне есть не хотелось, ей тоже, но, чтобы купить еду, ей пришлось украсть кошелек, так что я достала миски и ложки и мы молча поужинали, все время поглядывая на тикающие часы — старые голландские ходики на каминной полке, — мерно тикая, они отмеряли... о, мы прекрасно знали,

что они отмеряют последние часы жизни миссис Саксби! Мне они представлялись так зримо, что, если бы это было возможно, я могла бы пощупать каждую минуту, каждую секунду.

— Хочешь, я останусь? — спросила Неженка, когда пора было уходить. — Нехорошо, что ты все время тут одна...

Но я ответила, что мне так лучше, и в конце концов она поцеловала меня в щеку и ушла, и снова мы с Чарли Хвостом остались одни — одни в пустом, сумрачном доме. Я зажгла другие свечи. Представила, как миссис Саксби сидит сейчас в ярко освещенной камере. А потом представила ее не там, где она сейчас, а здесь, в нашей кухне: кормит младенца, пьет чай, подставляет мне щеку для поцелуя... Вот режет мясо, утирает губы, зевает... Часы все тикали — но только чаще, казалось, и громче, чем обычно. Я уронила голову на стол, на руки. Как же я устала! Закрыла глаза. Не удержалась. Я ведь хотела бодрствовать, но закрыла глаза — и заснула.

Я будто провалилась в черноту и очнулась от странных звуков: от шарканья ног и гула голосов, доносившихся с улицы. Еще не до конца проснувшись, я подумала: «Должно быть, сегодня праздник, будет ярмарка. Какой сегодня день?»

Открыла глаза. Зажженные с вечера свечи истаяли до восковых лужиц, язычки пламени над ними стояли, как призраки, и я вдруг вспомнила, где нахожусь. Было семь часов утра. Через три часа миссис Саксби повесят. Люди, которых я слышала, направлялись в Хорсмангер-лейн — занять удобные места. Но прежде им хотелось заглянуть на Лэнт-стрит — поглазеть на дом.

Потом, ближе к полудню, их стало больше.

«Где это?» — слышала я голоса. А потом: «Да, вот то самое место. Говорят, кровь хлестала так, что все стены стали красные...», «Говорят, убитый перед смертью богохульствовал...», «Говорят, эта женщина душила младенцев...», «Говорят, он надул ее с платой за квартиру...», «Прямо жуть берет, да?», «Так ему и надо...», «Говорят...»

Они подходили, задерживались на минутку перед дверью, потом шли дальше, некоторые пробрались к заднему крыльцу и дергали дверь кухни, подходили к окну и заглядывали в щели в ставнях, но я все крепко-накрепко закрыла. Не знаю, догадывались ли они о том, что я в доме. Время от времени какой-нибудь мальчишка принимался кричать: «Впустите нас, впустите! Шиллинг — за погляд!» — или: «У! У! Я призрак убитого дядьки, я требую мщения!» — но, думаю,

они это делали, чтобы подразнить приятелей, а не меня. Но все равно слушать это было противно, а Чарли Хвост, бедняжка, заслышав очередной крик или стук, жался ко мне, вздрагивал и безуспешно пытался залаять. Наконец я отвела его наверх, где не так был слышен шум.

Но потом, через некоторое время, шум понемногу затих, и это было еще хуже, потому что это означало, что все любопытствующие дошли, заняли места и приготовились смотреть на казнь. Значит, уже скоро. Я оставила Чарли Хвоста на втором этаже, а сама поднялась еще на один пролет, поднималась медленно, словно ноги у меня налиты свинцом. Остановилась у чердачной двери — боялась войти. Там стояла кровать, на которой я появилась на свет. У стены — умывальник, над ним — кусок клеенки. Когда я в последний раз заходила сюда, Джентльмен, еще живой и пьяный, отплясывал с Неженкой и Джоном внизу, в кухне. Я стояла у окна, и морозные узоры под моей рукой превращались в мутные капли... Миссис Саксби подошла ко мне и погладила по голове... Теперь я тоже подошла к окну. Подошла, посмотрела, и у меня закружилась голова, потому что улицы Боро, в тот давний вечер темные и пустынные, теперь были залиты светом

и буквально забиты людьми — столько народу высыпало! Люди стояли на мостовой, перекрыв движение, на стенах, на подоконниках, сидели на фонарных столбах, на деревьях и на печных трубах. Одни поднимали вверх детишек, другие тянули шеи, чтобы лучше видеть. Загородившись ладонью от солнца, всматривались в даль. И все головы были повернуты в одну сторону.

Все смотрели на крышу тюремных ворот. Помост уже установили, веревку укрепили. Рядом прохаживался человек, осматривал люк.

Я была почти спокойна, только тошнило немного. Я вспомнила, о чем просила миссис Саксби, какие были ее последние слова. Я обещала ей. Думала, что выдержу. Казалось, это такая малость — по сравнению с ее страданиями... Человек тем временем взял веревку и проверил ее длину. Люди в толпе вытянули шеи, чтобы лучше видеть. Я начала бояться. Тем не менее подумала, что должна досмотреть до конца. «Я должна. Должна», — твердила я мысленно. Когда ее о том же просила моя мать, она выполнила просьбу, и я тоже не подведу. Что еще я могла для нее сделать? Больше ничего.

Так я сказала себе, и вот часы стали медленно, неторопливо отбивать десять утра. Человек,

ходивший у виселицы, встал внизу, тюремные двери распахнулись, на крыше показался священник, потом несколько надзирателей. Я не смогла. Отвернулась от окна и закрыла лицо руками.

Я знаю, что было потом, поняла это по звукам, доносившимся с улицы. Все смолкли, когда стали бить часы и вышел священник. Теперь все засвистали и зашипели — это появился палач. Ропот растекался по толпе, как масло по воде. Когда крики стали громче, я поняла, что палач раскланивается или подает еще какой-нибудь знак. Потом внезапно гул повторился, усилился и, вибрируя, прокатился по улицам — громкое «Шапки долой!», перебиваемое взрывами дикого смеха. Должно быть, вышла миссис Саксби. Всем не терпелось на нее посмотреть. Мне стало совсем плохо, как только представила эти любопытные глаза, вылезающие из орбит, — я же не могу даже головы повернуть в ее сторону. Не могла я. Не могла повернуться, не могла оторвать от лица потные ладони. Могла только слушать. Я слышала, как смех затих, кто-то прикрикнул: «Тише!» Это священник принялся читать молитвы. Слышно было лишь, как бьется мое сердце. Потом сказали: «Аминь!», и пока это слово летало, подхваченное толпой, другая часть зрителей,

кто стоял ближе к тюрьме и потому им было лучше видно, вдруг зашептались... И этот шепот усиливался, нарастал, пока не перерос в нечто, подобное стону... И я поняла, что это означает: ее вывели на эшафот и теперь связывают ей руки, закрывают лицо и накидывают на шею петлю.

А потом, потом настал миг, просто миг — короче, чем само это слово, — жуткой, жутчайшей тишины: дети не плакали, люди стояли не дыша, прижав руку к сердцу и открыв рот, кровь стыла в жилах, и в висках билась одна мысль: «Не может быть, нет, этого не будет, это невозможно». А потом — молниеносно — стук падающего люка, сопровождаемый визгом, утробное: «Ах!», когда веревка натянулась до предела, словно у толпы был общий живот и какой-то великан вдруг стукнул по нему.

Только теперь я открыла глаза, но лишь на секунду. Открыла, обернулась и увидела — не миссис Саксби, нет, вовсе не миссис Саксби, а какую-то фигуру, болтающуюся и покачивающуюся, что вполне могло быть портняжным манекеном, сделанным в виде женской фигуры, в корсете и в платье, но с безжизненно висящими руками и с повисшей головой, похожей на мешок, набитый соломой.

Я отвернулась. Я не плакала. Я подошла к кровати и легла. Звуки опять сменились, словно люди вдруг обрели дыхание и дар речи — отпустили детей, раскрыли рты и затопали и загалдели пуще прежнего, чуть не в пляс пошли. Опять раздалось улюлюканье, крики, злобный хохот и, наконец, «ура!». Я и сама раньше так выкрикивала, не понимая смысла, в дни казней. Но теперь, когда раздался этот вопль, я, несмотря на горе, поняла, что он значит. Это все равно что сказать: «Она мертва. Она умерла — а мы живы».

Вечером опять пришла Неженка, принесла ужин. Но мы не съели ни крошки. Только плакали и рассказывали друг другу об увиденном. Она ходила смотреть вместе с Филом и другими племянниками мистера Иббза и стояли довольно близко к тюрьме. Джон же заявил, что только дураки оттуда смотрят. Один человек обещал ему место на крыше, и он ушел к нему. Я подозревала, что Джон вообще не смотрел, но Неженке об этом не стала говорить. Сама же она видела все, кроме последнего — когда упала крышка люка. Фил, который даже это видел, сказал, что все прошло очень чисто. Он решил, что правду люди говорят, будто палач для женщин вяжет особые узлы. Все тем не менее согласились, что миссис Саксби

была смелой и держалась до самого конца.

Я вспомнила болтающуюся портновскую куклу в тугом корсаже и в платье и подумала: если бы она брыкалась и извивалась, как бы мы это заметили?

Но об этом не следовало думать. Следовало подумать о другом. Я снова стала сиротой и, как и все сироты, через две-три недели начала, с замирающим сердцем, озираться вокруг, стала наконец понимать, что мир вокруг мрачен и неприветлив и мне придется самой пробивать себе путь, без чьей-либо помощи. Денег у меня не было. Плата за аренду мастерской и за дом выпала как раз на август: уже приходил какой-то человек и барабанил в дверь, а ушел, только когда Неженка засучила рукава и пригрозила побить его. И он с тех пор оставил нас в покое. Наверное, о доме пошла недобрая молва и никто не хотел жить в нем. Но ясно же, что потом, со временем, все забудется. Когда-нибудь, в один прекрасный день, тот человек вернется и приведет с собой других, и они взломают дверь. Где мне тогда жить? И как я буду жить, одна-одинешенька? Может, думала я, найти постоянную работу — в молочной лавке, или в красильне, или у скорняка. Но при одной только мысли об этом мне делалось нехорошо.

Все в моем окружении знали, что постоянная работа значит еще и другое: обираловка и скука смертная. Лучше уж оставаться мошенницей. Неженка сказала, что знает трех девчонок из шайки карманниц в Вулвиче, и им нужна еще одна... Но она сообщила об этом, не глядя мне в глаза, потому что мы обе знали, что уличное воровство — это совсем не то, к чему меня готовили...

Но делать было нечего, и я подумала: ну и пусть. Искать что-нибудь получше у меня не было сил... У меня вообще ни на что не было сил, ничего не хотелось. Понемножку все, что еще оставалось на Лэнт-стрит, исчезло — было отдано под залог или продано. Я по-прежнему ходила в светлом ситцевом платье, которое украла у деревенской жительницы, только теперь оно смотрелось на мне ужасно, потому что я исхудала похлеще, чем была у доктора Кристи. Неженка говорила, что я тощая, как иголка, — остается только нитку продеть.

И вот, после того как я собрала вещи, которые собиралась взять с собой на Вулвич, вроде и не осталось ничего. А когда я подумала, что надо бы зайти к знакомым попрощаться, я никого не могла вспомнить. Теперь мне оставалось только одно дело: прежде чем уйти, я должна была за-

брать вещи миссис Саксби — из тюрьмы.

Я взяла с собой Неженку. Мне казалось одна я не выдержу. Дело было в сентябре — больше месяца прошло после суда. Лондон с тех пор изменился. Наступила осень, и дни стали прохладнее. По улицам ветер гонял пыль, солому и опавшие скрученные листья. Тюрьма выглядела еще более неприветливой и угрюмой, чем прежде. Но привратник узнал меня и пропустил. Он смотрел на меня, как мне показалось, с жалостью. И надзирательницы тоже. Они уже приготовили для меня вещи миссис Саксби — это был сверток из вощеной бумаги, перевязанный бечевкой. «Выдано дочери», — так записали в своей книге и велели мне поставить подпись. Теперь, побывав в заведении доктора Кристи, я могла не моргнув глазом написать свое имя... Потом они проводили меня, мы шли по двору, по серой тюремной земле, в которой, я знала, была зарыта миссис Саксби, и не было на ее могиле ни камня, ни надписи, и никто не мог прийти и ее оплакать. Дошли до ворот, над которыми была низкая плоская крыша — здесь тогда возвели эшафот. Каждый день тюремщики проходят под этой крышей, и им хоть бы что. Когда стали прощаться, они попытались взять меня за руку. Но я не подала им руки.

Сверток был легкий. Но все же я несла его домой с немалым чувством страха, и от страха он казался мне тяжелей, чем был на самом деле. Когда я вернулась на Лэнт-стрит, я еле стояла на ногах — быстро положила сверток на кухонный стол и встала над ним в замешательстве. Чего опасалась? Что все-таки придется открыть его и я увижу ее вещи? Я представила, что может быть внутри: туфли, чулки, вероятно до сих пор хранящие форму ее ноги, нижние юбки, ее гребень с застрявшими в зубьях волосами... «Не делай этого! — говорила я себе. — Оставь как есть! Убери! Потом когда-нибудь откроешь, не сегодня, не сейчас...»

Я села и посмотрела на Неженку:

— Знаешь, я не могу.

— Думаю, ты должна, — сказала она. — У нас с сестрой было то же самое, когда нам выдали из морга то, что осталось от матери. Мы положили этот пакет в ящик и не притрагивались к нему ровно год, а когда Джуди открыла его, платье все насквозь прогнило, а туфли и капор превратились в труху, потому что слишком долго лежали сырые. И у нас никакой памяти о маме не осталось, кроме маленькой цепочки, которую она никогда не снимала. Ну, и папаша в конце концов

заложил ее, когда выпить не на что было...

Губы у Неженки задрожали. Мне не хотелось, чтобы она плакала.

— Хорошо, — согласилась я. — Ладно. Сейчас открою.

Но руки мои все еще тряслись, и, когда я придвинула сверток поближе и попробовала развязать бечевку, оказалось, что узел завязан слишком туго. Тогда попыталась Неженка. Но и она не сумела развязать бечевку.

— Нужен нож, — сказала я, — или ножницы...

Было время, после смерти Джентльмена, когда я без содрогания не могла смотреть не то что на нож, вообще на любое лезвие, и я уговорила Неженку забрать все острое и унести — так что в доме не осталось ни одного режущего предмета. Я снова принялась теребить узел, но теперь я нервничала, и руки у меня вспотели. Тогда я попыталась развязать узел зубами, и в конце концов бечевки расползлись и тугой сверток развернулся. Я отступила в испуге. На стол вывалились туфли миссис Саксби, ее нижние юбки и гребень — как раз этого я и боялась. А поверх них, черное и расплывающееся, как смола, легло старое платье из тафты.

О нем я не подумала. Почему? Эта вещь была

хуже всех. Будто сама миссис Саксби лежала здесь перед нами вроде как в обмороке. На груди все еще приколота брошка Мод. Кто-то выковырнул бриллианты — это не важно, — зато на серебряных лапках все еще виднелась кровь — коричневая кровь, засохшая, ставшая почти что пылью. Тафта сама по себе ткань жесткая. А от крови совсем затвердела. Ломкие пятна по краям были обведены белым: это адвокаты на суде предъявляли платье и каждое пятно пометили мелом.

Словно очертания ее тела.

— Ох, Неженка, — сказала я, — я не могу на это смотреть! Принеси мне тряпку и еще воды, будь добра. О, как это ужасно!

И принялась тереть. Неженка тоже терла. Мы терли с тем же мрачным упорством, с каким отмывали когда-то кухонный пол. Тряпки очень быстро стали грязными. Мы начали с юбки. Потом я схватилась за воротник и стала оттирать лиф.

И как только я взялась за него, платье издало странный звук — вроде как треснуло что-то или зашуршало.

Неженка отложила тряпку.

— Что это? — спросила она.

Я не знала. Я придвинула платье поближе, и

звук повторился.

— Может, бабочка? — предположила Неженка. — Попалась и трепыхается?

Я покачала головой:

— Вряд ли. Похоже на бумагу. Может, тюремщицы что-нибудь туда положили...

Но когда я подняла платье и заглянула внутрь, ничего не вылетело и не выпало, ничегошеньки. А стоило мне опять положить платье на стол — хруст возобновился. Мне показалось, что он идет из той части лифа, что когда-то располагалась у самого сердца миссис Саксби. Я осторожно пощупала это место. Тафта здесь была жесткой — но не только от засохшей крови Джентльмена, а от чего-то еще, от того, что, быть может, застряло между ней и атласной подкладкой. Что же это? На ощупь не поймешь. Поэтому я вывернула лиф наизнанку и стала смотреть швы. Один шов разошелся: атлас был рыхлый, но его подшили, чтобы не осыпался. Образовалось что-то вроде кармашка внутри платья.

Я посмотрела на Неженку, потом сунула туда руку. Снова зашуршало, она отшатнулась.

— Ты уверена, что это не бабочка? Может, летучая мышь?

Но оказалось, это письмо. Миссис Саксби там

его прятала — как долго? Я понятия не имела. Сначала я подумала, что письмо предназначается мне, что она написала его, сидя в тюрьме, и спрятала, чтобы я потом прочла, после казни. От этой мысли мне стало не по себе. Да, но на письме следы крови Джентльмена, значит, его спрятали в платье еще до того, как он умер. И мне показалось, что письмо лежит там гораздо дольше, потому что, приглядевшись внимательнее, я поняла, до чего же оно ветхое. Края истрепались. Чернила выцвели. Бумага покоробилась в тех местах, где к лифу прижимались косточки корсета. Печать... Печать была не сломана.

— Неоткрытое! — воскликнула я. — Как это может быть? Почему она столько времени носила это письмо при себе, для чего берегла — и при этом так и не прочла?

Я повертела письмо в руках. Поискала адрес.

— Кому оно адресовано? — спросила я. — Ты можешь прочесть?

Неженка посмотрела и покачала головой.

— А ты? — спросила она.

Но и я не могла. Мне бы с печатными буквами справиться, а уж о письменных и говорить нечего, тем более эти — такие меленькие, скособоченные, и, как я уже говорила, письмо было

потерто на сгибах и все в жутких пятнах. Я подошла к лампе и поднесла письмо чуть не к самому фитилю. И вглядывалась, вглядывалась — до боли в глазах... И мне под конец показалось, что там, на сложенной бумажке, стоит мое имя — мое собственное имя. Я совершенно ясно различила букву «С», за которой шел мягкий знак, а потом «Ю»...

Я снова заволновалась.

— Что такое? — спросила Неженка, увидев мое лицо.

— Не знаю. Думаю, это письмо — мне.

Она прикрыла рот рукой. А потом:

— От твоей родной матери! — сказала.

— От матери?

— От кого же еще? О, Сью, надо его открыть.

— Ну, не знаю...

— А что, если в нем... а вдруг там сказано, где зарыты сокровища?! И карта нарисована!

Но я не думала, что в письме будет карта. В животе у меня замутило от страха. Я снова посмотрела на письмо, на букву «С», на «Ю»...

— Открой его, — сказала я.

Неженка облизнула губы, потом взяла письмо, медленно перевернула и так же медленно сломала печать. В комнате было так тихо, что, кажется,

я услышала, как сургучные крошки скатываются с бумаги и падают на пол. Она развернула лист, потом нахмурилась.

— Тут одни слова, — сказала она.

Я подошла к ней ближе. И увидела чернильные строчки — узенькие, плотные и загадочные. Чем дольше я вглядывалась, тем более загадочными они становились. Я догадывалась, что в этом письме сокрыта какая-то страшная тайна, о которой я до сих пор не подозревала, — но мысль о том, что я держу это перед собой, а сама не в силах понять, что там сказано, была ужасней всего.

— Пойдем, — сказала я Неженке, сунула ей в руки капор, нашла свой. — Пойдем на улицу и попросим кого-нибудь прочесть нам его.

Мы вышли через черный ход. К знакомым, которые поносили меня почем зря, обращаться не хотелось. Нужен был посторонний человек. Поэтому мы пошли на север, быстрым шагом, к пивоварням на берегу реки. Там на перекрестке стоял мужчина. На шее у него на веревке висел лоток: он продавал наперстки и терочки для мускатного ореха. Но он был в очках и, как мне показалось, производил впечатление знающего человека.

— Он сможет, — сказала я.

Он заметил нас еще издали и, когда мы подошли ближе, кивнул:

— Хотите терочку, девчата?

Я замотала головой.

— Послушайте, — сказала я (или попыталась сказать, потому что от быстрой ходьбы и от переполнявших меня чувств я задыхалась). — Вы читать умеете?

— Читать? — переспросил продавец.

— Письма, написанные от руки? То есть я хочу сказать — не книжки?

Тут он заметил, что в руке у меня письмо, поправил пальцем очки на переносице и гордо выпятил подбородок.

— «Открыть, — прочел он, — в осьмнадцатый день рождения...»

Я вся задрожала, едва это услышала. Но он не заметил — более того, вскинул голову и поморщился.

— Это не по моей части, — сказал он. — Буду я стоять тут с вами и тратить время на всякие письма. От этого наперстки быстрей не продадутся...

Да уж, некоторые потребуют денег даже за то, что им дадут по шее! Но что делать, я дрожащей рукой пошарила в кармане и извлекла на свет все, что удалось там найти. Неженка сделала то

же самое.

— Семь пенсов, — сказала я, пересчитав общую кучку.

Он повертел их в пальцах.

— Не фальшивые?

— Нет, конечно, — ответила я.

Он снова поморщился:

— Ну да ладно.

Взял деньги и спрятал подальше. Потом снял очки и протер стекла.

— Ну, теперь давайте посмотрим, — сказал он. — Повыше держите. Тэк-с, похоже на официальную бумагу. Я раз обжегся, так больше не хочется, знаете ли... — Он водрузил очки на место и приготовился читать.

— Читайте все, что написано, — сказала я, — до последнего слова.

Он кивнул и начал:

— «Открыть в осьмнадцатый день рождения моей дочери Сьюзен Лилли...»

Я опустила руку с письмом.

— Сьюзен Триндер, — поправила я. — Вы хотели сказать «Сьюзен Триндер». Вы неправильно прочитали.

— Тут сказано «Сьюзен Лилли», — настаивал он. — А теперь поднимите повыше и перевора-

чивайте.

— А зачем, раз вы все равно не то читаете, что там написано...

Но голос мой был тонок, еле слышен. Сердце мое как будто змея обвила и давила все туже.

— Так-так, — сказал он. — Интересненько. Давайте дальше. Что это? Завещание, что ли? «Последняя воля, — ага, вон оно что! — Марианны Лилли, записано в Саутуорке, на Лэнт-стрит, в день восемнадцатого сентября тысяча восемьсот сорок четвертого года, в присутствии миссис Грейс Саксби, проживающей...»

Он остановился. Лицо его вмиг изменилось.

— Грейс Саксби? — промолвил он потрясенно. — Это которая зарезала?.. Что, бумажка-то непростая, а?

Я ничего не ответила. Он снова посмотрел на листок — на пятна. Может, он думал раньше, что это чернила расплылись или краска такая. Теперь же сказал:

— Ну, я не знаю, имею ли я право...

Потом, должно быть, увидел мое лицо.

— Ну ладно, ладно, — сказал он. — Посмотрим. Что там дальше? — И придвинул листок ближе. — «Я, Марианна Лилли, проживающая в усадьбе...» Как это? «Терновник»? «...в усадьбе «Терновник»,

Букингемшир... Я, Марианна Лилли, будучи в здравом уме и памяти, хотя и в неполном здравии, настоящим доверяю мою собственную новорожденную дочь СЬЮЗЕН...» Пожалуйста, не дергайте больше — читать трудно... Так, ладно, теперь лучше... «Настоящим доверяю попечению миссис Грейс Саксби и желаю, чтобы она вырастила и воспитала ее в полном неведении об истинном ее происхождении и тайне рождения. Каковая должна быть раскрыта ей в день восемнадцатилетия, третьего августа тысяча восемьсот шестьдесят второго года, в каковой день я также желаю, чтобы ей была вручена половина моего личного состояния. В обмен на это Грейс Саксби передает мне на попечение свою собственную родную дочь МОД...» Ну вот, я же просил не дергаться! Держите ровно, говорю вам! «...родную дочь МОД и желает, чтобы ее также вырастили в неведении о ее имени и происхождении, вплоть до вышеупомянутой даты, по наступлении каковой я желаю, чтобы ей была вручена оставшаяся часть моего состояния. Настоящее письмо является подлинно верным завещанием: договор заключен между мной и миссис Саксби, вопреки воле моего отца и брата, что должно быть признано по закону. Сьюзен Лилли не должна ничего

знать о своей несчастной матери, кроме того, что та хотела уберечь ее от несчастий. Мод Саксби будет воспитана как благородная дама и должна знать, что ее мать любит ее больше жизни». Все!

Он выпрямился.

— А теперь скажите, что это не стоит семи пенсов! А если газетчики об этом узнают, то и подороже. Что это с вами? Ой, только в обморок не надо!..

Я покачнулась и ухватилась за его лоток. Терки поползли к краю.

— Эй, осторожней! — сказал он сердито. — Сейчас весь мой товар раскидаете...

Неженка подхватила меня под руки.

— Извините, — сказала я. — Извините.

— Теперь получше? — спросил он, расставляя терки по местам.

— Да.

— Не ожидали?

Я покачала головой — а может, кивнула, точно не помню, — схватила письмо и на негнущихся ногах заковыляла прочь.

— Неженка, — твердила я, — Неженка...

Она усадила меня прямо на тротуар, я привалилась спиной к кирпичной стене.

— Что такое? — спросила она. — Ох, Сью, что

все это значит?

Мужчина все еще смотрел в нашу сторону.

— Дайте ей воды! — крикнул он.

Но мне не хотелось пить и не хотелось, чтобы Неженка уходила. Я притянула ее к себе и уткнулась лицом в рукав ее платья. Меня сотрясала дрожь. Так сотрясается заржавленный замок, когда пружины, скрипя от натуги, подались, провернули рычаг и засов наконец отскакивает...

— Моя мать... — сказала я. Договорить не смогла. Это было почти невозможно даже подумать, не то что выговорить! Моя мама — и мать Мод! Я не могла в это поверить. Представила себе портрет красивой дамы, который видела в шкатулке в «Терновнике». Вспомнила могилу, за которой ухаживала Мод. Подумала про Мод и про миссис Саксби. А потом — про Джентльмена. «О, теперь мне все ясно!» — сказал он. Теперь мне тоже все ясно. Теперь мне ясно, о чем так хотела, но не посмела сказать мне миссис Саксби, когда я навещала ее в тюрьме. «Если когда услышишь, что обо мне говорят дурное...» Зачем же так долго хранила она эту тайну?

И почему не сказала мне правды о матери? Мать моя, оказывается, вовсе не преступница, а благородная дама. Дама богатая, и богатство свое

она велела разделить...

«Если услышишь, что обо мне говорят дурное, вспомни...»

Я думала и думала — до дурноты. Поднесла письмо к глазам и застонала. Продавец наперстков все стоял неподалеку и не спускал с меня глаз, вскоре стал собираться народ — и все смотрели на меня.

— Пьяная, что ли? — донеслось до меня.

— Или припадочная? Тогда надо ей ложку в зубы, не то язык проглотит.

Слышать их голоса, чувствовать, что все на тебя смотрят, было невыносимо. Я ухватилась за Неженку и поднялась на ноги. Она обняла меня, и, опираясь на ее плечо, я побрела домой.

Она налила мне бренди. Усадила за стол. На нем все еще лежало платье миссис Саксби: я подняла его и зарылась лицом в его складки, потом закричала как безумная и швырнула на пол. Развернула письмо и снова уставилась на буквы... «СЬЮЗЕН ЛИЛЛИ...» Снова застонала. Потом вскочила и принялась ходить из угла в угол.

— Неженка, — сказала я, едва не задыхаясь. — Неженка, она знала. Наверняка знала. И услала меня с Джентльменом, зная, что в конце концов он... О! — Голос мой сорвался. — Она послала меня

в «Терновник», чтобы он меня оставил у врачей, а ей бы привез Мод. Ей нужна была только Мод. Она растила, оберегала меня — и предала, а Мод, а Мод...

Но вскоре я замолчала. Я подумала о Мод, отпрянувшей с ножом. Мод, которая знала, что я о ней думаю, и молчала. Мод, которая сделала так для того, чтобы я не возненавидела кого-то другого...

И я разрыдалась. Неженка тоже, глядя на меня, заплакала.

— Что случилось? — спрашивала она. — Ты такая странная... Ох, Сью, что с тобой случилось?

— Самое ужасное, — отвечала я сквозь слезы.— Самое ужасное.

Мне это открылось внезапно и так ясно, словно молния вспыхнула на черном небе. Мод пыталась меня спасти, а я этого не понимала. Я хотела убить ее, а она все это время...

— И я ее упустила! — сказала я, вновь принимаясь ходить по кухне. — И где она сейчас может быть?

— Кто — она? — взвизгнула Неженка.

— Мод! — сказала я. — О, Мод!

— Мисс Лилли?

— Мисс Саксби, скорее! О, я сойду с ума. Я-то думала, она паучиха, что это она нам сети рас-

ставила... А я ведь ей прическу делала! Если бы я тогда... если бы она... если бы я знала, я бы ее расцеловала...

— Расцеловала?

— Расцеловала! — повторила я. — Ах, Неженка, и ты бы тоже! И все! Она — жемчужинка, жемчужинка, а я ее потеряла, я ее прогнала...

Так я говорила, а Неженка пыталась меня успокоить и все не могла. Я ходила по кухне, заламывая руки, и рвала на себе волосы. А то бросалась на пол и стонала. В конце концов я уже не могла подняться. Как Неженка ни упрашивала, что только ни делала — и водой в лицо брызгала, и к соседям за нюхательной солью бегала, — я была как мертвая. Я заболела. Заболела в одночасье — так уж получилось. Она втащила меня в мою комнату и уложила в постель. Когда я вновь открыла глаза, она рассказала, что я смотрела на нее и не узнавала, что не позволяла раздеть себя, говорила словно безумная, про какое-то клетчатое платье и про резиновые ботинки, а еще — про что-то такое, что Неженка будто бы взяла, а я без этого якобы жить не могу. Говорит, я все кричала: «Где это? Где?» И так будто бы жалобно кричала, что она стала приносить мне все мои вещи поочередно и наконец вытащила

из кармана моего платья лайковую перчатку, смятую, испачканную до черноты и порванную, и что, когда она мне ее показала, я вырвала ее у нее из рук и заплакала, словно у меня сердце от горя разрывалось.

Но я этого не помню. С неделю примерно я пролежала в жару и стала такая слабая, как если бы болезнь поселилась во мне навек. Неженка выхаживала меня как могла — поила чаем, кормила супом и жидкой кашей, подсаживала на горшок, утирала со лба обильный пот. Я все плакала, ругалась и дергалась, когда думала о миссис Саксби и о том, как та меня обманула, но еще горше плакала, когда думала о Мод. Потому что все это время в сердце моем словно преграда стояла, и любви не было выхода, теперь же преграда рухнула, и любовь хлынула бурным потоком — казалось, я в ней тону... Однако, по мере того как я выздоравливала, поток чувств понемногу входил в берега. И стал поспокойнее — мне даже казалось, что никогда еще я не была так спокойна... «Я ее потеряла», — в который раз говорила я Неженке. Но сначала я говорила это шепотом, потом, со временем, когда голос немного окреп, — громче, и наконец — в полный голос. «Я потеряла ее, — твердила я, — но я ее найду. Ничего, если придется искать

всю жизнь. Я ее все равно отыщу и расскажу ей все, что узнала. Может, она далеко. Может, она на другом конце земли. Может, вышла замуж. Не важно. Я ее найду и все расскажу...»

Только об этом я и думала. Только и ждала, когда достаточно окрепну, чтобы начать поиски. И наконец решила: довольно ждать. Встала с постели, и комната, которая прежде, стоило мне повернуть голову, начинала кружиться перед глазами, на сей раз даже не покачнулась. Я умылась, оделась, взяла сумку с вещами, которые намеревалась забрать с собой в Вулвич. Письмо спрятала за лифом платья. Наверное, Неженка решила, глядя на меня, что у меня опять приступ лихорадки. Я поцеловала ее в щеку, и лицо мое было холодно, как камень.

— Приглядывай тут без меня за Чарли Хвостом, — попросила я.

Она поняла, что я говорю серьезно, и заплакала.

— Куда же ты пойдешь?

Я ответила, что собираюсь начать поиски с «Терновника».

— Но как ты туда доберешься? У тебя же нет денег.

— Пешком, — ответила я.

Услышав это, она утерла слезы и закусила губу.

— Подожди меня, — сказала и выбежала из дома.

А через двадцать минут вернулась, сжимая в кулачке фунт. Это были те самые деньги, которые когда-то давно она спрятала в стене прачечной — она еще говорила, что это ей на похороны... Заставила меня взять их. Я ее еще раз поцеловала.

— А ты вообще-то вернешься? — спросила она.

Я ответила, что не знаю.

Итак, я снова покинула Боро и отправилась в «Терновник». На этот раз тумана не было. Поезд шел без задержек. В Марлоу тот же самый проводник, который посмеялся надо мной, когда я спросила про кеб, на этот раз помог мне выйти из вагона. Он меня, конечно, не узнал. Да и при всем желании не смог бы — я стала такой тощей, что, наверное, он принял меня за инвалидку.

— Приехали из Лондона на свежий воздух? — спросил он участливо. И посмотрел на мой скромный багаж. — Вам не тяжело?

А потом, как в прошлый раз, поинтересовался:

— Вас никто не встречает?

Я сказала, что дойду сама. И прошла милю или две. Потом я остановилась отдохнуть у изгороди,

мимо проехала телега — в ней сидели мужчина с девушкой, они тоже, наверное, приняли меня за больную: остановили лошадь и предложили меня подвезти. Усадили на сиденье. Мужчина накинул мне на плечи свою куртку.

— Далеко ли путь держите? — спросил он.

Я сказала, что иду в «Терновник», но меня можно высадить и раньше, если им не по дороге...

— В «Терновник»! — воскликнул он. — А зачем вам туда? Там ведь нет никого, с тех пор как старик-то помер. Вы разве не знали?

Никого нет! Я покачала головой. Сказала, что слышала о болезни мистера Лилли. Что будто он не мог шевелить руками, разучился говорить и его кормили с ложечки. Мужчина кивнул: «Бедный джентльмен!» — и оба вздохнули. В таком плачевном состоянии мистер Лилли пребывал все лето — пока стояла эта жуткая жара.

— Говорят, под конец он весь провонял, — сообщили они по секрету. — А племянница его, — вздорная девица, что сбежала с одним джентльменом, — вы, наверно, слыхали?.. — Я промолчала. — Так она вернулась ухаживать за ним. Месяц назад он скончался, и с тех пор в доме никого не видать.

Так, значит, Мод вернулась и снова уехала! Ес-

ли бы знать... Я отвернулась. Когда я заговорила, голос мой дрожал. Надеюсь, они подумали, что это оттого, что в телеге трясет. Хорошо бы...

— А эта племянница, мисс Лилли? — спросила я. — Что случилось... Что с ней стало?

Они только плечами пожали. Неизвестно. Кто-то говорит, что вернулась к мужу. А другие говорят — во Францию подалась...

— А вы хотели, верно, навестить кого-то из слуг? — спросили меня, поглядывая на мое ситцевое платье. — Слуги тоже все разбежались. Только один остался, гоняет теперь воров. Не хотел бы я быть на его месте. Говорят, в доме бродит привидение.

Да, это был удар. Но я и ждала ударов и была готова вынести любой. Когда меня спросили, не отвезти ли меня обратно в Марлоу, я сказала: нет, спасибо, я все-таки пойду. Я подумала, что тот оставшийся слуга, должно быть, мистер Пей. «Я его найду. Он меня узнает. И конечно же, он видел Мод. И подскажет, куда она уехала».

Меня высадили у самого начала парковой ограды, и дальше я пошла пешком. Стук копыт затих в отдаленье. Дорога была пустынна, день стоял пасмурный. Было только два или три часа дня, но казалось, сгущаются сумерки и вот-вот

начнет смеркаться. Стена показалась мне сейчас длиннее, чем когда я ехала вдоль нее на двуколке Уильяма Инкера: я шла вдоль нее чуть ли не час, пока наконец не увидела арку, венчающую ворота, а за ней — крышу привратницкой. Я ускорила шаги — но вдруг сердце мое замерло. Привратницкая оказалась заперта, окна наглухо закрыты. На воротах — толстая цепь и замок, дорожку завалило сухими листьями. Подул ветер, задел чугунные прутья — и послышался звук, похожий на жалобный стон. А когда я подошла к воротам и толкнула их, они заскрипели.

— Мистер Пей! — позвала я. — Мистер Пей! Кто-нибудь!

Из кустов выпорхнула стайка птиц — они подняли страшный галдеж. Я думала, теперь уж точно кто-нибудь откликнется. Но нет: птицы все кричали, ветер все завывал, я еще раз позвала, но никто так и не вышел. Тогда я пригляделась к замку. Цепь была длинной. Но от кого она охраняет — от коров да от мальчишек?.. Я была теперь худей любого мальчишки. Я подумала: «Это ведь не противозаконно. Я же здесь работала раньше. И сейчас могла бы...» И снова толкнула ворота — надавила сильней, до отказа, образовалась щель — и я в нее пролезла.

Ворота с громким лязганьем сомкнулись за моей спиной. Снова вспорхнули птицы. И опять никто не вышел.

Я подождала с минуту, потом пошла к дому.

За стенами парка стало еще тише, чем раньше, — тише и загадочнее. Я шла по дороге. Деревья с оголившимися ветками шептались под ветром и о чем-то вздыхали. Землю устилал густой ковер из опавшей листвы, мокрые листья пристали к моему подолу. На дороге — лужицы грязной воды. Кусты разрослись, их, видно, давно не подрезали. Трава в парке тоже буйно разрослась, но высохла за лето, и теперь ее прибило дождем. Кончики былинок начали уже подгнивать, и странный шел от них запах. Наверное, там бегают мыши. А может, крысы. Я слышала, как они шмыгают в траве.

Я зашагала быстрее. Дорога пошла под уклон, потом снова в гору. Я вспомнила, как проезжала по ней вместе с Уильямом Инкером, в темноте. Я знала, что будет дальше, знала, где она повернет и что я увижу за поворотом... Знала и все равно вздрогнула — так внезапно возник перед глазами этот дом, словно вырос из-под земли, такой серый и мрачный. Я остановилась на краю гравиевой дорожки и почувствовала нечто похожее на ис-

пуг. Потому что в доме было тихо и темно. Окна закрыты ставнями. На крыше появилось еще больше черных птиц. Плющ побурел и свисал со стен безобразными космами. Парадная дверь — она и всегда была разбухшей — еще сильней покорежилась. Крыльцо завалено мокрыми листьями. Казалось, жилище это не для людей, а для призраков. Я вдруг вспомнила, что сказали мне мои попутчики — что в доме поселилось привидение...

От этой мысли я поежилась. Огляделась вокруг — посмотрела назад, на дорогу, по которой пришла, потом обвела взглядом лужайку — за ней начинался лес. Тропинки, по которым мы гуляли с Мод, заросли, исчезли. Я посмотрела на небо. Оно было серое, моросил мелкий дождик. Ветер все нашептывал что-то деревьям и вздыхал. Я снова поежилась. Дом, казалось, наблюдает за мной. Я подумала: «Только бы найти мистера Пея! Где же его искать?» — и пошла вдоль дома к конюшням, на задний двор. Ступала осторожно, потому что каждый мой шаг отдавался громким эхом. Но и за домом было так же безжизненно и тихо. Ни одна собака не залаяла. Двери конюшни открыты настежь, лошадей нет. Часы с белым циферблатом на месте, только вот стрелки — и это

меня поразило более всего, — стрелки застыли и показывали неправильное время. Пока я шла, часы ни разу не прозвонили: вот почему тишина показалась мне такой непривычной.

— Мистер Пей! — позвала я тихонько. Здесь почему-то не хотелось кричать. — Мистер Пей! Мистер Пей!

Потом я увидела, что над одной из труб вьется дымок. И это придало мне сил. Я подошла к двери кухни и постучала. Никакого ответа. Подергала за ручку. Заперто. Потом пошла к двери в сад — к той двери, через которую я бежала той ночью вместе с Мод. Она тоже оказалась заперта. Я вернулась к парадному входу. Дойдя до окна, приоткрыла ставень и заглянула внутрь. Ничего не разглядеть. Загородившись ладонями, прижалась к стеклу — и, кажется, окно чуть подалось... С минуту я раздумывала, но тут полил дождь, жесткий, точно град. Я надавила сильней. Задвижка вылетела, и окно открылось. Я подтянулась, влезла на подоконник, а потом спрыгнула вниз.

И затаилась. Наверное, я слишком шумно открывала окно. Может, мистер Пей услыхал и крадется теперь с ружьем, думает, вдруг это грабитель? Я и впрямь теперь чувствовала себя взломщиком. Вспомнила о своей матери — хо-

тя что я? Моя мать никогда не была воровкой. Она была благородной дамой. Хозяйкой этого огромного дома... Я замотала головой: трудно привыкнуть. И пошла, стараясь ступать тихо. В помещении было темно — это, должно быть, столовая. Прежде я сюда не заходила. Но всегда пыталась представить, как Мод сидит за столом прямо напротив дяди и ужинает. Перед ней на тарелке — кусок мяса, и она отрезает по кусочку... Я подошла к столу. Тут словно ждали к обеду: стояли подсвечники, лежали нож с вилкой, рядом — блюдо с яблоками, но все покрыто пылью и паутиной, а яблоки сгнили. Воздух спертый. На полу — осколки стекла: хрустальный бокал с золотой каемкой.

Дверь оказалась закрыта, и вряд ли ее в последние месяцы открывали. Но когда я взялась за ручку и надавила, она открылась совершенно бесшумно. В этом доме все двери бесшумные. На полу — пыльный ковер, он приглушал мои шаги.

Так что я шла почти беззвучно — можно сказать, скользила, как привидение. Странная мысль. Напротив была другая дверь: дверь в гостиную. И в ней я ни разу не была, так что теперь подошла и заглянула. В этой комнате тоже было

темно, по углам — паутина. Возле камина разбросана зола, и никто ее не подмел. Пара кресел, где когда-то, наверное, сидели мистер Лилли с Джентльменом, а Мод читала им книги. Еще там стоял жесткий диванчик, рядом с ним — лампа: ее лампа, подумала я. Представила, как она здесь сидела. Вспомнила ее тихий голос.

Увлекшись воспоминаниями, я чуть не забыла про мистера Пея. И про мать тоже чуть не забыла. В самом деле, что мне до нее? Я думала о Мод. Надо было спуститься в кухню, но вместо этого я медленно и осторожно пошла дальше по холлу, мимо разбухшей парадной двери. И вверх по лестнице. Я хотела посмотреть на ее комнаты. Постоять, где она стояла, — у окна, прижавшись к стеклу. Полежать на ее кровати. Вспомнить все, как я ее целовала и как потом потеряла...

Как я уже говорила, я шла неслышно, словно привидение, и плакала тоже как привидение: молча, дав волю слезам, — словно знала, что слез хватит на добрую сотню лет. Я дошла до галереи. Дверь в библиотеку была приоткрыта. Рядом с ней по-прежнему висела звериная голова со стеклянным глазом и острыми клыками. Я вспомнила, как потянулась потрогать ее, когда в первый раз пришла за Мод. Я тогда ждала у двери

и слышала, как она читает. И снова я вспомнила ее голос. И мне даже показалось, я почти его слышу. Словно шепот, словно дуновение в тиши огромного дома.

Я затаила дыхание. Поток речи прервался, потом полился снова. Нет, это не у меня в голове, это шло снаружи — из библиотеки... Я насторожилась. Может, и правда в доме привидение. А может, может... Я подкралась к двери, взялась за ручку дрожащими пальцами — и открыла. И застыла на пороге, не веря своим глазам. Комната стала другой. С окон соскребли краску, медный палец из паркета выломали. На полках почти не осталось книг. В камине потрескивал огонь. Я шире распахнула дверь. Письменный стол мистера Лилли был на месте. На нем стояла зажженная лампа.

И возле лампы сидела Мод.

Она сидела и писала, подперев щеку рукой. Глаз мне не видно. В свете лампы я ее очень хорошо разглядела. Нахмуренные брови. Руки без перчаток, рукава засучены, пальцы в чернилах. Я стояла и наблюдала, как она пишет. Листок перед ней был весь густо исписан. Она подняла перо и стала крутить его в пальцах, будто подыскивала слова. И опять тихонько что-то забормотала.

Закусила губу.

Потом собралась макнуть перо в чернильницу. И только теперь заметила, что я на нее смотрю.

Она не испугалась. Не закричала. Не произнесла ни слова — поначалу. Только сидела, устремив на меня удивленный взгляд. Потом я шагнула к ней, и она сразу же вскочила, выронила перо, оно прокатилось по листкам и свалилось на пол. Лицо ее стало белым как мел. Она вцепилась в спинку стула, словно вот-вот упадет в обморок. Когда же я сделала еще шаг...

— Ты пришла, — проговорила она, — чтобы убить меня?

Она произнесла это жутким шепотом, и, услышав эти слова, я поняла, что побледнела она не столько от изумления, сколько от ужаса. И как только эта страшная мысль осенила меня, я отвернулась и закрыла лицо руками. Оно и так было мокрым от слез, теперь же я просто захлебывалась ими.

— О, Мод!

Никогда прежде я не называла ее по имени, я всегда обращалась к ней «мисс», и даже теперь, после всего, что случилось, мне показалось это таким странным. .. Всего минуту назад я думала о том, как я люблю ее. Я думала, что она пропа-

ла. Я готовилась искать годами. Но увидеть ее вдруг, такую живую, такую настоящую, когда я так мучительно долго о ней думала, — это было слишком.

— Я — нет... — только и сказала. — Не могу...

Она не пошла мне навстречу. Так и стояла, держась за кресло.

И тогда я вытерла слезы рукавом и заговорила спокойней.

— Есть письмо. Я нашла письмо в платье миссис Саксби...

Говоря это, я провела рукой по своему платью — документ был при мне, я его нащупала, но она ничего не сказала на это, и я подумала — и поняла по выражению ее лица, — что она знает, о каком письме идет речь и что в нем написано. И от этого на какой-то миг, не желая того, я вдруг снова ее возненавидела — всего на краткий миг, а когда он прошел, я почувствовала, что сил у меня не осталось.

Я подошла к окну и присела на подоконник.

— Я заплатила одному человеку, и мне его прочли. А потом я заболела.

— Прости, — прошептала она. — Сью, прости меня.

А сама все равно не подошла ко мне. Я отерла

пот со лба.

— Меня подвезли на телеге. Сказали, твой дядя умер. И никто тут не живет, кроме мистера Пея...

— Мистера Пея? — Она нахмурилась. — Мистер Пей ушел.

— Они сказали, один слуга остался.

— Это они про Уильяма Инкера. Он действительно прислуживает мне. А его жена мне готовит. И больше никого.

— Только они и ты? В таком большом доме.— Я огляделась вокруг и поежилась. — И не страшно тебе?

Она пожала плечами, посмотрела на свои руки.

— Чего мне теперь бояться?

И то, как мрачно она это произнесла, поведало мне о многом. Так что я даже не сразу нашлась что ответить. И постаралась говорить спокойнее.

— Когда ты узнала? — спросила я. — Когда узнала все — про нас? С самого начала?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, не тогда. Только когда Ричард привез меня в Лондон. Тогда она... — Покраснела, но вскинула голову. — Тогда мне рассказали.

— А не раньше? — спросила я.

— Не раньше.

— Выходит, тебя тоже обманули.

Раньше мне приятно было так думать. Теперь же это стало частью той долгой, нескончаемой муки, в которой я пребывала последние девять месяцев. Какое-то время мы обе молчали. Я отвернулась и прижалась к стеклу щекой. Стекло было холодное. Дождь все лил и лил. Тяжелые струи долбили по гравию под окном, камушки подпрыгивали в лунках. Лужайка была вся какая-то побитая. Меж черных ветвей я разглядела вдали зеленые кроны тисов и островерхую крышу краснокирпичной часовни.

— Там лежит моя мать, — сказала я. — А я стояла над ее могилой и ни о чем не знала. Я думала, моя мать преступница, убийца.

— А я думала, моя мать сошла с ума, — печально произнесла она. — А оказалось...

Она не договорила. И я тоже не смогла произнести это вслух. Пока что. Но, обернувшись, я снова посмотрела на нее и, проглотив горький ком, сказала:

— Ты навещала ее в тюрьме.

Это я вспомнила слова надзирательницы. Она кивнула.

— Она говорила о тебе, — сказала она.

— Обо мне? И что же?

— Надеется, что ты никогда ничего не узнаешь. Что она лучше бы десять раз дала себя повесить, только бы ты не узнала. Еще говорила, что они с твоей матерью плохо придумали. Хотели сделать из тебя простую девчонку, а это все равно что спрятать бриллиант в грязи. Грязь засохнет и отвалится...

Я закрыла глаза. Когда я их наконец открыла, она уже была совсем близко.

— Сью, этот дом — твой.

— Мне он не нужен.

— И деньги твои. Половина материнского состояния. Если желаешь — все. Мне ничего не надо. Ты будешь богатой.

— Я не хочу быть богатой. И никогда не хотела. Мне нужна только...

Я не договорила. Сердце мое дрогнуло. Глаза ее так близко, совсем рядом... Я вспомнила, как в последний раз видела ее — не на суде, нет, а в ту ночь, когда умер Джентльмен. Глаза ее сверкали тогда. Теперь в них не было блеска. И волосы, завитые тогда, теперь гладко расчесаны и забраны сзади ленточкой. Руки без перчаток и, как я уже говорила, перепачканы чернилами. На лбу тоже чернильное пятно видно, пальцем провела. Платье на ней темное и длинное, но не до полу.

Шелковое, с застежками спереди. Верхний крючок расстегнут. Я увидела, как пульсирует жилка на ее шее. И отвернулась.

Потом посмотрела ей прямо в глаза.

— Мне нужна только ты.

Она вспыхнула. Протянула руки, шагнула ко мне... Но нет, отвернулась и пошла к своему столу. Потрогала листок бумаги, подняла с полу перо.

— Ты меня совсем не знаешь. И никогда не знала. Есть вещи...

Она глубоко вздохнула и не стала продолжать.

— Какие вещи?

Она не ответила. Я слезла с подоконника и пошла к ней.

— Какие вещи?

— Мой дядя... — Она поглядела на меня испуганно. — Дядины книги... Ты думала, я хорошая. Правда? А я не была хорошей. Я была...

Казалось, она борется с собой. Обошла стол и сняла с полки книгу. Сняла, постояла, прижав к груди, потом вместе с книгой вернулась ко мне. Открыла ее дрожащими руками.

— Вот. — Она перевернула страницу. — Или нет, вот здесь.

И взгляд ее застыл. А потом, тем же ровным, невыразительным голосом, который я слышала

только что, начала читать.

— «Как восхитительно, — читала она, — сияла во тьме ее прекрасная шея и обнаженные молочно-белые плечи, словно точенные из слоновой кости, в миг, когда я бросил ее на диван. Как удивленно, в диком смятении, вздымались и колыхались подо мной ее снежные всхолмья...»

— Что? — переспросила я.

Она не ответила, даже не взглянула на меня, только снова перевернула страницу и стала читать дальше:

— «Я едва ли сознавал, что делаю: все пришло вдруг в движение — губы, языки, руки, ноги, бедра, плечи, все части тела сливались в едином сладостном порыве».

Теперь настала моя очередь краснеть.

— Что? — произнесла я шепотом.

Она еще пролистала несколько страниц и снова стала зачитывать:

— «Моя дерзкая рука вскоре нашла ее тайное сокровище, несмотря на робкие протесты, которые благодаря жарким поцелуям удалось утихомирить до еле слышного нежного, в то время как пальцы мои нащупывали ход в сокрытое лоно любви...»

Она остановилась. Слышно было, как гулко сту-

чит ее сердце. Мое тоже затрепетало. Я спросила, все еще не до конца понимая:

— Это книги твоего дяди?

Она кивнула.

— И они что, все такие?

Она снова кивнула.

— Все-все? Ты точно знаешь?

— Абсолютно.

Я взяла у нее из рук книгу и посмотрела на буковки. По мне, книга как книга, ничего особенного. И я положила ее на стол, потом пошла к полкам и взяла другую. На вид такая же. Тогда я вытащила еще одну, в ней оказались картинки. Да, такое мало кому доводилось видеть. На одной были изображены две нагие девушки. Я посмотрела на Мод, и сердце мое болезненно сжалось.

— Ты все знала, — сказала я. Это первое, о чем я тогда подумала. — Ты говорила, что ничего такого не знала, а сама...

— Я и не знала, — ответила она.

— Да знала ты все! Заставила меня целовать себя. Сделала так, что мне хотелось этого снова и снова! А сама все это время приходила сюда и...

Голос у меня сорвался. Я вспомнила те времена, когда стояла у двери библиотеки и слушала издалека ее голос. Я представила, как она читает

джентльменам — и Джентльмену — вслух, а я в это время сижу и уплетаю пироги с миссис Стайлз и мистером Пеем. Я прижала руку к сердцу. Оно сжалось в комочек, и было обидно до слез.

— О, Мод! Если бы я знала! Подумать только, что ты... — Я заплакала. — Что ты и твой дядя... Ой! — Я поспешно прижала ладонь к губам. — Мой дядя! — Эта мысль была нелепей всего. — Ох...

И выпустила книгу из рук, как словно она меня обожгла.

Больше я ничего не могла сказать. Мод стояла не шевелясь, опираясь о край стола. Я вытерла слезы и пристальней посмотрела на ее пальцы в чернильных пятнах.

— Как же ты выдержала?

Она не ответила.

— А он-то каков, — сказала я, — вот сволочь! Неудивительно, что провонял под конец, и мало ему! Да, но ты опять здесь, с этими книгами!..

Я посмотрела на ряды книг — как же захотелось мне порушить все эти полки! Шагнула ей навстречу, чтобы обнять ее, но она сделала отстраняющий жест. Гордо вскинула голову.

— Нечего меня жалеть, из-за него. Он уже мертв. Но я — по-прежнему такая, какой он меня сделал. И навсегда такой останусь. Часть книг пропала

— испорчены или проданы. Но я-то здесь. И посмотри сюда. Ты должна знать все. Видишь, как я зарабатываю на жизнь?

Она взяла со стола листок бумаги — это на нем она писала, когда я вошла. Чернила еще не высохли.

— Я как-то раз спросила одного дядиного знакомого, нельзя ли мне написать для него что-нибудь. А он послал меня в дом призрения для благородных дам. — Она невесело улыбнулась. — Говорят, дамы не должны писать подобные вещи. Но я же не дама...

Я все еще не понимала. Посмотрела на листок бумаги в ее руке. И сердце мое на миг оборвалось.

— Ты пишешь такое!

Она молча кивнула. Лицо ее было серьезным. Не знаю, какое лицо сделалось у меня. Думаю, я вся пылала.

— Такие же книжки! — не унималась я. — Просто не верится! Конечно, когда я искала тебя, всякое себе представляла... А ты сидишь тут, одна во всем доме...

— Я не одна. Я же тебе сказала: мне прислуживают, приходят Уильям Инкер и его жена.

— Сидишь одна и сочиняешь подобные книж-

ки!

— А почему бы нет? — ответила она с вызовом.

Я растерялась.

— Но так же не годится, — сказала я наконец. — Такая девушка, как ты...

— Как я? Таких, как я, больше нет.

Я помолчала. Посмотрела на листок в ее руке. И спокойно спросила:

— Это приносит деньги?

Она зарделась.

— Немного, — ответила она. — Но достаточно, если писать быстро.

— И тебе... тебе это нравится?

Она еще гуще покраснела.

— Мне кажется, у меня получается... — И закусила губу. — Ты меня ненавидишь за это? — спросила она, пытаясь заглянуть мне в глаза.

— Ненавидеть тебя?! — воскликнула я. — Да будь у меня сто причин тебя ненавидеть, я все равно...

«Люблю тебя», — хотела я сказать. Но не сказала. Зачем? Если она такая гордая, то и я могу быть гордой... А впрочем, не нужно было ничего говорить, потому что она все явственно прочла на моем лице. И глаза ее просияли. Она прикрыла их ладонью. Над бровью появилось новое чер-

нильное пятно. Я не выдержала, отвела ее руку и стала, послюнив палец, стирать чернила с ее лба. Я терла и терла, думая лишь о том, чтобы отмыть ее белую кожу, она же, стоило мне коснуться ее, застыла и больше не шевельнулась. Движение моей руки стало замедленным, как во сне. Палец скользнул по виску и ниже, по щеке. Потом все лицо ее оказалось под моей ладонью. Она закрыла глаза. Щека ее была гладкой — не как жемчуг, теплее жемчуга. Она чуть повернула голову и прижалась губами к моей ладони. Губы были мягкие. Над бровью еще оставался темный след, но, в конце концов, подумала я, это всего лишь чернила.

Когда я поцеловала ее, она содрогнулась, а мне показалось, я теряю сознание... Мы оторвались наконец друг от друга. Она поднесла руку к сердцу. Бумажный листок выпорхнул из ее пальцев и плавно опустился на пол. Я подошла, наклонилась, подняла его и расправила.

— Что тут написано? — спросила я, разглаживая листок на столе.

— Здесь написано о том, как я хочу тебя... Вот, например.

Она взяла в руки лампу. В комнате стало темнее, было слышно, как хлещет дождь по стеклу.

Но она подвела меня к камину, усадила, сама села рядом. Шелковые юбки ее взметнулись и опали. Она поставила лампу на пол, расправила на коленях листок. И стала показывать мне слова, которые на нем написала, — одно за другим.